3 БЕСТСЕЛЛЕРА

О сильной девушке

ТАТЬЯНА БРОДСКИХ
ЕКАТЕРИНА БОБРОВА
ЕКАТЕРИНА ДРУЖИНИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборник вошли книги: «Вторая жизнь» Татьяны Бродских, «Ночная фиалка» Екатерины Бобровой, «Кастинг в шизофрению» Екатерины Дружининой Серия «3 бестселлера» – это уникальные сборники популярных книг современных авторов. Серия представлена жанрами любовного фэнтези, современного и исторического любовных романов, любовной фантастики. Мы собрали самые увлекательные истории о попаданках, романтических путешествиях в космосе, любовных треугольниках и еще многие другие сюжеты, способные заинтриговать и взбудоражить воображение любого, даже самого прихотливого читателя.

- 3 бестселлера о сильной девушке
  - Екатерина Боброва
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Эпилог
  - Татьяна Бродских
    - Пролог
    - Глава 1

- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Эпилог

○ Екатерина Дружинина

- Пролог
- Часть 1
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
- Часть 2
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
- Часть 3
  - Глава 19
  - Глава 20

P.S

3 бестселлера о сильной девушке

Екатерина Боброва
Ночная Фиалка

Глава 1

Боль от стояния на каменных плитах пола кинжалами вонзалась в колени, но поменять позу или облегчить своё состояние Дара не решалась. Рук она почти не ощущала. Верёвка грубыми узлами впилась в кожу запястий, посечённая спина нестерпимо ныло, голова кружилась, а губы запеклись от крови, но все это неважно. Важно было только одно – присутствие в гостиной замка Монресак высокой светловолосой красавицы. От неё сейчас зависела судьба девушки. Вот уже пару часов, как она личная рабыня пресветлой графини Тао-Ресак.

Пряди неровно обрезанных черных волос падали Даре на лицо, сквозь них она с трудом различала сидящую за столом графиню. В руках та держала хрустальный на тонкой ножке бокал с вином. На тёмно-красном платье ярко выделялись волны светлых распущенных волос, алые губы кривились в капризной усмешке, а глаза застыли двумя кусочками льда.

– Милый, – протянула красавица, делая маленький глоток из бокала, – я уже устала ждать.

– Придётся, сестрёнка, – раздражённо дёрнул плечами молодой человек, сидящий на другом конце стола. Одет он был в щегольский замшевый камзол зелёного оттенка, на шее ярко-жёлтым пятном выделялся шейный платок. Маленькие усики придавали ему немного хищное выражение лица, – Наши люди в Туумене с ног сбились, выполняя заказ. Кстати, дорогая, зачем тебе это пугало? – он кивнул в сторону Дары.

– Фу, какой ты недогадливый, – графиня надула свои очаровательные губки, – смотри, – она качнула бокалом в сторону девушки, – какая упорная тварь. Ей сегодня здорово досталось. Если бы я не подлечила её, да-да, не делай такое лицо, мой дар, на кого хочу, на того и трачу, она бы давно уже без сознания валялась, и шансов выжить у неё было бы немного. И всё равно крошке порядком перепало, но, как видишь, стоит, пощады не просит, даже голову заставить её опустить не могу. Гордая…, пока, – в голосе послышалась насмешка пополам с одобрением, – Представь, какое будет удовольствие сломить такую упрямицу, заставить ползать у своих ног, – глаза графини полыхнули лихорадочным блеском. Дара невольно вздрогнула, столько обещания было в голосе хозяйки.

Ну, почему она попалась ей на глаза в весёлом доме? Лучше бы Пёс просто прибил взбунтовавшуюся новенькую. Смерть, она же ласковая матушка для подобных горемык. Раскрыла свои нежные объятия, приняла бы её измученную душу, отгоняя боль и

страдания всевластной рукой.

Нет, углядела, вмешалась. Какой такой изгиб дороги послал блистательную лэссу в заведение к тасу Фойлу?

В маске, инкогнито, графиня лишь мельком взглянула на Пса, волочащего за волосы по полу, задушено хрипящую девчонку. Увидела упрямо сжатые губы, полные решимости черные глаза, перекошенное от боли лицо мужчины и бархатным голосом поинтересовалась у хозяина: «Кто эта крошка?»

– Ах, простите, пресветлая лэсса, – Фойл склонился почти до пола, ухитряясь при этом не сводить с высокой гостьи преданного взгляда, – она не стоит вашего внимания. Новенькая, но, увы, испорченный материал.

– Раз он испорчен, значит, обойдётся мне дёшево, – пожала плечами графиня.

– Хозяин, – взвыл Пёс, понимая, что девчонка ускользает от расправы, – эта тварь мне чуть пол руки не откусила.

Они сошлись на пяти золотых и двадцати ударах плёткой. Сиятельная лэсса пожелала лично присутствовать при наказании.

Двадцать ударов, и каждый длился вечность, взрывая плоть, разрывая нежную кожу. Пёс бил в полную силу, мстя за унижение, за вред, нанесённый уважаемому клиенту, за попытку сопротивляться наказанию, не понимая, что жертва сама выбрала этот путь, желая пройти его до конца и как можно быстрее.

Дара уже приготовилась к смерти, но, видно, чаша жизни не была ею испита до дна. Исцеляющий холод коснулся рассечённой спины, останавливая кровь, затягивая раны тоненькой кожей. Нет, полного исцеления ей не подарили, оставив боль и воспоминания о порке, но жуткие раны перестали угрожать жизни девушки.

Ярко бордовое с безвкусной золотой вышивкой и широкими разрезами платье почти не держалось на Даре, и чтобы прикрыть голую спину, ей выдали чёрный плащ.

Пару недель назад она вошла в этот дом, полная надежды обрести новую семью, с детским любопытством вглядываясь в лица обитателей, улыбаясь им чистой улыбкой незамутнённой души, а уходила в мужском плаще на израненных плечах, с окровавленной душой, в которой не осталось больше места для наивности и веры в людей. Детство осталось за порогом этого дома, обиталища изломанных судеб, развратных и похотливых страстей, дома, который по какому-то недоразумению прозвали «весёлым».

– Если тебе так хочется – развлекайся, – пожал плечами молодой человек, – только не жалуйся, когда эта тварь проткнёт тебе сердце кинжалом.

– О, не переживай, – графиня возбуждённо облизала губы, – я

умею справляться с такими бунтарками. И поверь, мои крошки не чета твоим послушным куколкам в постели, которые и стонут лишь по команде, – граф поморщился на грубую реплику сестры, но промолчал. Пресветлая Тао-Ресак встала из-за стола, и грациозно покачивая бёдрами, направилась к девушке.

В этот момент Даре истово хотелось исчезнуть, испариться, на крайний случай, стать кем-нибудь маленьким, незаметным, хотя бы пауком или мышью, только бы не ощущать на своей коже прикосновения прохладных пальцев графини.

Щеки ещё горели от ударов, которыми хозяйка щедро наградила новую рабыню за попытку побега. Руки девушке связали сразу же после того, как она выпрыгнула из кареты на полном ходу и лишь по счастливой случайности отделалась лёгким ушибом. В тот момент, стоя на коленях, с трудом сдерживая слезы от боли, Дара с ужасом понимала, что хозяйка не просто злится за неповиновение, не просто наказывает, а получает от причинения боли удовольствие. «Бежать отсюда, бежать!» – стучало в голове.

– Правда, милая? – подошедшая к ней графиня обвела большим пальцем контур губ девушки, потом цепко ухватила за подбородок и, наклонившись, шепнула на ухо: «Ты будешь меня обожать, обязательно будешь».

Живот скрутило от резкого приступа тошноты. Дара попыталась отшатнуться, но затёкшее от долгого стояния тело отказывалось повиноваться. Стало жутко и противно, и больше всего её пугала убеждённость в словах графини.

Внезапно со двора донёсся непонятный шум. Мужчина вскочил из-за стола, бросился к окну и грязно выругался.

– Скорее уходим. Похожи, твари ночи все-таки добрались и до нас. Давно говорил, что нужно избавиться от маменькиного наследства. Нет, ты вцепилась в ожерелье, словно не понимаешь, что на отрубленную голову его не оденешь.

Графиня побледнела, на секунду замерла, а потом метнулась в личные покои.

– Погоди, – крикнула она, – я им его не оставлю.

Брат уже стоял около камина, поворачивая цветочное украшение на решётке. Заскрипела, отходя в сторону, часть стены, открывая чёрный зев подземного хода.

– Быстрее, – поторопил сестру граф, нервно оглядываясь на дверь, ведущую в холл. Потом не выдержал, рванул к двери и, захватив один из стульев, подпёр им ручку.

Через пару мгновений из арки, ведущей в личные покои, показалась графиня, в руках она сжимала чёрную резную шкатулку. Граф ловко зажёг факел и вместе с сестрой, не мешкая,

нырнул в потайной проход. Стена вслед за ними заняла своё место, скрывая беглецов.

Дара осталась одна, лишь два полупустых бокала на столе безмолвно свидетельствовали о том, что недавно здесь кто-то был.

Девушка попыталась встать, но ноги не слушались, и она неуклюже завалилась набок. Сил совсем не осталось, и Дара решила остаться на полу, но тут на лестнице, ведущей в столовую, раздался шум схватки, чьи-то крики, а затем дверь содрогнулась от мощного удара.

«Надо где-то спрятаться», – мелькнула разумная мысль. Страх придал девушке сил, она завозилась, силясь подняться, но успела лишь встать на колени, как дверь с громким треском распахнулась, подпирающий её стул отлетел в сторону, врезался в стену, и в столовую ворвались трое.

Дара, не делая никаких попыток пошевелиться, бесполезно пытаться обмануть смерть, заворожённо смотрела, как две тени бесшумно скользят по комнате, обнажив клинки, и скрываются в личных покоях графини.

Третью тень девушка потеряла из виду, а зря. Её рывком оторвали от пола, встряхнули, как нашкодившего котёнка, и мужской голос, растягивая гласные, произнёс: «Признавайся, гадёныш, куда делась твоя хозяйка?»

В ответ Дара лишь просипела нечто неразборчивое. Завязки плаща с силой впились в повреждённое горло.

– Молчишь? – неправильно понял её незнакомец. Голубые глаза вспыхнули от гнева, – Таблах ас тахать, – выругался он, отшвыривая девушку в сторону, словно испорченную вещь. Стена больно ударила в спину. Ещё не успевшие до конца зажить после исцеления раны от удара раскрылись, что-то тёплое потекло по пояснице. «Кровь», – мелькнула мысль и пропала под натиском боли.

Дара прикусила губу, чтобы не застонать. Не стоит привлекать к себе внимание детей ночи. Может ей повезёт, и они уйдут, не став добивать полудохлого слугу? Надежды мало. Убийцы не оставляют после себе живых, со страшной жестокостью расправляясь со всем, кто встаёт у них на пути. Давно уже они терзают империю, вот уже почти век ими пугают ребятишек, но особенно страшны эти рассказы для богачей. Дети ночи охотятся за сокровищами. Сказывают, что не за всеми, а только за проклятыми, а как соберут их полностью, так и спадёт с них самих страшное проклятие.

Маски, одетые на лица теней, не позволяли Даре понять, действительно ли убийцы имеют звериные рожи или того хуже

облик страшных чудовищ, но проверять, что правда, а что нет, она бы не стала даже под угрозой казни.

Вы бы решились из любопытства заглянуть в лицо смерти? Только если не желаете перед её визитом заранее подобрать новый платок старушке в подарок.

Даре не было видно, как в комнату вошли ещё четверо теней, а из личных покоев с пустыми руками вернулись двое. Но она прекрасно понимала, что добыча ускользнула от убийц, и те сейчас пребывают не в лучшем настроении. Как жаль, что их разговор ей непонятен!

– Ты уверен, что он бесполезен? – старший кивнул в сторону лежащей на полу фигуры.

– Уверен, – с презрением в голосе ответил тот, кто задавал Даре вопрос, – тварь мучает их, убивает, а они все равно её защищают. Ведьма, – он сделал рукой знак, отгоняющих злых духов.

– Я попробую его разговорить. Он последний, кто её видел и скорее всего, знает, куда она делась.

Старший подошёл к лежащему на полу пареньку. «Совсем еще мальчишка!» – подумал, глядя на избитое лицо. Нечто похоже на жалость шевельнулось в его сердце. Коротким взмахом перерезал верёвки на руках, мельком отметил посиневшие запястья – давно связан, подхватил под руки, помог встать. Паренёк с настороженностью следил за каждым его движением. От взгляда черных глаз, обрамлённых густыми ресницами, старшему вдруг стало не по себе.

– Кто тебя так? – спросил он, с трудом выговаривая чужие слова, – Она? – глупый вопрос. Чудовище в этих краях только одно – обворожительно-прекрасное белокурое создание.

Паренёк в ответ просто кивнул. Стоять ему было тяжело, и старший почти держал его на весу.

Внезапно худенькое тело дёрнулось и шагнуло вперёд, заваливаясь носом вниз. Старший выругался, подхватил паренька за плечи, стараясь держать как можно аккуратнее, итак по лицу понятно, что бедняга сильно избит. Но на одном падении тот не остановился и продолжил двигаться дальше на прямых ногах, пытаясь на каждом шаге пробить головою пол.

Таким странным способом они добрались до камина. Что могло там понадобиться убогому, старший не представлял, но упорство всегда уважал. Если человек так к чему-то стремится, почему бы не помочь?

Пацан, дойдя до цели, покачался, собираясь с силами, и затем почти повис на каминной решётке. Тени переглянулись – представление явно затягивалось, но тут в сторону поползла

часть стены, открывая проход.

Убийцам не нужно было повторять приглашение, один за другим они скрылись в темноте. Лишь последний задержался, пробурчал что-то на непонятном языке и, взвалив пацана на плечо, поспешил за остальными.

Висеть вниз головой было весьма неудобно. Ещё неудобнее в таком положении думать. «Почему он не убил меня? Не стал тратить время? Так его много и не требуется. Вжик и всё. Мне одного удара хватит».

Покачиваясь на мужском плече в такт плавным движениям убийцы, Дара словно плыла по подземному коридору, даже звук шагов едва прорывался сквозь гулкую тишину подземелья. Двигались они в полной темноте. Тени не стали зажигать свет, прекрасно обходясь без него.

Но вот вслед за ними поползла серая тень, из мрака выступили призраки стен, покрытые капельками влаги и наростами мха. Впереди раздался чей-то тонкий вскрик, тут же поглощённый тишиной. Сердце девушки испуганно сжалось, однако её носильщик не замедлил шаг, все так же уверенно идя по проходу.

Стало светлее, а затем они оказались в естественной пещере, куда уже смог пробраться лунный свет. В его серебряных лучах высветилось пышное облако светлых волос, разметавшихся по серым камням, чёрный зев распахнутой шкатулки, изрыгнувшей из себя ворох драгоценностей. Браслеты, ожерелья, серьги и кольца сплелись в один разноцветный комок, а рядом в темной луже блестели веером рассыпанные золотые монеты.

Ботинок убийцы опустился на сокровища, с равнодушием сминая украшения. Дара попыталась закрыть глаза, но не смогла. Так и застыло навсегда в её памяти серое нутро пещеры и окровавленная цена жизни пресветлой графини Тао-Ресак.

Снаружи было тепло и безветренно, но девушка этого даже не заметила. Зубы отбивали нервный ритм в такт шагов похитителя или спасителя? На этот вопрос у неё ответа пока не было.

Шли недолго. Деревья лунными тенями застилали обзор, лес из темных уголков грозил неведомой напастью, но какой толк бояться лесных чудовищ, когда самое опасное из них несло Дару на плече.

Впереди послышалось негромкое приветственное ржание. Усталость и боль не помешали сердцу девушки затрепетать в восхищении. Неужели она сейчас увидит знаменитых пегасов – летающих коней, на которых передвигались ночные убийцы?

Этих чудесных созданий мечтали заполучить все знатные семьи от Хрустального моря до Синих гор. Но ни одну, даже

имперскую конюшню не переступало копыто крылатого красавца. Тени тщательно оберегали пегасов от грязных рук дельцов и предпочитали умереть вместе с конём, чем оставлять его недругам.

Дару аккуратно спустили на землю, придержали, не давая свалиться, руку поставили на стремя. Девушка судорожно вцепилась в него, ощущая, как рядом кто-то шумно вздохнул, и с трудом удержала визг, когда по ногам скользнуло нечто пушистое. «Крыло!» – вовремя догадалась, рука сама потянулась потрогать, погладить, но в тот же момент земля резко ушла из-под ног, Дару за шкирку вздёрнули вверх, и она очутилась верхом на пегасе позади мужчины.

Дальше руки сами вцепились в кожаную куртку, и все равно ей потребовались все жалкие крохи оставшихся сил, чтобы не свалиться с коня, когда тот в пару взмахов рванул ввысь.

Полет продолжался несколько часов, и когда небо начало сереть на востоке, пегас пошёл на посадку.

Приземлились они на поляне, со всех сторон окружённой темным лесом. Дару сняли с коня, поставили на траву. Девушка смогла пройти пару шагов, а затем без сил рухнула на землю. Пусть убивают, пусть мучают, она не в состоянии больше сделать ни одного движения. Закоченевшее тело отказывалось повиноваться. Но тени, казалось, потеряли к ней всякий интерес.

На поляне уютно разгорелся костер. Вкусно запахло чем-то варёным.

Подойти погреться к огню Дара не решалась, так и сидела, обхватив колени руками, настороженно вглядываясь в мелькающие в отблесках пламени силуэты.

Видимо она все-таки заснула, иначе выходило, что сидевший перед ней на корточках мужчина появился прямо из воздуха. Убийца не стал открывать лица, и Дара видела только серые глаза, внимательно разглядывающие девушку.

– Держи, – ей протянули миску, от которой валил пар, а запах… Дара сглотнула моментально образовавшуюся слюну. И сама удивилась тому, как она проголодалась. Кажется, после случившегося неделю в рот ничего не возьмёт, нет же… Рука судорожно вцепилась в ложку, стремясь впихнуть в рот как можно больше еды.

Мужчина кивнул с довольным видом, встал и направился к костру. Вернулся он с жестяной кружкой. Поставил рядом с девушкой, опускаясь опять на корточки.

– Мы скоро уйдём, – видно было, что чужой язык давался ему с трудом, – ты, – ткнул пальцем в Дару, чтобы у девушки не оставалось сомнений, кого он имеет в виду, – останешься здесь.

Как станет светло, пойдёшь вон туда, – и снова указующий жест, теперь в сторону высокого дерева, замершего на краю поляны, – идёшь до дороги, по ней сворачиваешь налево, – убийца на секунду задумался, затем махнул в сторону, – налево – это туда. Повтори! – потребовал он, видимо, серьёзно сомневаясь в умственных способностях своего подопечного. Дара послушно показала рукой.

– Хорошо, – удовлетворённый кивок, – к вечеру выйдешь к деревне. Найдешь таверну. Там спросишь Большого Тынга. Скажешь, что от Корявого Пня. Он тебя примет. Ему давно помощник требуется. Запомнил? Тогда доедай быстрее, нам нужно торопиться.

Девушка принялась за еду. Как резко повернулась её судьба! Ещё несколько часов назад она шла по краю пропасти, а теперь вывернула на прямую ровную дорогу.

Дети ночи, оказывается, не только убивать умели. Вывезли из замка, где никто не стал бы спасать неизвестного бедолагу; трупы они равнодушны к чужим страданиям; накормили, напоили и отправили к своему человеку – поразительная щедрость.

Хозяин таверны явно не просто знаком с тенями, но и работает на них. Учитывая «популярность» убийц в империи, занятие довольно рискованное. Дара надеялась, что Большому Тынгу сгодится не только помощник, но и помощница.

Девушка прикрыла глаза. После сытой и горячей еды еще больше клонило в сон. Мысли путались, и в мечтах она уже видела, как скопив денег на дорогу, вернётся в приют, где займётся обучением младших девочек, а в этот мир больше ни ногой. Хватит с неё приключений и «добрых» дядечек.

Кристан похлопал Дарга по шее, проверил подпругу. Конь всхрапнул и потянулся к карману за лакомством.

– Будет тебе, сластёна, – мужчина погрозил пегасу, – на перевале получишь, а пока не заработал.

Конь обиженно отвернулся, по пути боднув головой хозяина в плечо.

– Но-но, не шали, – Кристан щёлкнул Дарга по носу.

– Командир, все готовы, – доложил Лэс, выныривая из утреннего тумана.

– Да, пора трогаться, – Кристан оглядел недовольным взглядом стремительно светлеющее небо. Задержались они сегодня… Будут теперь маячить у всех на виду, словно стая жирных ворон. Хорошо хоть до гор рукой подать, есть надежда, что никакому дураку в ранний час не придёт в голову любоваться облаками. Получить снизу подарочек, ой, как не хочется.

– А как же ритуал? – вскинулся Лэс.

Старший мысленно застонал. Нет, всем хорош помощник – умён, находчив, ответственен, да только дотошен до каждой буквы Свода Подчинения. Какой к тухмену ритуал, когда в округе только они, да убогий из замка?

– Но ведь положено на каждой остановке, – жалобно проговорил Лэс, глядя в мрачнеющее лицо старшего.

Н-да, придётся провести, иначе не отвяжется.

Кристан достал из-за пазухи висящий на шее тканевый мешочек, привычным жестом, как и сотню раз до этого, вытряхнул на ладонь священную землю из пещеры прародительницы, скороговоркой выпалил фразу пробуждения. Не глядя, серая – она же всегда серая, хотел было ссыпать землю обратно, но замер, не в силах пошевелиться.

Первой на ладони возникла белая искорка, мелькнула и пропала, но тут же появилась вновь и не одна. Золотые, зелёные, алые и голубые искры разгорались все ярче, превращая серые комочки высохшей земли в пригоршню мелких разноцветных светлячков.

Кристан с трудом отвёл взгляд от невиданного зрелища, мельком отметив застывшего в удивлении Лэса, да и остальные бойцы представляли собой скульптурную группу под названием: «Не может быть!?» Эх, какой подарок имперским законникам они бы сделали, окажись те поблизости. Их же голыми руками брать можно было.

И лишь когда свет померк, командиру удалось сомкнуть ладонь в кулак, а затем ссыпать пробудившуюся землю обратно в мешок, подчинённые зашевелились.

– Командир, где она? – недоуменно озираясь, пробормотал Лэс. Остальные, впрочем, вели себя не лучше, вертя головами в разные стороны, пытались найти ту, на кого среагировала земля.

– В лесу искать будем? – деловито осведомился один из них.

– Зачем в лесу? – прищурился Кристан, – Сначала поближе кое-кого проверим, – и он направился к прикорнувшему в стороне пареньку.

Глава 2

Убогий спал сидя, положив голову на колени. Криво обрезанные пряди черных волос падали на лицо, закрывая глаза. Старший наклонился, убрал волосы в сторону. Парень даже не пошевелился, так вымотался бедняга или бедняжка? Тонкие черты лица терялись на фоне синяков и ссадин, губы распухли, глаза… Кристан вспомнил взгляд паренька и решительно тронул за плечо.

Даре снился родной приют, большой сад, в котором так весело играть в прятки. Она бежала по траве, торопясь скорее оказаться за широким стволом старой липы. Стоящая около сарая Юлка уже заканчивала считалку. Дара видела, как сбоку мелькнула жёлтая кофточка Лиз, скрываясь за кустом акации. Хорошее место, но сама она выбрала дальнее дерево и теперь спешила к нему. До него Даре оставалось совсем чуть-чуть, когда ей навстречу шагнула высокая женская фигура, закутанная с ног до головы в расшитое серебряными звездами покрывало. «Дариэлла», – разнеслось над садом, незнакомка повернула к ней голову, и девушка буквально задохнулась от страха. Лицо женщины было скрыто серым туманным облаком. Она медленно подняла руку и поманила Дару к себе.

«Нет!» – крик замер в груди, сердце забилось израненной птицей.

– Эй, па-арень, проснись, – ворвался чужой голос в сон, прогоняя кошмар.

Дара открыла глаза, зябко поёжилась, обвела окруживших её мужчин мутным, непонимающим взглядом. Бешено стучащее после пережитого кошмара сердце на секунду замерло, а затем начало колошматиться с удвоенной силой. В первый момент девушка решила, что убийцы передумали оставлять её в живых. На мгновенье обида даже пересилила страх. Так и знала, что не стоило им доверять! Зачем тогда спасали, кормили, показывали дорогу к деревне?

– Кто ты? – задал вопрос сероглазый, перестав трясти её за плечо.

«И что я могу ему ответить?» – подумала Дара, с тоской глядя на сидящего перед ней мужчину. Художественно просипеть собственное имя или прокивать? Навряд ли это его удовлетворит. «И стоило будить?» – злилась она, отчаянно борясь с зевотой. Решили прикончить, так лучше во сне, чтобы меньше мучилась.

Однако выводы из её молчания сероглазый сделал. Кивнул кому-то за спиной, и в следующее мгновенье Дару

поставили на ноги, крепко придерживая за плечи.

Спокойно глядя в застывшие от ужаса глаза девушки, убийца потянулся к завязкам плаща. Дара задёргалась, затрепыхалась, силясь освободиться, куда там! Плечи словно зажали в тиски – не шевельнуться.

Сероглазый в два счета распутал узел, распахнул плащ, прошёлся недоверчивым взглядом по платью.

– Женщина! – с какой-то странной смесью сожаления и восторга произнёс он. Дара спорить не стала, лишь раздосадовано качнула головой. Лучше бы и дальше принимали за мужчину – спокойнее было бы.

– Эсар, глянешь, что с ней? Знаю, что выложился, вытягивая Тойла, но хоть посмотри, а? – обратился сероглазый в темноту, продолжая коверкать свой язык. Какая пугающая забота! С чего бы только? Дара быстро припомнила все рассказы про детей ночи, но ни в одном из нападений не пропадали женщины. Если и пропадали, то их потом находили, правда, в мертвом виде. Похоже, версию о похищении невест придётся отбросить.

Из скопившегося на поляне утреннего тумана к девушке шагнула тень.

– Только посмотреть и смогу. На остальное, прости, командир, сил нет.

Убийца встал перед Дарой, протянул руку, не касаясь кожи, провёл ладонью вдоль тела. Девушка попыталась отшатнуться, бесполезно, держали её крепко.

– Так, – протянул Эсар, и светло-голубые глаза потемнели, – разверни-ка.

Дара даже пискнуть не успела, как очутилась прижатой к груди державшего её мужчины. Плащ оказался сброшенным на землю, открывая обнажённую спину девушки. А там… там же Пес с чувством платье рвал до самой этой…, а может и ниже.

Сзади кто-то выругался, кажется, Эсар, а потом сероглазый произнес: «Можем не довезти».

– Я смажу спину, – Эсар говорил правильно, с еле уловимым акцентом, – остальное не так серьёзно – несколько ушибов, ссадин. Горло сильно повреждено, но исправить это мне пока не по силам.

– Значит, она не немая? – уточнил кто-то из теней.

– Нет, судя по синякам на шее, её пытались придушить, а затем прошлись по спине плеткой, но умереть не дали. Я вижу остатки исцеляющего заклинания.

– Не бойся, красавица, – Дара ощутила, как по волосам провели рукой. Интересно, где это сероглазый углядел красоту? Между синяком на левой скуле и разбитой губой справа? – сейчас

мы тебя подлечим. Тимьяр, давай, к костру.

Скоро на поляне вновь заиграл огонь, жадно поглощая сухие ветки. Туман пугливо попятился, образуя круг молочно-белой стены.

Дара сидела, практически полулежа, на коленях у Тимьяра. Сил сопротивляться у нее не осталось. Она с равнодушием отнеслась к тому, что Эсар сдвинул платье, обнажая спину, и аккуратными движениями начал втирать пахучую мазь. Под эти легкие касания девушка задремала, проснувшись только, когда её укутывали в тёплый плащ и усаживали на пегаса. Затем снова провалилась в сон.

Кристан уловил движение за спиной, обернулся.

– Командир, – замялся помощник, остановившись в паре шагов – неужели, это действительно она?

– Не веришь? – сощурился старший, но обрывать подчинённого не стал. Видно же, что у парня душа не на месте.

– Как-то неожиданно, – не стал спорить Лэс, – просто мы столько искали и…, – он вздохнул, а потом заторопился, опасаясь, что ему не хватит решимости продолжить разговор, – наши вернулись ни с чем. Прочесали округу – только пару зверьков вспугнули. Это она, больше некому. Но, понимаешь, платье…., клеймо…..

– Я тоже видел и платье, и клеймо на плече, – спокойно подтвердил Кристан, – Боишься, что драгоценность, которую мы искали все эти годы, окажется простой стекляшкой?

– Да-а, – голос Лэса от волнения стал хриплым, – Неужели, она займет горный трон?

– Молод ты, – усмехнулся старший, бросая взгляд в сторону костра, – мало кто из них добровольно в веселые дома попадает. Так что не нам с тобой судить о судьбе этой несчастной. Не иначе, как сам Создатель отправил её к нам в руки. Как представлю, что последний потомок королевской семьи мог погибнуть в замке, сердце в пропасть падает. Ну, а займет она трон или нет, решать будем не мы.

– Согласен, – Лэс облизал пересохшие от волнения губы, вздохнул с облегчением. Старший, как всегда прав. Кем бы ни была эта женщина в прошлом, она – последняя из королевской династии, и их задача доставить её на родину в целости и сохранности. А дальше… дальше пусть Наместник со старейшинами соображают, что делать с таким подарком судьбы.

– Сплетничаем? – рядом с ними нарисовался целитель. Кристан вопросительно изогнул бровь, – Спит, – махнул рукой в сторону девушки Эсар, – я пару капель снотворного в мазь добавил. Для неё сон – лучшее лекарство.

– Придётся будить, – посуровел Кристан, – Мы и так задержались. Возьмёшь с собой. Если что… лучше на скалы сядем, чем домой труп, вместо принцессы, – оба подчинённых вздрогнули, услышав подобное обращение, – довезём.

– Не переживай, командир. Доставим живой и отчасти невредимой. Ты не смотри, что она мелкая, да бледная. Такие сильны духом. Могу представить, как её было больно, однако жаловаться не стала. Уверен, выдержит перелёт.

– Ну, дай Создатель, – Кристан шагнул к костру, остановился перед лежащей на коленях у Тимьяра девушкой. Сон сделал её еще моложе и беззащитнее. Сколько же ей лет? Совсем ребёнок. В таком возрасте у них только одних начинают из дома выпускать, а не отправляют в весёлые дома. Много грязи скопилось в империи, много погани развелось. Собственные удовольствия стали ставиться выше любых норм, местные графы творят, что хотят, а император занят собой, не думая о стране.

Он вспомнил белобрысую бестию, из лап которой выдернули принцессу. Как долго девочка пробыла в замке? Если хотя бы половина слухов, которые они собрали о графине, правда, то каждый день в том месте должен быть подобен аду.

Дара проснулась от холода. Колючки ледяного ветра упорно пробирались сквозь ткань тёплого плаща, неприятно вонзаясь в кожу иглами стужи. Тело затекло от неудобной позы. Она пошевелилась, но рука, обнимающая её за талию, лишь сильнее прижала к груди.

– Скоро, – донеслось сквозь завывания ветра, -….ась… го.

Девушка повернула голову, силясь рассмотреть хоть что-нибудь. Прилетевший под капюшон порыв ветра, густо замешанный на снежной пыли, заставил нырнуть обратно и спрятать лицо на груди у державшего её мужчины. Вокруг рычала, завывала и бесилась метель, силясь сбросить девушку вниз, выдернуть из рук всадника.

Внезапно желудок резко сжало от тошноты. «Снижаемся», – с облегчением догадалась Дара. Она с трудом представляла, как бедные пегасы вообще могут летать в такую непогоду.

Ветер стих, а затем гулко застучали копыта по каменному полу, послышались оживлённые голоса и радостное фырканье уставших лошадей.

– Добрались, слава Создателю. Что-то перевал совсем разбушевался, – проговорили над ухом девушки, а затем руки исчезли с её талии, чтобы через мгновенье ловко схватить под мышки и спустить Дару вниз прямо в объятия сероглазого.

– Добро пожаловать в наш ледяной приют, – голос сероглазого был жутко довольным, – меня зовут Кристан, сюда

тебя доставил и не уронил по дороге Эсар, он же наш врачеватель. Остальных представлю позже. Идём.

Аккуратно придерживая пошатывающуюся от слабости Дару, он отвёл её в центр пещеры, где уже разжигали костёр.

Видно было, что дети ночи здесь бывают часто. Вдоль почти хрустальных, покрытых толстым слоем льда стен стояли связки дров и хвороста, виднелись ящики с припасами и пузатые бочонки.

Дару усадили на покрытое шкурой возвышение, ноги укутали попоной, а на плечи набросили ещё один плащ. Возражать девушка не стала – в пещере царил лютый холод. Тёплый воздух белым облачком вырывался изо рта, оседая инеем на ресницах и бровях. Зато здесь не было пронизывающего ветра, плюющего в лицо колючий снег.

Оставив девушку около разгорающегося костра, мужчины занялись пегасами. Расседлали, счистили налипший снег и лёд, насухо вытерли шкуры, дали корма и лишь после этого вернулись к обустройству стоянки и приготовлению еды.

Полумрак пещеры разукрасился красноватыми отблесками огня, стало теплее и уютнее. Дара потянула к костру озябшие руки.

– Замёрзла? – сбоку подсел высокий темноволосый парень с открытым добродушным лицом и тёплым взглядом карих глаз, – я – Тимьяр. Потерпи, сейчас чай вскипятим, вмиг согреешься.

Первая мысль была: «Ой, это же на его коленях я лежала с голой спиной». Вспыхнувшим от смущения щёкам требовался уже лёд, а не горячий чай, и только затем она осознала царапнувшую душу странность – убийца был без маски. Сердце сжалось одновременно от ужаса и от абсолютно нелогичного восторга. Дети ночи никому не открывают лиц, даже тем, кто видит их в последний раз. Тогда зачем? Почему такая честь? И стоит ли ею гордиться? Увы, сипящие звуки, издаваемые её горлом трудно расшифровать в вопросы.

Страх, промелькнувший в глазах Дары, Тимьяр воспринял на свой счёт, вздохнул и пересел подальше.

Дети ночи оказались обычными людьми, никаких видимых следов проклятий, страшных рож или звериных глаз, и девушка вздохнула с облегчением, хотя в тайне для самой себя уже начала привыкать к мысли, что она попала в лапы к проклятым чудовищам.

Все мужчины были довольно высокими, не чета низкорослым жителям империи.

Тем временем убийцы старательно делали вид, что ничего странного не происходит, как будто каждый раз после налёта

возвращались с живой добычей, однако Дара время от времени ловила на себе заинтересованно изучающие взгляды, а на каждое её движение оборачивались хором.

Всего в отряде насчитывалось семь человек. Старший Кристан, его помощник Лэс, целитель Эсар, Тимьяр, рыжеволосый Лукх, и два блондина Тойл и Рубан. Дара легко запомнила их имена. У нее всегда была хорошая память. И вот сейчас мелкие детали, подмеченные ею при свете костра, постепенно складывались в общую картину. Загорелая кожа, высокие скулы, непривычный разрез глаз, у четверых смолянисто-черные волосы и странные прически – обрезанные спереди волосы и заплетенные в тонкую короткую косичку сзади. Остальные трое стриглись коротко, так как было принято в империи.

Между собой дети ночи разговаривали на своём языке, часто заменяя слова быстрыми жестами. Интересно, откуда они? Явно родом не из империи, да и акцент у них смешной – растягивают гласные в словах, словно мяукают.

Наблюдая за мужчинами, Дара невольно выделяла одного – сероглазого. Подсознательно она тянулась к тому, кто вытащил её из замка. Девушка была уверена – решение забрать с собой, принимал тоже он. Она пока не понимала, хорошо это или плохо, оказаться в руках детей ночи, но надежда крепла с каждым часом – здесь её никто не обидит.

Вскоре по пещере разнёсся умопомрачительный запах мясной похлёбки.

И кто утверждает, что мужчины не умеют готовить? Дара и сама не заметила, как миска опустела.

Как же это здорово, после пронизывающего холода обнять ладонями горячую кружку с чаем, вдохнуть терпкий аромат трав и просто сидеть, бездумно смотря в огонь. Костер словно сжигает страхи, и дети ночи перестают восприниматься, как безжалостные убийцы, вот уже улыбаешься, принимая добавку, и не вздрагиваешь, когда чужая рука, затянутая в чёрную перчатку касается твоих пальцев. И даже Эсар не пугает, когда с грозным видом требует выпить отвратительно горькое лекарство, подумаешь…всего лишь лекарь, и как-то забывается, что день назад он, как и все в отряде, отправлял души на тот свет.

Даре было тепло и уютно. Спина практически не болела, горячий чай обратил холод в бегство, даже ноги, промёрзшие в тонких ботинках, согрелись под попоной.

«Мы здесь до утра, – пояснил Кристан, – как раз буран стихнет. По эту сторону перевала он ещё тихий, а вот там буйствует по-настоящему». И Дара верила, представляя, как завывает ветер, стремясь свернуть непокорные скалы, как

призывает на помощь метель, и горе тому, кто окажется в этот момент в горах без укрытия.

После еды мужчины стали укладываться на отдых. Постепенно у костра замерли разговоры. Тяжёлая ночь и не менее трудный перелёт вымотали всех, а вот Даре спать не хотелось.

Тишина оказалась плохой подругой. В голове возникали странные мысли, одна хуже другой, незаметно подкрались воспоминания, коварная память подкидывала картины прошлого. Сердце в ответ заболело, заныло, и даже костер больше не помогал, сочувственно мигая прогоревшими углями. Даре стало неуютно. Сгустившаяся темнота ожила затаёнными страхами, скрывая, казалось, под своим покровом неотрывные взгляды убийц. «Я словно редкий зверь, попавший в сети ловчих», – с грустью подумала девушка, вставая с места. Оставаться у костра больше не было сил.

Дара прошлась к выходу, хотела выглянуть – стих ли буран, но по пути нечто более интересное привлекло её внимание.

Огромные черные кони спали, шумно посапывая во сне. Кто-то сложил крылья на спине, кто-то, выправив пушистое крыло, прятал под него голову. А вокруг искрило и переливалось ледяное царство, отражая мириадами искр огненные всполохи костра. Огромные ледяные сосульки нависли над входом. Часть из них была обломана, крошевом валяясь на полу. Покрытые льдом стены пещеры, казалось, таили в себе несметные богатства.

Но настоящее живое сокровище сейчас сладко вздыхало, отдыхая после тяжёлого перелёта. Дара замерла, с восторгом рассматривая крылатых красавцев – само воплощение силы и грации.

Шаг, еще шаг, ближе и ближе она подходила к пегасам.

– Хочешь его покормить? – раздавшийся за спиной голос, заставил девушку резко дёрнуться от неожиданности. И как только у них получается так неслышно подкрадываться? Ещё парочка вот таких вопросов, и сердце у неё разорвётся от страха.

– Держи, – в руку девушки вложили кусочек сахара. – Это Дарг, – Кристан ласково провёл по морде мигом проснувшегося коня, – он большой сладкоежка, но сегодня честно заработал угощение.

Сладкоежка вздохнул, мол, сколько можно болтать, и потянулся к руке девушки. Дара улыбнулась, раскрыла ладонь, тёплые губы аккуратно ухватили лакомство. Пегас хрустнул сахаром, заглотил и вопросительно уставился на стоящих рядом с ним людей: «Может, ещё чем угостите?»

– Хватит, обжора, – усмехнулся Кристан и замер от удивления. Лицо Дары внезапно искривила странная гримаса, она

шагнула вперёд и, уткнувшись лицом в шею коня, разрыдалась. Нет, плакала почти беззвучно, но вздрагивающие плечи, судорожно вцепившиеся в гриву пальцы…

В первый момент командир растерялся. Затем погрозил Даргу, чтобы тот не вздумал дёргаться, ещё испугает. Пегас и не собирался вырываться из вцепившихся в него женских рук, он так и застыл с выражением ужаса и полнейшего недоумения на морде.

Нет, кровь врагов на копытах – дело привычное, хрипы умирающих – частое явление, а вот слезы, текущие по шее, вперемежку с э-э-э соплями и жалостные всхлипывания – нечто совершенно новенькое. И как с этим сражаться, да и нужно ли, если хозяин со зверской рожей грозит увесистым кулаком? Но он же боевой конь, а тут…. тьфу…

Дара сама не ожидала, что мягкое прикосновение к ладони вызовет такой порыв щемящей жалости в душе. Дрогнуло сердце, заныло, а потом слезы потекли сами собой, высвобождая скопившуюся боль. Она так долго сдерживалась, что сейчас рыдания прорвались безудержным потоком, сжимая горло болезненными спазмами. И заново ожили картины прошлого. Только на этот раз омытые слезами, они не были такими мучительными.

Тот день, когда тас Фойл появился в приюте, Дара по праву считала самым счастливым в своей жизни. Ведь такой обходительный тас в дорогом костюме с целым набором рекомендательных писем выбрал именно её, Дару, в компаньонки к своей больной дочери.

«Дарушка, – прощаясь, сказала матушка, – я бы, конечно, хотела оставить тебя здесь в приюте. Из тебя вышла бы замечательная наставница для младших девочек, но ты – моя любимая ученица и достойна лучшей судьбы. Милая, помни, в жизни всему бывает своё время. Когда и поплачешь, когда улыбнёшься. Главное, верь в лучшее».

И Дара старалась верить, даже когда в душе зародились первые подозрения, и выяснилось, что конечный пункт прибытия корабля совсем не тот, который тас Фойл указал для связи с Дарой. Не обращала внимания и на подробные расспросы о ней, о её увлечения, почти экзамены на знания истории, владение письменностью, счётом. Не осознавала, что хозяин уже тогда подбирал ключик к рабыне – согнуть, но не сломать.

Лишь когда переступила порог весёлого дома – закаменело сердце, отгородилась душа от происходящего, и ни единой слезинки не упало из глаз. И когда клеймо ставили, не порадовала Пса мольбами и рыданиями. Четыре раза сбегала –

ловили, запирали и пуще прежнего следили за каждым шагом. Лишь однажды дрогнуло сердце, когда случайно услышала брошенную Псом фразу: «Жалко новенькую. Загубит ведь или покалечит». И холодный ответ хозяина: «Он заплатил столько, что покроет все убытки».

Удивительно тёплый вечер царил тогда в городе, но, несмотря на жару, Дару трясло от холода. Девушку одели в вызывающе открытое платье, заплели черные волосы в сложную косу, нацепили дешёвые яркие украшения. В комнату для встреч разрешили взять лишь статуэтку Создателя – подарок матушки и то, наверное, потому что та по цвету вписывалась в интерьер.

Старика с водянистыми глазами она почти не запомнила. Память дальше отказывалась служить хозяйке, выдавая лишь смазанные картины.

Сильные руки держат за плечи, жёлтые зубы кривятся в ухмылке, аромат дорогого парфюма не перебивает тошнотворный запах изо рта. Её собственный крик звучит слабой поддержкой. Старик довольно щурится, не думая выпускать трепыхающуюся жертву. А вот плевок в лицо выводит его из себя. Пальцы вцепляются в горло девушки, сдавливая, лишая доступа воздуха. Дара ещё борется, руки сами нащупывают стоящую у кровати статуэтку, взмах, удар, и долгожданный воздух врывается в лёгкие. Старик отшатывается, закрывает голову руками, сквозь пальцы хлещет кровь.

Дверь, коридор и недоуменный взгляд Пса, который мгновенно сменяется злостью, стоит ему поймать вид пошатывающегося старика за спиной у девушки. Ноги Дары, кажется, приросли на месте, так медленно они начинают двигаться. «Прочь. Прочь» – стучит в голове.

Рывок за плечо, Пес оказывается быстрее, второй рукой он вцепляется в косу, разворачивая к себе лицом.

Изогнуть голову, вцепиться зубами в чужую плоть, ощутить вкус крови во рту, услышать удивлённый возглас, громкие проклятия и… приготовиться к смерти.

Пес опытный, добычу не выпустил, лишь крепче намотал косу на руку, вытаскивая пораненной рукой кинжал из ножен.

Блеск лезвия, странная лёгкость на голове и обрезанные пряди, падающие на лицо. И тут же снова боль.

Пёс крепко хватает за волосы, заставляя опрокинуть голову назад. Удар, еще удар и вкус крови во рту, на этот раз собственной.

Рывок, она падает назад, но Пса это не останавливает, он тащит её по коридору к хозяину, для вынесения приговора – смерть или продажа в портовые кабаки – та же смерть, только

мучительно долгая…

И надменный женский голос: «Кто она?» Дальше завеса боли, погрузившая сознание во тьму, холод исцеления, мужской плащ, прикрывший спину, чужая карета, изучающий взгляд незнакомки, от которого желудок пронзает тошнота.

Тело среагировало само, открывая дверцу и выпрыгивая во тьму.

Падение, боль, чьи-то руки, поднимающие с земли. Насмешливый голос: «Упорная. Люблю таких». Верёвка, врезающаяся в кожу запястий, каменный пол под коленями и бесконечная усталость… Сил не осталось ни на гордость, ни на страх.

Первое чудовище – всегда самое страшное, ну а двадцатое?

Потому и убийцы, ворвавшиеся в замок вызвали лишь краткий всплеск ужаса, сменившийся все той же безразличностью. И только мысль, что таким, как хозяйка нет места на свете, придала сил открыть потайной ход детям ночи.

За спиной было подозрительно тихо. Никто не возмущался, не лез с утешениями, лишь по гладкой шкуре пегаса периодически пробегала нервная дрожь, но сам он стоял смирно, не делая попыток отодвинуться.

Дара вздохнула, подняла голову. Провела рукой по шкуре, прошептала про себя: «Прости». Ей в ответ укоризненно фыркнули. Пегас изогнул шею, взглянул на девушку своими большими умными глазами, легонько боднул в лицо, мол, совсем расклеилась, разве так можно?

Дара невольно улыбнулась, обняла морду руками, не удержалась, поцеловала. Пегас вздрогнул, покосился куда-то за спину девушки, по-человечески тяжко вздохнул.

«Прости, прости, – беззвучно зашептала Дара, – знаю, ты – большой мальчик. Это я – глупая, лезу со своими нежностями».

На душе у неё было пусто и удивительно спокойно. Прошлое не исчезло, нет, оно ушло из настоящего, став всего лишь плохим воспоминанием.

Внезапно пегас встревоженно всхрапнул и, толкнув девушку крылом, загородил от выхода из пещеры. Остальные кони спешно перестраивались, окружая Дару тесным кольцом. Чье-то яростное рычание заставило девушку похолодеть от ужаса, вцепиться руками в гриву Дарга. Чем заняты дети ночи она не видела, как и того, кто издавал страшные звуки, волнами прокатывающимися по пещере: от злобного низкого рыка до пронзительного, бьющего по ушам визга. Даре уже казалось, что целая армия чудовищ атакует их отряд, когда визг, добравшись до высокой ноты, резко оборвался. А затем полный ярости стон наполнил пещеру,

захрапели кони, попятились назад, увлекая за собой. Стон перешел в надрывный хрип, а затем воцарилась тишина.

Пегасы расступились, как ни в чем не бывало, возвращаясь к прерванному сну.

– Испугалась, – сероглазый стоял в центре пещеры, руки сложены на груди, вид насмешливый и одновременно встревоженный. Дара шмыгнула носом, кивнула и лишь потом осознала, что вопроса и не было, – хочешь посмотреть, кто почтил нас своим присутствием?

Кристан протянул руку, девушка шагнула к нему.

– Кажется лэссе требуется платок, – в протянутой руке неизвестно как появился белый лоскуток ткани. Дара даже усомнилась, не маг ли сероглазый, но потом решила, что всему виной ловкость рук, а платок действительно был нужен.

Выйдя из-за пегасов девушка, наконец, смогла разглядеть нападавшего – груда желто-белого меха почти полностью перекрывала выход из пещеры.

– Мы называем их Йорфи. Обычно они живут выше этих мест, но этого малого, похоже, что-то выгнало из норы. В такой-то буран, бедняга, – Кристан любовно провел рукой по свалявшемуся меху, с трудом приподнял голову, вытащил из шеи кинжал. – Правда, красавец?

Матушка всегда говорила, что красоту можно увидеть в любом творении Создателя, каким бы отвратительным оно не было на первый взгляд.

И Дара честно старалась.

Густой желтовато-белый мех, в бурых потеках крови, огромные черные когти на кончиках лап, вцепившиеся в пол, стеклянно-голубые глаза, в одном чернеет рукоять метательного кинжала, маленькие ушки со смешными кисточками по краям, вытянутая морда с черным носом, длинный розовый язык, вываленный на пол, и желтые клыки, каждый размером с ладонь Дары. Белая смерть среди белых снегов. Можно ли ею восхищаться? Если сам умеешь убивать, всегда оценишь искусство другого.

Подошел Тимьяр, наклонился и потянулся к рукоятке кинжала, торчащей из глаза зверюги, но замер, бросил на девушку задумчивый взгляд и убрал руку. Вместо этого приподнял тяжеленую лапу, нырнул под неё, пытаясь разыскать ещё один кинжал.

– Здоровый, – пожаловался он, почти целиком скрывшись под тушей, – с одного удара и не завалишь, а в ближний бой подпускать – верная смерть.

Глава 3

Даре всегда нравилось вставать рано, когда утренний воздух пьянит своей свежестью и прохладой, когда весело гомонят птицы еще не уставшие от полуденной жары, когда особенно четко видны горы в лучах восходящего солнца, а внизу мягким одеялом расстилается туман.

Она стояла на балконе, всматриваясь в лежащую у её ног долину. Удивительно, как быстро промелькнули эти четыре месяца, словно и не было кошмарных двух недель в веселом доме, обворожительно гадкой графини и страшных убийств. Прежняя жизнь осталась глубоко в недрах памяти, не беспокоя даже ночными кошмарами.

Резкий крик оповестил небеса, что на охоту вышел пернатый хищник. Девушка проводила взглядом стремительный силуэт и заторопилась в комнату. До прихода наставника Лиграна следовало закончить перевод еще одной страницы книги. Арганский язык давался ей легко, хоть и звучал непривычно – жители гор протяжно выговаривали гласные, словно привыкли перекрикиваться друг с другом, стоя по разные стороны от ущелья. А может, так оно и было.

Дара открыла книгу, поморщилась, опять история. Как будто нельзя для перевода дать что-нибудь интересное или легкое, например, сказания морского народа, описание путешествия быстроногого Ташла. Но мечты, мечтами, а перевод нужно делать. Наставник, конечно, ничего не скажет, если она не справится, но взгляд… Умел тас Лигран так заглянуть в душу, что хотелось вывернуться наизнанку, лишь бы ему угодить. Хороший учитель ей попался, что и говорить. А как он рассказывал! Словно словами рисовал по воздуху, и прошлое оживало яркими картинами.

Дара вчиталась в текст, аккуратно выписывая непонятные слова. «Арганцы вышли их пещер», – гласил первая строчка. Девушка подчеркнула сложное слово «прародительница». А непослушные мысли опять убежали прочь от книги. Ей вспомнились первые дни в горном королевстве.

Наместник, правящий арганцами, отбыл с дружеским визитом и собирался вернуться из поездки к берегам далёкого Среднеморского континента месяцев через четыре-пять. В его отсутствии девушку принял сиятельный тас Нурсах – один из девяти советников.

Высокий темноволосый мужчина выглядел довольно молодым, но глаза выдавали длинный жизненный путь.

После взаимных приветствий, последовали аккуратные расспросы о прежней жизни Дары. Удовлетворив своё любопытство, Нурсах извинился за то, что не может сразу решить судьбу гостьи.

– Понимаете, – проговорил он, огорчённо вздыхая, – клятву подданства принимает только Наместник.

– А если я не хочу принимать подданство? – осторожно уточнила Дара, – если попрошу вернуть меня домой?

– Дариэлла, – здесь почему-то её все называли именно так, – вы, конечно, можете просить все, что угодно. Ваша помощь достойна любой награды, но я бы не советовал торопиться с возвращением. Давайте дождёмся наместника, и тогда вы окончательно все решите, хорошо? А пока поживёте здесь в малом гостевом дворце. Чтобы вы не скучали, я распоряжусь предоставить вам учителей. Изучите наш язык. Можете заняться, чем пожелаете – танцы, живопись, пение.

Дара улыбнулась – её явно заманивали и таким красивым пряником, вот только не окажется ли начинка горькой?

– И все же, я настаиваю.

– Милая, – тас недовольно покачал головой, – упорство и упрямство – разные вещи. Я понимаю, вам дорог приют проведённым там детством. Вы не стали рассказывать, что заставило вас оставить его стены, но у меня нет уверенности, что подобное не повторится.

– У меня есть, – Дара задрала подбородок. Она не сомневалась, больше никто на свете не выманит её обманом из приюта.

– Неужели? – брови таса изобразили крайнюю степень недоверия, и неожиданно со слезами в голосе он произнес, – любезнейшая Дариэлла, моей милой, больной матушке, требуется ваша помощь. Нет, нет, не спорьте, ей подойдёте только вы. Ваше терпение, образованность, начитанность помогут ей скрасить одинокую старость. Прошу, не отказывайтесь.

– Вы знали, – скривившись, произнесла Дара.

– Под покровом ночи становятся известны многие дела, – дипломатично отозвался тас, – поверьте, здесь вас не обидят. Мы умеем ценить помощь, оказанную вовремя и бескорыстно. Не сейчас, так потом, вам обязательно захочется чего-нибудь особенного, тогда и вернёмся к разговору о награде. Пока же отдыхайте, набирайтесь сил. Мне было приятно познакомиться с такой очаровательной лэссой, – он широко улыбнулся.

Дару разместили в четырёх комнатах – непривычная роскошь. В приюте даже старшие девочки делили одну комнату на троих. А тут личная столовая, спальня, гостиная и даже кабинет для

занятий. Первое время она чувствовала себя крайне неловко, но ровное отношение слуг, дружеская поддержка наставника, а главное возможность передавать весточки матери настоятельнице в приют, сделали своё дело – девушка начала привыкать к новой жизни в Аргании. И все же ей было крайне любопытно, что же такого ценного уносила с собой графиня, что помощь Дары оценили так высоко? Впрочем, ответ на этот вопрос она получила на первом же занятии.

Тас Лигран начал с рассказа о своей стране.

Аргания располагалась в уютной горной долине с трёх сторон защищённой Джуйским и Лесорскими хребтами. Четвертая сторона обрывалась отвесной скалой с потрясающим видом на Среднее море и зелёную прибрежную полосу.

Появившись в долине, арганцы не стали селиться в ней, а построили свои города на скалах – изумительно изящные, просторные и уютные. Умели горцы заставить камень становиться послушным, словно глина. Пять городов, каждый – жемчужина в короне Арганского королевства.

Внизу жили пастухи с семьями, присматривающие за многочисленными стадами коров, овец и коз. Но лучшие пастбища принадлежали пегасам. Пегасы были для этих людей всем, от верных боевых товарищей до членов семьи, которым безбоязненно доверяли детей.

Особенно красиво здесь было на закате, когда воздух в долине, казалось, оживал от шума крыльев, возвращающихся домой коней. Вся жизнь арганцев была связана с этими удивительными животными, и те платили им преданной любовью. Здесь на совершеннолетие дарили жеребёнка, и не было весомей подарка в жизни юноши или девушки.

Границы Аргании так же простирались вниз, на побережье, а оттуда на два близлежащих острова. На них кроме торговых портов и пары рыболовецких деревень стояли мощные крепости с военными гарнизонами. Здесь же, в гаванях располагалась половина флота Аргании, остальные корабли охраняли главный порт – Белый город.

Спустившись из долины, арганцы обнаружили широкую прибрежную полосу, ограниченную с двух сторон горными хребтами. Земля была плодородной, воды – богаты рыбой, но как оказалось, этот кусок суши требовал надёжной защиты.

Пережив четыре нападения пиратов, арганцы построили почти идеальную линию обороны. С двух сторон береговую полосу защищали каменные крепости, оснащённые пушками. Полоса рифов, идущая вдоль берега, создавала естественную защиту от высадки неприятеля. Рифы тянулись вдоль побережья

вплоть до островов. Между островами и пролегал единственный безопасный путь в Арганию. Любая попытка зайти с другой стороны расценивалась, как нападение. И кроме ядер из пушек на нарушителя обрушивалась воздушная кавалерия. Арганцы одни из первых поддержали изобретение пороха, оснастив прибрежные гарнизоны пушками, а их защитников ружьями. В остальном мире дороговизна ружей пока останавливала правителей от закупок их в больших количествах.

На дальнем острове Шук-лостр торговые корабли проходил первый досмотр. Здесь же выносилось решение о допуске во внутренние воды. Новички, как правило, вынуждены были выгружать весь товар в первом же порту, без всякой надежды получить за него хорошую цену. Но те, кому везло получить допуск в Белый город, покрывали убытки в несколько раз. Только там можно было купить знаменитые арганские клинки, тончайшее овечье сукно, ароматные, вызревшие в глубоких холодные пещерах сыры, горьковатые зерна кофе, за которые знать платила золотой монетой, но главным товаром оставались драгоценные камни и ювелирные изделия. Об арганских украшениях мечтала любая женщина, и лишь немногие могли себе позволить их купить.

Побережье было единственным местом, где разрешалось селиться чужакам или открывать торговые лавки. Доступ в горную долину имели только арганцы и те, кто получил подданство королевства. Как, усмехнувшись, сказал тас Лигран: «Наше подданство стоит так дорого, что за последние сто лет его смогли получить лишь пятеро, и то бесплатно». И было непонятно, шутит он или говорит всерьёз.

Слушая рассказы наставника, Дара невольно сравнивала империю и королевство и не могла не признать, что арганцы во многом опережают своего загорного соседа. И все начиналось, казалось бы, с мелочей. Например, забота о пегасах. Чтобы облегчить их труд, грузы с долины и с побережья поднимались и спускались на специально созданных механических платформах, приводимых в действие сменной командой выносливых осликов. И даже породы пегасов арганцы вывели три – каждая для своего рода занятия. Боевые – способные не только ударом копыта раскроить череп врага, но и вынести раненного хозяина из боя. Ла-пегасы – дружелюбные, преданные создания, на спинах которых вырастало не одно поколение семьи, и последние – тяжеловозы. Выносливые, с широкими спинами и мощными крыльями. Именно они заменяли транспорт в горах, возя продукты, инструменты и одежду на прииски, взамен принося горючие камни и металлы. И летали они без хозяина, прекрасно

запоминая несколько маршрутов.

– Ты, верно, хочешь знать, что делали арганцы в том замке? – наставник сам начал этот разговор, и Дара в который раз подивилась его проницательности, – Что же, секрета здесь нет. Всё произошло около ста лет тому назад. Вашей страной тогда правил светлейший тас Лиашанг. Он был умён, честолюбив и с детства болел лошадьми, а когда увидел пегасов – задумал сделать из арганцев союзников. Мы изредка наведывались по ту сторону гор, низина нас особо не привлекала. Трудный путь сквозь горы, высокий перевал, да и торговля не приносила выгоду.

Император же намеревался подписать с нами договор об оказании взаимной военной помощи, рассчитывая заполучить целый отряд арганцев с пегасами для степного дозора, уж больно ему досаждали быстрые, как ветер, и прожорливые, как тучи саранчи, степняки. Кроме того его интересовал наш флот, могущий при надобности обогнуть континент за неделю.

Ты знаешь, что такое политический союз? Знаешь! Хорошо.

Император не был женат, а юная принцесса Араэлла как раз расцвела к тому времени. Долго правитель Аргании не соглашался на этот брак, но Лиашанг под видом секретаря посольства обманом проник в наши земли. Тогда мы еще пускали сюда чужаков. И как не следили за гостями, а упустили их встречу. Правду говорят, что судьба – девица упрямая, если задумала свести два сердца, ни перед чем не остановится. Погоревал отец, но любимой дочке отказывать не стал, да и сердцу не прикажешь.

И вот одним утром свадебный кортеж с принцессой вылетел в горы. Они переночевали в пещере Тин-Дага и… больше их в живых никто не видел.

Дара охнула, прижав ладони к щёкам. Воображение живо нарисовало: скалы, покрытые пятнами крови, хрипы лошадей, распростёртые крылья, изломанные фигуры людей и белое платье невесты.

Наставник помолчал, а затем ровным голосом продолжил, лишь только заблестевшие глаза выдавали его состояние.

– Они попали в засаду. Живым не ушёл никто.

– А принцесса? – не утерпев, перебила Дара.

– Пропала. Её судьба осталась неизвестна. Вместе с ней исчезли все драгоценности из приданого. Это было не просто ограбление, это был плевок в лицо Аргании.

– А что император? – тихо спросила девушка.

– Знаешь, – тас Лигран откинулся на спинку кресла, – мы даже не стали его убивать. Сама жизнь без любимой – худшее из

возможных наказаний. Ведь он её действительно любил, так и не женился больше. Трон оставил сыну сестры, когда тот вырос.

Ну, а мы… вначале искали, искали везде. Наши люди платили огромные деньги за малейший намек, но все было тщетно. Нам смеялись в лицо, устраивали целые спектакли, чтобы выманить награду и… ничего. Ни следа, ни правдивого слова. Одна ложь и пустота.

Когда драгоценности из приданого стали появляться на шеях герцогинь и баронесс, мы построили усыпальницу, поставили хрустальный гроб… пустой. Прошло время надежды, пришло время мести.

Лучшие из наших парней ушли подмастерьями в кланы убийц и воров. Они учились этому поганому мастерству, ибо таково было условие возвращения чести нашему народу.

Перед тем как оставить трон, Лиашанг сделал нам последний подарок – призвал подданных вернуть приданое принцессы. Но сокровища лишь подскочили в цене. Вечное человеческое желание обладать чем-то запретным. Однако своей просьбой император развязал нам руки. Ничто больше не могло помешать вернуть украденное домой.

Мы не стали церемонимся с теми, кто посмел присвоить себе честь Аргании.

После первой волны убийств, часть драгоценностей нам вернули, и за каждое мы выплатили двойную цену. Оставшиеся укрыли еще надёжнее, надеясь сбить нас со следа.

– Как можно рисковать жизнью ради бездушных камней? – поражённо воскликнула Дара.

– Ты ещё слишком молода, и не знаешь – чем больше крови на камне, тем он дороже стоит, ибо к его цене прибавляется стоимость человеческой жизни.

– Я понимаю, – задумчиво произнесла девушка, – вы возвращаете своё, но убийствами принцессу не вернуть!

– Даже, – наставник сделал паузу, – если Араэллу оставили в живых, прошло уже слишком много лет для одной человеческой жизни. Поверь, не стоит жалеть тех, кто умер, защищая награбленное. Они знали цену и её заплатили. Или тебе жалко графиню? Нет? Почему-то я не удивлён.

Но это еще не вся история. После пропажи принцессы, в буре погибли два её брата, вместе с родным дядей. Мать-королева, не выдержав повторного удара, слегла. Король тоже не задержался на этом свете, передав бразды правления наместнику. С тех печальных пор, горный трон пустует без владельца.

Дара быстро закончила перевод, просмотрела ли, закралась ли досадная ошибка. Нет, все правильно. Взглянула на часы – до

прихода наставника оставалось время. Значит, она успеет спуститься в конюшню и навестить Илька. Это сокровище ей подарили месяц назад. Как подозревала Дара, исключительно, чтобы развеять последние сомнения оставаться или нет. И отказаться было нельзя. Как тут откажешься, когда на тебя смотрят огромными глазами с опаской, сомнениями и надеждой – возьмёшь или нет?

Ильку не повезло – умерла его хозяйка, несчастный случай. Тогда и решили сделать исключение из правил и подарить пегаса чужачке.

Непонятно почему, но тас Нурсах не оставлял надежды, что Дара определится с наградой, и при каждой встрече интересовался, не желает ли гостья нечто особенное, достойное оказанной услуги. Девушка лишь растерянно пожимала плечами – что можно желать, когда у тебя все есть – одежда, еда и даже книги?

– Может, что-нибудь из украшений? – настойчиво предлагал он.

В ответ Дара отрицательно мотала головой. После зрелища окровавленных драгоценностей под ногами, её мутило от одной лишь мысли о них.

Зато кое-кто запомнил, как загорались от восхищения глаза девушки при виде коней, как смогла довериться, выплакав боль на шее у пегаса.

– Прости, что не можем подарить жеребёнка, – Кристан провёл рукой по смолянисто-черной гриве, – но ты – не арганка, а значит, не знаешь, как нужно его воспитывать.

Дара кивнула, соглашаясь. Чтобы чему-то научить, нужно уметь это самому. Она же только начала постигать мудрость и суровость законов гор.

Отряд арганцев, спасший девушку из рук графини, по возвращении не забыл про неё. Через пару дней после исцеления, они заявились в полном составе. Принесли цветы, фрукты, медовые сладости. Много шутили, смеялись, говорили, что Дарг до сих пор не пришёл в себя после того, как его буквально залили слезами. Мол, скучает, передавал привет. Обещали показать долину, как только Дара окончательно поправится.

Улучив момент, девушка тогда спросила Кристана, почему не оставили на поляне, как хотели, почему забрали?

– Ты женщина, – последовал простой ответ, – с такими ранами не дошла бы. Проводить тебя мы не могли, проще было взять с собой.

С тех пор Кристан с товарищами наведывались регулярно. Учили языку, помогали с занятиями, ненавязчиво рассказывали

про обычаи, традиции. Иногда появлялись с друзьями. Когда Дара немного освоилась и подучила арганский, стали забирать на прогулки. Теперь за ней залетал кто-нибудь один и отвозил к остальным.

Дара улыбнулась, вспомнив пикники у водопадов – потрясающей красоты место, где любила собираться молодёжь. Ей даже удалось подружиться с двумя милыми девушками. Жаль, что арганский она знала пока плохо. Дара не могла не заметить, как вздрагивали и напрягались арганцы, слыша речь жителя низин, и поэтому старалась не говорить на родном языке. И как хорошо, что всегда можно спросить незнакомое слово у Эсара или Тимьяра.

В Аргании лишь Ночная гвардия, да совет с Наставником говорили на языке загорных соседей. Именно отряды летучих гвардейцев терроризировали империю, выкрадывая драгоценности, отправляя на тот свет их владельцев.

Порядки в гвардии царили суровые – ни жены, ни детей, частые длительные вылазки на вражескую территорию и риск не вернуться домой. И все равно многие стремились попасть туда. Не было почётнее обязанности для арганцев, чем вернуть честь своей стране.

После водопадов, больше всего Даре нравился Белый город. Огромным цветком он распустился на побережье, обрамлённый жёлтой полосой пляжа. Голубые крыши выглядели сверху, словно капельки моря на бело-зелёном фоне, будто волна брызнула на берег, да так и застыла. Даре так полюбился морской город с его уютными улочками, яркими лавочками экзотических товаров, шумным базаром и солёным запахом моря, замешанным на терпких ароматах пряностей, что она всерьёз подумывала попросить советника поселить её здесь.

– И ведь почти каждую неделю кто-нибудь сбегает на корабль, – вздохнул Тимьяр, разглядывая лес мачт в порту. Они стояли на набережной, выбрав укромное место, где не было толчеи и шума.

– Их возвращают? – тихонько спросила Дара.

– Если на чужой по дурости залезут, то да. А если к своим… Весточку домой и юнгой на службу. Зачем дарить человеку крылья, если у него в душе царит море.

– Ты не прав, – Гестар покачала головой, – когда корабль несётся на всех парусах – это почти полет, только очень низко над водой.

– Да я и не спорю, – отмахнулся Тимьяр, – и моряков весьма уважаю. Каждому своё. Кому-то горы, кому-то море. Главное, чтобы в жизни был выбор, а уж по какой дороге идти – дело

каждого. Слыхал, младший Рукхана сбежал вчера в рейс.

– Да, ты что! – воскликнул Гестар, – вот старик-то огорчился. Он же клялся, что все его сыновья пойдут в гвардию и никуда больше, а тут такой «подарок». Представляю, как он рвал на себе волосы от огорчения, да поздно – парень небось и возвращаться побоится.

Гестар – темноволосый, как и все горцы, командир еще одного отряда присоединился к их компании пару месяцев назад, когда вернулся из очередного рейда в Империю. Балагур и весельчак, он был мастером на разные затеи и развлечения. С ним девушка чувствовала себя легко и непринуждённо. А вот некоторые его побаивались – острый на язык Гестар мог высмеять любого, но тут же помириться, если остроты сильно кого-то обидели.

Как же он отличался от молчаливого уравновешенного Кристана. Сероглазый даже двигался неторопливо, словно обдумывая каждый шаг. И все-таки Дара именно его выделяла среди прочих арганцев, как своего спасителя из цепких лап графини.

– Знаешь, что означает твоё имя в Аргании? – спросил однажды Кристан, – Оно переводится, как цветок ночи – небольшой с черными лепестками и красивый, как ты. Цветёт только по ночам на высоких лугах.

– Ночная фиалка, – догадалась девушка, – в Империи тоже растёт такой цветок, – она тряхнула отросшими до плеч волосами, улыбнулась, – но по ночам я сплю.

– Зато у тебя черные волосы и глаза, а когда ты улыбаешься – словно расцветаешь.

Дара покраснела. Ухаживания Кристана ей нравились, как и сам гвардеец, но сердце не торопилось с выбором. Ещё не зажили нанесённые раны, не стёрлась память о боли. Наверное, поэтому каждое утро, находя на подоконнике букет фиалок, девушка не искала дарителя цветов.

Кроме Гестара с ними часто выбирался на прогулки Тукхан – молчаливый здоровяк с застенчивой улыбкой из отряда Гестара. Даргей, еще один арганец, был единственным не гвардейцем из их компании, зато его интеллекта смело хватало на всех здоровых и сильных. От него Дара узнала и про таможню на островах, и про торговые законы, и даже про то, как отличить поддельный камень от настоящего и многое другое. Как и большинство арганцев, Даргей был темноволосым и голубоглазым.

Все они хорошо относились к девушке. Но иногда Дара ловила себя на мысли, что их забота носит оттенок некой настороженности. Так родственники наблюдают за тяжело

больным ребенком, ловя малейшие признаки ухудшение здоровья.

Слава Создателю, про прошлое её никто не расспрашивал, да и сама Дара кроме приюта не готова были ничего вспоминать.

Дара быстро шла по коридору в конюшню. Провела рукой по карману платья – не забыла ли положить кусочек сахара, нет на месте.

Ильк оказался жутким сластёнам, и девушка его беззастенчиво баловала, не взирая на все ворчания Кристана. Зато Илька можно было гладить, целовать в бархатный нос и ни капельки не боятся, не то, что боевых монстров гвардейцев.

Она спускалась по лестнице, когда впереди послышались мужские голоса. Фраза: «И когда ты собираешься все рассказать Дариэлле?» заставила её замедлить шаг и застыть, затаив дыхание. Девушка аккуратно выглянула из арки. Впереди в галерее стояли двое, боком к ней: неизвестный и тас Нурсах. Вопрос задал последний.

– Сначала я должен с ней побеседовать, а потом уже принимать решение. Вдруг она все ещё не готова услышать правду?

– Думаю, тут никто не будет готов услышать, что является законной наследницей на горный трон.

– Друг, – тяжко вздохнул незнакомец, – ты видел её, общался. Как она?

– Как мы все в юные годы – наивна, неопытна, но добра, мила и искренна. Я не почувствовал в ней лжи. Да, она рассказала только про детство, но ты сам понимаешь почему.

– Да, понимаю. Мне уже доложили. Представить не могу, что принцесса, будущая королева и продажная женщина. Но это полбеды, пережили бы! Не страшно, что не обучена и не знает законов, языка – выучили бы. Совет поддержал бы, не дал наделать ошибок. Но Тао-Ресак! Всем известны дурные наклонности графини. Одному создателю ведомо, успела она отравить душу девушки или нет. И больнее всего осознавать, что кому-то из моих сыновей по законам гор придётся жениться на ней. Я даже представить не могу, какой сложный выбор им предстоит – трон и страна или собственное счастье.

Дара зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Пора уходить, пока она не выдала себя. Шаг, еще шаг и напоследок доносится фраза.

– Наместник, я не был бы так категоричен в отношении Дариэллы. Ваши сыновья довольно часто встречались с девушкой, может у них другое мнение в отношении этого брака?

Глава 4

Стыд, ярость, обида и злость – всё смешались в противоречивый комок эмоций.

– Как, как они могли?! – билось в голове. Заманить в страну, скрыть, что она – потомок королевской семьи, правда, непонятно откуда узнали, улыбаться всё это время и думать лишь об одном, как такая падшая женщина может занять горный трон – позор для Арганнии! Как могли обманывать, лгать, глядя в глаза… а сами лишь оценивали, взвешивали шансы вылепить из неё что-то достойное. Вот и объяснение хорошим учителям, отдельным комнатам и постоянному присмотру. Как она могла думать, что здесь каждой проходимке выделяют отдельные комнаты во дворце! Дура!!!

Когда схлынули первые эмоции, и Дара захлопнула за собой дверь комнаты, к ней вернулась способность рассуждать здраво.

Ну, действительно, какая из неё королева – смех, да и только. Ничего не умеет, не знает, на публике впадает в полуобморочное состояние, речь произнести – настоящая пытка. Нет, такая королева – позор для Арганнии. Выход один – бежать и прямо сейчас. Жили же они как-то без неё и дальше прекрасно проживут. Наместник опять же страну до процветания довёл, пусть и дальше шлифует. Сыновья у него есть, вот и наследники для трона. А если им не даёт на это право существование Дары, так пусть не волнуются. Она здесь больше не появится. Жаль, детей завести не придётся, чтобы окончательно род прервать. Но это ничего, потерпит. Главное, спрятаться хорошенько, чтобы не нашли, не вернули. Поищут и забудут. Не впервой им принцесс терять.

Прав, наместник, прав. Ну, какая из неё жена? С таким-то прошлым? Пусть и не случилось ничего в весёлом доме, пусть обошлось, вот только ту грязь из души так просто не вычистишь. Две недели всего была, а казалось – целую жизнь. Чего только там не насмотрелась, каких только слов не набралась! Пёс заставлял обучать новенькую. Нет ничего проще, чем светлое замарать, а вот отмыть потом, ой, как тяжело. И графиня… склизкой змеёй в душу вползла. Пробудь Дара там хоть пару дней, страшно представить, что было бы.

Арганцы совсем другие. Для них брак – священен, один и на всю жизнь. Разрывы крайне редки. Дара встречалась с другими девушками – белые лилии вместо душ. И тут она… чёрная фиалка. Не на это ли намекал Кристан?

И эти красавцы, тоже хороши. Заботились они, видите ли, о

Даре. Дружили.

Сколько сыновей у наместника? Два, три? И кто из них маскировался под друга? Вот позор-то какой! Все вокруг были в курсе, что кому-то из сыновей придётся жениться на меченой принцессе. Предатели! Вот этого обмана она им не простит.

Но обида, обидой, а портить кому-то личную жизнь из-за внезапно свалившегося трона, она не собирается. Хватит, пожила в довольствии, ухватила свой кусочек счастья, пора и честь знать.

Дара заметалась по комнате, собирая вещи. Штаны, пару юбок попроще, рубашки, одеяло, тёплый жакет, сменную обувь, ещё немного полезных вещей для дороги.

Теперь записку с извинениями учителю, что она летит на побережье вместе с Кристаном. Мол, там приплыл корабль с животными, и ей очень хочется на них взглянуть. Если все пройдёт удачно, хватятся её только завтра утром.

Дальше степенным шагом на кухню с пустым мешком в руках.

– Шайгар!

– А, маленькая Дари, – улыбается повар, – что опять на пикник?

Она кивает.

– И опять с этим прожорливыми созданиями? Ладно, ладно, положу побольше. А то, знаю я их. Сами все съедят, а тебе не достанется. И так худая – кожа, да кости.

– Будет, вам, Шайгар, – смеётся девушка, – благодаря вашим чудным пирожкам у меня даже животик появился.

– Эээ, какой-такой животик? – повар свернул ладони трубочкой, разглядывая фигуру Дары, – одну немочь худосочную вижу. Пирожков положу побольше.

– Помочь донести, Дари?

– Спасибо, Шайгар, справлюсь. До конюшни недалеко.

– Держи еще бутылку травяники, а то вдруг пить захочется.

– Вот за это – спасибо! – Дара искренне улыбнулась. Местная травяника – лучшее средство от жажды, кроме того она прекрасно поддерживает силы, а силы ей ещё, ой, как понадобятся.

Нагруженная припасами девушка вышла во двор. Дара старалась ничем не выдать охватившее её волнение – ещё чуть-чуть и она вырвется отсюда. Встречные слуги не обращали никакого внимания на медленно идущую девушку, привыкли, расслабились – не пленница же, а гостья на особом положении. А вот и конюшня.

– Дядько! – крикнула Дара, заглядывая в царящий внутри полумрак. В ответ полумрак зашевелился, засопел, зафыркал, перестукивая множеством копыт по дощатому полу.

– О! Даришка пожаловала! – сбоку вынырнул конюх и, прихрамывая, направился к девушке.

Дядько раньше служил в гвардии, но на одном из заданий повредил ногу, а главное – потерял собственного пегаса. Его самого, раненного, чудом вывезли товарищи. Остаться среди своих наставником Дядько не захотел, и попросился в конюшню, поближе к пегасам.

Вот его Дара побаивалась – бывший гвардеец мог раскусить план побега.

– Куда собралась, птичка ранняя?

– Кристан звал на водопады.

– Что ж, дело хорошее. А где же твой красавчик?

– Сюрприз хочу ему сделать, – Дара потупилась, – подожду на белой скале.

– Одна, значит, – Дядько потёр подбородок, девушка замерла – позволит или нет? – а не заблудишься?

– Разве можно тут заблудиться, когда её отсюда видать.

– Видать-то, видать, – конюх задумчиво покачал головой, пожевал губы, потом махнул рукой, – ну, да ладно. Ильк – надёжный, довезёт. Да и ты на нем уже хорошо держишься. Давай, оседлаю. Принеси мне попону теплую, да одеяло себе возьми, а то опять на камнях сидеть будете.

Дара прошла в дальний конец конюшни, выбрала попону, взяла с полки одеяло, потом воровато оглянувшись, подхватила с полу мешок овса. Быстро отсыпала в пустой мешочек пару мер, сверху бросила жакет.

Когда вернулась, Дядько уже заканчивал седлать Илька. Пегас радостно заржал, потянулся к Даре.

– Ты – мой хороший, – она дала ему кусочек сахару, затем провела ладонью по бархатному носу, – обещаю, все будет хорошо, – еле слышно прошептала, сглатывая комок слез.

– Чтой-то ты загрустила, – выглянул из-за крупа конюх, – али поссорилась с кем?

– Нет, просто сон дурной приснился, – отмахнулась девушка, кляня в душе Дядько с его проницательностью.

– Ну, это дело проходящее. Полетишь, развеешься, мигом все забудешь, – рассудил конюх, – Кристану, привет!

– Обязательно передам.

Дядько споро пристегнул к седлу мешки с одеждой, едой, свернул попону, подвесил сложенное одеяло. Под его суровым взглядом девушка повязала тёплый плащ, хоть на улице и было солнечно, а день обещался быть жарким.

Горы не любят легкомысленного к ним отношения. Здесь погода переменчива, как настроение младенца, здесь даже на

лёгкую прогулку берут тёплую попону для коня и плащ для себя.

Дара до последнего ждала окрика в спину: «Стой!», но нет, обошлось. Ильк радостно заржал, расправляя крылья.

Пара подскоков, и они взмывают в нежно голубое небо, направляясь к белой скале. Девушка даже не сомневалась, что Дядько проследит за тем, куда они полетели. Но это не страшно, её путь все равно лежит в ту сторону.

Хорошо, что Кристан с утра ушёл в море на рыбалку, и во дворце сегодня не появится. Была у Дары надежда, что о его планах мало кому известно, и ложь вскроется только завтра.

Ей вспомнились слова Нурсаха: «Ваши сыновья довольно часто встречались с девушкой». Мысль о том, что Кристан может оказаться сыном наместника оказалось довольно неприятной. Более того, Даре вдруг нестерпимо захотелось, что он был простым арганцем, через пару лет разыскал её в Империи, и тогда они бы улетели вдвоём далеко-далеко…. Увы, Кристан – настоящий арганец и никогда не предаст закон гор.

Дара решительно отбросила глупые мечты и сосредоточилась на маршруте. План побега был прост, и пока все шло хорошо.

В Империю из Аргании вели два пути. Первый – короткий через перевал выходил практически в центр страны, до столицы рукой подать, и гвардейцы использовали короткий, но более опасный путь, не желая привлекать к себе лишнего внимания.

Второй – более долгий, шёл по пологой части Джуйского хребта, сплошь искорёженной сетью глубоких ущелий. Этот путь выходил на окраину Империи, и последний раз им пользовался свадебный кортеж принцессы.

Дара прекрасно понимала, что перевал ей не по силам, а вот в ущельях легко затеряться. Там её будет трудно отыскать, главное – самой не заблудиться. Как она помнила, ущелья, хоть и пересекались друг с другом, шли в сторону Империю.

Обогнув белую скалу, Дара направила возмущённо фыркнувшего Илька вглубь горного массива.

– Не бойся, – похлопала по шее, – как только прилетим, отдохнёшь и отправишься домой, а я…, – она вздохнула, – останусь.

Решимость, владевшая ею до этого момента, постепенно таяла, как туман внизу в горах. Она прикусила губу, смаргивая непрошеные слезы.

Судьба странным образом плетёт своё кружево. Если бы Дара не попала к Тао-Ресак, то и не встретила бы арганцев, не оказалась бы в королевстве, не узнала бы о своем происхождении. И в тоже время, не попади она в веселый дом и затем к графине, кто знает, как сложилась бы её судьба в Аргании, может уже и

корону примеряла бы.

Через пару часов полёта углядев небольшой водопад, Дара отправила пегаса вниз. Рассёдлывать не стала, лишь сняла мешки. Ильк с довольным видом потрусил к видневшейся среди камней зелёной траве. Сама девушка умылась ледяной водой, набрала полный кожаный мешок – неизвестно встретится ли им дальше вода, а пегасу нужно пить.

Отдохнув полчаса, они полетели дальше. Ярко голубое небо радовало своей безлюдностью, значит, её побег до сих пор не обнаружен.

Солнце высвечивало каждую чёрточку проносящихся под крыльями скал. Дара боялась потерять направление и пока держалась над горами. Невысокие отроги серыми каменистыми змеями извивались внизу, их шкуры местами расцвечивал серо-коричневых мох, голубыми глазками поблёскивали редкие озерца.

Лишь когда Ильк нырнул в первое ущелье, девушка вздохнула с облегчением. Первая часть пути преодолена.

Место для отдыха она высматривала долго – кругом острыми зубьями торчали скалы, спускаться вниз было опасно, а наверху – те же камни, ни одной ровной площадки. Наконец, сбоку показался уступ, достаточно широкий, чтобы на него сесть.

Дара расседлала пегаса, дала остыть, затем накормила овсом, напоила. Ильк требовательно ткнулся носом в плечо.

– Держи, сладкоежка, – она протянула кусочек сахару, – но больше не дам. Воды у нас с тобой только этот мешок.

Сама Дара, не смотря на полуденный час, не смогла заставить себя поесть. Оставшуюся часть отдыха она провела сидя на уступе, бездумно глядя на отвесную стену ущелья, возвышающуюся напротив. Думать о будущем не хотелось, переживать о прошлом – не было сил. Побег отнял все, выжал досуха. Жутко хотелось спать, но эта роскошь ей была пока недоступна. Да и ночь предстояло провести в горах. Пожалуй, место для ночёвки стоило выбрать заранее. А завтра к обеду, если все получится, она увидит зеленые холмы Империи.

Кристан стоял, облокотившись о перила борта. Внизу пенились волны, с шипением обругивая разрезавший их корпус корабля.

– О чем задумался? – спросил Даргей, вставая рядом.

– Гроза, какая с гор заходит, – арганец кивнул на темно-лиловую часть неба, повисшую над Джуйским хребтом, – пора к берегу заворачивать. А то угодим под шторм. Ишь, как быстро идет.

– Уже. Капитан отдал команду держать курс на острова, до

берега боится, что не успеем.

– Хорошо, что Дариэллу не взяли с собой. Хотя, веришь, тревожно как-то на сердце. Странно, она ведь во дворце, и все должно быть в порядке, а все равно не по себе.

– У меня тоже тревожно на душе, – Даргей помолчал, потом добавил, – с Быстрого просигналили, что корабль наместника на рассвете причалил в порту.

– Давно пора, – кивнул Кристан, – значит, завтра во дворец?

– Куда деваться. Он же захочет со всеми побеседовать, а потом уже будет принимать решение. Уверен, тебе не стоит бояться за Дариэллу – она хорошая девушка, и ему понравится.

– Я боюсь не за нее, а за нас. Мне кажется, мы настолько привыкли жить без королевской власти, что теперь будем искать любой предлог, чтобы не посадить Дару на трон.

– Может, ты и прав. Главное, не обидеть её этими поисками. Если мы потеряем принцессу второй раз по собственной глупости – мы потеряем себя.

Дара несколько раз заставляла Илька перелетать в соседние ущелья, как только между скалами виднелся подходящий перевал. Кто знает, как хорошо эти горцы могут идти по следу. За то время, которое девушка провела в королевстве, она не раз сталкивалась с необычными вещами. Все эти каменные дворцы, изящные интерьеры, таинственные прииски, странные камни, а что говорить про пещеру прародительницу, о ней Дара ведала лишь название. Теперь, когда ей была известна настоящая причина пребывания в Аргании, подобные недомолвки превращались в обиду. Раз не захотели посвящать чужачку в свои тайны, значит, не были уверены, что она останется.

«Нет, побег был верным решением», – окончательно убедила себя Дара.

Когда на верхушках скал легли первые розовые проблески заката, она начала высматривать место для ночёвки. Как назло ущелье впереди, словно топором обтесали – сплошь отвесные скалы. Нужно было рискнуть подняться и перелететь в соседнее ущелье, может там повезёт, или сверху сможет присмотреть что-нибудь подходящее. Не хотелось бы ютиться ночью на узком пяточке.

Дара направила пегаса вверх. У самых верхушек скал резкий порыв ветра чуть не сбросил их на камни. Сердце девушки сжалось от дурных предчувствий, но слева небо было безмятежно голубым, а вот справа – она бросила взгляд в ту сторону и обмерла от страха. Огромная завораживающе-черная смерть заняла всю правую часть неба. Она была близка, очень близко. Внутри облака уже колыхалась буря, раскидывая слепящие ветви

молний. Раскаты грома еще звучали глухо и невнятно, словно туча раскачивалась, тихонько ворча, чтобы потом налететь в одно мгновенье, превратив ясный погожий день в дикий хаос с оглушительными раскатами грома, тучами мусора и пыли в воздухе, белыми змеями на черном небе и под конец сплошными потоками воды.

– Вниз! – закричала Дара, но было уже поздно. Сильный порыв ветра, словно игрушку, подхватил коня, закрутил, перенёс через гряду, а затем с силой швырнул на скалы. Ильк изогнувшись, оттолкнулся от камней, но крыло спасти не успел.

Сквозь шум бури Дара не слышала, как хрустнуло сломанное крыло, скорее почувствовала, как вздрогнул пегас, а затем они стремительно понеслись вниз. Ильк пытался держать равновесие вторым крылом, но скалы острые, прямые, равнодушные в своей твердыне были повсюду.

Удар – Дару выбросило из седла, она прокатилась по дну ущелья, а затем потеряла сознание.

Очнулась от потоков воды, стекающих по лицо. Первые секунды сознание слабо пыталось понять, где оно и что с ним, но память вернулась, принеся боль и отчаянье.

– Ильк! – Дара попыталась встать, голова отчаянно кружилась, а ноги дрожали, – Илькушка! – она плача, поползла назад, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь потоки дождя.

«Только бы жив, только бы жив», – шептали губы. Она протянула руки, дрожащими пальцами нащупала холодную мокрую шкуру коня. Грива слипшимися сосульками свисала вниз, крылья – гордость и красота пегасов, теперь изломанные с выдранными перьями раскинулись на камнях.

– Прости, прости, – Дара приникла к шее коня, – прости меня, это я – дура со своей гордыней. И зачем только сунулась в эти горы? Как же я без тебя, Ильк? Я же не смогу дальше. Ильк, ну очнись, Илькушка. Клянусь, никогда больше не пожалею тебе сахару. Только живи, умоляю, живи.

Губы шептали что-то бессмысленное, руки гладили гладкую шкуру, перебирали гриву, а небо равнодушно взирало на них, плача из-за своей собственной беды, неизвестной никому из копошащихся внизу существ.

– Илькушка…., милый, – слабое ржание донеслось до девушки.

«Жив!» – радостно забилось сердце, и разом забылись собственные беды, стало важным лишь одно: «Он будет жить! Должен! Не будь я… а, не будь я – принцессой Аргании!»

Первым делом долой седло и мешки. Некогда распутывать намокшие верёвки, вот и пригодился кинжал – подарок Тимьяра.

Они тогда собирались на праздник начала лета, а парадный костюм горца без кинжала немыслим, как у мужчин, так и у женщин.

Теперь проверить повреждения. Крылья она трогать не будет, там даже на вид ничего хорошего. Больше всего Дару беспокоили ноги. Если перелом… нет, даже думать об этом страшно. Она аккуратно проверила все четыре. На правой обнаружился глубокий порез. Хорошо бы это был только порез. Но времени на детальный осмотр нет. Нужно найти укрытие, в крайнем случае, место повыше. Скоро по дну ущелья потечёт ручей, и оставаться здесь нельзя.

Как не хотелось ей покидать коня, но пришлось. Стена ущелья ещё проглядывалась сквозь серые сумерки, да и дождь стал пореже. Вроде бы справа что-то темнело. Ей повезло – сказочно. Второй раз за сегодня. Неужели горы смилостивились и перестали мстить за то, что она посмела бежать?

Это не было даже пещерой – углубление под нависшей скалой, но в глубине сухо, а по краям валялись принесённые весенними ручьями сучья.

Перенести вещи и седло было самым простым делом, но что делать с Ильком? Даже если каким-то чудом ей удастся втащить его на попону, она все равно не сдвинет коня с места. Как же быть?

Пегас следил за её перемещениями и жалобно ржал, если она скрывалась из виду.

– Потерпи, милый, все будет хорошо, – уговаривала она его и себя.

Умный конь сам понял, что от него требуется. Неловко качнулся, пытаясь встать. Девушка охнула и бросилась на помощь. Она тянула, напрягая свои невеликие силенки, и чуть не упала, когда Ильк, встав с третьей попытке, положил голову ей на плечо. Дара закачалась, но устояла. Медленно, шаг за шагом под уговоры девушки: «Ну, еще чуть-чуть, мой хороший, давай, еще немного. Вот умница», они все-таки дошли.

К радости Дары, Ильк хоть и прихрамывал, но на правую ногу немного приступал.

Теперь первым делом тепло и свет. Она собрала сучья, достала из мешка один из двух горючих камней, которые прихватила из камина собственной комнаты. Знала же, что в горах ночевать придётся.

Огонь разгорался неохотно, с трудом отдавая тепло. И все же с ним стало гораздо веселей.

Дара развернула попону, сухой частью тщательно обтёрла коня, затем попыталась с помощью мешков и попоны сделать хоть

какую-то преграду для ветра и капель дождя.

Теперь пришло время заглянуть в аптечку. Её Даре вручили вместе с Ильком, и выучить заставили, что от чего применять надо. Жаль, только, что здесь опытный врач нужен, а не новоиспечённая любительница.

Так, противовоспалительная мазь – обработать рану на ноге и перевязать. На бинты пустить белую рубашку. Набрать ровных палок, и приступить к самому сложному – крыльям.

Дара от сосредоточения закусила губу, даже дышать старалась реже, чтобы руки не тряслись. Выпрямить кости, разгладить перья, наложить палки и примотать покрепче. И так повторить несколько раз, пока оба крыла не стали похожи на белые замотыши. Теперь закрепить их на спине, чтобы не мотались в воздухе, и без сил рухнуть около костра.

Ильк мужественно перенес лечебные процедуры, лишь тяжело дышал, с присвистом, сквозь который изредка прорывались жалобные стоны. И тогда сердце девушки замирало, на глаза наворачивались слезы, а руки начинали мелко трястись.

– Потерпи, милый, потерпи, – бормотала она, смахивая с ресниц слезы.

Когда закончила, бросила на камни запасной плащ, расстеленное на просушку одеяло было еще мокрым, под голову положила седло и попыталась заснуть. Дара понимала, что сон необходим, силы ей завтра, ой, как понадобятся, вот только испуганное сердце продолжало биться в груди, не желая успокаиваться.

Стихший было дождь, зарядил с новой силой. Небольшой костер не мог спрятать от непогоды усталую путницу и покалеченного коня. Было зябко, холодно, неуютно, а еще очень страшно. Страшно за Илька – как она теперь отправит его домой? В Империи такой конь – обвинение в измене и верная смерть. Пегаса продадут, а её казнят, как шпионку Аргании.

Что же, сейчас у Дара одна забота – поставить Илька на ноги, точнее на крылья. Удаляться от гор нельзя. День пути, максимум два, найти убежище и ждать, пока он поправится. Если нет… если повреждения окажутся слишком серьезными, и пегас не сможет летать… Нет, Дара даже думать об этом не хотела. «Все будет хорошо», – убеждала она себя.

Ночью, замерзнув, она подползла под теплый бок коня, так и заснула, положив голову ему на живот.

Утром закоченевшее тело отказывалось повиноваться. Привыкло оно спать в мягкой дворцовой постели, а не на голых камнях.

Солнце еще не поднялось над горами, утро было серым и

промозглым. Редкие клочки тумана ютились по дну ущелья, лишь добавляя унылых красок, а наверху стремительно бежали тучи, обещая расплакаться при первой возможности. Наступал последний месяц короткого лета, по ночам становилось уже прохладно, но днем Дара надеялась, будет тепло.

Девушка не стала разжигать костер, наскоро перекусила холодным мясом, съела сыр и пару сладких булочек, напилась травяники. Её морозило, голова болела и немного кружилась, но Дара не обращала внимания на собственное недомогание. Хоть ей и плохо, но Ильку еще хуже – со сломанными крыльями и пораненной ногой.

Девушка поменяла повязку, проверила, не ослабли ли узлы на самодельных лубках, добавила еще несколько полосок ткани, чтобы крепче зафиксировать палки. От овса Ильк отказался, а вот воду выпил охотно, почти полностью осушив мешок. «Значит, первым делом ищем воду», – решила Дара. Теперь нужно было уговорить пегаса идти дальше. Оставаться здесь, на голых камнях – верная смерть.

Умница Ильк послушно поднялся, хоть и на дрожащих ногах, но сделал несколько шагов.

– Ты у меня самый лучший, – чмокнула его в нос Дара, стряхивая набежавшую слезу.

Половину багажа пришлось оставить под скалой – ей просто не утащить столько. Чтобы не травмировать крылья, на спину коня девушка уложила одеяло и попону. Сама взяла еду, немного одежды, лекарства и разных полезных мелочей, без которых им просто не выжить.

– Что же, в путь!

Пошла впереди, поминутно оглядываясь. Сзади, прихрамывая, ковылял Ильк.

Дара не знала, как далеко им удалось улететь, ноявно преодолено больше половины пути, а, значит, идти до Империи ближе, чем возвращаться назад. Да и не хотелось девушке признавать себя побеждённой. «Я справлюсь, – твердила она про себя, – не сдамся. Вылечу Илька, отправлю домой, и буду сама устраивать свою жизнь без всяких принцесс и арганцев».

Впереди ущелье раздвоилось. Дара заглянула в одну сторону, затем в другую и радостно вскрикнула. Второй путь уходил вниз, но главное – в углублениях блестела дождевая вода.

Ильк заржал, почуяв воду. Шли они уже долго, и пегасу давно хотелось пить. Около первого же маленького озерца Дара устроила привал. Конь долго и с чувством пил, фыркая, жадно втягивал воду.

Это ущелье оказалось настоящим спасением для них. Здесь

было много небольших луж, полных воды от прошедшего ночью дождя. Из некоторых до сих пор текли вниз ручьи. Ильк осторожно ступал по скользким камням, а вот Дара шла, плюхая босыми ногами и поднимая брызги. Ботинки она связала и повесила на шею. Мешки давили на плечи, усталое тело просило отдыха, но девушка упорно шла дальше. Осознание, сколько мало еды осталось для коня гнало её вперед. Лишь когда Ильк начинал отставать, она устраивала привалы.

Дара старательно вглядывалась в серые камни ущелья – вдруг мелькнет зеленый куст или кривое деревце, неведомо как проросшее на скалах. Каждой травинки она радовалась, словно сокровищу.

Уже к вечеру пегасу явно полегчало. Он шел все уверенней. И девушка, как могла, поддерживала его силы. Яблоки, хлеб – все ему. Овес, она экономила, стараясь оттянуть неизбежное.

– Ильк, смотри, какой куст! Какие жирные листья! Погоди, я наклоню верхнюю ветку. Вот видишь, Ильк, какие мы везунчики. В скалах и такой славный куст нашли. А что дождь опять пошел, не беда. Главное, что теплый и не сильный. Мы же не сахарные Ильк, не растаем.

Глава 5

– Уважаемые тасы, – окрик Лиграна застал их при входе на главную лестницу гостевого дворца, – я, конечно, понимаю, молодость, увлечения, но впредь прошу запомнить – Дариэлла должна ночевать в своей комнате. Неприлично ей останавливаться в гостевых домах.

– Где она? – рыкнул Кристан, делая шаг к наставнику принцессы.

– Разве не с вами? – побледнел Лигран, – но записка…

Кристан не стал дослушивать до конца, а развернулся и бегом помчался в конюшню.

– Мы вчера целый день были в море, а ночь из-за бури провели на островах, – пояснил Тимьяр, направляясь вслед за Кристаном, – с нами не было Дариэллы.

– О, Создатель! – потрясённо проговорил Лигран, следуя за ними, – как я мог так ошибиться?

– Мы привыкли ей доверять, – пожал плечами Гестан, – интересно, что же здесь вчера произошло?

– Она улетела вчера утром, – Кристан встретил их на пороге, за его плечами маячил бледный Дядько, – сказала, что хочет сделать сюрприз и встретить меня на Белой скале. Туда и направилась. Когда не вернулась вечером – особо никто тревожиться не стал. Шла сильная гроза, и все решили, что мы остались переночевать в близлежащем поместье.

– Или на побережье, – хмыкнул Даргей, – девочка отлично замела следы.

– Не говори так, – насупился Тимьяр, – я не верю, что к побегу она готовилась заранее. Возможно, что-то стало причиной такого поступка.

– Мы все знаем, что причиной спешного побега могло стать возвращение наместника, – нахмурившись, сказал Кристан, – не будем терять времени, нужно поднимать гвардейцев. Пойдем пятью отрядами к перевалу. Обшарим каждый закоулок. Дариэлла не слишком опытный наездник. Всякое могло случиться.

Уже в пути, Даргей подлетел к Кристану.

– Я вот, что не понимаю, – прокричал он, пересиливая порыв ветра, – она торопилась, а поворот к Белой скале – это лишний крюк и довольно большой. Чтобы вернуться к дороге на перевал, ей пришлось фактически пролететь мимо дворца, а ведь для нее это было нежелательно – могли заметить.

– Меня тоже это мучает, – крикнул в ответ Кристан, – я бы

сам полетел к Белой скале лишь в одном случае, если рассчитывал вернуться в Империю через ущелья Джуйского хребта.

Он резко натянул поводья, пегас недовольно захрипел, расставил крылья, тормозя полет.

– Если ты прав, – Кристан нахмурил брови, – мы идем по ложному следу. Дариэллу следует искать совсем в другой стороне.

– Если я прав, – Даргей тоже притормозил коня, – она уже второй день в горах, и одному Создателю ведомо, что с ними могло случиться.

– Буря, – прошептал Кристан, бледнея.

– Предлагаю разделить отряды. Часть отправить к перевалу, остальные пойдут к ущельям.

– Согласен. Хоть найти их там будет нелегко, но Эсар обещал помочь. Вперед.

Отряды разделились, двумя группами отправившись на поиски.

Едва сиреневые сумерки стали вырастать из расщелин скал, Дара принялась искать место для ночлега. Она уходила на пару десятков метров вперед, заглядывала в каждую щель – тщетно, ничего подходящего.

Впереди показался обвал, рухнула верхняя часть скалы, открывая проход в соседнее ущелье. Дара сбросила мешки, поднялась по обвалу вверх, и вот – удача! Прямо перед ней на противоположной стороне склона сияло черное отверстие пещеры. Девушка радостно вскрикнула и отправилась на разведку. Пещера оказалось неглубокой и вполне подходящей. Теперь оставалось перевести через обрушившуюся скалу Илька.

Дара вернулась, с сомнением оглядела обвал. Убрала несколько особо опасных камней и аккуратно перевела пегаса на ту сторону.

Укладываясь на ночлег, она достала второй горючий камень, подожгла его. Хоть какое-то, но тепло. Жаль, веток собрать не удалось. Нечем подкормить огонь, а самого камня хватит ненадолго. Скромный ужин и долгожданный отдых. Вытянуть ноги, укрыться плащом, обнять пегаса за шею и… провалиться в сон.

Пафнорий, настоятель храма Единого Создателя, тяжело поднялся с колен. Как только утром стало известно о побеге принцессы, он вылетел из Белого города, где отдыхал после долгого путешествия, и отправился в храм. Здесь с полудня молил о снисхождении к девочке, о помощи отрядам в её поисках. Горы всегда отвечали на его мольбы, иногда показывая даже

больше, чем он просил. Для арганцев почти вечные камни были воплощением силы Создателя, а дух, обитавший в пещере Прародительницы – их надежным хранителем.

Но сегодня больше ждать нечего. Горы приняли решение и его не изменят. Увы, в помощи им отказано, более того, Дариэллу скроют от поисковых отрядов.

Пафнорий нащупал прислонённый к стене посох, с облегчением опёрся на него. Да-а, задержался он на этом свете, вот уже и ноги не стоят без поддержки куска дерева. Устал, ох и устал настоятель ждать. Вставать каждое утро с мыслью – может, сегодня исполнится пророчество матери-королевы, и в Арганию придёт последняя из рода Лэардан.

– Ну, как? – кинулся к нему навстречу наместник, едва Пафнорий вышел из пещеры.

– Увы, – тот беспомощно развел руками, – она не вернет Дариэллу в Арганию. Девочка сделала свой выбор, и горы его приняли. А тебе просили передать, что не вовремя сказанные слова могут многое разрушить.

– О, Создатель! – простонал наместник, – значит, она слышала наш с Нурсахом разговор. Какой позор на мою голову! Не прощу, если с ней что-нибудь случится.

– Успокойся, – настоятель ободряюще похлопал его по плечу, – она жива, и горы о ней позаботятся.

– Позаботятся! – эхом отозвался наместник, – это мы должны были о ней позаботиться. Веришь, я ведь хотел, как лучше. Думал, выдать Дариэллу замуж. Пусть выбрала бы кого, достойного, хоть из моих – слово бы не сказал. Неволить не стал бы, да трон навязывать. А уж из детей мы бы воспитали настоящих наследников.

– Эх, Эльзар, – покачал головой Пафнорий, – разумом жизнь наладить пытаешься, а сердце все равно вмешивается. Боюсь, моих сил не хватит дождаться, покуда ты достойнейших воспитывать будешь. Да и не нам с тобой судить о достоинствах чужих.

– Ты прав, насудился уже. Последняя принцесса из родной страны сбежала.

– Не кори себя. Нам не ведомы пути Создателя. Какими бы сложными они не казались на первый взгляд, мы никогда не знаем, что в итоге получится. Мне не ответили отказом на вопрос, вернется ли девочка сюда. Значит, есть надежда.

– Надежда! – лицо наместника просветлело, – Хорошо, я не стану отзывать отряды, может им удастся найти её в Империи, а пока отправлю людей по следам прошлого принцессы. Пора узнать правду. Не бойся, не из любопытства хочу знать о её

жизни, лишь из желания не нанести большей обиды.

Кристан гнал пегаса изо всех сил. Слишком много потеряно времени, ведь беглянка больше суток назад улетела из дворца. Страшно подумать, что могло случиться с неопытной наездницей во время бури, свирепствовавшей над горами прошлой ночью.

– Есть след? – крикнул он Эсару.

– Да! – ответил тот, уверенно сворачивая в ущелье.

Солнце уже клонилось к закату, когда арганец внезапно издал предупреждающий крик и жестом показал вниз – снижаться. Отряд медленно и аккуратно опустился на дно ущелья. Здесь в глаза сразу бросились следы трагедии: выдранные перья с засохшей кровью, обрывки веревок, ремней, а чуть поодаль под скалой остатки стоянки.

– Они упали, – Даргей поднялся с колен, держа в руках несколько перьев, – пегас скорее всего сломал одно крыло, а то и два. Судя по тому, что его расседлали, перевязали – девушка не пострадала. Ночь провели вон там под скалой, а затем отправились пешком.

– Хорошо, – Кристан с хрустом сжал кулаки, – мы успеем их догнать до темноты. Далеко они не могли уйти. Эсар, что со следом?

– Прости, командир, ерунда какая-то. Вот только что чуял их, а затем, как отрезало. Ничего, пустота.

– Что значит пустота? – взревел Кристан.

– Э-э, не в том смысле, что их нет в живых, нет, ты не подумай ничего дурного. Просто, перестал их ощущать, словно прикрыл кто-то.

– Горы, – задумчиво проговорил Даргей. – Я читал о таком. Если они прячут кого-то, бесполезно искать. Эх, как чувствовал, что не все так просто с этим побегом.

– Да, какое у них есть право скрывать от нас принцессу? – возмутился Тимьяр.

– Горы, не горы, мы все равно не сдадимся, – принял решение Кристан, – пойдем пешком по следу. И запомните, без Дариэллы нам дороги домой нет.

– Да-аринушка, – мягкий женский голос ворвался в сон, – Даринушка, солнышко, просыпайся.

– Да, матушка, – девушка сладко зевнула, с трудом раскрывая глаза, – что-то случилось?

Спросила и сама поняла, свою ошибку. Вместо светлых стен родной комнаты – черный камень пещеры, а вместо матушки – знакомый женский силуэт в расшитом серебряными звездами плаще. Осознала и испуганно вскрикнула, окончательно просыпаясь.

– Не бойся, милая, – ласково проговорила женщина, – я не причиню тебе зла.

Лунный свет падал на плащ незнакомки, и Даре казалось, что в его лучах звезды светятся, словно живые, переливаются, медленно скользя по тонкой ткани, а сама ткань, словно дымка – дунет ветер и развеется, как туман.

– Кто вы?

– Меня зовут Ниимтахаринга. Ты можешь называть Ниим.

– Ниимтахаринга, – повторила девушка, затем перевела, – та, кто живет внутри гор.

– Ты делаешь успехи в арганском, – одобрительно кивнула незнакомка, – хотя ничего удивительного в этом нет. Вашему роду всегда легко давались языки. Нам пришла пора поговорить, Даринушка. Долго я ждала, не вмешивалась, не хотела пугать. Да, только, когда ты бежать вздумала, не могла не встретиться с тобой.

– Я все равно не вернусь, – девушка села, обняла колени руками, с вызовом посмотрела на гостью, – отправите в Арганию силой – опять убегу.

– Дитя, – капюшон качнулся, все так же оставаясь опущенным вниз, – глупое упрямое дитя!

– Пусть так, – Дара поджала губы, – но это мое право быть глупой и упрямой.

Темнота под капюшоном недовольно хмыкнула: «А вот дерзость – не лучшее качество, поверь мне, милая».

– Почему я не вижу вашего лица? – спросила Дара, не в силах оторвать взгляд от темного провала, скрытого под капюшоном. Женщина медленно подняла голову, и девушка задохнулась от страха – ниже серебристой полоски края капюшона не было ничего – лишь тьма без проблеска света.

– Быть может потому, что ты сама этого не хочешь, – загадочно ответила темнота, – что ты знаешь о королях и королевах Аргании? – внезапно спросила она.

– Что они правили до недавнего времени, – пожала плечами Дара. Странный сон или явь – не лучшее время для экзамена по истории.

– Не просто правили. Дворец, в котором ты жила, построила прабабка принцессы Араэллы, а главный дворец создавали несколько поколений королей Аргании.

– Но как? – удивлённо воскликнула девушка.

– Особый дар, – пояснила Ниим, – подчинять камень, превращать его в послушную глину. Жаль, что этот дар ушел вместе с принцессой Араэллой.

– Почему тогда они отпустили её? – с недоумением спросила

Дара.

– Никогда не знаешь заранее, кого одарят благосклонностью горы, на кого ляжет благодать Создателя. Иногда это дочь, иногда – сын, изредка внук или внучка. В те времена никто и не мог предположить, что дар наследует младшая Лэардан. У королевы было два старших сына – настоящие горцы, смелые, отважные, умные, а принцесса выросла избалованной, слабой, хоть и с добрым сердцем. Все ждали, что дар проснётся в одном из принцев, но он проснулся в принцессе, когда та погибала на границе моих гор.

– Она умерла, да? – не смогла удержаться от вопроса Дара, и только затем поняла, какую глупость сказала. Ведь она сама – потомок принцессы.

– Камни молчат о её судьбе, – тихо ответила Ниим, – но сегодня мы говорим о твоей.

– Я все равно не вернусь, – упрямо повторила Дара, – пусть хоть какой дар проснётся, мне нет места в Аргании.

– Ты уверена? – в голосе Ниим послышалась насмешка, – но прошло четыре месяца. Все это время они ждали, что ты проявишь хоть какой-то признак королевской крови, кроме упрямства, конечно же. Теперь вижу, что ждали напрасно. Ты настолько боишься, саму себя, что предпочитаешь убежать, чем остаться и разобраться во всем. Хорошо, я помогу тебе. Жаль, конечно, беднягу Пафнория. Ему была обещана смерть, когда последняя из рода Лэардан сядет на трон. А старик уже заждался, но придется ему еще подокучать мне просьбами.

Теперь слушай внимательно, здесь в горах ты в безопасности. Я скрою тебя от тех, кто идет по следу. Но в Империи моей власти нет. Не хочешь, чтобы арганцы нашли и там, носи мой подарок. Я оставлю тебе один из своих камней. И еще, как бы трудно не пришлось – не продавай кинжал. Он тебе пригодится.

– Почему вы отпускаете меня?

Ниим помолчала. Тьма под капюшоном сгустилась сильней.

– Я легко могу вернуть тебя обратно, но заставить принять трон – не в моей власти. К чему тогда принуждать жить в Аргании? Твоя судьба – в твоих руках. Выбор – вот тот дар, которым владеет каждый из людей, пусть этот выбор и может привести в гиблое болото. А теперь, спи. Завтра тебе понадобятся силы. Я поведу тебя кратчайшим путем и уже к вечеру выведу в Империю.

Утром Дара впервые проснулась с чувством уверенности в завтрашнем дне. Она пройдет эти безжизненные горы, выведет Илька, и они не подохнут здесь от голода среди серых равнодушных скал.

Взгляд девушки зацепился за камушек, лежащий рядом с ней на плаще. Сквозь дырочку был продет грубый шнурок, а сам он выглядел невзрачно – блекло-черный с белыми крапинками. Дара осторожно взяла его в руки. Но подарок вел себя прилично, словно обычная морская галька.

– Вот ты какой, мой защитник! – улыбнулась она и повесила камушек себе на шею. Хорошо, что тот невзрачен на вид, меньше бросаться в глаза будет. Она же возвращается в Империю, отвыкла поди уже от грабителей, воров и убийц.

Как ни странно, но на окраинах Империи жить было гораздо спокойнее, чем в центре. Народ сам заботился о себе и своих семьях. Про верховную власть здесь вспоминали лишь раз в году, когда платили налог императорским сборщиками, или когда появлялись рекрутеры, чтобы забрать молодых мужчин на очередную войну.

Чем ближе к столице, тем туже скручивались в клубок постоянные интриги знати, замешанные на вероломных заговорах, ответные репрессии короны, кратковременно прорежающие ряды зарвавшихся богатеев, наглые ходы алчущих власти новичков, тихое копошение вражеских агентов, а над всем этим вечное сияние золото, нужного всем и во все времена.

Здесь на дорогах лихие люди помогали расстаться с излишками денег, а местные бароны, да графья не спешили ловить воров на своих землях, предпочитая заниматься более полезными для собственного обогащения делами. Здесь в городах легко было пропасть или, поймав удачу за хвост, стать уважаемым и достойным человеком. Единственное, что было невозможно в Империи – разбогатеть честным путем.

На завтрак Дара выделила Ильку часть овса. Экономить больше не стала. Если на то будет воля Создателя, вечером она сможет покормить пегаса свежей травой.

Когда выходила из пещеры, провела рукой по стене и тут же отдернула – камень потеплел под ладонью или ей это только показалось? Нет, точно показалось, решила Дара и, отбросив страхи и сомнения, улыбнулась солнцу, скалам и голубому небу.

– Ильк, скоро мы будем дома, слышишь?

– Ка-ар? – насмешливо донеслось сверху. Над пещерой на большом камне гордо восседал черный ворон. Он, наклонив голову, внимательно изучал девушку. Затем перелетев чуть дальше по ущелью, огласил окрестности нетерпеливым карканьем.

– Ты наш проводник? – догадалась Дара.

– Кар-р-р, – подтвердил ворон и смешно встопорщил перья, отряхиваясь.

По сравнению с прошлым днем, этот переход показался Даре легкой прогулкой. Ильк бодро трусил сбоку от девушки, впереди черным комком перьев маячил ворон, дорога плавно шла вниз, все чаще попадались островки зелени – кусты или низкорослые деревья.

В мыслях Дара то и дело возвращалась к ночному разговору. Пусть она трусиха, пусть предпочитает сбежать, чем выяснять отношения, но это её жизнь, и загонять себя в дворцовые рамки Даре совсем не хочется. Ведь, если рассудить, зачем ей трон? Красоваться в нарядах? Зычным голосом командовать слугами? Перебирать по вечерам украшения в шкатулках или танцевать до упаду на балах? Заманчиво, да только Аргания – особая страна, здесь имперские замашки не пройдут. Сколько балов прошло за эти четыре месяца? Да, ни одного. Праздник начала лета и фестиваль огней – не в счет. Горцы предпочитали уличные карнавалы, развеселые спектакли и зажигательные пляски на улицах. И знать проводила праздники вместе со всеми.

Какой потрясающий фейерверк зажигали тогда на берегу моря! Разноцветные огни вспыхивали в ночном небе и всполохами отражались в темной воде.

Н-да, королева Арганнии – смех, да и только. Как она может править, если всю жизнь провела в приюте для девочек, выходя за его стены лишь пару раз. Опыта никакого, образование – чужой страны и довольно посредственное. Как ни заманчива, но эта сказка не для неё. Она же не хочет постоянно ощущать себя полной неумехой, да еще ловить жалостливые взгляды, мол, бедная девочка, чем ей довелось зарабатывать себе на жизнь! Б-р-р, девушка брезгливо сморщилась. Увы, клеймо есть клеймо, оно на всю жизнь, даже если скрыто под одеждой, все равно доступно сплетням и домыслам.

В детстве Дара, как и все сироты, мечтала вырасти, заработать денег и отправиться на поиски родителей. Ведь не просто так её бросили на пороге приюта. Она не злилась на маму и отца, нет, просто верила, что те не могли поступить иначе. Видимо были серьезные причины оставить её одну.

Пусть эти надежды были наивными и глупыми, но Дара верила, что стоит начать поиски, она обязательно найдет маму, а может даже и отца. Это просто арганцам не везло, а ей обязательно повезет, ведь родные чувствуют друг друга, даже на расстоянии. Поэтому Даре никак нельзя оставаться в Арганнии. Принцессу никогда не отпустят в Империю, даже на поиски родной мамы.

Ну, а дар… Ниим права, четыре месяца и ни намека. Так может, никакого дара в ней и нет. Не в каждом же поколении он

просыпается. Ничего, переживут арганцы без новых дворцов. Научатся строить, как все – молотком и зубилом.

К вечеру они вышли из ущелья. Перед ними простиралась холмистая часть Империи, поросшая высокими хвойными лесами. Ильк радостно набросился на траву, а девушка вздохнула с облегчением: «Дошли»!

Проводник, громко каркнув на прощанье, улетел обратно, а Дара, пересилив усталость, отправилась подыскивать ночлег.

Ночь она провела в корнях старой раскидистой сосны, а утром, подкрепившись лесными ягодами и остатками припасов, отправилась дальше. Одежду, которую носила в Аргании – кожаные штаны и юбку с разрезами до бедер, Дара сняла и убрала в мешок. Вместо этого надела простую темно-зеленую юбку и светлую блузку. Их специально берегла для Империи.

По дороге девушка собрала и оструга́ла ровные палочки. Затем аккуратно развязала полоски на крыльях пегаса и заменила старые корявые палки, которые нашла в горах, на новые. Аккуратно забинтовала обратно, пустив на перевязку еще одну блузку. Ничего, ей и двух хватит. Правое крыло выглядело неплохо, и, похоже, обошлось сильными вывихами и растяжениями, а вот левое вызывало у девушки особое беспокойство. Переломов было несколько, непонятно еще, как они срастутся.

Довольно быстро они вышли на просёлочную дорогу. Дара прикрыла забинтованные крылья пегаса попоной, но, услышав стук копыт, они на всякий случай уходили в лес. Первые две деревни Дара обошла по широкой дуге, решив не останавливаться в них. Третья им попалась ближе к вечеру.

Вначале, углубившись очередной раз в лес на отдых, они наткнулись на небольшую избушку, явно заброшенную. Домик стоял на симпатичной полянке, а сквозь редкий лесок виднелось поле, на краю которого торчала неубранная копна сена.

– Ильк! – Дара огляделась кругом, – неплохое жилье, как считаешь?

Пегас отреагировал на восторги хозяйки с равнодушием. Его больше волновала донимавшая муха, норовившая сесть на нос.

– Что, тяжело без крыльев, – посочувствовала ему Дара, отгоняя муху, – привыкай пока обходиться хвостом. Он у тебя вон какой длинный.

Пегас ответил недоуменным взглядом, но хвостом послушно взмахнул.

– Вот и ладно, – улыбнулась девушка, – пошли-ка, братец, устраиваться на ночлег.

Она притащила сено с соседнего поля. Бросила охапку в углу

на земляной пол. Перед этим тщательно вымела избушку, прогнала из углов мелкую живность. Илька определила на другой половине.

Утром вывела пегаса пастись. Сама сбегала к ручью, который тек на краю поляны. Наполнила кожаный мешок до краев, растянула на трех колодах, чтобы коню было удобно пить, поставила в избе. Нарвала охапку веток, добавила сена.

– Ну, милый, до вечера тебе хватит.

Ильк встревоженно заржал.

– Не переживай, я буду очень осторожна, и обязательно вернусь. Но мне нужна настоящая еда, я не могу, как ты, питаться травой.

Пегас тяжко вздохнул, положил голову на плечо. Дара потрепала его по гриве, затем отстранилась и, не оглядываясь, вышла на улицу, прикрыла дверь избы. На сердце сразу стало тяжело, но голова уже кружилась от голода – надо было выходить к людям, иначе ей не выжить.

До деревни оказалось минут двадцать ходу. «Домов восемьдесят, большая», – прикинула девушка. Значит, должен быть трактир.

Он обнаружился сразу же, с краю. Дорога в этом месте – довольно широкая и наезженная делала резкий поворот, словно убегала от деревни.

«Теперь понятно, почему трактир поставили не в центре, а на краю, – подумала Дара, – чтобы яркой вывеской, да вкусными ароматами заманивать проезжающих мимо путников».

Запахи действительно были одуряющими. Девушка аж покачнулась, когда на неё накатила волна ароматов. «М-м-м, жареная картошка, варёное мясо, печёные пирожки», – подсказывал желудок, активно бурча от голода.

– Доброго утречка, хозяевам! – шагнула внутрь.

– И тебе, дочка! Что желаешь? Позавтракать? Али что посытнее сделать? – дородный мужчина в ярко-красной рубахе стоял за стойкой, что-то записывая на листочке бумаги.

– Мне позавтракать, – кивнула Дара, не в силах сдержаться, – вот только заплатить нечем, – потупилась она, – может, найдётся какая работа для меня?

– Хм, работа, – протянул мужчина, оглядывая девушку придирчивым взглядом, – откель будешь и куда путь держишь?

– Отстала я от торгового каравана, по глупости задержалась, да в дороге все деньги просадила. Теперь вот весточку от родных получила, чтобы здесь дожидалась. Они меня заберут, как только смогут.

– Эх, молодость, молодость. Из торговых, значит, будешь. Что

же, у отца других наследников нет?

– Нет, я единственная.

– Ну, тогда понятно, – повеселел хозяин, – повезло тебе, милая. Дочка у меня на той неделе замуж вышла, а без неё не справится. Обещала сестра племянницу мою прислать, да подзадержалась та с приездом. Можешь покуда вместо неё поработать. Как звать-то?

– Дара, – ответила девушка и лишь потом сообразила, что стоило назваться чужим именем, но от радости, что её взяли на работу, все умные мысли разом вылетели из головы.

Глава 6

Хозяин неторопливо выплыл из-за стойки. Солидных размеров живот был подпоясан широким поясом.

В Империи доходность трактира напрямую зависела от дородности его владельца. Народ рассуждал просто: какой же ты трактирщик, если даже себя накормить вкусно не можешь? Ну, а с хорошей еды, долго ли раздобреть?

Судя по внешнему виду хозяина, с доходностью у него все было в порядке. Звали его Фегдон, а его жену – приветливую женщину с длинными светлыми волосами, убранными в косы, закрученные вокруг головы Аннель.

Дару приняли хорошо. Трактирщику с женой действительно нужна была помощница, а кроме того положение дочери купца, за которую она себя выдала, было весьма выигрышным и пользовалось среди селян изрядным уважением. В Империи лишь две категории женщин имели относительную свободу: знать и наследницы торговых домов, при условии, что других наследников мужского пола у купца не было.

Купчихам не возбранялось в одиночку разъезжать по торговым делам, входить в питейные заведения, от них не требовалось выходить замуж. Многие из них заводили себе любовников, а затем не торопясь, выбирали среди них мужа, чтобы родить наследника или наследницу. Звонкая монета оплачивала любые их прегрешения и нарушения правил.

Дара не стала вдаваться в подробности своей мнимой жизни, да этого и не требовалось. Фегдон все придумал за неё.

– Значит, до Нижних Дубков на почтовой карете ехала, а сюда уже пешком прогулялась? – бормотал он, ведя её вглубь дома, – что же, дело молодое, можно и пешком, коли, денег нет. А что папенька у тебя строгий?

– Не, добрый, – мотнула головой Дара.

– Оно и видно, что добрый, – трактирщик кинул неодобрительный взгляд на девушку, – вроде взрослая уже, пора за ум браться, а все гуляешь, да деньги тратишь, вместо того, чтобы учиться их зарабатывать.

– Я стараюсь, – Дара потупилась, изображая сильное смущение, – оно само так вышло.

– Не оно, думается мне, а он, – усмехнулся Фегдон, – знамо дело – встретился, полюбился, наутро пригляделась и ужаснулась. Ну, да не мое это дело. Поживи покудова у нас. Заплачу немного, пару монет в день, зато едой не обижу. А вот и твоя комната, от дочки осталась, – он толкнул дверь, пропустил

Дару вперед, – нравится?

– Очень! – чистосердечно призналась девушка. Здесь действительно было уютно – небольшая кровать, застеленная узорчатым покрывалом, кружевные занавески на окнах, пузатый сундук под окном, светло-бежевый стол в углу, над ним полка с книгами и сухие букетики цветов, развешенные по стенам.

Так и потекла её жизнь в Верхних Дубках. Вставали здесь поздно, так как до ночи работали. Дара помогала по хозяйству, убирала зал, мыла посуду, чистила овощи, возилась в огороде, кормила кур. Аннель готовила, а Фегдон либо принимал постояльцев, либо занимался делами. На помощь к нему приходил долговязый Дил, он ухаживал за скотиной и работал в огороде и саду.

Вечером в трактире становилось людно. Сюда заворачивали после трудового дня мужья, стремясь вырваться из-под опеки жен хоть на пару часов, хаживали молодые парни, послушать разговоры стариков, поиграть в нойку, да выпить пару кружек сидра или хмельного меда.

Тогда для Дары наступала самая работа.

– Дочка, будь ласка, подлей в кружку меда.

– Неси еще сидра, красавица, а то горло пересохло.

– Чем нас сегодня побалуешь, милая, а то моя мегера такую дрянь вместо каши сварила, в рот не взять.

Крики доносились с разных концов зала, и Дара металась между столами и посетителями, торопясь успеть всюду. Терять эту работу ей было нельзя. Хоть и немного, но здесь ей заплатят. Будет на что жить, когда она отправит Илька домой.

Когда посетители переходили на горячительные напитки, шум в зале усиливался, а движения селян теряли прежнюю ровность, Фегдон выходил из-за стойки и начинал сам обслуживать гостей, отправляя Дару спать.

Девушка с облегчением шла в комнату, подальше от потных мужчин, начинающих распускать руки или пытающихся заплетающимся языком жаловаться на свою несчастную жизнь. Она еле волочила ноги от усталости, но мечта добраться и рухнуть на кровать оставалась пока лишь мечтой.

Тихонько, чтобы никто не заметил, Дара открывала окно и выскальзывала наружу. Еще днем она прятала в траве за сараем мешочек овса, немного яблок, хлеба и пару кусочков сахару.

Ильк встречал её приход радостным ржанием. Он уносился на прогулку, а Дара чистила пол в доме, наливала воды, насыпала овса и бросала охапку свежего сена. Потом садилась на пороге и засыпала, прислонившись к косяку. Пегас будил, когда над лесом уже вставала луна. Он тихонько тыкался теплым носом в лицо,

сопел. От него пахло свежей травой и ночным лесом.

– Встаю, встаю, – бормотала Дара, но глаза никак не желали открываться, и все же надо было идти.

Она закрывала дом и возвращалась в трактир. Осторожно залезала в окно своей комнаты, стягивала платье, выданное ей хозяйкой (нечего свой наряд тут загаживать) и проваливалась в сон.

Беда пришла на пятый день. Дара давно заметила, что зачастила в трактир развеселая компания молодежи. Верховодил ею сын старосты – рябой вихрастый парень с узкими глазками и широкими плечами. От его наглых взглядов девушке становилось не по себе. Фегдон хмурился, но не прогонял, лишь предупредил Дару, чтобы держалась от дурней подальше, мол, не одну девку попортили.

Этот вечер в трактире выдался особенно оживлённым. С тракта прибыли несколько гостей: четверо всадников – молодые тасы отправились погулять в столицу, да мрачный одиночка, едущий по своим делам.

Дара носилась, не чуя под собой ног, а мысли невольно возвращались к Ильку – все ли с ним в порядке? Скорей бы хозяин отправил спать, скорей бы увидеть любимого пегаса.

– Эй, дочка, принеси нам лучшего вина!

Дара улыбнулась. Заезжие тасы решили гульнуть. Не знают глупые, что вино, купленное у купцов – жуткая кислятина. То ли дело, местная медовуха или сидр. Но заказ, есть заказ. Придется идти в дальнюю кладовку, под лестницу, где стоят бутылки с вином.

Приоткрыла дверь, шагнула в полумрак и тут же резко обернулась – за спиной стоял сын старосты, плотно прикрывая за собой дверь.

– Попалась, птичка! – радостно ощерился парень, делая к ней шаг.

В следующее мгновенье Дара оказалась крепко прижатой к стене, а мужские руки уже задирали подол платья.

– Отпусти, – рыпнулась она, – отпусти, а то Фегдона позову, он тебе быстро лишнее поотрывает, да из трактира выставит.

– Меня? – ухмыльнулся парень, отстраняясь, – я же лет через десять деревню под свою власть возьму. Ему со мной ссорится не с руки. А тебе, Дарка, если трепыхаться не будешь, я подарок с ярмарки привезу.

– Не нужен мне твой подарок, – скривилась девушка, ощущая, как чужие руки скользят по коже, она упёрлась ладонями в мужскую грудь, стараясь отодвинуть от себя подальше, – последний раз прошу – отстань.

– И не подумаю, – сын старосты наклонился, вытягивая слюнявые губы, – здесь первый я всегда девок пробую.

– Не для тебя, девка, – прошипела Дара, с силой пихая парня в грудь, а затем, нанося тот самый удар, который ей показывала Милавка в веселом доме.

Била не жалея, от души. Потому что прав сын старосты, Фегдон ей не защитник. Ему трактир дороже пришлой девчонки. Здесь она сама себе защита.

Парень хрюкнул, согнулся пополам, тихонько заскулил.

– Сунешься, еще раз получишь, – твердо проговорила Дара, прихватила с полки бутылку вина и с королевским достоинством вышла из темной кладовки.

Уже на пороге её догнал сдавленный шёпот: «Еще пожалеешь, дрянь». Сердце сжалось от тревоги, губы задрожали от обиды. Неужели, снова бежать в неизвестность? Нет, её так просто не испугать. Она же не простая девка, а из торговых, гостья. Не станет сын старосты рисковать и преследовать её в открытую. За такое и от своего отца по шее огрести можно. Он поступит хитрее, будет пытаться подкараулить тайно, без свидетелей. И Даре нужно быть очень осторожной, что не попасть в его наглые руки. Второй раз ей не удастся застать его врасплох.

– Дочка, с тобой все в порядке? – встревожился Фегдон, когда она вышла в зал и поставила бутылку на стойку, – уж больно ты бледная.

– Спасибо, дядя Фегдон, все в порядке. Просто устала сегодня.

– Ну, так иди, отдыхай, милая.

– А как же вы? – Дара обвела рукой переполненный зал.

– Справлюсь, не переживай. И вино им сам налью. Иди-иди, – он ласково подтолкнул девушку к двери, ведущей в хозяйскую половину дома.

Дара не возражала, ей требовалось время, чтобы прийти в себя. Да и какая из неё работница, когда руки трясутся, а в голове полный туман.

В комнате девушка задержалась, собирая приготовленные яблоки и хлеб. Прислушалась – из зала раздавалось громкое пение. «Никак до утра собрались веселиться», – хмыкнула она, открывая окно. Ночь встретила её прохладой и громким пением цикад. Вот и знакомая поляна. В этот раз Дара бежала почти всю дорогу, словно за ней кто-то гнался. Тревожное чувство не отпускало, заставляя оглядываться назад и шарахаться от каждой тени.

Лишь открыв дверь домика и ощутив горячее дыхание Илька на своем лице, девушка вздохнула с облегчением.

– Соскучился, милый? – она провела по гладкой шкуре рукой, потрепала по холке, – держи, я тебе булочку принесла с яблоками. Аннель сегодня спекла. Вкусная, пальчики оближешь.

Конь осторожно взял лакомство с ладони, шумно вздохнул и выразительно покосился на дверь.

– Беги, беги, – Дара посторонилась, – застоялся, поди.

За привычными делами тревога рассеялась сама собой. Закончив уборку и приготовив еду для Илька, она села на пороге. Над головой раскинулось ночное небо – глубокий бездонный колодец, дно которого усеяно блестящими точками. «Сколько же там миров? – думала Дара, глядя на россыпь перемигивающихся звезд, – и есть ли хоть в одном живая душа, которая сейчас так же смотрит на небо?»

Сон не шел, и она так и просидела до возвращения пегаса, разглядывая мерцающие узоры.

Трактир встретил её сиянием окон и шумными голосами. Кто-то тянул жалостливый мотив, сквозь который прорывался дружный гогот нескольких молодых глоток. Дара вздохнула – опять утром Фегдон встанет с головной болью. Но гостей не выгоняют, таков закон. Она бы лично их всех метлой вон. Сколько сидеть можно? Вон уже и луна встает.

Дара тихонько вернулась к себе, проверила засов на двери. Стянула платье и рухнула на кровать.

Разбудил её громкий стук в дверь.

– Открывай! – орали в коридоре. Дара насторожилась.

– Дара, открой, – а вот это уже голос Фегдона. Значит, действительно нужно открыть. Она натянула платье, сунула ноги в ботинки. Дернула засов. Дверь тут же распахнулась.

– Что, попалась, арганская ведьма! – здоровый кузнец, ухватил её за волосы и потащил вон из комнаты. «Прости», – догнал шёпот бледного Фегдона.

Её вытащили на крыльцо. Двор был ярко освещён зажжёнными факелами. Здесь собралась почти вся деревня, бросилось в глаза довольное лицо сына старосты, а в кругу людей скованный веревками – Дара испуганно вскрикнула – бил копытами и недовольно ржал черный пегас.

– Ильк, нет! – сквозь нахлынувшие слезы прошептала девушка, но её услышали.

– Узнала свою тварь, ведьма! – прорычали над ухом.

– Я не ведьма! – тонкий крик прорезал темноту. В ответ захохотали, засвистели, затопали. Толпа жаждала зрелищ, её не остановить простым криком.

– У меня вон коза сдохла две недели назад, – толстая баба шагнула вперед, подперев широкие бока кулаками, и с

ненавистью уставилась на девушку, – ни с того, ни с чего, – добавила она, многозначительно оглядывая толпу. Та ответила одобрительными возгласами.

– Меня же здесь не было две недели назад, – растерянно проговорила Дара.

– Заранее наколдовала, – отрезала баба, – вон зверюга у тебя какая. Что же ты к ней по ночам бегаешь, как не колдовать? Признавайся, тварь, на кого порчу навела?

– То-то я вчера чуть не помер, так голова болела, – прохрипел мужик с синюшным лицом, – здесь же пил.

«Пить меньше надо», – хотела ответить Дара, но сдержалась.

– Ведьма, ведьма арганская, – донеслось с разных концов двора, – что с ней возиться? Сжечь и все дела, а коню крылья отрезать и в стадо пустить.

– Он же погибнет, без крыльев-то, – беззвучно прошептала девушка, глотая слезы. Собственная, пусть и мучительная гибель её не так страшила, как осознание, что не сберегла Илька, не спасла.

– Со мной что хотите делайте, – с отчаяньем крикнула, – только коня не трогайте. Он ни в чем не виноват.

– Не виноват, не трогайте, – звериным эхом откликнулась толпа, захохотала, застонала на разные голоса. Дара обвела двор умоляющим взглядом, но взгляд натыкался лишь на перекошенные ненавистью рожи. Пламя факелов, бросая причудливые тени на лицо людей, только добавляло им нечеловеческой жестокости. В блеске десятка глаз читался приговор: «Смерть! Смерть!»

– Мне интересно, – спокойный мужской голос как-то разом перекрыл весь шум, – а сколько платит Имперская канцелярия за поимку арганского шпиона? – скучающим тоном осведомился незнакомец, входя на крыльцо.

Толпа затихла. В воздухе запахло деньгами. На лицах отдельных селян начало проступать сомнение – сжечь или сдать? Одно сулило впечатлений на весь год, не меньше, второе – звонкую монету в кармане. Нет, хорошо бы и первое, и второе. Вот только за обугленный труп денег не дают, увы.

– Хм, семь или восемь монет? – размышлял мужчина вслух. Притихшая толпа, затаив дыхание, жадно внимала его голос, – и все-таки десять серебром, – решил он, наконец, а когда селяне шумно выдохнули, добил, – а, нет, ошибся, золотом. Точно золотом.

После этого во дворе надолго повисла полная тишина, что даже попрятавшиеся было цикады, решились подать свой тонкий голос.

Гигантская сумма награды медленно, но верно превращалась в умах людей из золотых кругляшков в купленную скотину, новые платья, обувь, выпивку, украшения, словом, во все то, что так привлекательно и совершенно необходимо для человеческого существования.

– Так…, это, – первым, как и полагается, выступил староста. Он щитом выдвинул Дару перед собой, словно, демонстрируя товар, – император-то где? А мы тута. Покудова доберёшься, да ведьму довезёшь, стока потратишь… А уж как боязно её тащить. Еще проклянет по дороге.

– Вот в этом, милейший, я могу вам подсобить, – усмехнулся незнакомец. Его лицо было наполовину скрыто капюшоном длинного плаща, и Дара видела лишь тонкую линию губ. Она напрягла память, пытаясь припомнить сегодняшний ужин, но, кажется, и тогда этот гость прятался в самом темном углу, – не бесплатно, конечно же, – добавил он, и просветлевшее было лицо старосты, мигом, помрачнело. Терять хоть одну монету тот был не готов.

– Скажем, пять золотых монет серебром сейчас, – вкрадчивым тоном предложил мужчина, – и ваша проблема решена.

– Пять? – нахмурился староста с таким оскорблённым видом, словно его только что лишили последних штанов, – но, помилуйте, уважаемый тас, как можно требовать целых пять монет за доставку какой-то там хилой девчонки. Да, это же плёвое дело, не стоящее никаких усилий.

По мере того, как отчётливее вырисовывался для старосты вопрос потери половины награды, его речь становилась все более пылкой. Он даже шагнул вперед, деловито расправив плечи и выставив грудь.

– Ведьмы, милейший, – насмешливо поправил его мужчина, – а что касается, усилий, вы правы. Для Службы Закона и Порядка – это плёвое дело, – он распахнул плащ, доставая за цепочку блеснувший серебром медальон. Дара не успела его разглядеть, но для остальных он, видимо, был хорошо знаком.

Староста как-то неуловимо быстро снова очутился за спиной девушки, а во дворе воцарилась теперь уже зловещая тишина.

– И заметьте, я говорю пока только о награде, – с нажимом произнёс незнакомец, – ведь вы сами в курсе о наказании за невыдачу шпиона властям?

Староста мелко закивал головой, словно, и в самом деле был в курсе.

– Итак…, – теперь в голосе законника явственно звучала угроза, – ведьма или шпион?

Дара даже не успела заметить, когда в его руке возник

небольшой увесистый мешочек.

Незнакомец медленно потянул за шнурок, раскрывая края. Стоящие рядом с девушкой люди повытягивали шеи. Мужчина подбросил мешочек в руке, монеты призывно зазвенели. Толпа заворожённо вздохнула.

Староста, забыв про страх, шагнул вперед, протягивая руку, но служащий резким движением убрал ладонь из-под мешочка, и тот устремился к земле. Глава деревни бросился его ловить, но лишь усугубил положение, неловким взмахом отправив в полет.

Десятки глаз, не отрываясь, следили, как мешочек взлетает в воздух, раскрывается, и из него серебряными рыбками во все стороны порскают монеты.

– А-а-а! – отчаянно завопил староста, бросаясь в погоню.

– Ох! – охнули бабы, падая на колени, мужики рухнули молча, но не менее быстро.

– Твою мать, – выругался кузнец, отшвыривая свою пленницу и ступая с крыльца прямо на спины ползающих в пыли людей.

– Думаю, нам не стоит больше здесь задерживаться, – прошептали у Дары над ухом, а чья-то рука уже крепко сжимали её за локоть, – хотя зрелище, конечно, занятное, вот только, боюсь, не долгое. Ты сможешь позвать своего пегаса?

– Д-да, – выдавила Дара, не в силах прийти в себя после такой резкой смены событий.

Незнакомец призывно свистнул, из-за угла трактира вынырнул осёдланный конь.

– Тебе повезло, что я не успел уехать, – проговорил он, споро подсаживая Дару в седло, – хотя жаль было бы пропустить такой спектакль. А теперь держись.

Он двинул коня по краю двора к тому месту, где два молодца с тоскливым видом держали за верёвки Илька.

– Мешок, – крикнула Дара, указывая на одного из парней, – у него мой мешок на шее.

Сзади недовольно хмыкнули, но когда они вплотную подъехали к грабителю, служивый наклонился и, сделав страшное лицо, рявкнул: «Жить, хочешь?»

– А-а-а? – с глупым видом протянул парень, искренне недоумевая, откуда взялось острие меча в опасной близости от его шеи.

– Отдавай мешок! – грозно потребовала Дара, чем заработала недовольное «хм» от законника и тихое замечание: «Достаточно было, чтобы он просто отпустил пегаса».

Собственная храбрость пугала, но страх потерять кинжал, спрятанный в мешке, оказался сильней.

– Нет, – нагло возразила она, – мешок тоже нужен.

На её счастье мужчина спорить не стал, а просто поддел лезвием веревку на шее парня и аккуратно подцепил мешок. Остолбеневший от неожиданности грабитель спорить не стал, лишь побледнел, когда лезвие прошло рядом с его ухом.

– А теперь исчез отсюда, – скомандовал законник, перехватывая веревку и перебрасывая мешок Даре. Он демонстративно повернул коня, наступая на парня, и тот шустро рванул прочь, лишь босые пятки засверкали.

– Зови своего зверя, – приказал законник, подъезжая к воротам.

– Ильк! – крикнула та, оборачиваясь, – Илькушка, милый, за мной!

Сзади раздалось громкое ржание. Пегас с такой силой мотнул головой в сторону последнего оставшегося охранника, что того впечатало в забор.

Вырвавшись на тракт, они сразу перешли в галоп. Законник плотнее придвинул к себе девушку, а она сама вцепилась в луку седла, чтобы не свалиться. Сбоку мелькали тёмные силуэты деревьев, впереди белел выползший из реки туман.

Дара напряжённо вслушивалась в звук скачки – не пропал ли двойной стук копыт, не отстал ли её питомец?

– И куда он так гонит? – раздраженно думала она, – Ведь Ильк еще не окреп после падения, да и рана на ноге, хоть и затянулась, но может снова закровоточить.

Она вытянула шею, обернувшись, попыталась разглядеть скачущего сзади пегаса. Видно было плохо – утренняя серость только-только начала появляться на обочине дороге.

– Не вертись, – осадил её мужчина, – слежу я за ним, слежу. Не бойся, пегасы выносливые, ему такая скачка только в удовольствие.

– Он же раненый, – возразила Дара, – нельзя ли помедленней, – попросила она, сама поражаясь своей наглости.

Сначала мешок, теперь вот за пегаса просит. Нет, определённо близость смерти влияет на неё не лучшим образом. Страх исчезает, оставляя вместо себя отчаянную бесцеремонную браваду. Когда терять нечего, стоит ли думать о манерах? Вот и в веселом доме, и у графини она вела себя, словно дикий зверь, предпочитая смерть неволе.

– Нельзя, – помолчав, недовольным тоном ответил законник, – народ здесь слабо пуганный, и имперская Служба им не указ. Зато в чем не откажешь, так это в практичности. Сейчас взроют двор в поисках монет и будут думать, как им ведьму вернуть, да в моих карманах пошарить, может ещё что завалялось. По их разумению, не может человек последнее за

такую пигалицу отдать. Нам важно оказаться как можно дальше от деревни, когда они договорятся, где нас перехватить.

– Неужели не побоятся?

– Места здесь глухие, император далеко, да и отряда стражи под рукой не наблюдается. Одиночка их не испугает. Да, ты не бойся, бывал я в этих краях. Спрячемся, не найдут. Далеко заходить побоятся. Деревенские лишь рядом с домом храбрецы, а чуть отойдут в сторонку – и вся их смелость слетает шелухой.

Дара не выдержав, хихикнула.

– Что еще? – прорычали над ухом.

– Прости, – повинилась она, проклиная свою несдержанность, – мне казалось, что вы обычно не сбегаете, а наоборот, догоняете.

– Ишь, умная какая, – недовольно заметили, – считай, это стратегическим отступлением перед силами превосходящего противника.

Дальше скакали молча. Галоп малоподходящее занятие для разговора, зато прекрасно подходит для раздумий. И Даре было о чем поразмыслить. Про имперскую канцелярию ходило множество слухов, даже в их приюте взрослые тайком от детей обсуждали тех, кто ночью исчез из собственного дома. О том, что за бумажными делами скрывались дела кровавые, в Империи знали все. И не было страшнее проклятия: «Чтоб тебя в канцелярию забрали».

Спасение от костра заставляло девушку испытывать к законнику некую признательность, но его планы доставить «шпионку» в канцелярию вызывали панический ужас. Не пожалеет ли она потом, что избежала пусть и мучительной, но не долгой смерти на костре?

Дара еще несколько раз пыталась рассмотреть Илька, но законник с такой силой прижимал к себе, что девушка не могла пошевелиться. Одна надежда оставалась на слух – стук копыт пегаса она слышала четко.

Через пару часов бешеной скачки они свернули в лес на еле заметную в рассветных сумерках тропинку. Здесь, к облегчению Дары, перешли на шаг. Затем вывернули на старый заброшенный тракт, густо заросший травой, но все еще достаточно удобный для езды. С него опять на тропинку, потом немного попетляли по лесу и, наконец, остановились на небольшой поляне, со всех сторон окружённой густым кустарником и деревьями.

– Вот здесь и передохнем, – объявил законник, спрыгивая с коня и снимая Дару. Та первым делом подбежала к пегасу. Ильк выглядел неплохо, но дышал тяжело.

– Держи, – мужчина бросил ей тряпку, – оботри, поводи по

поляне, потом отведём к ручью.

Сам он занялся своим конём. Чёрная зверюга была немного меньше пегаса, и ей явно не нравилось соседство крылатого собрата. Конь злобно скалил зубы, бил копытом, стоило Ильку оказаться поблизости, но в открытую войну не вступал.

Расседлывать коня мужчина не стал, лишь тщательно обтер блестящую от пота шкуру, ослабил подпруги, проверил копыта. Работая, он скинул капюшон плаща. Дара скосила глаза, изучая внешность незнакомца. Лицо правильное, можно сказать приятное. Судя по загару, законник проводит много времени в разъездах. Волосы коротко подстрижены и странного пепельного оттенка, но не седые, глаза серого стального цвета. Возраст она определить затруднялась, такой типаж после двадцати пяти не меняется до старости, лишь во взгляде прибавляется настороженности после очередного жизненного удара.

Иногда так бывает, глянешь на человека – обычная, нечем не примечательная внешность, а стоит заглянуть в глаза, да увидеть, как он двигается, сразу понимаешь – перед тобой хищник, и твою жизнь он оборвет с легкостью, если сочтет необходимым.

Вот и законник напоминал девушке матерого волка – сероглазая уверенность исполненная настороженности.

Закончив с Ильком и пустив его пастись, Дара, захватив мешок, отправилась в кусты переодеваться. Законник даже бровью не повел. Странно, так уверен, что она не сбежит? Подобное поведение настораживало. Но сбегать сейчас действительно не время, особенно когда на пятки наступают любители костров и зрелищ. Да и от такого законника еще попробуй убеги.

Глава 7

Вернувшись на поляну, Дара застала вполне мирную картину – два коня паслись по разные стороны лужайки, а законник сидел между ними под развесистым дубом. В руках он держал кусок пирога, второй, завернутый в бумагу, лежал рядом.

– Иди сюда, перекусим, – махнул Даре рукой, – или шпионка предпочитает голодать?

– Я не шпионка, – вспыхнула девушка.

– Неужели? – сощурился законник, окинул Дару внимательным взглядом, потом кивнул каким-то своим мыслям, – знаешь, может ты и права, – произнес он, разглядывая лес за спиной у девушки, – настоящего шпиона не поймали бы простые селяне.

Дара замерла в растерянности, не зная, как реагировать – то ли радоваться, что с неё сняли обвинение в шпионаже, то ли обижаться, что обвинили в тупости.

– Меня зовут Тайл, – изобразил улыбку законник, – а тебя, моя пятимонетная не шпионка, я слышал, кличут Дарой.

– Да, – кивнула девушка, с осторожностью присаживаясь на траву рядом с мужчиной, – и что ты планируешь делать дальше? Я в том смысле, что ты не будешь меня теперь сдавать в канцелярию?

– Сдавать в канцелярию? – как-то неискренне удивился Тайл, – с чего ты вообще взяла, что я собрался тебя туда отдавать? Ты мне обошлась в целых пять монет, и терять я их не намерен. – Но разве награда не десять? – непонимающе нахмурилась Дара.

Мужчина расхохотался.

– Откуда ты взялась, такая наивная? Словно галчонок, только что выпавший из гнезда. Все, на что я мог рассчитывать в канцелярии – это на «спасибо». Ну, а тебя ждало бы кое-что похуже. Конечно, шпионка ты никудышная, но своего шанса утереть нос арганским сволочам, они бы не упустили. Так что, галчонок, ждала бы тебя виселица или топор палача. Ну, а твой дружок, – он кивнул на пегаса, – украсил бы собой имперскую конюшню, жаль, что недолго. Эти красавцы не живут в неволе и без хозяина. Горцы – поганцы целый ритуал придумали, чтобы мы пегасов не воровали. Я видел на твоем запястье браслет с бусинками. Такие же вплетены в его гриву.

Давай, сделаем так. Ты сейчас, пока кони отдыхают, расскажешь мне свою историю, а я постараюсь тебе поверить, идёт?

– Идет! – кивнула Дара.

Она со вздохом начала рассказ. Начала с того, что её купила графиня Тао-Ресак. Про веселый дом говорить не стала, хватит того, что вся Аргания знает про её клеймо. При упоминании имени графини лицо Тайла помрачнело. Не рассказать о нападении Дара не могла – законник, наверняка, слышал о нем. Лучший повод солгать – рассказать правду, просто не всю и не до конца. В пару слов уложилась об ограбление и про то, что арганцы пожалели избитую девушку и забрали с собой. Отвезли на окраину Империи, оставили лечиться в семье, жившей на удаленном хуторе. А спустя несколько месяцев ту семью переселили в Арганию. Вместе с ней забрали и Дару. Вот только не понравилось девушке в горном королевстве – чужое там все. Через две недели она попросилась обратно. Чтобы смогла добраться до дома, ей выдали пегаса, которого она должна была потом отпустить. Тот сам нашел бы дорогу назад.

– Вот только в горах мы попали в грозу, – всхлипнув, поведала Дара, – Ильк упал, сломал крылья и теперь не может вернуться в Арганию.

– Какая жалость, – удрученно кивнул Тайл, вот только в серых глазах не было ни намека на сочувствие, – Змея! – внезапно крикнул он, Дара подскочила, оглядывая траву, и только потом осознала, что Тайл произнес слово по-аргански.

Медленно села на место, сорвала травинку и начала меланхолично наматывать на палец, в ожидании приговора. Что нервничать, если все равно уже прокололась?

– Какие у тебя выдающиеся способности! – с издевкой проговорил Тайл. Дара вжала голову в плечи, – За две недели овладеть арганским – не каждому дано. Но мне все равно, сколько ты провела там времени и с кем и почему сбежала, прихватив пегаса.

– Ты мне не веришь? – тихо спросила Дара, не поднимая глаз.

– Верю, что родом ты из Империи – говоришь без акцента, верю, что некоторое время жила в Аргании, выучила язык и, видимо, так пришлась по душе горцам, что они подарили тебе пегаса. Но меня это волнует в меньшей степени. Посуди сама, что с тебя взять? А я ведь уже потратил целых пять монет!

– Заработаю и отдам! – горячо воскликнула девушка.

– Чем же? – губы Тайла искривила наглая ухмылка, – впрочем, почему бы и нет. Некоторые любят темненьких, да и на лицо ты далеко не уродина.

– Нет! – Дара вскочила, – Я лучше полы мыть буду, детей нянчить, все что угодно, только не туда!

– И через сколько отдашь долг? Через десять или двадцать

лет? Нет, милая, так долго ждать я не намерен. Но готов предложить сделку. Дело в том, что я планирую выгодно продать вот этого крылатого красавца, – и Тайл указал на пегаса, – но без тебя он не жилец. Я уверен, ты не сможешь провести нужный ритуал и запечатлеть его на другого хозяина. Можно сказать, тебе крупно повезло, когда решила украсть коняшку.

– Я его не крала! – отрезала Дара.

– Неужели? – брови Тайла поползли вверх, – и трясущиеся над женщинами арганцы отправили тебя домой через горы в полном одиночестве?

Дара пристыженно замолчала. Возразить было нечего. Законник поухмылялся немного, затем посерьезнел.

– Ты пойдешь к пегасу бесплатным приложением. Работа неплохая, можно сказать, отличная. Покормить, почистить, погулять. Пару раз в неделю показать гостям, ну может покатать самых смелых и все!

– Но это же рабство для Илька! – воскликнула она с отчаяньем в голосе. Травинка порвалась в руках, на глаза набежали слезы.

– Тю, – протянул Тайл, подаваясь вперед, – какое это рабство? Разве за такие деньги рабов покупают? Да твой коняга королем на конюшне будет. Ему еще стойло серебром отделают. Ты посуди, кем он был в Аргании – одним из многих. А тут – ЕДИНСТВЕННЫМ в Империи! И хозяйка рядом. Красота! Я бы не раздумывая, согласился.

– А если нас найдут? – тихо спросила Дара.

– Так и покупатели не дураки, – понизив голос, ответил законник, – понимают, что к чему. Спрячут вас в дальнем поместье. Тебе же проще – меньше гостей, меньше хлопот.

– Я не могу, – выдохнула девушка, упорно пытаясь найти выход. Как больно жжётся мысль о предательстве! Ильк ей доверился, а в итоге станет дорогой игрушкой какого-то богатея.

– Как хочешь, – процедил сквозь зубы законник, откидываясь назад, – у тебя, милая, есть всего три варианта: пойти со мной, обещаю, что подберу лучших хозяев твоему крылатику, даже торопиться не буду. Либо отправиться в канцелярию, хоть благодарность за тебя получу. Ну а ты – топор или петлю на шею. Хотя, зачем тащить так далеко, когда и поближе есть желающие отправить арганскую ведьму на тот свет. Люблю смотреть на костер, а ты?

– Только со стороны, – огрызнулась Дара, с тоской понимая, что её загнали в угол. Так загнали, что и не дернешься.

Она усилием воли сдержала набежавшие слезы – ими горю не поможешь, прикусила губу. Есть ли выход? «Он есть всегда», –

учила матушка, да только далеко отсюда наставница, не посоветоваться, не попросить о помощи.

Легко рассуждать о сложности выбора, когда он стоит перед другими, а если речь идет о собственной судьбе и дорогих тебе существах? Мысли сразу путаются, срываясь в панику. Картины гибели на костре, и тихой смерти бескрылого Илька упорно маячат, не давая сосредоточиться ни на чем ином. Канцелярия – далеко, и непонятно, что там ждет. Ясно одно – ничего хорошего. И так уж важно разнообразие способов смерти – петля или топор, если оба ведут за грань жизни. Но была еще одна причина согласиться на предложение законника. Он прав – империя не упустит случая насолить тем, кто многие годы нагло и бесцеремонно грабил богатеев, отправляя их при этом на тот свет. Даже если сам император не захочет осложнять отношения с горным соседом, ему просто не дадут замять это дело. Слишком многим горцы наступили на хвост. Той же Службе Закона и Порядка все эти годы не удавалось взять ни одного арганца… живым, не говоря уже о том, чтобы вернуть похищенное или предотвратить нападение. А сиятельные тасы… Для них Аргания давно стала настолько ненавистным словом, что Дару просто разорвут на части, если она окажется у них в руках.

Словом, нет права у девушки попадать в канцелярию. Потому что это будет не просто предательство. Каким словом можно назвать поступок, приведший к войне? Несусветная глупость? Поразительная наивность или гордыня? Как ни назови, результат один – боль и смерть. Что будут чувствовать арганцы, когда узнают о её гибели? Хотя, скорее всего император попытается начать торг за жизнь девушки, а потом тихо придавит в камере, свалив убийство на какого-нибудь слугу. И нашим, и вашим.

– Я согласна, – тихо произнесла Дара.

– Умный галчонок, – довольно улыбнулся Тайл, – пойдем, посмотрим твоего пегаса. Нам же нужно как можно быстрее привести его в товарный вид.

Дара страдальчески поморщилась – слова законника неприятно царапнули душу, но она покорно встала и подошла к Ильку. Провела рукой по шелковистой шкуре, обняла за шею, прислонилась щекой к морде. «Прости, – прошептала еле слышно, – прости за всё. Я не должна была брать тебя с собой. Думала, справлюсь, но…», – слезы сами собой потекли из глаз. Ильк шумно вздохнул, провел носом по мокрой щеке, посмотрел на девушку внимательным взглядом, в котором читалось понимание, а еще любовь к своей, пусть непутевой, хозяйке.

– Так, что у нас тут? – законник бесцеремонно ухватил пегаса за крыло, ощупывая повязки, – сама накладывала?

И внезапно, ругаясь, отскочил в сторону.

– Ты, что творишь, скотина? Кусаться вздумал? – прорычал он, потирая плечо, – ну и характер – вылитый арганец.

– Ильк – хороший, – вступилась за питомца девушка, – просто не терпит грубости и хамства.

– Ишь, какой воспитанный, – скривился Тайл, – ладно, держи яблоко, кусака.

Но пегас от предложенного угощения отвернулся, пренебрежительно фыркнув.

– Во, наглец! – восхищенно проговорил законник, – даже взяток не берет. Ладно, отложим детальный осмотр. Все, что надо я увидел. Давно падали? – спросил он у Дары.

– Дней семь назад, – посчитала девушка.

– Хм, – задумался Тайл, – еще недели две, как минимум, на срастание костей, и неделю на разработку. У меня в детстве орел жил со сломанным крылом, так что опыт есть, не переживай. А повязки ты, молодец, хорошо наложила. Правое крыло меньше пострадало, можно через неделю попробовать бинты снять, а вот левое пока плоховато. Но ничего, вытянем. Он у нас обязательно полетит.

Дара невольно улыбнулась. Мысль о том, что пегас никогда больше не поднимется в небо, все это время червячком грызла сердце.

– Вообще-то он сладкоежка, – сдала она питомца. Умелые движения законника вызывали доверие, и Дара хотелось верить, что Тайлу удастся поставить Илька на крыло. Пусть в неволе, пусть не на родине, но пегас сможет летать.

– Хм, – законник сходил к мешкам, пошарил там и достал кусочек сахару, – держи, чудо природы, – он протянул его пегасу, – и учти, это не подкуп, а просто знакомство.

– Бери, – шепнула Ильку девушка, – знаю, ему нельзя верить, но мы должны держаться вместе, пока ты не поправишься, а дальше видно будет.

И пегас послушно взял мягкими губами желтовато-белый кусочек сахара с ладони законника.

Кристан устало присел на камень, смахнул рукавом капельки пота, стекающие со лба, оглянулся – его товарищи с унылыми лицами рассаживались, кто куда, предпочитая оказаться в тени, а не под палящими лучами солнца.

Последний месяц лета – не лучшее время в горах. По ночам под одеяло пробирается холод, по утрам из-за туманов одежда становится сырой и влажной, а днем освещенные солнцем участки превращаются в настоящее пекло, и тогда в ущелье, кажется, даже камни излучают тепло.

Подошедший Эсар потряс остатками воды в кожаном мешке, вылил их себе на голову, встряхнулся.

– Ну и жара, – с тоской оглядел пышущие жаром скалы, затем добавил, – бесполезно, командир. Мы ходим здесь уже два дня. После пещеры, где она ночевала, ни одного намека на след. Я сначала на прошедший дождь списывал, а теперь думаю, прикрыли её следы, или еще хуже – провели своим путем, а нас заставляют на пустом месте носом рыть. Уверен, наша птичка уже по Империи гуляет.

– Я сам так думаю. И даже знаю, кого «благодарить» за подобное невезение, – скрежетнув зубами, проговорил Кристан, – только не могу уйти, не удостоверившись, что эта парочка не валяется где-нибудь под скалой в полудохлом состоянии. Надо же было додуматься – рвануть на пегасе через горы в одиночку. И это после всего лишь месяца полетов! А Ильку я лично уши надеру. Мог и проявить непослушание, во благо хозяйки.

– Не мог, – подал голос, сидящий рядом Тимьяр, – она его с потрохами сахаром купила.

– Знал бы, что так дело обернется, – вздохнул Кристан, – подарил бы ожерелье или платье новое.

– Не кори себя, – к ним подсел Даргей, – пегас был лучшим подарком. Ничего другого она бы не приняла. Но Эсар прав, хватит жариться в этой камнедушке. Пора отправляться в Империю.

– И что там? Обшаривать близлежащие деревни? – недовольно хмыкнул Эсар, – это же около тридцати поселений, не говоря об одиночных хуторах.

– Да-а, – задумчиво протянул Тимьяр, – И не угадаешь, откуда начать. Горы могли вывести её где угодно. Да и не станет Дариэлла останавливаться сразу у подножия хребта. Она не глупая, понимает, что её ищут. Уйдет от гор, но не слишком далеко. Так что не тридцать, а пятьдесят сел не меньше надо будет просмотреть. А начнем расспросы в каждом из них, и через пару дней здесь будет не протолкнуться от законников.

При упоминании главного врага в Империи, арганцы помрачнели. С каждым годом все сложнее становилось планировать операции и без потерь уходить от преследования. Законники учились на своих ошибках, превращаясь в достойных противников.

– О расспросах придется забыть, – подвел итог Кристан, – будем вести наблюдение и слушать, слушать, слушать. В тавернах всегда любят обсуждать новичков. Может и наткнемся на что-нибудь.

– А я, пожалуй, отправлюсь в столицу, – поднялся Даргей, –

подготовлю своих людей. Чуется мне, девочка не сможет долго скрываться, слишком наивна.

– Думаешь, попадется? – помрачнел Кристан. Эту мысль он упорно отгонял прочь весь день, и все равно сердце сжималось в тревоге за хрупкую и такую беззащитную девушку.

– Она может и нет, но пегас… Скрывать его будет сложно.

– Хорошо, – Кристан тоже поднялся, – мы перелетим на окраину и попробуем отыскать следы, может, повезет. Если нет – встретимся в столице. Как ни грустно признавать, но скорее всего ты прав. Дариэллу следует искать именно там.

За первые день пути они обменялись не больше двух десятков слов, и лишь вечером, сидя у костра, Тайл спросил.

– И что же такого могло произойти, что ты, сломя голову, рванула из Аргании?

Дара насторожилась – за подобным вопросом могло последовать все, что угодно. Отвечать она и не собиралась.

– Хотя, о чем речь, – продолжил законник с ехидной ухмылкой, – вечно вы, женщины, сначала делаете, а потом думаете. Небось, повздорили, выплеснули друг на друга ушат помоев и разбежались в разные стороны. Он в горы подался, камням на тебя жаловаться, а ты домой помчалась.

– И с чего такие домыслы? – ледяным тоном осведомилась Дара.

– Так чей-то кинжальчик на груди носишь, отсюда и домыслы. Раз не сняла, значит, все еще любишь.

Дара замерла, не веря, своим ушам. Она тогда ничего и не заподозрила – видела же подобные кинжалы на других женщинах, поди разбери, кто из них замужем, а кто нет. Неужели, на самом деле это не подарок, а обручение? «Ох, Тимьяр, Тимьяр… как ты мог так поступить»! Обида обожгла сердце, а рука сама потянулась сорвать шнурок с шеи, но вовремя остановилась. Здесь не Аргания, кинжал ничего не значит, кроме своей немалой стоимости. Да и Ниим просила не расставаться с оружием, мол, еще пригодится. И плевать на обручение, если лезвие хорошо заточено, а рукоять удобно ложится в ладонь.

– Раз не сняла, значит, мне удобно носить его на шее, – отрезала Дара.

– Ну-ну, – ей, конечно же, не поверили.

– И откуда такая осведомленность о брачных обычаях арганцев? – перешла в наступление девушка.

– В детстве много книжек попадалось, – законник перевернулся на спину, разглядывая звездное небо, – Я любопытным рос, читал все подряд.

– Язык тоже по книжкам выучил?

– С языком иная история вышла. Друг мой старинный ходил на Средиморский континент. Смешно, мы с Арганией через горы соседи, а чтобы купить их товары приходится плыть за тридевять земель. В тех краях он подучил немного арганский, мечтал торговые дела с горцами завести, – Тайл помолчал, вздохнул и добавил, – От него я и нахватался пары сотен слов.

– Как все просто! – Дара тоже не спешила верить рассказам законника.

– У меня – да! – не остался в долгу Тайл, садясь, – а вот твоя жизнь, галчонок, так и кишит сложностями. Нет, чтобы помириться, разобраться, просто сбежала, да еще и на пегасе. Над этими конями арганцы, между прочим, хором трясутся. Нет, я не против подзаработать, а вот тебя за кражу по головке не поглядят, если поймают. И кинжал твой не поможет. Пегаса отберут, а воровки в Аргании не нужны. Там же все повернуты на долге, чести и морали, законы гор, твою мать.

Дара только вздохнула в ответ. А что тут сказать? Что действительно повернуты? И, что она теперь не просто продажная женщина, а еще и воровка? Хороша королевна… Хоть сейчас на трон, только не арганский, а имперский. Там проще на подобные вещи смотрят.

– За что ты их так не любишь? – тихо спросила.

– Я?! – грубо расхохотался Тайл, – ты что-то путаешь, галчонок. Да, законники чуть ли не молятся на этих ворюг. Ты только представь, сколько ограблений на них списано. Приезжаешь на место, а там лишь трупы и никаких драгоценностей. Сразу ясно, чья работа. Поверь, никто даже проверять не будет, так оно на самом деле или нет. Многие шайки под арганцев работают, их и не трогают, пока зарываться не начинают, да выносить лишнее. Ведь всем известно, что эти долбанные горцы лишь бирюльки забирают, а картины, посуду – ни-ни.

– А почему вы их не ловите?

– Зачем? У них же честь! Как найдут свои последние камушки, так и прекратят к нам наведываться. Так стоит ли силы тратить? Некоторые, правда, ради интереса на них охотятся – хочется им живого арганца поймать, да вдобавок император премию обещал за подобный героизм. Ну, а для простых людей велено врага из них делать, чтобы боялись, да в казну больше налогов платили. А то, кто еще их от ночных чудовищ защитит, окромя императора, да Службы Закона и Порядка? Вот и ходят слухи, что арганцы не только проклятое сокровище собирают, но еще кровь пьют и детей похищают.

Дара лишь головой покачала – сама ведь так думала. А много

ли узнаешь, сидя за стенами приюта?

– Что притихла, галчонок? Собственной наивности поражаешься? – проницательно заметил Тайл, – думать надо было, когда сбегала, теперь то уже поздно. И чего не хватало? Хочешь знать, почему у нас не любят горцев? Не только из-за грабежей. Ты же видела, как они живут? Что скажешь?

– У них все по-другому, человечнее что-ли, – задумчиво проговорила Дара.

– Вот! – Тайл со значением ткнул пальцем в небо, – человечнее…, а у нас императорнее. Чувствуешь, разницу?

Дара кивнула. Странный он, какой-то, этот законник. Речь иногда нарочито грубая, иногда слишком правильная, и идеи какие-то… негосударственные.

– Эх, галчонок, да за подобный шанс пожить в Аргании тут люди душу продать готовы, а ты, – он выразительно махнул рукой, отвернулся в сторону, и Дара почувствовала себя полной идиоткой, – зависть, наивная моя, простая зависть всегда рождает много злобы.

Вот кем я всегда восхищался во всей этой истории с драгоценностями, так это императором. Нет, какой молодец! Понял, что единственный шанс выжить – разыграть из себя безутешного влюбленного. И так разыграть, что все поверили, даже арганцы. Конечно, ему пришлось слишком рано пожертвовать троном, да и свадьбой, но жизнь того стоит, не правда ли?

– Разве он её не любил? – Дара почувствовала обиду и за принцессу, и за Лиашанга.

– Любил? – рассмеялся законник, – Ох, галчонок, давно меня так не веселили. Ну, где ты видела, чтобы императоры любили, да еще и женились по любви? У них одна единственная женщина в жизни, которой они остаются верны – власть.

Все остальное: женщины, охота, балы, картины, пытки и казни – лишь увлечения. И не смотри на меня так. Не всё в жизни на самом деле выглядит так, как нам кажется. Иногда это всего на всего иллюзия. Знаешь, галчонок, полезно уметь заглядывать в суть вещей, не доверяя первому впечатлению. Проницательные живут обычно дольше.

– Зато наивные спят по ночам лучше, – недовольно буркнула в ответ Дара. Она злилась на себя за собственную дурость – позволила выследить сыну старосты, на Тайла за его намеки – выискался умный на её голову, на арганцев с их щепитильностью и играми в королевство. А больше всего её раздражала мысль, что законник, как ни крути, во многом прав. Она действительно повела себя, как полная дура – поверила, что горцы благодарны

ей за помощь, что пожалели израненную девушку и забрали с собой. И все эти попытки сделать из неё арганку… Теперь Дара понимала, что они не случайны, но тогда предпочитала не видеть настораживающей заботы, не замечать странной заинтересованности горцев в имперской гостье.

Разговор затих сам собой, а утром Тайл объявил, что если они поторопятся, то вечером будут спать на нормальных постелях, а не на земле.

Они и торопились. Полдороги девушка ехала на Ильке, правда, без седла, но это было лучше, чем трястить позади законника. На предложение сесть впереди, девушка ответила отказом. Пусть ехать в кольце мужских рук гораздо удобнее, даже подремать можно, но Дара предпочитала держаться от Тайла подальше. Будущая продажа пегаса незримым мечом висела над душой девушки, не добавляя теплоты в отношения с законником.

Вот только понимать разумом одно, а на деле… Тайл невероятным образом ухитрялся оказываться все время рядом. Подсадить на коня, помочь с Ильком, донести тяжелую ветку до костра, усадить на одеяло, соорудить постель из еловых лап, набросить теплый плащ на плечи. И все это без каких-либо просьб со стороны Дары, без намеков и требований. А как он произносил «галчонок» – сощурив правый глаз и растянув уголок рта в усмешке. Так называют маленьких детей – вроде и прозвище, но почему-то не обидно.

– Глупая, – вещал рассудок, – для него ты – товар. Стоила бы дороже пегаса, продал бы отдельно, а так пойдешь, словно седло, в комплекте.

И Дара вздыхая, соглашалась, но только равнодушно относится к прикосновениям законника, все равно не получалось. Да и слишком часто Тайл, словно ненароком, дотрагивался до девушки – вроде и не специально, вот только каждое прикосновение длилось чуть дольше, чем нужно было, пара мгновений, не больше, даже не придерешься.

В том, что законник ведет свою игру, Дара не сомневалась. Все его поучения; нашел тоже ученицу – скучно ему что-ли; все намеки, что в Арганию обратной дороги нет… Не прост законник, ох, как не прост. Но как ни пыталась Дара разгадать замыслы Тайла, ничего путного на ум не приходило. Не могла она понять законника, а потому справедливо опасалась. Но и в споры с ним не вступала. Понимала – связаны они сейчас. Тайлу важно продать их как можно выгоднее, а ей оказаться у хорошего хозяина.

Утром девушка позорно проспала. Проснулась, когда солнце уже давно встало над горизонтом. И не мудрено было проспать.

Два дня в дороге кого угодно измотают до потери сил. Вчера поздно вечером они, наконец, добрались до укромного дома, скрытого в глухой чаще. Туда шли, пробираясь лесными тропинками и заброшенными трактами, словно за ними гнались не простые селяне, а вся Служба Закона и Порядка.

Небольшой охотничий домик встретил их следами полного запустения – на окнах паутина, на полу пыль, в углах густые серые комки грязи. Стол, стулья, громоздкая дровяная плита в углу, пузатый шкаф – вот и все убранство большой комнаты.

Дара, пошатываясь, вошла внутрь, поморщилась – ноги болели неимоверно, а нижняя часть туловища не ощущалась вовсе.

– Твоя комната направо, – сказал Тайл, вошедший следом, – в шкафу возьмешь чистое белье. Иди уже отдыхать, – пробурчал он, видя, что девушка медлит, – пегаса я сам определю в сарай и, не бойся, даже покормлю.

Дара не боялась. Тайл все эти два дня демонстрировал чуткую заботу об Ильке, носился с ним, словно с драгоценностью, а у девушки каждый раз ныло сердце при мысли о предстоящей продаже.

Утро встретило тишиной. Дара распахнула дверь в большую комнату, сморщила нос – ну и грязища! Вечером от усталости, да в полумраке запустение дома не сильно бросалось в глаза, зато сейчас руки так и чесались заняться уборкой. Она вышла во двор, рядом с колодцем стояло набранное ведро воды. Быстро умылась и потащила ведро в дом. Тряпка обнаружилась в низенькой кладовке в коридоре. И только когда принялась за уборку, заметила на столе белеющий лист бумаги. Подошла, прочла. С досадой шваркнула мокрой тряпкой об стол. Нет, ну какой наглец! С утра помчался в деревню. Даже не разбудил. Продукты, безусловно, дело нужное. Еды в доме ни крошки. Но подобное отношение больно царапнуло по сердцу. Законник так уверен, что она не сбежит? Что сдалась и смирилась с предстоящей продажей?

Как же было проще, когда присутствие Тайла уничтожало все шансы на побег. А теперь? Сомнения вновь всколыхнулись в душе у Дары. Вот она свобода – за дверью, шаг и лес скроет беглецов. Но куда бежать? К горам? Так, поди, в каждой деревне уже ходят слухи про арганскую ведьму с раненным пегасом. И как ни прячь крылья – лишь привлечешь внимание. В сторону столицы лучше не соваться – там охотников за пегасами еще больше. Поймала она себя в клетку, пусть и большую, где под каждым кустом по врагу.

Дара вздохнула, подхватила тряпку и принялась за уборку –

за работой и время пролетит быстрее.

Глава 8

Закончив с большой комнатой, Дара перешла в свою спальню – небольшую с одним окном и низким потолком. Кровать, шкаф и маленький столик – вот и все её убранство. Девушка быстро протерла окно, подоконник, заглянула в шкаф – стопки белья, полотенца – не густо. Домыла пол и, откинув сомнения, пошла во вторую спальню. Убираться, так везде. Комната выглядела абсолютным двойником первой, даже шкаф продемонстрировал единодушие с соседом. Единственным отличием были пустые дорожные мешки, лежащие около стены.

Любой дом, в котором жили люди, напитывается следами их пребывания – закатившийся под кровать пузырек, оброненная монета, кусочек бумаги, небрежно брошенный в угол, да мало ли надо, чтобы получить представление о прежних жильцах. Но этот был настоящим хранителем секретов.

Дара вымела все углы, убралась под кроватями, проверила шкафы, кладовку и большой сервант с посудой…. ничего, кроме пыли и грязи. Даже пыль была полностью безликой. Ничего такого, чтобы хоть как-то намекнуло, кто здесь жил, Дара не нашла. Под конец в девушке проснулся азарт, и она решительно отправилась на чердак.

Из бурьяна достала старую, порядком рассохшуюся лестницу. Замирая над каждой поскрипывавшей ступенькой, поползла наверх. С трудом распахнула чердачную дверь. Прижала валяющимся здесь же деревянным бруском. Шагнула за порог и огляделась – пустота. Прежние хозяева даже хлам за собой вывезли не став его складировать на чердак. Лишь около стены стоял внушительных размеров сундук. Вот к нему-то Дара и направилась. Распахнула крышку. «Та-ак, что это у нас?» Тряпки, старая бумага, развалившаяся корзина – даже старьевщик побрезговал бы такое купить.

Девушка выгребла весь мусор на пол – не густо. Заглянула внутрь, разочарованно поскребла пустое дно – маловато будет! И лишь когда начала складывать хлам обратно, поняла, что правда – маловато! Быстро прикинула высоту внешней стенки, сравнила с внутренней. Вот он – тайник! И не маленький.

Следующие полчаса Дара прыгала вокруг сундука, пытаясь добраться до его тайного содержимого. Поперенажимала все выступы, простучала стенки – безрезультатно.

Пару лет назад к ним в приют попала смешная боевая девчонка Литта. Её история была довольно печальной – отец утонул в море, когда Литта была крохой, мать умерла от

неизвестной болезни, а девочку воспитывал дядя. На жизнь он зарабатывал себе контрабандой, но в последнем рейде был пойман и загремел-таки в тюрьму. Литту отправили в приют. По счастливой случайности новенькую определили в комнату к Даре. Вечерами она с замиранием сердца постигала основы контрабанды, с ужасом слушала леденящие кровь байки о жестоких пиратов, морских дьяволов и проклятых сокровищах.

Но слушать – одно, а пытаться самой вскрыть тайник – совсем другое. Под конец Дара, разозлившись, пнула со всего маху сундук ногой, попав по темному пятну. Внутри что-то хрустнуло, треснуло. Она заглянула внутрь и вот она – удача! На бывшем до сего момента гладком дне теперь торчала ручка, а вдоль края темнела полоса. Девушка не медля, потянула днище сундука на себя – нехотя оно поддалось, а затем резко распахнулось, словно торопясь хвастливо обнажить сокровища.

– Ого! – присвистнула Дара, снимая черную тряпку, лежащую сверху, – да, тут целый склад.

Находка впечатляла. Кинжалы, украшенные сложной вязью по лезвию клинков, богато украшенные ножны мечей с торчащими из них рукоятками, парочка секир и топоров. Были и простые ножи и несколько обычных на вид мечей без ножен – целый отряд вооружить можно, а в углу обнаружились шкатулки, отделанные черным бархатом. Вот туда Дара и сунула свой любопытный нос. В первой лежала пара пистолетов, инкрустированных золотом, явно предназначенных для сиятельных тасов, в следующей был небольшой, словно игрушечный арбалет, а в третьей набор ножей, обманчиво простых на вид. Вот только не будут дешевки храниться в бархатной шкатулке, значит, ножи ценны чем-то еще.

Больше ничего трогать не стала, а постаралась аккуратно сложить все, как было. Пусть законник и дальше не подозревает, что она в курсе его маленького секрета. Убрав все на место, Дара спустилась с чердака, спрятала лестницу в бурьян, и в глубокой задумчивости уселась на крыльцо.

Нет, конечно, можно предположить, что все законники имеют подобные схроны. При их опасной профессии мало ли что может пригодиться. Вот только лежащее на чердаке оружие стоит очень и очень дорого. Тем более странно поведение Тайла, переживающего за пять золотых так, как будто они последние в его кошельке. Тогда почему он вцепился в пегаса? И возникает законный вопрос, сколько стоит Ильк, если не бедный тас, хранящий на чердаке дорогое оружие, жаждет самолично продать коня?

Понятно, что цену на пегаса нельзя выяснить на рынке.

Сравнивать с обычными лошадьми бессмысленно, да и не торговали ими на рынке родного городка Дары, куда она часто наведывалась за покупками вместе с сестрами по приюту.

От раздумий её оторвал стук копыт, а затем на полянку перед домом выехал Тайл.

– Привет, галчонок! – законник ловко спрыгнул с коня, – не соскучилась без меня?

– Скорее оголодала, – хмуро ответила девушка, злясь на невольную радость, шевельнувшуюся в душе при виде мужчины.

– Ха! Злая и голодная, – констатировал Тайл, – но у меня есть кое-то, что поднимет тебе настроение. Держи, – он кинул один из свертков, притороченных к седлу, на колени девушки.

Дара с любопытством зашуршала бумагой.

– Зачем мне одежда?

– Неужели, ты думаешь, что я повезу тебя в Рахтан на сделку вот в таком виде?

– Разве ты продаешь меня? – нахмурилась Дара, – я считала, что иду бесплатным подарком к пегасу.

– Конечно же, пегаса, – кивнул Тайл, развязывая остальные свертки, – но особого смысла смотреть на него у покупателя нет, крылья есть и ладно. Мне в таких делах верят на слово, репутация, знаешь ли. А вот ты – темная фигура. Покупатель же не дурак, понимает, кто на самом деле будет хозяином у пегаса, и получить истеричку или сумасшедшую девицу даже в подарок ему совсем не хочется. Твое присутствие на сделке не обсуждается. Едешь и точка.

От приказного тона Даре сделалось не по себе, захотелось вспылить, нагрубить, но сдержалась. Лишь вскочила и убежала в комнату.

– Эй, галчонок, – позвал Тайл через некоторое время, – ты в курсе, сколько нужно варить эту птицу?

Пришлось выходить. При мысли о том, что законник оставит их без ужина, желудок обещал объявить бурную забастовку, а на гордость ему вообще было плевать.

Тайл притащил целую гору продуктов. Тут были и головка сыра, свежий хлеб, домашняя колбаса, от запаха которой рот сразу наполнился слюной, творог, яйца, завернутый в бумагу кусок масла, бутылка свежего молока, пару тушек птиц, несколько кусков мяса, мешочек с крупами и мешок с овощами. По всему этому многообразию становилось понятно – законник устраивался в доме не на один день, а в близлежащий городок предпочитал ездить как можно реже.

В заросшем саду за домом оказался спрятан погреб, куда они отнесли большую часть продуктов. А затем вдвоем принялись за

приготовление ужина. Первым делом законник наделал бутербродов с колбасой и накормил Дару. Затем ушел к ручью и принес уже ощипанную тушку птицы. Девушка между тем разожгла плиту, почистила овощи и поставила их вариться.

За ужином, когда они оба уже насытились, Дара лениво подбирала кусочки овощей с тарелки, а Тайл обгрызал птичью ножку, девушка задала мучавший её вопрос.

– За сколько ты хочешь продать Илька? – и сама поразилась, как буднично прозвучал вопрос о продаже друга.

Законник ответил хитрым взглядом.

– За сколько – не скажу, боюсь, спугнуть удачу, но не переживай, затраты окуплю. Так что смело бери одежду. Считай – твоя доля в сделке.

– Не нужна мне никакая доля, – вспыхнула Дара.

– Хорошо, – не стал спорить Тайл, – отдашь с первого вознаграждения. Не могу обещать, что платить будут много, тут все зависит от тебя самой, но работать бесплатно не будешь.

– И за это спасибо, – язвительно ответила девушка. Настроение испортилось окончательно. Какая-то часть внутри неё смирилась с будущей продажей, но легче от этого не стало. Сердце все так же сжималось от боли при мысли о судьбе Илька.

Утром она проснулась от странных звуков, доносящихся с улицы, словно кто-то методично стучал по деревяшке. Вот только стук был каким-то странным, глухим.

Быстро оделась, выскочила во дворе. Законник обнаружился около крыльца. Он один за другим посылал метательные ножи в толстый ствол сухого дерева, стоящего на границе леса. Верхушка у него была отпилена, а кора счищена. Дара еще вчера гадала, зачем было оставлять около дома сухую деревяшку. Теперь ясно, зачем.

Она остановилась за спиной у законника. В левой руке у того хищным веером расположился с десяток ножей, правой он брал по одному и посылал в цель. В истыканном стволе дерева уже торчала парочка лезвий, отбрасывая на кору солнечные блики.

– Доброе утро, галчонок, – не оборачиваясь, поприветствовал её Тайл, – не хочешь заняться завтраком?

– Сначала пойду, покормлю Илька.

– Не торопись. Пегас накормлен и выведен на выпас.

Дара досадливо поморщилась.

– Зачем? Я могла бы сама все сделать.

– Мне не сложно, галчонок. К тому же от его выздоровления зависит мое будущее состояние. Так что насчет завтрака?

– А ты можешь звать меня по имени?

– Конечно, – Тайл повернулся к девушке, – просто не

придумал еще. Ты ведь своим именем назвалась в таверне?

Девушка, прикусив губу, кивнула.

– Не хочу привыкать тебя им звать. Побудешь пока галчонком. Потом подберем тебе что-нибудь подходящее. Имя – половина успеха. Вот как звучит Дара? Короткое, незвучное, словно кличка собаки.

– Неправда, – насупилась девушка, – Дара – от слова дар, подарок.

– Дарят просто так лишь дураки. А нам нужна прибыль. Так что имя меняем. К тому же, зачем оставлять подсказки нашим друзьям, верно?

Дара промолчала, про себя решив, что новое имя выберет сама. И ни с какой прибылью оно связано не будет, еще не хватало.

– Можно попробовать метнуть? – попросила она.

– Ну, попробуй, – с недоверием отнесся законник к её просьбе. Однако сходил, повытаскивал ножи из ствола, принес обратно.

– Держи, – протянул один.

Дара взяла за рукоятку, еще хранящую тепло чужой руки. Взвесила клинок – тяжелый.

– Держать нужно вот так, – Тайл обнял девушку, обхватив ладони, – у каждого ножа есть свой центр тяжести. Чем точнее ты его определишь, тем проще будет попасть в цель. Попробуй покрутить нож в руке, взвесить его.

Дара повертела нож, пытаясь следовать инструкциям законника, однако мысли почему-то никак не хотели сосредотачиваться на лезвии и центре тяжести. Да и как тут можно сосредоточиться, когда чужое дыхание касается щеки, а мужское тело так непозволительно близко.

– Теперь большим пальцем прижимаем нож к ладони, нет, вот так. Точно в центр тяжести. Поднимаем руку, отводим назад и резко бросаем.

Нож на удивление не улетел в траву, не шлепнулся позорно под ноги, а воткнулся в ствол дерева.

– Новичкам везет, – подмигнул законник, отступая назад, – теперь сама.

Дара облегченно вздохнула – присутствие Тайла нервировало и одновременно с тем волновало, поднимая из глубины души неведомые доселе эмоции.

Следующий нож, конечно же, улетел в траву, а за ним второй, третий… Без помощи законника ножи отказывались лететь по прямой и втыкаться куда-нибудь кроме земли. Но Дара вошла во вкус, не желая сдаваться.

– Ровнее, спину выпрями, руку жестче, почувствуй нож, словно он продолжение тебя.

Тайл тоже вошел во вкус, и командовал зычным голосом, словно наставник новобранцев.

Под конец Дара взмокла окончательно, руки тряслись, а во рту пересохло, но она уверенно посылала в дерево каждый третий нож.

– А ты, молодец, – задумчиво проговорил Тайл, осматривая утыканный лезвиями ствол, – способная. В ученики, что-ли взять?

– Шутка, – серые глаза сощурились в усмешке, увидев вытянувшееся от удивления лицо девушки, – я не могу пожертвовать такими деньгами, – с притворным сожалением сказал законник, – итак вон завтрака лишился, – добавил ворчливым тоном.

На обед Дара одела новые блузку и юбку, купленные законником, заколола вверх отросшие волосы. Наградой за старания ей стал затуманенный взгляд серых глаз и дрогнувшая рука, пролившая квас из кувшина.

Еле молча. Тайл был странно задумчив, и под его взглядом Даре становилось не по себе.

– Я в город, – проговорил он, как только тарелка опустела, – вернусь поздно, не жди. Пегаса заведи сейчас, на закате слепни свирепствуют.

И быстрым шагом вышел из дома.

«И что его туда понесло? – размышляла девушка, намывая посуду, – Небось, задумал что-то. Ох и не нравится мне эти его поездочки».

Ночью Дара проснулась от скрипа двери, чьих-то шагов, звука удара и сдавленных проклятий. Соскочила с кровати, тихонько приоткрыла дверь, да так и застыла на пороге, зажав в руке кинжал – последние дни девушка с ним не расставалась, даже ночью убирая под подушку.

В большой комнате царила темнота, лишь центр был освещен полоской лунного света, падающей из широкого окна. Вот в этом серебристо-сером куске стояла, покачиваясь, черная тень. Дара похолодела от ужаса и приготовилась сражаться за собственную жизнь, но тень не делала никаких движений, продолжая раскачиваться из стороны в сторону. А затем знакомый голос еле слышно забормотал: «Что творю, а? Нет, ну, а она? Тоже, ик, хороша. Деньжищи-то какие! И вообще, ик, плевать мне на всяких пернатых!»

– Тайл! – рыкнула Дара, приходя в себя, – да, ты пьян!

– Я? – удивилась тень, взмахивая руками, из-за чего опасно наклонилась, сделав резкий рывок вперед, почти въехав носом в

стол, – видишь, иду, – пояснила тень, упираясь обеими руками в стол, – значит, почти трезв.

– Да, вижу, – с сарказмом ответила Дара, разглядывая законника. Серебрянные в лунном свете волосы всклокочены, и из них в живописном беспорядке торчат пара веточек, рубаха порвана на груди, воротник оторван напрочь и торчит из кармана, – неплохо погулял?

– Отлично! – буркнула тень, пытаясь отклеиться от стола, получалось с трудом.

– Тогда не буду мешать! – разозлившись всерьез, проговорила Дара. Она тут переживает, волнуется, а он надирается до свинского состояния, – можешь продолжать веселиться.

– Разрешаешь? – как-то напряглась тень, а в следующий момент почему-то оказалась на пороге комнаты в опасной близости от девушки. – Составишь компанию? – мурлыкнула она, блеснув серыми глазами. Дара в растерянности отступила вглубь комнаты. Тень наклонилась вслед за ней, с шумом втянула в себя воздух, – м-м-м, пахнешь травой и летом, вкусно.

– Уходи, – прошептала девушка, обнажая кинжал, и собравшись с силами, крикнула, – Убирайся! Вон из моей комнаты!

Дару начало трясти. Призрак веселого дома замаячил перед мысленным взором, возвращая пережитый ужас. К горлу подступила тошнота. А острие кинжала медленно поползло вверх, нацеливаясь на мужскую грудь.

Тень застыла, склонив голову, наблюдая за девушкой. Серые глаза постепенно теряли лихорадочный блеск.

Затем законник разом ссутулился, и глухим голосом произнес: «Твой выбор, галчонок». Развернувшись, твердой походкой удалился в сторону своей комнаты.

Гулко хлопнула дверь. Этот звук оживил застывшую девушку. Она бросилась закрывать дверь. А затем без сил опустилась на пол, прислонившись спиной к холодной поверхности деревяшки. Трясущимися руками убрала кинжал в ножны, попыталась успокоиться – тщетно. Стук сердца набатом звучал в ушах.

Нечто темное, потаенное, то, что происходит между мужчиной и женщиной под покровом ночи только что коснулось их двоих, коснулось и разочарованно отступило – не время, слишком рано, слишком дерзко, слишком грубо.

Не об этом она мечтала, слушая стыдливые рассказы девочек о первой любви. Не здесь, не так и не с тем. Пусть скромная, но свадьба. Пусть корявые, но признания в любви. Пусть дешевое, но обручальное кольцо. Пусть не белое, но праздничное платье.

Чего стоят мечты? Много или мало? Нисколько, если

похоронить их и бесконечно много, если пытаться осуществить.

Утром она долго не решалась выйти из своей комнаты. Было неуютно встречаться с Тайлом после вчерашнего. Нет, законника девушка не опасалась. Понимала, что вред он ей не причинит. Захотел бы – не ушел, и навряд ли она смогла бы ему помешать. Скорее собственные страхи вызывали в ней чувство стыда. Но вечно в комнате не просидишь.

Дара в сотый раз проверила кинжал на шее, в последнее время оружие добавляло ей чувство уверенности, и решительно вышла из комнаты.

Тайл обнаружился за столом. Он был занят вполне мирным, можно даже сказать, женским занятием – чистил картошку.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась Дара, с удивлением разглядывая законника. Что-то в его облике неуловимо поменялось, так обычно выглядят люди, принявшее окончательное решение, знать бы еще какое.

– Доброе, – с благодушной улыбкой отозвался Тайл, не прекращая занятия.

Дара направилась к выходу их комнаты – умыться, и уже на пороге её застали тихие слова: «Прости, за вчерашнее».

– Прощаю, – девушка не стала поворачиваться. Не стоит демонстрировать законнику своего волнения, – если подобное больше не повторится.

– Обещаю, галчонок, – с облегчением выдохнул Тайл, – мир?

– Мир, – невольно улыбнулась Дара.

Умывшись, отправилась к пегасу.

– Илькушка, доброе утро, – достала приготовленный кусочек сахара. Конь приветливо заржал, потянулся за лакомством. Выздоровление шло полным ходом, и сегодня они планировали снять повязки с правого крыла. Вот в чем Дара была полностью уверена, так это в желании законника, как можно скорее вылечить пегаса. Самой ей видеть коня с каждым днем становилось все труднее, словно она его не на продажу, а на плаху отправляла.

Вот и сейчас в горле появился тугой комок, а глаза защипало от слез.

– Простишь ли ты когда-нибудь меня? – с горечью проговорила она, гладя морду пегаса.

Ильк тихонько заржал, ткнулся в плечо, мол, все будет хорошо, хозяйка, не переживай, выкрутимся, где наша не пропадала.

Следующие десять дней пролетели быстро, как один. Дара подолгу разминала правое крыло пегаса, возвращая ему былую гибкость, готовила еду на двоих, убиралась в доме, а большую

часть времени проводила в тренировках. Тайл привез из города небольшой арбалет, и теперь кроме метания ножей, обучал Дару стрельбе по мишеням, сделанных из мешков с соломой.

Законник несколько раз уезжал в город и возвращался оттуда трезвым и хмурым. Девушка пытался подступиться к нему с расспросами, но Тайл лишь заверил её, что если что-нибудь прояснится, она об этом обязательно узнает.

В их отношениях наступило шаткое равновесие. Законник больше не делал попыток приблизиться к девушке, даже во время занятий демонстрировал стойку и постановку рук на расстоянии.

Дара с упорством осваивала новую для неё науку убивать. Слишком жесток был урок, преподнесенный ей судьбой, слишком часто она ощущала себя беспомощной жертвой, пора научиться уметь постоять за себя.

В эту поездку Тайл вернулся не один. За ним на второй лошади трясся здорового вида детина с русыми волосами.

– Галчонок, собирайся, мы выезжаем, – крикнул законник, спрыгнув с коня.

У Дары внутри все оборвалось. Как? Так быстро? Куда?

– Поторапливайся, – приказал Тайл, – до темноты мы должны успеть оказаться в Динниках.

– А Ильк? – обеспокоенно поинтересовалась она.

– За Ильком присмотрит Гарос, – законник махнул рукой в сторону мужчины, – не переживай, он надежный и не проболтается. Правда, Гарос?

Мужчина согласно промычал.

– Немой, – пояснил Тайл, – и обязан мне кое-чем. Так что твое сокровище в надежных руках.

Дара только головой покачала. Ей не нравилась идея оставлять Илька одного с этим мужиком. Но и тащить его с собой – полное безумие.

Она быстро собрала свои вещи – было бы что собирать. Платье, юбка, несколько рубашек, запасной плащ. Тайл даже белье ей купил новое. Стыдно, но пришлось взять. Без него еще хуже.

Ехали они быстро, стремясь до ночи добраться до Динников, чтобы заночевать на постоялом дворе, а не в лесу.

Дара обдумывала полученную от законника информацию. Встреча должна была состояться в Кествурде – третьем по величине городе Империи.

– Мы просто пообедаем вместе, – вводил в курс дела Тайл, – посидим, посмотрим друг на друга. Сам покупатель, естественно, не придет. Будут его поверенные лица. Поэтому твоя задача: сидеть молча и улыбаться, не все время, конечно же. На вопросы

отвечай осторожно. Твоя наивность здесь не поможет, а потому говори поменьше. Часть правды всегда выглядит лучше, чем полная ложь.

– Если ты так переживаешь, что я сорву тебе сделку, мог бы оставить меня в доме, – не выдержала поучений Дара, – я не маленький ребенок и, поверь, сумею промолчать, когда надо.

– Наш внешний возраст иногда не соответствует внутреннему, – ухмыльнулся Тайл.

Они сидели за столом таверны. Несмотря на усталость, каждый заказал по несколько блюд, и сейчас девушка упорно пыталась впихнуть в себя еще один истекающий соком пирожок с мясом.

Динники оказались небольшим городком, в меру чистым, стыдливо прячущим грязь по закоулкам, с одинаково серыми одноэтажными домиками, сложенными из местного камня.

– Тогда ночью ты на мой возраст не посмотрел, – парировала Дара.

– Было темно, – развел руками законник, – ошибся.

– Ты специально меня дразнишь?

– Пытаюсь расшевелить. А то глядя на твое мрачное лицо, у меня возникает подозрение, что я везу тебя на свидание с палачом. Смотри в будущее веселей, галчонок. У тебя будет работа, у меня деньги, у Илька шикарная конюшня и лучший овес Империи, я молчу про кобылиц.

– А свобода? – подняла на него глаза Дара.

– А свобода, галчонок, зачастую зависит от нас самих. Можно и во дворце среди золота быть бесправнее раба, ни шагу без особой цели и высокого предназначения и только под присмотром слуг, а можно на рудниках свободно позвякивать цепями, петь неприличные песни и плевать надсмотрщику в спину. Каждый сам выбирает себе границы свободы. Кто-то довольствуется малым, а кому-то целый мир тесен.

– Ты из сиятельных тасов? – глядя в глаза Тайлу, спросила Дара. Подозревать высокое происхождение законника она начала давно, вот только момента подходящего озвучить догадки не было.

– Неплохо, крошка, – законник откинулся на спинку стула, – как догадалась?

– Сиятельные тасы верят на слово лишь таким же, как они, – пожала плечами Дара. Надо же, её повысили и переименовали из галчонка в крошку. Пора начинать гордиться.

– Ты начинаешь думать, а это похвально, – тут же скомкал её гордость Тайл, – если так и дальше пойдет, глядишь, дорастешь до собственных комбинаций. Не стоит считать всех сиятельных

тасов такими, как графиня Тао-Ресак, – добавил он, видя, как напряглась Дара, – не все из нас полагают достойным залазить в родительский карман за звонкой монетой. Некоторым приходится и самим на жизнь зарабатывать, а тут не до развлечений, знаешь ли, особенно когда кушать хочется, – состроил он жалобную гримасу.

– Голодающий сиятельный тас, – не удержавшись, фыркнула Дара, поневоле расслабляясь. Ох, и хитер законник. Как можно его понять, когда истинное лицо он тщательно скрывает за несколькими масками. Вот и сейчас зануда, считающий себя самым умным, сменился на веселого добродушного парня. Но более всего Даре становилось не по себе, когда из серых глаз выглядывал хищник. Тогда серость превращалась в сталь, лицо затвердевало, а движения приобретали особую плавность подкрадывающегося к добыче зверя.

– Очень смешно, – добродушно проворчал Тайл, – давай уже заканчивать, нам завтра вставать с рассветом.

Законник ухитрился, не смотря на переполненность постоялого двора взять им две комнаты. Правда, Дара подозревала, что для этого ему пришлось прибегнуть не только к деньгам. И девушка была благодарна за подобную заботу. Она с облегчением вытянула измученное тело на кровати. Как же неудобно дамское седло! Как будто нельзя использовать штаны и юбку с разрезами, как это делают арганцы. Нет, сидишь всю дороге, свернув спину набок.

Утром неумолимый Тайл действительно поднял Дару с рассветом. Та чувствовала себя отвратительнейшим образом. Вчера, не смотря на усталость, девушка не смогла долго заснуть. Мешал шум, доносящийся из зала, мешали собственные грустные мысли, тревога за Илька, а к ним добавлялась грусть по Аргании. Что она делает здесь, в этой грязной комнате, на старой кровати, в чужой одежде? Собственные смелые замыслы раз за разом наталкивались на неумолимую правду жизни. Может прав, законник, и она всего лишь глупый галчонок, которого каждый может обмануть и использовать в своих целях?

Нет, сдаваться нельзя! Она в ответе за Илька, а потому прочь похоронные настроения. Этот бой проиграть нельзя. Если продаваться, то задорого и самому достойному. Пусть у Илька будет серебряное стойло и лучшие кобылицы. Ей самой ничего не надо, кроме крыши над головой и спокойной жизни.

В Кествурд они приехали за пару часов до полудня. Дара все это время чудом не вывалилась из седла, дрема никак не хотела её отпускать. В город въезжать не стали. Остановились на окраине в небольшой таверне. Тайл заказал им по бодрящему

травяному настою и снял комнату для девушки.

Дара ледяной водой прогнала приставучую сонливость, переоделась в скромное, но элегантное платье светло бежевого цвета. Наскоро выпила приготовленный напиток, отказавшись от свежеиспеченных булочек. От волнения её начало потряхивать, а сердце сжималось от тревоги.

Тайл тоже переоделся – короткий мужской плащ, тонкая белая рубашка и черные кожаные штаны – прямо столичный франт, а не законник.

До нужной таверны они поехали верхом. Очень скоро копыта лошадей застучали по каменной мостовой. Кествурд мог похвастаться аж трехэтажными домами, большими магазинами с просторными витринами, широкими центральными улицами, а на площади, через которую они проезжали, бил настоящий фонтан.

Ближе к центру улицы были забиты прохожими, а по мостовой еле-еле двигались экипажи, их торопливо обгоняли верховые всадники, получая в спины громкие проклятия.

Тайл резко завернул в боковой переулок – узкое пространство между двух высоких заборов. Дара еле успела повторить его маневр. Скоро законник спешился около неприметных ворот, громко постучал. Через пару мгновений ворота заскрипели, открывая путь во двор.

– Лошадей оставим здесь, – пояснил Тайл, – до места дойдем пешком, здесь недалеко осталось.

– Очередной немой должник? – тихо спросила Дара, кивая на мужчину в помятой рубахе, уводившего коней вглубь двора.

– Почему же, – обиделся Тарк, – говорящий, но должен много, – хитро улыбнулся.

Нужная им таверна располагалась в тихом переулке – двухэтажная с богатой отделкой – явно здесь за обеды расплачивались серебряными, а то и золотыми монетами. Дара с тревогой поправила платье. Глубоко вздохнула и шагнула в распахнутую услужливым слугой дверь.

– Вас ждут, – с поклоном бросился им навстречу сам хозяин, – прошу за мной.

Он торопливо повел их на второй этаж, где располагался второй зал, еще более помпезный, чем первый. Но и здесь они не задержались, а направились к одной из трех дверей, ведущих в отдельные кабинеты.

– Прошу, – ринулся было открывать дверь хозяин, но его ловко оттеснил Тайл.

– Спасибо, дальше мы сами.

Хозяин понятливо кивнул и быстро ретировался обратно.

Глава 9

Дара с трепетом вошла в полутемный кабинет. Внутри за столом сидели четверо. Надвинутые капюшоны плащей полностью скрывали их лица.

При появлении Дары они встали, снимая одновременно капюшоны.

– Рад тебя видеть, Дариэлла, – проговорил Кристан, пристально глядя на девушку.

Растерявшись, она отступила назад, но путь отступления был уже перекрыт Тайлом, плотно прикрывшим за собой дверь. Гнев мгновенно захлестнул девушку.

– Ах, ты, предатель! – развернулась она к нему.

– Я же не обещал, не продавать тебя арганцем, – скучающим тоном ответил законник, – извини, но самую высокую цену предложили они.

– Да, ты! – Дара сжала руки в кулаки, – да, ты! Ты – грязная вонючая свинья, у которой вместо мозгов одно золото в голове звенит!

– Спасибо, что напомнила про золото, дорогая, – насмешливо проговорил Тайл, вот только глаза были похожи на два кусочка серого льда, – надеюсь, вы не ошиблись с подсчетом монет, уважаемые?

Уважаемые скривили недовольные гримасы, но спорить не стали. За спиной девушки раздались три увесистых шлепка. Когда она обернулась, на столе красовались три туго набитых мешочка.

– Так вот, во сколько вы меня оценили? – прищурилась Дара.

Кристан заметно побледнел и нервно сглотнул, а Тимьяр напротив окинул девушку суровым взглядом и приказным тоном произнес: «Дариэлла, мы обо все поговорим, но не здесь и не сейчас».

– Ага, после того, как привяжите цепями к трону, да напялите на голову арганскую корону, – ехидно заметил законник.

Тишина, воцарившаяся в комнате, показала, что осведомленность законника – неприятная неожиданность для всех.

Сердце девушки попыталось испуганно екнуть, но Дара сурово на него прикрикнула – нашло время бояться!

– И давно догадался? – повернулась она к Тайлу.

– Почти сразу же, – не стал отпираться законник, – видишь ли, галчонок, – за спиной Дары некто громко скрипнул зубами, – горцы никогда не похищают наших женщин, то ли брезгуют, то ли своих достаточно. А потому единственной причиной, по которой

они вдруг решили забрать с собой неизвестную девушку, было бы её королевское происхождение. По правде говоря, это была всего лишь догадка, но приятно осознавать, что я не ошибся, – он наклонился и добавил тихим вкрадчивым тоном, – тогда ночью, я не мог отказать принцессе, когда она так настойчиво меня просила.

Тишина в комнате стала оглушительной, и Дара спиной почувствовала возмущенные взгляды арганцев. Что же, её падение в их глазах продолжается.

– Ненавижу, – выдохнула.

– Я тоже буду скучать по тебе, галчонок, – ехидная ухмылка и взгляд, брошенный вглубь комнаты, ясно показали, ради кого сейчас разыгрывается этот спектакль. Тайл знал, что сильно рискует, но отказать себе в удовольствии подразнить арганцев не мог.

– Нам пора, – шагнул из-за стола Даргей, – внешне оставшийся невозмутимым, лишь загорелое лицо стало бледным.

Даре даже оглядываться не нужно было, чтобы понять – устроенное законником представление не осталось незамеченным.

На плечи девушки лег плащ, а затем Кристан нежно, но твердо прижал к себе.

В одно мгновенье ухмылка исчезла с лица Тайла, оно превратилось в безразличную маску. Законник отстранился, давая дорогу горцам.

– Если бы мы не спешили сейчас, – раздался над его ухом звенящий от ярости шепот, – ты бы не вышел из этой комнаты живым. Карту! – Гестар требовательно протянул руку.

– Место, где ваши люди смогут забрать пегаса, помечено крестиком, – спокойно пояснил Тайл, доставая из-за пазухи свернутую в рулон карту, – если заблудятся…

– Мы найдем, – прошипел горец, выхватывая карту из рук законника, – и лучше тебе нам больше не попадаться, второй раз такими добрыми не будем.

– И щедрыми, – тихо добавил Тайл в спину арганца.

Дверь закрылась, отрезая одну часть его жизни от другой. Мужчина поморщился – накатившая тоска неприятно сжала сердце. Похоже, кое-кому из пернатых удалось пробить брешь в его обороне. И чем зацепила? Непонятно. Внешностью? Мало ли смазливых баб побывало у него в постели? Жалостью? Скольких из них он встречал и в худших условиях.

Почему-то вспомнилась деревня. Худенькая темноволосая девушка отчаянно бьется в руках кузнеца, и тут же, наплевав на свою жизнь, бросается на защиту питомца.

Он стоял тогда в тени сарая, выбирая удобный момент, чтобы вмешаться. Только идиот упустит такой шанс заполучить в руки живого пегаса, да еще и с хозяином. Тайл не упустил. И впервые оказался в таком положении, когда разум твердит одно, а сердце ноет совсем о другом.

Если бы не пегас, Дара попыталась бежать в первую же ночь. Законник специально не стал её неволить и не прогадал. Да и на продажу она согласилась только из-за коня. Видно же было, как противна девушка малейшая мысль о сделке. И то, с каким упорством она тренировалась, о многом сказали Тайлу. Не сладкой была её жизнь, раз не верила в спокойную и размеренную судьбу.

Славный галчонок, наивный, храбрый и преданный, жаль, что не для него. Не подпустят его горцы к трону, особенно его. Да и как бы ни хотела принцесса скрыться от арганцев, только в одиночку, без покровителей – дело немыслимое. Арганцы далеко не так беспомощны в Империи, как были сто лет тому назад. Сейчас их сеть осведомителей в теневом мире может поспорить со Службой. А как же иначе? Арганцы в отличие от имперцев всегда платят за добытые сведения. Да и самой Службе стоит пронюхать, что горцы ищут на территории Империи некую девицу, и в этом случае не спасут уже никакие покровители. Найдут и девушку, и пегаса.

Хорошо, что сейчас она его ненавидит, быстрее забудет. А ему не привыкать – зальет горе самым дорогим вином и выпьет за счастье галчонка. Нет, лучше не вина, а того пойла, что привозят из Лустры – прозрачное, как слеза, и обжигающее, как дыхание дракона. За такое лекарство и целого золотого не жалко. Тем более что сейчас он вполне обеспеченный человек. Пусть остальные считают его идиотом за то, что вернул пегаса арганцем, на репутацию ему давно плевать, главное – галчонок будет в безопасности у своих.

Тайл подошел к столу, взвесил три мешочка – два побольше с монетами, и один с камнями – поменьше. Развязал один – вытащил золотой. На сегодняшнее лечение достаточно. Остальные убрал в потайные карманы. Оставалось одно дело – убрать заработанное в надежное место и можно идти топить хандру в лустровском пойле.

– Я никуда с вами не пойду, – заявила Дара, как только за ними закрылась дверь, – слышите, никуда, – сказала из чистого упрямства. Пусть не считают её послушным животным – куда тащат, туда и идет.

– Дариэлла, не сейчас, – со страдальческим видом произнес Кристан, – здесь не безопасно.

– А где безопасно? – взорвалась девушка, однако голос понизила, – На троне?

– Поговорим, когда покинем город, – предложил Даргей, накидывая капюшон на голову Дары, – и не заставляй нас тащить тебя силой.

Девушка вспыхнула, но сдержалась. Не хватало только им всем оказаться в канцелярии. Вот праздник будет у императора!

Спускаясь за Тимьяром, Дара испытывала массу противоречивых эмоций: досаду на то, что так легко и быстро попалась; бешенство от предательства Тайла; глухую тоску при мысли о собственном будущем, но в этой мешанине присутствовал явный привкус тихой радости. У девушки, словно тяжелый камень с души свалился – теперь не придется продавать Илька в чужие руки. Арганцы позаботятся о пегасе, и его крылья еще наполнятся ветром родной долины.

С Илька мысли сразу же переключились на Тайла. «Ненавижу тебя! – беззвучно прошептала Дара, вспоминая лицо законника и его довольную ухмылку, – Законченная сволочь ты, а не законник, – злилась она, кусая губы».

Кристан придержал девушку за плечо, не давая шагнуть на первый этаж, пока его товарищи проверяют выход из таверны. «Вот и кончилась свобода», – с досадой подумала Дара. Пусть в глубине души она понимала, почему так осторожничают арганцы, вот только раздражение оказалось сильней доводов разума.

Горец легонько толкнул девушку, давая понять, что можно идти.

«Вжик», – пропела смерть, влетая сквозь распахнутое по случаю теплой погоды окно и втыкаясь в столб рядом с головой Дары. «Трень», – закачалась рядом её сестрица. В следующее мгновенье девушка очутилась на полу.

– Не высовывайся, – рыкнул Кристан, нависая над ней.

Тайл вышел из кабинета. Карманы плаща приятно оттягивала тяжесть кошельков, на душе было погано, но хандра притихла в предвкушении обещанной пьянки. Второй этаж все еще пустовал. «Молодец Остр, понимает, как нужно проводить подобные сделки», – мелькнула уважительная мысль. Мелькнула и пропала. Уж слишком тихо было в таверне. С первого этажа куда-то делись привычные слуху звуки. Сердце сжалось от тревожного предчувствия, а еще от осознания того, что она сейчас с ними. А значит…

Пригнувшись, Тайл крадущимися шагами пробирался по лестнице. Когда стал виден первый этаж, законник замер, а потом в одно движение скользнул за перевернутый боком стол. С поставленными набок столами зал сейчас напоминал площадку

для игр в прятки. Посетители сидели на полу тихо, не высовываясь, в глубине души, наверняка, кляня затейницу судьбу, приведшую их на обед в эту таверну. Лишь в углу скулила женщина, да мужской голос бубнил молитвы откуда-то из центра.

– Давно сидим? – весело поинтересовался Тайл у ближайшего к нему горца. Неожиданная отсрочка расставания с Дарой привела его в отличнейшее расположение духа, – нам с тобою, галчонок, никак не расстаться, – это уже девушке.

Тихо пропела сталь и наткнулась на лезвие кинжала.

– Нехорошо, – укоризненно покачал головой, отводя нож от своей груди, – вам сейчас помощь не помешает, а ты в меня ножичком тыкаешь.

– Кристан, дай мне его убить, – донеслось от соседнего стола.

– Я сам, – черные глаза нехорошо блеснули, и арганец повторил удар.

– Так как насчет помощи? – спокойно поинтересовался Тайл, уходя от удара.

– Сначала сам предаешь, а теперь помощь предлагаешь? Что, денег не хватило?

Сидя замахиваться ножом было неудобно, и арганец решил придушить наглого имперца, но сначала попытался достать кулаком до лица. Мерзавец ловко уклонился, и кулак врезался в стол, чуть его не опрокинув.

– Это кто тут предатель? – обиженно донеслось снизу, куда сполз Тайл, уходя от удара, – ты что, с горы рухнул?

– А засада сама собой нарисовалась? – ехидно поинтересовался Даргей из-за левого стола.

– Остр! – завопил вдруг этот помешанный имперец, – Стой, сволочь, я все равно вижу твой толстый зад. Не уйдешь, зараза!

Хозяин таверны, все это время тихо ползущий к заветной двери на кухню, дернулся, словно ужаленный, и, колыхаясь своим немаленьким телом, резво запрыгал прочь.

– Ну, погоди, – Тайл рванул было наперерез, но ему самому наперерез помчалась парочка арбалетных болтов, – вот же….! – нырнул обратно, покосился на Дару и добавил, – нехорошие люди, устроили, понимаешь, охоту на честных граждан.

– Ты-то честный? – ехидно поинтересовалась девушка, – но, знаешь, Кристан, я ему почему-то верю. Он хоть и жадный до золота, но не подлец.

– Верь ей, – проникновенно подтвердил Тайл, усаживаясь между ними, – я и так с вами засветился. Мне приводить кого-то еще на сделку смысла нет. Как говорится, меньше народу, больше живых.

– Может он и прав, – подал голос Гестар, – у меня тоже нет

веры посредниками. Сколько раз из-за их жадности мы теряли людей!

– Тогда чего мы ждем? – с нетерпением осведомился Тайл, – Надеюсь, вашей страховки?

– Если я пока тебя не убил, – недовольно ответил Кристан, – это еще не значит, что я тебе поверил.

– Значит, я прав. И вы подстраховались. Вот только, если об этом догадался я, то можно предположить, что суровые ребята с арбалетами тоже не лишены сообразительности.

Ответный взгляд горца не просто придавил, а почти размазал Тайла по полу.

«Ну-ну, – лишь посмеивался про себя законник, – подобная самоуверенность еще никого до добра не доводила. Я, конечно, могу ошибаться в заказчиках, уж больно богат выбор желающих отправить арганцев на тот свет, но если судить по наглости нападающих и отсутствию стражников… Боюсь, горцев ждет неприятный сюрприз. За них явно взялись всерьез, знать бы точно кто».

Снаружи раздался невнятный шум, послышались чьи-то крики, которые тут же стихли. Через пару мгновений тишину пронзила переливчатая трель.

Один из горцев ответил не менее мелодично, в ответ просвистели уже с трех сторон.

«Жаль, что нам так и не удалось расшифровать эти свистки», – подумал Тайл, наблюдая, как мрачнеет лицо соседа. Он бы дорого отдал, чтобы понимать, о чем пересвистываются сейчас арганцы.

– Нам пора, – арганец поднялся, помогая встать Даре.

– Я бы не советовал торопиться, – покачал головой Тайл.

Взгляд, которым его удостоил горец, явно говорил, куда он может засунуть свои советы, и что в его компании никто не нуждается.

Пять фигур в темных плащах осторожно выдвинулись к двери.

«Интересно, – подумал Тайл, оставаясь на месте, – понимают ли они, насколько привлекают сейчас к себе внимание днем в жару в черных плащах? Осталось только таблички «Арганцы» повесить для сомневающихся или тупых». Хотя без плащей ситуация не лучше. Дети гор практически все темноволосые, высокие, с бронзовой от загара кожей и ярко голубыми глазами. В любой толпе низкорослых жителей империи они будут как на ладони. Не зря здесь в Империи окопались те, кого мать-природа наградила иной внешностью. А эти четверо, что пришли на сделку, явно из боевой группы. Там внешность не важна.

Прилетели ночью, вырезали тех, кто по пути попался, золото забрали и обратно к себе в Арганию вернулись. Хотя у того, что вокруг галчонка вился глаза серые, взгляд такой… хм, серьезный мужик. Был бы имперцем, может, познакомились поближе, а так – дохлый номер. Горцы пить не умеют, веселиться тоже, про баб и говорить тошно. Одна тоска с их правильностью. Но руки у них из нужного места растут, да и мозги работают так, что имперские ученые от зависти зеленеют.

Тайл привстал, провожая взглядом, как скрываются за дверью арганцы, уводя с собой Дару. Усилием воли заставил себя остаться на месте. И так мишеней на улице много, еще одна ничего не изменит.

Однако и для него мощный взрыв, ворвавшийся сквозь открытые окна в зал таверны, стал полной неожиданностью. «Маг, твою мать!»

Ноги уже сами несли к выходу, когда включилась голова. Тайл резко свернул к окну, осмотрел заволокшееся дымом пространство и потрусил в сторону кухни, где имелся запасной выход. Он, конечно, тоже под присмотром, но все же шансов выскользнуть из него незамеченным гораздо больше, тем более одному невысокому имперцу.

«Это же кому продал нас Остр, если заказчик расщедрился на мага?» – недоумевал Тайл, выглядывая в переулок, тот был пуст, и только на выходе мелькали чьи-то тени.

В империи магия давно стала больной темой. Это раньше существовали школы, учителя, даже целая академия имелась. Писались трактаты, создавались новые заклинания. В монастырях, говорят, жили настоящие кудесники, силой духа творившие совсем уж небывалое. А затем народ измельчал, принизился, к земному потянулся. Земное с духовным всегда плохо сочетается. Дух от удобства, да роскоши слабеет, ленью зарастает. Куда ему внутреннюю силу растить, когда мысли одни о желудке, да благах разных. А благ этих, как известно, мало не бывает.

Маги стали драть несусветные деньги за все: за малейшие услуги, за обучение, да просто за свое проживание в каком-либо городке. А дар он ведь не выбирает богатых или бедных. Вот и перестали отправлять детей на обучение, коли стоит оно не один золотой.

Первыми стали разваливаться небольшие школы, за ними захирела Академия. Отдельные маги пытались спасти положение, но несколько талантливых учеников не могли уже сыграть какой-либо значительной роли. Вымирание шло полным ходом. Последними сдались монастыри.

Устояли лишь лекари. Они всегда были ближе всех к смерти, а потому не слишком увлекались продажей своих талантов. Когда знаешь, что смерть не делает исключений, и отличается полной непредсказуемостью, не очень-то стремишься накопить как можно больше золотых монет.

Остальной шушере Тайл вообще не верил, ни всяким предсказателям, ни звездоискателям, ни якобы защитникам от злых сил.

Хоть и редко, но в империи продолжали рождаться дети с магическим даром. Чаще всего они шли в лекари, где хоть чему-то можно было научиться, реже, при особом складе характера уходили на Службу императора. Здесь их учили находить людей, используя их личные вещи или распознавать, говорит человек правду или ложь. И совсем уж большой редкостью было умение убивать на расстоянии.

Таких магов, как знал Тайл, на всю империю насчитывалось не более трех. Иногда, они работали по частным заказам, но стоило это не просто дорого, а не позволительно дорого.

«Если этого нанял кто-то из сиятельных тасов, может и выкрутимся, – размышлял Тайл, направляясь в тупик. Оттуда шел проверенный путь через стену, – а если Служба раскошелилась, пришел горцам большой и полный обвал. Из-под такого точно не выберутся. А Остр, какой красавец! И как только жив до сих пор?».

Сам Тайл иногда пользовался услугами хозяина таверны и не понаслышке знал, что тот связан с арганцами. И ведь не боялся брать деньги у горцев, значит, мог позволить себе не бояться. Законнику стало даже интересно, кто там ходит в покровителях у продажной крысы.

Мысль вернуться и спросить, а заодно убрать лишние жиры с задницы, к сожалению, пришлось отмести. У него тут горцы подорванные бегают, да галчонка за собой таскают. Непорядок!

Задумываться над тем, почему ему вдруг стала небезразлична судьба какой-то там девчонки, пусть и целой принцессы, Тайл не стал. «Где арганцы, там деньги!» – гласила людская молва. «А еще Служба, император и жаждущие крови тасы», – добавил бы от себя Тайл. Но про деньги мысль была заманчивая, да и не привык законник терять что-то свое, пусть теперь ему не принадлежащие.

«Зря я что-ли девчонку от костра спас», – бормотал он, ныряя в хитросплетение улиц.

Ярко светило солнце, одуряюще пахли белые цветы, растущие в горшках около таверны, в доме напротив заливалась канарейка, сидя в клетке на подоконнике. Умирать совсем не хотелось, ни на единую капельку. Наоборот, хотелось сбросить черный плащ,

скинуть узкие новые сапожки, вырваться из душного города, пробежаться босиком по траве.

«Шалишь, дорогая, – ехидничало сознание, пряча за ехидством страх, – теперь никаких «я хочу». Теперь у тебя одни государственные интересы, да заботы о народе в голове должны быть. Кушаешь кашку утром и думаешь, чем бы еще арганцев облагодетельствовать. Ванну принимаешь, а сама проект какой-нибудь обдумываешь. Привыкай! Идешь по улице, зажатая с четырех сторон хранителями королевского тела так, что и не рыпнешься, а все о свободе мечтаешь, глупая… Еще неизвестно, доживешь ли ты вообще до трона с такими замашками».

Ощущение, что некто сверлит спину тяжелым взглядом, не пропадало с тех пор, как они вышли из таверны. Напряжение нарастало, пропитывая собой воздух. Хранители тела невольно прибавили шаг, бросая по сторонам настороженные взгляды.

Тихий свист Дара бы не услышала, если бы не прислушивалась к окружающим звукам. Не успел он стихнуть, как девушку резко дернули в сторону, втаскивая в боковой проулок, прижимая к стене. Грохнуло так, что зазвенело в ушах, а стена подпрыгнула под спиной. «Маг!» – испуганно ахнуло сознание. Послышался звон разбитого стекла, чьи-то встревоженные крики, но Дару уже тащили за руку прочь.

Арганцы разделились. В переулке с девушкой оказались Кристан и Гестар. Дара не видела, что стало с Тимьяром с Даргеем. Скорее всего, им пришлось укрыться на другой стороне улицы.

Они бежали, петляя по узким переулкам, провожаемые испуганными взглядами прохожих и стуком захлопывающихся ставен. За спиной нарастал шум, поднимался вверх серый дым, там остались враги и друзья.

Из переулка выскочили на небольшую площадь. Впереди расстилался ремесленный квартал. На краю площади замер увитый ползучим кустарником трехэтажный дом. Густые заросли образовали на первом этаже целые ниши. В их тени беглецы и остановились. Вовремя. Дара уже с трудом переставляла ноги.

– Оставайтесь здесь, я на разведку, – сказал Гестар, скрываясь за углом.

Дара прислонилась к стене дома, пытаясь обуздать колотящееся сердце. До нее только сейчас начало доходить, что целью атаки мага были все пятеро, и, если бы не реакция арганцев, она была бы уже мертва. Очень неприятное ощущение, понимать, что являешься мишенью для неизвестного мага.

– Испугалась? – Кристан повернулся к девушке, протянул руку к её бледному лицу, – не бойся, я никому не позволю тебя

обидеть.

– Беспокоишься о королеве? – зло бросила в ответ Дара, отшатываясь в сторону. Пусть он и спас ей жизнь, но прошлое предательство никто не отменял.

Кристан скрипнул зубами, однако промолчал, лишь в серых глазах заблестели злые льдинки.

– Нашли время ворковать, – раздался над их головами насмешливый голос Тайла. Дара вспыхнула, а Кристан выругался, обнажая меч.

– Ты что здесь забыл, недоумок? Спускайся, я с удовольствием проткну твою лживую шкуру.

– Мне и здесь хорошо. Тем более что это не меня сейчас загоняют, словно дикого зверя, – законник сел на перила балкона, удобно облокотился о стену и всем видом изображал отдыхающего от трудовых забот прохожего.

– Если что-то знаешь, говори. Нет, проваливай отсюда, – рявкнул Кристан, теряя терпение.

– А ты попроси, – насмешливо предложил Тайл, склоняя голову набок.

От достойного ответа Кристана отвлек Гестар. Появившийся арганец был бледен и выглядел крайне встревоженным. Некоторое время они тихо переговаривались, затем Кристан виновато посмотрел на девушку: «Прости, мы не можем прямо сейчас вывести тебя из города. И дом, в котором мы хотели переждать облаву, оказался ненадежным. Есть вариант добраться до другого, но придется идти далеко».

– Ничего, я справлюсь, – выпрямилась Дара, – не переживай за меня. Будет гораздо хуже, если мы попадемся.

– А вы и попадетесь, – жизнерадостно провозгласил Тайл, – в таком виде вас любой дурак опознает, даже стражники, не смотря на то, что они самые тупые в этом городе. Совсем, видать, вы днем работать не умеете, – ворчливо добавил он, – вырядились в плащи и думаете, что черное на белом незаметно.

– Если хочешь что-то предложить, давай быстрее, – проговорил Гестар, делая знак Кристану, чтобы тот перестал подбирать удобную позицию для броска ножа, – нам оставаться долго на месте нельзя.

– Днем вам не выбраться из города, – вмиг посерьезнел Тайл. Он легко перемахнул через перила и спрыгнул вниз, – я так понимаю, ваши сейчас активно изображают бегство зайчиков по городу, только боюсь, нужных людей это с толку не собьет. Её, – он кивнул на Дару, – многие видели в таверне. И не мне вам говорить, что появление девушки в компании арганцев может навести на очень даже неприятные размышления.

– Ты так говоришь, как будто все помнят, что было сто лет тому назад, – поморщилась Дара.

– Забыли бы, если бы кое-кто не воровал постоянно драгоценности.

– Мы возвращали своё! – вспыхнул Кристан, хватаясь за меч.

– Тихо, – Гестар оглядел Тайл задумчивым взглядом, а затем уточнил, – сколько?

– Вот это другой разговор, – подмигнул законник девушке, – по цене сойдемся. Время, как говорится, деньги. А в вашем случае, еще и голова на плечах, хе-хе. Так что прошу следовать за мной. Укроетесь до темноты, а потом могу посодействовать выходу из города.

– Как-нибудь сами, – резко ответил Кристан, от которого не укрылось вальяжное отношение Тайла к Даре.

Невзирая на протесты Кристана, по настоянию законника они разделились. Дара сняла плащ и неторопливым шагом пошла впереди под руку с Тайлом. Оба арганцы двигались позади на небольшом расстоянии. Плащи они тоже сняли, правда, под ручку взяться, как ехидно предложил законник, отказались. Но хоть шаг поубавили, да на лица натянули беззаботные маски.

Тайл вел их умело – по тихим спокойным улочкам, до которых еще не дошла суматоха. Пара раз вдалеке мелькали отряды стражей, но на самом пути им попадались лишь спешащие с поручениями посыльные из лавок. Этим что обед, что вечер – надо торопиться исполнить заказ.

Несколько раз беглецы ныряли в арки, срезая путь через дворы доходных домов, один раз прошли насквозь лавку, торгующую коврами, и вышли на соседней улице. По пути Тайл кивнул хозяину, как старому знакомому. Затем оказались около забора старого, порядком обветшавшего дома.

– Купил по дешевке, – пояснил Тайл, открывая калитку.

Внутри дома было пыльно и вместе с убогой мебелью – пара шатких стульев на все три комнаты и один монументальный стол, он представлял собой довольно жалкое зрелище.

Арганцы потоптались около входа, незаметно осматривая жилище.

– Идите уж, проверяйте, – махнул рукой законник, – не доверяют, – пожаловался он Даре.

– А вдруг ты здесь целый отряд стражи прячешь?

– Разве что под столом, – предположил Тайл и, заметив, заинтересованные взгляды арганцев, воскликнул, – ну, конечно, как я мог забыть! Пару недель назад мы тут одну сделку обмывали. Под конец, кто только под этим столом не валялся. Может, и до сих пор там лежат, – он подошел, наклонился, на

полном серьезе заглянул вниз, – никого, – поднялся с огорченным видом, – неужто все расползлись? Жаль, такие милые ребята были.

– Шут, – презрительно хмыкнул Кристан, аккуратно проверяя остальные комнаты. На удивление, дом действительно оказался пустым, хотя он до последнего ждал ловушку. Странный все-таки этот Тайл. Им так и не удалось выяснить личность того, кто предложил купить девушку с раненым пегасом. Осторожный оказался, зараза. И вот теперь, эта нежданная помощь, которая на самом деле пришлась очень кстати. Похоже, за них действительно взялись всерьез. Давно уже пора было менять сеть осведомителей, но гвардейцы тянули, надеялись успеть собрать все драгоценности, а потом просто забыть империю, как страшный сон. Нет, не успели. Как и подозревали, почти все якобы доверенные лица работали не только на них, и теперь, когда запахло жаренным, вспомнили о своих хозяевах, мигом забыв тех, кто платил им щедро все эти годы.

Придется выбираться самим. За ребят он не переживал, выкрутятся, не впервой. Одиночке всегда легче просочиться сквозь облаву. А вот им самим с Дарой выбраться из города будет гораздо труднее. Тем более что Тайл прав. Искать будут не только арганцев, но и девушку, замеченную вместе с ними. Похоже, они все-таки разворошили пчелиный улей, и в игру могут вступить совсем нежелательные персоны.

– Вам нужно уходить без меня.

Услышав твердый голос девушки, Кристан аж споткнулся. Он как раз заканчивал обход комнаты, намечая пути к возможному отступлению и точки наилучшего обзора.

– Дариэлла! – с укоризной произнес Гестар.

– Дара, – девушка упрямо поджала губы. Все благие мысли о примирении мигом вылетели из её головы, – меня зовут – Дара. Оставьте свою Дариэллу для арганок.

– А она права, между прочим, – неожиданно встал на защиту Тайл, – хотите выдать её этим своим «Дариэлла», – мяукающим тоном передразнил он.

Горцы насупились, замолчали.

– Ты не можешь здесь остаться, – почему то виновато глядя на Дару, произнес Кристан, – если он догадался, – кивнул на Тайла, – остальные тоже скоро поймут, кто ты, если уже не поняли. Еще шестнадцать лет назад потомков принцессы Араэллы было пятеро. А спустя шесть лет остался только один, точнее одна – ты. Тот, кто убил четверых, охотится и за тобой.

Глава 10

Тайл мысленно присвистнул. Дело, оказывается, еще хуже, чем он думал. Воняет так, что слезы на глазах наворачиваются. Сто лет прошло, а кому-то до сих пор неймется. Это что же получается? Некий злобный долгожитель целенаправленно уничтожает потомков арганских правителей? Бред. Пусть он трижды гадина, столько не живут. Тайл быстро перебрал роды сиятельных тасов, отличающихся стойкой ненавистью к горцам и хорошей памятью. Выходило слишком много кандидатов. «Умудряются же некоторые иметь во врагах половину населения империи!» – с раздражением подумал Тайл, с тоской понимая, что влип. Влип полностью. Сколько раз он проклинал себя за идиотский характер падкий на всевозможные тайны и загадки. Ну, вот кто его тянул влезать в это дело и помогать арганцам. И не стоит все сваливать на прекрасные черные глаза. Дело отнюдь не в них, точнее не только в них.

Ну, не мог он пройти мимо той истории арганской принцессы. И не его вина, что эта страница в скучнейшем учебнике была самой загадочной среди рассказов о заговорах, завоеваниях и отрубленных головах. До сих пор её наизусть помнит. А сколько раз пытался понять, что произошло в горах на самом деле. Был ли император причастен к ограблению и убийству свадебного кортежа или нет? Что это – нелепая случайность или тщательно спланированная афера? И вот теперь у Тайла есть шанс приблизиться к разгадке. Может он его упустить? Нет!

Размышление прервал тихий всхлип.

– Дариэлла, – встревожился Кристан, шагая к девушке, – прости, галчо…, тьфу, Дара.

«Болван!» – разозлился на себя горец. Привязалось же словечко. Пару раз ловил себя на том, что мысленно называет девушку галчонком и вот теперь произнес вслух. Нет, не зря ему так не понравился имперец. От него только зло. Так опозориться. Хотя… С растрепанными от бега волосами и раскрасневшимися щеками, с блестящими от слез черными глазами Дара действительно напоминала галчонка. Такого маленького, взъерошенного, растерянного. Хотелось прижать к себе, закрыть, защитить от всего мира.

– Родители, – тихо прошептала Дара, прикрывая ладонью рот, – их нет?

– Ох, прости, милая, – Кристан нежно обнял девушку, – прости, мы не подумали, что ты все еще надеешься их найти.

Дара прижалась к его груди, чувствуя, как рушатся детские мечты, как умирает надежда, унося с собой кусочек её сердца, быть может, самый главный. У нее не будет семьи, никогда не будет. Даже воспоминаний у нее нет. Она никогда не узнает, как выглядела мать, каким был её отец. От отчаянья девушка тихонько завыла. Больно, как же больно терять надежду.

Кристан крепче прижал к себе, стремясь разделить с ней эту боль, облегчить страдания. Какая же она слабая и беззащитная, как ему хочется, что она вновь стала ему доверять.

Каждый из брошенных детей всегда мечтает найти родных. Мечтала и Дара, иначе не убивалась бы так сейчас. Они же, пусть и невольно, лишили её этой надежды. Как это страшно – понять, что остался один на белом свете, что столько лет напрасно надеялся на встречу с близкими.

Кристан легонько коснулся губами волос девушки, вздохнул. Пусть эта боль пройдет быстрее, пусть прошлые раны заживут, перестав кровоточить. Жизнь продолжается. Хоть и не сразу, но Дариэлла привыкнет к Аргании, полюбит свою страну и найдет в ней счастье. В глубине души Кристан надеялся, что счастье она найдет с ним.

– Спасибо, – прошептала Дара, отстраняясь. Ей действительно стало легче. В объятиях Кристана боль, словно уменьшилась в размерах, стала глуше. Теперь девушке было понятно выражение «Как за каменной стеной». Хорошо иметь такого защитника. Жаль, что Кристан защищает её только из чувства долга. Как женщина она его не интересует. Даже прикасается к ней, наверное, с брезгливостью. Кто она в его глазах? Продававшая тело за деньги. Не успела удрать в империю, как завела себе очередного любовника.

А Тайл – каков! Нравится ему дразнить горцев и плевать, что при этом страдает репутация Дары. Мужчина, одним словом. Меряет все по себе – чем больше любовниц, тем выше самомнение. А для женщины все строго наоборот. Только почему – непонятно. Нет, как раз понятно – мужчинам рожать не нужно, дети ведь не виноваты, кто из родителей загулял, а кто всерьез решил создать семью. Только все равно несправедливо. Кому-то развлечение, а кому-то презрение и клеймо.

Кристан участливо заглянул в глаза девушки, и на мгновенье ей показалось, что он не притворяется и действительно расстроен. «Нет ему веры! – тут же вмешалась гордость, – все они мастера обмана. Ты же не будешь больше наивной дурочкой, которая верит каждому слову этих обманщиков горцев».

– Мне всегда было интересно, сколько еще побрякушек вам нужно украсть из Империи, чтобы забыть сюда дорогу? – словно

невзначай осведомился Тайл, делая вид, что не замечает покрасневших глаз Дары. Он устроился на столе и с беззаботным видом болтал правой ногой в воздухе.

– А мне интересно, откуда ты такой любопытный взялся? – с нескрываемой угрозой в голосе поинтересовался Кристан.

– Одну, – спокойно ответила Дара, – точнее, один. Это набор.

– Колье, парные браслеты, серьги и диадема. Бриллианты и немаленькие такие.

– Неплохая осведомленность, – Гестар напрягся. Сначала этот имперец оказывается в курсе происхождения девушки, не так уж много людей в империи помнят подробности давнейшей истории, теперь вот драгоценности принцессы ему известны.

– Я, знаете ли, в детстве был любознательным ребенком и читал все, что под руку попадется.

– И в какой же книге тебе попалось описание приданого пресветлой Араэллы? – уточнил Кристан. Словно невзначай его рука легла на плечо девушки, а вторая на рукоять меча. Откровения имперца нравились ему все меньше и меньше.

– В дневнике императора Лиашанга, – невозмутимо ответил Тайл, упорно не замечая напряженных взглядов арганцев. Как хороший актер он выдерживал паузы, как великолепный игрок, выкладывал козыри по одному.

– Насколько мне известно, дневников сохранилось всего три экземпляра: один подлинный и две копии, – обозначил следующее затруднение Гестар.

– Честно не скажу, была ли это копия или подлинник, – безмятежно улыбнулся Тайл.

– И как простой тас достал оригинал, хранящийся в императорской библиотеке или же копии из хранилища Хрустального монастыря, ты, конечно же, тоже не скажешь. Да и откуда, Серому Лорду знать такие вещи, я прав? – губы Кристана тронула еле заметная победная усмешка. «Вот ты и попался, имперец. Обрежу волосы, если не угадал!»

– Неплохо, горец, неплохо, – Тайл выглядел таким довольным, словно только и мечтал, чтобы его раскрыли.

– Кто такой Серый Лорд? – непонимающе нахмурилась Дара.

– Самый известный, самый родовитый и самый незаконный торговец оружия Империи, – пояснил Гестар, – видишь ли, только настоящий ценитель может позволить себе носить кинжал из нашей стали, и только приближенный к императорской семье мог проникнуть в библиотеку и прочесть там дневник Лиашанга.

– А из всех лордов – наследников императора, лишь Серый мог наплевать на закон и отдать тебя нам, – честно добавил Кристан.

– Наследник – сильно сказано, – скривился Тайл, – я четырнадцатый в очереди на мозгодробительное кресло под названием трон. И совсем не стремлюсь там оказаться.

– Разве ты не законник? – удивилась Дара.

– Был им давно, – отмахнулся он, – потом ушел на собственные хлеба. Не люблю, галчонок, плясать под чужую дудку.

– И почему сиятельный тас решил помочь простым арганцам? – с насмешкой поинтересовался Гестар, однако в голосе чувствовалось напряжение.

Тайл сделал вид, что задумался, подобрал правую ногу к себе, положил подбородок на колено. Даре тоже надоело стоять, и она осторожно присела на один из стульев. Надо же, не развалился!

Можно было, конечно, пристроиться рядышком с Тайлом на столе, но как-то неудобно. Хотелось видеть выражение лица этого лже-законника, когда он перейдет к сути дела. Неспроста же начал вспоминать свое детство, явно что-то задумал. Дара уже успела изучить Тайла, чтобы понимать – этот человек ничего не будет делать просто так. Вот никогда бы не подумала, что перед ней целый лорд, скорее кто-то из обедневших сиятельных тасов, да еще с торговыми в родне. Уж больно умело и прибыльно Тайл ведет свои дела.

Благородные в империи делились на две категории: родственники императорской семьи – лорды и все остальные сиятельные тасы – графы, герцоги, князи. Торговые стояли немного особняком. У многих из них денег было поболее, чем у сиятельных, зато происхождение не дотягивало. Вместе с торговыми на одной социальной лестнице находились законники, чиновники и военные. Эти брали власть не деньгами, а силой. Что, в общем-то, иногда работало лучше золотых кругляшков. Далее шли горожане – именитые и простые, затем ремесленники, крестьяне, ну и ниже были те, кому уже падать некуда.

– Простые, говоришь? – прикрыв один глаз, спросил Тайл и сам себе ответил, – шалишь, братец, не проведешь. Вон тот черноволосый в меня хоть и простым ножичком тыкал, а не родовым кинжалом, понимаю, для удара родовым оружием моя грудь не достойна, да только к своей драгоценной принцессе вы кого-либо не допустите. Я так думаю, передо мной сыновья мудрейших из мудрейших, которые у вас в совет входят.

Дара навострила уши. Признаются или нет? Она ведь до сих пор не знает, кого из арганцев пророчат к ней в мужья. Сама девушка никогда не решится спросить напрямую. Гордость не позволит. Да и не стоит торопиться. Пусть наместник первым

сделает ход. Там и посмотрим, что к чему. Если от трона ей, похоже, не отвертеться, то мужа навязать себе не даст. Жаль, что надежды на свободную жизнь не сбылись. Как говорится, хочешь насмешить Создателя, расскажи ему свои планы. Оставаться в империи смысла больше нет, ни смысла, ни родных. Есть еще мать-настоятельница и девочки из приюта, но не может она к ним вернуться и тем самым подвергнуть их жизни опасности. Как ни грустно признавать, но дорога у неё одна – в Арганию. В империи осталось, правда, одно дело. Но даже думать об этом не стоит, так мизерны шансы к нему приступить.

– Кристан, – шагнул вперед арганец, слегка склонив голову.

– Гестар, – повторил его жест второй горец.

– Тайл, – махнул в ответ рукой лорд.

– Просто Тайл? – брови Гестара взлетели вверх.

– Просто Кристан и просто Гестар, – поставил точку в обмене именами Тайл.

Кристан не мог не восхититься наглостью этого имперца. За последнее время количество оскорблений, нанесенных Серым Лордом, тянуло как минимум на три смертных приговора, а вот участие в спасении Дары не могло быть оценено ни какими деньгами. Кристан припомнил все, что ему было известно об этой странной личности. Серым его прозвали не зря.

Прозвище подходит к нему, как нельзя лучше. Волосы пепельного оттенка, глаза стального. Тайл дьявольски удачлив, на его счету сделки, которые сделают честь любому торговому дому. Склонен к импульсивным благородным и даже романтичным поступкам, за что обожаем женской частью населения. В делах расчетлив, выгоды никогда не упустит. Страстный коллекционер, как оружия, так и женщин. Не доверяя никому, предпочитает лично отбирать товар. Много времени проводит в разъездах. С семьей отношения напряженные, на грани разрыва. Император не раз пытался пристроить двоюродного племянника к государственным делам – тщетно. Но надежду не потерял, иначе не стал бы закрывать глаза на самовольство родственника. Торговые люди описывали Тайла, как человека умного и жёсткого. Не чурается крови, если вынуждают обстоятельства.

Кристан упорно пытался понять, какую игру затеял лорд, изображая перед ними то шута, то простофилю, то завзятого ловеласа, да вдобавок еще явный интерес к Дариэлле… Поначалу это вызывало лишь раздражение, но и только. Простой законник никогда не сможет стать претендентом на руку и сердце принцессы. Другое дело лорд. По своему положению член императорской семьи считается хоть и не лучшей партией, но

возможной, в теории. На практике имперец на троне – худший кошмар совета и наместника. Еще бы понять, что чувствует Дариэлла к Серому. Они пробыли вместе достаточно времени, чтобы между ними возникло влечение. Сейчас девушка ненавидит Тайла за предательство, но не скрывает ли ненависть под собой другие более глубокие чувства. Если Дариэлла поставит условием своего восхождения на трон брак с лордом, что решит в этом случае Совет, озабоченный продолжением королевского рода, Кристан даже представить не мог. Словно кошмар в его мыслях пронеслось видение скалящегося идиотской улыбкой Тайла, ведущего Дариэллу в храм. Нет, это полный бред – имперец на горном троне! Не бывать! Он приложит все усилия, чтобы держать Дариэллу подальше от любителя оружия и женщин.

Усилием воли арганец постарался вернуть себе безмятежный вид, лишь руки сжались в кулак. Последнее время он часто ловил себя на мысли, что выдержка дает сбой. Насколько легче было дома. Как ни хватает сейчас той уверенности, что завтра он обязательно увидит Дариэллу, заглянет в её красивые черные глаза, поймает светлую улыбку, и сердце забьется чуть быстрее, а мир окрасится в яркие краски. Задумываться о чем-то серьезно до возвращения наместника Кристан не решался. Будущее было слишком зыбким и неопределенным, да и служба в гвардии связывала его по руками и ногам. Потому Кристан и запрещал себе строить какие-либо планы в отношении Дариэллы, впрочем, как другие, посвященные в тайну девушки гвардейцы.

В первый же вечер, по возвращении из империи, они, словно мальчишки, поклялись держаться с принцессой по-дружески, не давая ей поводов влюбиться в одного из них. Каждый понимал, что брак с будущей королевой должен в первую очередь отвечать интересам Аргании, а определить эти интересы мог лишь наместник.

Но соблюдать клятву получалось не у всех. Кристан не раз замечал, как легко подпадали под очарование девушки его друзья, как сквозь дружеские речи проглядывал совсем иной интерес. Да он и сам ловил себя на том, что глядя на весело смеющуюся в компании арганцев Дариэллу, ему все чаще хотелось схватить её в охапку, забросить на пегаса и умчать в укромную долину, затерянную среди скал.

Но Кристан не ожидал, что побег Дариэллы отзовется в сердце такой сильной болью. Те дни, когда он, обезумев от страха и переживаний за девушку, метался среди равнодушных скал, навсегда останутся в его памяти. Как это, оказывается, трудно принять, что ничем не можешь помочь слабой и беспомощной женщине, быть может в этот самый миг погибающей где-то в

чужих землях. Если бы не поддержка друзей, его рассудок бы помутился.

Само собой вышло так, что на поиски рванули все вместе. Гестар – командир второго отряда гвардейцев без возражений поднял своих бойцов и отправился на перевал. А затем в империи присоединился к ним и настоял на том, чтобы его люди тоже участвовали в обеспечении безопасности сделки. Как оказалось, не зря.

Полетел с ними и Даргей. С неохотой наместник все же отпустил самую светлую голову королевства. Арганец официально не был гвардейцем, но за его спиной было планирование не одной операции в империи. Используя лишь сведения от агентов, он выискивал сегодняшних хозяев пропавших драгоценностей, а затем разрабатывал возвращение украшений домой.

– Раз все друг с другом теперь знакомы, может, скажешь, что ты задумал? – обратилась Дара к Тайлу. Какое-то внутреннее беспокойство постепенно овладевало девушкой. Ей казалось, что время неотвратимо утекает, еще чуть-чуть и будет поздно. Понять бы еще, что они упускают.

– Я говорил, что был любознательным ребенком? – выпрямился Тайл, спустив ногу на пол, – А еще крайне непоседливым и любопытным.

– Ты их видел! – воскликнул Гестар, – Видел, не отрицай. Император забыл упомянуть в дневнике браслеты.

– Не отрицаю, видел, – согласился Тайл, – один раз, но дорогу помню хорошо. Как насчет того, чтобы прогуляться туда еще раз вместе со мной?

– Я правильно понимаю, что речь идет о королевской сокровищнице? – осторожно спросила Дара.

– Именно о ней, галчонок. Прелестное место. Лабиринт, масса ловушек, шагразы опять же расплодились за последнее время – жуткие твари. Сам император предпочитает туда спускаться как можно реже, храня золото поближе в дворцовых подвалах.

– И ты хочешь сказать, что мальчишкой смог вскрыть это прелестное место? – с нескрываемым сарказмом поинтересовался Кристан.

– Хочу сказать, что нашел проход в обвалившейся стене, ведущий из старой части лабиринта в новый. Он выходит почти к самой сокровищнице.

– Там же печать на крови. Как ты смог отрыть дверь?

– Вообще-то это одна из самых охраняемых тайн нашей семейки. То, что сокровищницу может распечатать лишь

император или его дети – вранье. Возможно, раньше, так оно и было, но после некоторых досадных случаев замок поменяли. Теперь ему все равно, сколько частей императорской крови в тебе содержится.

Решайтесь. Без меня вам точно туда не попасть, а со мной хоть какой-то шанс. Дару вывезем из города и передадим вашим. Только договоритесь, чтобы ждали нас по пути в столицу. Шансов выйти из северных ворот гораздо больше. Все знают, что вы пегасов на юге на пути к горам оставили и туда же будете прорываться. А на северных у меня парочка прикормленных стражников есть, которые привыкли закрывать глаза на мои ночные проходы, а за приличную сумму закроют их и для вас.

Арганцы переглянулись – предложение действительно было заманчивым.

– Я иду с вами, – это заявление Дары стало полной неожиданностью для всех.

– Нет! – три голоса слились в один. Мужчины смутились. Тайл буркнул что-то неразборчивое, Гестар досадливо поморщился.

– Дара, – Кристан с жалостью посмотрел на девушку, – если ты боишься, что мы тебя бросим, то напрасно. Пока не убедимся, что ты в безопасности, никуда не уйдем. И гвардейцы доставят тебя в Арганию, даже ценой собственной жизни.

– Я не боюсь, – тихо, но твердо произнесла девушка. С каждой минутой в ней росло убеждение в своих словах. Она должна пойти с ними. Зачем, почему – не важно. Да и нет у неё ответов, зато есть уверенность, что права, что по-другому не выйдет ничего. Лишь посмеется плутовка судьба над отчаянной троицей, да отправит погостить к старшей родственнице навечно.

– Тогда, – Кристан посмотрел на Тайла, – может быть ты подождешь, пока мы доставим Дару в Арганию, а затем вернемся к тебе?

Гвардейцу и самому не хотелось оставлять девушку и мучиться в неизвестности. Но упускать шанс забрать драгоценности из сокровищницы, было нельзя.

– Нет, горец, мне вас ждать не с руки, – покачал головой Тайл, – Терпение у дядюшки не бесконечное.

Ему скоро доложат, чья рожа причастна к беготне горцев по улицам Кествурда. А мои бывшие коллеги из канцелярии умеют так задавать вопросы, что хочешь, не хочешь, а ответишь, – помрачнел он.

– У тебя будут неприятности? – встревоженно уточнила Дара. Вот знает же, что Тайл наглая, расчетливая скотина, и все равно его судьба ей небезразлична.

– Будут, если поймают. Доказать что-либо без выбитого из меня признания, они все равно не смогут. Знаешь, галчонок, как это полезно, уметь находиться в нескольких местах сразу, – он подмигнул девушке, – но долго водить их за нос даже мне не под силу. Чем раньше залягу на дно своей самой глубокой норы, тем будет безопаснее для моего тела и нервов. Так что гористые мои друзья, давайте, быстрее организовывайте передачу вашей принцессы и вперед на ограбление императора!

– Не беспокойся, – начал было говорить арганец, но его прервали.

– Кристан, – девушка так резко вскочила со стула, что тот опасно заскрипел и попытался окончательно развалиться, – Кристан, – повторила Дара, подходя вплотную к арганцу и заглядывая в глаза, – я вас никогда не обманывала, прошу, поверь мне сейчас.

Мужчина нахмурился. Вид умоляющих черных глаз больно резал по сердцу, да и слова девушки об обмане явно намекали на прошлое.

– Дариэлла, – почти простонал он, жалея, что нет сейчас рядом мудрых советников, которые смогли бы убедить девушку отправиться домой.

– Пожалуйста, поверь, я должна быть там вместе с вами. Прошу возьми с собой, не отправляй в Арганию. Я не буду помехой, только прошу, не отсылай.

Дара сама не осознавала, что она сейчас говорит. Важна была только сила убеждения, звучащая в её голосе. Внутри девушки звенела заведенная до отказа пружина: «Соглашайся, давай же, соглашайся», – молила она про себя.

И Кристан дрогнул. Что-то чужое появилось во взгляде девушки, в глазах заблестели искры неведомой силы, черты лица изменились, словно им разом прибавили возраст. Даже в голосе зазвучали оттенки не просьбы, а приказа.

– Хорошо, – почти прошептал он. Пересохшие разом губы отказывались повиноваться.

– Что? – взвыл Тайл, спрыгивая со стола, – горец, ты с ума сошел! Тащить беспомощную девчонку в лабиринт? Нет, как хотите, эта авантюра без меня. Да, ваши потом меня четвертуют за гибель принцессы. Это ж надо такое удумать! Точно рехнулся. Слышь, болезный, может тебе целителя позвать?

Гестар взглядом спросил подтверждение решения. Кристан в ответ кивнул.

– Не нужно ему целителя, – спокойно ответил арганец, – Принцесса идет с нами. Не беспокойся, мы берем на себя ответственность за её жизнь. И остальные получат

соответствующие распоряжения. В случае неудачи, никто тебя преследовать не будет. Твоя задача довести нас до сокровищницы и вывести обратно. Но если заманишь в ловушку, – с угрозой произнес Гестар.

– Нет, вы точно сумасшедшие, – перебил его Тайл, – то трясетесь над единственной принцессой, то тащите в опаснейшее место. Безумная затея, но не моя же. Нет, понятно, что еще можно ждать от горцев кроме безумия, но ты-то, галчонок, чем думаешь?

– Не трогай принцессу! – рыкнул Кристан, – это наши внутренние дела.

– Скажи еще, тайны! – фыркнул лорд, сбавляя однако тон, – просто кое-кто не может сказать женщине «нет». Никогда не думал, что мне доведется отправиться на подобное дело в компании двух безумцев и одной авантюристки.

Кристан предупреждающе положил ладонь на рукоять меча, в его выразительном взгляде читалось давнее обещание укоротить чей-то болтливый язык.

– Я так понимаю, ты согласен, – спокойно проговорил Гестар.

– Куда мне деваться? – тяжко вздохнул лорд, взъерошивая рукой волосы на голове, – только у меня условие – вы признаете меня старшим.

– Только не в вопросах, касающихся принцессы, – быстро проговорил Кристан.

– Только если речь не идет о её жизни.

– Общее право, – упрямо стоял на своем арганец.

– Хорошо, – сдался Тайл.

– У меня последний вопрос, – раздался голос Гестара, – что ты забыл в сокровищнице, раз даже не заикнулся об оплате своих услуг?

– А вот это уже моя тайна, – усмехнулся лорд, – скажем так, есть у меня старый долг. Хочу его вернуть, – в глазах Тайла промелькнуло нечто темное, заставив Дару испуганно вздрогнуть. – И отвечу сразу – одному туда не пройти, а ломать психику друзей зрелищем имперских сокровищ, у меня желания нет.

– И с кем ты был прошлый раз? – с подозрением осведомился Кристан.

– Братом, – нехотя ответил Тайл, – когда тот был еще жив.

Глава 11

Тайл удалился заниматься подготовкой выхода из города, обещая вернуться к вечеру, принеся заодно еды. В старом доме не было ни крошки, лишь во дворе стоял колодец с холодной и чистой водой.

Арганцы проводили лорда подозрительными взглядами, уж больно вид у того был загадочно-довольным, да и слишком легко согласился он на участие девушки в налете на сокровищницу. Странно все это, очень странно. Доверять до конца имперцу никто не собирался. Жаль, что нельзя захватить с собой верных гвардейцев, в старом лабиринте не помешали бы лишние мечи, но привлекать внимание имперских стражников толпой вооруженных мужчин в окрестностях дворца было бы крайне неразумно.

Кристану пришлось рискнуть и выйти в город, чтобы оставить в одном из тайников распоряжения для своих. Для прикрытия командиров арганцам нужно было еще несколько дней создавать иллюзию пребывания в стенах Кествурда что-то забывших в нем горцев, затем покинуть город, тайно, но не слишком скрытно, отправившись в соседние поселения. Пусть в канцелярии прибавится работы, и законники оттянут основные силы на юг. Если все пройдет, как запланировано, все равно прямой путь из столицы в Арганию будет перекрыт в первую очередь. Зато откроются восток и запад.

Умывшись водой из колодца, Дара устроилась в одной из комнат прямо на полу, подстелив под себя плащ, прислонилась к стене. Гестар подсел сбоку, уложив голову девушки себе на плечо, обнял. Дара напряглась, ожидая расспросов, уговоров, требований… Она сама до сих пор не верила, что арганцы согласились её взять с собой, но Гестар сидел молча, погруженный в раздумья. В доме воцарилась тишина, толстые стены глушили почти все доносящиеся с улицы звуки. Вскоре глаза девушки стали закрываться сами собой, и она задремала.

Кристан легким шагом никуда не спешащего человека шел по мостовой. Полуденная жара уже отпускала город, и на улицах становилось оживленнее. Хотя здесь на окраинах не хватало суматохи центральных улиц, где доблестные стражники продолжали упорно ловить высоких фигур в черных плащах.

Арганец поправил застежку, одернул рукав – коротковат ему плащ имперца, но кто же знал, что этим летом из столицы, словно пожар распространится мода на короткие плащи, как мужские, так и женские. Вон почти все на улицах в них щеголяют.

И виной тому, судя по всему, слишком жаркое лето, свалившееся в этом году на империю. Он с тоской вспомнил прохладу гор, где даже в самый зной путиков радовал освежающий ветер.

Прав Серый, в своих длинных плащах горцы слишком заметны днем. Надо было не срываться с места, получив через посредника предложение купить девушку с пегасом, а тщательно подготовиться к сделке. Вот только страх, что в торгах участвуют не только они, не давал времени сосредоточиться на деталях.

Кристан вошел в дом, тихонько прикрыл дверь. Кинул знак Гестару – все в порядке, сообщение оставлено. Тот в ответ изобразил пантомимой целое предложение. Если опустить эмоциональную составляющую, то в сухом остатке наличествовали два слова: «Это дар?»

– Не уверен, – одними губами ответил Кристан, – но, похоже. Если это его первые признаки, то мешать опасно.

– А отправляться с ней в сокровищницу не опасно? – с горечью усмехнулся Гестар.

Оба замолчали. Судьба вновь сыграла краплеными картами. Подкинул туза и тут же прибила его козырем. Не взять нельзя и взять слишком опасно.

Кристан слабо представлял, что происходит в период пробуждения дара. Хроники были скупы на подробности, зато красочно описывали, к чему может привести, если носителю отказывать в его желаниях. Мол, в этот период дар сам выбирает, как и где ему проявляться и очень важно не отказывать, а помогать в осуществлении пусть бредовых и даже опасных требований.

Как еще припомнил арганец, период пробуждения часто сопровождался спонтанными всплесками силы и нестабильностью носителя. И в тех же хрониках настоятельно рекомендуется не выпускать первое время одаренного из поля зрения, а так же обязательно обеспечить его опытными наставниками. Что следует подразумевать под признаками проявления дара, хроники в подробности не вдавались, ограничившись замечанием, мол, у каждого по-разному, а как начнется, вы сами все поймете.

Пока Кристан понимал, что он ничего не понимает, но ошибиться было страшно. Страшно не за себя, за Дару. Что с ней будет, если способности, не найдя выхода, начнут ломать девушку изнутри, представлять не хотелось.

«Пусть лучше я стану нянькой и телохранителем, чем пойду наперекор её желаниям и доставлю домой труп или невменяемую принцессу», – решил он в итоге.

Тайл вернулся под вечер, обвешанный сумками и корзинами, словно тяжеловоз, зато на лице сияла радостная улыбка

предвкушения.

– Соскучился, галчонок? – это Даре, – Прости, отряд стражников потерялся в соседнем переулке. Долго за мной тащились, но, в конце концов, надоело около каждой лавки ждать. Приняли, видно, за любителя скупать все подряд, – это Кристану, высматривающему за спиной у лорда сквозь открытую дверь толпу стражников или законников. – Лучше корзины проверь, да стол накрой, – это Гестару, не сводящему подозрительного взгляда с Тайла, – Что за встреча! Прямо, как не родные! – это самому себе ворчливым тоном под нос.

– Разве мы успели породниться? – бровь Гестара выразительно изогнулась дугой, а губы сжались в презрительную черту. Арганец демонстративно проверил, не успел ли затупиться за последнюю пару часов его любимый кинжал и медленно убрал его в ножны.

Тайл заинтересованно рассматривающий очередной шедевр режущего оружия, лишь с тоской вздохнул. Он давно подбирается к арганским клинкам, но горцы, чтоб им от жадности камнями подавиться, с империей никаких торговых дел иметь не хотели.

– Ну, я же таскаю на шее вашу каменюгу, – лорд поставил корзину на пол, сбросил пакеты, – каменюга ваша – кровь моя. Смотри, целая и даже не пыталась меня прибить, – он достал из-за пазухи невзрачный камень, подвешенный на веревочку.

Кристан заглянул к нему через плечо – действительно камень целый, даже цвет не поменял. Значит, Серый не пытался ни обмануть, ни продать их. Странная честность для жителя империи.

– Не доверяешь, – обернулся к нему Тайл, – а, между прочим, враг моего врага – мой друг. Слыхал о таком?

– Как же ты до сих пор жив с таким врагом? – поинтересовался Кристан, поднимая корзину и направляясь в дом. Надо такое удумать, кровь на камень ильтахган капнул, клятву «не вредить» дал и сразу в семью себя зачислил. Нет, все они здесь в империи на голову пришибленные. Но ильтахган, ильтахганом, а еду он все равно проверит.

– А, турлак меня знает, живучий я, – развел руками Тайл, заходя следом в дом.

– И какой ты…, недоверчивый, – проговорил он некоторое время спустя, когда Кристан стал методично капать прозрачной жидкостью на каждый продукт, из выл оженных на столе, – слушай, зачем зелье переводишь? Дал бы мне, я бы сам все попробовал.

– А если ты заранее противоядие принял? – невозмутимо предположил арганец, продолжая свое занятие.

– Ладно, будет тебе зелье, – злорадно усмехнулся Тайл.

– Что бы я одел женскую одежду!? Да, какая она мужская? С бантиками и розового цвета?

– Хочешь, поменяйся с Гестаром. У него голубой пиджак. Я не виноват, что он не хочет. Нет, других цветов на великанов не было. Можно вас укоротить, конечно, только откуда отрезать будем снизу или сверху?

Вопли за дверью нарастали. Очень хотелось выглянуть, но приличная девушка за мужчинами не подглядывает, особенно когда те познают последние тенденции имперской моды.

Начиналось все безобидно. После сытного ужина Тайл озвучил свой план. В полночь они проходят через северные ворота. О коляске он договорился и о паре дополнительных лошадей тоже. Кто-то все равно должен находиться с Дарой в карете, так что верхом поедут двое. Стражники, конечно, получили упреждающих рыков от начальства, но пропустят Серого по старой звонкой памяти. Вот только арганцев им показывать нельзя, придется из приметных горцев делать не менее приметных имперцев.

На маскировку гвардейцы доверчиво согласились, знали бы точно на что именно, убили сразу за тяжкое оскорбление, нанесенное неоднократно.

– Галчонок, из тебя будем делать блистательную лэссу, – начал с простого Тайл, – Нет, под мальчика не проще. Тебя видели, и это «проще» не только нам в голову придет. Настоящие заговорщики, учти галчонок на будущее, простыми путями не ходят. Давай, иди, переодевайся, я потом помогу. И не надо так рычать, гористый мой родственник, ты предлагаешь тащить сюда служанку? Да легче до сокровищницы добраться, чем найти горничную, умеющую хранить секреты. Нет, Гестар, я не только женщин раздевать умею. Всякое в жизни приходилось. Галчонок, ты еще здесь? Марш переодеваться, нечего слушать сплетни трех стариков.

И вот теперь, судя по воплям, «старики» собирались на бал, придирчиво так собирались.

Прошлой осенью в империи гостило посольство из далекой страны Фаскании. Фасканцы привезли с собой не только разных диковинных подарков, но еще и новые модели мужской одежды. Зиму империя дышала спокойно – по морозу в коротком не побегаешь, а с наступлением тепла фасканская мода пустила мощные корни в швейные мастерские.

– Какие это панталоны? Это укороченные штаны. Под них надеваются чулки. Почему у меня таких нет? Я – лорд, мне можно плевать на моду. Нет, вам плевать нельзя. Вы же сиятельные тасы

едущие в столицу. Что же вам позориться в провинциальной одежде? Только попробуй отрезать бант. Это же главная маскировка. Как почему? Ты видел когда-нибудь горца с бантом? Вот и стражники не видели. Это не рубашка, а плащ. Подумаешь, он меч не скрывает. Ты же честный тас, что тебе бояться? Да, сотый раз повторяю – не специально я. Такая мода в столице. Приедете – сами увидите. И вообще, хотите погубить девчонку – езжайте так. Только много ли у нас имперцев с голубыми глазами и черными волосами? Твои серые, Кристан, не спасают. Гористость за ними не спрячешь. Тебя, Гестар, вообще не понимаю, как в гвардейцы ваши взяли. Вылитый горец, не знаю, поможет ли маскировка… На лица наложим белила, а вот с волосами придется что-то кардинальное делать. Нет, лысых в империи немного. Настолько кардинально не подойдет. Ладно, цените мою доброту. По монете за каждый пришлось отдать. Да, не женские это волосы. Подумаешь, белые и кудряшками. Парик называется. Средство для лысых. Да, немного, но есть. Придумали для лысых, а носят многие. Откуда я знаю почему? Ваше счастье, что красить не пришлось. Жаль, я по-вашему не все понимаю. Не такой у меня богатый словарный запас, пара сотен слов не больше. И тут такое дело, до сокровищницы я вас бесплатно нанимался вести, но дополнительная нагрузка в виде галчонка существенно осложняет жизнь. Насколько существенно? На три сотни мечей и четыре сотни кинжалов.

Нет, я серьезно. Деньгами не возьму. Уже брал, а повторяться не люблю. Да и давно мечтал о серьезной партии вашего хваленого оружия. Хорошо, согласен. Весной встречу корабль в Лихтоне, если доживу до весны.

Громкий голос Тайла почти полностью перекрывал тихие ответы горцев. Жители империи привыкли скандалить так, что было слышно на соседней улице. В Аргании же все наоборот. Уверенные негромкие ответы лишь доказывали правоту спорщика.

– Галчонок, ты готова?

– Почти, – крикнула Дара, натягивая платье на плечи. Что-то в этот раз лорд намудрил с размером. Платье оказалось свободно в талии и в груди.

– Я захожу, – предупредил мужчина, открывая дверь, – да, одета она, одета, – это арганцам, пытающимся прорваться следом.

– Дай на тебя посмотрю! Хм, отвратительно. Снимаешь, берешь вон ту простынь, обматываешь вокруг талии и хорошенько завязываешь, чтобы не свалилось. Будем придавать солидность твоей птичьей фигуре. Талию убираем, хм, сзади особо ничего не добавить, иначе сидеть неудобно будет, зато спереди –

обязательно. Вот это запихнешь туда, да, правильно поняла. Нечего краснеть, галчонок. Мы из тебя такую красотку аппетитную сделаем, все мужики, извиняюсь, принцы, твоими будут.

Он подмигнул и добавил шёпотом, – Думай о том, что твоим нянькам сейчас труднее мириться с бантами и париками.

Дара не смогла сдержать улыбку, и готовящийся слететь с губ протест испарился сам собой. Действительно, что это она? Не может походить толстой? Ерунда какая. Судя по воплям, доносящимся из-за двери, арганцам приходится гораздо хуже.

– Да, вы у меня настоящие красавцы, э-э-э, в смысле вылитые сиятельные тасы, – голос Тайл аж звенел от радостного энтузиазма, – осталось нанести белила. Вот баночка. Нет, Кристан, пугать стражников привидением совсем не обязательно. А на что еще похоже твое лицо? Белила надо брать чуть-чуть на кончик пальчика, вот так, и легкими движениями втирать в кожу лица. Нет, раньше показать не мог. Должны же вы были проявить самостоятельность. Гестар, твой свеже умерший вид мне импонирует, навевает приятные мысли, но ожившие покойники не имеют права покидать пределы городского кладбища. Так что умываться. Галчонок, ты справилась? Я вхожу.

Тайл подозрительно быстро шмыгнул в комнату девушки, даже не дождавшись ответа. Дара еле успела натянуть платье.

– Ты когда-нибудь доиграешься с ними, – покачала головой, – прирежут, и глазом моргнуть не успеешь.

– Не переживай за меня, – Тайл отошел от двери, – я много лет мечтал подергать арганского ирбиса за хвост. Так достала их надменная гордость и полная безучастность ко всему, кроме них самих. Летают сюда, как на охоту и дела нет до того, что после них остается, – в голосе лорда зазвучала непривычная горечь, серые глаза затуманились от воспоминаний.

– Впрочем, не важно. Просто не мешай мне наслаждаться игрой, – встряхнулся он, возвращаясь в реальность, – давай, лучше займемся тобой. Времени до полуночи не много.

– Волосы красить не дам, – отрезала Дара, настороженно отступая к стене, прикидывая, сможет ли проскочить к двери мимо лорда.

– И не придется, – в глазах Тайла заиграли смешинки, – ты же не боишься немного постареть? Временно.

– И только? – с подозрением осведомилась девушка.

– Слово законника! – торжественно поклялся он.

– Бывшего, – фыркнула Дара.

– Бывшего, – согласился, – но оставшегося верным Закону и Порядку.

Когда Дара появилась в комнате, первые несколько минут она с удивлением разглядывала двух незнакомых мужчин. Прав был Тайл, когда говорил, что ничто так не скрывает человека, как яркая одежда. Вот и сейчас она видела перед собой ярко-розовый и ярко-голубой пиджаки, из-под которых волнами спадали кружевные жабо белых рубашек, короткие черные с золотыми пуговицами по бокам бриджи, белоснежные чулки. Желтоватого оттенка парики довершали облик, а вот лица полностью терялись на фоне яркого калейдоскопа одежды.

– Тебя не узнать, – неуверенно проговорил Кристан, рассматривая новую внешность Дары. Изменилась фигура – куда-то исчезла девичья стройность. Перед ними стояла дородная женщина с пышными формами. Волосы скрыты под шляпкой, лицо… Румяна добавили ему округлость, зачернённые брови излишнюю яркость. Тайл ухитрился нарисовать даже мешки под глазами и первые морщины. Теперь понятно, как он ухитряется столько лет избегать встреч с венценосным дядюшкой. Талант, настоящий талант. Может пригласить поработать на Гвардию? Нет, не согласится. Да и отпадет нужда в рейдах, если они добудут последний набор драгоценностей.

Когда они вышли из дома, их уже ждала карета с парой гнедых лошадей. Еще две хорошо знакомые девушке лошади были привязаны позади кареты. Неприметного вида мужичок выступил из темного угла, обозначил свое присутствие легким кивком и так же бесшумно занял место на облучке. Девушка, как ни старалась, не смогла расслышать звуков его шагов.

Кристан сел в карету вместе с Дарой. Его неестественно бледное лицо, переборщил таки с белилами, невольно приковывало к себе внимание. В темной карете, едущей по ночным улицам в попытке из этого города удрать, невозмутимый арганец был островком спокойствия. Сама Дара готова была вспомнить детскую привычку и начать грызть ногти от волнения.

В принципе, вариантов два: выбраться или попасть в руки стражей. А, нет, есть еще третий – погибнуть при прорыве. Даже странно осознавать, что их судьба в руках самого знатного авантюриста Империи, согласившегося на участие Дары за полторы тонны железа.

– Подъезжаем, – прошептал Кристан. Говорить им Тайл запретил. Одно слово могло разрушить всю маскировку. Сиятельные тасы не разговаривают с арганским акцентом.

Карета встала, послышались голоса стражников. Кристан обнажил кинжал и положил рядом на сиденье. Дара от волнения закусила губу. Оружие ей не дали, как не просила, а жаль. Единственный кинжал, якобы брачный и тот отобрали.

– Чагрыш, старина, ты, похоже, еще больше растолстел, как только в дверь караульной до сих пор пролазишь? Ну, а ты, Душкан, седьмого родил? Плодовитый, какой, – в голосе Тайла слышалось лишь доброжелательное любопытство, никакого напряжения, словно со старыми приятелями встретился, – Держи, твоим грызям на леденцы. Да, не говори, эти поганые горцы учудили, чтоб им камнями подавиться. Весь город переполошили. А вам в усиленном карауле стоять без отдыха. Понимаю. Нет, я недалеко, до Журжы. Друг попросил компанию знакомых прихватить. Вместе веселей. Два сиятельных таса с троюродной тетушкой. Семья Гризгби, слыхал? Нет? Не удивительно – из дальних, – дальше разговор пошел почти шепотом, – В столицу едут на императора подивиться. И не говори, такие же дикие, как горцы. Сам видишь, во что одеты. Император уже месяц назад, как запретил фасканское безобразие, а эти вырядились. Ничего, при дворе их быстро на место поставят.

Дверца кареты распахнулась, в салон сначала вплыл фонарь, а затем появился длинный нос стражника, блеснули большие, на выкате глаза. Дара застыла, затаив дыхание, Кристан даже голову не повернул, нацепив надменную маску. Нос стражника брезгливо дернулся, губы сжались в страдальческую гримасу, а в голове шла усиленная работа мысли: «Досматривать или нет. Ох, уж эти сиятельные… Только попробуй, тронь. Вонять будут, словно то, что по определению сиять не может. А если голубчики при дворе взлетят? Припомнят тогда простому стражнику унизительный ночной досмотр. Решено, на обратном пути не отвертятся, а сейчас пусть катятся. Начальство, поди, и не узнает, что пропустили без досмотра. Оно и к лучшему, делиться не придется».

– Открывай! – раздалось в ночи. Карета дернулась, раз, другой, а затем медленно покатила по мостовой. Сквозь приоткрытые шторы мелькнули огни факелов. Все пространство около ворот было залито светом. Лишь когда под колесами перестали стучать булыжники, а в карете воцарилась почти полная темнота, Дара облегченно выдохнула: «Прорвались!»

– Лошадей мы и сами могли бы достать, – проворчал Гестар, с недовольным видом осматривая усталую Снежинку. Кобыла вздымала взмыленные бока, тяжело дыша. Выехав за ворота, они не сговариваясь, пустили лошадей в галоп.

На привал остановились под утро. Здесь же распрощались с возничим. Тот так же молча кивнул и растворился в тумане. Дальше карету должен был повести Кристан, переодевшись слугой.

– Не привередничай, горец, – Тайл погладил по морде своего

черного красавца. Тот радостно заржал, потянулся за сахаром, – сейчас над городом каждая ворона на счету, не то, что ваши пегасы. Самоубийством было бы пытаться пролететь над стеной. И ваши хваленые друзья сидят, поджав хвосты, и красочно описывают контакты с загорным врагом. Неужели ты думаешь, если вас не трогали все это время, пара засад не в счет, то о подкупленных вами людях никому не известно? Да, в Службе каждую монету подсчитали, и часть между собой поделили. Между прочим, за отдельные наводки вам следует сказать «спасибо» именно им. Очень, знаете ли, удобно убирать ненужных короне сиятельных тасов руками чужестранцев. Да, не бледней так. Служба никогда не блефовала. Подумаешь, пару раз пришлось подбросить драгоценности из одного дома в другой. Главное, никакого обмана… Для вас. Пришли – украшение на месте. Вы же никогда не задавали вопросов, как оно там очутилось? Легче вынести приговор, чем разбираться в его справедливости, верно, арганец?

– Больно много ты знаешь, – хмыкнул Гестар, – а еще больше болтаешь, – добавил с неодобрением.

– Такой уж я любопытный и говорливый, – с наигранным веселием произнес лорд, ослабляя подпругу коня и отпуская его пастись на лужайку, сам отправился собирать сучья для костра.

Дара, зябко ежась от утренней сырости, вышла из кареты. Ночью она не смогла заснуть. Пожалуй, вчерашний день стоит считать вторым рождением. Сколько раз она была на волосок от гибели? Бедное сердце успокоилось лишь под утро.

Девушка прислушалась к разговору. Опять ругаются. Что-то скрыто за этой неприязнью Тайла к арганцам. Знать бы, где именно пробежала между ними черная кошка. Хотя… Узнает она и что дальше? Не стоит считать себя великим миротворцем. Лорд не дурак. И если есть причина этой неприязни, значит дело серьезное. Не все прошлое можно исправить лишь словами раскаянья.

Поразмыслив, девушка пришла к выводу, что уход из Службы и нелюбовь к горцам вполне могут быть взаимосвязаны. Судя по осведомленности Тайла, он был не простым законником. Вот только эти догадки ей мало помогут.

– Замерзла? – подошедший Кристан накинул на плечи девушки свой плащ. Он уже переоделся в простой коричневого цвета костюм, сшитый из дешевой, но прочной ткани. Вот только не бывает кучеров с такой гордой посадкой головы и плавными движениями война. Прав был Тайл, когда даже не стал пытаться выдать арганцев за простых горожан. Происхождение так просто не замаскируешь.

– Спасибо, – с благодарностью кивнула Дара.

– Ты не поспала, – огорченно покачал головой Кристан, с тревогой вглядываясь в бледное лицо девушки, – мы не сможем остановиться в деревне, чтобы отдохнуть. Я попробую вести карету ровнее, поспишь, хорошо?

От нежности, прозвучавшей в его голосе, у девушки запершило в горле, а туман потек смазанными пятнами. Ей захотелось прижаться к мужской фигуре в нелепом костюме конюха, спрятаться на широкой груди, забыть про свои безумные желания. Как только пришло в голову попроситься с ними? Закрыться от жестокого мира, объявившего её дичью. Кажется, уже слышны пронзительные звуки труб, тревожный прерывистый лай, оживленный гомон охотников – дичь не ушла далеко, она рядом, скорее не дайте ей уйти.

Дара неуверенно шагнула вперед и тут же оказалась в кольце теплых мужских рук. Страхи отступили, коварно затаившись неподалеку. Она вздохнула чужой запах… Пахнуло горами, горьковатым ароматом цветущего на камнях мха, терпким запахом лошадиного пота.

– Ну что, что? – Кристан погладил по спине всхлипывающую Дару, – испугалась? Не слушай этого болтуна. Он, конечно, многое знает, да не все. В империи у нас не только так называемые друзья есть. Плох тот шпион, что лишь на силу денег рассчитывает.

– Арганцы? – прошептала Дара, догадываясь, о ком идет речь.

– Да. Некоторые семьями успели обзавестись. Они наша последняя надежда в случае провала. А мы – их, в случае успеха. Добудем набор, они вернуться домой.

– Мы обязательно его добудем! – подняла голову девушка. Слезы высохли сами собой, а в глазах горела решимость.

– Узнаю бравую принцессу, – её легонько чмокнули в нос, – но, т-с-с, имперцу ни слова. Пусть продолжает верить в нашу слабость и дезориентированность. Ишь, как легко сдает информацию о своих. Завоевать доверие хочет.

– Нет, тут что-то другое, – нахмурилась Дара, – он точно что-то задумал. Знать бы еще что.

– Боюсь, ты права. Пока он не рассказал нам ничего нового. Мы давно подозревали, что Служба играет с нами в поддавки, используя в своих делах. Но не отказывались от помощи. Видишь ли, гал… тьфу, Дариэлла, в темных делах не бывает светлых союзников.

– Значит то, что среди владельцев были невиновные, может оказаться правдой? – тихо спросила Дара.

– Может, – спокойно ответил Кристан, – на войне не судят

победителей, даже если они ошибаются. А для нас здесь война.

Глава 12

– Да, не рыпайся ты, – прошипел похититель неожиданно женским голосом, – ничего с тобой не будет. Посидишь в комнате и все, – пропыхтел он, таща девушку за собой.

«Сильная, зараза, – ругалась про себя Дара, не прекращая попыток вырваться, – где ж, такую только вырастили. Пальцы, словно железные, а сила, как у коня».

Как хорошо все начиналось! Вчера вечером они без происшествий добрались до окраины столицы и остановились в старом огромном особняке. Белые колонны, высокие окна, украшенные сложным орнаментом, скульптуры на портике… дом смотрелся бы изящным произведением искусства, если бы не соседство с городским кладбищем.

– Купил по дешевке, – не без гордости заметил Тайл, отпирая заржавевший замок, – прежний хозяин был так помешан на своей жене, что после её ранней кончины, выстроил новый дом рядом с усыпальницей. Из склепа подземный ход ведет прямо в особняк. Детям такое соседство пришлось не по душе, и они попытались сбагрить постройку отца. Я был единственным покупателем за долгие годы, поэтому достался он мне недорого.

«Стоило бы сомневаться, – подумала Дара, выглядывая из окна, – пейзаж для законченного пессимиста. Бренность жизни и ничего больше».

Вслух же спросила:

– Но тебя, конечно, прельстил не пейзаж?

– Нет, галчонок, на красоты мне плевать. Мало кто знает, что один из входов в старый лабиринт находится в общей городской усыпальнице. После того, как дом выставили на продажу, терять семейный склеп наследники не захотели и пробили еще один вход из общего захоронения. Удобно, не правда ли?

Горцы сделали вид, что не оценили щедрость предложения. Кристан лишь отметил про себя, что визит в сокровищницу Тайл планировал давно и только ждал подходящего случая, точнее напарников.

Едва распрягли лошадей, как лорд с Кристаном отправились в город – принести ужин из ближайшей таверны, да закупить необходимые вещи для похода по подземелью.

Вернулись быстро. Торопясь перекусили и занялись снаряжением, отправив Дару отдыхать. Посещение лабиринта было назначено на раннее утро.

– Такова традиция, – пояснил Тайл, – все императоры входят в лабиринт с первыми лучами солнца, и, честно, я не жажду

проверить на собственной шкуре, что правда в этой традиции, а что вымысел.

Бессонная ночь и день в дороге полностью вымотали Дару. Сейчас она ощущала себя безвольной куклой, и поэтому с облегчением оставила мужчин готовиться к вылазке. Она поднялась наверх, выбрала одну из спален и рухнула на кровать, сбросив пыльное покрывало на пол. Кровать жалобно скрипнула, но не развалилась – и то, хорошо.

Дом продавался вместе с обстановкой. Часть мебели была настолько старой, что хозяева поленились её вывозить, оставив судьбу рухляди на усмотрение покупателей.

Несмотря на усталость, сон пришел не сразу. В голове упорно крутилась мысль об одном коварном сероглазом. Дара отчаялась понять его поведение, как впрочем и свои чувства к нему. То обнимает и целует, пусть по-детски в нос, то после сегодняшнего дневного отдыха сторонится и уступает место в карете Гестару. За ужином, когда она случайно поймала его взгляд, в серых глазах мелькнуло чувство вины. Не будь Дара такой усталой, её бы это насторожило, но ватная от недосыпа голова не рождала никаких идей, вместо этого занявшись самокопанием.

«Не нужна ты ему, не нужна, – торжествующе выдал рассудок, – если и женится на тебе, то из чувства долга, скрывая брезгливость. Лучше тогда за Тайла выйти. Ему, по крайней мере, плевать, принцесса ты или нет, и на клеймо тоже плевать». Но тут же вмешалось коварное воображение и живо нарисовало вереницу кораблей, заваленных холодным оружием, и яростно торгующегося лорда: «За птичью пожизненную нагрузку меньше десятка кораблей не возьму и точка!». Дара вдруг с ужасом осознала, насколько тяжела ноша принцессы, и как быстро тает призрачная мечта о настоящей любви, обрастая страхами и недоверием.

Во сне корона, отрастив ноги и огромный рот, гонялась за Дарой, звонко щелкая зубами и ловко отхватывая каждый раз по кусочку волочащейся по полу меховой мантии. Мантия становилась все короче и короче, а зубастая корона все ближе и ближе подскакивала к девушке.

Проснулась Дара рано, в поту и с бешено стучащим сердцем. За окном было еще темно, из-за двери доносился еле слышный шум. Кто-то прошел по коридору, хлопнула дверь.

«Только бы без меня не ушли!» – мелькнула мысль. Так быстро Дара еще никогда не одевалась. Еще вчера ей выдали теплые штаны, длинную куртку, рубашку, мягкие ботинки с мехом. В подземелье даже летом стоял жуткий холод.

Мужчины встретили спустившуюся в кухню девушку

напряженными взглядами, в которых явственно сквозило недовольство. В ответ Дара лишь широко улыбнулась. Понятно, что недовольны – боятся за нее, ценная обуза. Но она справится, хоть виднеющийся в окна утренний туман, покрывший кладбище пушистым одеялом, не прибавлял уверенности. Некстати проснулись сомнения, но Дара быстро прогнала их горячим чаем.

Перед дверью, ведущей в склеп, Кристан притормозил, обернулся к девушке.

– Не передумала? – спросил с надеждой.

– Нет, – покачала головой, – то тоже, будь осторожен, – добавила еле слышно.

– Эх, – махнул рукой Кристан, словно на что-то решаясь, но тут же был прерван Тайлом.

– Что замерли? Солнце ждать не будет, живо вниз.

Дара со вздохом прошла мимо к тянущейся вниз лестнице. Кристан проводил девушку унылым взглядом, скорчил страдальческую гримасу в ответ на неодобрительно нахмурившегося Гестара.

Городское кладбище существовало на двух уровнях: верхнем – могильные захоронения метра три глубиной, отмеченные на поверхности дешевыми камнями или вычурными беседками и подземном, вырубленном на пяти метровой глубине в скальной породе. Внутри было несколько общих залов для бедняков и отдельные склепы-пещеры для сиятельных тасов.

Вел отряд Тайл. Дара шла сразу за Кристаном, спину ей прикрывал Гестар. Страшно не было. Пламя от масляных ламп хоть и плясало на стенах, но давало достаточно света, чтобы чувствовать себя уверенной в узких тоннелях, ведущих в залы общего захоронения. Мертвецов Дара не боялась. В отличие от живых они уже не могут причинить вреда. И зачастую лишь высеченные в камни имена были единственной памятью о них.

Внезапно открывшийся сбоку проход стал полной неожиданностью для Дары. Ощутив чужую руку на плече, она громко взвизгнула, её резким рывком втащили внутрь темного проема. В следующее мгновенье плита захлопнулась, отрезая девушку от остальных.

Двигались они в полной темноте, несколько раз поворачивая. Похоже, незнакомка хорошо ориентировалась в местных катакомбах.

– Перестань дергаться! – похитительница остановилась, перевести дух, – А то, доведешь, посадишь под замок и все дела. Слышь, щаз стукну по голове и поволоку по полу, если не перестанешь вырываться.

– Это ты послушай меня, – Дара перехватила руку, держащую

её за плечо, и надавила, вынуждая незнакомку остановиться. На неё снова, как тогда в Кествурде накатило странное ощущение жесткой необходимости быть там, в лабиринте, – ты сейчас же отведешь меня обратно, слышишь? СЕЙЧАС ЖЕ!

– Ой, а что это у тебя глаза светятся? – вдруг промолвила женщина, резко выдергивая руку из захвата Дары.

– Если не отведешь, сама засветишься, – проговорила с угрозой Дара, – причем вся.

– Ты что – маг? – нервно спросила незнакомка.

– Верни меня на место, – с нажимом повторила Дара, – тебя все равно найдут мой спутники, и тогда будет только хуже.

– Ха, хуже! – вдруг развеселилась похитительница, – как ты думаешь, кто попросил меня присмотреть за тобой, пока они по лабиринту шляются?

– Вот зараза, – выругалась Дара, понимая, что в данный момент её никто не ищет, никто не пытается взломать тайный проход, посылая проклятия на голову похитительницы. Наоборот, выдохнув с облегчением – избавились от обузы, мужчины спешат ко входу в лабиринт. Теперь становились понятны и виноватые взгляды Кристана, и его странное поведение – заранее сговорились, сволочи. Зная Тайла, Дара не верила, что тот решился провернуть подобное без соучастия арганцев. Значит, в сговоре все трое. Ненавижу!

– Еще какая, – ухмыльнулась незнакомка, – Я – Элалия, – представилась она, – ты – Дара, мне говорили. Погоди, лампу зажгу, а то неудобно в темноте разговаривать.

– Элалия, ты знаешь, куда пошли эти засранцы? Где вход в старый лабиринт?

В коридоре раздалось щелканье зажигательных палочек, вспыхнул огонек лампы, высветив женскую фигуру в длинном сером плаще.

– Хочешь их догнать? – деловито осведомилась та.

– А можно? – с надеждой осведомилась Дара.

– Кто я, чтобы с магом спорить, – пробормотала задумчиво Элалия, поднимая лампу и окидывая Дару внимательным взглядом, – заладили, девица, слабая, ничего не умеет, пропадет. Мужчины, одним словом, дальше юбки ничего не видят. Вообще-то мы уже в лабиринте. Это часть связана с городом и несколькими склепами. Но они пойдут к северному входу, который ведет вглубь. Есть тут один проход в ту сторону, правда, старый, заброшенный и с трещинами, в которых живут пауки и крысы. Если не боишься…

– Веди!

– Тогда поторопимся, если не догоним, дальше я тебя не

поведу, жить хочется, – усмехнулась Элалия. Она оказалась едва старше Дары. Огромные серые глаза в обрамлении густых ресниц выгодно смотрелись на миловидном личике. Немного портил широкий подборок и упрямая складка на лбу. Светлые волосы были собраны в длинный хвост.

Пройдя пару шагов, Элалия уверенно нырнула в узкий проход. Дара старалась держаться к ней как можно ближе, шагая след в след. Шли быстро, почти бегом. Под конец, завидев мелькнувший впереди огонек чужой лампы, Элалия рванула, словно стрела, выпущенная из тетивы. Дара припустила следом, боясь отстать.

Из прохода в широкую залу с низким потолком они выскочили, как раз вовремя, чтобы увидеть трех мужчин, стоящих около уходящей вниз лестницы.

«Эх, красиво стоят», – с невольным восхищением подумала Дара, разглядывая замерших с мечами в руках арганцев и Тайла с арбалетом.

– Тьфу, галчонок, чуть не прибил, – сплюнул лорд, убирая арбалет за пояс, – как знал, что за нами увяжешься.

– Дариэлла, – с облегчением выдохнул Кристан, не зная злиться ему или радоваться, появлению Дары. Зря он, все-таки уступил Гестару, и позволил Тайлу организовать похищение девушки. Ведь чувствовал, что дар возьмет свое. Только наладились отношения с Дарой, и опять он для нее предатель и обманщик.

– С тобой я разберусь потом, – отрезала Дара, – ты, понятно, о моей жизни заботился, но Тайл! Тебе же обещали заплатить. Как ты мог так поступить?

– Как мог…, – проворчал лорд, – некоторые не в силах сказать женщине нет, а я, между прочим, даже своей сестре, не то, что будущей королеве, не разрешаю шастать по старому лабиринту.

– Сестре?

– Королеве?

Воскликнули девушки одновременно.

– Да-да, знакомьтесь, моя сестра принцесса Элалия Монтье…, а впрочем, просто Элалия, и Дариэлла, просто Дара, тоже принцесса – будущая королева Арганнии. Вот принц у нас один – наследник, остальные лорды. Зато любая из моих родственниц числиться принцессой. В империи лишь мужчины наследуют трон.

Ты вот злишься, галчонок, и не понимаешь, что будет со мной, в случае твоей безвременной здесь кончины. Эти двое, – он кивнул на арганцев, – известное дело, последуют за тобой.

Думаешь, твои будущие подданные удовлетворятся оставленной ими писаниной о моей невиновности? Знаешь, горе делает людей невменяемыми. Они объявят вендетту всей императорской семье, начиная в первую очередь с моих ближайших родственников. А если я чудом останусь в живых, то лучше будет сразу убиться об стену, чем выходить на поверхность.

– Ты думаешь, как имперец и доверяешь, как имперец, – презрительно сквозь зубы проговорил Гестар.

– Она идет с нами, – положил руку на рукоять меча Кристан, – или мы ищем другого проводника, пусть не сразу, но рано или поздно найдем.

– Проще завоевать всю Империю, чем сюда пробраться, – хмыкнул Тайл.

– Тайл, – шагнула к нему Дара, – я обещаю, что не буду мешаться под ногами и буду слушаться каждого твоего слова. Прошу…

– Нечего перед ним унижаться, – перебил с недовольным видом Кристан.

– Эх, ты, каменная душа, такую речь испортил. Когда еще почти целая королева меня о чем-то просить будет, – вздохнул Тайл, – нет, с вами я точно глупею. Ладно, галчонок, уговорила. Так и быть, идешь с нами.

– И я пойду, – вдруг подала голос Элалия, – если её берешь, чем я хуже? Сам же после смерти Верда меня тренировал. Я, между прочим, почти любого мужика на мечах завалю, а ножи лучше тебя метаю.

– Да, вы, что все с ума посходили? – взвыл Тайл, – жить надоело?

– Все равно пойду, – насупилась Элалия, – одна, позади вас. И шансов выжить тогда у меня будет меньше.

– Их сейчас вообще не останется, – начал засучивать рукава Тайл.

– Женщину бить не дам, – вступился Гестар.

– Ты, горец, у себя в горах своих воспитывай, а в мои дела не лезь. Примахали тут, понимаешь, разные крылатые. Сначала галчонок, теперь вон горные орлы прибились. Благородные, понимаешь ли, – Тайл скривился, словно от невыносимой боли, затем развернулся и направился к лестнице, – женщину бить нельзя, а таскать по подземельям можно? А если у нее до ума исключительно через нижнее место достучаться можно. Что же делать, а?

– Все равно следом пойду, – упрямо повторила Элалия, знакомо хмуря брови.

– Отвечаешь за нее головой – понизив голос, лорд бросил

Гестару, и уже громко для остальных добавил, – хоть пропадите вы все там, даже не обернусь.

И демонстративно начал спускаться вниз.

– Просто кто-то не может сказать женщине «нет», – насмешливо пробормотал ему в спину горец.

– Дариэлла, давай за ним, – распорядился Кристан, – Элалия, ты за мной, Гестар прикрываешь, – и тихо добавил проходящей мимо него девушке, – он прав, отсюда я выйду только с тобой.

Сердце Дары радостно ёкнуло, затрепетало. Вот только опять его слова можно было понять двояко. Ради кого он готов положить жизнь – ради будущей королевы или… она все же значит для него больше, чем просто принцесса. Как понять, как разобраться? Жаль, матушка далеко, не спросить совета.

Та, конечно, рассказывала про мужчин, но в основном об их коварстве и буйном нраве, приучая к осторожности и осмотрительности в отношениях с противоположным полом. Да и пребывание в веселом доме оставило свой отпечаток на чистой и юной душе. Словно внутри поселился кто-то незнакомый – циничный, злой и недоверчивый. Его голос чаще всего раздавался в трудные моменты выбора, он советовал держаться подальше от всех мужчин, не доверяя никому, он подкидывал самые отвратительные моменты прошлого, каждый раз спрашивая: «Хочешь, чтобы все повторилось?» В Аргании голос притих и почти не тревожил, и вот сейчас зазвучал с новой силой, стоило сердцу испытать неведомые доселе эмоции.

– Почему этот лабиринт заброшен? – поинтересовалась девушка, идя вслед за Тайлом.

– Дело давнее, а потому забытое. Может тогдашний император решил проложить новые удобные выходы или его чем-то перестал устраивать цвет этих стен, хотя в новой части они точно такие же. А может здесь завелся некто покрупнее шагразов, кто знает?

– Ты уже бывал здесь вместе с братом? – спросила Дара, невольно ускоряя шаг, чтобы оказаться поближе к мужчине, а главное к фонарю, который тот держал в руке.

– Галчонок, это было почти пятнадцать лет назад. За это время твари крупные могли подрасти, а мелкие значительно увеличить поголовье.

– Умеешь ты утешать, – хмыкнул Кристан, но руку с рукояти меча снимать не стал, – ты лучше за дорогой следи, а то за пятнадцать лет мог и подзабыть путь сюда.

– За это не волнуйся. Мой брат умел вбивать знания, так что и захочешь, а не забудешь. Проход он нашел по архивам, а когда понял, что один не сможет спуститься по вентиляционной шахте,

взял меня с собой. Только перед этим заставил выучить нужные повороты, чтобы я мог выбраться в одиночку, если с ним что-нибудь случиться.

– Вы вскрыли сокровищницу? – поинтересовался Кристан.

– Долго же ты тянул с этим вопросом, горец, – со вздохом ответил Тайл, – нет, нам не удалось. Но за эти годы я перерыл кучу архивов и понял, где мы ошиблись. Уверен, сейчас я справлюсь.

– Почему-то я не удивлен. Серый лорд – непревзойдённый мастер авантюр, – в голосе Кристана сквозил неприкрытый сарказм.

– Вас за мной насильно никто не тянул, – буркнул с досадой Тайл, – хотите – поворачивайте обратно. Мы еще не далеко отошли.

– Да, поворачивайте, – донесся девичий голос из середины отряда, – мы с братом сами доберемся до сокровищницы.

– Никто никуда возвращаться не будет, – подвела итог спору Дара, – в любом случае, это попытка не хуже остальных.

– Если мы просто прогуляемся по заросшим пылью проходам, то риск невелик, – философски заметил Кристан, – а вот если…

Договорить он не успел, густой вибрирующий стон наполнил воздух подземелья.

– Ч-ч-что это было? – испуганно охнула Элалия.

– Если бы что, – попытался пошутить Тайл, – а то ведь обязательно «кто» окажется.

– Звук идет сзади.

– Путь отрезает, гаденыш.

– Тогда бегом вперед. Доберемся до шахты, там разберемся, умеет ли оно лазить по стенам или нет.

И они понеслись. Под ногами мелькали выбоины, трещины, комки грязи неизвестного происхождения. Страх подстегивал, и становилось неважно, что там под ногами, главное – не упасть, ведь в спину дышит самая страшная вещь на свете – неизвестность.

Между тем стон тоже не терял времени даром и в этот раз раздался гораздо ближе, с одного из правых проходов. А затем тут же почти без промедления зазвучал слева.

– Сколько их там? – выдохнул Тайл, на бегу отсчитывая темные арки коридоров, чтобы вовремя свернуть в нужный.

Арганцы бежали молча, в полной боевой готовности встретить противника лезвием в грудь. Хуже всех приходилось Даре, но девушка держалась, хоть ноги и начинали слабеть, а в боку предательски кололо от нехватки воздуха.

– Я это одна вижу или вон там слева мелькает что-то

фиолетовое? – на бегу уточнила Элалия.

– Я тоже его видел, – подтвердил Гестар, притормаживая.

– Меч мне в глотку, нам только мертвецких огней не хватало для полного счастья, – Тайл тоже замедлил бег, напряженно вглядываясь в боковые проходы, – ну, где хоть один?

– Кажется, впереди. Вон, розовенький такой, – Дара махнула рукой, с облегчением переходя на шаг.

– Точно, розовенький, а рядышком красненький мигает, – подтвердила Элалия, выглядывая из-за плеча Кристана.

– Подумаешь, огоньки, и что в них такое страшное? – с недоумением уточнил арганец.

– Так ничего, просто после встречи с ними мало кто в живых остается, – пояснил Тайл, осторожно продвигаясь вперед, – души это не упокоенные. Скучно им по земле скитаться, вот живых в разные гиблые места и заманивают.

– Много же у вас здесь загубленных душ шляется. И почему-то я не удивлен.

– Как будто у вас вся власть такая чистенькая и без единого кровавого пятнышка, – огрызнулся Тайл.

– Сколько можно? – не выдержала Дара, – нам и без вашей грызни сейчас что-нибудь ценное откусят.

Словно в подтверждении её слов из коридора на них покатился густой, низкий звук, наполненный такой безнадежной тоской, что даже свет фонарей стал тусклее, а в воздухе разлилась стылость.

– Ого, комитет по встречи! – присвистнул Тайл.

– И сзади огоньки появились, – добавил «оптимизма» Гестар.

– Зажимают, сволочи…

– Отступаем? – предложил Кристан, – может, попробуем обойти? В правом коридоре пока никто не светиться.

– Нельзя с этого пути уходить, – помотал головой Тайл, – мы здесь в прошлый раз все ловушки обезвредили, а что там, в боковых, одни лишь твари знают. В один раз заплутаем. Да и огни эти… Не верю я им, ох, как не верю.

– Тогда вперед? – неуверенно предложила Дара.

– Вперед! – поддержала её Элалия, – что мы, каких-то там фонариков испугались? Да у нас по праздникам в сто раз симпатичнее зажигают.

«Огни им не по нраву пришлись, – скрипучий и шероховатый голос раздался прямо из стены, – ну-ну, смелые мои, сейчас еще леденящих воплей добавим, враз побежите».

– Вы слышите? – спросил Тайл.

– Что именно, имперец? Кроме твоего хриплого дыхания здесь пока больше ничего не слышно, – ответил Кристан, – учти,

если ты решил сойти с ума, то время выбрал совсем неподходящее.

– Похоже, показалось, – пробормотал лорд, мучительно размышляя о стойкости собственного рассудка, – давайте потихоньку вперед.

– Это все подземелье, – сочувственно заметила Дара, – в таком месте все, что угодно может почудиться.

«Разумная девочка, – снова проскрипел некто из стены, – жаль губить такую. А этот, серый, неужто меня слышит. Никак родная кровь? Это ж сколько времени сюда никто из моих родственников, чтоб им сдохнуть поскорее, не заглядывал? Ох-хо-хо… Последними были воин с мальчишкой. Забавный такой пацан. Даже пугать не стал. Там и без меня жить им мало оставалось».

– Видишь что-нибудь? – спросила Дара у Тайла, когда молчать стало невмоготу.

Тот хотел было ответить, что не видит, а слышит, но передумал. Не стоит усугублять ситуацию, а то с этих нервных арганцев станется объявить его душевнобольным.

– Есть кое-какие мысли, – уклончиво ответил лорд, – ты права. В таком месте больше чудится, чем есть на самом деле.

«Это я-то чудюсь? – возмутилось из стены, – да от моего вопля народ десятками седеет».

– Молчи уже, – прошептал Тайл, – хватит, легкие драть или что там у тебя осталось. Позоришь ведь перед принцессой чужой страны.

– Что ты там шепчешь? – с подозрением осведомился Кристан.

– Так, заклинание одно вспомнил, которое духов отгоняет, – отмахнулся Тайл, – семейный рецепт, можно сказать, реликвия.

Если не прекратишь свою орательную самодеятельность, – зашептал он снова, – я злопамятный, обязательно сюда вернусь. Я тебе тут такую заупокойную устрою, птицей в небеса взлетишь.

– Странные у вас заклинания, – произнес арганец, прислушиваясь, – часто, видать, с родственничками не упокоенными встречаться приходится, раз подобное в архивах храните.

– Горец, еще раз мою семью тронешь, – прошипел лорд – не посмотрю, что ты у нас знатный, да чужеземный, вздую до потери памяти.

«Так, его так! – поддержало Тайла приведение, – Нечего нашу семью хаять. Хоть они и сволочи все поголовно, зато свои, родные».

– Тогда ты прекращаешь трогать мою страну, – не остался в

долгу Кристан, – ну, а кто кого вздует, мы выясним позже, не здесь и не сейчас.

– Кристан! – нахмурилась Дара.

«Во, наглец! – завопил призрак, – ну-ка покажи ему, кто здесь главный. Давай, вмажь хорошенько!»

– Страна и семья – неравноценный обмен, – хмыкнул Тайл, – галчонок, не волнуйся. Мы не мальчишки, чтобы устраивать драки в любом месте. Настоящий поединок требует тщательной подготовки. Мой меч к твоим услугам, тас, – бросил он через плечо ритуальную фразу вызова.

– Условия обговорим позже, – Кристан в ответ изящно поклонился, словно не шли они по темным коридорам старого лабиринта, а находились на дворцовом приеме.

– Вы с ума сошли! – негодуя, воскликнула Дара, – мы здесь в любой момент погибнуть можем, какие, к нечистой силе, поединки?

– При всем моем уважении, принцесса, – голос Кристана был холоден, словно лед, – это наше личное дело. Обещаю к нему приступить, после выполнения своих обязательств.

«Ну и пожалуйста, – фыркнула про себя девушка, – тоже мне великие воины, сцепились из-за ерунды. Ерепенятся, словно мальчишки. Одна надежда, что сокровища их помирят».

Дальше отряд шел молча. Лишь призрак ругался, не переставая, но Тайл вскоре перестал обращать внимание на его причитания. Главное, впереди путь чист, а духи… Что же, живым они не помеха.

«Слышь, пацан, я же тебя сразу узнал. Выжил, все-таки, – закончив охаивать поганого арганца, наглую вражину и козью морду, и где только таких выражений нахватался, призрак перешел на Тайла, – а старшой где?»

Лорд пожал плечами, тень скользнула по его лицу.

«Жаль, – правильно понял его призрак, – сразу было видно, хороший мужик, да не жилец. А ты молодец, решил его дело продолжить, – в шершавом тоне призрака появились заискивающие нотки, – ну и к нам нечего торопиться. Что у нас хорошего? Даже поговорить не с кем. По началу, правда, весело было. Попугать, поорать, да погоняться. Только эта гадина решила, что проще новый лабиринт от сокровищницы построить, чем обезумевших стражников по коридорам вылавливать. Слушай, а может, ты отомстишь за меня, а? Жутко надоело здесь торчать. Из нормальных душ тут и нет никого. Шелудье одно. Ну, как? Договорились?»

Тайл скептически покачал головой. Кому мстить? Лабиринт стали перестраивать примерно сто пятьдесят лет тому назад.

Трясти прах из могил он не собирается. Да и не поможет это призраку. Не месть держит его здесь, а жажда мести. Тут уже ничего не поделаешь. Сам должен осознать и простить. А пока пусть полетает. Столько лет в приведениях, а до сих пор себя императором считает. Призрачный сноб. Пусть еще немного пострадает в одиночестве, авось просветлеет в душе.

«Я же не просто так, – не сдавался не упокоенный император, – за сведения повышенной важности. Все расскажу. Кто, когда и даже почему».

Тайл сделал вид, что отмахивается от несуществующей мошки. Нужны ему эти поросшие мхом тайны, как… впрочем, никак не нужны. Ему и своих забот хватает.

Он и сам не понимал, почему вдруг взъелся на горцы. Нет, надменный арганец раздражал его давно, но опускаться до поединка… Такого от себя Тайл не ожидал. Определенно птичьи личности плохо влияют на его выдержку. И долго Дара будет делать вид, что не замечаешь отнюдь не верноподданнических взглядов горца. А может и правда не замечает? Почему тогда его это так злит? Он вроде уже смирился с тем, что галчонок для него – прошлый этап. Н-да, без спиртовой терапии, похоже, процесс не завершён. Вот разберется с наследством старшего и займется лечением. А поединок с арганцем будет интересным опытом. Давно хотелось изучить их школу меча на собственном опыте.

Глава 13

– Серый, если не поторопишься, нас скоро на лоскутки раздерут, – Кристан сбил мечом очередного пытающегося добраться до них шагразa. Дара брезгливо отбросила носком ботинка окровавленный трупик. На полу около них уже собралась приличная горка из серых крылатых тел. Гибель собратьев, правда, никак не влияла на желание шагразов добраться до свежей крови. Раскрыв ярко-красные зубастые пасти и издавая противный режущий по ушам писк они без устали бросались на двуногую добычу. Небольшие крылья скорее помогали им перепрыгивать со стены на стену, чем летать. Мелкие, чуть больше ладони твари были необычайно проворны, они с силой отталкивались когтистыми лапами от поверхности стен и стремительно атаковали.

– Если я потороплюсь, тварям достанутся пять хорошо прожаренных и разорванных на кусочки трупа, – бросил в ответ Тайл, стоя на коленях перед входом в сокровищницу.

Горцы хоть с трудом, но пока сдерживали шагразров. Хорошо еще, что узость прохода не позволяла им разом броситься на людей. И все же, при виде уходящего вдаль коридора, сплошь расцвеченного алыми точками глаз, у Дары все внутри замирало от страха. Точек с каждой минутой становилось все больше и больше.

Повезло, что в старый лабиринт эти твари не заглядывали. Их больше интересовала новая часть, где изредка, но появлялись люди.

До границы старой и новой части лабиринта отряд добрался без каких-либо приключений, под конец даже мертвецкие огоньки незаметно пропали, и не упокоенный дух перестал завывать.

В вентиляционную шахту они попали через полуразрушенную стену, судя по наваленным камням – явный новодел. Сама шахта уходила вверх до поверхности узкой трубой, в которую и кошка с трудом пролезет, а вниз вел колодец пару метров в диаметре и метров десять в глубину. Такие трубы служили отводом опасных газов, скапливающихся иной раз в подземельях. Когда от сокровищницы начали строить новые проходы, шахту углубили, соединив с лабиринтом, а проход в старую часть завалили. Да видно, не качественно, раз стена треснула, развалившись до половины. А может, кто-то специально разрушил препятствие на пути к сокровищнице.

В шахту спускались по очереди. На стене, на высоте двух с половиной метров от пола виднелась большая железная скоба –

все, что осталось от веревочной лестницы, привязанной здесь когда-то. Кристан, встав Гестару на плечи, закрепил веревку в скобе. Первым вниз отправился Тайл. Лорд продемонстрировал отличную сноровку и через пару мгновений уже стоял на дне.

Спуск в темное чрево шахты, занятие малопривлекательное. Неприятно осознавать, что жизнь висит на пусть и толстой, но всего лишь веревке. Однако Дара выдержала испытание с честью, даже не охнула, когда под ногами оказалась пустота. Лишь пальцы, вцепившиеся в веревку, побелели от напряжения. А вот коридор, ведущий от шахты в сокровищницу вызвал у девушки разочарование – никакого отличия от предыдущих. Те же серые каменные стены, тот же затхлый и стылый воздух, разве что следы копоти на потолке свежие.

Тайл с осторожностью повел отряд по новой части лабиринта, держа в руке большой кусок прозрачного кристалла и осматривая сквозь него поверхность стен и пола. На вопрос Дары: «Что это?», нехотя ответил: «Еще одна великая тайна моей семьи. Кроме постоянных физических ловушек, здесь понатыканы еще и магические. Эти сами меняют свое местоположение каждые несколько лет. К тому же, как таковой карты ловушек нет. Никогда не рисовали, во избежание сама понимаешь чего. Наследник учит их расположение здесь же, сопровождая отца в сокровищницу. Однако некоторые императоры к старости не полагаются на память, жизнь дороже. Кристаллы-проводники и были созданы после того, как империя потеряла сразу императора с наследником. Оба подорвались на одной из ловушек. Данный экземпляр, – не без гордости заметил лорд, – один из запасных».

– Прекрасное средство от склероза, – не удержался от ехидного замечания Кристан, – и работает, вижу на императорской крови.

Действительно, как раньше Дара не заметила, что низ кристалла испачкан чем-то темным. Это все лампы. В их свете действительность так обманчива.

– Беда в том, что кровь привлекает местных обитателей. Советую держать мечи наготове.

Спорить с лордом никто не стал. Горцы послушно обнажили клинки.

– Держи, галчонок, – Тайл, неловко придерживая в одной руке лампу и кристалл, протянул девушке кинжал, – надеюсь, ты не забыла, как с ним обращаться.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – обеспокоенно заметил Кристан, придвигаясь поближе к Даре.

До сокровищницы, как и обещал Тайл, оказалось недалеко. И

вскоре все с интересом разглядывали кованную железную решетку, вмурованную в проход. Прямо за прутьями начиналась темнота, такая густая, словно за дверью повесили черную тряпку.

Кристан попытался было просунуть сквозь прутья руку с фонарем, но Тайл перехватил его за рукав.

– Что, лишние конечности завелись?

На взгляд Дары, решетка выглядела абсолютно обычной, вот только вид у нее был, словно вчера поставили – прутья блестели свежей покраской, замок отсутствовал, как факт.

– Как же давно я ждал этого момента, детка! – Тайл с любовью провел рукой извилистой поверхности прута, прижался губами к холодной поверхности металла, – пойми, детка, либо я здесь умру, либо ты станешь моей.

Металл ничего не ответил, только тьма за дверью стала еще гуще. А затем тишина перестала быть тишиной.

– Горец, неужели нельзя прибивать этих тварей подальше от меня, – с раздражением заметил Тайл, когда меч Гестара разрезал воздух в опасной близости от его головы.

– Прости, – выдохнул арганец, сбивая еще одну, – следующий раз подожду, пока она сядет тебе на спину. Так удобнее будет.

– Убить меня или её? – не преминул осведомиться лорд.

– Обоих, – крутанулся Гестар, – долго еще?

– Быстро только кошки родятся, а у нас преступление века намечается. Давай, милая, я в тебя верю, – он вывел очередную кровавую завитушку на гербе империи, занимающем центральную часть решетки.

– Ты уже весь пол кровью заляпал, а толку ноль, – хмыкнул Гестар.

В углу рядом с решеткой прижавшись друг к дружке стояли испуганные Дара с Элалией. Каждая сжимали в руке кинжал. Перед ними блестя вспотевшим лицом, метался Кристан.

– Дрянь, – выругалась Элалия, метя в подкрадывающуюся к ней по стене тварь, – Дара сверху, – внезапно крикнула она.

Визг подсказал Даре, что она попала, вот только висевший над головой шаграз рухнул ей на волосы, скользнул по плечу и только потом упал на пол.

– Какая мерзость, – с трудом сдержав приступ тошноты, высказалась девушка.

– Прости, принцесса, – не оборачиваясь, бросил Кристан.

– Все нормально, – сглотнув, ответила Дара, – не переживай, мы сумеем постоять за себя, правда, Элалия?

– Красавчик, а? – прошептала вдруг та, кивая на горца.

Дара лишь поджала губы. Неприятное чувство внезапно возникло в её сердце – нелогичное, непонятно, такое мерзкое, как

дохлый шаграз, валяющийся у нее под ногами. Эта Элалия знакома с ними всего лишь час, не больше и смеет называть Кристана «красавчиком»! Вопиющая наглость!

– Девушки, я вами горжусь, – громко заявил Тайл, поднимаясь с колен, – через второй рубеж ни одна тварь не пробралась, молодцы.

– Ты бы лучше собой гордился, – неодобрительно заметил Кристан.

– А кто сказал, что не горжусь? Прошу, – лорд легонько толкнул дверь, и та послушно распахнулась. Момент торжества был немного подпорчен раздавшимся дружным визгом рассвирепевших шагразов.

– Живо, – первым влетел Тайл, следом Кристан впихнул обеих девушек. Гестар, последним входящий в сокровищницу стал свидетелем, как пара десятков серых зубастых тварей впечаталась в невидимый щит, закрывший проход. При этом передние пытались на ходу тормозить, но задние напирали и буквально внесли их в проход. Не было ни вспышки, ни удара молнии, просто серые тельца исчезли, и в коридоре на мгновенье стало снежно от пепла. А затем решетка захлопнулась, отрезая людей от лабиринта.

В сокровищнице с каждым мгновением становилось все светлее. Мягким зеленоватым светом разгорались магические светильники. Говорят, когда-то они стояли почти в каждом богатом доме, сейчас немногие могли похвастаться таким освещением. Здесь тоже были видны первые следы выгорания – часть светильников так и не зажглась.

– Так, милые мои, – азартно потер ладони лорд, – время дорого, не дай Создатель, император решит сегодня посчитать свои накопления. Вам прямо, мне налево. Эл. Эл! ЭЛ! Хватит смотреть на это. Оно все равно тебе не к лицу, слишком много камушков. И какой только идиот придумал на входе развешивать ювелирные украшения. Видно для того, чтобы жены сразу здесь застревали и дальше мужьям не мешали.

– Элалия, – Гестар мягко обратился к девушке, – ваш брат прав, мы не воры. Возьмем только свое, чужое нам не нужно.

Та очнулась, нехотя оторвала взгляд от золотого ожерелья, призывно блестящего россыпью брильянтов, огляделась. По стенам широкого коридора, уходящего вглубь сокровищницы, были развешены женские украшения. На черных мраморных плитах, вделанных в стены, висели полные наборы: диадемы, колье, серьги и браслеты.

– Свадебные украшения императриц, – голосом полным восхищения произнесла девушка, – для каждой изготавливался

свой.

– Оригинальный зал славы. Или усыпальница надежд, смотря кому как повезло, – пробормотал Тайл, но тут же встряхнулся, – так, милые, вам в конец коридора. Девушки, руки за спину и только глазками, глазками. Здесь ловушек нет, но кто знает, что конкретно на каждом украшении навешано. Сами понимаете, времена были магические, женщины, как впрочем, и всегда, мстительные. Так что трогать ничего не советую. Все, ходу. Встречаемся здесь же.

– Погоди, – Дара с трудом отвела взгляд от рубинового гарнитура. Право, странный выбор для свадебного украшения, – я хотела спросить, – еще там, у дверей сокровищницы, девушка уловила одну странность, и теперь та не давала ей покоя, – ты не мог видеть набор принцессы, откуда тогда знаешь про браслет?

Лорд, повернувшийся было к ним спиной, замер, спина его затвердела, но тут же расслабилась.

– Молодец, галчонок, – на лице обернувшегося Тайла сияла широкая улыбка, – прогрессируешь. Приврал немного, подумаешь, – без капли раскаянья произнес лорд, – мне наследник про этот набор хвастался, от него и про браслет узнал.

Горцы ограничились выразительными взглядами, мол, кто бы сомневался, однако промолчали.

Тайл, еще раз напомнив про время, исчез в боковом проходе. Остальные отправились дальше по коридору. Кроме развешанных по стенам свадебным гарнитурам императриц, смотреть здесь было не на что. Ни одного даже маленького сундука, лишь светильники через каждые пять метров. И все равно приходилось постоянно одергивать Элалию, застревающую около каждой плиты с украшениями.

Даре было ясно, что золотой запас империи скрыт в боковых проходах. Недаром над каждой аркой виднелся пятизначный номер. Как говорится, деньги любят счет, а большие деньги тем более. Жаль, конечно, что здесь нет рассыпных гор золота, дорогих ваз, спутанных паутин украшений, хищного блеска бесценных клинков, вызывающих роскоши корон. Сокровищница больше напоминала банковское учреждение, куда Дара сопровождала матушку несколько раз, – все строго, все по порядку.

– Вот оно, – оба горца одновременно опустились на колени перед четвертым с конца набором.

Дара приблизилась. На черном мраморе плиты белым цветком распустился свадебный набор последней принцессы Аргании. Бриллианты на платине – плавные изгибы лилий, прозрачный блеск камней, лунный оттенок белого золота.

Украшение достойное настоящей принцессы. Изящество, вплетенное в металл.

– Я не верю, что он причастен к её гибели, – прошептала Дара, – это единственный набор, под которым высечена роза.

Все пристально посмотрели на цветок, покоящийся в правом углу. Такого украшения не было больше ни на одной из плит.

– Может ты и права, галчонок, – послышались сзади быстрые шаги, их догонял лорд. Вид у Тайла был немного потрепанный, словно мешком по голове стукнули, в глазах застыла странная смесь удивления и безумства, – хотя некоторые могут и в честь удавшейся смерти на могилу цветочки положить.

– Быстро же ты, – недовольно проговорил Кристан. Он с подозрением оглядел имперца, хм, так и не скажешь, нашел ли Серый, что искал. Правая рука лорд дрогнула и потянулась к карману куртки. Все же нашел…

– Я же не задерживался у каждого украшения, – подмигнул Даре лорд.

– Все равно не верю в его причастность, – упрямо покачала головой девушка, затем не удержалась, провела пальцем по изгибам каменного цветка и внезапно испуганно вскрикнула, – Ай!

– Что! – бросились к ней арганцы.

Дара с удивлением рассматривала набухшую капельку крови на кончике пальца.

– Вот, укололась, – слабо улыбнулась.

– Гестар, живо, противоядие.

– Галчонок, как ты себя чувствуешь? В глазах не темнеет? Не тошнит?

– Дариэлла, не молчи. Скажи, хоть что-нибудь.

Мужчины засуетились, живо оттеснив девушку от украшения. Дара вяло отмахивалась от попыток заглянуть ей в глаза, залить в рот что-то из бутылочки. Пришла в себя от обсуждения отрезать ей палец целиком или ограничиться выдавливанием крови из пальца.

– Хватит! – отпихнула Тайла, выдернула руку из ладони Кристана, – я себя отлично чувствую, это не ЯД!

– Думаю, она права, – поддержала её Элалия, – иначе бы тогда не открылся тайник.

– Какой тайник? – повернулись разом.

Нижняя часть плиты отъехала вниз, а прямо под розой в открывшейся нише лежал сверток ткани.

– Я сам, – отпихнул всех Тайл. Сквозь кристалл внимательно изучил нишу, розу и сверток, – надо же, действительно тайник. На цветок наложен магический замок, срабатывающий от крови.

Примерно, как вход в сокровищницу. Поздравляю, галчонок, тебе везет. Давай, посмотрим, что нам подарили. Кто-то же потратился на мага, надеюсь, не зря.

Он натянул перчатки и осторожно взял сверток из ниши. Дара затаила дыхание.

Вот ткань пыльным облаком летит на пол, и в руке Тайла остается книга в потемневшем от времени кожаном переплете. Золотое тиснение букв на обложке и потрясенный голос лорда:

– Дневник императора Лиашанга.

– Ты уверен?

– Можно взглянуть?

Девушки разом подались вперед.

– Так, красавицы, – Тайл подобрал ткань, завернул обратно книгу и спрятал за пазуху, – Эл, тебе рановато еще читать подобные откровения. Я потом своими словами перескажу. Ну, а тебе, галчонок, тем более не положено знать личные тайны императора чужой страны. Не находишь это немного не этичным?

– Этот император может быть причастен к гибели моей прапрабабушки, – нахмурилась Дара.

– Не отрицаю, но, извини, дать в руки не могу. Сама понимаешь, политика. Обещаю показать все, что будет связано с теми событиями. Но большего не проси.

– Не стоит настаивать, Дариэлла, – мягко сказал Кристан и добавил, с брезгливым выражением на лице, – уверен, дневник императора этой страны мало подходит для чтения уважающей себя женщине.

– Не понятно, зачем заводить столько копий, разве только для того, чтобы переписать отдельные части, – задумчиво проговорил Гестар, – надеюсь, ты предоставишь нужные страницы для ознакомления.

– Когда я вас обманывал? – оскорбленно вздернул подбородок лорд, – Дайте только выбраться отсюда. И, кстати, мы почти у выхода. Правда, неплохо придумано, что нам не нужно опять встречаться с шагразами?

Выход из сокровищницы действительно оказался в двух шагах. Но сначала Кристан шагнул вперед, осторожно с благоговением снял украшения с плиты, аккуратно убрал в бархатный мешочек, приготовленный Гестаром. Арганец затянул шнурок, повернулся и, встав на колени, протянул его Даре.

– Ваше высочество, он ваш по праву.

Рука девушки дрогнула, когда она принимала этот бесценный дар. Это еще не окончательное решение, нет, всего лишь желание почтить память той, которая рискнула полюбить, всего лишь маленький шажок к трону.

– Вот и правильно, – с одобрением кивнул Тайл, – два в одном. Проще следить будет.

Кинув последний взгляд на недосягаемые, но такие притягательные украшения, Элалия вышла из сокровищницы. Вышла, тряхнула головой, прогоняя наваждение. Нет, такие места лучше посещать, зная, что все это принадлежит тебе.

Дара плотнее запахнула плащ. Стылость подземелья постепенно пробиралась сквозь слои одежды. За пазухой приятной тяжестью ощущался мешочек со свадебным набором принцессы. Они обходили сокровищницу с другой стороны, чтобы вернуться к шахте и оставленной там веревке.

Шли медленно и молча. Привлечь внимание шагразов лишним шумом не желал никто. Тайл все чаще останавливался, высматривая ловушки.

– Зачем было городить столько всего? – с раздражением прошептала Дара, переступая через плиты, на которые указывал лорд, – разве нельзя было сделать единый механизм отключения?

– Вопрос непростой, – так же тихо ответил Тайл, – вероятно в самом начале он существовал, но времена шли, маги совершенствовали своё ремесло, и каждый следующий император считал своим долгом создать нечто новое, невскрываемое ушлыми магами. В конце концов, это стало своеобразной традицией. Не помню, кто первый перестал включать ловушки в общую цепь – то ли по глупости, то ли из-за соображений безопасности. Знаешь, защищённая сокровищница – это не просто слова. Это символ. Символ стабильности империи, её силы, уверенности в себе. Не просто убедить людей, что ты в состоянии защитить своё. Речь не только о казне. Видя, что на протяжении стольких лет её порог не перешагнула нога грабителя, люди начинают верить в неприступность многих заведений, принадлежащих императору.

– Например, Гранитной тюрьмы, – с пониманием кивнула Дара, – или канцелярии.

– Верно. Ты думаешь, только заклинания держат заключенных? Ничто так не убивает волю к побегу, как мысль, что все предыдущие попытки закончились неудачей. Но вернемся к сокровищнице. Последней здравой идеей было создание проходных кристаллов. А то, стыдно сказать, многие императоры годами боялись сюда соваться. Знаешь, на самом деле это помогло избежать лишних растрат.

– Неплохой способ экономить деньги, – улыбнулась Дара.

Мимо прохода, ведущего ко входу в сокровищницу они прошли не дыша. Оттуда доносились писк шагразов, шелест крыльев и скрежетание когтей по камням. Но вот и знакомый

поворот.

– Твою мать! – выразил общие эмоции лорд.

Стена шахты была девственно пуста – никаких следов веревки не наблюдалось.

– Что, потомок, не ожидал? – хороня надежды, раздался голос призрака. Неупокоенный император с чувством расхохотался, – думал, силенок не хватит? Не знал, мальчишка, что здесь маг один на тот свет отправился, да артефакт припрятал. Слабенький, жаль, заряжается долго. Но на вашу веревочку мне хватило.

Лицо Тайла вспыхнуло от гнева. Он заорал, забыв про все на свете.

– Ах, ты, плесень потусторонняя, погань облачная, мокрица подземельная, да чтоб тебе вечно здесь на стены выть!

– Приготовьтесь, бежать, – тихо произнес Гестар, с тревогой выглядывая в коридор, – Тайл, ты остаешься или с нами?

– Иду, – пробурчал лорд, – но сюда вернусь, слышишь? Обязательно вернусь, найду твой прах и развею над помойкой.

– Ах, ты, поганец, – пришел черед духа задыхаться от злобы. Но Тайл его уже не слушал. Сзади волной накатывался писк и шелест крыльев.

Теперь их жизнь зависела от двух вещей: наблюдательности Серого и выдержки горцев – долго ли те протянут, создавая на пути шагразов заслон из стали.

Дара покрепче сжала кинжал, если потребуется, её жизнь обойдется тварям очень дорого. Оборачиваться страшно, и девушка целиком сосредоточилась на пути. Шаг, еще.

Недовольно шипит Тайл, пытаясь разглядеть очередную ловушку.

– Правый край!

И все проходят опасный участок, прижавшись к правой стене.

– Сейчас, где же он? Вот, родимый, – лорд отключает еще одну ловушку, нажав на неприметный выступ на стене.

– Ай, – взвизгивает Элалия, когда шаграз вцепляется её в волосы.

– Не дергайся, – Дара кидается на помощь, но Гестар быстрее – лезвие смахивает тварь с головы девушки. На щеке горца кровоточит широкая царапина, на шее виднеется еще одна.

– Не отвлекайся, – бросает он повернувшемуся к ним Тайлу, – лучше поторопись.

И тут же кривится от боли, сразу две твари падают вниз, приземляясь ему на спину.

– Уходите, – шепчут побелевшие губы, – мы их задержим.

– Ну, уж нет, – лорд рывком преодолевает расстояние до горца, одним броском ножа, сбивая обоих шагразов, – Элалия

справится сама, правда сестренка?

– Н-н-не знаю, – неуверенно шепчет та, разглядывая переданный братом кристалл.

– Ты умеешь с ним обращаться? – с тревогой уточняет Дара.

– Теоретически, – отвечает девушка, крутя кристалл перед глазами, – давай, потихонечку вперед.

– Нам бы не потихонечку, а побыстрее, – с тревогой замечает Дара, с замиранием сердца прислушиваясь к доносящимся из-за спины проклятиям Тайла, прерывистому дыханию горцев, отвратительному писку шагразов – когда торжествующему, когда полному боли.

Элалия прибавляет шаг. Дара честно старается ей помочь. Она как можно дальше вытягивает руку с фонарем, чтобы четче был виден путь.

Внезапно из бокового прохода выныривает троица шагразов и, издав радостный вопль, бросается на них. Тайл реагирует первым, отшвыривает девушек вперед, отвлекая внимание на себя. Те от наглости добычи теряются и пытаются затормозить в воздухе, но крылья плохо приспособлены для мгновенной остановки. Первая тварь встречает смерть с лезвием в груди, вторая следует её примеру, а вот на третьей ножи у лорда заканчиваются, и он вытаскивает меч.

Девушки, чтобы не мешаться, отступили. Как неглупые люди, они отступали спиной вперед, дабы оставаться лицом к опасности. Но не перевелись еще неожиданности по их душу.

Дара почувствовала, как пол под её ногами дрогнул. Только почему то сначала он вздыбился вверх. Перед попрощавшимся с жизнью последним из троицы шагразов промелькнуло безмерно удивленное лицо Тайла, а в следующее мгновенье лорд исчез из виду, рухнув в открывшийся провал.

Дара с Элалией недолго задержались наверху, да и невозможно зацепиться за что-нибудь на гладкой поверхности каменной плиты. Обе с визгом последовали за Тайлом, съехав вниз в темнеющее отверстие. Плита, освободившись от тяжести, начала закрываться, когда в провал рухнули еще два тела, правда, на этот раз добровольно.

– Слезь с меня.

– Не могу. Меня саму сплющило.

– Что лезет мне в рот? Дышать невозможно!

– Я молчу, что колет мой бок, до кишок уже дошло.

– Принцесса, ты в порядке?

– Какая из них? Хотя, что им обеим сделается, они же на мне лежат.

– Ага, а на нас сверху еще кое-кто свалился. Хорошо, здесь

невысоко.

– Не нуди, Эл. Я все равно вас всех спас.

– Сначала заманил, а потом спас.

– Прекратите тыкать ботинком в голову!

– Прости, почти, вот уже… уф, сползла.

– У кого-нибудь осталась целой лампа?

Глава 14

Лампа нашлась в единственном экземпляре. Горцы оставили свои где-то в коридорах лабиринта. Двумя руками отбиваться сподручнее. По этой же причине лампа лорда затерялась где-то позади. Элалия разбила свою при спуске с плиты, а вот Дариной повезло больше. Она улетела в провал вместе с девушкой и уже потом откатилась прочь.

После нескольких попыток она зажглась, осветив окружающее пространство желтоватым светом.

– Это не похоже на ловушку, – задумчиво произнес Тайл, оглядывая небольшую пещеру. Неровные стены наводили мысль о её природном происхождении, а вот на полу к вящему удивлению обнаружились несколько тюфяков. Они были старыми, порядком подгнившими и с тряпками, торчащими из прохудившихся боков. Но свое назначение оправдали – все живы и невредимы. Стоны Тайла, что у того не осталось ни единой косточки – не в счет.

– Или это очень изощренная ловушка, в которой погибают мучительно долго или же кто-то планировал путь отступления, – высказал догадку Кристан.

– Скорее второе, – объявил Тайл, – здесь есть проход. Идем прямо сейчас?

– Чего ждать? – вздохнула Дара. Шагразы остались в лабиринте, а вот страх, который они внушали девушке, нахлынул только сейчас, когда стала проходить горячка боя.

– Не раскисай, – ободряюще положил ей руку на плечо Кристан, – обещаю, скоро все закончится.

Выглядел горец неважно. Лицо алело тремя глубокими царапинами на лбу, одна проходила в опасной близости от правого глаза, волосы слиплись от крови и торчали в разные стороны, одно ухо было залито кровью. Одежда на руках и плечах превратилась в лохмотья.

– Поскорей бы, – слабой улыбкой ответила Дара. Она и правда устала, но что значит её усталость, по сравнению с измотанностью и ранениями мужчин. Так что нечего жаловаться и вздыхать. Остальным пришлось значительно хуже.

– Если это запасной выход, то его следует искать там в коридоре. Элалия, дорогая, ты не вернешь мне кристалл?

– О, нет! – простонал вдруг та, лихорадочно шаря по карманам, – его нет! – в голосе девушки послышались слезы, – я, наверное, обронила его наверху.

– Давайте, все же поищем, – предложил Гестар, опускаясь на колени.

Они обшарили весь пол, перетрясли тюфяки, но, увы, кристалл не обнаружился.

– Это я во все виновата, – всхлипывала Элалия, сидя на тюфяке, – я не заметила ловушку и её активировала. Потеряла кристалл, и теперь мы не найдем выхода, а значит останемся здесь наа-а-авсегда.

– Перестань, – Дара села рядом, обняла за плечи, – мы все знали, на что идем. И если на то пошло, неизвестно, кто именно открыл проход, может и я.

– Но у меня был кристалл.

– Но там были шагразы. Любой бы растерялся.

– Она права, Элалия, – Гестар присел перед ними на корточки, – не вини себя, – перешел на «ты», посчитав обстановку неофициальной, – если и кто несет ответственность, то только не ты.

– Конечно, сестренка. Я, как возглавляющий это безумство, ответственен больше других, и как первое лицо, заявляю: не стоит терять надежду. Мне известны сотни видов тайных механизмом и способы их открытия. Так что вперед. Обойдемся без магии.

Выход они нашли довольно быстро – по еле заметному колебанию пламени. А вот дальше дело никак не хотело продвигаться. Щель между полом и дверью была слишком тонка, чтобы можно было засунуть туда лезвие и попытаться её расширить. Обстучав стены на пару метров вокруг Тайл не смог обнаружить ни потайной ниши, ни изменения толщины. Камень упорно не хотел выдавать свои секреты. Никакого значимого выступа также найти не удалось. Лорд заставил пропрыгать весь коридор – вдруг дверь открывается от нажатия на определенную часть пола – безрезультатно. Часы шли, а они все еще были заперты в каменном мешке.

Короткий коридор заканчивался глухим тупиком, который, по разумению Тайла, сделали лишь для того, чтобы запутать оказавшихся здесь людей. Дверь находилась примерно посередине прохода, и если судить по длине щели, была метр шириной.

– Обидно погибать, зная, что свобода так близко, – пробормотал Гестар, усаживаясь на пол коридора.

– Одно радует – в хорошей компании, – устроилась рядом Элалия.

– Не стоит сидеть на холодном полу, – встал горец, подавая руку девушке, – на тюфяках будет удобнее.

Кристан обхватил Дару за плечи и тоже мягко повел в сторону пещеры. Та не стала сопротивляться – толку от нее сейчас никакого, еле на ногах стоит.

– А я тут повожусь еще немного, – донесся им в спины усталый голос лорда.

Пещера встретила их почти полной темнотой – лампа осталась у Тайла. Дара присела на тюфяк, потом, наплевав на приличия, легла, повернулась набок, сжалась в комок. Безразличие овладело ею. Собственная смерть больше не пугала. Трон, замужество, драгоценности, пегас, родной приют – все потеряло свою ценность. Даже отчаянье и страх отступили перед серым «все равно».

Рядом кто-то шумно вздохнул, а затем девушку обняли и прижали к широкой груди. И сразу безразличие съежилось до крошечных размеров, а затем и вовсе исчезло, юркнув на задворки сознания, а в душе начало твориться что-то странное. Там словно поселилось маленькое пушистое солнышко – теплое и ласковое. Оно разметало серость, прогнало черную тоску, даже усталость стала меньше. Дара поймала себя на том, что лежит и улыбается – чему, кому, непонятно. Вроде помирать пора, а ей весело.

Помирать? Вот теперь Даре категорически расхотелось отправляться в гости к костлявой старухе. Где справедливость? Она только начала познавать этот мир. А как же трон, покорение дворцового этикета, битва с советом за право самой выбрать себе мужа, Белый город, гонки на пегасах, салют над морем? Потерять все это? Ну, уж нет. С троном пока не ясно, зато остальное отдавать никак нельзя.

В Даре постепенно росла уверенность, что спасение нужно брать в собственные руки. С этим авантюристом, который только и умеет, что орать, да с привидениями ругаться, они точно здесь погибнут. А ей столько всего предстоит!

– Я ненадолго, – пробормотала Дара, вскакивая с тюфяка. И сразу зябко поежилась, после теплых объятий стылость подземелья казалась замораживающей.

– Не мешай, – остановил Кристан дернувшегося было Гестара и шепотом добавил, – мы будем только помехой. Давно я ждал этого момента, надеюсь, не ошибся.

– Эй, твое сиятельство, не хочешь к нам присоединиться? – догнал девушку громкий голос Кристана.

– Кто тут крадется? – окликнул Тайл, – а, галчонок, это ты. Зачем пришла?

– Да, так, – смутилась Дара.

– А-а-а, – понял её по-своему лорд, – лампу оставлю. Сам пойду, узнаю, что нужно от меня этому здоровяку.

– Что, гористый мой друг, решил оказать мне честь и спеть похоронные гимны своей родины? – донеслось до девушки.

– Да, нет, решил поделиться, как меня мучается мысль о том, что мы не сможем провести наш поединок.

– Я слышу радость в твоем голосе или мне это только кажется?

Ответ Дара уже не разобрала, Тайл дошел до пещеры, и до девушки доносилось приглушенное бормотание.

«Как бы на самом деле не устроили поединок прямо здесь, – подумала она, – это не мужчины, а бойцовые петухи какие-то. Так и норовят сцепиться друг с другом и доказать у кого шпоры острее».

Так… прочь ненужные мысли. Они будут только мешать. Сейчас ей нужна ясная голова. Как же тяжело сосредоточиться, когда тело норовит предать хозяйку и отправиться обратно в теплые объятия.

Дара подошла к стене. Вот она, проклятая дверь! Пара сантиметров упрямого камня, перекрывающего путь к свободе. Девушка попыталась вспомнить, что она чувствовала тогда в горах, когда ощутила под ладонью тепло нагревшегося камня.

«Ломать – не строить, – рассуждала, – если во мне есть этот дар, если он и вправду существует, то проще всего подчинить камень именно разрушением. Это дворцы строить тяжело, а какую-то стену разрушить – запросто».

Руки на стену, прижать, ощутить каждую неровность, каждую шероховатость, прикрыть глаза. Пусть исчезнет Дара с её наивными мыслями, глупыми мечтаниями и страхами. Пусть раствориться, давая дорогу тому, что до этого времени было скрыто в глубине сознания.

Грохот потряс коридор, и расположившихся на тюфяках мужчин, словно подбросило в воздух. Кристан ухитрился первым сорваться с места.

– Дара! – с воплем влетел в коридор, силясь что-то разглядеть в темноте.

Лампа почему-то погасла, а в воздухе ощущался привкус пыли. Первые секунды тишины, во время которых сердце застыло от ужаса, а по спине потек холодный пот. И радостное облегчение от слабого, еле различимого «Я здесь».

Когда улеглась первая суматоха, выяснилось, что верхняя часть стены взорвалась, разлетевшись на куски. Дара едва успела закрыть голову руками. Её отбросило взрывной волной на пол, и по счастливой случайности большая часть камней пролетела мимо. Сильнее всего пострадали плечо и правый бок, мелкие синяки на ногах и руках не в счет. Зато путь на свободу был открыт.

Тайл с легкой завистью заметил, что ученица превзошла

учителя «Помнишь, мелкая, наши уроки?», добавив – новичкам везет. Арганцы промолчали, но от их пристальных взглядов девушке стало не по себе.

Через пару сотен шагов Дара настойчиво попросила опустить её на землю. Поносили на руках и хватит. Кристану и так досталось в лабиринте. К тому же сейчас она чувствовала себя гораздо лучше. То ли помогла укрепляющая настойка, которую в нее влили, то ли организм пришел в себя. Слабость и головокружение еще давали о себе знать, но не так сильно.

Арганец нехотя повиновался. Но видит Создатель, как же ему не хотелось отпускать от себя девушку! Такую хрупкую и беззащитную… Противоречивые чувства раздирали его душу. Нежность к девушке мешались со злостью и досадой.

Как доверчиво она прижимается к его груди, маленькой ладошкой, обхватив за шею. Он – дурак. Законченный дурак. К бездне королевский дар, трон и приданое принцессы. К бездне политику. Дара… Даринушка… Даренка… Милая, ласковая и такая смелая. Прижать к себе покрепче и не отпускать больше никуда.

Сволочь, какая же он сволочь. Не побоялся рискнуть жизнью Дары, чтобы активировать дар? Да, пропади он пропадом такой ценой! А если бы она погибла? Если бы вырвавшийся дар выжег её изнутри или девушку завалило бы рухнувшей стеной? Сколько непростых «если», и каждое жжется угольком в сердце.

Узкий коридор уверенно вел вверх. Мигающая лампа, с трудом пережившая взрыв и пребывающая на последнем издыхании, еле освещала каменный пол под ногами. Шли молча. Про ловушки никто не заикался, бессмысленно их искать без кристалла, одна надежда – путь чист.

Коридор заканчивался широкой плитой, сбоку на стене в металлической подставке торчал факел.

– Каждый раз бы так, – проговорил Тайл, поворачивая подставку вправо. Плита, заскрипев, медленно отползла в сторону, – мы близко к выходу, – шепотом пояснил лорд.

– К какому? – уточнил Гестар.

– Хотел бы обрадовать, но, увы, к парадному. Чувствуете легкий аромат цикорнов? Ими славится императорский парк. Здесь же под белой галереей основной вход в сокровищницу и несколько потайных, таких, как этот.

– Галерея, естественно, охраняется, – Кристан вытащил меч, во вторую руку приготовил нож для метания.

– Парочка стражников, не больше, – попытался успокоить всех Тайл, – В основном следят, чтобы шагразам не пришло на ум посетить дворец ночью. Нам бы незаметно пройти галерею, а там,

в парке я вас выведу через калитку в ограде.

– Что же, веди, – кивнул арганец, – лэссы, прошу, держитесь за нами, и постарайтесь не шуметь.

Выход действительно оказался рядом, и вскоре уже шагали по широкому коридору нижнего этажа галереи. Сверху в высоких стенах были прорублены небольшие отверстия, сквозь которые и просачивался одуряющий горьковатый аромат цикорнов. А еще сквозь них пробивались яркие лучи солнца.

После полумрака подземелья первые минуты Дара не видела ничего, кроме мельтешения желто-зеленых-красных пятен, а вот громкий повелительный голос расслышала хорошо:

– Всем сложить оружие, вы окружены.

А вслед за ним раздалось дружное бряцанье доспехов и щелчки взводимых арбалетов.

Скрытые в нишах кирасиры императора шагнули в коридор.

– У тебя, имперец, не только с выдержкой плохо, но еще и с арифметикой, – процедил сквозь зубы Кристан, – их же здесь раз в пятнадцать больше, чем ты обещал.

– Предлагаешь заняться делением? – уточнил Гестар. В ответ кирасиры подняли арбалеты, прицеливаясь точно в грудь арганцам.

– Боюсь, с этим у нас могут возникнуть проблемы, – покачал головой Кристан.

Грохот железа эхом разнесся по галереи.

– Я никогда не сдаюсь! – возмутилась Элалия.

– Все когда-то бывает впервые и, как правило, ради кого-то, – с грустью ответил Кристан.

– Если это из-за меня, – вспыхнула Дара.

– Т-с-с, – перебил её арганец, – из-за нас. Эту битву мы сможем выиграть только ценой своей жизни, а значит, проиграть.

– На удивление разумное решение, – насмешливо произнес командир кирасиров, выходя вперед, – и прошу полностью сдать оружие. Вас все равно обыщут, скрывать что-либо бесполезно.

Последним разоружился Тайл. С момента ареста он не проронил ни слова, лишь искусанные губы и бледное лицо выдавали его волнение.

Куда повели остальных Дара не видела. Её сразу отделили и под конвоем троих стражников сопроводили во дворец. О, здесь было на что посмотреть. Даже простой стул, стоящий около кадки с цветком был отделан парчой, а его витые ножки отливали позолотой. Зеркала, зеркала – десятки, сотни. Особая пытка для тех, чей вид вызывает жалость или брезгливость. Попадающиеся им по пути слуги умело прятали взгляд, но несколько Дара поймать успела.

«Что же, принцесса, поздравляю, ты во дворце! Довольна ли твоя душенька?»

К удивлению Дары, её не повели ни в тюрьму, ни даже в комнату для допросов, скорее это был кабинет, совмещенный с библиотекой. Огромный письменный стол из светлого дерева, вдоль стенок выстроились стройные стеллажи книг, удобные кресла манили к себе отдохнуть. Можно было вообразить, что она в гостях, вот только гостей не караулит парочка кирасиров, замершая у дверей.

Ждать пришлось недолго. Скоро в коридоре послышались быстрые уверенные шаги, дверь распахнулась, и в комнату вошел высокий статный мужчина. Серебрушки с профилем его величества Антуграна третьего были, пожалуй, самой популярной монетой в империи.

Пока Дара лихорадочно размышляла, как поприветствовать императора и стоит ли кланяться, ноги сами собой изобразили реверанс.

– Добро пожаловать в мой дворец, ваше высочество, – изобразил радушную улыбку мужчина, дополняя её гостеприимным жестом, отрепетированным на сотне приемов, – какая вы, бледненькая, – озабоченно продолжил он, когда девушка, услышав обращение «ваше высочество», побелела от ужаса, – ну, ничего, мои лекари умеют возвращать лэссам здоровый цвет лица.

Даре срочно захотелось упасть в обморок, прямо вон в то кресло и желательно надолго.

– Благодарю, в-в-ваше величество, – еле слышно пролепетала.

Император благосклонно кивнул. Прошел к столу, выглянул в окно.

Дара впервые видела Его величество так близко. Высокий, широкоплечий, густые волосы отливают сединой, отчего кажутся серебристо-серыми, а вот серые глаза, в отличие от Тайла, застыли двумя кусочками дымчатого льда.

«Интересно, что у них еще семейное кроме внешности», – думала Дара, украдкой разглядывая императора.

– Что будет с арганцами? – спросила торопливо, боясь, что его величество посчитает разговор законченным.

– Как только устроим твою судьбу, они отправятся домой, в столь любимые ими горы, – Антугран занял одно из кресел, неторопливо откупорил стоящую на стеклянном столике пузатую бутылку. Бордовая жидкость хлынула в хрустальные бокалы. Приглашающе кивнул на соседнее кресло, – вместе с их будущей королевой, прошу, – протянул девушке бокал.

– Как вы догадались, – глухо спросила Дара, присаживаясь в

кресло. Бокал остался нетронутым.

– Это было не сложно, – император не стал настаивать, просто поставил вино на стол, – когда горцы после стольких лет тайной деятельности неожиданно заявили о себе, да еще с такой наглостью, мне стало крайне любопытно, что же они пытаются скрыть. Оказалось не что, а кого. Им, наконец, удалось обнаружить потомка пропавшей принцессы. Вижу на вашем лице возражения, нет, поверьте, другие девицы заинтересовать их не могли. К тому же обычная жительница империи никогда не получила бы в подарок пегаса, а настоящей арганке не пришла бы в голову идея бежать из Аргании сюда. О, благодарю. Ваше потрясенное личико лучше всяких похвал. Пожалуй, нужно будет выписать парочку приказов о награждении. В этот раз им удалось доказать, что золото они потратили не зря.

Догадаться, куда вы отправились, тоже было не сложно, особенно принимая во внимание личность вашего провожатого. Хотя я, честно сказать, ждал вас раньше.

– Простите, задержались, – с иронией произнесла Дара.

Вот так внезапно рушится мир, погребая под собой осколки надежды. Что же, она сама виновата во всем. Ведь началась эта история с побега в империю, чтобы так бесславно закончится здесь во дворце.

– И какую судьбу вы выбрали для меня? – смело встретила взгляд холодных серых глаз.

– Самую лучшую, моя милая принцесса, – Антругран довольно улыбнулся, – мы исправим досадное историческое упущение, произошедшее сто лет назад, объединим, наконец, наши семьи.

Гнев победил осторожность. Дара вскочила с места.

– Никогда! – крикнула в лицо императору, – Не бывать этой свадьбе, слышите, не бывать!

– Спокойнее, моя милая, не стоит так переживать из-за пустяков, право, – доброжелательный тон был призван успокоить девушку, а вот напряженная поза императора говорила о его готовности пресечь любые глупости гостью. «Прямо коршун над наседкой», – с раздражением подумала Дара.

– Я понимаю, – продолжал он увещевания, – оказаться в одно утро принцессой, мечтает любая девочка. Но ты уже взрослая и понимаешь, что принцессы обязаны заботиться о благополучии своей страны. И в мужья они получают не прекрасных принцев, а выгодную партию. А мое предложение очень выгодно, поверь, старику.

«Конечно, выгодно. Именно старику и выгодно», – фыркнула про себя Дара, присаживаясь обратно в кресло. Ей было жутко

неловко за свою глупую вспышку.

– И какова же будет выгода, из-за которой я не смогу отказаться от вашего предложения?

– Ты умеешь задавать правильные вопросы, – усмехнулся Антугран, откидываясь в кресле. – Я уверен, ты не захочешь начинать правление с гибели своих подданных. Триста душ – прекрасная цена за маленькую уступку старику. Ты ведь не осудишь меня за желание устроить судьбу своих детей?

«Они наша последняя надежда», – эхом пронеслось в голове девушки.

– Триста душ, – повторила она, и стоящий на столе бокал вина вдруг показался ей наполненным кровью. Дару затошнило, перед глазами замелькали черные пятна. Нет, только не обморок, только не сейчас.

– Я могу ошибаться, – пожал плечами император, – сложно быть уверенным в числе тех, кто все это время выдавал себя за моих подданных, жил на моей земле, ездил по моим дорогам и шпионил в пользу соседа.

Ненависть сверкнула в его взгляде, но Дара этого не заметила. В голове билась страшная цифра – триста.

Триста человек, постоянно рискующих своей жизнью ради родной страны. Их жертва бесценна, вправе ли она требовать большего? Нет, это не её бой и пока не её подданные. Эта расчетливая императорская сволочь права – она никогда не простит себя, если предпочтет личное счастье их жизням. А в том, что император не обманет, Дара не сомневалась. Не та игра, не те ставки.

– Я согласна, – сказала и сама не узнала свой голос, таким он оказался тусклым и безжизненным, – а теперь, простите, у меня выдался тяжелый день, мне нужно отдохнуть, – встала с кресла, изо всех сил стараясь не показать, каких усилий ей стоит держать гордо поднятой голову и расправленными плечи.

– Да-да, конечно, – следом поднялся император, – и тебе не хочется узнать, кто станет твоим мужем?

– Это не важно, – качнула головой, сделала пару шагов к двери, остановилась, – хотя у меня есть одно условие.

– Какое же? – сделал стойку Антугран.

– Я прошу об уважительном отношении ко всем моим будущим подданным, – боль все же проскользнула в голосе девушки, как Дара ни пыталась её скрыть.

– Хорошо, – скривился император, тут же замаскировав недовольство широкой улыбкой, – не беспокойся, с теми двумя, что были с тобой, ты встретишься на брачной церемонии. Остальные будут ждать вас в порту через три недели после

свадьбы.

– Хортес! – громко позвал он, дверь распахнулась, и на пороге замер худощавый высокий мужчина в придворной одежде, – проводи лэссу в её комнату. И возьми у нее на сохранение украшения, ты же знаешь, какими бывают рассеянными юные лэссы. А в моем личном хранилище оно будет в безопасности. И пригласи завтра во дворец таса Тиертмяка. Пусть снимет мерки с лэссы и начнет подбирать фасон свадебного платья в тон к набору.

– Прошу, – изобразил поклон Хортес, одновременно протягивая руку за украшением.

С безучастным видом Дара сняла с шеи бархатный мешочек, положила в раскрытую ладонь придворного и вышла в коридор.

Ей не терпелось остаться одной, смыть с себя удушливое внимание императора, обдумать дальнейшие действия. На первый взгляд ловушка казалась качественной, но сдаваться она не собиралась.

– Следуйте за мной, сиятельная лэсса, – проговорил Хортес, уверенным шагом обходя девушку. От двери тут же шагнул один из кирасиров, вставая за спиной у Дары. «Куда же без конвоя»? – усмехнулась про себя девушка. Ценная гостья, считай, пленница, чье послушание стоит триста человеческих жизни, точнее триста две.

– Тварь! – бокал вина, описав дугу, разбился о белоснежное полотно двери, – мелкая арганская тварь. Условия она будет мне ставить, – Антугран вскочил, заходил по кабинету, его красивое породистое лицо искривила гримаса злобы, – ничего, дай только время, ты мне еще свою страну на блюдечке принесешь.

Приятная мысль о будущей сделке заставила губы растянуться в улыбке. Однако гнев все еще бурлил в душе, не давая успокоиться.

Как же ненавистные ему эти горцы с их непомерной гордостью и неподкупностью! Как ни уламывали купцы арганцев, какие взятки ни сулили, а продавать что-либо в империю те категорически отказывались. Главное, было бы, что продавать! Подумаешь, кофе, который почему-то не хотел расти на низинных землях империи или их хваленые клинки…

Еле сдержался тогда, чтобы не снести голову послу Листры. Идиот посмел с сочувственной улыбочкой интересоваться, не наладились ли торговые отношения с Арганией? Как будто не знал, что его же торговые дома перепродают арганские поделки в империю с тройной наценкой. Ворье!

Но теперь все будет по-другому. Пусть девчонка пока лишь девчонка, но седобородые старцы из совета на все пойдут, чтобы

её вернуть. Даром ему ничего не надо, а то посчитают еще выкупом. А за что выкуп, когда он в плену никого не держит. Наоборот, нашел, обогрел, ободрил заблудшее дитя. Ну, а то, что пока гостит во дворце, замуж выйдет, дело молодое, на безумство скорое. Надо сегодня же отправить гонцов в Арганию и тонко намекнуть, что пора начинать дружить по-соседски. Горцы умные, намек поймут.

Время для Дары остановилось, замерло, превратившись в одну мучительную пытку. Часы растянулись в дни, а каждый день олицетворял собой бесконечность. Собственная комната напоминала пышно украшенную золотую клетку, разве что вместо замка около двери все время находилась пара стражников.

Из комнаты Дару выпускали только утром для кратких прогулок в парке, когда дворцовые жители сладко спали после ночных балов. Все остальное время девушка проводила в одиночестве. Ей было запрещено вступать в разговоры с кем либо, даже со стражниками.

Первую молоденькую горничную, посмевшую сочувственно улыбнуться Даре, тут же заменили на высокую тощую женщину с куцым пучком волос на голове и брезгливым взглядом старой девы. Её зависть быстро переросла в ненависть, и Даре доставались лишь злые взгляды и короткие фразы.

Утренние прогулки с Хортесом неизменно превращались в тонкое лицемерное издевательство. Доверенное лицо императора не опускалось до прямых оскорблений, но завуалированные намеки заставляли Дару кипеть от злости. Скольких усилий стоило девушке сдерживать свой гнев. Она прекрасно понимала, что заставляло Хортеса поступать таким образом – привычка. Стиль общения во дворце балансировал между заискиванием к тем, кто стоял выше и презрительным равнодушием к низшим сословиям.

Дара знала единственный способ не сломаться, не поддаться отчаянью – полностью закрыться, отстраниться от происходящего, не дать проникнуть дворцовой гнили внутрь, не позволить испоганить душу. Лишь наблюдать, выжидая подходящего момента, чтобы самой вступить в игру. Но как же тяжело сохранять внешнее безразличие…

Мысли о предстоящем замужестве неотступно преследовали Дару, и она уже жалела, что отказалась узнать имя будущего супруга. Со временем, ей все яснее становилось, что не только ради сближения их народов или восстановления исторической справедливости, император организует поспешную свадьбу, как будто боится чего-то. Но он же прекрасно знает, что долго её муж не проживет в Аргании. И стоит только Даре намекнуть на

нежелательность этого брака, ему быстро организуют несчастный случай. Выходит, не все так радужно и для будущего супруга – его фактически высылают из страны, организуя скорую смерть чужими руками.

Ей обязательно нужно переговорить с женихом до свадьбы. Слишком многое зависит от этого разговора.

Дара и сама понимала, что пришла пора прекратить многолетнюю вражду между двумя государствами. Давно ушли тропою мертвых участники столетних событий, некому больше мстить, да и последнее украшение принцессы найдено. Брак станет идеальным поводом к восстановлению дружественных отношений, в идеале, конечно же. Вот только император не тот сосед, с которым можно надеяться на равноправие. За его ослепительной улыбкой скрывается два ряда хищных зубов, а за спиной захватнический опыт многих поколений императоров по присоединению соседних территорий.

Границы сегодняшней империи сформированы скорее природными причинами, чем политическими. На северо-западе её омывают моря, на востоке – океан. Юго-запад поделили между собой горы и степи. Часть гор обжиты имперцами, дальше идут совсем непроходимые места, а за ними лежит Аргания. Обширные степные земли принадлежат кочевникам, и кроме этих диких племен засушливая, местами переходящая в пустыню территория никому не нужна. За степями располагаются несколько соблазнительных государств, и именно поэтому степняками живется так привольно. Никто не жаждет узреть имперскую армию у своих границ, а переход по степи сложная задача даже для хваленых имперских войск.

Сейчас империя переживала годы спокойствия, мира и осознания собственного могущества. Все, что можно – завоевано, все что нужно – урегулировано. Даже заговоры и те какие-то мелкие и ненастоящие. Горцы с их наглыми ограблениями вносили некое разнообразие в застоялую придворную жизнь – ни что так не бодрит, как несчастье соседа.

Дара прекрасно понимала, что у империи остались два пути к расширению границ – степь и горы. Не увидит ли Аргания в одно утро имперский боевой флот у своих берегов? Ведь нельзя бесконечно дразнить льва и не рассчитывать в один момент ощутить его клыки на своей шее. Неизвестно выстоят ли арганцы, если империя бросит против них всю свою мощь?

Арганию защищают горы, само плато практически неприступно, но страна давно уже состоит не только их верхней части. И во что превратится Белый город, если по нему начнут палить пушки нескольких десятков кораблей?

От всех этих непростых мыслей у Дары начинала болеть голова. Она не понимала, как вообще можно принимать решения, от которых в дальнейшем зависит судьба стольких людей.

Ясно одно – против имперской армады побережье не выстоит. Флот Аргании в основном торговый, а укрепления хороши в защите от пиратов. Их мощи явно не достаточно для длительной обороны. Если император обратит свой взор на Арганию, не станет ли брак с его родственником выходом из положения? С другой стороны, имперец на арганском троне – полный абсурд. Шпион на самой верхушке власти! Не совершит ли Дара смертельную ошибку, приведя в страну родственничка этой гадины?

Она сейчас точно сойдет с ума. Ей нужна передышка и желательно активная. Сидеть и дальше сложа руки невыносимо. Пусть она в полной изоляции, но сердце упорно верит, что её не бросили. Вот только арганцам может не хватить времени, организовать спасение своей принцессы. Даре нужен запасной вариант, как отложить эту дурацкую свадьбу хотя бы на пару дней.

Как не спешил император, как не торопился, но подготовить свадьбу лорда за один дней не под силу даже ему. Спешно шилось платье невесты и костюм жениха. Готовилось меню для пира, рассылались приглашения – немного, только самым нужным, без которых свадьба будет выглядеть совсем уж неприличной. Из этих пяти сотен никто не счел нужным отказаться. Еще бы – кто же пропустит подобное зрелище, когда в приглашении золотыми буквами выведено: лорд Маргтайлирэн де Колэран ЛирТосигран, один из самых загадочных и вздорных женихов империи и никому неизвестная лэсса Дариэлла Тафэль-Антар. Просто лэсса, даже не сиятельная. Интрига просвечивала сквозь каждую букву приглашения. И мало кто, даже среди знатоков истории, мог знать, что девичья фамилия матери погибшей в Аргании принцессы звучала именно так.

На просьбу встретиться с женихом Хортес лишь усмехнулся, но Дара была настойчива, и придворный пообещал что-нибудь для нее сделать – лишь бы отвязалась.

В присутствии этой странной девчонки он ощущал себя крайне неуютно. Вроде ничего особенного, ну симпатичная, немного неумелая, но были в её взгляде твердость и чистота, которые не встретишь среди сиятельных лэсс. И почему-то Хортесу казалось, что в последних их прогулках слово оставалось за девчонкой, немыслимо, но факт. Скорее бы она вернулась обратно в свои горы и перестала смущать своей непохожестью на принятые в империи каноны женской красоты.

Глава 15

День свадьбы настал неожиданно – раз и все. С утра толпа придворных в комнате, шикарное платье на подставке, десяток тетушек и бойких девиц, которые крутят, вертят в разные стороны, тыкают булавками, выдирают накрученные на папильотки волосы.

Даре еле удалось отбиться от новомодной раскраски лица, она лишь позволила немного подрумянить щеки, чтобы скрыть бледность кожи.

Про Тайла девушка старалась не вспоминать. Ей казалось, что каждый раз при его имени сердце пронзала раскаленная игла. Предатель или глупец? Интриган или игрушка в руках своего венценосного дяди? Удалось ли ему обойти клятву арганцам или он действительно невиноват? Вопросы… вопросы. Проще не думать, чем гадать.

– Лэсса, вы поистине очаровательны сегодня, – Хортес с удовлетворением оглядел девушку.

Какое чудное платье смог соорудить уважаемый тас-портной. Настоящее произведение искусства – серебряная вышивка, белоснежные воланы, вставки снежного шелка – изумительно! И девчонка сразу преобразилась. Чудно похорошела! Немного бледновата на его вкус, зато черты лица тонки и изящны, на черных, уложенных в сложную прическу волосах, переливается диадема, а огромные глаза похожи на агаты.

Неожиданно Хортес нахмурился.

Почему-то блеск этих глаз ничуть не напоминает ему обычного волнения невесты перед свадьбой, скорее в глазах девчонки светится решимость солдата, идущего на бой. Нет, не может быть! Он мотает головой, прогоняя странные мысли. Какие солдаты, какой бой? Свадьба и только свадьба!

– Император счел нужным сделать вам маленький подарок, – он наклоняется к девушке и доверительно шепчет, – полчаса перед церемонией у вас есть. Прошу за мной, я отведу вас в гостиную.

– Благодарю, – сердце у Дары радостно екает. Уже и не надеялась, что её просьбу удовлетворят. Хитер император – дал лишь полчаса перед свадьбой для знакомства с женихом.

Перед нужной дверью, девушка замерла, делая вид, что не решается переступить порог, и внезапно громко ахнула: «Я забыла букет в своей комнате. Прошу, передайте моей горничной, пусть принесет его сюда!»

Хортес поморщился, но возражать не решился. Как опытный

придворный он прекрасно понимал, что с невесты станется закатить скандал из-за отсутствия букета. А с кого спросит хозяин за срыв церемонии? Правильно, с него. Хортес с тоскою огляделся, как назло в поле зрения из живых лишь кирасиры. Не свадьба, а малые военные учения, столько нагнали этих доспешников. Не погонишь же солдата за букетом? Придется топать самому. Ох, уж эти женщины с их забывчивостью. В самый неудобный момент, надо сказать.

– Хорошо, передам, – нехотя проворчал.

– Спасибо! – Дара подарила ему такую очаровательную улыбку, что бедняга замер на месте, хлопая глазами. Девушку даже засомневалась, не перестаралась ли? Нет, очнулся, развернулся и зашагал в сторону жилых комнат. «Пронесло», – выдохнула с облегчением. Пока все идет по плану.

А сколько труда стоило Даре уговорить Аграфию ей помочь!

Девушка начала издалека. Пока горничная убирала комнату, она, стоя у окна, жаловалась своему отражению. Какая несчастная, совсем одна, замуж выдают неизвестно за кого, жениха в глаза ни разу не видела, да и какая разница, что не видела, все равно мужики везде одинаковы – только о себе и думают. За спиной у Дары яростно загромыхало. Девушка приободрилась. «И не только думают, но и живут для себя, – продолжила она вслух развивать тему бедной страдалицы, – а женщины что? Работай, убирай, детей воспитывая, да еще ночью ублажай!» За спиной громко засопели.

Аграфия сломалась на брачной ночи. Дара, вызвав в памяти своего первого клиента, с таким ужасом начала о ней говорить, что горничная не выдержала.

– И не говорите, лэсса, – всхлипнула женщина, – вы такая хрупкая, маленькая. А жених ваш, говорят, стольких женщин заездил. Совсем жеребец, неугомонный. Погубит он вас, ох, погубит.

– Такова воля императора, – с видом приговоренного, прошептала Дара, – я…, мы все, обязаны ей повиноваться.

– Да-да, конечно, – горничная промокнула слезы белоснежным передником, – но ведь погуби-и-ит, – уткнулась покрасневшим носом в передник.

– Вот если бы, – Дара замолчала, словно не решаясь продолжить.

– Что? – выдохнула Аграфия.

– Есть такое средство, я слышала. Если его принять, ничего не чувствуешь, совсем ничего.

– Есть такое, – нахмурилась горничная, – его при операциях больным дают, чтобы от боли с ума не сойти.

– Вот бы мне такое, – Дара мечтательно вздохнула, – хоть на первую ночь ничего не ощущать. А дальше, говорят, легче будет.

– Запомните, лэсса, – в десятый раз проговорила Аграфия, пряча крохотный пузырек среди белоснежных лилий, – три капли, не больше. Пятнадцать – верная смерть.

«Пожалуй, девяти хватит», – решила про себя Дара. Два дня глубокого обморока неплохой повод отложить свадьбу. А там, глядишь, и арганцы что-нибудь придумают.

Договорились, что букет принесет горничная. Аграфии доверяли, и обыскивать отдельно не стали бы. Брать букет с собой Дара не рискнула – слишком велика опасность, что кто-нибудь любопытный сунет туда свой нос.

Дара глубоко вздохнула и распахнула дверь в гостиную. Стоящий около окна мужчина резко повернулся.

– Тайл! – неверяще воскликнула Дара.

– Привет, галчонок! – ей ослепительно улыбнулись, – я тоже рад тебя видеть. А ты стала настоящей принцессой, – он прошелся по ней одобрительным взглядом, но тут же помрачнел, – у нас полчаса. Большего мой дядюшка, трон ему в печенку, дать не захотел. Погоди, – лорд предостерегающе поднял руку, прошелся до двери и тихонько её приоткрыл. За дверью раздался звук шагов, послышался громкий голос: «Смена караула, приказ императора». – Вот теперь можем и поговорить, – с довольной улыбкой закрыл дверь, – кстати, галчонок у меня для тебя сюрприз. Эй, будущие родственнички, выходите. Уже можно.

Створки огромного пузатого шкафа, занимавшего весь угол комнаты, мгновенно распахнулись, и из него почти выпали на пол арганцы. Как не велик был шкаф, а сидеть в нем высоким горцам пришлось, скрючившись в три погибели.

– Дошутишься у меня, р-р-родственничек, – поднимаясь с пола, процедил Кристан, и тут же замер, буквально пожирая глазами Дару.

– Принцесса, – оба арганца опустились на колени.

Девушка растерялась. Ей так хотелось подбежать, обнять всех троих, убедиться, что живы, здоровы. А что теперь? Приседать в реверансе или ограничиться поклоном?

– Привыкай, твое высочество, – усмехнулся Тайл, заметив смущение девушки, – я постою, не против?

– Может, вы перестанете падать на колени? – взмолилась Дара, – у нас и так мало времени, не до церемоний! И в какое бы платье меня не нарядили, я все равно пока не ваша королева и даже не принцесса.

– Пока не королева, – согласно кивнул Гестар, поднимаясь с колен, – но принцесса Аргании, пусть себя таковой и не считаешь.

– Хорошо, – махнула рукой Дара, – принцесса, так принцесса. Главное, вы живы и здоровы. Я так боялась за вас.

– Польщен, – склонил голову лорд.

– Мы больше переживали за тебя, – Кристан шагнул вперед, взял девушку за руку, – нам солдатам, что тюрьма, что казарма. А вот в одиночку сражаться труднее.

– Время, – напомнил лорд, и Кристан со вздохом отошел в сторону.

– Прежде чем мы продолжим, – Тайл вышел на середину комнаты, – я должен спросить. Дара, как ты относишься к свадьбе со мной?

– Э-м, – девушка покраснела, кинула быстрый взгляд на Кристана, – прости, но я не готова к такому поспешному браку, пусть и политически выгодному.

– Отлично, – почему-то развеселился лорд, – хотя, нет, конечно, это ужасно. Галчонок, ты разбиваешь мне сердце, – сбоку многозначительно закашляли, – не мешай, – повернулся он к Кристану, – могу я погоревать над первым в своей жизни отказом?

– Можешь, когда выберемся отсюда, – поддержал друга Гестар.

– На самом деле я рад, что наши мнения по данному вопросу совпали. Прости, галчонок, но я не могу на тебе жениться. Конечно, если бы ты была не против, но так как ты тоже против, э-э-э, в общем, всем все понятно.

Дара поняла лишь одно – свадьбы не будет. Почему? Подобные вопросы задавать неприлично, но и принуждать к свадьбе, шантажируя тремястами жизнями, не признак хорошего тона. Она обязательно заставит Тайла рассказать ей истинную причину отказа.

Громкий стук в дверь прервал дальнейшие высказывания лорда.

– Вот бездна! Кого еще там несет? – выругался Тайл.

– Моя горничная должна принести букет.

– Сам возьму. Так, вы двое, обратно в шкаф. Едва ли служанке нужно вас видеть. Все, – он оглядел опустевшую комнату, подмигнул Даре.

– Хорошо, спасибо, передам, да, он просто чудесный.

Диалог проходил за дверью, в комнату Аграфию Тайл не пустил.

– Действительно, миленький букет, – лорд задумчиво разглядывал цветы, – надо же, дядюшка расщедрился на карликовые лилии.

Сердце Дары замерло, а затем провалилось куда-то вниз.

– Можно? – протянула она руку за букетом.

– Странно, не правда ли, что ты не взяла его с собой? – лорд словно не замечал протянутой руки, – и служанка специально его сюда принесла. Как удобно. Вопрос для чего?

Его пальцы ловко прошлись по цветам и без труда нащупали крохотный пузырек.

– Это то, что я думаю? – серые глаза потемнели от гнева, – Дара, ты второй раз за сегодня разбиваешь мне сердце. Еще ни одна женщина мне не отказывала, и тем более, ни одна из них не собиралась травиться, чтобы избежать свадьбы со мной.

– А что мне оставалась делать? – разозлилась девушка, – покорной овцой идти под венец с тем, кого выбрал заботливый император?

– Успокойся, – Кристан погладил Дару по плечу, – свадьбы не будет. Мы выведем тебя из дворца и вернем в Арганию.

– Прости, – буркнул Тайл, – я не должен был срываться. Никто из нас не хочет плясать под дудку императора. Пора выбираться. Верные мне люди сейчас заменили караул около комнаты и в коридоре. По черной лестнице спустимся на задний двор. Там нас ждет повозка, которая вывезет из дворца.

– Ты ему веришь? – поинтересовался Кристан у Дары.

– В отличие от некоторых, отдыхавших все это время в камерах повышенной комфортности, мне даже под домашним арестом удалось связаться с нужными людьми и организовать не только ваше пребывание в данной комнате, но и побег, – надулся лорд.

– Причина не только в доверии, – покачала головой Дара, – прости, это дело Аргании, – бросила виноватый взгляд на Тайла.

– Начинается, – лорд ответил тяжким вздохом, – я постою здесь, около шкафа. Извини, выйти не могу.

– Если я убегу отсюда, – зашептала девушка, – он убьет всех арганцев в империи. Мы не может их бросить здесь на смерть.

– Вот почему ты согласилась на свадьбу, – с горечью проговорил Кристан.

– Исход? – Гестар достал из-за пазухи небольшой серый камушек. Через вплавленное в него металлическое ушко был продет обыкновенный шнурок.

– Исход, – согласно кивнул Кристан, доставая такой же, – они его заслужили.

– Ай! – лорд подпрыгнул, схватился за грудь, – жжется!

– Это хорошо, – улыбнулся Кристан, – так и должно быть.

– Не переживай, все арганцы в империи сейчас получили подобное послание, – тихим голосом пояснил Гестар, – у нас здесь несколько отрядов гвардейцев. Им помогут эвакуироваться.

– А император?

– Император будет занят нашими поисками, – ответил напряженной улыбкой Кристан.

– Слушай, горец, – Тайл с таким видом держал за шнурок серый камушек, словно тот был ядовитым гадом, – мы договаривались, что эта штука меня прикончит, если я попробую вас предать, но на внеплановые ожоги договора не было. Что это сейчас было?

– Не бойся, – усмехнулся Кристан, – больше ничего такого не будет. Зато теперь Дариэлла может покинуть дворец.

– Вы со мной? – с наигранным спокойствием спросил лорд.

– Пока да, – прямой взгляд Кристана говорил о многом, – а там посмотрим. Сам понимаешь, доверять тебе никто не собирается.

– Тогда за дело. Мой дядя хитер, но я наглее, – ухмыльнулся Тайл, доставая небольшой кинжал, – галчонок, повернись. Как не жаль, но придется попортить твое свадебное платье.

– Режь, – вздохнула Дара, поворачиваясь к нему спиной.

– Обожаю раздевать женщин, – завораживающий шепот у нее над ухом заставил сердце девушки подпрыгнуть и застучать с удвоенной силой.

– Отвернись! – прорычал Кристан.

– Горец, ты в своем уме? Я же её порежу. Да и не голая она под платьем. Галчонок, не обращай на него внимание. Держи мешочек, это для драгоценностей. Теперь плащ. Да, лишние юбки тоже сними. У нас будет очень ограниченное в пространстве средство передвижение.

Дара достала из корсажа небольшой камушек, подаренный ей Ниим. Ей удалось скрыть его от служанок. И теперь камушек занял свое привычное место – на груди девушки. Странно, а вот жара от него она не почувствовала. Ах, да, Ниим говорила, что он призван скрыть её от арганцев. Жаль, что кинжал остался в особняке на кладбище. Она к нему успела привыкнуть. Но горцы все три родовых кинжала спрятали в доме. Боялись, что оружие чести попадет в руке врага, и тогда уже точно его не вернешь.

Тайл не обманул. Караул кирасиров со скучающим видом проводил четверку людей в плащах, не делая никаких попыток их остановить.

– Как тебе это удалось? – прошептала на ходу Дара.

– Друг помог, – так же шепотом ответил Тайл.

«Вот семейка, – подумала Дара, ныряя в грязное нутро черной лестницы, – каждый так и норовит подставить друг друга. Хорошо хоть в открытую не убивают, как раньше. Видно, молвы боятся».

В темном узком дворе тихо всхрапывала лошадка,

запряженная в закрытую повозку. Внутри повозки угадывались очертания трех длинных предметов.

– Серый, ты ничего другого не мог найти? – спросил Гестар, запрыгивая внутрь и со скептическим видом разглядывая три гроба.

– Прости, горец, кареты нема.

– Слушай, а почему их только три?

– Какой ты… дотошный однако. Потому что лишь трое бедолаг за последние дни во дворце померло. И так, считай, повезло. Скажи спасибо, что мы два гроба поменяли на большего размера. А то изображали бы сейчас младенцев в утробе. Отверстие вверху открывается над головой, не задохнетесь. Галчонок, как почти муж, то есть официально все еще жених, предлагаю разделить это скромное ложе со мной.

– Прости, Тайл, – Дара покачала головой, – мне нужно поговорить с Кристаном.

– Хм, – недовольно скривился лорд, окинул арганца долгим взглядом, – галчонок, если он станет распускать руки…

– Тайл! – прервала его девушка, – я не маленькая, разберусь сама.

– Знаем мы, таких, взрослых, – ворчал лорд, укладываясь в гроб, – Запомни, мелочь, мужик, он всегда мужик, каким бы добропорядочным не прикидывался.

Как только крышка третьего гроба захлопнулась, возница щелкнул кнутом, и лошадь покорно стронулась с места. Впереди привычный маршрут дворец – городское кладбище. Разве что, гробов сегодня больше, чем обычно. Так и народу во дворце прибавилось – свадьба, как-никак.

«Скрип, скрип», – пели колеса под тяжестью груза.

Возница притормозил повозку около ворот. На улице стояла жара, так что ничего удивительного, что он вспотел. Главное, забыть про груз, про сделку и спрятанный дома кошель. Ничего странного не происходит. Все, как обычно: гробы, повозка, кладбище.

Он заискивающе улыбнулся идущему к нему кирасиру.

– А, старик! – тот с брезгливым видом оглядел черные борта, – неужто, даже в такой день имеют наглость помирать? Давай, проезжай быстрее. Нечего людям праздник портить.

Возница только этого и ждал. Дрожащей рукой стеганул, задремавшую было лошадь, та дернулась, и повозка покатила в открывающиеся ворота.

Лежать, тесно прижавшись, друг к другу, слушать стук чужого сердца, вдыхать терпкий запах мужского тела. Странно, непривычно, немного неудобно, а еще почему-то совсем не

страшно.

– Прости, – прошептала Дара, когда колеса повозки застучали по мостовой города, – я должна была согласиться на свадьбу.

– Я знаю.

В темноте завозились, а затем рука Кристана прошлась по волосам девушки, легонько провела по щеке. В этот момент колесо повозки налетело на камень.

– Уй.

– Извини. Держись за меня. Так лучше?

– Да, спасибо, – Дара обхватила Кристана за предплечье. В голову сразу полезли нескромные мысли, чтобы отвлечься, спросила, – Что мы будем делать дальше?

– Я не доверяю Серому. Он неплохой парень, но ведет свою игру. Сейчас мы ему мешаем, и лорд сделает все, чтобы отправить нас из страны. Ты – его слабое место, принцесса. Не знаю, что он задумал, но Тайл торопиться развязать себе руки.

– И каков его план?

– Отвезти нас в поместье своего друга. Оно на побережье, оттуда нас заберут контрабандисты и довезут до Аргании.

– Если этот друг из императорской семейки, мне не нравиться мысль доверять кому-либо из них.

– Тяжело пришлось? – с пониманием спросил Кристан.

В ответ Дара лишь вздохнула. Она не была готова рассказывать про императора, про постыдный торг и свою слабость. Грязь, всего лишь грязь. Но как тяжело вытаскивать её на поверхность.

– Если не Тайл, что тогда?

Теперь пришла очередь вздыхать арганца.

– Сейчас начнется эвакуация, и будут задействованы все пегасы. Не так-то просто вытащить столько народа из империи. Но мы можем попытаться добраться до гор…

– Нет, – прервала его Дара, – только не туда. Во-первых, там нас и будут ждать, во-вторых мы должны оттянуть на себя поисковые отряды императора, чтобы ему было не до исхода арганцев.

– Знаешь, – Кристан помолчал, а когда продолжил, в его словах чувствовалась затаенная гордость, – пусть ты не считаешь себя принцессой, но сейчас говоришь, как настоящая королева.

Дара лишь фыркнула в ответ. Вот же неугомонный… А главное, какая подходящая обстановка для подобных слов: «настоящая» королева в настоящем же гробу бежит из императорского дворца с собственной свадьбы. Правда, жених лежит в соседнем, но положение это нисколько не меняет.

– Я, как и Тайл, хочу всего лишь развязать себе руки, – устало

ответила Дара, – да, и пора оставить империю в покое. Сколько можно убивать и грабить ради кучи стекляшек? Прости, Кристан, но я все равно этого не понимаю. Глупо тратить настоящее ради прошлого.

Морской путь не хуже, чем через горы. Ты сам говорил, что Тайлу выгодно наше бегство. А пока ему это выгодно, я ему верю.

– Как скажешь, принцесса, – Кристан сжал плечо девушки, привлек к себе, – запомни, я всегда буду рядом.

– Спасибо, – выдохнула она, прижимаясь лицом к мужской груди. В носу предательски защипало. Хорошо, что её поняли, поддержали, не начали уговаривать прорываться в сторону гор, оставляя за собой трупы арганцев и законников. Но не стоило строить иллюзий. Если бы Кристан счел вариант прорыва более безопасным, чем путь по морю, он бы не раздумывая взвалил Дару на плечо и оттащил домой. Ей просто повезло, что её идеи совпали с мыслями горца.

Глава 16

Лошадь привычно завернула на аллеи городского кладбища, с тоской покосилась на зеленый луг, виднеющийся за кладбищенской оградой. Город остался позади. Он, конечно, уже начинал тесниться к кладбищу, подбираясь все ближе и ближе и в недалёком времени обещал обогнуть захоронения, вобрав их в себя. Жизнь и смерть, как всегда рядом.

Кладбище было новым. Старое уже давно изжило себя, и там оставались лишь семейные склепы сиятельных фамилий, а подземные захоронения стоили слишком дорого для бедноты. Вначале здесь хоронили посетителей канцелярии. Её серо-зеленое здание располагалось недалеко от окраины города. Далее шли казармы, военные кварталы, тюрьма. Город, повинуясь собственной логике, расширялся во всех направлениях, кроме этого, не затрагивая северо-восточную часть, словно, зараженную неведомой болезнью. Глупо, конечно, полагать, что большее расстояние поможет избежать внимания законников или посещения тюрьмы. Ведь не важно, где именно гражданин решил поиграть в игры с законом, важно лишь, когда он попадется служителям Закона и Порядка, да хватит ли у него денег, чтобы облегчить свою судьбу.

Сейчас на кладбище хоронили военных, работников дворца, если у их родных не было желания забрать тело, а так же заключенных, досрочно покинувших тюрьму единственным разрешенным государством способом – ногами вперед.

Повозка остановилась около ограды в дальней части кладбища. Здесь было пустынно, и лишь любопытные пичужки с удивлением наблюдали, как из гробов выскочили четыре живых человека, нырнули в проем ограды и так же быстро и слаженно запрыгнули в одну из пяти ярко-раскрашенных повозок, стоящих около кладбища. В тоже мгновенье повозки дружно тронулись в путь.

– Как думаешь, во дворце уже подняли тревогу? – щурясь от яркого солнца, осведомилась Дара. В повозке было пыльно, пахло животными, чем-то резким, а пол был завален тюками с одеждой.

– Надеюсь, нет, – Тайл рукавом вытер потное лицо, – при удачно стечении обстоятельств, полчаса форы у нас еще есть. А если нашим двойникам удастся увести погоню в сторону потайного хода из часовни, то и того больше.

Сказать, что его величество Антугран третий был в гневе, не сказать ничего. Его просто душило от бешенства. И все же он ухитрялся улыбаться. Даже когда ему хотелось окропить кровью

белоснежный ковер приемной, светлая улыбка не сходила с его лица.

Кто же знал, что они посмеют примчаться во дворец с прямо-таки неприличной быстротой. И стоило демонстрировать своих летающих коней? Одним словом, горцы. Никакой гибкости, никакой дипломатии. Сплошное твердолобое упрямство. Кто же так напрямик выказывает свой интерес? Знал бы, не стал осторожничать с договором, вписал бы еще парочку пунктов.

Сидят. Уткнулись носом в бумаги, изучают. Еле успели подготовить, кстати.

Твою ж мать, как они его достали за этот час! И не уйти, не проверить самому, как там церемония. Вроде все по плану. Молодые сейчас в часовни, исповедуются, выслушивают наставления о будущей семейной жизни. Как закончат, так сразу и обручение вместе с бракосочетанием начнется. А к поздравлениям можно и с послами подойти. Не посмеют опорочить честь невесты и признать брак недействительным. Неплохо получилось в итоге.

Вроде все в порядке, но сердце почему-то не на месте. Ноет. Нехорошо так ноет.

Дверь приемной приоткрылась, и в неё бесшумно проскользнул секретарь.

– Я просил не беспокоить! – раздраженно рявкнул император.

Секретарь побелел от страха, но остался. Низко склонился к самому уху и что-то жарко зашептал.

– Что? – хваленая выдержка Антуграна дала сбой. Он резко вскочил, потом все же вспомнил о присутствующих в комнате трех послах, – прошу меня простить. Непредвиденные обстоятельства, – с этими словами покинул приемную.

– Похоже, обстоятельствам удалось улизнуть из дворца, – тас Лигран довольно улыбнулся.

– И не говорите, уважаемый, аж гора с плеч, – ответил тас Данниар. Он с облегчением потер грудь, где больше часа назад вспыхнул маленький костер. С каким трудом ему удалось сдержаться и не выдать себя. Эта старая лиса непременно бы что-нибудь заподозрила, схватись все три посла синхронно за грудь. И все же, рискованно работает молодежь. Одна надежда, раз объявили исход, значит, для себя тоже видят пути отступления.

– Думаю, нам не стоит ждать возвращения его величества, – предложил тас Лигран, – как насчет ужина в таверне У Золотого Дуба?

– С удовольствием пропущу стаканчик, – кивнул тас Нурсах, – от местного воздуха у меня совсем пересохло в горле.

Очутившись в повозке, Тайл развил бешеную деятельность.

Во-первых, заставил всех переодеться, убрав дворцовую одежду в серый мешок, а сам мешок спрятал в двойное дно повозки, во-вторых занялся любимым занятием – издевательством над внешностью беглецов.

При виде содержимого тайника даже Гестар присвистнул.

– Умно придумано, – похвалил Кристан, – перевозить оружие, используя бродячих артистов. Те везде путешествуют, и если работать не с одной труппой, а с несколькими, то выходит довольно быстро и, полагаю, надежно.

– Не жалуюсь, – пожал плечами лорд, скрывая довольную улыбку. Похвала горца ему была приятна.

На поляне ярко горели костры. Слышались громкие голоса, чей-то задорный смех, тявканье дрессированных собак и мелодичная перекличка заморских птиц.

Дара зябко поежилась, обхватила руками за плечи. Нет, ей было не холодно. Ночь выдалась довольно теплой, да и костер горел ярко. Просто в тонком облегающем трико она чувствовала себя почти голой. Пусть в костюме и наличествовала короткая юбка, а сверху на плечах лежала пышная перелина, украшенный блестками наряд трюкачки был слишком чужеродным для девушки.

Арганцам в этот раз повезло больше. Их одели в простые черные штаны и рубашки, лишь добавили необходимой неряшливости: остатки грима на лице, немного грязи на руках, заляпанные навозом сапоги, солома в волосах. Наездники-трюкачи из них получились, что надо.

Труппа таса Рогнарио была небольшой, но весьма колоритной. Несколько жонглёров, гимнасток, одна дрессировщица, фокусник, поглотитель огня – мрачный тип с почти черным цветом кожи и три брата-джигита. Вот со всеми ними беглецам и предстояло изображать одну большую и дружную семью.

Одежду и все, что могло указать на принадлежность к Аргании и свадьбе, они спрятали в тайнике. Взамен Тайл разрешил горцам выбрать себе оружие, чтобы держать его под рукой. На всякий случай. Драгоценности Дары лорд лично убрал в особый тайник. «Как самое ценное, – заверил он, – там точно не пропадет».

Девушка так и не смогла решить, правильно ли они поступают, доверившись Тайлу. Что если он опять приведет их в ловушку? Пусть тогда в лабиринте император оказался хитрее и просчитал их действия, что мешает сделать ему то же самое еще раз? Почему у нее постоянно возникает ощущение, что Серый лорд тянет за собой всю императорскую семью, словно он

невидимыми нитями связан с императором? Да, они ненавидят друг друга. Да, выпади такой шанс, постараются убить друг друга. И все же, думая о Тайле, Дара неизменно возвращалась к мысли об императоре. Словно за образом лорда скрывалась тень его венценосного родственника.

– Галчонок, – рядом с костром из темноты возник лорд. Хм, помянёшь, он и появится, – я могу с тобой поговорить? Лично, – добавил Тайл, заметив шагнувшего было к ним Кристана.

– Прости, – Дара виновато улыбнулась горцу, – мы здесь рядом будем.

Кристан ничего не ответил, просто кивнул. И сердце девушки болезненно сжалось. Но это всего лишь разговор! Почему тогда она чувствует себя предательницей? Что происходит? Тайл, Кристан, свадьба, побег – все смешалось в бедной головушке. А сверху угрожающе покачивалась корона, норовя свалиться на будущую королеву.

Костер трещал и подмигивал алыми угольками. Огонь пожирал дрова, и ничего важнее для него на свете не существовало. Маленький кусочек земли между двумя, на деле – целая пропасть, приправленная тишиной.

– Хм, – вымолвил Тайл, когда дальше молчать стало уже невозможно, – даже не знаю с чего начать. Сижу рядом с собственной невестой, сбежавший с первой в своей жизни свадьбы. И, наверное, впервые жалею, что поступил правильно. Глупо вышло, правда?

– Нет, – Дара попыталась скрыть улыбку, – ты спас меня. Ненавижу пышные свадьбы. Правда, правда. Я бы, наверное, умерла от страха. Знаешь, лица, кругом одни лица и взгляды. Они проникают в тебя, залазят внутрь. И еще фальшивые улыбки. Злые взгляды и улыбки. Прямо мороз по коже.

– Ты самая странная девушка в моей жизни, – Тайл подсел ближе, взял её ладонь в свои руки, – как жаль, что мы не встретились раньше. Я бы обязательно устроил свадьбу, которая тебе бы понравилась. Маленькая часовня среди зеленых холмов, море цветов и лишь близкие друзья.

– Спасибо, – Дара сжала пальцами его ладонь, – это лучший подарок в моей жизни.

– Ты тоже подарила мне мечту, галчонок. Но так уж вышло, у тебя трон, у меня…, а, не важно. И все равно между нами эти чертовы горы.

– О чем ты? – насторожилась Дара.

– Я – болван, галчонок, самый большой болван на свете. Неуловимый Серый, великий контрабандист и удачливый торговец оказался просто самоуверенным идиотом.

– Не кори себя, – покачала головой Дара, – мы все знали, что идем на риск. Ты не мог предвидеть ловушку.

– В том-то и дело, что мог, – зло улыбнулся Тайл, – все еще считаешь меня хорошим тасом? Приятным, но немного сумасбродным? Что же, тогда слушай, нет, погоди, – он оглянулся, – еще один правильный на мою голову, даже не делает попыток подслушать. Придется тебе в одиночку выслушивать секреты моей семейки.

Дара высвободила руку, отодвинулась. Злость Тайла её немного пугала.

– Прости, – тут же среагировал лорд, – я сорвался.

– Просто расскажи мне все, – мягко попросила Дара.

Тайл вздохнул, поворошил палкой угли в костре, отчего огонь затрещал с новой силой.

– Может, ты и права. Я так устал нести все это в одиночку. Но предупреждаю, рассказ будет долгим.

– Я не тороплюсь, – улыбнулась Дара.

– Придется начать издалека. В те времена еще были живы маги, которые не только погоду умеют предсказывать, да людей находить. Они и создали для нашей семьи кристаллы власти. Эдакий семейный артефакт. На самом деле обычная ограненная стекляшка вытянутой формы. Вверху небольшое углубление для крови. Одна капля, и кристалл сам определяет твое положение в наследовании короны. Раньше эти кристаллы здорово выручали. Уж не знаю, как они там определяли, кто родился первым, да еще и девочек исключали, но не ошибались ни разу. Пару раз, когда в результате переворота гибли обе стороны, только с помощью кристаллов удавалось установить, кто станет следующим императором.

А так все просто: кристалл не изменил свой цвет – ты обычный человек, стал мутно-белым – член императорской семьи, розово-фиолетовым – наследник престола, бордово-красный – значит, перед тобой сам император.

Сейчас, когда последние сто пятьдесят лет не было ни одной серьезной попытки переворота, кристаллы стали скорее традицией. Родится ребенок, каплю его крови помещают в кристалл, а сам артефакт убирают в сокровищницу. Некоторые и того не делают, а смысл? Все и так прекрасно знают, кто наследник, да и магов, которые могут проверить подлинность кристаллов уже не осталось. Так что полезная вещь превратилась в очередную традицию. Да, и со смертью владельца кристаллы очищаются, и их можно использовать по новой.

– Вот, что ты искал в сокровищнице, – понимающе кивнула Дара, – и была только одна причина так рисковать. Цвет твоего

кристалла оказался красным?

– Скорее багровым, – ответил Тайл с кривой усмешкой.

«Наверное, даже на виселице он будет улыбаться», – внезапно подумалось Даре, и она постаралась поскорее прогнать страшное видение улыбающегося лорда с петлей на шее.

– Ты – император?

– Мог бы им быть, – поправил её Тайл, – знаешь, по большому счету мне плевать, кто там сейчас на троне. Я вовсе не рвусь напяливать на себя это бремя под названием корона. Пусть тот, кто правит, делает свое дело хорошо и ладно.

В детстве я дружил с наследником. Он – неплохой парень. В него столько всего впихивали, уверен, из него выйдет отличный император.

Вот только я до его правления не доживу. Та гадина, что сидит сейчас на троне, слишком боится, что этот трон я из-под неё выбью. Не понимает, старый пень, что мне не трон нужен, а он сам. Не могу я спокойно жить, зная, что эта сволочь, уничтожившая мою семью, ест, не давясь и спит без кошмаров.

Я долго пытался понять, что произошло на самом деле. Не спорю, многое додумал сам. Все началось с того, что Хайвест четвертый, впрочем, как и все императоры до него, женился по расчету. Вот только стоило ему жениться, как сердце его покорила одна из придворных лэсс. И не просто покорила. Хайвест влюбился. Сдал позиции полностью и безоговорочно. Впрочем, внешне приличия соблюдались. Любовницу он поселил в охотничьем замке, куда регулярно наведывался, не забывая и про спальню жены. Обе женщины понесли в одно и то же время. Но жена умерла при родах, оставив после себя сына, а любовница благополучно разрешилась от бремени, родив мальчика. Хайвест недолго горевал, и почти сразу же забрал женщину с ребенком во дворец. И вот тут начинается самое интересное. Император настолько потерял голову от любви, что позволил подменить документы о рождении детей, признав обоих сыновей родными. Более того, сына любовницы выдали за старшего в якобы родившейся двойне, хотя на самом деле он был младше на несколько дней. Кристаллы подделали, спрятав настоящие в сокровищнице. Хайвест женился повторно, а мой дед стал вторым наследником.

Его не стали убивать по одной простой причине. Как бы не развивались события, один член семьи должен заменять другого. Иными словами, потомство на первом месте. Но как только у деда появился сын, его обвинили в измене. Отправили в ссылку в северные земли, и даже добраться до туда не дали. Официальная версия – нападение разбойников. Результат – смерть от удара

кинжалом в сердце.

Мой отец прожил дольше. Он благополучно женился в двадцать пять лет и успел завести троих детей. Двух сыновей и дочь.

Мы жили в предместье под столицей. Отец словно чувствовал опасность, исходящую из дворца, и старался держаться от родственников подальше. Это было не трудно. Из-за деда, мы все еще считались опальными. После того, как Хайвест слег от болезни, его место занял наследник, по документам старший брат моего деда, на деле даже не родной, а единокровный, к тому же рожденный вне брака. Правда, правил недолго. Умер от лихорадки, простудившись на охоте. А может, и помогли умереть.

В нашей семейки есть еще одна традиция. Император, как правило, сам оставляет трон, лет примерно в шестьдесят, уходя на пенсию. Однако полностью не устраняется. Наоборот, эдакой тенью стоит за плечами нового императора. И если тот не справляется… В общем, этот мир покидает довольно быстро. Так было и на этот раз.

Приятно думать, что Хайвест здорово прогадал, решив отодвинуть моего деда от престола. Наследничек-то оказался с гнильцой… Но сделанного не воротишь. Признаваться в подлоге никто не стал. Трон занял Антугран, мой двоюродный дядя, внук Хайвеста. Антугран прекрасно понимал, кем на самом деле является его двоюродный брат, а потому никогда не выпускал его из поля зрения. Может, отец так бы и прожил спокойную и счастливую жизнь, но как назло, родная сестра Хайвеста, чуя близкую кончину, решила перед смертью облегчить душу и рассказать законному наследнику, кто он есть на самом деле. Не понимала старуха, что у отца за спиной трое детей и жена. С таким грузом трон не завоюешь. Да, он и пытаться не стал. Но и оставаться в империи не решился. Испугался, задергался, стал продавать дома, переводить сбережения в металл, арендовал корабль. Решил, что лучше на чужбине, чем в страхе дома. Вот только Антугран все понял по-своему. Отцу не хватило пары дней, чтобы закончить дела. Его взяли в доме, даже толком вещи собрать не дали. Прямой приказ императора – срочно выдвинуться на границу. Якобы получены сведения, что степняки планируют масштабный набег. Мать, как не просил отец, без него уезжать отказалась. Осталась ждать. Дождалась лишь соболезнований – вражеская стрела, сразу насмерть. Вот только враги не стреляют в спину, а мой отец не таков, чтобы поворачиваться к ним спиной. Мать недолго прожила потом. Да, и не жила, а медленно угасала.

Когда погиб отец, мне было десять. Я мало что понял, а

Филик… В пятнадцать замечаешь многое и многое понимаешь. Ему понадобилось три года, чтобы свести детали и еще три, чтобы дождаться, когда я подрасту. Мы были так близки к успеху, но Антугран поменял внешнюю защиту на двери, и брат не смог её взломать. Когда он понял, что провалился, отправил меня домой, а сам пошел нижним путем навстречу смерти.

На следующий день мы с сестрой были уже далеко от столицы, когда нас догнала новость, что Филика нашли в каком-то переулке, зарезанным грабителями. Они даже поймали кого-то и судили за убийство. Но мне было все равно. Я знал, что настоящий убийца остался невиновен.

Эх, галчонок, столько лет прошло, а до сих пор душу корежит при мысли, что бросил тогда Филика в лабиринте. Если бы не Эл… Я был вынужден дать слово, что сестренку не будут воспитывать чужие люди, и я его сдержал. На первых порах пришлось туговато. Даже в Службу Закона и Порядка устроился, чтобы было на что жить. После смерти отца мы жили все хуже и хуже, Филик фактически обеспечивал наше проживание. Деньги от императора он брать отказался, а матери на тот момент было уже все равно. Она все дальше и дальше удалялась из этого мира.

Я служил под вымышленным именем в дальнем уголке империи. Представь, даже награды получал. Затем занялся более выгодным делом – контрабандой. Так и жил, пока не встретил тебя.

– Ты все сделал правильно, – Дара погладила Тайла по руке, – погибли бы вдвоем, разве был бы в этом смысл?

– Разве бывает смысл в смерти? – горько усмехнулся лорд.

– Только если отдаешь жизнь за другого, – серьезно ответила Дара.

– С тобой не поспоришь, – Тайл провел рукой по волосам, словно стряхивая наваждение прошлого, – совсем забыл, галчонок, рассказать про принцессу. Я ведь прочитал дневник Лиашанга. Ты была права – он невиновен. Эта хитрюля отправила ему свадебный гарнитур заранее, как доказательство своей любви. С собой взяла лишь шкатулку. Никто же не будет проверять её содержимое, если хозяйка утверждает, что оно на месте? Н-да, вышел не любовный, а прощальный подарок. Такие вот дела, галчонок.

– И нет никаких намеков, кто бы это мог сделать?

– Увы, никаких. Только любовный бред, да пара слов к потомкам. Ничего любопытного. Разве что, его опасения о Хайвесте полностью оправдались. Однако сам Лиашанг пальцем о палец не ударил, чтобы исправить положение. Устранился и все. У него горе, а там… хоть все друг друга поубивайте, до брата ему

нет дела.

Тишину ночи разрушил стук копыт. Послышались тревожные голоса. А затем в свете костров мелькнула тень коня, и на поляну выскочил взмыленный скакун.

Несколько человек бросились к нему, но наездник уже спрыгивал на землю.

– Тайл! – Элалия дышала прерывисто, её шатало от стремительной гонки, – скорее, я обогнала их всего на пять минут, не больше. Целый отряд.

– Как ты нас нашла? – удивленно воскликнула Дара.

– Это было не трудно, – девушка вытерла рукой вспотевший лоб, кто-то поднес ей кружку с водой, – я с Рогнарио пару раз ходила, его стоянки знаю. Тайл мне на всякий случай сказал, с кем он на самом деле уйдет из столицы.

– На самом деле? – вмешался Кристан, убирая метательный нож за пояс.

– Из столицы сегодня вышли семь трупп, – нехотя пояснил Тайл, – я рассчитывал, что у них уйдет больше времени на проверку. Но будем импровизировать. Эл, давай в возок, ты знаешь, что надо делать.

Один из джигитов схватил под уздцы коня девушки, гикнув, в одно движение взлетел в седло. Конь недовольно захрипел, но подчинился. Через мгновенье они умчались по дороге в ночь.

На поляну вновь опустилась мирное спокойствие, вот только на этот раз, в нем ощущался привкус напряженной собранности. Вертелись под ногами собаки в ожидании ужина, птицы уже дремали, утомленные дорогой. Кто-то шил костюмы, кто-то проверял реквизит. Светловолосый мужчина репетировал номер с юной гимнасткой. Рядом с ними, бросая недобрые взгляды на парочку, двое мужчин кидали ножи в борт повозки. Блестящие лезвия втыкались в дерево, образуя странные узоры.

– Тайл, ты в своем уме, – шипела Дара, – я не могу согнуться под таким углом, а на плечи, даже не проси, не залезу.

– Надо, галчонок, надо. Для достоверности. Иначе, кто поверит, что ты артистка, а не принцесса. Я сам уже плохо, что помню, а по молодости, бывало, даже в представлениях участвовал.

Вот стук копыт все ближе и ближе. Дара лишь надеялась, что она сможет достоверно изобразить удивление и скрыть страх.

– Никому не с места, – гаркнул капитан стражи, спрыгивая с коня.

– Что-то случилось, уважаемый тас? – Рогнарио вышел вперед, – мы простые актеры, идем, куда ведет дорога и по пути дарим радость людям своим искусство. Мы ничего не нарушали.

– Ну, это мы еще посмотрим, – насупился капитан, давай знак своим людям проверить лагерь, – а что это у вас тут ножи в повозку воткнуты?

– Ах, уважаемый, – подскочил к нему Тайл, – просто репетиция, ничего больше.

– Хотел бы я посмотреть на номер, который вы репетируете, – с нажимом произнес капитан.

Тайл побледнел, но отступать не собирался.

– Доверься, мне, – шепнул он девушке, подталкивая её к деревянному борту.

– Один момент, уважаемый тас, один момент. Сами убедитесь, у нас все по-настоящему, без обмана. Неверное движение и девушке конец.

– Только дернешься и тебе самому конец, – прошептал Кристан, приставляя нож к спине отступившему к ним лорд.

Дара стояла бледная, с гордо поднятой головой. Пусть горцы и сильные бойцы, да и артисты, небось, не только играть на представлениях умеют, но против усиленного отряда стражи им не выстоять.

– Еще секундочку, – продолжая широко улыбаться, произнес Тайл, и шепотом добавил, – решил нас всех здесь положить? Я своих сдавать не собираюсь.

– Если промажешь, – кончик ножа чувствительно ткнулся в спину лорда, – я тебя сам прирежу.

– О чем это вы там шепчетесь? – с подозрением осведомился капитан.

– Спорим, кто будет первым выступать, – еще шире улыбнулся Тайл.

– Ты и начинай, – теряя терпение, скомандовал капитан.

Даре очень хотелось зажмуриться, но нельзя… нельзя закрыть глаза, чтобы не видеть несущейся к тебе блестящей стали, можно лишь вжаться спиной в борт, ощущая под кожей шероховатость дерева.

Взмах руки, удар воткнувшегося лезвия дрожью отзывается во всем теле. Еще и еще. Ножи выстраивают блестящую границу вокруг Дары. Границу жизни и смерти.

– Достаточно, – прерывает его капитан, – теперь вон тот, черноволосый. Или нож у него в руке по другой причине? – насмешливо щурит глаз.

– Убью, – одними губами произносит Кристан, не отрывая взгляд от Дары.

– Не оплошай, мой ученик, – хлопает его по плечу Тайл, уступая место горцу, – моя очередь тебя прирезать, если промажешь, – шепчет, наклоняясь к его плечу.

«Ты сможешь, – мысленно подбадривает арганца Дара, – я в тебя верю». Она даже улыбается, пусть душа, словно натянутая стрела, а сердце давно сбежало в желудок. В глазах Кристана читается боль и удивление – не я, не со мной, не могу.

Взмах, полет, взмах, полет.

– Капитан, мы нашли свежие следы на дороге. Похоже, тот гонец помчался дальше.

– За ним!

Лагерь разом опустел. И лишь тогда Дара шагнула вперед, охнула, прижала руку к боку. На трико расплывалось темное пятно.

Глава 17

Все трое бросились к ней разом, но дорогу им преградил Рогнарио.

– Не теряй головы, Серый. О девушке позаботится Тасфирь. Лучше решайте, что делать дальше. Они скоро вернуться. Мы выиграли час, от силы два.

– Идем, милая, я тебя перевяжу, – полноватая женщина – дрессировщица ласково обняла Дару и увела в повозку. Их проводили три мрачных взгляда. В каждом легко читалось сожаление и глубочайшее раскаянье.

– Идиот! – простонал Кристан, сжимая голову руками, – как я мог? Чуть не убил принцессу собственными руками.

– Не твоя вина, – Гестар ободряюще положил ему руку на плечо, – не ты подставил принцессу под кинжалы.

– Еще скажи, что не я вас всех спас от стражников, – надулся Тайл.

От надвигающегося скандала их всех отвлекла выскочившая из повозки бойкая старушка. Спутанные седые волосы почти закрывали лицо, вместо нормальной одежды нечто неприличное из платков.

– Почему удрала из дома? – прорычал Тайл, мигом переключив на неё внимание. Старушка в испуге отступила, – я тебя просил оставаться дома? Просил! Там тебе ничего не угрожало. Ты же знаешь, что нужна ему живой приманкой для меня. Зачем увязалась за нами?

С каждым злым словом брата Элалия бледнела все больше.

– Прости, – всхлипнула она, наконец, закрывая рот спутанной прядью парика.

– Не ори на неё, – Гестар шагнул вперед, закрывая собой девушку, – ей и так сегодня досталось.

– Нет, он прав, – Элалия обошла горца, смело вставая перед рассерженным братом, – я не должна была срываться из города вслед за вами. Но этот, – тут её лицо исказила гримаса отвращения, – этот сын червяка и лягушки посмел заявиться в наш дом с разрешением от императора на брак со мной! Пришел сказать, что обручение состоится уже завтра, а свадьба через неделю, мол, императору надоела наша семейка, и он решил пристроить хотя бы меня, раз брат не жаждет жениться. И не нашел никого лучше этого слизняка. Как я его ненавижу, его самодовольную прыщавую рожу, эти редкие зализанные назад волосенки, а еще руки… такие ухоженные, словно он ими ничего не делает.

– Эл, – со вздохом произнес Тайл, привлекая сестру к себе, – это ты меня прости. Я должен был догадаться, что он не поверит в твою неосведомленность. Императору нужно было, чтобы ты удрала из дома. Он надеялся, что ты приведешь ко мне.

– Дура! – всхлипнула девушка, – какая я, дура. Выдала вас всех!

– Пока нет, – покачал головой Кристан, – тот отряд был, скорее всего, послан для проверки ушедшей из города труппы. Если бы они точно знали, что мы здесь, не уехали бы так просто.

– На тебе магическая метка, милая, – Тайл отстранился, поднял за подбородок заплаканное лицо сестры, заглянул её в глаза, – и я не могу её снять.

– Они скоро будут здесь, – она прикусила губа, оценивая ситуацию. В глазах заплескалось отчаянье, – и не просто отряд стражников, а законники с магом. Вы должны немедленно уходить. Я останусь. Уж лучше выйду замуж за слизняка, чем вас поймают. Он не простит тебе бегства со свадьбы.

– Никто тебя не оставит. И замуж за слизняка выходить не надо. Метку мы снимем, – спокойно произнес Гестар, словно речь шла об обыденных вещах, – наши камни глушат любую магию. Мы всегда держим несколько про запас, когда отправляемся в Империю. Мало ли как дело обернется.

Брови Тайла удивленно взлетели вверх.

– Так вот почему маги не берутся вас выслеживать! Хм, – он достал камушек, висящий у него на груди, повертел его в разные стороны, – какой полезный, однако.

– Элалия, – обратился Гестар к девушке, – я не буду просить тебя принести обычную в таких случаях клятву верности. Просто обещай, что не станешь вредить Аргании.

– Обещаю, – кивнула девушка, вытирая платком мокрое от слез лицо.

– Вот и все, – горец аккуратно одел шнурок с камнем на шею девушки, – теперь они потеряют след.

Вокруг сворачивался лагерь. Артисты, привычные к сборам, без лишней спешки запрягали лошадей, гасили костры, загружали повозки.

– Что вы решили? – подошел к ним Рогнарио.

– Вариантов немного, – взъерошил волосы лорд, – впереди стража, сзади на пятки законники наступают. Вы скроетесь в Зеленых холмах. Доберетесь до Ластирухи. Как раз к ярмарке поспеете. Нам с вами нельзя. Больно мы вчетвером приметные, тут даже грим не поможет.

– Я понял. Что ж, удачи, Серый. Мы скоро снимаемся, если что надо…

– Возьмем, не переживай, – Тайл обнял Рогнарио, – спасибо за все. Создатель даст, свидимся.

– И куда же мы отправимся, если не с ними? – с подозрением осведомился Кристан. Он не простил себя, но при виде Тайла его просто захлестывала злоба. Все это время имперец словно нарочно обставлял дела так, чтобы выставить его, Кристана, полным дураком и предателем. Сначала этот постыдный торг и обещание оплатить участие Дары в походе к сокровищнице, и последующее затем похищение… как глупо вышло! Не говоря уже о почти женских нарядах, в которые этот пройдоха их обрядил. Тот еще позор! И вот теперь – игры в артистов. Чертов авантюрист, он ведь мог её убить! При мысли об этом тошнота подкатывалась к горлу, а желудок сжимался в болезненный комок.

– Здесь напрямик недалеко до развалин, к утру дойдем. Там нас уже будут ждать провожатые с лошадьми. День пути и мы на побережье. В объезд до развалин только к вечеру бы добрались, – деланно беззаботным голосом вещал Тайл, – припасов возьмем по минимуму, а вот оружия берите не стесняясь. В дороге всякое может случиться.

– Странно, что дорога идет в объезд, – задумчиво произнес Гестар, – через что же мы пойдем с минимумом припасов и максимумом оружия? Что же там такого всякого, что ты рискнул вести нас туда только сейчас?

– Ну-у, – замялся лорд, – у нас это место называют Черные пустоши.

– Черные пустоши! – ахнула Элалия, стремительно бледнея, – я и не думала, что они здесь рядом.

– За тем лесочком, – махнул рукой Тайл.

– Лэсса, – повернулся Гестар к девушке, – раз твой брат не желает делиться информацией, может, ты нам расскажешь, что нас ждет за тем лесочком.

– Я и сам могу, – принял обиженный вид лорд, – Черными эти места стали после того, как здесь схлестнулись маги и сторонники императора. Дело происходило в последнюю из Магических войн. После этой битвы магов резко поубавилось, как впрочем, и защитников императора. Победила законная власть. С тех пор больше никто из творцов чудес на трон не зарился. Силенки уже были не те. Но эти места они здорово успели испоганить. Одни черные пустоши остались. Даже трава и та не растет.

– Почему мы не можем пойти и дальше с труппой через Зеленые холмы?

– Потому что кому-то нужно будет увести за собой погоню.

Законников наша маскировка не обманет. Они перетрясут повозки сверху донизу. Тайник естественно найдут. Но пусть лучше мои люди за контрабанду штрафом откупятся, деньги я им дал приличные, чем за укрывание государственных преступников по десятку лет на рудниках проведут.

Спор прервало появление Дары. Девушка переоделась в мужскую одежду, сверху накинула плащ, чтобы защититься от ночного холода. Она осторожно, дабы не потревожить бок, спустилась по лесенки из повозки.

– Принцесса, – Кристан опустился на колено и низко наклонил голову, – я приму любое наказание за свой поступок.

– Опять! – Дара прикусила губу, чтобы не улыбнуться, – встань сейчас же. Никакого наказания. К тому же рана несерьезна, так, небольшая царапина. Наоборот я считаю, что ты достоин награды. Смог убедить стражников, что мы настоящие артисты.

Она подошла к Кристану, обняла за плечи, вынуждая подняться, а затем поцеловала в щеку.

Арганец стремительно покраснел и сделал попытку опять упасть на колени.

– Прекрати, – прошипел лорд, – ты нас демаскируешь. Эти люди, хоть и верны мне, но не стоит им давать повода для разных домыслов. Галчонок, как насчет моей награды? Я ведь тоже метал в тебя кинжалы. И в отличие от некоторых, не промахивался.

– Для тебя это было не трудно, – пожала плечами девушка, – а вот Кристану пришлось постараться, чтобы меня не убить.

На поляне еще дымились наспех погашенные костры, ощущался запах лошадей, зверей и еды, однако сам лагерь уже опустел. Направо вдалеке слышалось поскрипывание повозок, мелькали огни, подвешенные на края фургонов. Труппа торопливо уходила прочь, чтобы затеряться среди холмов и выиграть время для беглецов.

Ночной лес не лучшее место для прогулок, даже если рядом идут трое рослых мужчин и одна отнюдь не изнеженная девушка. Особенно, если из освещения в наличие лишь лунный свет. Дара, как ни старалась, не могла сдержать нервную дрожь. Она пыталась смотреть строго вниз, чтобы не навернуться об корягу или ветку, но глаза упорно ловили серебряные тени на стволах деревьев и чьи-то жуткие силуэты по бокам. Когда становилось невмоготу, Дара на ощупь находила рукоять кинжала, и страх на время отступал.

Арганские кинжалы привезла Элалия. Люди брата наведались в дом на кладбище и привезли оружие горцев. Сестра лорда, сама воин, не забыла захватить кинжалы, когда убегала из дома. За

возвращение родового оружия горцы простили ей сразу все, а Гестар что-то прошептал на ухо, заставив грозную воительницу покраснеть, словно девчонку.

– Почему ты так испугалась, когда услышала про Черные пустоши? – тихо спросил горец у Элалии.

– Дурное место, – прошептала та в ответ, – сюда давно никто не ходит. А те, кто пробовал, не вернулись.

– Трупники, – презрительно скривился Гестар, – похоже, твой брат надеется, что дурная слава этого места отпугнет законников. Ну, а я надеюсь то, что мешало им вернуться давно сдохло от голода.

Внезапно лес закончился. Впереди расстилался странный пейзаж, будто сошедший с холста сумасшедшего художника. Луна лишь добавляла ему нереальности, заливая землю, остатки деревьев и холмы мертвенно-серым светом, искажая и без того неестественную действительность, превращая её в отражение кошмаров.

Черными спинами застыли холмы, между ними во впадинах поблескивали запекшиеся озерца лавы. Обугленные остовы деревьев диковинными иглами торчали из земли. А прямо перед путниками лежало ровное поле, укрытое толстым слоем чего-то темно-серого. Местами ровную серость нарушали странные бугорки корявых очертаний.

Ветра не было, пустоши застыли, словно невидимая стена отделяла это место от живого леса, глуша все звуки. И все же нечто приподнимало небольшие облачка пыли, перенося их с места на место, собирая в настоящие сугробы около непонятных неровностей.

– Может, лучше к законникам? – прошептала Элалия.

– Прорвемся, – с бравадой отозвался Тайл, запаливая факел. Глаза лорда полыхнули азартом не хуже зажёгшегося факела. Горцы неодобрительно покосились на огонь, но промолчали.

По дороге в лесу шли без фонарей, лунного света было достаточно, чтобы не уткнуться носом в дерево. По дороге Тайл успел набрать пару вязанок хвороста и нагрузить ими арганцев, а из самых крепких палок соорудил с десяток факелов, приговаривая, что ничто так не годится против всяких там пустошей, как живой огонь.

Он первым шагнул вперед, и замер – легкий скрип разнесся по округе. Тайл неуверенно опустил вторую ногу рядом с первой. Скрип повторился, и вдобавок серое облачко вспорхнуло снизу, окутав его сапоги.

– Твою мать, – выругался он, – с таким звуковым сопровождением скоро все местные обитатели будут извещены о

нашем появлении.

Дара шагнула следом. Ноги немного провалились в мягкую почву. Или это не почва? Она опустила факел ниже, стараясь разглядеть, что же такое укрывает землю. Пыль? Сухая земля? Но почему такого странного оттенка? Или?

Каждый шаг вздымал вверх легкое облачко, а под ногами скрипело то, что не смогло превратиться в пепел. Поле, целое поле покрытое пеплом. Идя вслед за Тайлом, Дара пыталась вообразить, сколько же людей здесь погибло. Потом сдалась – такое нельзя представить.

Пять путников пытались сделать невозможное – пересечь пустоши и остаться в живых. Пять огоньков света на концах факелов, словно плыли по воздуху, разрывая темноту ночи, пять пар ног ступали по древнему пожарищу, тревожа вековой слой пепла. Вот только с каждым шагом, все больше и больше серой пыли поднималось в воздух. С боков нарастал шум, словно сотни десятков сердитых шмелей направлялись в их сторону. Огни факелов стали тускнеть, пепел превратился в густой туман, а потом и вовсе повалил крупными черными хлопьями. В одно мгновенье люди оказались посреди черной пепельной зимы. Странной зимы, где нет холода, нет ветра, но липкий пот стекает по спине, а сердце пытается найти спасение в пятках.

– Бегом, не отставать, – проорал Тайл, замечая, как справа из тумана выступает чей-то темный силуэт. Поздно маскироваться, поздно прятаться, когда хозяева этого места сами пожаловали к гостям.

Дара бежала во весь дух, в боку уже кололо, а рана начала неприятно ныть, напоминая о своем наличии. Уф, еще чуть-чуть и она просто рухнет прямо тут, на этот чертов пепел, но как только девушка стала сбиваться с шага, её подхватила сильная рука. Кристан твердо был намерен вытащить принцессу из этих проклятых Создателем пустошей.

Внезапно тонкий крик прорезал шум черной круговерти. Дара успела оглянуться, чтобы увидеть, как позади них рухнула на землю Элалия. Невидимая сила поволокла девушку в самую гущу тумана. Следом промелькнул мужской силуэт, и горец исчез из виду.

– Стой! – Дара уцепилась за рукав Кристана, – мы должны им помочь.

– Он справится, – отозвался сквозь зубы арганец, ускоряя бег.

Сознание Дары словно разделилось. Одна, лучшая часть, кричала, что нельзя бросать друзей, надо вернуться и помочь, зато вторая нашёптывала: «Беги, беги, пока сама жива. Да и какие они тебе друзья в итоге?»

– Нет, – она почти повисла на руке арганца.

Кристан повернул к ней разгоряченное лицо, покрытое капельками пота. Одной рукой он крепко удерживал девушку, во второй ухитрялся нести факел и меч.

– Я вернусь за ними, как только выведу тебя, – крикнул он, стараясь пересилить завывание пепельной метели.

Но судьба решила иначе. Чья-то мертвенно-бледная рука с длинными звериными когтями вынырнула из тумана, уцепилась за плащ девушки и рванула на себя.

Дара взвизгнула, заваливаясь назад. Арганец с трудом удержал, не давая упасть. Сильным движением отбросил девушку за спину, перебросил оружие в свободную руку и встретил противника ударом меча. Вот только клинок прошел сквозь руку, не причинив той никакого вреда.

Рука брезгливо стряхнула клочки порванного плаща, застрявшего между пальцами.

– Справа! – заорала Дара, увидев, как сестрица первой показалась из тумана.

Кристан развернулся, выставив вперед факел. Тем, что он отвлекся, тут же воспользовалась первая. С каждого из её пальцев сорвались черные ленты тумана и потянулись к арганцу. Тот попытался увернуться – тщетно. Щупальца обвились вокруг его руки, сдавливая, врезаясь в одежду и кожу. Со стоном Кристан выронил факел на землю, опускаясь на колено. От невыносимой боли он почти терял сознание.

Меч бесполезен, факел валяется на земле. «Вот и конец», мелькнула мысль.

– Отпусти его! – раздался отчаянный крик. Дара бросилась вперед, размахивая факелом с такой силой, что огонь сумасшедшим светлячком метался в темноте, образовывая почти сплошной круг огня.

Она нагнулась, подбирая второй факел. К первому светлячку добавился второй. Метель в удивлении попятилась назад. Дара полоснула пламенем по черным лентам. Те недовольно зашипели и втянулись в туман.

– Вставай, – попросила Дара Кристана. Она стояла к нему спиной, с тревогой вглядываясь в кружащиеся вокруг хлопья пепла, – пожалуйста, вставай. Я не смогу тебя вытащить.

– Это я должен тебя вытаскивать, – хрипло засмеялся арганец. Он закашлялся, сплёвывая сгусток крови. Девушка оглянулась, с болью замечая, что бок горца потемнел от крови.

– Вот, вы где! – внезапно вынырнул из тумана Тайл. Он выглядел немного потрепанным, без плаща, с изодранной местами рубашкой, но с целой шкурой. В руках он, так же как и

Дара, держал два факела, – Я же просил не отставать! Следующий раз, веревками привяжу. Что, горец, вляпался? Ладно, держи факел, железяку брось, я тебе потом еще одну подарю. Дара, придержи его, чтобы не свалился. Перевяжем потом, сейчас некогда. Тебе, галчонок, придется, обойтись одним факелом. Не бойся, я прикрою. Все, двинули.

– Нет, – помотала головой Дара, – там Гестар с Элалией остались. Я без них не уйду.

– Дело – дрянь, – присвистнул лорд, – где же их искать? Я здесь кончик собственного носа с трудом вижу, к тому же у местного тумана ручки уж больно шаловливые. Но бросать никого не будем. Сейчас доведу вас, убогих до границы и вернусь за ними. Прости, галчонок, но вы уже не бойцы, только обуза. А стоять здесь бессмысленно. Только смерти ждать.

– Погоди немного, – попросила Дара, – кажется, я что-то слышу.

– Я только вой, – покачал головой лорд, – да сиплое дыхание этого красавчика.

– Нет, Дара права, – с трудом проговорил Кристан, – я слышу голос Элалии.

– Неужели? – прислушался лорд. Действительно, скоро и до него донесся голос сестры.

– Стоять! Куда руки тянешь? Чтоб ты сдох! Не нравится? Получай! Слышь, горец, в последний раз прошу, брось меня здесь! Вдвоем не дойдем. Брось, кому говорят. Только добей, перед уходом. Лучше от стали помру, чем от этой гадости. Слышишь, оставь! Эл, еще никому обузой не была. И теперь не буду. Что значит, мое не брошу? Ты на что намекаешь, поганец? Нет, будь добр, объясни. Ах, с братом еще поговорить требуется. Ну, все, ты попал. На, тебе, на! У-у-у, тварюга! Твое счастье, горец, что тут есть на ком злость сорвать. А ты, наглец! После таких слов еще и продолжаешь меня на себе тащить? Нет, я раненых не бью. Вот, сначала, вылечу, а потому уже покажу, кто тут чей. Что, значит, женщин не бьешь? Мы еще посмотрим, кто кому задницу надерет!

– Мое воспитание! – с гордостью проговорил Тайл, всматриваясь в туман, где уже виднелись два прыгающих огонька, – Как мог, так и воспитывал, – пожал он плечами, чему-то улыбаясь, – а вот кто-то у меня точно схлопочет…

Из тумана вынырнул Гестар. Элалию он держал, перекинув через плечо. Девушка висела вниз головой, в обеих руках она сжимала по факелу, отгоняя ими когтистые руки. Сам горец проявлял чудеса изворотливости, передвигаясь большими прыжками и пытаясь избежать контакта с острыми, как бритвы когтями. Это ему удавалось не всегда. Он уже прихрамывал на

правую ногу, одежда была залита кровью, а цвет лица мог соперничать с цветом кожи атакующих рук.

Тайл метнулся к Гестару, перехватил сестру, вручил горцу два своих факела, зажег еще один для себя.

– Так, подранные мои друзья, пора выбираться отсюда. Галчонок, ты первой, горцы прикрывают фланги. Давайте, парни, недалеко осталось. Эл, мы с тобой будем держать тыл. Справишься?

Они справились. Отряд со всех сторон ощетинился факелами. Шли не быстро, Тайлу приходилось хуже всех – с сестрой на плече он ухитрялся идти спиной вперед, отбиваясь от высовывающихся из пепельного тумана рук.

Когда дошли до холмов, стало полегче. Туман начал редеть, да и атаки почти прекратились. Вот только каждый шаг давался путникам все труднее и труднее. Но впереди спасительной стеной уже стоял черный лес.

Сил хватило до первой поляны. Дара рванула было еще дальше от пустошей, но Тайл остановился, аккуратно положил сестру на землю. Рядом со стонами рухнули оба горца.

– Не спеши, галчонок, мы уже вышли. Ночь переждем здесь, если доживем до утра, пойдем искать развалины.

Дара нехотя присела на старый пень. Умом она понимала, что это обычная поляна, вполне нормальный лес, вот только руки не хотели отпускать древко факела, а ноги так и норовили продолжить забег.

Тайл со стоном потянулся.

– Ох, тяжелая ты, Эл, все плечо отдавила. Так, я за хворостом. Нам нужно много света. Дара на тебе эти поцарапанные. Попробуй уменьшить их кровопотери.

Дара достала привязанный к поясу мешочек. Хорошо, что добрая Тасфирь после того, как зашила рану на боку и перевязала девушку, сунула ей с собой перевязочной ткани, противовоспалительного порошка и клейкого раствора, на случай, если края раны разойдутся. Вот сейчас она весь запас и потратит.

– Начни с Элалии, – приподнялся с земли Гестар. Пришлось подчиниться, хоть горцы и выглядели хуже.

Пока возилась с ней, разрезала штанину, у Эл была сильно повреждена правая нога, обрабатывала раны, Тайл приволок сухое бревно, запалил немаленький костер. Выдал горцам небольшую фляжку, проворчав, что для себя берёг на крайний случай.

Мужчины отхлебнули по очереди. Для профилактики дали даже Элалии. Та долго кашляла, и вытирала выступившие из глаз

слезы. Слезы высохли мгновенно, когда Тайл объявил новый этап лечения. Он решил перестраховаться, навряд ли те твари когти часто мыли, и обработать раны из той же фляжки.

Элалия лишь попросила дать ей деревянную палочку, дабы не прикусить язык. Тайл держал сестру, а Дара лила самогон на раны. Под конец процедуры врачеватель плакал сильнее больной.

С горцами возились дольше. Им досталось приличнее, все же они заботились больше о сохранности девушек, чем о целостности собственной шкуры.

Дару, хоть и тошнило от вида крови, глаза застилали слезы, во рту давно пересохло, но руки работали твердо и четко – промыть, очистить, засыпать порошком, залить клейким раствором, перевязать. Как же пригодились уроки матушки! Старшие девочки часто работали сестрами милосердия в больнице для бедных.

– Скажи, где твой брат научился драться? – спросил Гестар, когда Тайл пошел за очередной порцией хвороста в лес.

– После того, как погиб Филик мы пять лет жили в северном монастыре, – не стала запираться Элалия, – девочек там не обучают, поэтому брат учил меня сам, – добавила она с гордостью.

– Пятый уровень, – понимающе хмыкнул Кристан, – один из наших пробыл два года послушником на севере, пока не был вынужден выбирать между совершенством духа и тела, и Арганией. Видишь ли, – пояснил он Даре, – из северных монастырей невозможно уйти по собственному желанию. Если ты на третий год решаешь остаться, твоя жизнь полностью принадлежит братству, целиком, без остатка. Даже странно, что Серого отпустили. Пятый уровень, никогда не слышал о таких бойцах в миру.

– Он вычислил, кто в монастыре работал на императора. И нам разрешили провести там еще три года. Тайла уговаривали остаться навсегда, но он сказал, что не может меня бросить. Я еще была слишком мала, чтобы отдать меня на попечение мужу. Так до сих пор ищет, кому бы пристроить.

Дара готова была поклясться, что последнюю фразу Элалия произнесла специально, и даже глазками стрельнула в сторону горца.

– Конечно, ищу, – из леса вышел лорд, неся в руках парочку толстых сучьев, – скольких таких «мужей» ты в нокаут отправила со сломанными ребрами и ключицами, а?

– Сами виноваты, – пожала плечами девушка, ничуть не смущаясь, – не могу я выйти за того, кто слабее меня. Ты в столицу отправил? Отправил. А какие там мужья? Одни

задохлики, бабники и пьяницы. И плевать, кто у них в родственниках, если меч по нормальному держать не могут.

– Беда с тобой, Эл, – вздохнул Тайл, – так старой девой и помрешь.

– Не помрет. То есть не старой девой, – смутился Гестар, попытался встать, но Дара на него шикнула, и арганец остался на месте, – я давно хотел сказать, еще после сокровищницы. Прости, что вот так, без подготовки. Но откладывать не хочу. Мы, воины, привыкли ценить то, что есть и говорить прямо, без обиняков и красивых слов. Элалия, ты именно та девушка, с которой я бы хотел провести остаток своей жизни.

– А ну-ка притормози, горец. Я уважаю, твою воинскую хватку, и в любом другом случае был бы только «за». Но речь идет о моей сестре!

– Знаю. Поэтому прошу её руки и сердца.

– Галчонок, нет, ты слышала? Эти якобы не обращающие на местных женщин парни претендуют уже на вторую дорогую моему сердцу женщину. С тобой, галчонок, все понятно. Против трона не попрешь. Но сестру я им не отдам. Только через мой труп!

– Ну, Тайл, – заныла Элалия.

– Я всё сказал, – рявкнул лорд, вставая с места, – развели тут, понимаешь, люлю-малюли. Аж, тошно. Пойду, лучше прогуляюсь.

Глава 18

– Я, пожалуй, тоже пройдусь, – встала с места Дара. Она направилась в лес, стараясь не упустить из виду белую рубашку лорда. Та мелькнула впереди между стволами деревьев и, как назло, внезапно пропала. Девушка разочарованно покрутилась на месте – куда же он делся?

– Не меня ли ищешь, галчонок? – теплые руки легли на плечи, развернули, и Дара оказалась прижатой к мужской груди.

И сразу все благие мысли упросить Тайла дать благословление сестре вылетели из головы. В животе сладко заныло. А на душе стало спокойно и легко.

Так приятно стоять, ощущая себя в кольце надежных и сильных рук. Долой страхи, долой пепельных монстров. Ведь рядом есть тот, кто прогонит все плохое прочь, кто защитит и согреет.

– Галчонок, галчонок, – ей взъерошили волосы, поцеловали в макушку, – что же мне с тобою делать? Ты моя самая большая ценность и самая большая беда. И почему так? Кого-то найдешь и тут же теряешь.

– А ты не теряй, – серьезно попросила Дара.

– Наивная моя, принцесса. Ну, зачем тебе такой ненадежный человек, как я, а? Авантюрист, контрабандист и любитель женщин. Разве такой нужен сиятельной принцессе одной маленькой, но очень гордой страны?

– Зато лучше всех метаешь кинжалы, – заспорила Дара, – и надежный. Сестру вон не бросил, воспитал. Почему замуж отдавать не хочешь?

– Хочу, очень хочу, – Тайл отстранился, пальцем провел по щеке девушки, легонько стукнул по носу, – только знаю эту упрямицу лучше вас. Сейчас она еще колеблется, а вот если ей запретить… Думаю, у нас получится их свести. Гестар неплохой парень. С ним ей будет хорошо. Да и сама она себя в обиду не даст. А здесь император все равно от неё не отстанет. Либо в монастырь сошлет, либо замуж отдаст за какую-нибудь сволочь. Позаботься о ней, галчонок.

– Почему мы не можем вместе о ней позаботиться? – тихо спросила Дара, пристально вглядываясь в серые глаза Тайла. Тот отвел взгляд, вздохнул, притянул к себе девушку.

– Ты же понимаешь правила игры. Два короля не могут остаться на одной доске, тем более что они оба черные. Я не смогу жить с тобой в Аргании, зная, что рано или поздно эта сволочь постарается добраться до меня и там. И под удар можешь

попасть ты, наши дети. Не искушай меня, галчонок. Все решено. Либо я, либо он. Двум императорам в одном мире тесно.

– Ты говорил, что трон тебе не нужен.

– Он и сейчас мне не нужен. Только это знаю я, ты и, боюсь, больше никто мне не поверит. Галчонок, я надеюсь, через пару дней ты, горцы и моя сестра уплывете в Арганию. А я… что же, я займусь своими делами, которые так долго откладывал.

– Неужели нет никакого способа убедить императора, что ты не хочешь занять его место?

– Видишь ли, принцесса, когда столько лет живешь в страхе, зная, что незаконно сидишь на троне, трудно поверить, что все это время боялся зря. Я бы еще попробовал убедить принца, он молод и хорошо меня знает. Но старого рептилоида? Бесполезно. Я не могу ждать, пока он сдохнет или освободит трон. Он, по крайней мере, точно ждать не будет.

Дара подняла голову, лицо Тайла стало расплываться, а по щекам потекли слезы.

– Я не хочу тебя терять.

– Галчонок, – простонал лорд, высушивая слезы короткими поцелуями, – никогда не думал, что это будет так трудно.

Горячие губы коснулись уголка её рта. Поцелуй – сначала нежный, едва ощутимый, затем все более требовательный и страстный. Тайл прижал девушку к себе, руку положил на затылок, не давая разомкнуть объятия.

Невдалеке хрустнула ветка, за ней еще одна, тихо заржала лошадь.

Лорд прервал поцелуй, но Дару не отпустил, наоборот, буквально притиснул к себе, словно стараясь защитить от неведомой опасности.

– Ты на поляну, я проверю, кто к нам пожаловал, – прошептал, размыкая руки, – погоди, – еще один быстрый поцелуй, – теперь иди.

Дара побежала. Знакомый костер, поляна, свои.

– Что случилось? – вскрикнула Элалия, когда Дара запыхавшись, выскочила на поляну.

– Не знаю, – помотала головой, лицо заплаканное, губы припухли, – там, в лесу кто-то есть. Тайл отправился проверять.

Горцы посуровели. Достали кинжалы. Но воевать ни с кем не пришлось.

– Гей-гей, – разнесся над лесом крик лорда, – свои! Свои сами к нам пожаловали.

На поляне разом стало тесно. Лайдер, командир отряда, в десятый раз повторял.

– А мы, значит, стоим в развалинах, как договаривались,

ждем. Гляжу – огонь в лесу виднеется. Думаю, кто же у нас такой смелый рядом с пустошами костер жечь? Отправились поглядеть. А тут вы. Повезло.

К вечеру измученные путники подъезжали к поместью.

Хозяина, к своему стыду Дара почти и не запомнила. В памяти лишь отпечатались длинные седые волосы и грустные серые глаза.

Она так устала, что поднявшаяся вокруг гостей суматоха слилась в сплошную круговерть. Лица, звуки, запахи, мягкие руки целителя, его спокойный твердый голос, отправляющий всех спать.

Двухэтажный дом стоял на берегу, и окна комнаты выходили прямо на море. Засыпала Дара под убаюкивающий шелест волн.

Ночью ей приснилась Ниим. Она что-то настойчиво говорила девушке, но Дара не слышала ни звука, словно между ними стояла стеклянная стена. Осознав, что все бесполезно, и девушка её не слышит, Ниим отступилась. Словно сожаления, она протянула на прощанье руку и… Дара проснулась.

Сон тут же растворился в ярком свете дня, оставив странный привкус на губах и тяжесть на сердце.

Дара распахнула окно. Со второго этажа открывался изумительный вид. Пронзительные крики морских птиц заглушали шум моря. Ласковые волны накатывались на ровный песчаный берег. Золотые блики играли в прятки на невысоких гребешках. Прозрачное небо обещало изумительный день последнего летнего месяца.

Неужели, совсем скоро на горизонте возникнут долгожданные паруса, и обещанный Тайлом корабль отвезет её в Арганию? Скорее бы! Она так устала от приключений, погонь и опасностей.

Постучавшись, в комнату вошла служанка. В руках у нее был поднос с едой, а на плече висело бежевое платье.

– Вы уже встали, лэсса, – тепло улыбнулась женщина, – доброго вам дня. Долго же вы спали. Лорд потерял терпение, и послал разбудить. Меня зовут Трилин. Позвольте, я помогу вам умыться, а после завтрака мы посмотрим, подойдет ли вам это платье.

Трилин отвела Дару в умывальню, где её ждала наполненная ванна с горячей водой, помогла промыть и расчесать спутанные волосы. При виде свежей раны на боку неодобрительно покачала головой, но спрашивать ничего не стала, ловко и быстро поменяла повязку.

– Что с остальными гостями? – уточнила Дара, усаживаясь за столик, стоящий около окна. Свежеиспеченные булочки на

завтрак, м-м-м, как же они пахнут!

– Лорд Маргтайлирэн отправился с юным лордом на прогулку, его сестра и два сиятельных таса в своих комнатах, отдыхают после исцеления. А вас давно ожидает лорд-хозяин. Пока вы завтракаете, я подошью платье. Жена сына лорда-хозяина повыше ростом вас будет.

– У хозяина есть сын? – уточнила Дара.

– И сын, и внук. Нашему лорду недавно стукнуло восемьдесят.

– Ого! – вскинула брови девушка, – подобный возраст достоин почтения.

Скоро платье было готово, волосы высушены и расчесаны. Дара нацепила на пояс кинжал, повесила на шею мешочек с драгоценностями и камушек Ниим. Последнее время она предпочитала все ценное носить с собой. Мало ли как жизнь повернется.

Трилин проводила девушку до внутреннего дворика, в котором был разбит небольшой садик.

– Идите прямо, по дорожке. Вас ждут.

Дара ступила на каменные плиты. Вокруг теснились настоящие зеленые джунгли, по веткам порхали яркие птицы, где-то журчала вода.

Странно, но с каждым шагом девушке все меньше хотелось встречаться с хозяином дома. Тягостное предчувствие, возникшее, как только она переступила порог этого дома, лишь усилилось. Некстати вспомнился сон. Внутри росла тревога и ощущение скорых неприятностей.

«Он всего лишь старик, – уговаривала себя Дара, – помог мне бежать из дворца. Я должна сказать ему спасибо».

Дорожка, пропетляв между зеленых кустов с огромными красными цветами, вынырнула на небольшую лужайку. В центре возвышался высотой с человеческий рост кусок горного хрусталя. Рука мастера немного подправила его природные очертания, сгладив острые углы, придав странную закручивающуюся кверху форму, словно неведомые силы пытались закрутить хрусталь волчком.

Шаг, еще шаг. Блестящая поверхность все ближе и ближе. Она манит к себе – «прикоснись, давай же, я так долго ждала».

Внутри разгоралось желтое пламя. Дара, не в силах противиться его притяжению, прижала ладонь к хрустальному боку камня – такому теплому, такому родному. Чужие эмоции захлестнули, заставив выступить слезы из глаз. Боль, отчаянье, радость встречи, тревога и оглушающая тоска волной нахлынули на девушку. А затем из золотого сияния выступило лицо Ниим.

Хоть Дара его так ни разу и не видела, у неё и тени сомнения не возникло, что женское лицо с огромными полностью черными глазами без зрачков, с бледной кожей и серыми губами – это Ниим, дух гор и хранительница Арганнии. Внезапно лицо резко приблизилось к хрустальной грани, рот раскрылся черной дырой в беззвучном крике.

Дару в испуге отшатнулась, но хрусталь не выпустил Ниим наружу, и как только девушка убрала руки с камня, свет внутри него начал угасать. Дара в растерянности замерла, не понимая, что происходит.

– Удивительный камень, не правда ли? – раздавшийся за спиной голос заставил девушку крутануться на месте. Чуть в стороне за небольшим столиком сидел высокий старик. Седые волосы аккуратными прядями спускались на плечи, благородные черты лица не были до конца поглощены морщинами, серые глаза смотрели твердо, без малейшего намека на старческое слабоумие.

– Присаживайся Дара, – старик показал на соседний стул, – Ты ведь разрешишь мне тебя так называть? По возрасту ты мне во внучки годишься. Даже жаль, что сын в свое время не подарил мне такой красавицы. Ну, а ты можешь звать меня лорд Риихторсан. Садись, не стесняйся, разговор нам предстоит долгий.

– Почему вы нам помогаете? – спросила Дара, осторожно присаживаясь за стол.

– Во-первых, моя милая, помочь арганской принцессе для меня честь. Да, я в курсе твоего происхождения. Уж, прости за прямоту, простолюдинке помогать не в моих правилах, ну, а во-вторых, у меня личный и довольно давний интерес.

– И какой же? – с замиранием сердца поинтересовалась Дара. По спине пробежался холодок. Возникло стойкое ощущение, что невидимая ловушка захлопнулась, поймав свою жертву.

– Придется начать издалека. Уж, прости, старика за многословие, но эта история заслуживает того, чтобы о ней рассказали. Угощайся, пока я буду посвящать тебя в семейные тайны. Здесь конфеты, а вот эти пирожные просто чудо. Давай, я налью тебе сок.

Лорд взял кувшин с запотевшими краями и подрагивающей рукой наполнил бокал, стоящий перед девушкой.

– Наш род, – старик в задумчивости пожевал губу, погружаясь в воспоминания, – один из самых древних. Мы раза три пересекались с императорской ветвью, но полностью с ней не слились, предпочитая хранить свою обособленность. Несколько поколений назад в нашей семье родился ребенок с магическим даром. Не просто возможностью предсказывать погоду, а

склонностью к настоящей магии. Знаешь, милая, это просто чудо. В те времена магия повсеместно вырождалась. А тут такой подарок судьбы. Конечно, способности у моего предка были не ахти какие, но это стало лишь началом. С тех пор мы тщательно следили, чтобы браки заключались лишь с семьями, в роду которых встречались маги. Всем известно, что дар к магии легче всего передается по наследству, пусть не детям, а внукам или даже правнукам. Из поколения в поколение мы усиливали магические способности нашего рода, и рождение каждого ребенка приближало нас к победе. Ты понимаешь почему? Нет? Ах, да, ты так еще неопытна в политике. Мы всегда стояли рядом с троном, никогда не претендуя на него, не участвуя в смешных заговорах, не раздирая страну междусемейными дрязгами. Считаешь, Тайл просто так мне доверился? Он верит, что мы самая нормальная семья в этом гнезде рептилий. А мы просто умеем ждать и лучше других скрывать свои интересы.

Лорд-маг… Долгие годы он оставался лишь мечтой нашей семьи. Знаешь, милая, что император не просто правит страной. С приходом нового правителя империя начинает меняться. На трон вступает воитель – и мы идем завоевывать соседей, а в стране на свет появляется больше мальчиков, чем девочек. Император склонен к тонким наукам? Академия не может не нарадоваться на гениев и талантливых ученых. Император любит детей, уделяет много времени семье – в стране бум рождаемости. А что будет, если трон займет император-маг?

– Возродится магия? – с недоверием произнесла Дара.

– Именно! Мы сможем вернуть старые добрые времена, когда магия творила настоящие чудеса. Не нужны будут грязные производства, тупые рабочие, все эти бытовые мелочи, которые ужасно раздражают. Опять будут свежие продукты, урожаи, не зависящие от погоды, вечная обувь, одежда, не ломающиеся повозки и не протекающие корабли.

Исхариус должен был стать воплощением наших надежд. Его потенциал зашкаливал. Его способности впечатляли. Его тайные преподаватели не могли не нарадоваться на ученика. Но в один прекрасный день все рухнуло. Исхариус влюбился.

Мой отец был любознательным юношей и приложил все силы, чтобы сопровождать Лиашанга в Арганию. Да-да, именно его. Вижу, тебе знакомо это имя, и ты уже все поняла. Не суди слишком строго. Исхариус был молод и страстно влюблен. Его сердце пылало, а разум сходил с ума от любви. Увы, принцесса предпочла другого. Все наставления были забыты, вся мудрость наставников стала прахом для мага. Исхариус не побоялся пойти против императора, ведь ему с детства внушали, что рано или

поздно он займет его место. И он решил начать с возлюбленной Лиашанга, сделав её своей.

Надо отдать отцу должное, он провернул все, не оставив ни следа. Пять лет Исхариус держал принцессу здесь, пока не случилось непоправимое.

Голос лорда Риихторсана дрогнул, выдавая чувства, обуревавшие лорда.

– Знаешь, за что я ненавижу отца? Не за то, что выкрал принцессу. Не за то, что держал в плену. Но, потеряв голову от любви, он посмел потерять свой дар. Да-да, эта сво…, прости, эта женщина отняла у него магию, превратив отца в обычного человека, а его дар заперла в куске хрусталя. Пять лет она выискивала возможность сбежать, но не просто сбежать, а отомстить за свой позор. Пять лет ей понадобилось, чтобы освоить способности и подчинить себе камень. Да, я в курсе твоего маленького секрета, принцесса. Жаль, я не видел ваших дворцов. Говорят, они прекрасны.

Правда, за свою свободу Араэлла тоже заплатила немаленькую цену. Свой дар она заперла вместе с магией Исхариуса. Она сбежала, но сбежала, как обычная женщина, а не как принцесса Аргании.

– Почему, она не вернулась к императору? – тихо спросила Дара.

– Непросто было это выяснить, – пожал плечами лорд, – но я сумел раскопать подробности. Стыд, моя милая, всему причиной стали стыд и гордость. Не могла она вернуться к императору, нося в чреве дитя другого мужчины. И, видимо, по той же причине не могла вернуться в Арганию. Так что, мы родственники, моя маленькая Дара.

Отец, потеряв все, вернул себе разум. Он бросился искать Араэллу. Искал с одной целью – лишь арганская ведьма могла не просто разрушить хрусталь, а уговорить камень отдать владельцу заключенную в его чреве магию. Но к тому времени Лиашанг начал подозревать безупречного родственника. Отец был вынужден прекратить поиски, а чтобы окончательно отвести от себя подозрения, года через три женился.

Теперь понимаешь, зачем ты здесь? – лорд испытывающе взглянул на Дару, и девушку неприятно поразил огонь безумства, горящий в его глазах.

– Вы хотите, чтобы я вернула вам магию?

– Я хочу, чтобы ты исправила то, что сотворила твоя прабабка. Я всю жизнь ждал этого момента. Пойми, для меня почти все кончено, но мой внук и сын, они достойны большего, чем остаться просто лордами. Ты – последняя из рода арганских

правителей. В тебе должен возродиться дар, – лорд горячился все сильнее. Он вскочил с места, забегал по лужайке, помогая себе активной жестикуляцией, – ты разрушишь камень, и не просто разрушишь – ты подчинишь его себе и заставишь выпустить магию на свободу. Или…

Внезапно замер, осознавая, что перешел к угрозам, хотя вначале рассчитывал уговорить девчонку. Что может понять приютская дурочка? Кто-то кого-то любил, похитил и лишил дара. Да, она и не разберется в подробностях. Главное, пробудить в ней чувство жалости. Пусть поможет добровольно. Не беда, если до этого дар в ней никак не проявлялся. Камень сделает все сам, нужно лишь искреннее желание помочь бедному лорду, который и страдает-то незаслуженно. Сын за преступление отца не в ответе. Да и какое это преступление? Ну, похитил принцессу. Так по любви. А что при этом всю охрану на тот свет отправил, это уже лишние подробности.

Но девчонка не прониклась. Совсем. Взгляд сделался колючим и злым, губы сжались в тонкую линию.

– Откуда вам известно, что я последняя из рода?

Лорд побледнел, заиграл желваками. Взгляд серых глаз заледенел.

– Тайл лишь намекнул о твоей ценности, выводы я сделал сам, – произнес, успокоившись.

– Выводы? – Дара откинулась на спинку стула, – я тоже умею делать выводы, – заговорила звенящим от ярости голосом, – вы знаете о ребенке, хотя принцесса сбежала, не сообщив о нем вашему отцу. В противном случае, вам не понадобилось бы долго выяснять этот факт. Вы абсолютно уверены, что я – последняя из рода правителей Аргании. Вы рискнули вмешаться в планы императора и расстроить свадьбу. Вы приютили беглых преступников, обманув Тайла в своей бескорыстности. Как давно вы охотитесь за детьми и внуками Араэллы?

– Хочешь знать, как давно? – прошипел лорд, окончательно теряя выдержку, – всю жизнь! Всю свою сознательную жизнь я провел, выискивая потомков арганской ведьмы.

– Четверо, – глотая слезы, проговорила Дара, – их было четверо. Вы убили их всех!

– Честно сказать, считал, что больше никого не осталось. Вот только чертов хрусталь и не думал гаснуть, значит, я кого-то упустил. Твои родители скрыли существование такой милой принцессы, но это не помешало нам встретиться. Идем, пришла пора кое-что показать. Уверен, ты не откажешься увидеть свою мать.

Сразу за высокими зарослями густо посаженных цветов

находилась еще одна лужайка. На ней в хаотичном порядке располагались человеческие статуи. Одиночные, двойные, из белого и розового мрамора мужчины и женщины стояли с гордо поднятыми головами. Даже в камне они сохранили гордую осанку. Никогда прежде Даре не доводилось видеть столь мастерски исполненных скульптур. Казалось, раскрась мрамор, и перед тобой окажется застывший на месте человек.

– Впечатляет, не правда ли? Только не надо делать такое лицо. Моей вины здесь нет. Они сами превратили себя и своих любимых в камень. Чертовы упрямцы! Неужели так трудно было вернуть мне магию? Здесь не Аргания. Какое им дело до того, кто будет сидеть на троне?

– Убийцс-с-с-аа, – донесся до Дары еле различимый шепот, – убийц-ц-ца камней.

– Они предпочли смерть, – пожала плечами девушка, с жадностью вглядываясь в статуи, – почему я должна предавать их волю? Если таково было желание моих родных, я не стану разрушать хрусталь.

За спиной раздалось раздраженное рычание лорда, но Дара не обратила на него внимание. Она шагнула к одной из скульптур, протянула руку, погладила холодный камень.

– Вот мы и встретились, мамочка. Милая, милая мамочка. Как давно я мечтала о том, что увижу тебя, обниму, прижмусь. Я так скучала… Нет, я не виню тебя ни в чем. Укрывая в приюте, ты спасала мою жизнь, – слезы потекли по щекам девушки, – мне…, мне так не хватало тебя. И я совсем не знаю, что мне делать.

– Ос-с-свободи, – зашелестел ветер.

– Что ты там шепчешь, мелкая арганская тварь? Прощаешься или советуешься, как лучше умереть? Хотя, все вы, ведьмы, со смертью превращаетесь в камень. Только знай, умрешь не одна. Вслед за тобой отправятся арганские дружки, и Тайл с сестрой – слишком много им известно. К тому же за их головы император мне лишь спасибо скажет.

Старик отвернулся, махнул рукой кому-то невидимому. Раздались шаги, и на дорожке показались трое мужчин. Двое были удивительно похоже на старого лорда, только помоложе, а вот третий… Сердце Дары пропустило удар, а ноги ослабели. Пошатываясь, со связанными руками в центре шел Тайл.

Глава 19

«И лучшего воина можно победить не силой, а хитростью», – с горечью думала Дара, глядя на неуверенно перебирающего ногами Серого лорда. Выглядел он ужасно – лицо бледное, покрытое капельками пота, во рту кляп. Отравили? Опоили? Не важно, главное, теперь он ей вряд ли поможет.

Дара невольно коснулась кинжала, висящего на поясе. Она не решилась оставить его в комнате и подвесила на пояс, хоть оружие совсем не подходило к летнему платью.

– Даже не думай, – сказал один из двух мужчин, проследив за её движением, – лучше отдай ножичек по- хорошему, пока не порезалась.

– Нет, – отступила Дара, – не отдам.

– Оставь, – махнул рукой старик, – эти горцы всегда сходили с ума по своим железкам. Пусть играется. Девочка, лучше подумай, что будет, если откажешься мне помочь… Моя семья окончательно потеряет надежду обрести магию. Печально, но как-нибудь переживем. А вот если погибнет твой дар, что станет с твоим народом? Что будет с Арганией, если её покинет дух гор? Считаешь, он просто живет в горах? Нет, девочка, дух-хранитель оберегает живых людей, а не мертвые камни.

– С чего мне вам верить?

– У тебя есть другой выход? Ах, да, вот он – перед тобой. В этом углу ты будешь замечательно смотреться, особенно, в розовом мраморе – молодая, красивая и такая глупая.

Один из мужчин насмешливо хмыкнул, но тут же замолк под яростным взглядом старшего лорда.

Дара рукавом вытерла слезы, бросила долгий взгляд на статую, стараясь запечатлеть её в памяти.

Стоящий рядом с матерью мужчина, не мог быть никем иным, как отцом. Жаль, что она так и не узнала, каким он был при жизни, как познакомился с мамой, дарил ли ей цветы, читал стихи, любил ли? Что за глупость? Конечно, любил. Иначе не стоял бы сейчас рядом.

Слезы высохли, ярость притихла, оставив боль в израненном сердце. Дара лихорадочно пыталась найти выход, понимая, что стоит перед самым важным выбором в своей жизни.

«Прости, мам, – прошептала, еле слышно, – боюсь, я не смогу вот так, камнем на лужайке, пусть даже и розовым. Эта сволочь не успокоится, пока не прирежет моих друзей и одного очень дорогого мне человека. К тому же там, в хрустале Ниим. Если я умру, она останется здесь навсегда. Прости, но я должна

попробовать ей помочь».

– Неужели ты не понимаешь всей выгоды моего предложения? – продолжал уговаривать лорд, – Посмотри на моего внука – он молод, хорош собой, – внук приосанился, расцвел слащавой улыбкой, – Если он наследует силу своего прадеда, вы станете прекрасной парой… Маг и хозяйка гор. Весь мир будет лежать у ваших ног. Разве не хочешь, чтобы твоя страна стала такой же сильной, как империя? Так мы поможем. Мой сын станет императором, а внук займет место рядом с тобой. Никто против него и слова не скажет. Горцы уважают силу.

Мрачный Тайл кинул полный ненависти взгляд на друга, теперь уже бывшего.

Что делать? Снова пришел на ум сегодняшний сон. Нииим. Никогда раньше она не снилась девушке. Странное совпадение…. Но как помочь Нииим, если вместе с ней на свободу вырвется чужая магия?

Дара не знала, к чему приведет появление мага на императорском троне. Ясно одно – ни к чему хорошему. И за примером далеко ходить не нужно – за свою историю империя насчитывала пять магических войн. Последняя стала самой разрушительной. Видно перемудрили что-то с заклинаниями, нарушили баланс сил, и в итоге практически перестали рождаться дети с магическим даром.

Сомнительно, что посадив на трон одного, можно что-либо возродить. Не верится, что маг-император своими уникальными способностями спасет положение. Темнит, старый лорд, не договаривает.

А если не врет? Что сможет противопоставить Аргания имперским магам? Воздушный налет пегасов или метание камней?

– Я попробую, – хмуро ответила Дара, – но внука своего держите от меня подальше.

Тайл замычал что-то, мотая головой, но от последовавших ударов обмяк, рухнув на траву. Дара отвела взгляд. Не время демонстрировать свои привязанности. Пусть считают, что ей все равно.

– Хорошо, – кивнул повеселевший лорд.

Вернулись к первой лужайке. Мужчины расположились позади Дары, не спуская с девушки настороженных глаз.

Она замерла около хрусталя, положила на него ладони, тихонько позвала: «Нииим». Внутри камня, как и прошлый раз, стало разгораться золотое свечение. Лоскутами прозрачной ткани замелькали серые тени, замерцали блестящие искры. Сквозь круговерть света и тени проступило женское лицо, резко

приблизилось и тут же пропало.

«Что, если не получится? – начала паниковать Дара, – не уверена, что я смогу уйти в камень, как родители. Что тогда? Как поступит лорд? Будет держать взаперти, пока кто-нибудь не выйдет на мой след. А затем убьет. Скорее всего. Хотя, зачем ему ждать? Нет, тут что-то другое. Не зря Риихторсан намекал на не потухший камень. Что если ему все равно, умру я или подчиню себе камень? Что если он считает, что со смертью последней из рода арганских правителей, хрусталь сам отдаст свое содержимое? Тогда логична смерть родителей. Они предпочли объятия камня, сырой земле безымянных могил».

– Мама, помоги, – пошептала Дара, пытаясь сдержать слезы отчаянья, – прошу, помоги.

– Рас-с-сколи, – зашелестели ветви кустов.

– Ты, что-нибудь слышал? – проговорил, озираясь один из мужчин.

– Просто ветер, – пожал плечами второй.

Расколоть – легко сказать. Дара попыталась нагреть камень, приложив к нему ладони, как тогда в подземелье, но вопреки природным законам, хрусталь оказался крепче гранита и не думал взрываться.

Холодный пот уже струился по спине, девушка взмокла от напряжения, руки мелко подрагивали. Неужели проиграет? Лицо Ниим носилось за прозрачной гранью, то отдаляясь, то приближаясь вплотную. Черные глаза духа пугали, но еще страшнее было осознание неудачи.

Она явно что-то упускает. Что? Камень на шее – бесполезно. Никакого отклика. Кинжал? Ах, да, Ниим намекала, что он пригодится. Глупо, конечно, пытаться расколоть огромный кусок хрусталя кинжалом, но другой идеи нет.

Дара достала клинок, размахиваться не стала, просто приставила острие к грани. Кинжал по самую рукоять ушел в камень, словно в кусок масла. И сразу же по краям стали пробиваться лучики света. Один, второй, третий, десятый. По граням побежали мелкие трещинки, земля под ногами девушки затряслась. Дара попятилась и вовремя. Кинжал с треском вылетел из камня, а следом сотней кусков взорвался сам хрусталь.

Несколько крупных больно ударили в живот и плечи, мелочь посекла кожу рук, лицо Дара успела закрыть ладонями.

А затем время замедлилось, часть камней, не успевших упасть, просто зависли в воздухе, а между ними заскользили призрачные тени.

– Даринушка, – услышала девушка, – дочурка. Как же ты

выросла! А какой стала красавицей!

– Мама, – вымолвила Дара, протягивая руку к размытому силуэту. Горло перехватило от нахлынувших эмоций.

– Ты, молодец, дочка, – промолвил второй, висящий рядом силуэт, – все сделала правильно. Теперь мы свободны, и можем уйти. Дар, заключенный в камне держал нас, не позволяя вернуться на родину. В Аргании мы бы не жили, а медленно умирали. Только ты смогла прервать родовую связь с камнем, и только в тебе смог возродиться собственный дар, не связанный с даром принцессы.

– Я сразу поняла, что ты у меня особенная, – с гордостью проговорила мама, – мы, пустышки, не могли ничего поделать, лишь принять достойную смерть. Но ты – другое дело. Твой дар – ключ. Только он мог вскрыть хрусталь и выпустить дух гор на свободу, а заодно освободить нас. Я не зря выбрала тебе такое имя, Даринушка. Простишь ли ты нас когда-нибудь за то, что оставили тебя в приюте?

– Я убью эту сволочь! – всхлипнула Дара. Слезы стекали по её щекам, но она не делала попыток их стереть.

– Милая моя девочка, – грустно улыбнулся призрак, – не трать время на месть, она не принесет облегчения. Да, и разве наше существование было похоже на жизнь? Чужие дома, переезды, страх, что найдут. Либо свои, либо чужие. Мы так хотели, чтобы о нас забыли, но сила гор многим не давала покоя. Нас держали на поводке. Длинном, но надежном. Рано или поздно, он привел бы нас сюда. Не вини Араэллу. У нее не было другого выхода. Ниим сама все объяснит. Единственное, о чем я сожалению, что все эти годы лишь мысленно была рядом с тобой. Прости меня, дорогая. Прости. И знай, что мы всегда любили, и будем любить тебя. А сейчас живи. Прошу, живи. Ради нас, ради Аргании. Обещай, что не бросишь страну, не откажешься от трона!

– Обещаю, – прошептала Дара, чувствуя, как сердце сжимается от боли, – никогда не брошу.

– Нам пора, – со вздохом проговорил отец, – мы всегда будем гордиться тобой. Не позволяй чужим вести тебя по жизни. Выбирай свою тропу, какой бы трудной она ни была, пусть она будет лишь твоей. До встречи, дочка. Надеюсь, она не скоро состоится. Тебе еще так много надо успеть сделать.

– Береги себя, Даринушка. И не грусти. Для нас самым лучшим подарком будет твое счастье, – призрак ласково провел рукой по лицу Дары, махнул на прощанье и растворился в воздухе.

– Ай! – прилетевший в ногу камень стал неприятной

неожиданностью. Следом за осыпавшимися на землю камнями воздух напротив Дары собрался в серый тугой комок, завис на уровне лица и голосом Нииим заговорил.

– Что стоишь, носом хлюпаешь? Плохо, ей видите ли? А обо мне кто-нибудь подумал? Хоть одну слезинки пустил? Я столько лет проторчала в этой стекляшке, каждый день одни и те же рожи, кусты, цветы и стена дома. Думаешь, легко было? А ты, я вижу, не торопилась. Нога за ногу сюда добиралась. Сколько можно было ждать? – заорала серая субстанция, темнея на глазах. Дара попятилась. – Я тебя спрашиваю! – сгусток подлетел поближе, – Прибить, что ли? – внезапно спокойно поинтересовался.

– Н-н-не н-н-надо, – пролепетала Дара.

– Н-н-немощь, – передразнила её субстанция, – а еще принцессой называешься! Размазня! – припечатала.

– Какая есть, – разозлилась Дара, – другой, чтобы освободить не нашлось. Могу и обратно вернуть, если моя кандидатура не устраивает. А что так долго, так вы у себя в горах уточните.

– Наглая, – вынес вердикт сгусток, становясь опять светло-серым, – мелкая, невоспитанная и наглая. А ты мне нравишься. Не то, что эти дворцовые принцессы. Только и умеют, что страдать годами, а затем бах и в хрусталь.

– Силу, – раздался сбоку дрожащий голос, – верни силу.

– О, рожа! – обрадовался сгусток, сместившись вбок, – как же долго я мечтала с тобой встретиться. Силу, говоришь? – лорд мелко закивал головой, – А много ли надобно силушки?

– Всю, – завороженно выдохнул лорд, – всю, что есть.

– И нам, и нам, – отталкивая друг друга, вперед полезли сын и внук лорда.

– Всю, говоришь? – дух даже сплющился от удивления, – смотри, старик, сам просил.

Серый сгусток рванул вверх, на ходу отращивая себе длинный пушистый хвост, промчался мимо Дары, затем со странным гудением, резко ускорившись, прошел сквозь старого лорда. Тот страшно захрипел, зашатался, схватившись за грудь, глаза расширились, ловя последние моменты жизни, а изо рта хлынул поток алой крови.

Дару затошнило, и она отвернулась. За спиной раздался дружный топот – лорды ретировались. Они не хотели больше ни власти, ни силы. Хотели одного – остаться в живых.

– Стоять! – разнесся над двориком задорный голос Нииим, – я еще не закончила раздачу. А ты что задумалась, – затормозил около девушки серый сгусток, – отдельного пинка требуется? И того убогого захвати. У меня сегодня праздник, так что детишки,

не мешайте взрослым пошалить, ясно?

Дара испуганно кивнула, с ужасом наблюдая, как сгусток с радостным воплем рванул прочь догонять сбежавших лордов. Впрочем, не так уж ей было и жаль это семейство. Те сами сделали свой выбор и сейчас лишь получали просимое. Ну, а что дар оказался не по силам, лишь детали. Хотели – получите.

Бах! Стекло серебряным облаком взлетело в воздух, осыпавшись на землю мелодичным водопадом осколков. Бах! Следом взорвалось второе.

– Йо-хо-хо! – заверещал сгусток, влетая в очередное окно. Он явно развлекался, гоняя по дому обезумевших от страха лордов.

Дара нагнулась, подбирая кинжал. Пора убираться отсюда. В сторону лежащего в луже крови старика она старалась лишний раз не смотреть.

Тайл уже встал на четвереньки и упорно пытался подняться. Выходило плохо, но он не сдавался. При виде его бледно-зеленого лица Дара страдальчески поморщилась.

Разрезала веревки, помогла встать.

– Идти сможешь?

Тот кивнул, сделал пару неуверенных шагов, покачнулся.

– Черновкой опоили, сволочи, – пробормотал, скривившись.

– Давай, помогу, – подставила плечо.

В доме взрывались окна, сотрясались стены, раздавались чьи-то истошные вопли – Ниим развлекалась, отрываясь за все девяносто пять лет заключения.

Искать арганцев не пришлось. Когда Дара с Тайлом вошли в холл, те как раз спускались по лестнице. Кристан тут же бросился на помощь.

– Что происходит? – спросила Элалия. Гестар заботливо поддерживал её под руку.

– Йё-ё-ё, – мимо со свистом промчался светло-серый сгусток, заставив всех шарахнуться в сторону. Длинный пушистый хвост заворачивался спиралью, а сам шар стал еще больше и плотнее.

– Это что за явление природы? – удивленно вопросила Элалия, вставая со ступенек, куда её уронил Гестар.

– Тихо, – шикнула на нее Дара, – еще услышит, – пояснила, воровато оглянувшись.

– Это то, что я думаю? – с ошарашенным видом уточнил Кристан.

– Не знаю, о чем ты там думаешь, – ушла от ответа Дара, – но нам в любом случае стоит убраться отсюда.

В подтверждении её слов в глубине дома что-то противно заскрежетало, а затем оглушительно грохнуло. Пол под ногами лихорадочно затрясся.

– Северное крыло, – сориентировался Кристан.

– Крыша, – детализировал Гестар.

– Меч мне в глотку, да, что здесь происходит? – не выдержала Элалия.

– Вариант горной мести, – пояснил Тайл, – и я бы не хотел в ней участвовать, даже в роли свидетеля.

Они расположились в метрах ста от дома. Отсюда было прекрасно видно обрушившееся северное крыло, выбитые стекла второго этажа, выбегающие из дома слуги, а вот крики доносились глуше, вскоре смолкнув совсем. Внезапно весь дом содрогнулся, словно внутри него чихнул огромный великан, крыша приподнялась на метр, зависла в воздухе, словно раздумывая, куда же ей двинуться дальше. Не придумав ничего достойного, просто рухнула вниз, подминая под собой стены.

Над поместьем заклубилось облако пыли. Морской бриз играючи справился с ним, разогнав в два счета. И скоро от некогда прекрасного каменного дома осталась лишь груда развалин.

– И кто то еще ругался на духов моих предков, – пробормотал Тайл, – а они, между прочим, дома в два счета не разрушают.

«И не только разрушают», – подумала Дара, с содроганием вспоминая страшную смерть старого лорда. Произошедшее все еще владело её воображением. Она с трудом отвела взгляд от бывшего поместья. Лучше смотреть на море. Вода всегда успокаивает.

Созерцание лениво накатывающих на песок волн действительно умиротворяло, помогая осознать, что жизнь продолжается.

Что же произошло на самом деле? Кусочки мозаики потихоньку складывались в картину, и все же на ней оставалось еще слишком много белых пятен. Почему потомки принцессы превратились в статуи? Почему они освободились с разрушением хрусталя? Как вышло, что Ниим в итоге оказалось две – одна здесь в заточении, вторая в горах?

Она знает, кто поможет ей найти ответы. Но для этого нужно вернуться в Арганию.

Сидели молча. Даже Тайл не лез с расспросами. Арганцы все еще пребывали в легком шоке от встречи с духом гор и как только опознали? По голосу, что ли? Или по манере поведения? Надо будет потом уточнить. Неугомонная Элалия тоже поддалась всеобщему философскому настрою, меланхолично рисуя узоры на песке.

– И что дальше? – не утерпев, нарушила она молчание, – люди начнут болтать о случившемся. Через день, максимум два

здесь станет тесно от законников. Нам нужно укрытие.

– А может и не нужно, – неожиданно ответил Кристан, – я вижу паруса на горизонте.

– Где? – подпрыгнул Тайл, вглядываясь в даль моря.

– Да, это трехмачтовое судно, и оно идет сюда, – подтвердил Гестар.

– Ха, трехмачтовое! – хлопнул себя по коленке лорд, – старина Гульдмор точен, как его старый хронометр. Мы спасены!

– Надеюсь, этот Гульдмор не окажется пиратом и не попробует продать нас в рабство на Черный берег? – с явной иронией поинтересовался Кристан.

– Те, кому не нравится идея добраться до Аргании морем, могут идти пешком, – предложил в ответ Тайл.

– Если он не твой родственник, то я готова рискнуть идти в Арганию на его корабле, – улыбнулась Дара.

– Эх, одна ты меня понимаешь, – девушку ласково погладили по плечу, – нет, слава Создателю, он не имеет никакого отношения к моей семье. Гульдмор – деловой партнер, причем, очень давний.

Глава 20

Скоро и остальные не такие зоркие, как арганцы, смогли различить треугольный силуэт на горизонте.

Через несколько часов, когда солнце стало клониться к горизонту, высокое трехмачтовое судно бросило якорь у берегов империи. От борта отчалила лодка с матросами.

– Все же ты остаешься…

В ожидании прибытия корабля она в компании Тайла прогуливалась по берегу. Кристан дернулся было следом, но тут же вернулся, не став навязываться. Он явно был лишним.

– Галчонок, прошу, не рви мне сердце. Под твоим взглядом я начинаю сомневаться, а это верная смерть. Мы оба связаны долгом. Ты должна стать королевой Аргании, а я убить императора.

– Обещай, – вымолвила Дара, кусая губы, – обещай, если останешься жив…

– Обещаю лично убедиться, так ли хороши ваши каменные дворцы, как про них говорят, – Тайл прижал к себе девушку, провел ладонью по её волосам, вдохнул запах. Пусть это мгновенье, такое редкое и оттого бесценное, навсегда останется в памяти.

Сколько раз в его жизни женщины появлялись и уходили. Одни звездами вспыхивали на небосклоне, другие опаляли жаром страсти, третьи манили к себе спокойствием и надежностью, но никто из них не заставлял его сердце заходиться от боли. Не зря говорят, любовь – не только радость. Тот не влюблен, кто не испытывает дикий, всепоглощающий страх, боясь потерять любимую.

Как же плохо и муторно на душе от мысли оставить этого смешного, наивного галчонка, оставить ради его же безопасности.

– И ты мне кое-что обещай, – он тяжко вздохнул. Нелегко решиться, но так будет лучше для всех, – Кристан не плохой парень. Присмотрись к нему, галчонок. Он хоть и бывает зануден до печенок, но никогда тебя не предаст. Поверь, я знаю, о чем говорю.

– Какой же ты, гад, – всхлипнула Дара, – считаешь, себя самым благородным, да? Сволочь, ты, а не лорд. Ты же для себя стараешься. Галчонок, – передразнила она, – смотри, какой горец рядом с тобой ходит. Жаль, что я не успел ему морду набить, но, ничего, за жениха сойдет! Присмотрит за тобой, пока я погибать буду со спокойной совестью. Ненавижу! – она стукнула его кулачком в грудь, – ненавижу! Ты все решил за меня. Решил, что

мне лучше будет в Аргании, решил, что сам на роль мужа не годишься, другого вместо себя подсовываешь. Да, если бы не обещание, я бы… я бы…

– Тш-ш-ш, – её руку перехватили, прижали к себе, – тш-ш-ш, милая, любимая. Прости, прости за все, – первый поцелуй едва ощутимый, за ним последовали другие – жаркие, настойчивые. Дара потеряла счет времени, она потеряла себя. Здесь, сейчас, вместе – все остальное неважно, и горький привкус прощания на губах.

– Я бы никогда не простил себя, если бы ты погибла, – тяжело дыша, произнес Тайл, – дважды я привел вас в ловушку. Дворец, поместье. Зачем тебе такой неудачник, который не может любимую женщину вытащить из беды?

– У меня сложная беда, – Дара прижалась к его груди, слыша, как колотиться чужое сердце, – Такая не каждому по плечу. Если бы не ты, арганскую принцессу сожгли бы на костре, как простую ведьму. Я уже не тот испуганный галчонок, каким была в начале. Ты многому меня научил. Я не стану тебе мешать. Вы, мужчины, жутко упрямы. Просто помни, буду ждать. Ждать, сколько потребуется.

– Эх, принцесса. Хотя, какая ты, принцесса? Они обычно лживые, изворотливые, глупые, а ты у меня умная, добрая, хотя и доверчивая, конечно. Доверилась вот одному проходимцу.

– Это ты-то, проходимец?

– А кто же еще? Если бы не проходил мимо той глухой деревни, не спас бы тебя на свою голову. Не считай меня глупцом, жаждущим смерти. Я еще поживу, принцесса. Эх, где наша только не пропадала.

– Только не пропадай насовсем, хорошо? – тихо попросила, – я буду молиться за тебя, Серый.

Когда они вернулись, все тактично сделали вид, что не замечают красных глаз и припухших губ Дары.

Она долго стояла на палубе, пока еще был виден песчаный берег и темная фигура на нем. Стояла, глотая слезы, чувствуя, как разрывается от боли сердце, как ноет душа.

Нельзя полюбить по заказу, любовь неудобна, любовь слепа и глупа. Она приносит огорчение, заставляет терять разум, совершать дурацкие поступки, не спать по ночам, мучиться подозрениями, чувствовать себя неуверенным и смешным. Заставляет болеть разлукой и жить ожиданием встречи.

Но как сладостен миг, когда отброшены сомнения и тревоги, когда душа поет от счастья: любима… Пусть против всё и вся. Но вместе не так страшно смотреть в глаза миру, и любая беда не беда, если рядом любимый.

– Как думаешь, почему он остался? – спросил Гестар. Они стояли на палубе, делая вид, что любуются окрестностями, на самом деле не выпуская из виду стройную фигурку, застывшую на корме.

– Я бы не стал высказывать предположения. Серый непредсказуем. Мы не знаем, что он нашел в сокровищнице, и почему император решил его выслать из страны. Я не верю ему, но пытаться заполучить Арганию таким способом… Слишком сложная комбинация даже для него. Серый бы не остался, будь его целью горный трон. Хотя… право, лучше бы бежал вместе с нами, чем заставлять её так страдать.

– Не говори, у меня сердце кровью обливается, когда я вижу её лицо. Но имперец на горном троне…

– Сам знаю, что полная чушь, – с досадой буркнул Кристан, – надеюсь, она его быстро забудет. По крайней мере, я собираюсь приложить к этому все усилия.

– Я не против, – пожал плечами Гестар, – так как свое счастье везу с собой. А вот с братьями будешь разбираться сам. Уверен, отец не оставит идеи посадить кого-нибудь из моей семейки на трон.

– По закону он прав. Погоди, куда это она?

– Оставь. Это корабль. Отсюда не сбежишь.

Дара в последний раз кинула взгляд горизонт. Тот за последний час не поменялся, оставаясь таким же прозрачно-синим. Стоять здесь до самых звезд откровенная глупость. Если себя не жалко, то стоит пожалеть еще двух любителей морских пейзажей.

Идти в каюту не хотелось. Почти пытка видеть Элалию, смотреть в такие знакомые глаза.

– Можно? – она постучалась в капитанскую каюту.

За дверью раздалось торопливое звяканье, хлопнула крышка.

– Входите.

Дара с любопытством огляделась. Каюта была отделана деревянными панелями с выжженными на них странными узорами. На стенах висели старинные карты, по углам примостилась парочка потертых сундуков. В шкафу темнели корешки книг, а сверху свешивались чучела птиц. В центре стоял прямоугольный стол, покрытый зеленоватым сукном.

– Кхм, – нетерпеливо кашлянул Гульдмор, – лэссе что-нибудь нужно?

– Да, лэссе кое-что очень нужно, – Дара подошла ближе, оперлась руками о край стола.

Внешность Гульдмора нельзя было назвать приятной – лицо испещрено мелкими ожогами от взорвавшегося вблизи пороха,

волосы он сбривал, брови уничтожил все тот же порох. Большой мясистый нос красноватого оттенка явно свидетельствовал о частом употреблении его хозяином горячительных напитков.

– Ну? – недовольно вопросил капитан. Он пребывал в недоумении от позднего визита гостьи. Что еще потребовалось этой девчонке? Пришла жаловать на несвежее белье или несъедобный ужин? Так у него рабочее судно, а не плавучая корчма. Он согласился взять пассажиров и подкинуть до Аргании только из уважения к Серому. И не задавать лишних вопросов, почему два парня с арганским акцентом предпочли вернуться на родину морским путем, а не через горы на своих летающих конях.

– Гульдмор, понимаете, иногда нам всем нужно расслабиться. Уверена, вы мне поможете…

Лицо капитана с каждым словом, все больше вытягивалось от изумления. Он кашлянул, воровато оглянулся по сторонам.

– Вы же мне в дочки годитесь?

– Думаю, это нам не помешает, – махнула рукой Дара, – я столько пережила за последнее время, что просто заслужила небольшую передышку. Давайте уже, доставайте, что вы там прятали. Запах все равно чувствуется.

– Ах, вы об этом! – с облегчением выдохнул Гульдмор, открывая дверцу тумбочки, – а я уж… впрочем, не важно.

На свет появилась пузатая бутылка из толстого стекла, граненый стакан, к нему добавился второй, который капитан с извиняющимся видом протер рукавом рубашки.

Минут через сорок в каюту постучали.

– Войдите, – нестройно отозвались два голоса и почему-то захихикали.

– Прин… Дара, это вы? – недоверчиво воскликнул Гестар, входя первым.

– Н-нет, – голосом Дары произнесло нечто. На изумленных горцев глянула устрашающего вида маска с черно-красными полосами. Над маской возвышалось странное сооружение, щедро украшенное перьями, ракушками, пучками травы и зубами зверей, а по плечам спускалась накидка из кусочков разноцветных шкур.

Страшилище приветственно подняло стакан, ловко отодвинув маску, осушило его до дна, грохнуло пустым об стол.

– Щаз, скандалить начнут, – пожаловалось оно капитану, – и вообще, я может, этот, призрак! – качнуло головой чудо-юдо, звеня подвешенными на нитках зубами и ракушками, – а призракам все можно и веревки тырить, и поместье разрушать.

– Морской, – внес предложение капитан.

– Эт-то какой? – заинтересованно подалась вперед Дара.

– В панцире, с двумя рогами и большой пастью. Прячется на дне, зараза, а потом, бац и за ногу. Чисто призрак… С метра его и не заметишь.

Кристан шагнул к столу, схватил стакан, понюхал, сморщился.

– Нашли, чем поить! Она же еще совсем ребенок. В этой Ганзойской дряни градусов сорок пять, не меньше.

– Я н-н-не ребенок! Ик!

– Что я, не понимаю – водой разбавлял!

Хором возмутились Дара с Гульдмором.

– Скажите спасибо, капитан, что мы не требуем вылить все запасы этого пойла за борт.

Капитан крякнул, но сдержался. Ох, и дорого обойдется Серому услуга. Он еще выскажет ему всё при встрече.

– Н-н-не трогай. Эт-т-то костюм вождя племени Ютр… Ютк.

– Юттаков.

– Т-т-точно! И не буду я его с-снимать. Отдай ш-шапочку. Она мне ид-дет. Куда т-ты меня т-тащишь? Капитан, м-мы как-нииибудь продолжим.

– С удовольствием, – пробормотал в закрывшуюся дверь Гульдмор, – вот этих двоих на берег ссадим, и обязательно продолжим.

Дверь предупреждающе скрипнула.

– Говорю, беречь надо девочку, – добавил громче, – Мелюзга, а слушать-то, как умеет. Давно так душу не отводил. А вот пить не умеет, н-да. Ну, это дело не хитрое, научится. Эмм, что-то я не то болтаю. Пора и мне закругляться.

Дверь, наконец, плотно прикрылась.

Сквозь пелену сна все настойчивее пробивалась тошнота, нестерпимо хотелось пить, жутко болела голова, а тело срочно требовало посетить ванную комнату.

– М-м-м, – застонала Дара, пытаясь разлепить глаза.

– Проснулась, – произнес знакомый голос, – держи. Это надо выпить. Кристан прислал. Сказал, что поможет.

Элалия приподняла ей голову. Дара сделала глоток и тут же закашлялась. Желудок в отвращении скрутило, и он попытался выпрыгнуть наружу.

– Гадость, – скривилась.

– Ну, извини, другого нет. Наши так орали сегодня на капитана, когда он хотел принести тебе опохмелиться. Боюсь, до конца плавания Гульдмор к нам не подойдет. А жаль, мне он понравился.

Дара с трудом заглотила горький настой травы. И как только горец ухитрился его приготовить на корабле? Откинулась на

подушку. В голове стало постепенно проясняться, даже тошнота отступила. Действительно, помогает.

– Я вчера не очень? – осторожно поинтересовалась.

Элалия пожала плечами.

– У тебя хороший голос.

– О, нет! – Дара прикрыла лицо руками, – стыд-то какой! Я еще и пела.

– Мне понравилось. Забавная песенка такая, про одноногого Джарри.

Надо же, что вспомнилось. А она считала, что эта песня навсегда осталась в прошлом. Соседка по комнате, потомственная контрабандистка всего-то несколько раз её пела. Почему так легко запоминается именно то, что приличным девушкам знать не положено?

А память, как назло, подкидывала все новые подробности.

Вот Кристан несет её, горланящую, по кораблю. Они останавливаются около каюты девушек. Горец опускает ношу на пол, чтобы открыть дверь, но Дара отталкивает его.

– Я с-сама.

– Позволь, помогу.

– Не-е позволю. Мне няньки не нужны. С-слышишь? Н-не нужны! Только и умеете, что с-следить. Что м-молчишь, п-подданный? Не нравлюсь? Д-да, вот такая у тебя принцесса. Н-непутевая. А п-принцесса тоже человек! А не просто подставка под корону.

Она, пошатываясь, входит в каюту, мстительно громко хлопнув дверью.

Да, натворила вчера дел, и напоследок Кристана незаслуженно обидела. И ведь горец ни в чем не виноват. Наоборот, всегда её поддерживал и относился к ней хорошо. Надо будет обязательно извиниться.

Нет, больше никаких попоек. В них не найти спасения. Реальность все равно догонит и накроет с головой.

Дара застонала, вспомнив, что ей предстоит через несколько дней. Подставка для короны? Неплохо сказано, а главное, как точно. А еще сосуд для будущего наследника. Как ни крути, а для арганцев она все равно останется чужачкой, пришедшей из империи. Элалия рано или поздно выйдет замуж. И Дара будет одна отсиживать свой зад на горном троне. Грубо? Зато честно.

Она попыталась представить рядом с собой Кристана. Каждое утро, день и вечер молчаливая невозмутимость, абсолютно правильные слова и поступки. И свой постоянный страх, что в глубине души он её презирает. Ведь жена так далека от идеала арганской женщины. К чему приведет их брак? Либо она потеряет

себя, стремясь соответствовать его идеалам, либо… Либо их союз превратится в кошмар. Как долго он сможет снисходительно относиться к её поступкам и промахам? Как скоро чаша терпения переполнится, и презрение начнет прорываться наружу?

И если по правде, а не по расчету, она бы предпочла видеть рядом того, кто будет воспринимать её, какая она есть на самом деле. Со всеми недостатками, капризами и клеймом веселого дома. Тоже чужака. А еще повесу, весельчака, авантюриста и самого заботливого старшего брата.

– Знаешь, а я года два назад тоже напилась, с горя. У Тайла стащила флягу… Он меня потом на три дня под домашний арест посадил. Выпороть хотел, но передумал, – Элалия попыталась отвлечь Дару от грустных мыслей, – думаю, не выпорол, потому как повод для пьянки был достойный. Один из его друзей мне в любви признался, замуж предложил выйти.

– И ты решила напиться? – удивилась Дара.

– Нет, уже после. После того, как руку ему сломала и два ребра.

– А-а-а, – ошарашенно протянула Дара, – так ты на поединок его вызвала и победила. Тогда почему с горя?

– Дура была, – вздохнула Элалия.

Обе девушки замолчали, думая каждая о своем.

– А Гестара ты тоже на бой вызовешь? – поинтересовалась через некоторое время Дара.

– Угу, – кивнула Эл, – не могу по-другому, – со страдальческим видом пояснила она, – это все равно, как каждое утро тренироваться со стрельбой из лука, прийти на состязание и драться на мечах. Получается, что все мои бои – каприз, не более. Я перестану себя уважать, если просто соглашусь на его предложение.

– Но он не будет драться с женщиной.

– Знаю. Ты ведь не бросишь меня в Аргании, правда? Возьмешь к себе? Я кем угодно могу быть. Хочешь, платья твои стирать буду или прически научусь делать?

– Обещаю, что не брошу, – Дара осторожно встала с кровати, шагнула к Элалие, прижала её голову к груди, провела по волосам, – будешь моим телохранителем. Принцессам же положена охрана? Вот ты ею и будешь.

Элалия отстранилась, взглянула на Дару снизу, и нерешительно произнесла.

– Я хотела спросить… Извини, что лезу не в свое дело… Просто после расставания напиваются, если их бросают или если не надеются больше увидеть. Скажи, он вернется, правда?

Дара отвернулась к иллюминатору. За стеклом синело море,

редкие пушистые облачка неторопливо плыли по небо. Чудная погода, вот только на душе так тоскливо!

– Я обещала, что дождусь его, либо известий о…, – голос девушки дрогнул. Она сморгнула набежавшие слезы, – хочется верить, что он вернется.

Рядом всхлипнули, затем прокашлялись.

– Ты не думай, Тайл удачлив. Он не из таких передряг выходил живым и невредимым. Я же видела, как он на тебя смотрит. Ни на одну так не смотрел, как на тебя.

Дара повернулась, протянула руки, девушки обнялись.

– Мне тоже его очень не хватает, – тихо проговорила она.

Кристан бесшумно отошел от двери. Он услышал много, непозволительно много. Принцесса, принцесса… как же так? И кто? Имперец! Но сердцу не прикажешь. Сумеет ли он вытеснить Серого? Не хочется желать смерть сопернику, но это будет самым простым вариантом.

До берегов Аргании шли семь дней, обходя побережье империи по широкой дуге. За это время Дара отоспалась, отдохнула. Рана на боку полностью затянулась.

С Кристаном она помирилась в тот же день. Хотя это Дара мирилась, а горец выслушал её сбивчивые слова с невозмутимым видом, лишь сказав:

– Тебе не за что просить прощение.

А когда она начала рассказывать о случившемся в поместье, тут же остановил.

– Дариэлла, это дела гор. Тебе стоит обсудить все с настоятелем, а не со мной. Поверь, так будет лучше для всех.

Погода была благоприятной, и Дара много времени проводила на палубе. Полуденный зной она пережидала в каюте, обучая Элалию арганскому языку. Вечером они вдвоем с огромным удовольствием слушали рассказы капитана о дальних странах, загадочных островах, страшных бурях и кровожадных пиратах.

Иногда Гульдмор увлекался, переходя на привычный язык эмоций, и тогда из угла каюты раздавалось многозначительное покашливание одного из арганцев, по очереди сопровождающих девушек на вечерние посиделки.

Саму Дару не волновали проскальзывающие в речи капитана крепкие словечки. Гульдмор оказался настоящей кладезю информации. Малолетним пацаном он удрал из дома, устроился юнгой на корабль и с тех пор путешествовал по миру. А кто лучше бывалого контрабандиста расскажет об обычаях дальних стран, о морской торговле, самых странных и дорогих товарах, о суровых северных войнах, беспощадно уничтожающих всех

чужаков, о восточном народе, чей внешний вид вызывает лишь смех: маленькие, с кривыми ногами и раскосыми глазами.

Глава 21

Аргания встретила их безоблачным небом, легким ветерком, и пятеркой пегасов. Когда патруль приблизился, Кристан прокричал им пару фраз на арганском. Один из всадников тут же развернул коня в сторону побережья, остальные пристроились по обе стороны от мачт корабля, жутко нервируя своим видом снующих по палубе матросов.

Грозные форты на островах корабль миновал без задержки. Оттуда взвился в небо еще с десяток пегасов. Окружающее пространство вокруг судна заполнилось хлопаньем крыльев, ржанием и приветственными криками арганцев.

Дара нервно меряла шагами каюту. Элалия, поджав ноги, сидела на кровати, и сочувственно наблюдала за подругой. Прошедшие события и общая тревога за Тайла сдружили девушек.

– Успокойся. Не съедят же они тебя!

– А если я опозорюсь? Если сделаю что-то не так?

– Дар, ну они же не идиоты? Ты выросла в чужой стране. От тебя никто и не ждет идеального соблюдения этикета. У них столько лет правит наместник. Небось, и позабыли, как оно с королевой-то. Поверь, самое главное – уверенность. Этому меня еще брат научил. Даже если опрокинула бокал за столом, сделай вид, что так оно и планировалось. И ничего нелепого в пролитом вине нет.

– Легко говорить, тебя с детства воспитывали этикету. С десяток приборов около тарелки. И пять смен блюд за обедом.

– Ха, ячменная похлебка, ломоть хлеба и одна ложка для всего. В монастыре роскошь на дух не переносили. Но ты права. Как вести себя на приеме я знаю с детства. Но это не самое сложное. Сложное другое… Дворец – не просто слуги, балы и нарядная обстановка. Это в первую очередь люди. Трон манит к себе многих. Плохих и хороших, честных и льстивых. И тебе придется разбирать самой, где друг, а где враг.

– Не думаю, что у меня здесь есть враги. Вот только друзьями я назвать их тоже не могу. Пока. Странно, правда? Королева, которая боится своих подданных.

– Ты хотя бы их немного знаешь, а я еду в чужую страну, – справедливо возразила Эл, – без знания языка, без родных.

– У тебя есть я, – ласково улыбнулась Дара, – и уверена, Гестар не даст тебя в обиду.

Гульдмор не ударил лицом в грязь. Корабль грациозно причалил к пирсу. Матросы споро кинули швартовые, закрепили концы.

Трап звонко стукнул по каменным плитам набережной. Пегасы один за другим спускались с неба, образуя от трапа живой коридор.

– Принцесса, нам пора, – открыл дверь каюты Кристан, – тебя ждут.

Дара вздохнула – вот и настал момент встречи с арганцами. Как же было проще в прошлый раз! Но его не вернуть. Навсегда ушла простая девочка из приюта. Вместо неё на пристань ступит будущая королева Аргании.

Гестар с Кристаном сошли первыми, чтобы помочь спуститься Даре. Пегасы дружно опустили головы, приветствуя девушку. Сидящие на конях арганцы поклонились.

– Иди, – прошептал Кристан, – не бойся, все будет хорошо.

Вся набережная, насколько хватало глаз, была заполнена народом. Впереди стояли несколько человек. Уже знакомый Даре тас Лигран, тас Нурсах и еще девять мужчин в богато-украшенных камзолах.

– Дариэлла, – высокий темноволосый арганец шагнул вперед, опускаясь на колени. В руках он держал бархатную подушечку с лежащей на ней серебряной короной, украшенной бриллиантами, – прошу, примите эту малую корону наследной принцессы Лэардан.

– Корону? – в растерянности прошептала Дара, – вот так, сразу?

Она ожидала, что вопрос с её статусом займет хотя бы некоторое время, но арганцы решили не тянуть с признанием титула. Побоялись, что сбежит?

Стоящие за наместником мужчины опустились на колени, а за ними и все пребывающие на набережной.

– Мы упрямые, – донеслось из-за спины девушки. Она оглянулась – Гестар и Кристаном тоже преклонили колени, – так и будем стоять, пока не согласишься признать себя принцессой.

Дара шагнула вперед, чуть дрогнувшей рукой взяла корону, надела на голову. Несмело улыбнулась.

– Да, здравствует, принцесса Дариэлла! – выкрикнули из толпы.

И над морем понеслось на разные голоса: «Да, здравствует! Здравствует! Принцесса! Принцесса! Дариэлла! Дариэлла».

– Добро пожаловать, – наместник встал с колен, крепко обнял засмущавшуюся девушку, – меня зовут Эльзар, но ты можешь звать меня просто дядюшка Эль.

Вечером в Белом городе устроили пышное празднество в честь возвращения принцессы. Над морем гремел салют, по улицам города прошлось карнавальное шествие. Вот только Дары

на побережье уже не было. Сразу же после вручения короны её увезли в столицу. Арганцы посчитали слишком опасным пребывание принцессы в Белом городе.

Во дворце девушке выделили целое крыло – аж одиннадцать комнат: спальня с гардеробной и будуаром, приемная с кабинетом и библиотекой, большая гостиная и малая столовая и три гостевые спальни. Везде царил идеальный порядок, а гардеробная была завешана нарядами.

Её явно ждали. И, похоже, даже не допускали мысли, что она не вернется.

Дара поправила пояс на нежно-сиреневом платье, провела рукой по волосам. Незнакомка в зеркале повторила жест. Придворным дамам удалось превратить её в сиятельную лессу. Но пора идти… Впереди встреча с Наместником.

– Принцесса, – около двери обнаружился Кристан. Арганец поклонился, во взгляде промелькнуло явное восхищение. Как много он хотел бы сказать этой прекрасной девушке. Но как облечь чувства в ничтожно плоские слова? Как передать песню сердца? Как описать то, что он чувствует при виде Дары? Кристан поднял было руку, намереваясь дотронуться до лица девушки, но рука застыла на полпути в воздухе.

– Я провожу тебя к Наместнику.

Они шли по длинной галерее. Шли медленно, не торопясь. Любуясь прекрасными видами, открывающимися на долину. Дара не стремилась на встречу с дядюшкой Элем, а Кристан просто наслаждался обществом принцессы.

– Ты стала настоящей красавицей, Дариэлла.

– Это всего лишь платье, прическа, – пожала плечами девушка, – внутри я мало отличаюсь от того галчонка, которого вы подобрали в империи.

Тень промелькнула по лицу Кристана, и Дара тут же пожалела о вырвавшемся слове. Галчонком её звал только один человек.

– Тебе давно пора выкинуть все из головы, – суровым тоном проговорил Кристан, – Забыть и про галчонка, и про…, хм, империю. Ты никогда больше не вернёшься туда. Отныне и навсегда у тебя есть Аргания и подданные. Есть долг и обязанность. Долг – стать королевой и обязанность выйти замуж.

– Замуж, прекрасно, – саркастически усмехнулась Дара, – и какие у нас варианты? Сыновья Наместника?

– По закону гор, после наступления совершеннолетия наследника или наследницы, либо в случае, когда Совет признает необходимость коронации до наступления совершеннолетия, Наместник либо его дети имеют первоочередное право на

династический брак, – отчеканил Кристан.

– На династический брак, значит, – прищурившись, повторила Дара. Окинула застывшего арганца насмешливым взглядом, – ну, а ты у нас кто по положению?

– Мой отец советник, – тихо ответил Кристан. Его лицо словно закаменело, и ничто не свидетельствовало о внутренней борьбе идущей сейчас внутри арганца.

«Я обещала. Обещала дать ему шанс», – уговаривала себя Дара, хотя больше всего на свете ей хотелось пристукнуть одного упрямого горца.

– И что мне прикажешь делать?

Кристан сжал губы так, что они побелели.

– Выбрать наилучший вариант для страны, – нехотя выдавил он, наконец.

«Все, горец. Ты меня достал», – злилась Дара, идя по коридору. На бредущего позади неё Кристана, она деланно не обращала внимание. Как обычно, он поступил правильно, слишком правильно, а оттого абсолютно неверно. Что же, сам вычеркнул себя из списка. И не она будет вписывать его обратно.

– Проходи, милая, проходи, – засуетился Наместник, усаживая Дару в кресло. Сам устроился напротив, – угощайся.

Пододвинул блюдо с фруктами.

– Спасибо, я сыта, – вежливо улыбнулась Дара.

– Да, да… ну, конечно, – кивнул Эльзар, – ох, прости, я слишком волнуюсь. Столько раз представлял себе нашу встречу, а теперь и двух слов связать не могу. Знаешь, у тебя чудные глаза. Как ни странно, но ты похожа на Араэллу. Такие же глаза и улыбка. Просто поразительно.

– Наверное, вы правы. Я видела её портрет в галереи. Она была настоящей красавицей. Не удивительно, что император в неё влюбился.

– Давай, не будем о нем, – помрачнел Наместник, – лучше о тебе. Я очень виноват перед тобою, девочка. Из-за необдуманных слов ты прошла через столько неприятностей, могла погибнуть!

– Не вините себя. В случившемся виновата лишь я сама и моя собственная глупость. Я не должна была сбегать, не дав вам даже шанса все объяснить. Но раз мы все выяснили, может, снимете охрану? Обещаю, больше не сбегу.

– Понимаю, ты не привыкла к сопровождению. Хорошо, во дворце можешь передвигаться свободно, но за его пределами, минимум с двумя гвардейцами, и про побережье пока забудь. У нас нет полной уверенности, что там безопасно. Ты должна понимать, насколько важна для Аргании.

– Понимаю, – с тоской вздохнула Дара, – обещаю больше

глупостей не делать.

– Раз уж мы завели разговор об Аргании. Твоя коронация состоится сразу же после свадьбы. Такова традиция. Только семейный правитель может занять трон, дабы не отвлекаться потом на создание семьи.

– И за кого я могу выйти замуж? – осторожно уточнила Дара.

– Ты провела здесь полгода. Может у тебя есть предпочтения?

Девушка задумалась. Если бы не разговор с Кристаном…

– Боюсь, что нет. Я знакома со многими арганцами. Все они достойные молодые люди, но так чтобы выйти замуж…

– Понятно, – погрустнел Наместник. – я не хочу никого тебе навязывать. По законам мои сыновья считаются лучшей партией для наследницы. Но ты вольна выбирать сама. Нет смысла строго соблюдать все законы после почти столетнего перерыва. Единственное, о чем прошу – не тяни с решением. Чем раньше ты сядешь на трон, тем лучше. Да, у меня для тебя подарок. Кажется, это принадлежит тебе.

Наместник встал, достал из тумбочки сверток, развернул. В его руках оказалась статуэтка Создателя. Та самая, которую она оставила в веселом доме.

– Но как? – недоверчиво прошептала Дара.

– Мы давно научились искать истину, даже если она прячется под грязью. Тебе нечего стыдиться, милая. Прости за ненужные подозрения. К тому же, иногда и среди нечистот можно встретить светлую душу. Такую, как у тебя.

– Спасибо, – Дара прижала статуэтку к груди, сморгнула набежавшие слезы.

– Беги, давай, – тепло улыбнулся ей Эльзар, – я велел оставить в твоей спальне еще один подарок. Уверена, ты захочешь его прочесть в одиночестве.

Когда за принцессой закрылась дверь, Наместник откинулся на спинку кресла. Задумчиво отщипнул виноградинку, отправил её в рот. Все-таки правильно, что он не стал посвящаться девушку в детали. Не стоит ей знать, что статуэтка – почти единственное, что осталось от сгоревшего веселого дома, и что его хозяин и слуга по кличке Пес, по досадной случайности не успели выбраться из горящего дома. А вот письмо от матушки должно порадовать принцессу.

Как следовало из доклада таса Лиграна, старушка действительно любила Дариэллу. Справедливо было вознаградить её за доброе отношение и хорошее воспитание наследной принцессы Аргании. Денег, которые оставили арганцы, хватит лет на десять безбедного существования приюта.

Пронизывающий ветер трепал одежду, забирался под

рубашку, впиваясь в кожу сотнями иголочек холода. Но Кристану было не до него. Непогода его не волновала. Рядом шумно вздохнул верный Дарг. Раздраженно дернул ушами. Он решительно не понимал, что его хозяин забыл на склонах горы Рагдатой-ла. Здесь, даже летом шкуру пробирал ледяной ветер. Пегас попробовал было привлечь внимание Кристана, ткнувшись мордой ему в плечо. Но тот лишь провел рукой по бархатистому носу, потрепал по холке.

– Эх, везет тебе, Дарг. Твоя кобыла не носит короны. Что за бред я несу… У тебя же целый табун – выбирай любую. А мне что делать? Признаться?

Пегас согласно заржал.

– Признаешься, как же…

В памяти вспылили слова отца. «Ты сам все понимаешь. Согласен, Дариэлла хорошая девушка, пусть и родилась в империи, но она – будущая королева. И мужа посадит на трон. Считаешь себя достойным? Готов защищать страну и не просто защищать, а жить в мире со всеми так, чтобы никто и не думал на нас напасть? Это тебе не отрядом руководить и заниматься возвращением приданого принцессы. Тут все гораздо сложнее. Я ж тебя знаю – ты полностью выкладываешься, чтобы идеально выполнить поставленную задачу. А что, если вершина, на которую ты замахнулся, окажется тебе не по силам? Из-за твоего личного счастья под угрозой окажется благополучие всей страны. Пойми, власть сродни болоту. Его невозможно пройти, не испачкавшись. Женщине проще, она всегда легче принимает помощь. Но король! Ты слишком честен, чтобы играть во властные игры, слишком прямолинеен, чтобы уступать, не сдаваясь. Ты никогда не задумывался, почему я не готовил тебя на свое место? Почему ты, Гестар и остальные из вашей детской компании стали гвардейцами, а Даргей и Тарим нет? Подумай, взвесь все еще раз. Решать, конечно, тебе. Хоть мне жаль тебя разочаровывать, но Дариэлла не назвала твоего имени Наместнику, а значит, в своих чувствах она не уверена. Принцесса не сделала выбора, и этот выбор за нее сделаем мы. Ненавязчиво, не настаивая, уверен, она умная девушка и не станет сопротивляться».

– Видишь, дружище, она не уверена в чувствах… А я… Я всего лишь солдат и не гожусь для трона. Что же мне делать?

Пегас фыркнул, поддел копытом камень и отправил его вниз, в пропасть.

– Камень? – Кристан удивленно вздернул брови, – а, что? Может быть. Тогда вперед! Медлить не будем!

К величайшей радости Дары, в королевской конюшне

девушку встретил Ильк. Его доставили на корабле, вышедшем из крайнего южного порта империи. По словам конюхов, выздоровление пегаса было не за горами, и скоро он сможет летать. Дара каждый вечер навещала Илька и разминала сросшиеся крылья, возвращая им прежнюю эластичность.

Элалию поселили в апартаментах принцессы, но девушки виделись лишь по вечерам. У Дары был расписан каждый час, а за гостью плотно принялся Гестар. Он разумно не заикался о свадьбе, а действовал более хитрыми методами. Например, знакомство с родителями обставил, как посещение семейной оружейной коллекции, надо отметить, лучшей в королевстве.

К удивлению Дары, Наместник не стал противиться выбору сына и даже спокойно перенес его просьбу – не объявлять пока о помолвке. Элалия же упорно делала вид, что не замечает всеобщего отношения к ней, как к избраннице Гестара. Дара подозревала, что на самом деле не замечает, принимая намеки за особенность поведения арганцев. Сама она не хотела торопить события, помня об упрямстве подруги.

Но когда Эл на третий день пребывания в Аргании пришла к ней за советом, прямо спросила:

– Он тебе нравится? Ты его любишь?

Та опустила глаза, щеки запылали от жаркого румянца.

– Он красивый и хороший, а еще не жадный. Целых три кинжала подарил и набор метательных ножей.

«Ясно. Подкупом решил взять», – усмехнулась Дара.

– За кинжалы замуж не выходят.

– Знаю, – простонала Эл, – но не могу отступить от правил, а он драться не хочет.

– И правильно делает, – Дара окинула подругу суровым взглядом, – что за ерунда – с женщиной сражаться? Ты семью создаешь или отряд для защиты границы набираешь? Может, считаешь, что в командиры гвардейцев за красивые глазки выбирают?

– А глазки у него очень даже ничего, – ответила Эл, задумчиво глядя сквозь Дару.

– Так, милая, признайся, наконец, что ты его любишь. Хватит парня мучить. Он и так на многое пошел, привезя тебя в Арганию. А ведь жителей империи здесь, ой, как не любят. Так что выбирай или принципы, или счастье. Я тебя не выгоняю. И честно, буду скучать, если покинешь дворец, но твое счастье для меня дороже. Может, проверку ему устроишь? Состязание, в конце концов, если все еще сомневаешься в его силе и мужестве. По мне, так после тех жутких пустошей, я бы ни в чем не сомневалась. Он же тебя на себе вынес, рискуя жизнью, между прочим.

Судя по задумчивому виду Элалию, речь Дары легла на благодатную почву. Про себя принцесса решила сделать все, чтобы выдать упрямицу замуж.

Вот только следующий день перечеркнул эти планы. В страну вернулась последняя партия арганцев, живших в империи, и привезла послание для Дары. Как именно оно попало к ним, девушке не сказали. Тас Лигран, отводя виноватый взгляд, лишь промолвил, что его передал надежный человек.

Дрожащей рукой Дара открыла изящную шкатулку, и в глазах сразу потемнело, а ноги подкосились. Внутри лежало темно-серое галочье перо, фамильный перстень Тайла и записка. Всего три слова огненным росчерком отпечатались в сердце: «Прости. Люблю. Прощай».

Бледная девушка в простом сером платье поднималась по каменным ступеням храма. Под глазами залегли темные круги, черты лица заострились.

– Проплакала всю ночь, – прошептал на ухо настоятелю тас Эльзар, – но траур не одела.

– Умная девочка, – одобрительно кивнул Пафнорий, – а что его сестра?

– Держится. Гестар забрал её из дворца, увез домой, под предлогом того, что у Дариэллы много дел, а одиночество не лучший способ переносить горе. Свадьбу придется отложить, но я рад выбору сына. Такая смешная, боевая, но очень добрая девочка. Знаешь, мне передали её прошение о зачислении в гвардейцы.

– А ты? – заинтересованно глянул на него настоятель.

– Не смог отказать. Пусть попробует пройти испытание, без полетов пока. Это безопасно. Если сдаст, велю подыскать пегаса. Пока с ним возиться будет, и траур пройдет. Там пусть муж решает, быть ей гвардейцем или нет.

– Ваше высочество, – склонились оба мужчины.

– Тас Эльзар, тас Пафнорий, – присела в реверансе Дара.

– Прошу, ваше высочество, все готово, – настоятель тепло улыбнулся девушке, – И не расстраиваться, если дух гор не почтит сегодня наш храм своим присутствием. Она у нас довольно своенравна. Но если вы все же встретитесь – не пугайтесь. Ниимтахаринга не причинит вам вреда.

– Я знаю, – кивнула Дара, – Ниим добрая.

– Ниим? – озадаченно переглянулись арганцы.

– Думаю, нам нужно будет о многом поговорить, – задумчиво произнес настоятель.

Когда девушка скрылась в пещере, мужчины опустились на каменные скамьи и приготовились ждать.

– Мне кажется, мы что-то упустили, мой друг, – Наместник не смог усидеть, и принялся в волнении ходить по залу, – ты слышал, как она её назвала – Нииим. Неужели дух приходил к принцессе? Но тогда это означает только одно…

– У принцессы проснулся дар, – кивнул Пафнорий.

– Невероятно! Значит, Кристан и мой сын не ошиблись. Дар… Это многое меняет.

– Нет, для нас это не меняет ничего. Поверь, выйдет только хуже, если решим использовать дар в своих целях, пусть и на благо страны. Да, она нам головы камнями порасшибет, попробуем только вмешаться в их дела с принцессой.

– Прямо уж, порасшибет, – недоверчиво покачал головой Наместник.

– Прямо или криво, но я знаю, о чем говорю. Эм-м-м, читал в хрониках, – поправился Пафнорий, рука все же дернулась к затылку, где лет двадцать назад красовалась приличная шишка. Здорово он тогда допек дух своими просьбами отправить его на покой, – Или ты считаешь, она просто так отпустила принцессу в империю? Если бы хотела, девочка и шагу не ступила в горах.

– Хорошо, – принял решение Эльзар, – ты, как всегда, прав. Не нашим умом постигать замысел Создателя. Пусть дар принцессы развивается своим чередом, моя задача обеспечить девочке безопасность и подыскать ей достойного мужа.

Глава 22

Дара не без робости шагнула в полумрак пещеры. Храм Создателя был построен высоко в горах, и вход в пещеру располагался в глубине храма. Огромные масляные светильники большей частью освещали стены, оставляя центр пещеры подернутым полумраком. Дара нерешительно застыла на пороге. Она ожидала увидеть статуи, богатые украшения, алтарь, но нет – пещера была пуста, лишь небольшое озерцо таинственно мерцало около дальней стены, перед ним были разбросаны несколько плоских камней.

– Пришла, – из полумрака над водой соткался женский силуэт, – ну, здравствуй, Дарьюшка. Как же я рада тебя видеть!

Девушка печально улыбнулась в ответ.

– Здравствуйте.

– Не слишком-то она торопилась, – рядом возник второй силуэт.

– Вас двое? – удивилась Дара.

– Да.

– Нет. Точнее не совсем. Мы – часть целого. Просто так давно были порознь, что теперь нам требуется время, чтобы вновь обрести единство. К тому же у кого-то сильно испортился характер за годы заточения.

– Посмотрела бы я на тебя, посиди ты с мое.

– Перестань, Даре сейчас не до наших ссор. Проходи, Дарьюшка, садись, не стой. Смотри, что стало с бедняжкой. Знаю, милая о твоем горе, все знаю, – ласково проговорила первая Нииm, пристраиваясь на соседнем камне.

– Нашла о ком плакать, – фыркнула вторая.

– Дарьюшка, лишь время лечит такие раны.

– Знаю, – вздохнула девушка, – но сердце не хочет его забывать, – она помолчала, – вообще-то я пришла к вам не просто так. У меня просьба. Во дворце я видела много прекрасных статуй.

– Верно, – кивнула первая Нииm, – правители Аргании не только дворцы строили, но любили и статуи из камня вырезать.

– Я так и поняла, когда нашла мастерскую. У меня, конечно, кроме разрушения пока ничего не выходит, но вы могли бы научить меня работать с камнем? Просто я подумала…. Он там…, – Дара судорожно вздохнула, – Если и похоронили, то на могилу приходить все равно никто не будет. А я… У меня ведь кроме пера ничего не осталось. У Элалии хоть перстень есть. Так пусть здесь, в Аргании о нем сохранится память.

– Легко сказать, научи, – ворчливо проговорила вторая Нииm, усаживаясь с другой стороны от девушки, – дар столько поколений спал, что мы и надежду потеряли на его возрождение.

– Мы можем попытаться, – мягко возразила первая, – ты забыла, что она сама, без нашей помощи разрушила стену в сокровищнице.

– Откуда вы знаете?

– Я всегда была рядом, – дух взмахнул широким рукавом плаща и указал на грудь Дары, – ты же никогда не снимала мой подарок.

– Мне почему-то с ним было спокойнее, – Дара достала из-за пазухи камушек, – столько всего произошло в империи… Мне порой кажется, что и не со мной это было. Буря, раненый Ильк, деревня, законник, оказавшийся лордом и контрабандистом, город, таверна, сделка с гвардейцами, взрыв. До сих пор не знаю, кто тогда охотился на нас?

– У арганцев много врагов в империи. Скорее всего, нападение организовал кто-то из сиятельных тасов.

– Да, наверное. С ума сойти, я была в сокровищнице, воровала свадебный набор Араэллы. И чуть не умерла от страха при виде императора. По мне, так лучше сотня шагразов в подземелье, чем один император. Хотя нет, пустоши были страшнее.

– А старый лорд? Разве ты его не испугалась?

– Почему-то нет. Наверное, устала бояться. Нииm, – девушка замялась, – там, в имении я многого не поняла.

– Ха! – вторая Нииm подпрыгнула на месте, сделала круг над водой, – я же говорила, что не поймет. Наша лэсса Наивность думает, что все по большой любви случилось… По большой и такой несчастной. Как же, он её любил, а она его, но третий не захотел остаться не удел и все испортил. Заодно порядка двух десятков арганских гвардейцев на тот свет отправил. Да-да, милая. Именно эти храбрые юноши не уберегли свою принцессу. Потому ровно сто лет и смывали позор потом и кровью. Ну, признайся, так ведь думала? – дух подлетел близко, почти навис над девушкой.

Дара на всякий случай отодвинулась на край камня.

– Но ведь император её любил? – неуверенно прошептала.

– Хм, может и любил, – раздраженно дернула капюшоном плаща Нииm, – поверь, в нашей истории это совсем не важно.

– А что важно? – осмелев, спросила Дара.

– Важно то, что некоторые слишком наплевательски отнеслись к своему дара. И то, что я тогда…, то есть дар не проснулся, её не оправдывает, – хмуро ответила вторая Нииm, –

думать надо было, когда предупреждали, а не голову терять от любви.

– Боюсь, Дара, во всей этой истории по-настоящему любила лишь принцесса. Лиашангу толково заморочили голову. Сам маг и заморочил. Он прекрасно понимал, что единственная возможность выманить девушку из страны – организовать свадьбу с императором. Понимаешь, Исхариус хоть и был магом, но весьма посредственным. А для того, чтобы провести переворот и сесть на трон требовалась настоящая сила. У нашего героя дальше управления погодой и еще парочкой фокусов дело не шло. Ждать, когда сила проявится в следующих поколениях, он не хотел. Ему самому желалось сесть на трон.

Уж, не знаю, где он вычитал про ритуал овладения чужой силой, но решил попытаться воплотить.

– Да, не овладение это было, – с досадой произнесла вторая Нииm, – нельзя привить себе чужую силу, как, например ветку дереву. Она не примется. Есть довольно несложный ритуал, когда один маг может временно передать свою силу под контроль другому магу. Подобное часто практиковалось для эффективного ведения боя.

– Но ведь принцесса не согласилась?

– Нет, конечно. Особенно после того, как на её глазах горные дроссары расстреляли арганцев.

– Я думала, их убил маг.

– Нет, милая, – покачала головой первая Нииm, – у мага хватило силенок лишь создать небольшой смерч и обрушить его на караван. Увы, мы слишком поздно уловили чужую магию и не успели вмешаться. Да и в предгорьях наша сила слабее.

– Упавших добили дроссары, которых нанял Исхариус. Их нашли позже, в соседнем ущелье. Исхариус качественно замел следы. Нанял банду целиком, увез в горы, и лишь перед самым налетом посвятил в детали, а затем банально отравил, а трупы скинул в ущелье. Если бы не арганцы с их тщательным прочесыванием гор, их так бы и не нашли.

Принцессу он увез в поместье, но так как добровольное участие отпадало, да и не устраивал мага временный контроль – вдруг в самый ответственный момент передумает? – Исхариус разработал собственную методику. Очень медленно он приучал Араэллу к себе, шаг за шагом подчиняя силу.

– Скажешь тоже, Араэллу, – вновь возмутилась вторая Нииm, – да, она ему и не нужна была. Меня он к себе приучал, придурок. Пользовался тем, что молодая, неопытная, глупая, на всякие там заигрывания падкая…

– Не слушай её, Дара. Ерунду говорит. Неокрепший дар

можно подчинить, если держать его хозяина на грани жизни и смерти. Постоянно мучить принцессу было опасно. Она могла умереть, поэтому Исхариус не торопился, действовал постепенно, давая выздороветь, а затем вновь почти убивая.

– Ужас, какой, – охнула Дара, с трудом представляя каково это жить, умирая, воскрешаясь… и вновь умирая.

– Ну, вот…, – обиженно проговорила вторая Нииm, – опять ты все испортила. Зачем надо было пугать девочку такими подробностями?

– Лучше пугать, чем потом искать, как тебя вытащить, – отрезала первая.

– Убийца камней, – прошептала Дара.

– Именно, так. Убийца… Но время стирает многие границы. И становится уже непонятно, кто от кого больше зависит мучитель от жертвы или она от него?

Исхариус не смог устоять перед красотой принцессы. Пусть и брал силой, но боялся признаться, насколько его тянуло к Араэлле. И до последнего оттягивал очередное мучение.

Любовь делает кого-то сильным, кого-то слабым. Так ощутив в себе новую жизнь, принцесса нашла силы сбежать. Ребенок помог ей запереть силу отца, но, увы, плата оказалась высока.

– Безмерно высока. Силенки этого ублюдка и я. Почти сто лет вместе. Признаю, от них ничего и не осталось. Я их, если можно так выразиться, переработала.

– Но я одного не понимаю, как Исхариус узнал о даре принцессы?

– Видишь ли, как ни скрывай, а легенды о силе Арганских королей ходят по свету. Исхариус побывал в Белом городе, чтобы самому удостовериться, есть ли в россказнях истина.

Пару раз в году вся королевская семья принимает участие в праздниках и в эти дни спускается на побережье. Простым людям иногда нужно видеть своих правителей.

Ты помнишь, что у короля было трое детей. Дед Араэллы к тому времени уже умер, именно он являлся последним обладателем дара. И все надеялись, что кто-нибудь из внуков обязательно унаследует дар.

Что касается принцессы, тут как раз все просто. Не забывай, Исхариус был магом, и ему не составило труда разглядеть, кто из наследников короля является носителем дара.

– Но почему мои родители превратились в статуи, и почему их души остались закованными в камень?

– Статуи…, – синхронно вздохнули обе Нииm, а затем первая ответила, – много лет назад один из Арганских королей потерял свою молодую жену. Бедняжка утонула в шторм, и король, как и

ты, пожелал собственноручно изваять любимую в мраморе. Затем ему в голову пришла идея, что неплохо бы и свою статую после смерти поставить рядом. Но, как назло, дети дар работы с камнем не унаследовали, а внуки пока лишь планировались. Тогда король всерьез озаботился подбором мастера для посмертной скульптуры, но никто не мог ему угодить – то лицо неживое, то линии слишком грубы. Отчаявшись, он обратился ко мне, точнее к нам.

– Ох, и настойчив был…, – покачала головой вторая Нииm, – не удивительно – упрямство ваша фамильная черта. Так все наследники рода Лэардан получили способность, умирая, превращаться в статуи.

– Ты уже была в королевской усыпальнице? – поинтересовалась первая Нииm, – Нет? Чудное место. Одно из моих любимых. Камень, камень, много прекрасного камня. Белый, розовый и серый мрамор, малахит, гранит, янтарь, арки, беседки, дорожки, пруды с изогнутыми мостиками, водопады и множество статуй. Кстати, я там часто бываю. Если хочешь меня повидать, совсем не обязательно каждый раз тащиться сюда. Усыпальница гораздо ближе и удобнее.

– Усыпальница, – хмыкнула вторая Нииm, – ты всегда была неравнодушна к этому месту. Прости, Дара, это я убила твоих родителей. Понимаешь, принцесса так часто просила меня о смерти, а я не могла ей помочь. Маг, чтоб ему никогда не видать покоя, не давал девочке умереть. Её боль отражалась во мне, её слезы разъедали мою суть, её крики до сих пор звучат у меня в голове.

Когда сын этого ублюдка напал на след потомков принцессы, я не могла дать ему ни единого шанса причинить им боль. Придурок не скрывал своих планов, щедро делясь ими с безмолвным камнем. Я знала, что он собирается сначала пытками попробовать активировать их дар, а затем убить. Эта помесь идиота с дебилом решил, что со смертью последнего в роду Лэардан камень разрушится, и его долгожданный дар вырвется на свободу, вернувшись в семью.

Я бы вернулась… я бы так вернулась. Хотя, о чем это я. Я же действительно вернулась. Жаль только, что его смерть нельзя было растянуть на сто лет.

Дара невольно вздрогнула, настолько угрожающе прозвучала последняя фраза.

– Ну, вот, совсем запугала, ребенка, – укоризненно произнесла первая Нииm, заметив реакцию девушки, – и ты меня прости, Дарушка. Я ведь не просто так в империю тебя отправила. Надеялась, что ты нам поможешь.

Дара прикрыла глаза, на душе стало пусто и тоскливо, в носу противно защипало. Полумрак пещеры сгустился, словно из него разом вынули весь воздух, и он превратился в плотную массу, залепившую рот и нос.

Как же хочется на свежий воздух, подальше от смертей, тайн и духов!

Дара сглотнула образовавшийся в горле комок, вытерла слезы.

– Не нужно просить прощения. Нииим, – она повернулась направо, – о ком я действительно жалею – об Ильке. Он не должен был пострадать. Все остальное пошло мне лишь на пользу, и уж тем более, мне не жаль, что я встретила родителей. Пусть на пару мгновений, но смогла с ними поговорить. Я честно не знаю, как поступила бы на твоем месте, – повернулась она ко второму духу, – ты пыталась их защитить. Просто дай мне время свыкнуться с этой мыслью.

Обе Нииим вздохнули с явным облегчением. И даже не стали возражать против перехода на «ты».

– Спасибо, милая. Мы боялись, что ты нас возненавидишь. Но хватит на сегодня откровений. Достаточно вопросов и ответов. Тебе пора. Помни, ты можешь нас всегда найти в королевской усыпальнице.

Обратную дорогу до дворца Дара запомнила смутно. Она чувствовала себя полностью выжатой. Удивительно, как простой разговор может настолько вымотать. Наместник, видя печально лицо девушки, не стал задавать никаких вопросов, за что Дара была ему безмерно благодарна.

Ей самой думать не хотелось, ни о старом лорде, ни о Нииим, ни о несчастных душах, столько лет заключенных в статуях. При мысли о родителях на глаза вновь навернулись слезы. Дара попыталась отвлечься. Почему-то вспомнилась сокровищница и висящее на стене свадебное украшение Араэллы. Теперь никто никогда и не узнает, любил ли император принцессу на самом деле? Да, важно ли это?

Разве чтобы знать, что кто-то из императорской семейки может любить, а не просто использовать супругу в своих целях. Хотя…. теперь даже это не важно.

– Ваше высочество, – советник Рикаарс бросился к ним навстречу, как только Дара с Наместником вошли в холл дворца, – боюсь, у меня плохие новости. Корабль под флагом империи только что запросил разрешение на проход к Белому городу.

– Империи? – Даре резко стало плохо, – что они здесь забыли?

– Мы не стали зря тебя тревожить, Дариэлла, – побледневший Наместник повернулся к девушке, – но вчера закончился траур у наследного принца. Ровно полгода назад умерла его жена. Боюсь, – вздохнул тас Эльзар, – причина её смерти была в том, что бедняжка не смогла подарить императору внука.

– Так, – прикусила губу Дара, – от этой семейки можно ожидать всего, чего угодно, но сейчас я все же не понимаю, что здесь делает этот корабль.

– Сваты, ваше высочество, – со скорбью произнес тас Рикаарс, – император желает видеть вас невестой своего сына.

– Никогда, – замотала головой Дара, – никогда.

Вокруг весело чирикали птицы, перепархивая с ветки на ветки. Солнышко ласково проглядывало сквозь зеленую листву, бросая причудливую тень на мраморную скамейку. Маленькая птаха, осмелев, скакнула на краешек, замерла, вытягивая шею. Крохотные бусинки глаз задорно мерцали от любопытства. Человек внезапно пошевелился, и птичка испуганно вспорхнула вверх.

Дара улыбнулась – лети, малая, лети на свободу. Хоть кто-то волен делать то, что хочет.

Как же не вовремя пожаловали сваты! Узнать бы, что случилось с Тайлом, удалось ли ему прибить гадину, и кто теперь сидит на троне. Рановато они вывезли арганцев из империи, некому теперь передавать сведения. Но даже если император мертв, вовсе не обязательно, что принц откажется от планов жениться на арганской принцессе. Не дают покоя соседям богатства горной страны и летающие кони, зависть одолевает. Предгорья империи практически пусты, пара приисков не в счет. Как назло, природа распределила основные залежи драгоценных камней и полезных ископаемых по другую сторону гор. И упрямые пегасы не желали становиться имперскими, дохли, невзирая на все старания конюхов.

Потянуть бы время, да нельзя. Корабль с послами задержат лишь до завтрашнего вечера. Дольше протокол не позволяет. Через полчаса Дара должна дать ответ – кто же станет будущим королем Аргании. С последним лучом солнца закончится её свобода. Принцесса выйдет замуж.

Ловко её загнали в угол. Она не может не выполнить последнюю просьбу родителей и послать всех подальше с коронацией, а для этого должна выйти замуж.

Должна! Как же она ненавидит это слово! Только-только начала привыкать к дворцу, нарядным платьям и малой короне. Ведь рассчитывала, что у неё будет время и мужа себе найти, и Тайла оплакать, и подготовиться к коронации, а сколько еще

требуется выучить!!!

Нет, эта императорская сволочь не позволила ей спокойно жить. Почти сразу же корабль с послами вслед снарядил. Хоть бы Тайл не зря погиб, а все – таки прибил эту гадину.

Решено, просто отказ послы не получат. Не даст она императору ни малейшего повода объявить войну. Но и замуж не выйдет за принца. Да лучше умереть, чем вернуться в империю.

Полчаса на раздумья…

И Кристан, как назло, куда-то пропал. Уже несколько дней его не видно. Отбыл он, видите ли, по делам. Когда вернется, никто не знает. Вот вернется, а она уже замужем. Нечего отлучатся не вовремя.

Кто у нас дальше по списку? Ах, да, три сына Наместника.

Гестар сразу отпадает. Тут и думать нечего.

Даргей – самая светлая голова королевства. Лучшего претендента на трон и не сыскать, вот только Дара прекрасно помнит, как светились глаза арганца при виде младшей дочери советника Рикаарса. Она точно не готова строить свое счастье на развалинах чужого.

Остается старший сын – Тарим. Дара познакомилась с ним лишь пару дней назад. Его не было в Аргании, когда она здесь жила. Тарим входил в состав посольства, сопровождая отца.

Красивый, высокий, уверенный в себе молодой человек производил приятное впечатление. Дара не сомневалась, что как минимум будет его уважать, а кто знает, может и полюбит? Она не боялась предстоящей свадьбы. Никто не потребует, чтобы они в ту же ночь стали мужем и женой. У нее будет время познакомиться с супругом поближе.

Политический брак… Тут не до любви и пылкости. Хорошо, если к обручальному кольцу прибавятся дружба и уважение. А там, глядишь, на их основе вспыхнут и другие чувства.

Да-а-а, мечтать не вредно. Всего лишь одна маленькая деталь, крохотная алая бусинка в черных волосах арганца, а сколько смысла в ней. Оставленное на чужбине любимое сердце. И не понятно, благодарить капитана за его рассказы или нет? Но зная о смысле носимого Таримом украшения, она никогда не выберет его в мужья. И нет у нее времени на откровенный разговор. Да и не стал бы арганец носить бусинку, не будь его чувства серьезны.

И в результате… в результате хочется побиться головой о стоящий за спиной монумент.

В конце аллеи показался знакомый силуэт – Нииим торопливо двигалась в её сторону. Полы плаща развивались не в такт шагам, а капюшон был надвинут глубже обычного.

– Как они посмели? – раздраженно высказался дух, опускаясь

рядом, – и почему мне не подвластна вода? Я бы устроили небольшой шторм, специально для них.

– Он не привык проигрывать, – пожала плечами Дара, – когда понял, что упустил, отправил корабль со сватами. Не дает ему покоя эта страна. По ночам плохо спит от мысли, что кто-то живет лучше него. Наши горы с приисками драгоценных камней и пегасы – вот, что ему нужно. Но покуда я жива – ни камушка, слышишь Ниим, ни камушка не отдам.

– Речь не принцессы, а целой королевы, – насмешливо произнесла вторая Ниим, возникая слева от девушки, – какая ты у нас оказывается, боевая. А по виду и не скажешь. Значит, не хочешь быть императрицей?

– Ни императрицей, ни, прости, королевой. Мне не нужен трон, правда, не нужен. Я всегда мечтала о маленьком домике, большой и дружной семье и любящем муже.

– Кстати, о муже, – перебила её вторая Ниим, – ты уже выбрала себе самого красивого?

Хоть оба духа внешне выглядели одинаково – длинные, расписанные звездами плащи, надвинутые на лицо капюшоны, но голоса и манера разговора у них были совершенно разными.

– Зачем нам самый красивый? – укоризненно покачала головой первая Ниим, – нам нужен добрый, хороший, заботливый и умный. Внешняя красота не так уж и важна. И, милая, это замечательно, что жажда власти не смогла поселиться в твоем чистом сердце. Из таких получаются лучшие правители, поверь, моему опыту.

– То есть, ты за урода ей выйти предлагаешь? – недовольно фыркнула вторая Ниим.

– А ты предлагаешь за красавца с холодным сердцем, которого вдоволь избаловали женским вниманием?

– Прекратите! – взмолилась Дара, – у меня почти нет времени, а вы тут…

– Прости, – хором повинились оба духа.

– Может, Кристан, – вторая Ниим присела с другой стороны от девушки, – он такой душка, хоть по мне большая зануда. Зато точно будет нежным и заботливым.

– Не надо про него, – нахмурилась Дара, – я даже не знаю, где он.

– Думаю, у него важные дела, – дипломатично заметила первая Ниим, – иначе не пропустил бы такое событие. Как насчет сыновей Наместника?

– Их сердца не свободны, – вздохнула Дара, – а я не желаю становиться на пути их счастья.

– У нас остается единственный вариант – свадьба Судьбы.

– Она не согласится.

– Нет.

– Да.

– Вы опять? – не выдержала Дара, – лучше объясните, что это за свадьба.

– Видишь ли, Дарушка, – ласково произнесла первая Ниим, – это древний закон, но его еще никто не отменял. Если наследницу нужно срочно короновать, а она не может или не хочет определиться с избранником, устраивают свадьбу Судьбы. Сама понимаешь, трон не может ждать, полюбишь ты кого-нибудь или нет. Одинокая королева – большой соблазн для соседей подмять под себя наши земли. Эта свадьба означает, что тебе придется отдать свою судьбу в руки Создателя, и он сам сделает за тебя выбор.

Доверить своё счастье Создателю, отдать судьбу в его руки? Боязно, очень боязно, но Ниим права, другого выхода нет. Она так устала от всего…

И есть, точнее, был, всего один человек на свете, имя которого она могла бы назвать с чистым сердцем, а так…

– Мне все равно. Пусть будет свадьба Судьбы, – сказала и сама поразилась, насколько безжизненно прозвучал её голос.

Глава 23

Солнце, готовясь уйти за горизонт, окрасило напоследок мир в розовые тона. И даже замшелые камни принарядились в его лучах, сменив серость на розовую нежность. Бирюзовое небо по краям начало темнеть, и сквозь его голубизну уже пробивались первые проблески звезд.

На площади перед храмом Создателя шли последние приготовления к торжеству. Увы, первая за сто лет королевская свадьба должна была пройти в спешке, без должного почета. Что можно успеть за полдня? Даже главы арганских семей не смогли присутствовать в полном составе, пришлось обойтись теми, кто успел прибыть к храму на закате.

Но важнее были не гости, а участники. И для этой необычной свадьбы их требовалось больше двух. Настоятель вынужден был тряхнуть пыль с королевского книжного хранилища и раскопать древний закон, чтобы соблюсти все в точности.

И вот тридцать лучших из лучших стояли на площади перед храмом. Одетые в одинаково черные плащи с глубоко надвинутыми капюшонами – ничто не должно отвлекать судьбу от выбора. Стояли, образуя коридор, через одного, чтобы не оставалось сомнений, кого именно выберет судьба. Каждый держал в руке незажжённую свечу.

В небе показалось несколько пегасов. На площадь приземлился лишь один. Всадников было двое, и первый помог сойти с коня второму. На мгновенье сквозь распахнувшийся плащ мелькнула тоненькая фигурка в нежно голубом платье, а затем пегас взмыл в небо, и перед храмом остались лишь участники обряда.

Последние лучи солнца высветил замерших людей. Вместе с ними замерла и вся природа, погружаясь в пред ночную дрему, стих ветер, перестали петь птицы, а ночные звери пока не торопились выходить на охоту.

Стоять на площади перед громадой каменного храма было неуютно. Накатило осознание неправильности происходящего. Ведь прямо сейчас ей предстоит выйти замуж, причем за неизвестного в черном плаще. Как объяснил Наместник, лицо избранника она увидит только по окончанию церемонии. Ноги стали ватными, тело налилось свинцовой тяжестью. Дара с ужасом поняла, что не в силах сделать ни одного шага.

Но вот исчез последний луч, сиреневые сумерки набухли, сливаясь в темноту, и в то же мгновенье вспыхнули факелы перед храмом, разбавляя сумрак алыми отблесками огня.

«Пора», – выдохнула Дара, делая первый, самый трудный шаг. Она медленно приблизилась к стоящим арганцам. Вокруг царила такая тишина, что девушка слышала доносящееся от храма потрескивание факелов и стук собственного сердца. Ладони, сжимающие свечу, вспотели, и ей пришлось крепко сжимать пальцы, чтобы свеча не выскользнула из рук.

Шаг, еще шаг, мимо застывших фигур в темных плащах. Вот уже пройдена середина, а свеча и не думает зажигаться. А если она вообще не зажжется? Начинать все сначала? Или плюнуть на обряд, выбрать самой. Хм, как же там начиналась детская считалочка?

И тут свеча издала легкий треск, Дара замерла, с занесенной ногой, затем неуверенно сделала еще один шаг, и словно налетела на невидимую стену. В этот же момент свеча ярко полыхнула, не оставляя сомнений в своем выборе, а рядом в полуметре справа зажглась её соседка.

– Вот и все, – с облегчением выдохнул Наместник, видя, как в темноте на площади одновременно вспыхнули два крохотных огонька, – ну, Пафнорий, готовь церемонию. Знать бы, кого там нам в короли выбрали.

– Утром узнаешь, – проворчал Пафнорий, – ишь, нетерпеливый какой.

Дара неверяще смотрела на горящую в руке свечу. Потом повернула голову – отблеск огня выхватывал из темноты лишь край подбородка. По нему не особо определишь, кто достался ей в мужья. И что дальше?

Но арганец оказался более решительным. Шагнул, оказавшись вплотную к девушке. В следующее мгновенье их свечи ожили, стекли вниз на запястья, и тут же объединились, надежно сковав руки молодых людей. Дара дернулась было, но теплая ладонь обхватила её пальцы, ободряюще сжала.

Дальнейшее она помнила слабо. Храм, освещенный огнями, лица, выхватываемые красноватыми всполохами из темноты, фигура Настоятеля около алтаря. Он словно помолодел, стал выше и шире в плечах. Слова, смысл которых почти не доходил до сознания. И стоящий рядом мужчина. Муж! Это никак не хотело укладываться в голове.

Но вот одеты кольца, торжественный голос Настоятеля произносит слова клятвы, и их одновременный возглас в ответ «Клянемся».

– Браслеты разъединятся после брачной ночи, – тихо шепчет Пафнорий, наклоняясь к ним обоим, – по вашему желанию, они могут перемещаться на другую руку. Но всегда будут находиться либо на левой руке, либо на правой.

И Даре хочется убить одного, точнее двух духов, которые так ловко подвели её к обряду, промолчав о столь важной подробности. Не хотели пугать? Или боялись, что она не согласится?

Ночной воздух после теплого храма кажется обжигающе ледяным. Дара ежится от холода, её спутник заботливо накрывает плечи девушки полой своего плаща, прижимает к себе. Помогает слабо. Зубы начинают выстукивать нервную дрожь. Сказывается напряжение последних часов. Хочется зарыться в теплое одеяло, завернуться в кокон и забыть про все на свете. Но забыть нельзя! Брачная ночь, чтоб её!

Нет, так она не договаривалась. Замуж выйти обещала-обещала. На слепой выбор мужа соглашалась – соглашалась. Все выполнила. Вот он сидит за спиной, правя пегасом. Интересно куда?

А про брачную ночь уговора не было.

Но как же неудобно быть прикованной к чужому человеку! И то, что браслеты можно менять с левой руки на правую и наоборот – слабое утешение. От этого, стоящий рядом мужчина дальше не станет. Это же… стыдно даже подумать, что им предстоит вместе делать, если брачной ночи не будет. Ну, Нииим, ну, удружили… Зла на них не хватает. Наследника им, видите ли, хочется поскорее. Племенную корову из нее сделали!

Пегас пошел на снижение. Впереди мелькнули огоньки, гладь воды. На берегу небольшого горного озера стоял уютный каменный дом.

Арганец молча помог ей спуститься, продолжая скрывать лицо под капюшоном плаща, провел в дом.

В большой комнате был накрыт стол, уютно пылал камин, повсюду стояли цветы. Как ни злилась Дара, но теплый огонь манил к себе после холода ночи. Она шагнула к камину. Вытянула вперед руку, на сегодня вторая ей полностью не принадлежит. Она делит её с незнакомцем. Но арганец встал у нее за спиной, сам протянул к огню скованную руку.

Дара замерла, сердце учащенно забилось. Мужчина стоял так близко. Надо познакомиться, поговорить, сколько можно скрываться! Она попыталась обернуться, но ей не позволили. Нежно, но твердо не дали повернуться. Вместо этого арганец аккуратно снял с нее плащ, провел рукой по волосам, откинул их в сторону, открывая обнаженную шею.

У Дары перехватило дыхание. Он, что вот прямо так? Попыталась возмутиться, но поняла, что не хочет. Желание узнать, что будет дальше, оказалось сильнее страха.

Теплые губы коснулись кожи, проложили вверх цепочку

поцелуев. Одна рука незнакомца сжала ладонь девушки, вторая коснулась бедра, и продолжила путь до груди. Дара откинулась назад. Мужчина словно этого и ждал, прижав её к себе сильнее, одновременно прикусывая мочку уха. Девушка с трудом сдержала стон.

Что с ней происходит? Решила, как продажная женщина переспать с первым встречным? Она решительно рванулась из соблазнительных объятий, резко развернулась и замерла с открытым ртом. Волна возмущения, готовая обрушиться на наглеца, застыла при виде таких знакомых серых глаз.

– Т-ты? – невольно отступила назад, забывая, что сзади горит камин, чем тут же воспользовался огонь, запаливая краешек платья.

– Я, – с довольной улыбкой подтвердил Тайл и тут же с тревогой крикнул, – горим!

Метнулся в сторону, забыв про скованные руки. Дара от резкого толчка упала, подбив Тайла под колени. Тот чудом извернулся, чтобы не приземлиться сверху на девушку.

В суматохе Тайл схватил первую попавшуюся большую бутыль с красным вином, щедро поливая им все вокруг. Скованные руки жутко мешали, и в итоге оба оказались вымоченными в вине.

Оглядев погромленную гостиную, лужу на полу и мокрую себя Дара несмело хихикнула. Тайл попытался сохранить серьезное лицо, но его хватило ненадолго. Смеясь и подталкивая друг друга, словно дети, они поднялись на второй этаж. В спальне, продолжая смеяться, Тайл начал раздевать Дару. Длинное намокшее платье никак не хотело поддаваться. Лорд сопел, забавно ругался, еще больше веселя девушку. В итоге, достал кинжал и просто порезал его на куски.

– Теперь моя очередь, – заявила она, оставшись в нижнем платье. Её ловкие пальчики начали расстегивать мужскую рубашку.

– Милая, – Тайл поймал её лицо в свои ладони, – не верится, что ты рядом.

– Расскажешь мне все? – став серьезной, спросила Дара, – не сейчас, утром.

– Да, любимая. Знаешь, я уважаю чужие обычаи и готов подписаться под каждым словом данной клятвы, но главного там нет. Я люблю тебя больше жизни.

– И я тебя, – тихо ответила Дара, пряча смущенное лицо у него на груди.

Тайл лежал, осторожно обнимая сладко-сопящую Дару. Ему не спалось. Прошлое не отпускало, заставляя мысленно

прокручивать его раз за разом.

Путь из поместья до столицы в обход Пустошей занял у лорда дня два. Еще два ушло, чтобы договориться о встрече с нужным человеком. Старый лис, почуяв опасность, забился в нору, утроив охрану. Но у Тайла было преимущество. С ним он сейчас и встречался в парке около развалин старого поместья в пригороде столицы.

Наследник зябко встряхнулся, поправил плащ. Ночь выдалась прохладной, еще и этот противный моросящий дождь.

– А ты изменился, – он окинул насмешливым взглядом стоящего рядом Тайла, – повзрослел, что ли?

– Ты тоже, – не остался лорд в долгу, – потолстел, наверное?

– Мне всегда нравилось твое «почтение» к монаршим персонам. Если серьезно, то через пять дней в наш дом хлынут торгаши. Ежегодная привилегия, будь она проклята. В этот день во дворце полный хаос. Лучшего времени и не придумаешь. Спрячешься в малом кабинете. Он всегда заходит туда перед сном выпить рюмочку.

Пять дней – можно подождать. Заодно успеть отправить весточку Даре. Пусть не питает надежду. При таком раскладе у него нет шансов остаться в живых.

– У меня есть просьба.

– Желаешь определить способ смерти?

– Нет, скорее место.

– И где же ты хочешь покинуть этот бренный мир? – с издевкой в голосе осведомился принц Рокхар.

– Предпочитаю, умереть с видом на горы.

Тайл и сам не понимал, почему вдруг уцепился за странную мысль, промелькнувшую пару мгновений назад. Уцепился и, не ожидая от себя такой подлости, произнес вслух.

– А ты, похоже, всерьез запал на эту принцессу, как её там, Дару?

– Дариэллу.

– Ты знаешь, что старик жаждет меня на ней женить? Даже сватов отправил.

Тайл напрягся. Вот неудача.

– А ты?

– Можешь помирать спокойно. Я не горю желанием так быстро вешать на себя оковы брака. Хватит, наелся уже. Лучше погуляю. У меня вон двое мальчишек подрастают в поместьях. Если что – примут и незаконнорожденного наследника. Не впервой.

Но так и быть, в честь нашей прошлой дружбы из дворца выпущу. Даже позволю до гор дойти. А вот дальше, не обессудь.

Живым оставить не могу. Вдруг ты решишь предъявить права на престол? Зачем нам хаос в стране, я прав?

Тайл кивнул. У каждой проблемы есть своя цена решения. В его случае – собственная жизнь.

– У тебя ведь сестра в Арганию сбежала или спрятал где? – словно невзначай осведомился Рокхар.

– Замуж она выходит, – нахмурился лорд, пытаясь скрыть тревогу, – за арганца.

– Отличная новость, – лживо улыбнулся принц, – Поздравляю! Счастья им, да любви.

Тайл незаметно вздохнул с облегчением. Рокхар ясно дал понять, что не будет преследовать сестру в Аргании. Значит, можно не волноваться за будущих племянников. Все складывается удачно. Императора ему помогут убрать, даже позволят пару деньков пожить после этого, а затем он умрет с именем любимой на устах, глядя на горы, скрывающие за собой Дару.

Погода в последние дни лета испортилась окончательно. Дождь то усиливался, то превращался в противную морось, радуя лишь редкими затишьями. По ночам густой белый туман выползал из низин, укрывая землю плотным одеялом.

Тайл въехал в очередное облако, выругался – так можно и не в ту сторону завернуть. Дурацкая ситуация – убийца императора теряет дорогу и выезжает к морю, вместо гор. Хотя, о чем это он, собственно? Не позволят ему заплутать. Принц, ах, простите, уже император не допустит отклонения от разыгрываемого сценария. Убийца его отца должен быть пойман и казнен после длительных погонь и опасных схваток. Чтобы всем было ясно, насколько силен преступник, и лишь около гор его удалось догнать. Иначе с чего бы простому смертному такая удача?

Наверняка, всплывет обучение в монастыре. Рокхар сделает все, чтобы ни малейшей тени подозрения не легло на его славное имя. Скорее всего, сам прирежет Тайла на глазах у личной охраны. Какой будет славный повод войти в историю! Не каждому императору везет собственноручно покарать убийцу отца. Не зря Рокхар с такой легкостью согласился на предложение Тайла, и его план наводит на мысль, что наследник давно подумывал об устранении отца. Уж больно тщательно продуманы детали.

Как водится в таких делах, невозможно предугадать все мелочи. В какой-то момент, отбиваясь от озверевших стражников, Тайл решил было плюнуть на горы, на идиотскую затею с местом гибели, но что-то не позволило ему остановиться на полпути. «Ты обещал попытаться», – шепнуло оно, придавая сил.

Выпитые зелья, какие не купишь в обычной лавочки целителя, не дали Тайлу свалиться от полученных ран. Хоть и в

потрепанном состоянии он смог вырваться из дворца.

Верный конь бережно нес хозяина в сторону долгожданных гор. Сзади, держась на одном и том же расстоянии, следовал отряд Рокхара. По бокам Тайл изредка замечал одиноких всадников – контролировали, вдруг свернет? Его вели к цели бережно, позволили даже переночевать в заброшенной избе. Берегли, не давая умереть раньше времени.

Тайл проверил сумку – два флакона в запасе. Хватит, чтобы добраться до гор и не свалиться по дороге. Здоровые люди после таких доз стимулирующего снадобья пластом неделю лежат, а некоторые и вовсе на тот свет отправляются. Хорошо, что ему не нужно заботиться о своем здоровье. Мертвому это ни к чему. Раны перевязал, чтобы не истечь кровью и довольно.

У предгорий они очутились поздним вечером. Тайл пошел на хитрость, резко свернув в сторону, чтобы немного оторваться от преследователей. Ему хотелось добраться до виднеющейся в полумраке скалы. Наследник мог и не позволить забираться далеко вглубь.

Рокхар после двух дней скачки пребывал не в лучшем расположении духа и спешил закончить преследование. Во дворце его ждали более приятные занятия, например, долгожданная коронация.

Оставив коня внизу, Тайл отправился наверх. В темноте он пару раз терял опору под ногами, да и раны давали о себе знать. Лишь на одном упрямстве лорд добрался до вершины. Зато вид, открывающийся отсюда, вознаграждал за все усилия.

Взошедшая луна серебрила горные склоны, и те казались повисшими в воздухе на темном фоне остального массива. Небо, усыпанное звездами, завораживало своей близостью. Тронь и достанешь. Чистый холодный воздух пьянил, отрезвляя.

Нахлынувшее осознание скорой гибели заставило Тайла покачнуться, упасть на колени. Слезы. Лишь горы стали безмолвными свидетелями его слабости.

– Любимая, – выдохнул он, чувствуя, как тоска смертельным ядом разъедает сердце, выворачивая душу наизнанку, – прости, милая. Прости за все.

Тайл впервые в жизни пожалел, что успел так мало. Как оказывается, бессмысленны были его увлечения, как суетны и ничтожны дела. За мимолетными влюбленностями, за победами, которыми он так гордился, терялось самое главное. Любовь отворачивала свое чистое лицо, стыдясь вступать в его замутненную похотливыми страстями душу.

Сильному чувству чужды пустяковые траты, оно не приемлет размениваться на пустяки. Любовь жаждет заполучить все сразу,

словно лесной пожар, она овладевает душой, сжигая лишнее без остатка. И сразу меняется окружающий мир. И видится все по-другому. И важно лишь одно – быть рядом с любимой, слышать её голос, ловить улыбку, сжимать в объятиях, а если этого не дано, просто быть уверенным, что она счастлива.

– Ты еще повыше забраться не мог? – донесся снизу недовольный голос Рокхара, – хорошо хоть коня оставил, а то мы бы до утра тебя искали. Насмотрелся на горы? Так спускайся. За тобой лезть – лишь ноги в темноте ломать.

– Придется, братец, – весело ответил Тайл. Он поднялся с колен – в душе царило удивительное спокойствие. Тоска ушла вместе со слезами, оставив вместо себя чувство поразительной легкости, словно враз отрезали все нити, связывающие его с миром.

– Может просто спрыгнешь вниз? – с надеждой предложил принц, – а мы тут добьем, если сразу не сдохнешь, а?

– Неужто боишься? Или может, решил меня отпустить?

– Не дождешься, – проворчал Рокхар, спрыгивая с коня, – пару лучников на всякий случай вон туда. Лухас, возьмешь еще троих и со мной.

– Не торопись, – раздалось сверху, крылатая тень промелькнула по небу, и на скалу, позади Тайла опустился пегас.

– Я за тобой, – сразу перешел к делу Кристан, спрыгивая с коня.

– Серый, а ты не говорил, что у тебя есть арганские друзья. Мне, показалось, горец, или все ваши, словно крысы, бежали из империи?

– Как видишь, не все. Этот человек отправится со мной.

– Этот человек убил моего отца, и потому он умрет.

– По тому, как ты не торопился его убивать, я могу судить, что ты тоже замешан, – спокойно озвучил свои выводы Кристан, – согласись, заказчик виновен гораздо больше исполнителя.

– Ах, ты, грязный горский выродок, – Рокхар, ругаясь, полез наверх.

– Не знал, что ты сумасшедший, – усмехнулся Тайл, – иначе с чего бы стал меня спасать?

– И не надейся, что я здесь ради тебя, – понизив голос, ответил Кристан, – по мне, так лучше бы ты сдох.

– Не переживай, скоро сдохну. Зелья, да раны добьют меня и без помощи Рокхара, – Тайл покачнулся, и упал бы, если бы его не подхватил арганец. Он аккуратно усадил лорда на камни.

– Эй, твое высочество, – нагнулся вниз Кристан, ловко увернулся от пущенной в него стрелы, – предлагаю сделку. Я заберу твоего родственничка с собой, и ты его больше не

увидишь. Он нам кое-что задолжал, и мы предпочтем, чтобы он расплатился, чем просто сдох здесь.

– Напомни-ка мне, что именно я тебе должен, – просипел Тайл, из последних сил держась на грани сознания. Действие зелий, увы, заканчивалось.

– Вернуть разбитое сердце принцессы, – ни мало не смущаясь, ответил Кристан.

Услышать подобное из уст сурового арганца было настолько удивительным, что Тайл от неожиданности даже пришел в себя.

Внизу стихло шуршание и сопение. Там тоже переваривали полученную информацию.

– Эй, наверху! Я правильно понял, что вы собираетесь напялить на Серого корону?

– Он женится на Дариэлле, будущей королеве Аргании, – педантично поправил Кристан.

– Не все ли равно, – раздраженно заметил Рокхар.

– Правящей королевой является именно Дариэлла, Тайл будет лишь номинально считаться королем. И даю слово арганца, он никогда не вернется в империю.

– Ха, номинальный король, звучит неплохо. У нас говорят, что лишь слову гор можно верить. И почему я сегодня такой добрый? Так и быть, Тайл убирайся к своей принцессе. Чей-нибудь труп вместо твоего я подберу. Цени мою доброту, братец.

Кристан помог Тайлу подняться, усадил на пегаса. Лорд застонал от боли, но чудом удержался от потери сознания.

– Слушай, горец, а помнишь, ты мне корабль железок обещал?

Арганец замер, поставив ногу на стремя.

– Я помню все свои обещание, – ответил твердо, лишь дернувшийся глаз выдал его раздражение от неуместного вопроса.

– Твое высочество, ты еще там ползаешь или уже свалился? – крикнул в темноту Тайл.

Снизу донеслись ругательства, а затем Рокхар отозвался недовольным тоном.

– А ты еще дышишь? Жаль. Услышав твои стоны, я было понадеялся, что сам сдохнешь.

– Не дождешься. Не люблю быть должным, тем более тебе. Корабль арганского оружия способен окупить мою жизнь?

– Целый корабль? Слушай, с твоими способностями может плюнешь на Арганию и пойдешь ко мне министром торговли? Будет, где развернуться.

– Извини, но у меня теперь собственная страна имеется.

Пегас, резво оттолкнувшись от скалы, рванув вверх и в

сторону, за пару взмахов скрываясь в темноте.

– Ушел, чертяка, – огорченно сказал один из стражников, опуская лук, – теперь не достанешь.

– Надеюсь, наверху мне зачтется этот поступок, – задумчиво проговорил Рокхар, – что замерли? Живо в деревню. Нам еще похожий труп искать.

Тайл от резкого толчка завалился на арганца, и уже сквозь пелену забвения почувствовал, как в него вливают что-то горькое, затем еще, не менее горькое. Издалека донесся голос Кристана.

– Она же сказала, что только я могу тебя спасти, так что не вздумай помирать, слышишь, Серый? Не вздумай! Ты только до целителя продержись, иначе, как мне ей в глаза смотреть?

Впервые за долгие годы королевский зал распахнул свои двери, принимая глав семей. В Аргании предпочитали жить несколькими поколениями под одной крышей, и дома здесь строили просторные в несколько этажей с внутренними дворами и отдельными флигелями.

На окнах зала сверкали белоснежные портьеры, заменив черные траурные, высокие вазы с цветами радовали взгляд. Натертый до блеска пол отражал многочисленных гостей. Даже строгие колонны из розового мрамора сегодня были увиты цветочными гирляндами.

На возвышении, принимая поздравления, стояли двое. В королевских цветах – черном и голубом они смотрелись очень гармонично. Юная хрупкая черноволосая девушка и немного бледный мужчина со странным пепельным цветом волос и серыми глазами.

Многие в зале посматривали на него с неодобрением. Имперец на горном троне! Сбылись худшие опасения арганец. Принцесса из империи притащила себе мужа. Ладно бы простого человека, нет же, родственника императора, чтобы тот сдох! Но открыто возражать никто не смел – с судьбой не поспоришь. Такова воля Создателя, и остается подчиниться, да смотреть за чужаком в оба глаза.

Так ворча про себя, по очереди подходили к трону, опускались на колени, ловили взгляд сияющих глаз и теплую улыбку. «Так может выглядеть лишь счастливая женщина», – решали арганцы, и уже менее враждебно косились в сторону короля.

Загадкой оставалось лишь поведение Кристана. Многие считали его вероятной кандидатурой на место короля, однако тот повел себя странно. Появился перед самой свадьбой, тайком заменил себя на имперца. Зачем? Своими же руками отдал счастье чужаку.

– Ваши величества, – снова поклон. И ласковая улыбка королевы, украдкой брошенный взгляд в сторону мужа, и ободряющее пожатие руки в ответ.

«А может и правильно поступил», – рассуждали арганцы, отходя в сторону.

– Мои поздравления, – Кристан склонился перед троном, – счастья вам, – выпрямился, кинул предупреждающий взгляд на Тайла, – Помни, ты обещал.

И отвернувшись, зашагал прочь.

– Стой, – Дара бросилась следом, но Тайл задержал жену.

– Не надо, ему и так сейчас не просто. Ты ранишь его лишь сильнее.

– Но я должна его поблагодарить. Если бы не он…

– Я сделаю все сам. От тебя он ничего не примет. А я…. я никогда не забуду того, кто меня спас.

– И вернул ко мне. А что ты ему обещал?

– Что никогда тебя не обижу, – улыбнулся Тайл, нежно обнимая жену.

День не заладился с самого утра. Чуть свет Тайл сорвался на какую-то встречу, чмокнул в нос, пробормотав, что будет лишь к вечеру. Жаль, она так рассчитывала провести свободный от занятий день вместе.

После завтрака Дара решила, наконец, заглянуть в мастерскую. Сколько можно откладывать! От того, что им не заниматься, дар никуда не денется.

И вот битый час она сидела за защитным стеклом, в котором были проделаны специальные отверстия для рук, и пыталась по совету Ниим склеить два камня. Стекло придумал кто-то из её предков, чтобы защитить лицо и тело от осколков камней. Не только Даре было проще всего разрушить, чем что-то создать.

– Начни с объединения, – пытались втолковать ей обе Ниим, – представь, что два куска в твоих руках, когда-то были единым целым. Попробуй их соединить. Вот как мы.

И обе Ниим, задорно хихикнув, слились в одну. Дух подмигнул, закрутился перед ошарашенной Дарой.

– Я попробую, – неуверенно проговорила она, сосредотачиваясь на камнях. Те послушно нагрелись в руках, чтобы через мгновенье разлететься на мелкие осколки. Дара резко отшатнулась, зацепилась за край стола и рухнула на пол. Постанывая, поднялась. Похоже, без синяков дар не подчинишь, а ей так хочется восполнить пустые места в королевской гробнице, изваять статуи погибших в империи предков.

– Ниим, я давно хотела спросить. Там в поместье я видела твое лицо, а сейчас ты опять скрываешь его под капюшоном,

почему?

– Что же, – дух перестал крутиться, опустился перед девушкой, – думаю, время пришло.

Ниим откинула капюшон, и на девушку глянуло её собственное лицо. Лишь глаза были целиком черные, без белков.

– Я? – Дара невольно отступила, ноги враз ослабели, и она без сил опустилась на стул, – почему?

– Ты ведь давно уже догадалась, правда? Просто боялась признаться. Я твой дар. И всегда была с тобой, с самого рождения. Мы возрождаемся в людях, а с их смертью растворяемся в скалах. Создатель благословил твой род, даровав им особого защитника. Увы, не каждый из вас может нести в себе мой дух. Я рада быть с тобой, Дарушка.

Внезапно мир поплыл перед глазами, Дара покачнулась, с трудом уцепилась за край стола. Резкая волна тошноты накрыла её, заставив крепко сжать зубы.

– Дыши, Дарушка, дыши глубже. Держись, милая, сейчас пришлю помощь, – засуетилась Ниим.

– Не надо, мне уже легче. Что со мной? – Дара вытерла вспотевшие ладошки.

– М-м-м, сказать? Или сама поймешь? Хотя, это же первый раз. Поздравляю, милая, с наследником. Да, это определенно мальчик, – голос Ниим предательски дрогнул, она вдруг всхлипнула, – прости. Даже не верится, что королевская династия не канула в небытие, а смогла возродиться. Лучший день в моей жизни.

Эпилог

Глашатай откашлялся, его зычный голос разнесся по тронному залу, ныряя в закоулки и возвращаясь оттуда двойным эхом.

– Его императорское величество Рокхар первый де Тасэран ГорТосигран, властелин империи Ролланг.

Тайл заботливо помог жене встать с трона, сердце привычно защемило от нежности. Столько лет прошло, а он никак не может привыкнуть к тому, какая она красавица! Даже вторая беременность не портила облик, наоборот, черты лица приобрели особую мягкость, движения стали плавными, а глаза сияли, словно две маленькие звездочки. Небольшой пока животик был скрыт под высоким лифом платья, и все равно подданные уже были в курсе, что королева носит второго ребенка. Не один половник был сломан на кухнях в жарких спорах, кто родится на этот раз – мальчик или девочка.

Тайлу было все равно, кто у него будет сын или дочка, лишь бы беременность прошла благополучно. Ох, и напереживался он в первый раз. А затем позорно напился в стельку, чего с ним не случалось ни разу в жизни. И никто его не остановил. Он еще помнит, как уносили Наместника. Гестар, зараза, утверждал, что свалился под стол последним, но Тайла мучали сомнения на этот счет. По крайней мере, на рождение собственной дочери Гестар отключился раньше него.

Тайл не смог сдержать улыбки, вспомнив самое странное сватовство в своей жизни. Вначале он безуспешно пытался отговорить сестру от прохождения испытания гвардейцев. Затем плюнул – пусть калечится. Правда, Гестар обнадежил – самые опасные этапы они закрыли.

На испытание собрались даже седые ветераны – слыханное ли дело, дева и с оружием? Эл не подвела – блестяще прошла трассу. Легко преодолела все препятствия, лишь в самом конце веревочный мост, переброшенный через пропасть, оборвался, и девушка повисла, держась за один конец веревки. Ей на помощь кинулся Гестар, добрался до Эл, помог взобраться на остатки моста, но затем мост окончательно развалился на части. Горец сильным движением забросил девушку на уступ, а сам повис, чудом держась на отвесной скале. О чем они там разговаривали, осталось загадкой, но когда по знаку Гестара, дежурившие рядом арганцы с пегасами сняли обоих со скал, горец с довольной улыбкой пригласил всех на свадьбу.

Обряд проводил уже новый настоятель. Нииим сдержала свое

обещание, и вечером после коронации Пафнорий отошел в мир иной, прожив долгую в сто десять лет жизнь.

Ох, и тяжело пришлось Тайлу первое время. Арганцы упорно пытались не допустить его до управления государством. Да и с Дарой они возились, больше обучая, чем позволяя принимать решения. Но он не жаловался. Легко превращал навязываемые «развлечения» в полезные поездки. Рыбалка – обязательно, но с заездом на острова, заодно и форты посмотреть, и с купцами поговорить. Охота – безусловно, рудник как раз неподалеку.

С радостью принял жеребенка пегаса, сам растил, не гнушаясь выслушивать советы опытных конюхов. И постепенно арганцы перестали чуждаться нового короля. Всегда приветлив, доброжелателен, умеет выслушать, а его советы не раз оказывались как нельзя кстати. Наместник все больше перекладывал внешние дела королевства на плечи Тайла. Торговля, распределение пошлин, встреча делегаций, ловля пиратов, защита побережья – король уверенно вел дела. Где надо – шутил, шел на уступки, где следовало, проявлял твердость и жесткость.

Внутренними делами Аргании Наместник занимался сам, активно привлекая юную королеву. Не всегда семьи уживались мирно, случались между ними и споры. Их решал Наместник в присутствии Дариэллы. А после заставлял оспаривать его решения, приводить свои доводы. Терпеливо указывал на ошибки, объяснял смысл мудрых законов. Готовил к тому времени, когда королева единолично будет казнить или миловать, даровать или отнимать.

И вот сегодня впервые за сто лет нога императора переступала порог тронного зала Аргании.

Довольно прятаться за горами. И пусть отношения двух стран были далеко не дружескими, но история не топчется на месте, время идет, жизнь меняется и не стоит цепляться за прошлое.

Дара глубоко вздохнула, нервно поправила корону. Заметив волнение жены, Тайл нашел её ладонь, ободряюще сжал.

– Не бойся, я не позволю ему тебя обидеть.

– Я не боюсь, просто не знаю, что можно ожидать от вашей семейки.

– От меня только любви, – прошептал он, заставив щеки Дары окраситься легким румянцем. С чем пожаловал венценосный родственник, Тайл примерно представлял. В присланном письме Рокхар не жалел выражений, чтобы высказать свое негодование по поводу излишне активной торговой политики Аргании, а в конце выражал сожаление, что излишне талантливый родственник работает по ту сторону гор, а не по эту.

Тайл со странной смесью чувств смотрел на идущего по залу императора. В детстве, лет до десяти они были очень дружны, называли друг друга братьями, но смерть отца проложила между ними стену отчуждения, а затем и наследник позабыл про детские игры, отбирая из друзей тех, кто в будущем стал бы опорой трона при его правлении. Тайл в это число естественно не входил.

Так друг, брат или враг?

– Мое глубочайшее почтение Дариэлла, Маргтайлирэн, – император Рокхар изящно склонил голову.

– И мы рады приветствовать вас, ваше величество, – любезно улыбнулась Дара.

– Королева, вы стали настоящей красавицей, – на лице Рокхара расцвела широкая улыбка, – к сожалению, мы не были представлены во дворце, но я видел вас несколько раз, прогуливающейся по саду.

«Понятно, подглядывал», – усмехнулась про себя Дара.

– Кто знает, узнай мы тогда друг друга, может и я стал бы тем счастливцем, стоящим сейчас рядом с вами.

– Осторожней, – выразительно изогнул бровь Тайл, – а то я решу, что ты пытаешься ухаживать за моей женой.

– Полно, братец, моя зависть тебе приятна. Смотрю на вас и думаю, жениться что-ли? Может, какая арганка согласиться осчастливить одинокого вдовца?

– И поселиться в империи? – Дара отрицательно покачала головой, – только здесь понимаешь, что без гор жизнь – не жизнь.

– Жаль, – искренне вздохнул Рокхар, – и все же я буду надеяться, – он выразительно посмотрел в глаза Дары. Та спокойно выдержала его взгляд. Легко противостоять, когда за спиной целое королевство, когда есть что защищать и за что бороться. Когда жизнь наполнена смыслом, когда живешь не только ради себя. И тогда любые враги – не враги. Их встречаешь без страха, смело глядя в глаза. Император моргнул и отвел взгляд, признавая силу стоящей перед ним женщины.

Татьяна Бродских
Вторая жизнь

Пролог

– Зачем ты согласился? – шептал один из двоих, присутствовавших в спальне молодой девушки. Он мог бы говорить громче, все равно она не могла бы его услышать: жило только ее тело, в то время как душа давно обитала в райских кущах или отправилась на перерождение. – Мы не можем им помочь, девушка практически мертва.

– Ты забыл, что нам уже заплатили? Или хочешь еще несколько лет придумывать, как получить этот артефакт, причем отданный добровольно? Не моя вина, что девчонка оказалась так слаба, – раздраженно ответил второй. Он не утруждал себя сдерживанием голоса, зачем, их язык не могут знать какие-то людишки.

– Если мы не вылечим девушку, это будет нарушением договора, тогда артефакт не подействует, – все больше нервничал первый.

– Лечить здесь уже нечего, мы вернем душу обратно в тело, я призову ее. Да, придется истратить весь резерв и даже у тебя позаимствовать, но лучше так, чем потом опять искать артефакт.

– У тебя ничего не выйдет! Ты не сможешь вернуть именно ее душу! – срываясь на визгливые нотки, заявил первый. – Ты хочешь поставить на карту дело нескольких десятилетий?

– Успокойся, я внимательно читал договор, если мы оживим девчонку, то он нарушен не будет, а для этого подойдет любая душа.

– А вдруг это будет душа мужчины? Ты об этом подумал?

– Идиот! Чему тебя только учили? У души нет пола – это кусочек сущности создателя, – отвесил подзатыльник первому более старший. – Я призову душу из небытия, у них уже нет воспоминаний о прошлой жизни. Зато у тела сохранилась мышечная память и подсознание. Дочка хозяев будет жить. Да, это будет не совсем она, но никто об этом не узнает. Вот увидишь, они даже не заметят разницы. Люди крайне примитивные создания, только единицы среди них видят ауры и владеют парочкой фокусов, при этом называют себя громким словом «маги». А потерю памяти будет легко списать на длительную болезнь. Они нам еще руки целовать будут, – самодовольно закончил речь старший из двух, чем заслужил восхищенный взгляд молодого ученика.

Глава 1

«Как же плохо! Давненько мне не было так хреново!» – мысли текли вяло, в голове стояла муть, во рту мерзкий привкус лекарств, а еще до невозможности хотелось пить. «Я заболела или выпила лишнего?» – почему-то память ускользала, не давая зацепиться ни за одно событие. Как будто все, что было до сегодняшнего дня, покрылось туманом, изредка там мелькал краешек чего-то, но только стоило мне сосредоточиться, как все опять терялось.

«Так, надо встать и хотя бы утолить жажду», – этот сушняк сбивал меня с мыслей. Принять решение было легко, но исполнить его не получалось. Сначала я запуталась в одеяле, потом долго искала, где у кровати конец, пока не уткнулась носом в штору и не свалилась на пол вместе с ней. К тому времени я совершенно выбилась из сил, все тело покрылось потом, руки дрожали, а сердце лихорадочно билось в груди.

«Нет, это явно не с перепоя, да я же и не выпью такое количество», – я сидела у кровати, прислонившись к ней спиной, в надежде, что сердце перестанет выпрыгивать из груди и мне удастся встать. Подняться получилось только с третьей попытки и то, держась за еще одну штору. Из памяти выплыло название «балдахин», и зачем оно мне, собственно, нет бы, что-нибудь стоящее вспомнить. Ноги не хотели слушаться, подкашивались, дрожали не меньше, чем руки, но не садиться же обратно, если я уже встала, да и пить очень хотелось. Почему-то у меня не возникло мысли позвать кого-нибудь на помощь, но об этом я подумала позже, тогда же все мои мысли были о воде, а она есть в ванной комнате. Дав себе установку, я побрела на ее поиски, придерживаясь сначала кровати, а потом стены.

Полумрак меня не смущал, окружающее пространство меня не интересовало, мозг вяло поддакнул, как бы говоря, что мы там не видели. Действительно, раз я здесь, значит, комната моя или нет? Логика потерялась там же, где и память, ладно, буду считать, что я дома, вот и ванная нашлась с первого раза. Утренний сумрак проникал через большое окно, здесь было светлее, чем в комнате. Хм, а может, я все-таки не дома? Я с сомнением уставилась на чугунную ванну на гнутых ножках в форме лап льва, что-то я не припомню у себя такого раритета. Ладно, это потом, а сейчас водичка. Да где же кран с водой?! Я помню, что из-под крана пить нельзя, но мне сейчас не до абстрактных микробов.

Как назло, крана не было, слив у ванны был, а труба, откуда

должна поступать вода, нет. Что за глюк? Забыли сделать или ремонт какой-нибудь затеяли? Я еще раз оглядела комнату: ванна, унитаз, стилизованный под древний, но вполне изящный, столик с зеркалом, на нем фаянсовый тазик и кувшин. Кувшин! Дай бог, чтобы там была вода, и муки мои были ненапрасными. Я, опять же по стеночке, доползла до вожделенного предмета. Небо или боги надо мной сжалились, вода в кувшине была! Поднять его у меня не хватило сил, тогда я просто его наклонила, подставив под струю рот. Какое же это блаженство! В моей жизни не было прекраснее момента, мне так кажется. Я захлебывалась, давилась, больше половины проливая на ночную рубашку, но мне было все равно, вода давала мне силы.

Тут послышался визг, такой пронзительный и громкий, что я невольно схватилась за голову, выпустив из рук кувшин. Он, потеряв устойчивость, упал и разбился. Вода растеклась по полу, заполняя канавки между мозаичной плиткой, и я без сил опустилась на нее. Дверь открылась и в нее ворвалась молодая дородная девица, весьма решительно настроенная. Но, заметив меня, растеряла свой воинственный пыл, запричитала, заохала, что-то у меня настойчиво спрашивая, я же ее не понимала. Вроде слова были знакомы, а смысл уловить не удается, может, у девушки что-нибудь с дикцией? Не добившись от меня ничего, девица куда-то умчалась. Ну и пусть идет, с разбившимся кувшином пропал стимул шевелиться и что-то делать. Я сидела на мокром полу, привалившись спиной к стене, полностью погасить жажду не удалось, но мне существенно стало легче, утихла головная боль, пропал мерзкий привкус во рту, только слабость еще давала о себе знать, мне бы поспать немного. Глаза сами закрылись, отрезая меня от странной реальности, так похожей на сон или все же наоборот?

* * *

Второй раз я очнулась от того, что какая-то женщина рыдала на моей груди. Я лежала в кровати, опять укрытая этим тяжелым одеялом. Изверги, и так воздуха не хватает, а они еще балдахин обратно повесили, хоть бы постирали его. Кто были те люди, которых я в душе обзывала извергами и садистами, не знаю, возможно, рыдающая женщина одна из них. Я пошевелилась, стараясь выбраться из ее цепких объятий, она вскинула голову, уставившись на меня огромными голубыми глазами, полными слез.

– Доченька, очнулась?! Святая великомученица, какое

счастье! – вскрикнула она, с новой силой наваливаясь на мой многострадальный организм. Постойте, она сказала «доченька»? Впервые вижу эту женщину, может, она не в себе? Я скривилась. Не люблю, когда меня трогают посторонние люди, женщина это заметила и поспешно отодвинулась.

– Прости, милая, я совсем тебя придавила, но это от счастья. Когда мне сегодня сказали, что ты пришла в себя и даже вставала, я не поверила, думала, меня обманывают, из благих побуждений, конечно, чтобы я не теряла надежду.

Тут дама опять всхлипнула.

– Какая может быть надежда, если ты два года угасала на моих глазах, моя кровиночка, мое единственное дитя. А эти последние три месяца, которые ты провела в бессознательном состоянии? Я каждый день боялась, что мне принесут страшную весть. Но теперь все будет хорошо, правда? Может, тебе чего-нибудь принести, попить или кушать?

Я молча закивала, надеясь, что эта странная женщина уйдет, и я смогу спокойно все обдумать. В первую очередь то, что я так и не вспомнила ни имени, ни лица своей матери.

– Надька! Где тебя черти носят? – голос у дамы оказался громкий настолько, что у меня заложило уши. В пределах моего взгляда появилась знакомая девица с виноватым выражением лица. – Быстро принеси для госпожи морса и съестного, на кухне должны знать, что подать, доктор оставлял им рекомендации. Да, и отправь Проньку за господином Корвусом. Милая, тебе еще что-то нужно?

– Да, – прохрипела я, во рту опять пересохло, говорить было тяжело. – Пусть откроют окно, дышать нечем, и балдахин уберут, он пыльный.

Дама опешила, не знаю, каких просьб она ожидала, а может вопрос был задан из вежливости, но уже через несколько секунд она справилась с собой, принюхалась к балдахину, чихнула и побагровела, переведя убийственный взгляд на служанку.

– Сейчас все сделают, радость моя, – она встала и вышла из комнаты, за ней следом плелась бедная Надька, у которой начался нервный тик.

Как оказалось, не зря: из-за двери раздались крики и топот, кричала, используя красочные эпитеты, все та же мадам, а топот, наверное, принадлежал тем, кому эти идиоматические выражения предназначались.

Буквально через пять минут в мою комнату – я уже привыкла считать ее своей – набилась куча народу. Они вытирали пыль, мыли, сняли шторы с окон и балдахин. А какой-то крупный детина подхватил меня на руки вместе с одеялом и куда-то понес.

– Надька, иди, помоги своей госпоже устроиться удобнее в моей комнате, там и покормишь ее, – давала распоряжения неизвестная дама, считающая себя моей матерью. – Милая, это временная мера, сейчас эти бездельники наведут порядок, и ты вернешься в свою комнату. Надеюсь, Наденька не даст тебе скучать.

Последняя фраза была произнесена таким тоном, что на месте Наденьки я стала бы заикаться. Но проблемы девушки меня не волновали, своих хватает, точнее, пока проблема была одна: как ни пыталась я хоть что-то вспомнить, у меня ничего не получалось, как будто я не жила до сегодняшнего утра. Возможно, выводы делать еще рано, слишком мало данных, но у меня закралось смутное подозрение: либо я сошла с ума, либо все остальные.

Комнаты мадам были светлые и довольно изысканно обставленные: гостиная, точнее будуар и спальня. На мой вкус было многовато золотого и красного цвета, я бы предпочла более спокойные тона. Наденька, радуясь, что вырвалась из-под неусыпного взора мадам, кормила меня супом-пюре, вкус которого не определялся, и щебетала о последних новостях. Кто на ком женился, у кого уже появились дети. Она сыпала именами, которые мне ни о чем не говорили. Она хочет пересказать все, что случилось за два года? Хотя ее можно понять, попадаться под горячую руку той даме не хотелось даже мне. Когда с едой было покончено, а на меня опять напала знакомая осоловелость, я, сдерживая зевоту, попросила у девушки зеркало. Она тут же сходила за небольшим зеркальцем и вручила мне, а я с некоторой опаской заглянула в него.

Оттуда на меня смотрела миловидная девушка с точно такими же глазами, как у мадам. Сомнения в родстве отпали, стало быть, с ума сошла все-таки я. Что ж, этого и следовало ожидать. Я внимательно разглядывала свое отражение: большие ярко-голубые глаза, очень светлые, почти белые волосы, брови и ресницы, курносый носик, пухлые губки, этакое воплощение невинности и чистоты. Фу, никогда не любила такой типаж, я скривилась, зеркало отразило недовольную гримасу. На милом личике она смотрелась инородно. Вывод: я симпатичная, и это неплохо, было бы хуже, если бы болезнь меня обезобразила, но и не красавица. Единственная выразительная часть на лице – это глаза, надо только с взглядом потренироваться, а то он у меня какой-то тоскливый.

Еще я обратила внимание, что хоть мы с мадам очень похожи, есть и отличия. Во-первых, цвет волос, у нее они русые, во-вторых, форма губ, у нее они тонкие и капризно изогнутые, а еще

у меня есть ямочка на подбородке. С другой стороны, должна же я что-то и от отца взять, его я тоже не помнила, впрочем, как и свое имя. Впору было впадать в панику, но организм был против новых стрессов, поэтому быстренько отключился.

* * *

В третий раз меня разбудили довольно бесцеремонно, подсунув под нос что-то с резким запахом. Я отстранилась, открывая глаза, надо мной склонился седовласый старичок, еще крепкий на вид, с ясным умным взором.

– Миледи, мое почтение, – он склонил голову, внимательно меня разглядывая. – Я счастлив, что известие о вашем чудесном выздоровлении не оказалось досужим слухом.

– Кто вы и зачем совали мне под нос эту гадость? Я спала, а не была без сознания, – старичок производил впечатление разумного человека, может, хоть он назовет меня по имени.

– Вы меня не помните? – несколько удивился он. – Я ваш семейный доктор, я присутствовал при вашем рождении, миледи, и на протяжении двадцати лет следил за вашим здоровьем, а также за здоровьем всех обитателей этого дома. Странно, что вы меня не помните. Что еще вам не удается вспомнить? Так понимаю, не только я кажусь вам незнакомым человеком?

Доктор – это хорошо, кому как не ему разбираться в этой проблеме.

– Я ничего не помню, даже своего имени, – призналась эскулапу.

– Ну что вы, так не бывает, вы же говорите, не путаете название предметов. То есть у вас задета только та часть мозга, где хранилась личная информация. Могу вас успокоить, такая форма амнезии вполне естественное осложнение после той болезни, что вы перенесли, и она обратима. Пройдет какое-то время и память вернется, уверяю вас. А теперь мне нужно вас осмотреть, чтобы назначить восстановительное лечение.

Осмотр доктора не затянулся: он измерил мне пульс, заглянул в рот, глаза, ощупал живот.

– Все в пределах нормы, если не считать общей слабости. Но это дело поправимое: хорошее питание, разумная нагрузка, крепкий сон и через пару месяцев вы будете полностью здоровы, – улыбнулся старичок. Он мне нравился, вызывал доверие.

– А когда мне можно будет выходить на улицу?

– На улицу? Вы имеете в виду выходить на прогулку? Думаю, недели через две, сейчас поздняя осень, грязь, слякоть, для

здоровья такая погода неполезна. А вот когда подморозит, можно будет выходить, сначала ненадолго. Вы должны понимать, что только встали на путь выздоровления, поэтому во всем должна быть мера. Еще я сообщу миледи, что у вас провалы в памяти, но не буду ее расстраивать, что вы и ее не помните. Надеюсь, вы пойдете мне навстречу и сохраните эту маленькую недосказанность в тайне. Ваша мать очень чуткая и ранимая женщина, у нее слабое сердце, не хотелось бы, чтобы она опять страдала.

Особой ранимости и чуткости я не заметила, но кивнула в ответ, мне нетрудно немного слукавить. Ведь память может вернуться, доктор же обещал, и будет очень неловко, если я сейчас буду обращаться с родными грубо и холодно.

– Извините, а как мне обращаться к миледи? А еще вы не могли бы назвать имена моих родителей и мое заодно? – вспомнила насущный вопрос.

– Миледи зовут Алисандра Монфри. Милорда маркиза, вашего отца, Рейгар Монфри, а вас назвали в честь бабушки, мир ее праху, Рибианна.

– Как? – мне показалось, что я ослышалась.

– Рибианна, – повторил доктор, улыбаясь. – Слуги обращаются к вам «маленькая леди» или «госпожа Риби», миледи часто зовет Рыбонькой и другими ласковыми словами. Вы называли ее маменька или миледи.

Полный кошмар, я еще и «рыба» для родственников.

– Дайте угадаю, я скромная, застенчивая девушка без собственного мнения и всегда делаю то, что скажут родители?

– Вот видите, я же говорил, что память начнет к вам возвращаться, – обрадовался эскулап.

Тут он ошибся, память ко мне не вернулась, но выводы я кое-какие сделала. И уже не так расстраивалась, что ничего не помню, может, это мой шанс начать жизнь с нового листа. Если родственники надеются, что им удастся вернуть ту кроткую овечку, то зря. И начну я с малого – никаких больше «маленьких леди» и «рыбок».

– А день рождения у меня когда?

– Третьего дня Стуженя месяца вам исполнится двадцать один.

– Это много или мало? – у меня не получалось сориентироваться с возрастом. Глядя в зеркало я видела молоденькую девушку, но озвученный возраст ассоциировался с замужеством и детьми.

– Как сказать, девушек из благородных семейств выдают замуж лет в семнадцать-восемнадцать, а деревенских и того

раньше. Так что, наверное, много, но вы всегда были слабы здоровьем, да и миледи в вас души не чаяла. Вот и не выдали вас замуж в положенное время, а потом вас подкосила затяжная болезнь на два года. Но не расстраивайтесь, выздоровеете, и родители найдут вам достойного супруга. Я вас утомил, отдыхайте, рекомендации я оставлю миледи Алисандре.

– Подождите, а как зовут вас?

– Доктор Корвус, – точно, именно эту фамилию озвучивала маман, называть хозяйку дома «маменька» язык не поворачивался, наверное, ограничусь формальным «миледи».

– До свидания, доктор Корвус. Надеюсь, вы будете заходить чаще, у меня еще много вопросов, – улыбнулась старичку.

– Я рад, что болезнь вас пощадила. Память – это самое незначительное, что она могла забрать, – позже надо будет выяснить все про эту таинственную болезнь. Почему никто не говорит ничего конкретного о ней? – Всего вам доброго, выздоравливайте.

* * *

И потянулись скучные, однотипные дни. Выходить из комнаты мне не разрешали, мотивируя тем, что доктор велел лежать две недели. На мое заявление, что доктор запретил выходить на прогулку в ближайшие две недели, а не из комнаты, никто не реагировал, отвечая, что это распоряжение миледи. Разговора с ней тоже не получилось. Когда я попыталась настоять на своем и все-таки покинуть комнату, чтобы осмотреть хотя бы дом, маман залилась горючими слезами, схватилась за сердце, имитируя приступ. В общем, я из больной резко превратилась в черствую, неблагодарную дочь, которую миледи собственноручно спасла от смерти, недосыпая и недоедая, подорвав при этом свое и без того слабое здоровье. И если я хочу ее смерти, то могу идти на все четыре стороны, но дверь все же за собой она закрыла на ключ. Сломать крепкую дубовую дверь я бы не смогла даже будучи в полном здравии, а за окном потихоньку наступала зима, так что побег откладывался до теплых времен, возможно, к тому времени миледи успокоится, и материнский инстинкт не будет замещать ей здравый смысл.

Примерно через две недели я удостоилась чести познакомиться с отцом. За это время мои познания в окружающем мире не продвинулись, если не считать того, что я заочно знала всех слуг и половину жителей окрестной деревни, благодаря Наденьке. В тот день я как раз сидела в кресле у окна, любуясь на

первый снег, мягкий, пушистый, он падал крупными хлопьями, хотелось выйти на улицу, ловить ртом снежинки или слепить снеговика. Я слышала, как щелкнул замок, и дверь открылась. С недавних пор меня все время запирают, наверное, боятся, что я убегу от такой заботы. Вообще-то правильно боятся, еще несколько недель взаперти, и я начну всерьез продумывать план побега. Оборачиваться было лень, да и неинтересно, ничего нового я бы там не увидела.

– Доченька, поздоровайся с батюшкой, – защебетала миледи Алисандра. Иногда мне кажется, что она считает меня отсталой в развитии или не старше лет пяти.

Я обернулась, но вставать не стала, они же считают меня больной, вот и буду сидеть, а реверансы пусть сами себе делают. Рядом с маман стоял высокий подтянутый Лорд, именно так, с большой буквы. Теперь я знала, в кого у меня такой цвет волос, он производил впечатление вылепленного из снега: белые волосы, кожа и глаза то ли светло-серые, то ли светло-голубые. Разительным сходство со снежной фигурой делал контраст одежды, она была вся черная. Вдобавок холодное выражение лица: ни тебе радости от встречи с дочерью, ни просто участия, что увидел ее живой и здоровой.

– Добрый день, дочь. Как твое здоровье? – не дождавшись моего приветствия, он обратился ко мне первый. Я не собиралась его игнорировать, просто засмотрелась, ища между нами возможное сходство.

– День добрый, милорд, – так же равнодушно, как и он, поприветствовала его, не обращая внимания на закатывающую глаза миледи. Она явно делала мне какие-то знаки из-за спины милорда. – Здоровье уже лучше, видимо, поэтому меня закрывают, наверное боятся, что я поврежу себе что-нибудь на радостях.

Я смотрела ему в глаза не отрываясь, хотела не пропустить ни одной эмоции, если он на них способен, конечно. И мне это удалось. Он ухмыльнулся уголком рта, сказав:

– Раньше ты любила проводить все дни в своей комнате, что же изменилось сейчас?

– Я не помню, чем любила заниматься, поэтому сейчас мне скучно. Я хотела бы посещать библиотеку, чтобы быстрее вспомнить то, что забыла из-за болезни.

– Хорошо, это можно, впредь можешь ходить по дому, где вздумается.

– Дорогой, Рыбонька еще так слаба, я думала дать ей возможность окрепнуть, скажем, месяца через два она бы вполне могла бы спускаться в гостиную.

При слове «рыбонька» меня перекосило, что не осталось незамеченным милордом, он сощурил глаза, разглядывая меня, как какую-то диковинку.

– Сидя в четырех стенах окрепнуть невозможно, – проговорил он, ставя точку в несостоявшемся споре. – И пригласи учителя этикета, я хочу, чтобы моя дочь в первую очередь вспомнила хорошие манеры. И портного тоже, то, что надето на ней, никуда не годится. Думаю, несколько новых платьев исправят положение и порадуют дочь.

Миледи закивала головой. Видимо, аудиенция была закончена, потому что они, не попрощавшись со мной, пошли на выход. Это у меня-то плохие манеры? На свои пусть посмотрят. Но прижимистая жилка во мне заставила высказаться.

– Не надо новых платьев, через пару месяцев они станут малы, – заметив недоуменные взгляды обоих, решила пояснить: – За время болезни я сильно похудела, но со временем объемы вернутся. И покупать платья сейчас – это выкинуть деньги на ветер. Пусть портной перешьет несколько старых, а то у Нади это не очень хорошо выходит.

– Это разумно, – через несколько минут высказался Снежный Лорд.

– Но, милый, они же вышли из моды, – попыталась вмешаться маман.

– Неважно, ее здесь никто не видит и не увидит в ближайшие полгода, а перед балами закажем сразу для вас двоих по последней моде, – он позволил себе слегка улыбнуться. Миледи Алисандра расплылась в счастливой улыбке, было непонятно, чему она так обрадовалась: то ли мимолетному ласковому взгляду супруга, то ли предстоящим балам.

– Я рад, что у меня выросла такая разумная дочь, не то, что эти столичные легкомысленные девицы.

Судя по изумленному взгляду матери, милорд редко кого хвалил.

* * *

Милорд отец ненадолго задержался в собственном поместье, и уже через пару дней отбыл обратно в столицу, все-таки он занимал пост одного из советников короля. Когда я спросила, по каким вопросам он советует, глаза маман округлись от удивления больше обычного, ответ её был поистине гениален: «Что король спросит, то и советует».

Поняв, что ничего умного от нее не узнаю, я решила добывать

информацию сама. Так как милорд позволил мне бывать везде, где вздумается, то первым делом я наведалась в библиотеку. Что я могу сказать – печальное зрелище, из полезного только свод законов нашего королевства, да парочка исторических книжек и штук десять любовных романов. Свод законов стал моей настольной книгой, а исторические хроники удостоились беглого просмотра. Кажется, раньше история тоже меня не интересовала. Следующим набегу подвергся кабинет милорда, вот где я застряла надолго. Помимо изучения генеалогического древа, которое насчитывало двадцать одно поколений предков, меня увлекли финансовые документы поместья. Конечно, их сложно было назвать финансовыми, так, книги приходов и расходов, но это было уже кое-что, хоть не помру от скуки за долгую зиму.

Довольно быстро я обнаружила, что наш управляющий подворовывает, понемножку, но это дало мне в руки неиссякающий источник информации. Потихоньку добилась того, что стала вести большинство дел, связанных с поместьем. Для миледи подкинула немного лести, сказав, что хочу стать образцовой женой, как она, чтобы с честью представить наш многовековой род. Маман прослезилась и больше не приставала, что финансовые дела не для женского ума. Я же стойко сносила обязательные уроки этикета и танцев. Хоть я многое и забыла, но память тела осталась, это особенно замечалось в танцах. Стоило мне расслабиться и перестать контролировать руки и ноги, как у меня получалось само собой.

Иногда я закрывалась в музыкальной комнате, садилась за рояль и отдавалась во власть настроения, не смотря на клавиши, просто живя душой в тот момент. Я парила во власти нот, отдаваясь им, изливая все свое одиночество и тоску о чем-то необъяснимом. Не знаю, что это было, ведь я наоборот практически никогда не находилась одна, даже в комнате и это жутко раздражало. Наденька ночевала у меня, ее кровать стояла за ширмой около двери, когда я заикнулась, что уже вполне здорова и не пора бы девушке вернуться спать к себе, она очень удивилась. Потом улыбнулась, сообразив, что я так говорю по забывчивости. Если я правильно поняла ее объяснения (Надя любила перескакивать в рассказе с одного на другое), мне предстоит делить с ней комнату до тех пор, пока я не выйду замуж. То есть она приставлена следить за моей целомудренностью. На мой вопрос, что она сможет сделать, если ко мне в комнату вломится насильник, девушка растерялась и захлопала глазами. Но потом все же ответила, что за этим следят охранники поместья, а она следит, чтобы я не принимала в своих покоях тайных поклонников.

Кстати о поклонниках, соседи прослышали о моем чудесном выздоровлении и повадились наносить визиты, неофициальные конечно. Ведь до представления на ежегодном Королевском Балу я вроде должна была быть «больна». Это делалось потому, что Король первым должен быть в курсе всех событий, происходящих в его владениях, тем более я единственный ребенок третьего по древности рода в нашем государстве. К чему я это рассказываю? Так все дело в поклонниках, одним из которых был сын хорошей подруги маман, миледи Элизы, их поместье граничило с нашим на севере. Молодой человек со звучным именем Эльдар был нескладным прыщавым подростком семнадцати лет. Высокий, сутулый, он забавно краснел, стоило мне на него посмотреть. Единственное что мне в нем нравилось – это голос, когда он пел под мой аккомпанемент, нас сбегались послушать все присутствующие в поместье, а наши матери утирали слезы, тайком переглядываясь и подмигивая друг другу. Возможно, Эльдар не понимал, к чему все эти встречи, и что задумали наши маменьки, но мне все было ясно, они в мечтах видели нас мужем и женой. Парнишка он в принципе был неплохой, когда избавлялся от своей стеснительности, но это же не повод выходить за него замуж. С другой стороны, если сравнивать его с двумя привлекательными, но обедневшими дворянами, между прочим, двоюродными братьями, то лучше уж за Эльдара выйти замуж. Потому что прыщики пройдут, а вот когда на тебе хотят жениться из-за титула и приданого, то такое отношение к тебе останется до конца жизни, возможно недолгой.

Глава 2

Полгода пролетели, понемногу я смогла приноровиться к новой жизни. За прошедшее время я так ничего и не вспомнила из прошлого, но иногда все же говорила обратное, не хотелось лишний раз расстраивать маменьку. Да-да, я даже стала ее так называть, правда, в обмен на то, что она перестанет звать меня «Рыбонька», у меня рыба ассоциировалась с мокрым, скользким и глупым существом, но никак не со мной. Слуги за эти полгода тоже привыкли называть меня «миледи Рибианна», а Наденьке я разрешила называться себя госпожа Анна. В целом моя жизнь наладилась. Спустя два месяца после того памятного утра, когда я очнулась в первый раз, меня стали выпускать на свежий воздух. Не буду рассказывать, сколько одежды на меня тогда надели, но все же этот выход состоялся, и я смогла насладиться недолгим видом заснеженного двора. Постепенно миледи успокаивалась, видя, что я не болею, не падаю в обморок, не хандрю, и прогулки мои становились более долгими. А недавно маман заявила мне, что надо поменьше кушать, потому что нынче в моде девушки утонченные, возвышенные, слабые, чтобы у мужчины возникло желание ее защищать. Это ее замечание еще больше утвердило меня в мысли, что этим летом меня планируют выдать замуж.

Вообще-то, проживая с маменькой полгода, я уже хотела замуж, более того, я согласна была даже на Эльдара, если бы только жить мы стали отдельно и как можно дальше от родителей. Но это были мечты, а реальность такова, что выйдя за него замуж, я помимо своей маменьки обретала еще и его, одним словом, кошмар. Вывод: надо искать сироту и чтобы поместье его было в другом конце страны. О любви я даже не мечтала и так понятно, что моего желания никто спрашивать не будет, но заняться поиском достойного жениха все же стоило. А на замечание маменьки о моем несоответствии канонам моды, я не реагировала, меня свое отражение в зеркале устраивало. Не всем же быть костлявыми и бледными. Да и толку ничего не есть, на мне и так женятся: приданое большое, единственная наследница титула, который я впоследствии смогу передать своему сыну. Спрашивается, какой толк тогда мучить себя диетами?

До столицы мы добирались два дня, могли бы и быстрее, но миледи в карете укачивало и нам приходилось частенько останавливаться. Я радовалась, всю поездку сидела у окна и смотрела на проплывающие мимо деревни, городки и просто пейзажи. Маман же всю дорогу жужжала над ухом, что меня

продует, что смотреть там не на что, а солнечный свет слепит ей глаза, что благородные девушки не ведут себя как селянки, не выглядывают в окно с открытым ртом. И много чего еще говорила, но я уже привыкла кивать, при этом игнорируя большую часть ее слов.

Мне нравилось абсолютно все: цветущие деревья и кусты, солнце, пение птиц и даже лужи на дорогах после дождя, в одной из них мы простояли часа два, прежде чем вытащили нашу карету. Зато я смогла обойти всю деревню, поговорить со старостой, посмотреть с ним, куда он потратил деньги, выделенные лично мной на ремонт этой самой дороги еще месяц назад. Староста валялся у меня в ногах, просил сохранить ему жизнь, клялся и божился, что все вернет, а дорогу отремонтирует за свой счет. Думаю, на такую его реакцию повлияли два добрых молодца за моей спиной и бледный заикающийся управляющий поместьем. Заикаться он стал недавно, как только я нашла неопровержимое доказательство его воровства. А когда я настояла, чтобы он поехал с нами в столицу, дабы отчитаться перед милордом, он окончательно раскис. Сдавать я его не собиралась, он был не так уж плох, но припугнуть стоило, чтобы не расслаблялся, а то выйду замуж, уеду, а он оберет моих родителей.

Так что, дав задание управляющему на обратном пути проследить за выполнением взятых на себя обязательств старостой, мы поехали дальше. А старосту я предупредила, если в течение месяца он все не исправит, то его повесят за воровство, а имущество пустят с молотка. Это было не мое самоуправство, а законы нашей страны.

Столица встретила нас небольшим весенним дождиком, каменными мостовыми и редкими прохожими. Наш дом был в самом центре, недалеко от дворца короля Августиана, оно и неудивительно, ведь мы находимся с ним в родстве. Дом поражал своим видом: высотой в три этажа, с башенками, балконами, террасой и лепниной. А также со своим садом и конюшней, этакое поместье в миниатюре, только внутреннее убранство богаче. Едва мы вошли в дом, то почти натолкнулись на очень старенького деда, не успела я подумать, кто это, как он ехидно глянул в нашу сторону и произнес:

– Невестушка дорогая приехала, как дорога? Надеюсь, тебя укачало?

– Герцог Анзорский, добрый вечер, как ваше здоровье? – присела в реверансе маман, дернув меня за рукав. Если я правильно поняла, то это мой дед по отцу.

– Не дождетесь, драгоценная моя, – усмехнулся герцог и перевел взгляд на меня. – А это кто у нас? Неужели Рыбка так выросла?

– Деда! – кинулась я на него с объятиями, чем повергла его в шок. – Вообще-то я вас не помню, но может, мы уже поднимемся в наши комнаты? А то так прилечь хочется, что живот от голода к позвоночнику прилипает.

Миледи охнула, прикрыв рот ладошкой и округлив от ужаса глаза, а дед расхохотался, громко, с хрипотцой. Он мне уже нравился, кажется, я нашла нормального члена семьи в нашем роду.

– Вот теперь я вижу, что тебя не зря назвали Рибианной, она тоже была остра на язычок, – отсмеявшись, сказал дед, а глаза его подернулись поволокой, как это бывает, когда вспоминаешь о чем-то грустном.

– Жаль, я ее не помню, но вы же мне расскажете? – спросила я у старого герцога.

– Тебе хочется слушать брюзжание старого маразматика? Никогда в это не поверю. Молодежи подавай балы, платья по последней моде, да деньгами сорить. Нет бы научиться их зарабатывать. Пока не забыл, Алисандра, ты управляющего поместьем сменила?

– Нет, милорд. Почему вы так решили?

– Странно, у вас повысились доходы за последние месяцы и существенно сократились расходы, я доволен.

– Лучше спросить у Рибби, всеми финансами она занималась.

Я демонстративно зевнула и оперлась на перила лестницы, сделав несчастный вид измученного дорогой ребенка, готового упасть в обморок от голода. Дед проникся, отдал распоряжения слугам, которые толклись неподалеку, и нас повели наверх. За мной следом шла Наденька и несла весь мой скарб, впрочем, его было немного, миледи принципиально не стала брать ничего лишнего, помня об обещании отца купить нам новые платья.

– Фух, – выдохнула Надя, когда за нами закрылась дверь. – В этот раз совсем недолго ждали. Старый герцог очень любит задавать вопросы. Бывало, по два часа стояли внизу, а он все спрашивает миледи, да спрашивает.

* * *

С каждым днем дед мне нравился все больше и больше, у нас с ним нашлись общие интересы, а именно финансы. Спустя неделю мы понимали друг друга с полуслова. А после того, как

он на очередном семейном ужине во всеуслышание сказал, что теперь ему не страшно умирать, что семья с такой наследницей, как я, точно не пойдет по миру, проникся даже отец. Эх, еще бы не висела над моей головой свадьба, жизнь бы была прекрасна. Но свадьба не просто висела, а маячила в близкой перспективе, причем родители подыскали мне жениха. Никаких эмоций по этому поводу я не испытывала, изменить-то все равно ничего нельзя.

Эмоций не было ровно до знакомства с предполагаемым женихом. Почему предполагаемым? Все просто: надо было получить одобрение короля, а только потом объявлять о помолвке, то есть данное мероприятие могло состояться не раньше открытия Королевского Большого Бала. Так вот о женихе – это было нечто бледное, тощее, в парике и при макияже, но больше всего меня добил веер в его утонченных руках. Я подавила брезгливую гримасу, вдруг он человек хороший, нельзя же так негативно реагировать. За вечер, проведенный в его обществе, мне этого понять не удалось, да и умом он не блистал, а его хихиканье над моими шутками, прикрывая веером рот, меня жутко раздражало. Прожить всю жизнь с таким мужчиной? Нет, на такую жертву я была не готова. Выход был только один – я обратилась к деду, как старшему члену семьи, и все ему рассказала.

– Мне самому этот хлыщ не нравится, но он из родовитой семьи, и король наверняка одобрит ваш брак, – я помрачнела, если дед так говорит, то ему можно верить. – Да не хмурься ты, есть выход. Балы будут идти неделю, на это время я могу отложить принятие решения по твоему замужеству. Такой подход практикуется не один век, ведь на балах ты можешь получить более выгодное предложение. Так что, внученька, все в твоих руках, у тебя будет целая неделя на то, чтобы найти себя достойного мужа. Или придется выходить замуж за этого, как его?…

Как его? Да я сама забыла имя жениха сразу, и не плохая память тому виной, а количество букв в имени. Значит, это судьба, она говорит мне, что не стоит даже воспринимать это недоразумение всерьез.

Подготовка к балам шла своим чередом: примерки, примерки, примерки. Я вымотала нервы портнихе еще в первую неделю, наотрез отказавшись от предлагаемых эскизов платьев. Они были очень красивые, по последней моде, но куда мне рюши и воланы, а так же розово-бежевая гамма. Понятно, что так принято одеваться молоденьким девушкам, впервые выходящим в

свет, но уродовать себя в угоду моде – увольте. Так что, поругавшись с портнихой, матерью, отцом, я все-таки настояла на своем и выбрала модели для своих платьев из тех, что принято надевать молодым замужним женщинам, слегка их видоизменив. Также я отказалась от париков, пусть те, у кого нет волос, или они темнее исконных цветов королевства, мучаются с париками, а моим волосам мог бы позавидовать сам Августиан. Но это я так говорю, на самом деле у него тоже были белоснежные волосы, как у моего отца и у меня. Наверное, этим мотивировалось всеобщее увлечение белыми париками.

И все же, как любая девушка, я волновалась, меня не пугало общество, я не боялась показаться несуразной, нет, я переживала, что не найду подходящего мужчину за столь короткое время. Странно, но почему-то у меня не возникало сомнений в том, что я смогу уговорить этого самого мужчину на мне жениться. Не то чтобы я считала себя первой красавицей, скорее, сумма приданого придавала мне такой уверенности.

И вот пролетели три недели в столице, сегодня бал. Работой в доме заняты все. Последняя подгонка платьев, парикмахерша пьет успокоительное, потому что она последней узнала, что ее работа над моим париком была напрасна. Слуги сбились с ног, конюхи начищают лошадей, во дворе подкрашивают карету. И над всем этим действом слышан громовой голос маменьки. Дед с отцом заперлись в библиотеке, прикрывшись срочными государственными делами, но я-то знала, что они просто спрятались от миледи Алисандры, ибо в своей жажде деятельности она была страшна. Я тоже порывалась затаиться в библиотеке, но меня туда не пустили. Милорд отец был строгих правил, он считал, что напиваться в присутствии дочери неприлично. При поисках места, где бы спрятаться до вечера, была выслежена маменькой и препровождена под надзором Наденьки и еще двух служанок к парикмахерше. Три часа пытки мне были обеспечены, радовал только чай с успокоительными травками, без них я бы уже кричала не меньше миледи. Все-таки мы с ней родственницы, хоть в этом страшно признаться даже самой себе.

Как бы надо мной не издевались, но глянув на себя в зеркало, я была вынуждена признать, что выгляжу превосходно. И пусть я не соответствовала канонам моды (все-таки в двадцать один год грудь уже не спрячешь), но голубой цвет платья очень шел моим глазам. В общем, я была готова расставить силки своей привлекательности на достойных кандидатов в мужья. Кто же знал, что все мои ухищрения пропадут втуне. Нет, на меня кавалеров хватало, от желающих записаться на танец не было

отбоя, но выбрать среди них мужа я не могла. Потому что они были копией моего потенциального жениха: парики, макияж, утонченные и возвышенные юноши со сложной душевной организацией.

У меня впереди еще неделя каждодневных балов, от этой мысли становилось тошно. Но я держала маску доброжелательности и скромности, как полагается девушке. Вот-вот должна была выйти королевская чета и открыть бал танцем, тут церемониймейстер выкрикнул смутно знакомое имя, кажется, мы ведем какие-то дела с этим герцогством. В бальный зал вошел мужчина. Он окинул собравшихся холодным взглядом и поджал губы. Я же смотрела на него, и мое чувство прекрасного просто умилялось. Мужчина не был красив, но уже то, что он был без парика, румян и пестрой одежды, выделяло его в лучшую сторону. Я на минуту забылась, излишне долго смотря на мужчину, он почувствовал мой взгляд, оглянулся, и наши глаза встретились. Мне стало неловко за свое внимание, немножко смутившись, улыбнулась ему краешком губ. Ответом мне стали изумленно приподнятые брови герцога, он даже пару раз оглянулся, как бы проверяя, нет ли кого за его спиной. Странный он какой-то, загадочный, вот с ним бы я потанцевала.

* * *

Двэйн Голлагэр, герцог Варрийский, тайный советник короля Августиана Третьего, с трудом сдерживал раздражение. И это он, человек, по лицу которого никогда нельзя было понять, о чем он думает. Всему виной недавно состоявшаяся беседа с королем. Государь в свойственной ему манере, которая никак не подразумевала двойственную трактовку, напомнил герцогу Варрийскому об обязательствах перед родом. А если дословно передать слова короля, то выходило так:

– Чтобы к окончанию недели балов ты представил мне свою невесту, – распорядился Августиан Третий, он же друг и двоюродный брат лорда Голлагэра.

Королю легко было приказать, а где ему, Двэйну, искать себе невесту, его не волновало. Около полугода назад Августиан женился и был искренне влюблен в свою королеву, а она отвечала ему взаимностью. Двэйн желал им дальнейшего счастья, но старался реже появляться во дворце и попадаться на глаза королю в частности, потому что эта влюбленная пара пыталась осчастливить всех, кто еще не связал себя узами брака. Стоит ли говорить, что правящая пара даже не интересовалась мнением

этих «осчастливливаемых».

Вот так и вышло, что он, первый жених королевства, но при одном имени которого девушки падают в обморок, вынужден был прийти на открытие Большого Бала. Сколько же лет он тут не был? Десять? Нет, восемь. Ему тогда исполнилось двадцать два, когда он, только что ставший тайным советником короля, сделал предложение самой красивой девушке на балу. Он был уверен в себе и отказ больно ранил его самомнение, тем более что отказ был из-за его должности. Ему не раз впоследствии придется ловить на себе брезгливые взгляды знати, часто даже ниже себя по положению. Он к этому привыкнет, как, впрочем, и к страху. Его боялись, презирали, завидовали, не единожды пытаясь подкупить, но он всегда был на страже короля. И теперь этот друг, которому он всегда прикрывал спину, буквально кинул его на пики, имя которым девушки. Да он, Двэйн, забыл, как с ними разговаривать, ну не в допросную же волочь понравившуюся девицу и там под пытками требовать от нее согласие на брак? Двэйна передернуло от такой картины, впрочем, он всегда может попросить королеву найти себе невесту, она будет только рада. Это, конечно, плохой выход, все-таки хотелось бы, чтобы невеста сама дала согласие, но на крайний случай подойдет.

Герцог Варрийский вошел в зал предпоследним, не только в угоду статусу, сколько от желания побыстрее затеряться в толпе. Надежда не оправдалась. За эти годы он совсем выпал из богемной жизни знати, не следил за модой и сейчас выделялся в толпе придворных, как коршун среди пестрых куриц. Двэйн обвел глазами зал, задерживаясь на молодых девушках, одной из них предстояло стать его женой. Девицы, поймав его холодный оценивающий взгляд, бледнели, некоторые даже порывались упасть в обморок, те, что побойчее, прятались за родителей или кавалеров. Слухи о том, что главный «палач» государства ищет себе невесту, считай жертву, разнеслись быстро.

Раздражение все больше охватывало герцога, зачем он вообще пришел на этот бал, надо было сразу обратиться к королеве или самому королю, пусть ищут ему невесту. Ему, Двэйну, все равно кто из этих девиц на выданье будет его ненавидеть. Он пересек почти половину зала, когда ощутил на себе чей-то взгляд. Это не было чем-то необычным, на него всегда смотрели. Но на этот раз в нем не чувствовалось ненависти, скорее любопытство. Он медленно обернулся, чтобы встретиться с теплым взглядом небесно-голубых глаз. Девушка смотрела на него с полуулыбкой, немного застенчиво. Это было настолько необычно, что Двэйн не удержался и оглянулся пару раз, вдруг она смотрит на кого-то за его спиной. Но нет, она смотрела на

него, еще раз, как бы извиняясь, улыбнулась ему и отвернулась к сгрудившимся вокруг нее кавалерам. Если бы герцог Варрийский решал, к какой компании присоединиться, он тоже выбрал бы эту девушку. Она не была самая красивая в зале, но выгодно отличалась от других открытым взглядом, уверенной посадкой головы, приятной улыбкой. А еще Двэйна очень привлекали ее формы, за которые взгляд так и цеплялся. Может, жена – это не так уж плохо? Но кто она? Хоть он не жил светской жизнью, но знал все и обо всех, сказывалась специфика его работы.

Двэйн сделал круг по залу, возвращаясь к той девушке. Так, что мы имеем: натуральная блондинка, значит, древнего рода, уже хорошо. А если сопоставить крутящуюся неподалеку маркизу Алисандру Монфри, на которую девушка очень похожа, то это, скорее всего, ее единственная дочь. Породниться с Монфри, а точнее, с герцогом Анзорским, это ли не мечта всех родовитых домов? Но для Двэйна богатое приданое и наследный титул были не главное, своего добра хватает, его больше привлекало то, что девушка не испытывает перед ним страха. Вспомнилось, что говорили о чудесном выздоровлении этой девушки, кажется, она частично потеряла память. Мозг вопил об идеальном варианте, что нельзя упускать такой шанс, а то ведь найдутся «доброхоты», желающие поведать о нем кучу ненужных подробностей. Он еще не принял однозначного решения, а ноги уже несли его в сторону девушки. Двэйн отбрасывал панические мысли о том, что он будет делать и говорить, когда дойдет. Всегда можно пригласить на танец, а во время него собраться с мыслями и задать парочку вопросов.

* * *

Я скучала в кругу этих напомаженных и разряженных идиотов. За полчаса хоть бы один из них произнес умное слово. Не понимаю, почему они считают, что если родились богатыми, то ничем заниматься не надо, достаточно тратить деньги и жить в свое удовольствие? Но ведь это скучно. Украдкой подавила зевок. Очередной пересказ дикой охоты, рассказываемый еще одним охотником за приданым, вызывал только одно желание: поставить в качестве загоняемого зверя самого рассказчика. Еще минута и я начну оглядываться в поисках спасителя. В фантазии это был герцог Варрийский, весь такой строгий, серьезный, надежный и даже то, что он был среднего роста, совсем его не портило.

Видимо, у меня промелькнула легкая мечтательная улыбка на лице, потому что рассказчик оживился, заулыбался и начал

намекать, как приятно было бы видеть меня в его поместье. Тоже сказал «поместье», да их клочок земли больше чем огородом не назовешь. Мне достаточно было услышать имя потенциального кавалера, как в уме возникали циферки финансовой состоятельности его семьи, недаром же я провела весь месяц с дедом. Дед у меня советник короля по финансовым вопросам. Неудивительно, что так много желающих с нами породниться. А ведь в зале достаточно юных, красивых, трепетных созданий, я на их фоне выгляжу несколько старовато.

Стало немного грустно. Из всех виденных мной кандидатов мне понравился только герцог Варрийский, но, как назло, у него был и титул, и деньги, так что он мог выбрать себе кого-нибудь помоложе и покрасивее. Пойти съесть чего-нибудь сладкого с горя? Но не успела я открыть рот, чтобы мило попрощаться с «великим» охотником, как буквально передо мной появился предел моих мечтаний на сегодня.

– Леди Рибианна, разрешите пригласить вас на танец? – не знаю, получилось ли это случайно или герцог так подгадал, но зазвучала музыка, все зааплодировали, и я поняла, что король с королевой открыли бал.

– С удовольствием, Ваша Светлость, – присела я в реверансе, протянув ему руку.

– Не надо так официально, можно просто лорд Двэйн, – улыбнулся мне герцог, когда мы вышли в танцевальный зал. Странная это была улыбка, вроде он старался быть вежливым, но в тоже время ему нечасто приходилось улыбаться.

– Хорошо, лорд Двэйн, – улыбнулась я, с интересом разглядывая своего партнера по танцу.

Герцог был выше меня, коренастый мужчина с сильными руками и широкими плечами. Рядом с ним я чувствовала себя маленькой и хрупкой, приятно. А еще у него были русые волосы, которые он не прятал под парик, и серые глаза, пронзительные, умные. Просто идеальный жених, осталось придумать, как за неделю добиться от него предложения. Сам танец был плавный, контролировать движения рук, и отсчитывать шаги было не нужно, да и у меня лучше получается, когда я думаю о чем угодно, только не о самом танце.

– Как вам нравится столица? – поинтересовался лорд с каменным выражением лица. Вспомнив привычку отца говорить с тем же выражением, я не обиделась.

– Понравилась, но я все же предпочитаю уединенный образ жизни. Все эти балы, скопление людей не для меня, – я прямо почувствовала, как герцог облегченно выдохнул.

– Я сам не любитель таких развлечений, даже когда

позволяют государственные дела. Но сегодня я счастлив, что пришел сюда, – вежливо закончил он. – Как герцог Анзорский, в добром ли здравии?

– Спасибо, дедушка чувствует себя хорошо, – господи, о чем еще поговорить, ну не о погоде же? Хотя почему бы и нет. – А как у вас в герцогстве? Заморозки не сильный ущерб нанесли? А то вдруг надо готовиться к росту цен на зерно?

Что я несу? Мужчины не любят умных женщин, дед говорил, сейчас лорд сбежит к какой-нибудь наивной глупышке. Но герцог был порядочным и во время танца сбегать не стал, даже поведал мне сложившуюся на его территориях обстановку. Мы немного увлеклись, плавно перейдя с погоды и цен на зерно на лошадей. Оказалось, у герцога есть свой конный завод, по мужчине было видно, что о лошадях он может говорить долго, я в них не разбиралась, но верхом ездить любила. Так, слово за слово, и мы не заметили, что подходит к концу второй танец, если бы не герцог, я бы танцевала с ним и дальше.

– Леди Рибианна, с вами одно удовольствие разговаривать, время пролетело незаметно. Жаль, что сегодня мы больше не сможем потанцевать, но я надеюсь, завтра вы оставите первые два танца для меня?

– Видимо, государственные дела вынуждают вас раньше уйти с бала? – сама придумала для него подходящее оправдание, понятно же, что это просто предлог.

– Да, то есть, нет. Просто по традиции Королевских Балов молодые люди, не связанные помолвкой или браком, не могут танцевать больше двух раз вместе. Это неприлично, мне не хотелось бы вас скомпрометировать подобным образом, – мне было приятно, что он сказал это обычным тоном, без скорбного выражения на лице, как если бы я не память потеряла, а кого-то из родственников. Интересно, почему маман мне не напомнила об этом?

– Извините, я многие вещи не помню, особенно такие незначительные. Но мне тоже жаль, что существует такое правило. Я, конечно, оставлю первые танцы для вас, – я улыбнулась, танец кончился, и герцог повел меня к столику с напитками. Он о чем-то мучительно размышлял, было ощущение, что он взвешивает все «за» и «против».

– Леди Рибианна, можно вам задать личный вопрос?

– Задавайте, надеюсь, ничего нескромного вы не спросите?

– Не могу обещать, – несколько нервно усмехнулся он. – Леди Рибианна, что бы вы ответили, если бы я предложил выйти вам за меня замуж?

Хотелось сказать сразу «да», но расчетливая жилка заставила

просчитать, чем мне это грозит. Навскидку герцог состоял из одних плюсов, но тогда почему он до сих пор не женат? Эх, если не знаешь весь расклад, доверься интуиции, еще одна любимая фраза деда. А что мне говорит интуиция? Сложно, ведь предложение он мне так и не сделал.

– Сделайте предложение и получите ответ, – шуткой попыталась уйти от скользкой темы.

Но герцог был не из тех, кого устраивает уклончивый ответ. Он обвел взглядом танцующие пары, девиц, подпирающих стенки, как-то поежился и повернулся ко мне.

– Леди Рибианна, я прошу вас стать моей женой, – опустился он передо мной на одно колено.

Неожиданно, я была уверена, что он еще пару дней подумает, взвесит варианты. Да и мне бы подумать, но судя по глазам, пронзительным, серьезным, он хочет услышать ответ сейчас. Как дед говорил? Довериться интуиции, а если она молчит? Да что тут думать, я весь вечер только на него смотрю.

– Я согласна, лорд Двэйн, – вложила ладонь в его протянутую руку. По крайней мере, мужем у меня будет настоящий мужчина, а не раскрашенный «петух».

* * *

Двэйн ходил по своему кабинету, невзирая на поздний час или, скорее, ранний, за окном светало. У него до сих пор не укладывалось в голове, как так вышло, что он помолвлен. Задавая свой вопрос Рибианне, он готовился к отказу, в лучшем случае ожидал уклончивое: «Мне надо подумать», или застенчивое: «Я не могу вам ответить без одобрения папеньки». В душе он был рад, что все так быстро разрешилось и можно заняться делами, ведь невеста найдена и даже одобрена королем. Потому что это первое, что он на радостях сделал: схватил Рибианну за руку и представил королевской чете, как свою невесту.

С семьей Монфри у герцога Варрийского не было особых трений, если дед невесты и подворовывал из казны, то делал это столь виртуозно, что уличить его в этом не было возможности. Но из-за постоянных кляуз, доносов, Двэйн был вынужден раз за разом приходить в казначейство с проверкой. И он справедливо полагал, что герцог Анзорский крайне негативно воспримет его в качестве зятя. А влияние семьи Монфри столь велико, что они вполне могли оспорить помолвку, именно поэтому Двэйн сразу направился за одобрением к королю. Все знали, что Августин не любит менять свои решения.

Но теперь, когда первый накал эмоций спал, пришли некоторые сомнения. Ладно, ему приказал король срочно жениться, а Рибианна? Почему так быстро согласилась она? Надо заслать с проверкой своих людей в поместье семьи Монфри. Вдруг болезнь девушки всего лишь фикция, и ее родители прячут более прозаическую причину ее долгого отсутствия в столице. Двэйн слишком хорошо знал изнанку светского общества, и незаконнорожденным ребенком его было не удивить. Еще раз поразмыслив над ситуацией, герцог Варрийский решил не делать скоропалительных выводов, ведь свадьба по традиции состоится через полгода, этого времени с лихвой хватит на выяснение всех подробностей жизни девушки.

Глава 3

Два дня герцог Варрийский не вспоминал о своем изменившемся статусе. Его можно было понять: в считанные часы стать женихом, неудивительно, что из-за навалившихся дел он совсем об этом забыл. И особенно неприятно, что ему об этом напомнил кузен, он же Августиан Третий собственной персоной. Причем язвительно так, как он любит и умеет, дескать, не успел обручиться, а уже прячешь невесту. А жива ли еще девушка? Тут уже ставки делают, доживет ли девица до свадьбы? Ладно бы только это, но еще пришлось выслушивать нотации своего сюзерена, что за девушкой надо ухаживать, дарить подарки, делать комплименты, улыбаться. В общем, все то, чтобы невеста хотя бы выглядела счастливой, чтобы не было этих идиотских слухов и домыслов. Ведь ими вполне могут воспользоваться родители девушки для расторжения помолвки, есть и такая статья в законодательстве.

Как не неприятно было осознавать, но братец опять прав: сделал девушке предложение и пропал на пару дней, даже посыльного с цветами не отправил. А теперь этим уже не обойтись, придется ехать самому, успокаивать, выслушивать заслуженные обвинения. Больше всего он не любил женских слез и истерик, как и каждый мужчина. Что там кузен говорил о подарках? Надо было спросить, что принято дарить при помолвке. Но отвлекать короля по такой мелочи не хотелось, поэтому, увидев в коридоре одного из подчиненных, который недавно женился, он решил спросить у него.

– Милейший, как вас там, подойдите, – «милейший» затравленным зверем посмотрел на своего легендарного начальника.

– Баронет Нейсон. Добрый день, Ваша Светлость, – склонился мужчина в поклоне. – Чего изволите?

– Баронет, вы ведь женились недавно? – спрашивать сразу про подарки герцог посчитал нетактичным.

– Полгода назад, Ваша Светлость.

– Неважно, и что же вы дарили невесте?

– Разное, всего и не упомнишь, Ваша Светлость, – побледнел молодой человек. Он явно не понимал, куда клонит герцог. Ведь тот никогда не задает вопросы просто так.

– И что подарили на помолвку, не помните? – сузил глаза герцог, нутром чувствуя подвох.

– Помню, колье, бабушкино, – начал заикаться молодой подчиненный, то бледнея, то краснея.

– Идите, работайте, – распорядился Двэйн, сделав пометку у себя в голове проверить этого баронета, что-то он слишком паникует из-за, казалось бы, простых вопросов.

Значит, какой-то баронет подарил фамильное колье на помолвку, а он, герцог, ничего. Плохо, очень плохо, такие вещи женщины не прощают. Отдав распоряжение заместителю, что его сегодня уже не будет, отправив посыльного за корзиной цветов подороже, герцог направился сначала к себе, чтобы порыться в фамильных драгоценностях, наверняка там найдется что-то подходящее.

Среди изобилия драгоценностей, как женских, так и мужских, он выбрал гарнитур из белого золота с голубыми топазами в россыпи мелких бриллиантов. Глядя на него, перед мысленным взором вставали искрящиеся радостью голубые глаза девушки.

К особняку герцога Анзорского Двэйн подъехал во всеоружии, даже камзол надел синего цвета, а не черного, как обычно. Подхватив корзину с цветами, он позвонил в дом. Дверь ему открыла служанка.

– Доложи леди Рибианне, что к ней прибыл жених, – решил Двэйн не пугать прислугу своим громким именем, опять же сегодня он достаточно выслушал нотаций, и у него не было настроения еще с родителями девушки ругаться.

– Миледи в библиотеке, она просила не беспокоить, – тихо прошептала девушка.

– Просила не беспокоить, если ее спросит жених? – подозрительно спросил Двэйн. «Началось», подумал он.

– Нет, про жениха она ничего не говорила, – бледнея, ответила девушка, явно не зная, как поступить.

– Давай, ты проводишь меня к хозяйке и спросишь, примет она меня сегодня или нет, – попытался мило улыбнуться герцог, но не вышло, а у девушки наметился нервный тик.

Но она все же позволила ему войти, и пошла вперед, указывая дорогу. Двэйн не отставал, попав в дом, он не собирался его покидать, не переговорив со своей невестой. Библиотека ничем не отличалась от его собственной. И это уже было странно: редко кто из знати имел столько книг. Окинув взглядом комнату, Двэйн не сразу заметил Рибианну, потому что никак не ожидал увидеть ее на полу в непристойной для благородной леди позе. Она ползала по разложенным в каком-то только ей ведомом порядке бумагам, что-то бормоча себе под нос. Вид обтянутого платьем зада нареченной заставил Двэйна нервно сглотнуть, а мысли приняли однобокое направление.

– Миледи, к вам пришли, – промямлила девица, кажется, уже в третий раз. Двэйн поправил шейный платок. То ли в комнате

было душновато, то ли пикантный вид собственной невесты так на него подействовал.

– Я же просила не отвлекать меня, – немного раздраженно бросила Рибианна. – Что вы все ходите и ходите, неужели так сложно понять, что когда я занята с бумагами, меня ни для кого нет!

– Миледи, но это же ваш жених, и вы все время с бумагами, когда же приходить? – неуверенно закончила девушка, пятясь к двери.

По тому, с каким взглядом обернулась «кроткая» невеста, Двэйну очень захотелось последовать за служанкой. Глаза суженой метали молнии, грудь яростно вздымалась, натягивая ткань платья. Нет, он, пожалуй, останется, только бы водички глотнуть, а то во рту все пересохло.

– Лорд Двэйн, прошу меня извинить за неподобающий вид, – Рибианна вскочила на ноги, даже не заметив протянутую им руку. – Дед, то есть герцог Анзорский, просил просмотреть парочку отчетов, а то он зрением стал слаб, боится пропустить нужную циферку.

Вид у девушки был крайне смущенный, поэтому Двэйн решил не заострять на данном эпизоде внимание, хотя его так и тянуло предложить свою помощь в нелегком труде по разбиранию бумаг в компании невесты. Воображение все больше разыгрывалось, начиняя обычные действа пикантными подробностями. Двэйн порадовался, что корзина цветов достаточно большая, чтобы прикрыть его низменные желания. Хотя почему низменные, ведь его возбуждает не какая-нибудь посторонняя девушка, а собственная невеста, можно сказать, жена. Успокоив таким образом совесть, Двэйн протянул коробочку с гарнитуром Рибианне.

– Я хотел извиниться, что сразу не сделал вам подарок по случаю нашей помолвки. Был очень занят государственными делами, но я обещаю исправиться, – Двэйн не знал, что принято говорить в таких случаях, но надеялся, что это спишется на волнение. И он действительно волновался, в душе, конечно, ведь настоящий мужчина не должен проявлять слабость в присутствии женщины.

* * *

Я не знала, куда деваться от неловкости. Мало того, что ползала по полу на глазах у герцога, так еще и выглядела как служанка, а не леди. Платье на мне было из старых, перешитых,

уже маловатое, оно неприлично обтягивало некоторые места. А жених мой принарядился, пришел с цветами и подарком, не мог заранее предупредить о своем визите.

Я нервно оглянулась на кипы бумаг, которые мне надо просмотреть, по сути это было мое наказание от деда. Он не стал закатывать истерику, как маман, не прожигал меня ледяным взглядом, как отец, он просто нагрузил меня работой, чтобы у меня не было времени думать о всяких глупостях. Я так и не поняла, чем их не устраивал герцог Варрийский в качестве моего будущего мужа. На мои вопросы миледи начинала плакать, в ее рыданиях проскальзывали такие слова: «Не отдам свою кровиночку, не для того я ее рожала, один раз уже из лап смерти вырвали» и так далее. Отец отмалчивался, только дед подробно расписал, чем его не устраивает лорд Двэйн. Если коротко, то лорд занимался неуважаемой среди знати работой: искал шпионов, заговорщиков, казнокрадов, все преступления, совершенные среди благородных семейств, проходили через его ведомство.

И если предыдущего руководителя можно было подкупить, то герцог Варрийский за одну попытку дать ему взятку мог упечь в казематы или на каменоломни. Очень многим он за эти годы перешел дорогу. Сам дед его уважал, но в силу опыта был уверен, что когда-нибудь герцога все-таки убьют. И если раньше у лорда Двэйна не было слабых мест, то с появлением невесты найдется достаточно желающих попытаться надавить на него через угрозы мне. Честно сказать, своей речью он добавил образу герцога романтики – этакий борец за добро и справедливость, очень несчастный и одинокий.

И вот этот герой стоит весь такой торжественный, с цветами, которые нервно прижимает к себе, понятно, я бы тоже сомневалась, стоит ли дарить их такой девушке, как я. Но к подарку я все же потянулась, неудобно отказываться.

– Спасибо, лорд Двэйн, мне очень приятно, – начала я обычную вежливую фразу.

– Вы даже не посмотрите? – кажется, я умудрилась еще больше обидеть его, надо срочно что-то выдумать.

– Обязательно, но у меня руки в чернилах, боюсь испортить подарок, – улыбнулась ему со всей возможной невинностью. Он поверил, даже смутился немного.

– У вас не только руки в чернилах, – сказал он и, вытащив из-за отворота рукава белоснежный платок, протянул руку к моей щеке.

Сомневаюсь, что сухим платком можно вытереть чернила, но пусть попробует, мне была приятна его забота. Сильно тереть он

побоялся, скорее, скользил платком по щеке, изредка задевая ее кончиками пальцев. Когда такие мимолетные прикосновения стали чаще, я посмотрела ему в глаза. Не знаю, что я хотела там увидеть, но то, что открылось мне, смутило меня окончательно. Его лицо было так близко, достаточно было встать на носочки и… Нет, дед прав, надо больше работать, а то глупости всякие лезут, вот губы герцога кажутся очень притягательными, очень-очень.

Я встряхнула головой, чтобы избавиться от этого наваждения, лорд Двэйн вздрогнул, отдернул руку и сделал шаг назад, уже двумя руками вцепившись в цветы. Наверное, мы бы так и стояли в неловком молчании, но тут дверь в библиотеку распахнулась, явив моего деда.

– Герцог Варрийский, не могу сказать, что рад вас видеть в моем доме. Но все же присаживайтесь, нам есть о чем, точнее, о ком поговорить, – разорвал тишину его голос. – Дорогая, ты не хочешь сходить переодеться? Я так понимаю, герцог хочет пригласить тебя на прогулку. Возьмешь с собой Надьку.

– Мое почтение, герцог Анзорский, я рад, что вы решили наладить конструктивный диалог. И вы правы, я хотел пригласить леди Рибианну на прогулку по городу. Вы согласны, миледи? – взглянул мне в глаза лорд Двэйн. Я была согласна со всем, кроме одного: они сейчас будут говорить обо мне, но я же тоже хочу послушать.

– С радостью, – улыбнулась ему, при этом заметив ехидный взгляд деда. – Только документы соберу, вы же понимаете, такие вещи нельзя доверять прислуге.

– Я сам запрещаю прислуге даже прикасаться к любым бумагам в моем кабинете, – поддержал меня лорд. Может, ему не хотелось оставаться с моим дедом наедине?

– Вы присаживайтесь, разговор у нас будет долгий, женщины не умеют одеваться быстро, – пробурчал дед, тяжело опускаясь в свое любимое кресло. – Да поставьте вы уже этот куст на пол. Рибби, ты не отвлекайся, собирай.

Я сделала очень занятой вид, а сама обратилась в слух, мне не нравилось, что моя семья продумывает, как бы избежать этой свадьбы.

– Герцог, думаю, нет смысла просить вас отказаться от свадьбы с Рибианной? Я вас понимаю, но и вы поймите, я сделаю все, чтобы помешать этому, если вы, конечно, не предоставите мне убедительных доводов в пользу обратного.

– Герцог Анзорский, я всегда считал вас умным, достойным представителем вашего древнейшего рода. Тем больше меня удивляют ваши слова, чем я вам не угодил в качестве зятя? Недостаточно благороден или богат? – в голосе Двэйна слышался

скрытый сарказм.

– Ты еще вспомни про сплетни и слухи, где ты ешь на завтрак младенцев или пьешь кровь девственниц. Не надо морщиться, я старый человек и мне надоело вести светскую беседу, тем более ты будущий родственник, так что привыкай. Рибби, хватит копошиться, я даже спиной вижу, как у тебя уши от любопытства шевелятся. Быстро марш в свою комнату собираться, а то никуда не пойдешь!

Я молниеносно выскочила из библиотеки, даже пробежала пару шагов, чтобы потом на цыпочках вернуться обратно к двери. Наверное, мне в детстве говорили, что подслушивать нехорошо, но у меня же потеря памяти. Я приникла ухом к двери, стремясь уловить каждое слово.

– Послушай меня, мальчик, да и так я тоже могу тебя называть, вот доживешь до моих лет, поймешь, сколько в нашем мире ненужных условностей. Но долгая жизнь тебе не грозит, сколько раз на тебя покушались за прошедший год? Молчишь? Я знаю о трех. А теперь подумай, кто попадет под угрозу, когда ты женишься?

– Я смогу обеспечить безопасность своей семье, – холодно прозвучал ответ Двэйна.

– Тогда я первый поддержу эту свадьбу. На доказательство того, что ты держишь ситуацию под контролем, у тебя есть полгода. Если за это время с Рибби упадет хоть волос, можешь забыть о моей внучке. А чтобы у тебя не возникло желание ее скомпрометировать, оставаться наедине я вам запрещаю. Ее всюду будет сопровождать доверенная служанка и охранник.

– Не надо меня оскорблять, я никогда бы не опустился до такой низости…

Дальше мне слушать было неинтересно, сейчас начнут выяснять, кто более благороден, сыпать утонченными оскорблениями, в общем, меряться остроумием. Ну и пусть, дед очень любит подобные словесные поединки, а мне пора переодеться.

В коробочку с подарком я так и не заглянула, не было времени, надо было срочно вызволять лорда Двэйна из плена деда. Все рекорды скорости были побиты мной, и уже через четверть часа я входила в библиотеку. Я ожидала чего угодно: яростного спора между дедом и лордом, или, наоборот, молчаливого презрения, ведь перед моим уходом они почти ругались. Но оказалось, я плохо знаю двух самых близких в моей жизни мужчин, и пусть с лордом Двэйном мы знакомы недавно, но никто другой не подходит на роль моего мужа так, как он. Они пили вино, обсуждали недавно принятые законы, смеялись над

понятными только им шутками. В общем, все было тихо, мирно, по-домашнему, зря я так нервничала и торопилась.

– Леди Рибианна, вы очаровательны, – встал мне навстречу лорд Двэйн, при этом лицо его было серьезно, где-то даже сурово. И что мне об этом думать, с моим дедом он смеется, пусть и сдержанно, а со мной даже не улыбается. Но ведь я ему нравлюсь, такие вещи женщина всегда чувствует, или я все-таки ошибаюсь?

– Спасибо, лорд Двэйн. Надеюсь, я не заставила вас долго ждать? – улыбнулась, приседая в легком реверансе. – Так куда мы пойдем?

– Что вы, леди, даже ждать вас удовольствие, – вроде обычная вежливая фраза, но почему-то захотелось смущенно опустить глаза. – Думаю, сегодня мы просто погуляем по городу, погода хорошая, солнечная. Можно подняться на колокольню собора Святого Иерамина, с нее весь город, как на ладони. А вечером мы могли бы посетить бал. Вы согласны?

– Мне нравится, только можно сначала на колокольню? – мне и правда понравилась его программа увеселений, но рациональная часть меня говорила, что бал будет явно лишним. После целого дня на ногах танцевать вряд ли захочется, но я не стала заострять на этом внимание, есть же лавочки, скамейки и другие места отдыха.

Прогулка удалась, только я не учла деятельную натуру лорда Двэйна. Там, где гуляли мы, ни лавочек, ни скамеек не наблюдалось. Я хвалила себя за предусмотрительность, обувь на мне была удобная, а прогулка неспешная, так что особой усталости я не испытывала, чего нельзя сказать о Наденьке. Девушка, шедшая в паре с охранником в двух шагах от нас, выглядела все несчастней и несчастней. А ведь ей на бал ехать не надо. Я оглянулась вокруг и в конце аллейки заметила небольшой ресторанчик с открытой террасой, что ж, пора подумать о своих ногах.

– Лорд Двэйн, мне неудобно вас просить, но не могли бы мы зайти вон в то заведение. На улице очень душно, хотелось бы выпить чего-нибудь прохладительного, – прервала я краткий экскурс в историю нашей столицы. Недаром я прочитала те две книжки по истории нашего государства, теперь у меня вполне получалось поддерживать разговор, иногда даже вызывая удивленное выражение лица у герцога. Это он еще не знает, что я разбираюсь в законах, но до свадьбы я его этой информацией пугать не буду.

– Простите меня, леди Рибианна, я немного увлекся, история всегда вызывала у меня живейший интерес. Конечно, мы зайдем,

и не только чтобы чего-нибудь выпить, но и поесть, – лорд имел виноватый вид, так и хотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, что я нисколько не обижаюсь, например. Но это было бы признанием его вины, поэтому я просто взяла его под руку и улыбнулась.

– Обязательно. Девушкам неприлично иметь хороший аппетит, но если между нами, я очень проголодалась, – заговорщицки произнесла ему на ухо. И тут он улыбнулся, не вежливо или натянуто, а очень тепло, искренне.

– Поведаю вам страшную тайну: мне нравятся девушки с хорошим аппетитом, – при этом он окинул мою фигуру весьма красноречивым взглядом.

Не знаю, от чего я зарделась больше, от смущения или удовольствия. Ведь я даже не надеялась выйти замуж за человека, который будет мне нравиться, а уж о взаимной симпатии и мечтать не смела. Какая может быть взаимная симпатия в высшем обществе, где состояние и древность рода решают все. Так что это маленькое признание лорда Двэйна буквально меня окрылило, я согласна была прошагать еще столько же. Но такой жертвы от меня никто не потребовал. Оставив Наденьку в обществе охранника внизу за столиком, мы поднялись на второй этаж. Нас посадили на балконе, в тени вьющейся лозы. Как мало надо для счастья, сесть и расслабить гудящие ноги, ну и компания хорошая, конечно.

На балконе мы были единственной парой, в ожидании официанта герцог даже взял мою ладонь в свою, под столом. Я старалась не столь явно радоваться этому событию, ведь надо сохранять достоинство в любой ситуации. Видимо, лорда учили тому же, он нет-нет да кидал на меня заинтересованные взгляды, я же украдкой рассматривала его профиль. Незаметно мы становились все ближе и ближе друг к другу, расстояние между нами на диванчике сокращалось. Его потемневший взгляд приковал мой, и мы уже не отворачивались, не смотрели по сторонам. Можно ли было назвать лорда Двэйна красивым? Скорее всего, нет. Он не подходил под общепринятые стандарты моды, в нем не было ничего возвышенного, утонченного, артистичного. Черты лица слегка крупноваты, нос прямой, четко очерченные и полноватые губы, высокие скулы, тяжелый подбородок с милой ямочкой, широкие брови. И глаза: серые, выразительные, с густыми ресницами. Лорд не носил длинных волос, как это было модно среди знатных мужчин, они у него даже не достигали плеч. Но почему-то мне нравилась именно его грубоватая красота, а не манерных и жеманных парней, которых с первого взгляда можно спутать с девицами. А еще у Двэйна мне

нравились ладони: широкие, большие, горячие, две моих кисти легко помещались в одной руке. Откуда я это знаю? Наверное, потому что он так и держит мои руки в одной своей ладони, а второй убирает выбившийся волосок из прически мне за ухо. Нет, его пальцы уже скользят на мою шею, вызывая приятные мурашки и прилив краски к щекам. Надо бы отвернуться, отсесть, но ведь Двэйн хочет меня поцеловать, я же не могу отказаться от своего первого поцелуя. Ведь Двэйн не абы кто, а мой жених.

– Милорд, миледи, ваш заказ, – разорвал интимную обстановку жизнерадостный голос официанта, появившегося буквально из воздуха. – О, прошу меня простить, не хотел вам мешать.

– Вы не помешали мне и моей невесте, – раздраженно бросил лорд, сделав акцент на слове «невеста». Может, ему посторонний человек и не помешал, я же вздрогнула, дернулась в сторону, пунцовея еще больше. Я и руки хотела забрать, но отстоять удалось только одну, вторую Двэйн не выпустил, прошептав: – Рибианна, я прошу вас.

Я промолчала, от смущения пропали все слова, хотя в голове крутился вполне логичный вопрос, а как он будет кушать? Левой рукой, что ли?

Но зря я переживала, как будет кушать лорд Двэйн, поесть нам все равно не дали. Только отошел официант, как на балкон вылетела молоденькая девушка, вся в слезах и попыталась спрыгнуть вниз. Но, конечно же, запуталась в пышных юбках, что дало возможность герцогу снять ее с перил. Девушка вырывалась, говорила, что она не хочет жить, дайте ей умереть и все такое, перемежая слова рыданиями и попытками упасть в обморок. Я же сидела и смотрела на эту почти комедию. Это же надо додуматься заканчивать жизнь самоубийством посредством выпрыгивания с балкона второго этажа и это при том, что внизу кусты роз. То есть максимум, что ей грозило – это сломанная нога и несколько царапин, и то вряд ли, ведь вокруг посетители и если бы не лорд, то девушку успел остановить кто-нибудь другой. Вон официант уже стоит с чем-то успокоительно спиртным на подходе. В общем, особой жалости я к девушке не испытывала, было у меня ощущение, что ее отчаяние наигранное.

Тут она проморгалась, увидела, на чьей груди рыдает и побледнела. Вот теперь это был настоящий страх, она забилась еще активнее, стремясь вырваться из захвата. Я уже откровенно наслаждалась зрелищем, и если вначале у меня был острый приступ собственничества (какая-то деваха прижимается к моему жениху, да даже я себе такого не позволяю), то теперь видела, что

она мне не конкурентка.

– Простите, герцог, я не знала, что вы здесь. Я испортила ваш камзол, простите меня, – лепетала девица, оседая в руках Двэйна.

Похоже, лорд не знал, как обращаться с полуобморочными девицами. Поэтому просто встряхнул девушку пару раз за плечи так, что у нее клацнули зубы и втолкнул ее на диванчик между нами. Надо запомнить: никогда при лорде Двэйне не падать в обморок.

– Рассказывайте! Кто вы, что у вас случилось. Кто толкнул вас на этот шаг, был ли сговор, соучастники, – резкий голос будущего мужа даже меня заставил вздрогнуть, что уж говорить о бедной девушке. Думаю, ей еще не скоро придет в голову мысль о самоубийстве.

– Леди Элеонора Диолан, – заикаясь, промямлила девушка, косясь на меня в качестве поддержки.

– Дальше.

– Мой жених сказал, что разрывает помолвку, – тихо произнесла она, нервно поглядывая в сторону выхода.

Ее можно было понять, она рассчитывала на жалость и сочувствие, а попала на допрос. Сказать лорду Двэйну, что с девушками надо разговаривать по-другому? Не сейчас, не раньше, чем он на мне женится.

– О, это так ужасно, – ахнула я, беря девушку за руку. – Леди Элеонора, не стоит расстраиваться, этот человек просто недостоин такой девушки, как вы. Кстати, как его имя, ведь надо рассказать другим честным девушкам, чтобы они не верили льстивым обещаниям этого негодяя.

– Граф Ревьен Тронси, мы должны были пожениться через две недели, – повернулась ко мне Элеонора, найдя, наконец-то, сочувствие и заинтересованность. – А сегодня он пригласил меня сюда, обвинил в обмане и разорвал помолвку. Как он мог? Ведь клялся в любви!

Кажется, девушка сейчас опять начнет плакать, но мы еще не узнали причину такого поступка графа, не знаю, как лорду Двэйну, но мне она была интересна.

– Не плачьте, милая леди. Что он еще говорил? Может, вас кто-то оклеветал перед ним, и он, не разобравшись, погорячился? – подкинула ей пищу для размышлений. На лорда я старалась не смотреть, ведь я влезла в его допрос, наверное, он очень зол, но так, по-моему, мы быстрее все выясним.

– Да, да, вы правы. Это все клевета. Мне отец оставил большое приданое, а кто-то сказал моему жениху, что наш род нищий. Но ведь это неправда?! Герцог Варрийский, вы ведь все знаете, – девушка ради оправдания мерзавца, который бросил ее

только из-за отсутствия приданого, готова была даже со «страшным» герцогом разговаривать. Но не мне осуждать девушку, кто знает, что было бы, потеряй наш род все свое состояние.

– Я обязательно разберусь с этой ситуацией, – мрачно ответил лорд Двэйн. – Только вы пообещайте впредь не делать подобных глупостей.

– Да, да, я обещаю, – закивала Элеонора. – Спасибо вам, герцог. И вам спасибо, леди, простите, я не знаю вашего имени.

– Леди Рибианна Монфри, – улыбнулась я ей.

Лорд Двэйн встал, пропуская девушку. Она еще раз поблагодарила нас и ушла. Лорд подозвал официанта, что-то прошептал ему на ухо и тот исчез. Все, я осталась одна наедине с лордом, который явно был недоволен моим поведением.

– Леди Рибианна, может, вы мне объясните, зачем вмешались в расследование? – холодно поинтересовался мужчина.

– Вам ответить честно или можно разыграть глупую наивную девушку? Сомневаюсь, что у меня получится столь же талантливо, как у леди Элеоноры, но попробовать можно, – вздохнула я, кажется, скоро жених сам от меня сбежит. Кто меня вообще дернул за язык, могла бы просто наивно похлопать глазами, проявляя чудеса непонимания.

– Конечно же, честно! И с чего вы взяли, что девушка обманывает нас?

– Я не говорю, что она нас обманула, скорее, слукавила. Она не собиралась сводить счеты с жизнью, только мужчина может поверить в это. Тут второй этаж, внизу кусты, вокруг люди, неужели вы думаете, что если бы не ваша помощь, ее некому было бы спасти? Человек, который по-настоящему хочет расстаться с жизнью, делает это наверняка. А дальше все цепляется одно за другое. Зачем ей нужен был этот спектакль? Все ли так просто, как она говорит? А по поводу вашего вопроса, зачем я вмешалась, отвечу. Девушка выбрала для себя роль жертвы, вы же своим вопросом приравняли ее к преступнице. Я подумала, что если ее вернуть в избранную роль, она охотнее поделится информацией.

– А вы знаете, что девушке неприлично быть такой умной, – усмехнулся лорд Двэйн, с долей подозрительности рассматривая меня.

– Знаю. Но что поделаешь, такая уж я уродилась. А вам больше по душе наивные восторженные девицы, не имеющие своего мнения или, что более вероятно, скрывающие его?

– Леди Рибианна, вы оскорбляете меня такими вопросами, – в глазах огонь, который он прячет за ресницами, но меня уже

понесло, надоело быть кроткой овечкой.

– Как можно, лорд Двэйн, я всего лишь задала вам вопрос, риторический. Потому что кто только за последние полгода не говорил мне, что девушке нельзя быть умной. Что она должна быть красивой, и в то же время незаметной, чтобы, не приведи Всевышний, ее будущий супруг не усомнился в своей значимости.

– Для меня становится понятным, почему вы до сих пор не замужем, – хмыкнул лорд.

– Я тоже сегодня поняла, почему вы тоже до сих пор без жены, – раз уж ругаемся, скажу ему все, что думаю. Потому что завтра он, скорее всего, расторгнет помолвку, и мои слова уж точно будут считаться оскорблением.

– Что же вы замолчали? Говорите уже свои выводы, мне будет интересно их услышать.

– Да какие выводы, просто наблюдение. Если вы со всеми девушками разговаривали, как с преступницами, то не удивительно, что они верят во все те гадкие слухи, что ходят о вас.

– До вас уже дошли слухи? – помрачнел Двэйн, разом утратив напор и азарт.

– Не то слово, после нашей помолвки кто только не изъявил желание предупредить меня и пожалеть, – скривилась я, вспомнив то паломничество «доброхотов» на балу и после.

– Как вам они, – лорд отвел глаза, переведя взгляд на деревья за балконом.

– Никак, грязь, мерзость, как земля носит людей, сочиняющих это. А если вас интересует, верю ли им я? Не верю, потому что мой дед вас уважает, а его мнение для меня значит очень много.

– Мне не нравятся глупые женщины, – как-то невпопад сказал Двэйн, улыбаясь. Это мы что, помирились?

– Приятно слышать, – улыбнулась я в ответ. Надеюсь, свадьба у нас не отменяется. Прав дед – надо поменьше спорить. Только как продержаться эти полгода? Как заставить язык не болтать лишнего до свадьбы?

* * *

Двэйн сидел в своем кабинете, у него было еще часа три до того, как он поедет за Рибианной, чтобы сопровождать ее на бал. То есть время на работу было. Но мысли упорно скатывались к невесте. То, как она быстро раскусила эту девицу Элеонору, вызывало восхищение. И ведь выводы были сделаны только на основе наблюдений и логики, вряд ли она знала столько о семье

Диолан, сколько он. Сам лорд понял, что девушка не собирается прыгать, сразу. Она неуклюже пыталась перелезть через перила, да и рыдания мало походили на настоящие.

Уже давно лорд Двэйн выбрал для себя образ недалекого, но цепкого солдафона. В этом образе было проще делать вид, что он не понимает намеков, ведь не только деньгами ему предлагали расплатиться за мошенничество и другие, не особо крупные прегрешения. Кто-то предлагал свою жену, кто-то дочь, кто-то себя, причем необязательно это были женщины. Нравы в высшем обществе были весьма распущены. Что делал Двэйн с людьми, рискнувшими предложить ему однополую любовь, история умалчивает, но их больше не видели. Герцог был весьма нетерпим к любым извращенцам, поэтому они, в последнее время, тщательно скрывали от него свои пристрастия. Но ведь женщин не будешь ссылать на каменоломни за то, что они лезут к тебе в постель? Тут образ грубого, жестокого мужлана был, как нельзя, кстати. Какая женщина захочет близости с таким? Самого же Двэйна леди из высшего общества не привлекали. На молоденьких девушках надо было жениться, а связь с замужней дамой – это уже компромат на него.

От посторонних дам мысли плавно перетекли к его собственной, нет, пока не жене, но это только пока. По-мнению Двэйна, Рибианна была красивая и умная – страшная смесь для женщины. Но ведь он не любит простых путей, так что справится, тем интереснее будет брак. Откинувшись на спинку кресла, Двэйн представлял, как под его чутким руководством Рибианна становится нежной и пылко влюбленной супругой, ловящей каждое его слово. Правда, «чуткое руководство» в мечтах носило совсем не руководящий характер, а, скорее, эротический. Полгода, как же это долго, почему-то у Двэйна даже не возникало мысли воспользоваться услугами тех дам, что были у него до помолвки. Наверное, сказывалось воспитание, но он искренне считал, что раз уж женился или только выбрал невесту, то обязан хранить ей верность.

Бал был в самом разгаре, Двэйн не отходил от невесты, они танцевали, прогуливались по залу, пили охлажденные напитки, выходили подышать. На террасу Двэйн повел Рибианну не с самыми честными намерениями. После совместных танцев он мог думать только об искрящихся весельем глазах девушки и ее губах, которые манили и звали вкусить их сладость. Герцог никогда не был поэтом, но именно такие метафоры приходили ему на ум, едва он смотрел на свою невесту. Прав бы Августиан, ему давно было пора жениться, взрослому мужчине нельзя без жены, вон

всякая дурь в голову лезет. Но вкусить поцелуев Рибианны не получилось: народу на террасе было много, а темные углы заняты. Поняв, что не судьба, лорд повлек девушку обратно в зал. Кто, вообще, придумал ждать полгода со свадьбой? Недели две было бы достаточно, ну максимум месяц.

А тут еще Рибианна сказала, что ей нужно в дамскую комнату, в общем, нет в жизни счастья. Проводив взглядом соблазнительную фигурку, лорд Двэйн направился к графу Тронси, пора было услышать его вариант развития событий. Хотя истинную подоплеку герцог Варрийский уже знал.

Глава 4

Я позорно сбежала от самого лучшего мужчины в мире и по совместительству от моего жениха. Мне льстило его внимание и танцует он хорошо, но, похоже, решил отыграться на мне за все годы одиночества. Мало того, что мы полдня гуляли и все пешком, так и на балу мы не пропустили ни одного танца. Три часа на каблуках и ни разу не присесть. Конечно, попадаются закаленные девушки, что могут танцевать ночь напролет и не устать, но это явно не обо мне. Кажется, я за сегодняшний день даже похудела. А, вообще, я начинаю немного побаиваться нашей супружеской жизни, слишком уж Двэйн неутомимый.

В дамской комнате я присела на один из диванчиков, вытянула ноги и расплылась в счастливой улыбке. Хотя если мы не будем ходить по балам, его деятельную натуру я выдержу. Леди, молодые и не очень, косились на меня с недоумением и жалостью. Новость, что я невеста герцога Варрийского, разнеслась в первый же вечер. И если мужчины не стеснялись подходить и поливать лорда Двэйна грязью, завуалировано, намеками, то женщины старались просто держаться от меня подальше. Я была этому только рада, не хватало выслушивать еще и их лживые слова сочувствия и участия.

Буду лучше думать о Двэйне. Я ему точно нравилась: в танце он старался приобнять меня крепче, чем нужно, в походах по залу и на террасу не выпускал мою руку. В общем, взаимная симпатия на лицо, только иногда он своими действиями ставил меня в тупик. Как, например, с той же террасой: предложил выйти на свежий воздух, я согласилась, втайне надеясь найти там лавочку. Но только мы вышли, как тут же вернулись обратно. И все это без каких-либо объяснений. Будь я менее любопытная, то не стала бы обращать на это внимание. И вместо того чтобы предаваться размышлениям, я бы спокойно наслаждалась отдыхом. Но я же не ищу легких путей. Что же не понравилось Двэйну на террасе? Может, он заметил человека, с которым не хотел бы встречаться? Или, наоборот, он кого-то искал, но не увидел, поэтому мы вернулись обратно. Но с такими мыслями можно зайти далеко. Никогда не думала, что буду ревновать почти незнакомого человека.

В высшем обществе это осуждается даже больше, чем наличие любовника или любовницы. Вроде как благородные люди не могут опускаться до такого низменного чувства, как ревность. Полгода до свадьбы надо быть милой и всепрощающей, кто, вообще, придумал ждать так долго, месяца вполне бы хватило и

платье пошить, и приглашения отправить.

От тоскливых мыслей меня отвлек шум, выбивающийся из общего гула, обычного для таких мест – в дамскую комнату ввалилась девушка. Именно ввалилась, по-другому это назвать было нельзя. Первая мысль у меня была как у всех – выпила лишнего. Но тут она, раскачиваясь из стороны в сторону, вскинула голову, и я с трудом узнала в этой бледной, с оттенком синевы девушке Элеонору.

– Помогите, – прохрипела она и, упав на колени, согнулась в приступе рвоты. Раздался многоголосый визг, но никто не двинулся на помощь девушке.

– Хватит орать! Ты, быстро метнулась за водой! А ты побежала и нашла лекаря, или кого-нибудь из обслуги! – гаркнула я, в душе удивляясь своему громкому голосу. Девицы взметнули юбками и разбежались в разные стороны.

– Милая, не много ли вы на себя берете? Мы вам не прислуга, чтобы нами командовать, – поджав губы, заявила какая-то дама неопределенного возраста и веса.

– Лично вами я не командую, заметьте. Из уважения к возрасту и статусу. Но если у вас есть желание пообщаться с моим женихом, вы можете и дальше мешать расследованию.

Кстати, я вас всех запомнила, будете свидетельницами.

Я никого не собиралась пугать, но после своих слов получила два обморока, пяток рыдающих девиц, а остальные, более стойкие, сидели, прижавшись друг к другу.

Прибежала девушка, которую я отправила за водой и протянула мне дрожащими руками полупустой бокал. Я не стала ей ничего говорить, просто молча забрала у нее из рук, а то и это расплескает. Наклонилась над бьющейся в судорогах Элеонорой и поняла: девушке вода не поможет, ей вообще уже ничего не поможет.

* * *

Двэйн нахмурился и огляделся по сторонам, но опять ушел с головой в работу и совсем забыл о невесте. Она давным-давно должна была вернуться, но в танцевальном зале ее не было. Не заметить девушку было невозможно. Когда он ее увидел сегодня перед балом, то потерял на время дар речи. Рибианне удивительно шел подаренный им гарнитур с топазами, идеально сочетаясь с платьем и цветом глаз. Только глаза Рибби сверкали ярче. Надо найти девушку, может, она заблудилась, или ее кто-то перехватил по дороге?

Герцог направился в сторону дамской комнаты. Не доходя ее, ему навстречу попался один из его подчиненных.

– Герцог, как хорошо, что я вас нашел. У нас чрезвычайная ситуация, в дамской комнате умерла девушка. Лекарь предполагает убийство, отравление, – затараторил молодой парень с каким-то восторженным блеском в глазах.

У Двэйна что-то оборвалось внутри. Рибианна?! Не уследил, не уберег! Он бегом бросил вперед, впервые не задумываясь, как это выглядит со стороны. Двэйн буквально влетел в дамскую комнату, растолкав столпившуюся у дверей прислугу. Рибианна, живая, – с сердца разом упал тяжелый груз – стояла в окружении его подчиненных, взиравших на нее с восхищением.

– Вы все записали? Наконец-то! Баронет, вам надо больше обращать внимания на работу, а не на невесту вашего начальника, – насмешливо улыбнулась девушка молодому человеку, не сводившему с нее глаз. Двэйн с трудом подавил чувство ревности, которое даже перевесило ощущение легкости и счастья от осознания того, что с Рибианной все в порядке.

– Что здесь происходит? Что за столпотворение? Как можно было превратить место преступления в этот хаос? – ледяным тоном осведомился он у спин подчиненных.

Иногда Двэйну казалось, что некоторые из них владеют магией, потому что умение исчезать моментально, списать на что-то иное было нельзя.

– У вас все хорошо, Рибианна? – тихо спросил он, подойдя к девушке. Встретился с ее ясным взглядом, окончательно уверился, что она не пострадала, коснулся ее ладошки поцелуем и сказал: – Вы присядьте, еще парочка минут, и я провожу вас домой.

– Хорошо, лорд Двэйн, – мило покраснела девушка и отошла к диванам.

– Так, что удалось выяснить? – обратился он к тому самому баронету, что позволял себе излишнее внимание к его невесте. Интересно, если он сошлет его куда-нибудь на окраину страны, с повышением, конечно, это не будет считаться местью?

– Леди Элеонора Диолан, семнадцати лет от роду, скончалась в результате отравления быстродействующим ядом полчаса назад, – отрапортовал побледневший баронет. – В присутствии свидетелей она просила помощи и успела прохрипеть, что ее убили. Лекарь взял пробы рвоты на анализ, сказал, что завтра будут результаты, по его же приказу унесли тело. Показания свидетельниц записал, подписку о неразглашении потребовал.

– Что ж, баронет, вы неплохо потрудились, возможно, в ближайшем будущем, вас ждет повышение, – холодно процедил

герцог, отмечая молодость и привлекательность сотрудника. Да, на окраине он быстро сделает карьеру, заодно женой обзаведется.

– Рад стараться, герцог Варрийский, – расплылся в радостной улыбке парень. – Но совесть вынуждает меня быть с вами честным, все это выяснила леди Рибианна, а я только записал с ее слов и собрал подписи остальных свидетельниц, которые подтверждают слова леди. Примите мое восхищение, у вас просто потрясающая невеста.

– Благодарю, баронет, за то, что не стали приписывать себе эти заслуги, – ответил лорд Двэйн, в уме составляя приказ, чтобы завтра уже можно было отправить этого наглеца подальше, лет на пять или десять.

* * *

Мы ехали в открытом экипаже по ночному городу, Двэйн всю дорогу держал меня за руку, не обращая внимания на осуждающие взгляды престарелой девы, что выбрали родители мне в сопровождающие. Я же прокручивала в голове прошедшие события и удивлялась самой себе: мне понравилось находиться в экстремальной обстановке, понравилось, что каждое мое слово ловят со вниманием и почтением. И дело не в том, что мне льстило их всеобщее восхищение, мне было приятно, что оценили не мою внешность, а ум. Еще бы Двэйн посмотрел на меня так же, и моему счастью не было бы предела. Но он, как обычно, был холоден и сосредоточен, лишь изредка через эту маску проглядывали человеческие чувства. Но мне хотелось, чтобы со мной он не прятался, чтобы улыбался, чтобы смотрел так, как тогда, на балконе, когда нам испортили первый намечающийся поцелуй. Нет, надо срочно думать о чем-то другом, а то у меня мурашки побежали от этих воспоминаний.

– Рибианна, вам холодно? – спросил Двэйн и до того, как я ответила, снял с себя камзол и накинул мне на плечи.

На миг он наклонился так близко, что можно было коснуться губами его шеи, но благородные девушки так не поступают, поэтому я, как бы невзначай, дотронулась до него носом. Кажется, я все-таки замерзла, шея Двэйна показалась мне очень горячей.

– Леди, да вы совсем ледяная, нельзя же так. Почему вы мне не сказали?

Он обнял меня поверх собственного камзола, прижимая к груди, и мне сразу стало тепло и хорошо.

– Герцог Варрийский, ваше поведение балансирует на грани допустимого. Вы понимаете, что своими действиями можете

скомпрометировать мою племянницу, – с голосом поруганной добродетели влезла моя, так называемая, тетушка. Графиня Пранер была старой девой и, кажется, троюродной сестрой моей матери, именно ей было поручено присматривать за мной.

– Леди Пранер, вы хотите, чтобы Рибианна заболела? То есть для вас забота о нравственности вашей подопечной важнее ее здоровья? Я вынужден буду донести это до сведения маркиза Монфри, – голос Двэйна пробирал до самых костей, но он злился не на меня и это радовало.

Пригревшись у Двэйна на груди, я задремала, совсем забыв поведать ему одну деталь. Я не стала говорить этого при всех, но, умирая, Элеонора сказала не «убили», а «убила». Честно сказать, я терялась в догадках. Вроде бы все ясно: девушка хотела сказать, что ее убила какая-то женщина, так что круг подозреваемых существенно сужался, достаточно выяснить, у кого был мотив. Но что если Элеонора хотела сказать другое? Может, она хотела покаяться перед смертью и признаться в убийстве, или она сама стала невольной свидетельницей преступления, за что и поплатилась жизнью.

– Анна, проснитесь, мы уже приехали, – разбудил меня тихий ласковый шепот. Как же хорошо, что этот бал проходил в загородном дворце Августиана Третьего, когда бы я еще понежилась в объятиях Двэйна. На устах заиграла улыбка, сменившаяся запоздалым удивлением.

– Как вы меня назвали?

– Анна. Я заметил, что сокращенное Рибби вам не нравится. Можно, я буду звать вас Анной? – я подняла на герцога глаза, тусклый свет фонарей отражался в них, делая взгляд загадочным и таинственным.

– Можно, вам можно и Рибби меня называть, – улыбнулась я, тоже говоря тихо. – А почему мы шепчем?

– Потому что наша надсмотрщица уснула, а я так и не сделал того, о чем мечтал сегодня весь вечер, – он коснулся губами моих глаз, скользнул по щеке, казалось, еще чуть-чуть…

– Что? Мы уже доехали? Рибианна, отдай герцогу камзол, а то еще увидит кто, стыда не оберешься. Рибби, ты что, уснула?! – помогите мне святые, дайте мне спокойствия, почему у моей тетушки такой визгливый голос и проснулась она так не вовремя.

Я уткнулась лбом в грудь Двэйна, переводя дыхание и успокаивая взволновавшееся сердце. У мужчины оно тоже громко стучало, этот звук проливался бальзамом на мою душу, значит, он ко мне тоже небезразличен. Я вздохнула и отодвинулась, как бы ни хотелось задержаться в объятиях лорда подольше, но есть правила, этикет, нормы морали и другие условности.

– Спасибо вам, лорд Двэйн, ваш камзол просто спас меня.

– Ну что вы, как я мог оставить замерзать благородную леди, – подыграл мне герцог. – Позвольте, я помогу вам спуститься из экипажа.

– Ах, вы так благородны и заботливы, но не могли бы вы сначала помочь моей тетушке. Вы же понимаете, в ее возрасте тяжело посещать такие увеселительные мероприятия.

– Леди Пранер, прошу вас, – протянул руку тетке Двэйн, за секунду оказавшись у подножки экипажа.

Графине ничего не оставалось делать, как протянуть в ответ свою сухонькую ладонь, она же не могла отказать в любезности герцогу. Тот помог ей спуститься, почти из рук в руки передав ее груму, вырываться или остаться дожидаться меня на дорожке леди Пранер не позволяла гордость. И она, поминутно оглядываясь, пошла медленно к дому.

– Прошу вас, миледи, – протянул мне открытую ладонь Двэйн. Я подала руку и очутилась в его объятиях. – Я с удовольствием внес бы вас в дом на руках, но пока не могу позволить себе такой радости. Ведь такое разрешено только супругу.

– Рибианна, – донесся голос тетки, которая уже не делала вид, что идет к дому, а стояла и пристально смотрела на нас.

– Да, тетушка, я уже иду. И кто придумал ждать полгода, – невольно вырвалось у меня, заставив смутиться от мысли, что обо мне подумает Двэйн после таких слов. Но он наоборот счастливо рассмеялся, крутанул меня вокруг себя на руках и поставил на дорожку.

– Приятных снов, Анна, вряд ли завтра, точнее, сегодня я смогу вас навестить, дела, вы же понимаете. Но я пришлю весточку, обещаю.

– Я вам верю. Спокойной ночи и удачного расследования, Двэйн.

Я уже третий день сидела дома, Двэйн регулярно слал цветы и записочки, что он очень занят и не может пока приехать. Ха, приехать, да тут от его ведомства до нашего дома идти минут пятнадцать, я проверяла. Ходила, гуляла с Наденькой и парой охранников неподалеку. Зайти я, конечно, не решилась, еще подумает, что я на него вешаюсь. А меня просто мучает любопытство, как же продвигается расследование смерти Элеоноры? Вдруг Двэйн зашел в тупик, а моя подсказка была бы очень ему кстати?

Но всем было не до меня. Дед уехал поправлять здоровье на минеральные воды, напоследок сказав, что если уж герцог

Варрийский не сможет защитить меня от его недругов, то ему тем более это не под силу. Так что без толку сидеть и сторожить меня, пусть этим занимаются профессионалы. Отец с матерью тоже уехали, только в соседнее государство, на какой-то слет министров или что-то в этом роде, политика меня никогда не интересовала. Вообще-то, должен был отправиться только отец, но маман вызнала через свои связи, что министров приглашают с женами. Какой был скандал! Я знала, что у маменьки громкий голос, но чтобы настолько. В общем, отец получил сполна, с него даже слетела обычная маска холодности и самоуверенности.

Мне пришлось весь день прятаться от них обоих, потому что каждый из них просто мечтал излить мне душу, рассказать, как его не понимают, не ценят. А оно мне надо? Они же все равно помирятся. То, как они это делают, слышат все в округе: сначала крик, шум, разбитая посуда, а потом тишина, а прислуга старается близко не подходить к дверям их покоев. Я как-то прошла мимо, так потом бежала оттуда с красными щеками. Это хорошо, что их апартаменты находятся в другом крыле дома. Зато теперь я знаю, что мои родители, несмотря ни на что, любят друг друга до сих пор, причем весьма громко и страстно любят, прямо зависть охватывает.

И вот я одна в доме, под присмотром тетушки, кошмар. Документами не займешься, дед закрыл свой кабинет, отец, соответственно, свой, но в его бы я даже не полезла, пусть сам со своей политикой разбирается. Мне оставалось сидеть с тетушкой и вязать, раньше я думала, что занятие этикетом – это самое ненужное из того, чему меня учили в жизни, но оказалось, есть еще вязание. Кого-то оно успокаивает, кому-то просто нравится, меня же оно раздражало. Поэтому, когда нам принесли приглашение на церемонию погребения, я, едва глянув обратный адрес, сразу согласилась. Приглашение было от графини Диолан, мачехи покойной Элеоноры.

За пару дней я успела кое-что узнать об этом семействе, тут неоценимую услугу оказала мне Наденька, она общалась со многими служанками из соседних домов. И ради моего красочного рассказа она прошлась по знакомым и выяснила для меня интересные подробности из жизни Элеоноры и ее мачехи. Кстати, именно мачеха была у меня главной подозреваемой. Ведь со смертью девушки приданое останется в семье. Мачеха, леди Лилит Диолан, была молодой женщиной, немногим старше меня, всего-то двадцати пяти лет от роду. Замуж за престарелого графа ее выдали в шестнадцать. Прислуга шепталась, что старый граф был еще тот извращенец. Вся прислуга у него была из молоденьких девушек, которых он регулярно тащил в свою

постель, именно такая любвеобильность и стала причиной его смерти. Лилит стала вдовой в двадцать лет, но так как ребенка рождено в браке не было, она не имела права распоряжаться наследством, и оно должно было перейти Элеоноре после ее свадьбы. А графине назначалось пожизненное содержание, но это были сущие гроши по сравнению со всем состоянием. Также по брачному контракту она не могла повторно выйти замуж, пока на ее попечении находилась Элеонора. В общем, мачеха была идеальной кандидатурой на роль убийцы. Конечно, вряд ли она это сделала своими руками, но в качестве заказчика могла выступать.

Всю подготовку к этому весьма скорбному мероприятию я полностью доверила тетке. Сама я на похоронах если и бывала, то не помнила этого, даже представление имела смутное. Фантазия рисовала открытый гроб и плачущих людей вокруг, или это было воспоминание? Не уверена, все слишком тускло и размыто.

Подготовившись морально, пополнив запасы носовых платков, мы, такие похожие с теткой, в строгих темных платьях, в шляпках с черной вуалью, отправились в дом графини Диолан. За нами, как всегда, ехали охранники, но это уже было привычное зло. За одним малым исключением, я уже который раз замечала, что стоит мне только выйти за пределы усадьбы, то помимо нашей охраны, несильно скрываясь, за нами следовал мужчина.

Невзрачный, непримечательный, какой-то серый, если бы он хоть как-то прятался, я его бы не заметила, но он шел уверенно, даже вальяжно. Может, его приставил Двэйн? Не думаю, что преступники бывают такие наглые. Но все же спросить у лорда не помешает.

Похороны оказались не так страшны, как я себе представляла. Не было ни открытого гроба, ни душераздирающих сцен со слезами, все тихо и мирно. В фамильный склеп спустились только родственники – их было немного – и священнослужитель. Потом был поминальный обед, прошедший по традиции в молчании и уже после него все присутствовавшие подходили по одному и приносили свои соболезнования хозяйке дома. За нас это сделала тетушка, хоть я и была выше ее по положению, но уважение к возрасту пока никто не отменял. Я же стояла рядом, со скорбным лицом, промокая платочком несуществующие слезинки. Молодая вдова была хороша собой, горе никак не отразилось на ее лице. Могла бы и побольше белил на лицо нанести, а то неприлично иметь такой цветущий вид на похоронах падчерицы. Но на заказчицу, а тем более убийцу, она походила мало, слишком бесхитростное лицо, такие люди

говорят, что думают. А вот так называемый жених, что бросил Элеонору за несколько часов до убийства, мог это сделать.

Блондин, аристократ до мозга костей, красивый, холеный, с цепким взглядом, все это никак не сочеталось с его скорбным видом и прикладыванием надушенного платочка к виску. С ним разговаривать толку не было, такой даже случайно не проболтается, а вот расспросить вдову стоило. Осталось придумать, как это сделать, не вызывая подозрений. Но тут отличилась тетка. Всего лишь несколько слов и я простила ей даже пытку вязанием.

– Ах, это так ужасно, когда умирают такие молодые. Моя племянница так была шокирована этим зрелищем, что уже которую ночь плохо спит. Ведь так, Рибианна? – повернулась ко мне тетка. Я сделала донельзя шокированное лицо, кивнула, поднесла платочек к губам, как будто меня начало подташнивать.

– Тетушка, это было ужасное зрелище, бедная Элеонора. Ведь мы с ней чуть не стали подругами, – платочек к глазам. – Она умерла практически у меня на руках, именно мне она сказала последние слова перед смертью.

– Какие слова? – ухватилась за мою последнюю фразу графиня.

– Она сказала, что ее убили! – громким шепотом сказала я, отмечая краем глаза, как заинтересованно глянул в мою сторону «убитый» горем жених. – Это было так страшно, она хотела что-то еще мне сказать, но не успела.

– Какая жалость, что она не сказала вам большего, – притворно вздохнула мачеха, пряча удовлетворенный блеск глаз за опущенными ресницами. Может, я зря списала ее? Что ж, подкинем ей зацепку, если ухватится, то буду копать дальше.

– Вы правы. Сейчас мы не узнаем, что хотела сказать Элеонора. Но у меня есть предположения, – приблизилась я к графине, понижая голос до шепота, подозрительно оглядываясь по сторонам.

В общем, делала все, чтобы блондинистый ловелас заинтересовался еще больше, что же такое тайное я рассказываю леди Диолан. Судя по тому, что он как бы невзначай стал прохаживаться недалеко от нас, мне это удалось.

– Так вот, незадолго до того злополучного бала я повстречала Элеонору, она была расстроена и подавлена. По секрету она рассказала, что жених бросает ее ради другой женщины. Каков подлец! – я специально не стала говорить всей правды, надо же и козыри иметь.

– Я всегда говорила Элеоноре, что он не достоин ее, но она была влюблена и меня не слушала. Я не удивлюсь, если это он ее

убил! А теперь ходит и делает горестный вид, – тут же поддержала мою версию графиня. Ясно, что-то тут нечисто.

– Ну что вы, нельзя так обвинять человека, он может быть подлецом, но не обязательно убийцей, – не хватало еще, чтобы по всему высшему свету начали говорить, что я обвиняю кого-то в преступлении.

Перекинувшись с хозяйкой дома еще парою ничего не значащих фраз, выразив ей свои соболезнования, мы с тетушкой направились к выходу. У меня появились идеи, которые стоило проверить.

– Леди Монфри, вы не уделите мне минутку, – подхватил меня под локоток женишок покойной Элеоноры.

– Какая безнравственность, не успело остыть тело леди Элеоноры, а он уже оказывает знаки внимания другой девушке! – взвилась моя тетка, гневно сверкая глазами на графа.

– Вы ошибаетесь, я всего лишь хотел поговорить с леди Монфри об Элеоноре. Мне сказали, что леди разделила с моей любимой последние минуты ее жизни. Я хотел выразить признательность, ведь так важно, чтобы в такой трагический момент кто-то оказался рядом, – вещал скорбным голосом красавчик.

– Тогда надо было должным образом подойти, попросить, чтобы вас представили леди. А не хватать ее, как какую-то служанку за руку. Куда катится нынешняя молодежь? Вот в мое время девушки не смели глаз поднять от пола, а молодые люди были учтивы и вежливы, – не на шутку разошлась тетка. Я же представила девушек, которые пытаются оторвать свои глаза от пола, и подавила улыбку, потом посмеюсь над перлами родственницы.

Но в одном ей можно было сказать спасибо: своими воплями она привлекла к нам внимание, приглашенные начали на нас оглядываться с нездоровым энтузиазмом, предвидя скандал. Граф же предпочел ретироваться, а я, подхватив под руку тетку, повела ее на выход. Она еще с полчаса рассказывала о светлом прошлом своей молодости и поливала грязью нынешнюю молодежь. Я молчала, о прошлом мне сказать было нечего, да и не хотелось, чтобы эта речь затянулась на оставшиеся полдня.

* * *

Герцог Варрийский был серьезно занят. Дело об убийстве Элеоноры Диолан из бытового преступления, когда виновных обычно находят среди близких родственников, переросло в

международное. Экспертиза показала, что девушка была отравлена сильнейшим, быстродействующим растительным ядом, его производили только в сопредельном государстве. В минимальных дозах этот препарат использовался как лекарство, при увеличении становился ядом или наркотиком, что, по мнению Двэйна, было одним и тем же. Этот препарат достать на рынках города не было возможности, за его ввозом строго следили, лекари отписывались за каждый грамм, а за контрабанду полагалась смертная казнь. Но, видимо, как-то в столицу этот препарат провезли. Потому первым делом лорд дал задание проверить запасы у всех лекарей страны. Тех, кто имел лицензию на использование этого вещества, было не так много и большинство из них жили в столице.

Сейчас лорд читал отчеты, и никаких пропаж или ненормированного расхода яда за эти дни зафиксировано не было. Что ж, он и так был в этом уверен, скорее всего, им посчастливилось напасть на след наркоторговцев. Тут ему на глаза попался еще один отчет. Он совсем забыл, что отправлял человека узнать о прошлом Рибианны.

Отчет был короток и лаконичен: никаких внебрачных детей и связей, никаких порицаемых увлечений или пристрастий, более того, вообще никаких увлечений. Скромная, домашняя девочка, по словам прислуги – слабая не столько здоровьем, сколько морально, но такой она была до болезни. Сейчас же Анна была совсем другим человеком, но тут, скорее всего, сказывалась потеря памяти, а с ней и всего, что угнетало девушку.

Прочитав отчет до конца, Двэйн порвал его на мелкие клочки, вымещая на бумаге все чувства, что вызвали у него последние строки. Понятно, почему родственники Анны не торопятся нанимать целителей, чтобы вернуть память девушки. Никакой болезни не было, а была неудачная попытка самоубийства. Человек, копавшийся в прошлом девушки, так и не смог выяснить, чем была вызвана эта попытка, которая не удалась по чистой случайности.

У Двэйна всплыла в голове одна фраза, сказанная Рибианной: «Человек, который хочет умереть, делает это наверняка». И по изложенным в отчете фактам, сама она делала это наверняка, и только чудо смогло вернуть ее к жизни. Надо навестить девушку, она последние дни одна, вряд ли ее тетка может в достаточной мере уследить за Рибианной. Но почему родственники девушки бросили ее одну сейчас?

Нет, надо срочно что-то думать со свадьбой, он не хочет, чтобы его невеста оставалась в том доме. Ведь в отчете между строк написано, что Рибианна росла забитым, безвольным

ребенком, она всегда была в тени своей матери. Это сейчас Анна ей сопротивляется, а что будет, когда вернется память? Надо срочно забирать Анну из семьи, чтобы ничего ей не напоминало о прошлом, чтобы она жила настоящим и будущим. В будущем девушки лорд Двэйн видел только себя и никого больше.

У герцога никогда не расходились слова с делом, если он решил навестить Рибианну, то собрался и пошел. У него даже в мыслях не возникло, что он может не застать девушку дома. Правильно, куда ходить молодой невесте? Только в сад подышать свежим воздухом. Но нет, Рибианна в сопровождении тетки отправилась на поминальный обед. С учетом прочитанного отчета от этой новости лорд Двэйн обзавелся лишней парой седых волос. Во-первых, Элеонора умерла на руках у Анны, преступники вряд ли будут узнавать, что ей известно, просто уберут, как ненужного свидетеля. Во-вторых, похороны молодой девушки могли напомнить Анне о своей неудавшейся попытке уйти из жизни. Нет, в женитьбе есть не только положительные стороны, Двэйн так не нервничал, даже когда на него покушались, а тут от одних предположений готов бежать, спасать, защищать Рибианну. Хотя надо было бы ее запереть где-нибудь под охраной до самой свадьбы. Наверное, он бы так и сделал, но кому он может доверить свою невесту?

Глава 5

Мы ехали домой, тетушка что-то рассказывала из своей молодости, я кивала, делала заинтересованное лицо, но сама думала о своем. Что мне удалось узнать? Практически ничего, теория с мачехой не подтвердилась, но и опровергать ее было рано. Была только маленькая зацепка: графиня Диолан очень хочет, чтобы в убийстве Элеоноры обвинили ее жениха. Что это? Попытка отвести от себя подозрения? Или месть обманутой женщины? Она молода, привлекательна и у нее вполне могли быть какие-то отношения с графом, но он бы на ней никогда не женился. И дело не в возрасте, а в наследстве. Нет, надо точно узнать о финансовом положении графини, а еще как можно больше о ее личной жизни. И конечно об Элеоноре. Не дает мне покоя ее нарочитая попытка самоубийства. Что-то в этом нечисто, зачем был весь этот спектакль? Может, она устроила это представление для жениха? Но я его там не видела, девушка с кем-то сидела за столиком, но это не мог быть граф. У того мужчины волосы тоже были светлые, он сидел спиной к двери, когда мы поднялись в зал на второй этаж, но они, волосы, не могли за три дня вырасти на ладонь. Вопрос, кто это был и куда этот человек делся?

Придется привлекать Наденьку, но ее можно отправить поспрашивать об Элеоноре и ее мачехе, никто этому не удивится. Я могу покопаться в финансовых документах деда, он хранит в библиотеке отчеты за прошлые годы, что-то там да будет. Но кого отправить в ресторанчик? С охранниками официант не станет разговаривать, а со мной? А если предложить деньги? То очень может быть. Значит, какой у нас план? Во-первых, отправить по окрестным домам Наденьку, дам ей выходной на это. Во-вторых, порыться в документах. В-третьих,…

– Леди Рибианна, какой сюрприз, а я уже не надеялся вас дождаться, – оборвал мои размышления весьма мрачный лорд Двэйн. Может, случилось что? Надеюсь, не с дедом.

– Лорд Двэйн, рада, что вы смогли выбраться к нам. Зайдете на чашечку чая? – мило улыбнулась ему, в уме просчитывая варианты: стоит ли рассказать Двэйну о своих подозрениях или нет.

Глянув еще раз на сосредоточенного жениха, решила подождать с откровениями, вот узнаю побольше и все сразу расскажу. Интересно, а почему тетушка не возмутилась? Ведь герцог сделал вид, что ее вообще нет. Я обернулась на родственницу, которая шла следом за нами, я даже не заметила,

что мы почти подошли к дому, так вот у тетки был очень напуганный вид. Еще одна загадка.

– Чай и булочку с вишневой начинкой для леди, мне вино, все это в библиотеку, – отдал распоряжения лорд вставшему у него на пути дворецкому. Загадки продолжались, в моем доме лорда слушались даже лучше, чем меня. В душе начал зарождаться протест. Что это он раскомандывался, еще не женился, а ведет себя так, будто я его собственность. – А вам, леди Пранер, лучше прилечь, отдохнуть, в вашем возрасте вредно волноваться. Тем более водить племянницу на похороны.

Эта фраза была последней каплей, хватит мне родителей, что следят за каждым моим шагом. Я открыла рот, чтобы высказать все, что накопилось, и не только к лорду, но и вообще ко всему миру, что меня окружает. Но сказала совсем другое:

– Милорд, вы хотели о чем-то со мной поговорить? Что ж, в библиотеке действительно будет лучше. Вы проходите, дорогу знаете, а мне надо переодеться, – на самом деле мне надо было успокоиться, не хотелось устраивать безобразный скандал в духе моей матери.

Тем более она хоть имеет право кричать на отца, а у меня таких прав на Двэйна нет. И, возможно, никогда не будет. Кто, вообще, придумал, что девушкам обязательно надо выходить замуж? Хотя по-другому из дома не вырваться, может быть, я зря обратила внимание на такого сильного мужчину, как Двэйн? Может, с тем же Эдиком было бы проще найти понимание? Я вздохнула, Эдик, он же Эдуард, был хороший парнишка, но он меня совсем не привлекал. А к Двэйну хотелось прильнуть, очутиться в его крепких руках, почувствовать вкус его губ.

Но с другой стороны он подавляет. Смогу ли я прожить всю жизнь с человеком, который поинтересовался моим мнением всего один раз, когда спрашивал, выйду ли я за него замуж. Ведь брак заключается один раз и на всю жизнь.

Я прошлась по своей комнате, зашла в ванну, плеснула себе на лицо водичкой, промокнула полотенцем и пошла в библиотеку, так и ничего для себя не решив.

– Вы не переоделись, – заметил лорд Двэйн.

– Я передумала. Так о чем вы хотели поговорить?

– Вы присаживайтесь вот сюда, вам будет удобно. Чаю еще не принесли, но я уверен, скоро все будет.

– Лорд Двэйн, я пока еще в своем доме и знаю когда, а главное, куда мне присесть. Может, не будем ходить вокруг да около. Вы ведь пришли не просто так. Что-то с дедом? Или родителями?

– Нет, что вы, с вашими родственниками все хорошо, во

всяком случае, я никаких отчетов по ним не получал. Я хотел поговорить о том, что вы крайне неосмотрительны. Вы вышли из дома всего лишь с двумя охранниками. С вами могло случиться по дороге что угодно. Я не говорил вам, но убийство Элеоноры Диолан – это очень опасное дело. Думаю, будет лучше, если вы до окончания расследования ограничите свои передвижения по городу.

– То есть вы хотите запереть меня в моем же доме? Я вас правильно поняла? – я себя еще сдерживала, глядя в откровенно недоумевающее лицо Двэйна. Похоже, он действительно считал, что это правильное решение и не понимал, что меня в нем так задевает.

– Ну почему, никто вас закрывать не будет, просто я поставлю усиленную охрану, которая никого не пропустит на территорию усадьбы. Если же вам будет надо куда-то пойти, я понимаю, молодым девушкам хочется пройтись по торговым лавкам или подружкам. Вы уведомите меня заранее, чтобы я смог найти время в своем расписании. Вот, скажем, завтра, вы никуда не собираетесь? У меня есть свободное время. Минуточку, сейчас скажу точно когда, – герцог вытащил небольшую записную книжечку из внутреннего кармана камзола. Открыл и начал искать видимо завтрашнюю дату, почерк у Двэйна был мелкий, аккуратный и без единой помарки. Это было еще одно подтверждение, что мужчина скрупулезен даже в мелочах.

– Я вынуждена отказаться от вашего предложения. Я не хочу, чтобы мой дом превратился в осажденную крепость. Спасибо вам за заботу, но мои охранники смогут меня защитить.

– Вы не понимаете, дело государственной важности, и я настаиваю, чтобы вы сидели дома, – встал герцог, видимо, решил подавлять не только авторитетом, но и массой. Видит господь, я очень хотела избежать скандала, но так дальше нельзя.

– По закону мне, как свидетелю преступления, вы можете только предложить дополнительную защиту и охрану. Так вот, я от нее отказываюсь! Есть еще вопросы или предложения?!

– По закону я несу за вас ответственность перед Богом и королем, ну еще перед скопищем ваших родственников, которые бросили вас на произвол судьбы, – глаза Двэйна полыхнули, из них ушло обычное равнодушие.

– По закону вы будете нести за меня ответственность, когда станете моим мужем, но не раньше. Если станете, конечно. Вы приходите в мой дом, распоряжаетесь моими слугами, командуете моей тетушкой, а еще хотите, чтобы я безвылазно сидела дома. И сколько, по-вашему, я так должна сидеть?! И чем вы прикажете мне заниматься?!

– Другие девушки находят, чем заняться. Не знаю, вязание, например. А насчет того сколько, то это самый простой вопрос – до нашей свадьбы! И это не обсуждается.

– Что не обсуждается? Сама свадьба или продолжительность моего затворничества? Ну просижу я до нее, а дальше? Вы запрете меня в своем доме или, может быть, в поместье? Да, впрочем, какая разница, я не хочу так. Мне надоело! Я всю жизнь просидела в своем поместье, в своей комнате, но и там мне не давали даже побыть одной. Вы ведь тоже приставите ко мне какую-нибудь даму, чтобы она следила за мной днем и ночью? Конечно, нельзя же оставлять жену одну, вдруг ей какая-нибудь блажь в голову ударит, решит утопиться от счастливой жизни. Я думала, что выйду замуж за умного мужчину, который видит во мне не только живую куклу для рождения ему наследников. Но, видимо, я ошиблась, и вы такой же, как и все остальные. Для вас женщины не люди! Лучше выйти за Эдуарда, он хотя бы любит меня!

* * *

Двэйн смотрел на мечущуюся по комнате девушку, щеки у нее раскраснелись, глаза горят. Он и так считал, что невеста у него красавица, но вот такая она казалась ему еще краше. Он молча любовался, давая девушке возможность высказаться, мозг привычно отсеивал все, что не считал важным. Но после фразы, что от такой жизни можно утопиться, сделал стойку, как охотничий пес. Вот оно в чем дело, видимо, и в прошлый раз была такая же причина. Девушку просто душила опека матери, запреты отца, а с ее натурой трудно смириться с ролью добропорядочной дочери и впоследствии жены.

Раньше благородные леди следили за всем, что происходило в доме, в поместье, а сейчас этим занимаются управляющие. Он уже хотел сделать шаг, чтобы наконец-то поймать эту неуловимую девицу в свои объятия, но ее последняя фраза заставила нахмуриться. Это какой такой Эдуард любит его невесту? Почему этого не было в отчете? Кажется, кого-то ждет серьезное взыскание. Но это потом, а что делать сейчас? Кто бы ни был этот Эдуард, он сейчас интересовал Двэйна меньше всего, уж с соперником он справится, а как быть с Анной? Будь она его подчиненной, он бы просто ее заставил делать так, как он считает нужным, не сильно утруждая себя объяснениями. Но Рибианне именно это не нравилось, во всяком случае, он понял ее так. Наверное, надо было поговорить, объяснить, но сейчас остановить

нескончаемый монолог можно было только одним способом – закрыть Анне рот. Был один очень приятный и действенный вариант, но получать от невесты пощечину желания не было, поэтому он решил оставить поцелуи до более подходящего момента. Сделав шаг навстречу, поймал девушку, обнял ее, крепко прижав к своей груди, она даже замолчала от неожиданности. Двэйн мысленно похвалил себя за находчивость.

Она не вырывалась, и Двэйн слегка ослабил объятия, вдруг ей неудобно. Но Рибианна наоборот обвила его руками и сама прижалась к нему. Сердце лорда дернулось и застучало с удвоенной силой. Может, зря он решил не целовать девушку? Двэйн склонил голову, потерся щекой о макушку Анны, вдохнул запах ее волос. Рука сама собой скользнула по спине девушки, усилием воли герцог удержал ее на талии Рибианны, хотя хотелось поместить ладонь ниже. А еще хотелось заглянуть ей в глаза, в такие яркие, небесные, увидеть в них желание, сравнимое с его собственным.

– Анна, обещаю, я никогда не буду запирать вас в доме или поместье. И поверьте, никаких посторонних людей в нашей спальне не будет, это не то место, где я бы хотел видеть гостей, – Двэйн провел пальцами по щеке девушки. – Но я все же прошу побыть какое-то время дома, преступники могут думать, что вам известно больше, и они ни перед чем не остановятся, чтобы убрать свидетеля. И что же я тогда буду без вас делать?

– Найдете себе другую невесту. Девушек на выданье хватает, – буркнула Анна, но так и не отстранилась.

И ведь она права, только сам он не стал бы искать себе невесту, ему нашел бы король. Но как сказать девушке, что он хочет именно ее. Как объяснить, что для мужчины это высший критерий, когда он не просто физически хочет женщину, а хочет видеть ее матерью своих детей. Но женщинам подавай романтику, разговоры о любви.

– Мне не нужна другая девушка, – мягко сказал он, приподнимая ее лицо за подбородок.

В глазах у Анны стояли слезы, она старалась отвернуться, но он не дал, коснулся губами виска, потом глаз, нежными поцелуями покрывая все лицо. Он оттягивал сам поцелуй, ему хотелось, чтобы Рибианна потянулась к нему навстречу. И такой момент наступил, губы Анны приоткрылись, она была так мила с полуприкрытыми глазами и смущенным румянцем. Герцог улыбнулся, поцеловал уголок рта девушки, не торопясь завладеть ее губами, он не хотел пугать Анну своей страстью. Но как же ему, взрослому мужчине, тяжело себя сдерживать.

В дверь библиотеки постучались, кто бы сомневался, видимо,

наедине они смогут остаться только после свадьбы. Мужчина вздохнул, напоследок коснулся мимолетным поцелуем губ невесты и отпустил ее. Девушка покраснела еще больше, опустила взгляд и отошла к окну, повернувшись спиной к двери. Да, так было лучше, не хватало еще плодить сплетни среди прислуги.

– Войдите, – громко сказал он, принимая привычный невозмутимый вид.

В комнату служанка вкатила столик на колесиках, немного заикаясь, она спросила, не нужно ли что-то еще и, получив отрицательный ответ, вышла.

– Анна, вы не попьете со мной чаю? – позвал девушку лорд. Несмотря на неудавшийся поцелуй, у него было хорошее настроение, точнее, стало.

– Вы же хотели вина, неужели вам его не принесли? – обернулась к нему девушка, она уже справилась со своим смущением, но щеки у нее еще алели.

– Я передумал. Вам не кажется, что у нас много общего? – Двэйну хотелось шутить, давно ему не было так легко.

Девушка присела в соседнее кресло, взяла в руки булочку и о чем-то задумалась. Лорд не прерывал ее раздумья, ему нравилось смотреть, как Анна хмурит брови, что-то решая для себя, ему вообще нравилось на нее смотреть.

– Двэйн, я хотела сказать, точнее признаться. Я вам не всю правду сказала. Последнее слово Элеоноры было не «убили», а «убила». Я неспециально, просто ваш подчиненный так расслышал, а я не стала его поправлять. Мне тогда показалось, что разница невелика. Это потом, поразмыслив, я пришла к выводу, что Элеонора необязательно говорила, что ее «убили» или «убила». Может, она сама хотела признаться в убийстве. То есть покаяться перед смертью. Или вообще хотела сказать, что нечто находится «у Билла». Но это так, предположения. Вы простите меня?

– Как вы сказали? – нюх, который никогда не подводил Двэйна, заставил того дернуться к девушке.

– Вы простите меня? – повторила она, отодвигаясь от него.

– Нет, не то, вы говорили что-то про «Билла».

– А, ну дословно слова Элеоноры звучали так: «помогите, убила». Я подумала, может, это не «убила», а «у Билла», то есть у Вильяма?

– Анна, вы золото! Я совершенно на вас не сержусь, но все же вынужден настаивать на усилении вашей охраны. Надеюсь, вы ни с кем не делились вашими предположениями? И никому их не говорите! Я очень за вас волнуюсь, преступники могут только за

это предположение захотеть с вами расправиться.

* * *

Конечно, я согласилась и на дополнительную охрану, и дома посидеть. Как можно отказаться, когда тебя просят с таким восхищением в глазах. Правда, Двэйн обещал, что это недели на две, не больше. Тогда мне показалось, две недели – это недолго и я согласилась. Еще свежи были в памяти его мягкие поцелуи, еще грел душу стук его сердца.

Спустя три дня воспоминания все также свежи и сердце замирает, когда они вдруг вспыхивают в моей голове, но меня буквально душат стены. А тут еще вчера Наденька поведала мне все, что ей удалось узнать про семью Диолан. Да и сама я накопала весьма занятные данные среди дедовских отчетов за прошлые годы. Не сказать, что там все было на виду, но если планомерно проверять только документы по графству Диолан, то проявлялась завидная закономерность.

В графстве был стабильный доход с рудников, что граничили с нашим южным соседом, небольшим, но весьма богатым королевством. Если не вдаваться в политику, то эта маленькая соседняя страна была прибежищем для контрабандистов, пиратов, и других неблагонадежных элементов, главное, чтобы у них было достаточно денег на оплату въездной пошлины. Размер ее варьировался от символического (для нужных королевству людей) до неимоверно высокого, если человек находился в розыске в ряде стран. Почему соседние страны не раздавят этот рассадник преступности? Думаю, все дело в деньгах, скорее всего, большинство богатых семей, как в нашем королевстве, так и в соседнем, имеют там какую-то выгоду.

Но это я отвлеклась, в графстве были рудники, приносящие, судя по отчетам, постоянный доход. Бывает. Но не бывает так, что на протяжении нескольких лет сумма дохода из года в год была одинаковая. А как же погодные условия, эпидемии, оползни, обвалы и другие бедствия, что влияют на общую прибыль? Конечно, только просмотрев отчеты, понять, какова обстановка в графстве в действительности, было невозможно, но даже я видела, что дело там нечистое. А тут еще Надя со своими новостями.

Как я и думала, роман между мачехой Элеоноры и ее женихом был. Но что меня удивило, так это то, что Элеонора об этом знала. Леди Лилит встречалась с графом Тронси еще до того, как молодой человек сделал предложение Элеоноре. Еще

поговаривали, что у вдовы был внебрачный ребенок от графа. В общем, все оказалось запутаннее, чем я думала, наверное, Двэйн меня не обманывал, когда говорил, что это дело государственной важности.

Другая бы девушка спокойно сидела дома и радовалась, что ее жених так о ней заботится. Я тоже радовалась, но спокойно сидеть не могла, любопытство грызло, а Двэйн не спешил ко мне с рассказом о блестяще раскрытом деле. Он опять отправлял мне записочки в корзинах с цветами. Это было приятно, но лучше бы он сам забежал на пару минут. Мне хватило бы одного поцелуя, только настоящего. Вздохнула, если бы не служанка, что так не вовремя пришла с чаем, он бы меня поцеловал.

Еще меня раздражало, что та же Надя может ходить по улице одна, а мне даже под охраной нельзя. Мне даже пришла идея переодеться в платье служанки и пойти спокойно погулять. Но ее я оставила на крайний случай, вдруг в спешном порядке придется покидать дом.

Но раз уж эта мысль пришла в голову, то надо подготовиться, сегодня как раз у Нади выходной. Гардероб служанки был небольшой, надо будет ей взамен старого платья купить новое. Наденька была крупнее меня и немного выше, но это поправимо, возьму свои туфли на каблуках, под длинным подолом их все равно не видать, а для увеличения выпуклостей напихаю тряпок. Через полчаса перед зеркалом крутилась дородная девица в строгом платье. Чтобы волосы не бросались своим примечательным цветом в глаза, связала их в узел и надела шляпку. Меня настолько захватил процесс переодевания, что помимо одежды я еще легкий грим нанесла, сделала ярче щеки (у прислуги не бывает аристократической бледности), подсурьмила брови и ресницы по той же причине. Ух ты, а с черными ресницами я просто красавица, жаль, что сейчас модно быть бледной поганкой.

Я крутилась перед зеркалом, кидая в него томные взгляды и представляя на его месте Двэйна. Интересно, он бы узнал меня в таком виде. Решив, что пора раздеваться, ведь скоро обед, я уже протянула руку к шляпке, как в мою комнату ворвался один из охранников, что Двэйн ко мне приставил.

– Хозяйка где? – рявкнул он на меня с порога, от такой наглости я онемела и промычала что-то невразумительное.

– Дура, я спрашиваю, леди где?! Она же в комнату к себе заходила!

– Не знаю я, вышла она, – пробормотала я, опуская ниже голову, начиная понимать, что мужчина принял меня за служанку.

– А ты почему за ней не пошла? Разве тебе герцог не давал инструкций? – распалялся мужчина, нервно бегая по комнате и заглядывая то в гардеробную, то в ванную.

– Нет, Надя попросила побыть с госпожой, – зачем-то продолжала я эту игру.

– А она сама где? А да, ей же госпожа выходной дала. Пошли, дуреха, будешь объяснять герцогу, как ты проворонила госпожу, – схватил меня за локоть мужчина и потащил на выход.

Совсем обнаглели, сами меня упустили, а теперь хотят все свалить на бедную служанку. Я уже хотела сказать все, что о них думаю, раскрыть свое инкогнито, но передумала, всегда успею. А вот посмотреть в глаза Двэйну и ткнуть его носом в некомпетентность некоторых сотрудников, желание было. Но все же я решила дать им последний шанс.

– А может леди в библиотеке? Она туда завсегда ходит, – немного заикаясь и на деревенский манер, предположила я.

– Смотрели уже, нет ее там, – хмуро ответил охранник.

Вообще-то, он был самый огромный из всех, я ему даже на каблуках едва доставала до плеча. Черные глазища, черные волосы и недельная небритость, тут любой испугается, а не только я.

Тут он вывел меня из дома через черный ход, и я не удержала визга: на дорожке валялся труп какого-то мужчины в луже крови. Не то что я очень впечатлительная, но когда чуть не наступаешь в парящую кровь, которая еще сочится из почти отрубленной головы, поневоле закричишь.

– Ну-ну, малышка, это был плохой дядя, – усмехнулся чернявый, вытаскивая меня из-за своей спины, куда я, сама не знаю когда, спряталась.

– Ланс, обыскать все вокруг, в доме следы ищет Ганс с ребятами. Думаю, этот, – пнул он труп, – был не один, пока он отвлекал нас, госпожу похитили. Представляешь, что с нами сделает герцог?

– … – фраза, сказанная Лансом, заставила покраснеть меня до корней волос, такую интерпретацию интимных отношений я не могла даже представить.

– Ланс, заткнись, ты смущаешь девушку, – крепче сжимая мою руку, ухмыльнулся мужчина. – Коня моего оседлали?

– Ты что, девицу с собой повезешь? Зачем тебе это? Или глянулась? – заглядывал мне под шляпку другой охранник, старше возрастом и с окладистой бородой. – А красива девка.

– Ты давай не заглядывайся, иди, работай, – гаркнул на него чернявый и потащил меня в сторону конюшни. Что-то мне расхотелось играть свою роль дальше, но тому типу я признаться

боялась, продержаться бы до кабинета Двэйна. – Ты не бойся, если невиновная, герцог тебе ничего не сделает, в отличие от нас.

Мужчина подавил вздох, распрямил спину, хотя куда больше, подхватил меня за талию и посадил на коня.

– А ты и правда симпатичная, – белозубо улыбнулся он мне. – Пойдешь со мной на свидание, когда все уладится?

– У меня жених есть, – выдавила я, густо краснея, на меня никто еще не смотрел с таким откровенным желанием.

– Неважно, он жених, а я женюсь, – расхохотался чернявый, заскакивая на коня и усаживаясь за моей спиной. – Люблю, когда у женщин все на месте. А еще люблю, когда глаза голубые, на моей родине такой цвет не встречается. Ну что, поедешь со мной в Родонию?

Я прикинула, где это и что мне известно об этой стране. Мало, но даже того, что я знала, хватало.

– Гарем – это не для меня, – буркнула я, стараясь отодвинуться от наглого наемника, но куда с коня денешься.

– О как, а ты, оказывается, не такая уж дуреха. Так, может, ты пособница похитителей? – и голос такой грозный, провокационный, была бы я настоящей служанкой, точно бы на все согласилась бы.

– Нет. Не надо, я подумаю над вашим предложением, – тихо прошептала я, мысленно придумывая наказание для этого типа.

– Только недолго, а то я уже не смогу тебя защитить, – жарко произнес он мне на ухо.

– Только вы сами скажете об этом моему жениху, я его боюсь очень, – придумала я каверзный план.

– Да запросто, еще и по морде дам, – обрадовался тип и по-хозяйски обнял меня за талию. Надеюсь, этого никто из знакомых не увидит, главное, чтобы Двэйн не узнал. Мне даже немного жаль стало этого чернявого.

Всю дорогу до управления (повезло, что оно находится почти рядом) чернявый вещал мне о своей неземной любви, которая с ним приключилась, едва он увидел мои глаза. За десять минут поездки верхом я начала понимать, почему их женщины не против гаремов. Не могу сказать за всю свою жизнь, но за последние полгода я не слышала и десятой доли тех слов, что он успел мне сказать. Понимаю, что мужчина говорил это только ради красного словца, но улыбка все равно наползала на мое лицо, как бы я ее оттуда не гнала. Верно говорят, что женщинам подавай красивые слова и романтические признания.

Снимать меня с седла он тоже никому не доверил, но мне это было неважно, главное, он привез меня к управлению, а не в какой-нибудь свой аул. Это только в фантазиях можно

представлять, как такой мужчина всю жизнь носит тебя на руках и сдувает пылинки. На самом деле понятие о браке в наших странах настолько разное, что будь он даже самым-самым, замуж бы за него я не вышла. И в первую очередь из-за гарема, я хочу быть единственной для своего мужа и никак иначе.

– Заходи, не бойся, – затянул он меня в какую-то комнату. – Сиди тут, я сам поговорю с начальством. Возможно, он о тебе даже не спросит. Я скоро. Обидишь девушку, убью.

Последняя фраза была сказана не мне, а молодому баронету, кстати, знакомому, именно он записывал мои показания в день убийства Элеоноры.

– Леди Рибианна? – выдавил он, едва за чернявым закрылась дверь.

– Баронет, вы меня не видели, я здесь инкогнито, – сказала я, вырывая из его цепких ладоней свою руку, которую он пытался облобызать по второму разу.

– Я понимаю, конспирация! Я восхищен вами, леди! Это потрясающий ход, ни один преступник не догадается! А этот ход с князем! Просто потрясающе! – парня переполняли эмоции, глаза блестели, того и гляди его хватит удар.

– Подождите, какой князь? Вы о чем? – прервала я поток восхищения.

– Князь Мансур, он привел вас, – недоуменно проговорил баронет. – Вы разве не знали?

– Честно признаться, впервые об этом слышу. А что князь делает в рядах моих охранников? – спросила я у молодого человека.

– Князь давнишний друг герцога, они вместе учились, воевали, в общем, их многое связывает. И он не охранник, он должен просто наладить постоянное наблюдение за вашим домом. Но, признаться вам, я не понимаю, как герцог мог доверить вашу безопасность этому человеку. Князь, он же грубиян и развратник, каких свет не видывал, – доверительно прошептал он. – Если вы не знали, кто он такой, то зачем он вас сюда привез?

Не знаю, правильно ли критиковать начальников, но в этом моменте я была согласна с баронетом, этот князь Мансур даже не отличил меня от служанки. Я уж молчу, что он нагло домогался невесты своего друга. Зря Двэйн ему так доверяет.

– Баронет, вы тайны хранить умеете? – в ответ полетели клятвенные заверения и обещания. – Тогда слушайте, но это только между нами, надеюсь на ответную услугу.

– Секретные данные раскрывать не буду, – нахмурился в ответ парень.

– Обещаю, этого я не потребую. Вы мне просто расскажете парочку курьезных случаев, и мы будем в расчете, по рукам?

* * *

– Двэйн, ты это, присядь, – вихрем ворвался в кабинет лорда Двэйна князь Мансур.

– Саид, я уже сижу, если ты не заметил, – оторвался герцог от чтения очередного отчета.

– Тогда выпей чего-нибудь. Я тебе на днях коньяк привез, для такого случая вполне подойдет.

– Ты же знаешь, я не пью на работе. Если это все, что ты хотел, возвращайся к своим делам. Хотя постой, ты же должен был наладить охрану дома герцога Анзорского?! – Двэйн вперился ледяным взглядом в своего друга. Князь всегда не любил этот взгляд, он как будто замораживает душу.

– Да тут такое дело, было нападение…

– Что с Рибианной? Она жива? – перебил князя Двэйн, вскакивая на ноги.

– Жива, конечно жива, только ее похитили, – сказал Саид, отходя подальше от взбешенного Двэйна. Те, кто мало знал герцога, могли бы подумать, что он излишне спокоен для такой новости. Но Саид давно изучил своего друга, если он вот так поджимает побелевшие губы, если глаза кажутся кусками льда, то надо держаться подальше. – Двэйн, мы ее найдем, я тебе клянусь.

– Как это произошло? Кто видел Анну последним? Где были твои люди? – холодный, почти равнодушный тон заставил Саида поежиться.

Ему не надо было объяснять, что сегодня он потерял доверие лучшего друга. Признаться честно, когда герцог попросил его наладить охрану, он посчитал, что эта очередная блажь какой-нибудь глупой девчонки. Ну и пусть она была невестой друга, он думал, что тот брак должен был стать обычным, договорным. Саид этого не понимал, он считал, что жениться надо по взаимному чувству, ну или хотя бы, чтобы этого хотел мужчина, а женщина никуда не денется, несколько ласковых слов, немного внимания и любая влюбится. А теперь он не знал, что и думать, он никогда не видел, чтобы Двэйн так нервничал из-за девицы.

– Мои люди отражали нападение, а когда кинулись на розыск леди, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, ее не нашли. Последней ее видела служанка, она подменяла сегодня Надю.

– Какая служанка? Как ее имя? Что она говорит?

– Я привез ее, так и думал, что ты захочешь с ней поговорить.

Она в приемной для посетителей, – он не успел договорить, а Двэйн уже почти бежал туда. – Двэйн, только не пугай девушку. Она не виновата, я в том уверен.

– Очередная любовница, – презрительно бросил Двэйн, не замедляя шаг, сейчас у него было только одно желание: дать давнему другу по морде. А он еще за своих баб просит.

– Нет, я решил жениться, – ледяной взгляд друга в ответ напомнил Саиду о его промахе. – Извини.

Глава 6

Еще не дойдя до кабинета, где Саид оставил служанку, Двэйн услышал заливистый девичий смех. Злость судорогой скрутила внутренности. Этот, Двэйн бросил раздраженный взгляд на князя, жениться собрался, там какая-то недалекая девица заигрывает с его подчиненным. И никому нет дела, что Рибианну похитили. Но если с его невесты упадет хоть волос, он всех сошлет на рудники, и эту смешливую девицу, и друга, скорее всего, уже бывшего. Лорд столько думал, кому доверить охрану своей невесты, и выбор пал на человека, который никогда его не подводил. Только он забыл учесть одно: Саид всегда относился к женщинам пренебрежительно. Который раз убеждался герцог: хочешь, чтобы все было правильно – сделай сам. Анну похитили, значит, убивать не собираются, что ж, ее поисками он займется лично. Двэйн отмахивался от мыслей, что уже может быть поздно.

Он влетел в кабинет, чтобы узреть баронета Лансена, с восхищением взирающего на какую-то девицу, сидящую к Двэйну вполоборота. Нет, баронета срочно надо женить, он уже на служанок смотрит так, как будто это единственная женщина в его жизни.

– Что вы здесь устроили? Баронет, почему у вас посторонние так фривольно себя ведут? – молодой человек побледнел, перевел извиняющий взгляд на девушку, как бы ища ее поддержки.

Что за дикость, какая помощь может быть от обычной служанки? Двэйн уже хотел потребовать объяснений, но тут девушка развернулась, вскинула на него свои небесные глаза, и сердце лорда пропустило удар. Рибианна – пусть и в нелепом виде, но это была она – мягкая улыбка, виноватый взгляд. Двэйн растерялся, если это злой розыгрыш, то кому-то не поздоровится. Лорд обернулся к князю Мансуру, который с такой же идиотской улыбкой взирал на его невесту, как и баронет. Нет, этот явно не подозревает, кого привез в управление. Двэйн уже хотел требовать ответа у Рибианны, но тут вспомнил слова друга о женитьбе.

– Баронет, князь выйдите. Мне надо поговорить с девушкой, – скрипя зубами, произнес герцог, не зная на кого скинуть свое раздражение. Молодой парень метнулся за дверь еще до того, как он успел договорить фразу.

– Двэйн, девица не при чем, я ручаюсь, – влез Саид, пытаясь загородить его, Двэйна, Рибианну своим телом. Это стало последней каплей.

– Пошел вон! Закрыть дверь с той стороны и никого сюда не

впускать! – рявкнул герцог. Саид изменился в лице, помрачнел, но вышел.

Двэйн перевел взгляд на Анну и весь запал, который он готов был обрушить на эту неугомонную девушку, пропал. Она взирала на него с грустью и долей страха. Лорд вздохнул, беря себя в руки, он не хотел, чтобы Анна его боялась, кто угодно, только не она. Сделав несколько шагов, мужчина присел у ног Рибианны, взял ее ладошки в свои руки и посмотрел ей в глаза. Двэйн молчал, ничего не говорил, но его взгляд сказал больше, чем он хотел сам. Глаза девушки наполнились слезами, а весь вид стал очень виноватый.

– Двэйн, – сказала она. – Я неспециально, я не собиралась никуда убегать. Мне было скучно сидеть в своей комнате, а это единственное место, куда не лезут эти охранники. Я решила переодеться, а вдруг бы мне пришлось в спешном порядке скрываться от убийц? А тут этот тип, черный, страшный, я же не знала, что он ваш друг и князь. У него физиономия разбойника, я подумала, что его могли подкупить и поэтому не призналась.

А потом уже поздно было. Я очень извиняюсь, правда-правда.

Вот и что ей ответить? Сказать, что успел подумать о самом худшем, что не хочет ее потерять? И ведь действительно не хочет. Двэйн уткнулся лбом Рибианне в колени и отпустил ее руки, он обязательно это скажет, но потом, позже, когда сможет произнести эти слова без претензий. Ведь по большому счету Анна была невиновата, да он и не винил ее, а скорее себя за то, что так сильно успел привязаться к девушке.

Теплая ладошка, что легла ему на затылок, заставила вздрогнуть и замереть, он уже забыл, когда его гладили последний раз по голове, кажется, это делала мама.

– Двэйн, скажите хоть что-нибудь, – прошептала Рибианна, склоняясь над ним, он даже почувствовал, как шевельнулись его волосы от ее дыхания. – Накричите, я пойму, только не молчите, пожалуйста.

Лорд поднял голову, встретился с взволнованным взглядом девушки и сделал то, что давно уже хотел. Его поцелуй был жарким, властным, ему хотелось выплеснуть всю ту боль и радость, что он пережил за последнее время. Но радости все же было больше, поцелуй становился все более глубоким, нежным, Рибианна обнимала его за шею, прижималась, сама подставляла губы. Эта доверчивость и невинная неискушенность девушки пьянила не хуже вина. Жаль, до свадьбы еще так далеко.

* * *

– Демон меня побери, я думал, никогда этого не увижу! – громогласный голос вырвал меня из плена собственных желаний. Захотелось застонать от разочарований и стыда, разочарование было от того, что поцелуй так быстро закончился. А стыд, думаю, тут объяснять не надо. – Двэйн, ты на полу с девицей?! Да ты ли это, вообще?!

– Саид, уйди, пока я в хорошем настроении, – не оборачиваясь, ответил Двэйн, крепко обнимая меня.

Мы стояли друг перед другом на коленях, как у алтаря. Я даже не заметила, как перебралась на пол к жениху с кресла. В голове шумело, в ушах раздавался громкий стук наших сердец. Чтобы перевести дыхание, а так же спрятаться от взгляда Двэйна, я уткнулась лбом куда-то ему в шею.

– Да я просто извиниться хотел. Меня тут парень немного просветил. В общем, это, Двэйн, я не знал, что леди твоя невеста. И, леди, тоже меня извините, за некоторые вольности. Я человек военный, к этикету неприученный…

– Саид, я тебя по-человечески прошу, уйди! – в голосе лорда появились ледяные нотки.

Действуя больше по наитию, я потерлась носом о шею мужчины, не хочу, чтобы он в такой момент опять надевал маску холодности и бездушия. В ответ его руки зарылись в мои волосы, с которых давно слетела шляпка, горячее дыхание коснулось моего виска, а за ним последовали губы мужчины.

– Вы это, на диван перебрались бы, что ли. Леди не пристало все-таки вот так, на полу, – никак не уходил князь.

Честно сказать, я была готова сказать ему ту фразу, что выдал его подчиненный у моего дома. Наверное, девушке надо больше заботиться о своей нравственности, но у меня почему-то это плохо выходило рядом с Двэйном. Творец, когда же уже закончатся эти полгода!

– Пошел вон! – крикнул лорд, повернувшись к двери. Дверь наконец-то хлопнула, надеюсь, князь закрыл ее с другой стороны.

– Но в чем-то он прав, – улыбаясь, произнес Двэйн и поднял меня с пола. – Пол – это не место для леди, во всяком случае, не этот пол.

Домой меня везли в закрытой карете, Двэйн сидел рядом и держал меня за руку, лучше бы еще раз поцеловал. По его глазам я видела, что мужчина думает о том же, уж слишком часто он задерживал взгляд на моих губах, но почему-то не решался. Может, ему не понравилось? Господи, какие глупости лезут в голову, кажется, я все-таки влюбилась. От этой мысли на лицо набежала счастливая улыбка.

После ухода князя мы ничем таким не занимались, Двэйн просто посадил меня на диван, а сам улегся мне головой на колени. Я перебирала его волосы и рассказывала, что мне удалось узнать об Элеоноре и ее окружении, сидя дома. Особенно лорда заинтересовало найденное мной в финансовых отчетах, он даже предложил привезти мне все документы по графству, чтобы я могла их просмотреть. Двэйн сказал, что если бы герцог Анзорский был в столице, он, конечно, попросил бы его, но раз мой дед находится на лечении, то предложил мне оказать помощь управлению и ему лично. Если бы не стеснительность, я бы его расцеловала, а так просто покраснела и сказала: «С радостью».

А потом герцог лично занимался моим видом, сам завязывал мне волосы, прятал их под шляпку, поправлял платье. Я же старалась не так явно светиться от удовольствия.

И вот теперь мы едем в карете, причем окружным путем, потому что напрямую дорога занимает не больше пяти минут на транспорте, и молчим. Я вздохнула, скоро мы уже доедем, а Двэйн так ничего не произнес. Вот почему он молчит? Ему что, нечего сказать мне после всего того, что между нами было? Может, для мужчины это ничего особенного, а для меня поцелуй был первым. Хорошее настроение стремительно таяло, захотелось закрыться в своей комнате и поплакать. Точно влюбилась, больше просто нечем объяснить такой перепад настроения.

– Рибианна, я бы хотел извиниться перед вами, – наконец-то заговорил Двэйн, но если он сейчас начнет извиняться за тот потрясающий поцелуй, я точно заплачу. – С этой постоянной занятостью я мало уделяю вам времени. Обещаю обязательно исправиться. Я буду заезжать к вам каждый день, скажем, на обед, вы не против?

Сердце сделало кульбит, забилось быстрее, а по губам опять поползла глупая улыбка.

– Я буду счастлива видеть вас в любое время, – сказала я и только потом подумала, как двусмысленно это могло прозвучать. Краска смущения залила щеки.

– Я тоже был бы счастлив разделить с вами не только обеды, но и ужины с завтраками. Но пока я могу об этом только мечтать, – поцеловал он мою ладошку, которую все это время не выпускал из своих рук. – Я не смогу проводить вас к двери, не нужно, чтобы кто-то знал, что вы сегодня покидали дом, да еще и в таком виде. Карету остановят у черного входа. Анна, я хотел попросить, чтобы вы были осторожнее. Сегодня один злоумышленник уже пытался проникнуть к вам в дом, нет гарантий, что завтра их не будет больше. Я приеду, и мы решим, как надежнее защитить вас. Надеюсь, до завтра с вами не

случится никаких приключений?

Двэйн улыбался, я улыбалась в ответ, не знаю, кто к кому потянулся первым, а может, это карету качнуло на какой-нибудь выбоине. Но мы оказались в объятиях друг друга. Двэйн целовал меня страстно, обжигающе, но чувствовалось, что он себя все-таки сдерживает. Возможно, он не хотел напугать меня своим напором, своим желанием? Но у меня не было страха, наоборот, я с упоением отвечала на его поцелуи. Время замедлило свой бег, оставив нас наедине, давая насладиться друг другом, уже не хотелось домой и даже мелкие обиды забылись. Страсть накрыла нас с головой, на какое-то время вырвав из реальности. Я настолько увлеклась, что слегка прикусила нижнюю губу Двэйна, он застонал и опрокинул меня на сидение, целуя уже не только губы, а везде где мог дотянуться: шею, ложбинку между грудей. А вот теперь застонала я, из последних сил сохраняя рассудок, который говорил, что пора прекращать это баловство, пока не стало поздно.

– Двэйн, не сейчас, – прошептала, кое-как справившись с дыханием. Сказать ему просто «нет», я не смогла, от одной мысли, что Двэйн не будет меня так больше целовать, становилось плохо. Лорд замер, отстранился, дрожащими руками поправляя платье на моей груди, которое каким-то чудом успел частично расстегнуть.

– Анна, простите, я, кажется, увлекся, – пробормотал мужчина, помогая мне сесть. – Вам несколько дней придется походить в закрытых платьях. Я знаю, такие отметины неприлично оставлять на леди, еще раз простите меня. Я совсем потерял контроль, такого больше не повторится.

Двэйн был такой взъерошенный, растерянный и очень милый. Я не сразу поняла, о чем он говорит, только глянув в свое декольте и увидев красные пятнышки от поцелуев, догадалась. Он прав, придется ходить в закрытом платье, такое нельзя показывать людям, но обиды у меня на Двэйна не было, его поцелуи того стоили. Но по виду лорда было ясно, что он очень корит себя за этот проступок и уже подумывает, как не допустить подобного в будущем.

Нет, я так не хочу, то есть, наоборот, хочу, чтобы его поцелуи в дальнейшем были не менее чувственные, чем сегодня. Наверное, влюбленность все же лишает части разума, потому что в трезвом рассудке я бы так не поступила. Можно было что-то придумать, как-то сказать, но говорить на эту тему я стеснялась больше, чем действовать, ведь мы уже два раза целовались, так что здесь все просто и понятно. Мой ответный поцелуй не был ни страстным, ни уверенным, в общем, мне еще учиться и учиться.

Но самое главное, что Двэйн понял, что я хотела этим сказать.

– Анна, я хочу просить разрешения короля на перенос нашей свадьбы. Вы не против, если она состоится на два месяца раньше? Я знаю, девушки мечтают о большой, красивой свадьбе, но мы ведь успеем все подготовить за оставшиеся три с половиной месяца?!

– Обязательно успеем, – прошептала я в ответ, нежась последние минуты в его объятиях.

В дом я пробралась незаметно, точнее, охранники просто делали вид, что меня не существует, особенно старался тот тип, забыла его имя, который при мне некультурно выражался. Я тоже делала вид, что просто прохожу мимо, быстро так прохожу, почти пробегаю. Одежда на мне была служанки, так что ничего зазорного в моем поведении не было. Мне же срочно нужно было переодеться, причем без свидетельниц. Если об этих пятнышках на шее и груди узнает тетушка, а следовательно, и родители, то пиши пропало.

Я хорошо помню, какие условия ставил дед Двэйну, и не хочу, чтобы из-за какой-то мелочи расстроилась наша свадьба, тем более есть большая вероятность, что милорду удастся ее приблизить.

Переодевание не заняло у меня много времени, без затягивания корсета это действо существенно упрощалось. Его же я надевала только на балы или другие официальные мероприятия, а в домашних платьях отдавала предпочтение удобству. Маман порывалась сделать из меня леди до мозга костей, то есть даже дома выглядеть так, будто с минуты на минуту к нам должен был приехать с визитом сам король, кажется, она даже спать ложилась с макияжем. Но, видимо, я только внешне похожа на миледи, а характером все же в деда, потому что нет во мне ни жертвенности, ни желания поразить всех своей красотой.

Оставшуюся до вечера половину дня я провела в своей комнате и в мечтах. А вечером мне привезли документы, вообще-то, для всех в доме эти бумаги должны были дожидаться приезда деда в библиотеке, мне же их просто надо разложить. Чем я, собственно, и занялась. Незаметно я все больше и больше зарывалась в бумаги, отчеты, книги приходов и расходов по графству. Интересно, как Двэйн успел их так оперативно изъять у графини, точнее, у ее управляющего.

По состоянию документов было понятно, что управляющий не слишком аккуратный человек, но в то же время все отчеты, что он предоставлял королевскому аудиту каждый год, были очень точно

и скрупулезно оформлены. Именно это не давало мне покоя, ибо человек не может быть настолько разным в одних и тех же делах. За проверкой я не заметила, как наступила ночь, кто-то из слуг зажег свечи на канделябре, рядом со мной парила горячая чашка с чаем, а на блюде лежали мои любимые булочки. Не знаю, кто и как смог так напугать слуг, что они боялись меня лишний раз потревожить, но ему за это отдельное спасибо.

Я всю ночь бы провела, копаясь в документах и силясь понять, что именно меня в них смущает, кроме одинаковой суммы ежегодного дохода. Но озарение все же существует: доходы не просто были одинаковы, а как будто один и тот же человек их каждый год переписывал с какого-то первоисточника. Что бы это не так сильно бросалось в глаза, в отчете менялось несколько цифр, которые несложно было подсчитать. Возникал вопрос: если управляющий настолько не разбирается в финансах, зачем его держать? Самый простой вывод, что он любовник графини, вот она его и покрывает. Но проверив все, выходило, что это длится уже больше десяти лет, то есть началось еще при жизни графа. Надо бы узнать подробнее, отчего он умер, а то «остановка сердца» весьма размытая формулировка. Даже я, не разбираясь в медицине, знаю, что есть различные яды, которые тяжело поддаются диагностике. Но что-то я опять полезла не в свою область, расскажу все Двэйну, пусть сам делает выводы. Хотя была у меня одна идея, надо будет опять Наденьку заслать, пусть узнает, когда сменился управляющий в графстве и кто вел их дела раньше. Возможно, этот человек еще жив и тогда он может поведать много интересного. Только проведу с Надей беседу, она девушка доверчивая, открытая, говорит много, а надо, чтобы больше слушала. Или поискать среди прислуги более подходящую кандидатуру на розыскную деятельность?

* * *

Двэйн чуть опять не забыл, что обещал Анне каждый день у нее бывать. Что за напасть, вчера он весь вечер не мог сосредоточиться на работе, то и дело вспоминалось податливое тело Рибианны в его руках, а сегодня работа все-таки взяла его в оборот. Убийство Элеоноры оказалось ниточкой к целой цепочке преступлений. И контрабанда запрещенного вещества была не единичным случаем. Также удалось обнаружить несколько притонов для раскуривания наркотиков, и, что особенно важно, в это были втянуты несколько родовитых семей страны. Двэйн уже подготовил доклад королю и в ближайшем будущем собирался

накрыть всю преступную сеть. Но была одна загвоздка, точнее, парочка: во-первых, пока не удалось отследить путь попадания наркосодержащего вещества в их государство, во-вторых, раскрыть главу этой шайки. Одно было неоспоримым – графство Диолан использовалось как перевалочный пункт. Но назвать саму графиню закоренелой преступницей у лорда не поворачивался язык, слишком женщина была импульсивна и легкомысленна, такая не смогла бы удержать в своих руках руководство.

Значит, надо искать того, кто стоит за всем этим и очень умело скрывает свой истинный облик. Осторожно проверив все ближайшее окружение графини, все-таки она оставалась главной подозреваемой в убийстве Элеоноры, герцог не нашел ни одного человека, подходящего на роль главаря банды. Сомнения вызывал управляющий графством, ведь за столько лет не заметить у себя под носом контрабандистов невозможно. Наведя справки о Вильмаре Аарене, лорд получил только положительные отзывы о нем. Но природное чутье подсказывало, если управляющий сам и не замешан в противозаконных действиях, то по какой-то причине он закрывает глаза на это. А причин тому может быть несколько, начиная от банального подкупа, заканчивая шантажом. Опять же последние слова погибшей Элеоноры необязательно трактовать как «у Билла», Рибианне могло послышаться, ведь «у Вила» звучит очень похоже.

Обо всем этом думал Двэйн по дороге к Анне, он предпочитал больше ходить пешком, существенно облегчая работу наемным убийцам и усложняя собственной охране. Но это было сродни ритуалу, опять же при ходьбе лорду лучше думалось. До недавнего времени он не слишком заботился о своей безопасности, ему претило прятаться и дрожать за свою жизнь. Двэйн отлично владел клинком, у него всегда в запасе было припрятано несколько метательных кинжалов, а от арбалетных стрел защищал амулет, весьма нужное и дорогое приобретение. Как работала данная вещица, не знал никто, а если кто все-таки догадывался, то помалкивал. Официально магии в стране и во всем мире не существовало, на то был запрет святой церкви. Двэйн же, как разумный человек, считал, что церковники просто убирают конкурентов, тех, кого еще не удалось переманить к себе. Потому что чудеса должны случаться только в святых стенах храмов. В чем-то он, конечно, был солидарен с церковниками, намного легче контролировать людей с редким врожденным даром, когда они соответственно обработаны, как морально, так и физически. Но в то же время церковь мешала прогрессу. По долгу службы он не единожды бывал в их святая святых, в хранилищах. Чего там только не было, одни

светильники, стеклянные шары со светом внутри, чего стоили. Вот бы такие ему или тем же финансистам, что постоянно возятся с бумагами, или в книжные хранилища, сколько бы документов осталось в целости.

Кстати, Августиан тоже продумывает, как заставить церковников поделиться этим добром, а заодно и людьми, что могут изготавливать похожие вещи. Он даже планирует открыть школу, чтобы в ней могли обучаться люди даже с небольшим магическим даром. Ведь не все готовы посвятить свою жизнь церкви, отказаться от мирских благ, от семьи, от возможности иметь детей. Лорд Двэйн полностью поддерживал своего сюзерена, тем более он уже успел оценить, какую пользу может принести даже один человек с небольшим даром. У него в охране работал один такой, до этого промышлявший воровством на рынке, но Двэйн, поймав его собственноручно, решил приставить его к делу. Сейчас этот человек присматривал за домом Рибианны, у него неплохо получалось отводить глаза людям, те проходили мимо, практически не замечая его.

Подойдя к дому Анны, лорд первым делом нашел взглядом этого человека, тот сидел в тени дерева, не скрываясь и не прячась. Увидев герцога, мужчина сделал неуловимый знак означающий, что все в порядке. Двэйн кивнул и вошел в ворота, в душе он усмехнулся: этот бывший вор до сих пор уверен, что у лорда такие же способности, раз он сумел заметить его и поймать. На самом деле это было одно из действий амулета, лорд и сам до конца не знал всех возможностей данного предмета.

Двэйн был уверен, что Рибианна его уже заждалась, что он встретит если не холодный прием, то хотя бы осуждение в глазах девушки. Он уже приготовил прочувствованную речь, представил, как в приватной обстановке попросит прощения, на этом моменте воображение разгулялось и пришлось его утихомиривать, ведь все те способы примирения хороши были для супругов. Двэйн сделал пару глубоких вдохов и выдохов, восстанавливая душевное равновесие и спокойствие, а потом позвонил в дверь.

Дверь ему открыла все та же служанка, она проводила его в музыкальную залу, сказав, что миледи недавно встала и ему придется ее немного подождать. У лорда, как у руководителя розыскного управления, сразу возникли вопросы. По какой причине молодая девушка спит так долго, если прошлой ночью она не была на балу? Он старательно гнал предположения, основанные на обычной ревности, а не на здравом смысле. Кстати о здоровье, Двэйн остановился на этой версии, едва в зал вошла Анна. Девушка была в строгом, закрытом сером платье, бледная, с темными кругами под глазами. Первым порывом мужчины было

желание отправить кого-нибудь из прислуги за доктором. Но он его сдержал, вовремя вспомнив, что у женщин бывают ежемесячные недомогания и, возможно, Анна их плохо переносит.

– Анна, я счастлив вас видеть, – сделал ей шаг навстречу Двэйн. – У вас бледный вид, вам нездоровится?

– День добрый, лорд Двэйн, – улыбнулась ему девушка, протягивая руку для поцелуя, которую он тут же подхватил в свою ладонь и поднес к губам. – Со мной все хорошо, это не болезнь, просто усталость.

Все-таки он правильно подумал о женских днях, но надо будет проконсультироваться с семейным лекарем, он не хочет, чтобы его невеста, а в скором времени жена, так мучилась. Куда только смотрит мать Рибианны? Хотя о чем он, многие девушки даже не знают, откуда берутся дети, настолько сильно их оберегают от искушений любви. Нет, Анне он такой вопрос пока задавать не будет, потом проще будет продемонстрировать ей на практике. От этих приятных мыслей настроение поднялось, и он тепло улыбнулся девушке, взяв ее под руку, повел в обеденный зал.

– Я очень соскучился по вас, Анна, – тихо прошептал он на ухо невесте, едва они покинули комнату. Девушка зарделась, по ее губам скользнула счастливая улыбка, которую поймать бы своими губами.

Весь обед они сидели друг напротив друга и разговаривали ни о чем: погода, новости, сплетни, в этом им сильно способствовало присутствие леди Пранер. Она с тактичностью бегемота старалась вызнать все о герцоге, особенно то, что касалось его личной жизни. В скором времени Двэйну надоело пресекать эти вопросы, а оскорблять пожилую леди ему не позволяло воспитание, тогда он решил действовать ее же методом. То есть задал вопрос в лоб:

– Леди Пранер, а как вышло, что такая в высшей степени разумная женщина, как вы, так и не вышла замуж?

От этого вопроса поперхнулись и леди Пранер, сравнявшись цветом с вареной свеклой, и его Анна. Она тоже покраснела, но скорее от попытки сдержать смех, который нет-нет, да проскальзывал милым хрюканьем. Двэйн украдкой ей подмигнул, сохраняя невозмутимый вид.

– Вы, вы, да как вы смеете меня так оскорблять! – возмутилась леди, вскочила и быстрым шагом, но с гордо поднятой головой, удалилась.

– Лорд Двэйн, а что тетушку так оскорбило? – озадаченно спросила Анна, справившись со смехом.

– Анна, мы же договаривались, когда мы наедине, называете

меня по имени. А вашей тетушке не понравилось, что я назвал ее умной, во времена ее молодости быть умной женщиной считалось немодно. Если девушка умная, значит, замуж ее не возьмут, это мне рассказывал мой дед. Кстати, ему как раз нравились умные женщины. Вы не представляете, как ему пришлось потрудиться, чтобы в свое время вывести на чистую воду мою бабушку.

Двэйн смотрел на улыбающуюся девушку и чувствовал, что улыбается в ответ. Ему давно не было так легко и комфортно.

– Анна, а как ваши успехи по разбиранию документов? Удалось найти что-то интересное? – Двэйн сомневался, что девушка успела отыскать нужное ему, да он и не ставил такой цели. Ему хотелось, чтобы Анна спокойно сидела дома, не скучала, и если ей интереснее копаться в бумагах, чем вязать, то почему бы и не совместить приятное с полезным. Сейчас же он хотел просто остаться с девушкой наедине, вдали от вездесущих глаз прислуги, и пока тетушка девушки не вспомнила о своих обязанностях.

– Не так уж много, но кое-что есть, – в глазах Анны зажегся огонь. – Пойдемте, я вам покажу.

Двэйн шел следом и любовался на аппетитную фигурку, нет, все-таки нынешняя мода на бледность и худощавость ему не нравится. Как хорошо, что Анна на этой моде не зациклена.

– Вот посмотрите, – как только они зашли в библиотеку, Анна кинулась к заваленному столу с бумагами. – Видите, нет? Но это же очень просто, документы похожи, как будто их скопировали.

– Анна, – подошел Двэйн к девушке, развернул ее к себе, мягко отобрал бумаги и положил их обратно на стол. – Я всю ночь не спал, только о вас и думал. А вы?

Лорд практически не слукавил, ночью он, правда, плохо спал, и мысли все больше были об Анне, только он не столько думал, сколько представлял и совсем неплатонические сцены были в его воображении.

– Мне тоже не спалось, – смутилась девушка.

Будь Двэйн более самоуверен или самовлюблен, он решил бы, что она не спала из-за него. Но, оглядев разобранные бумаги, оплывшие воском канделябры, вынужден был признаться себе, что она провела ночь за работой, отсюда и темные круги под глазами. Почему-то стало тоскливо. Давно ли он стал мечтать о том, чтобы девушки не спали из-за него ночей? Двэйн мысленно усмехнулся, нет, ему просто хотелось, чтобы Анна думала о нем.

Он обнял девушку, вдохнул аромат ее волос, ощутил, как ее руки обвили его талию.

– Так будет удобнее, – прошептал он, перенося руки Анны себе на шею. Она покраснела еще больше, но не оттолкнула,

наоборот, ее пальчики зарылись в его волосы, а глаза потемнели.

Этот поцелуй был другим: тягучим, нежным, каким-то чувственным и волнующим. После него хотелось держать на руках Анну, целовать ее пальчики, кончик носа, и все остальное, а главное, улыбаться. Неужели именно это называется влюбленностью?

Глава 7

После ухода Двэйна, я заперлась в библиотеке, отговорившись делами. На самом деле я улеглась на диванчик и предавалась блаженным воспоминаниям о будущем муже. С каждым разом его поцелуи и объятия мне нравились все больше и больше, если бы еще не навязчивое внимание к нам прислуги и охраны, можно было бы посчитать эти дни самыми счастливыми в моей жизни.

Но удовольствие удовольствием, а о деле забывать было нельзя. По сложившейся традиции Двэйн так же лежал головой на моих коленях, как вчера в управлении, я же ему рассказывала, что удалось обнаружить. Одной рукой я перебирала его волосы, поглаживала лоб, стараясь убрать маленькую морщинку между бровями. Двэйн жмурился, уголки рта изгибались в улыбке, а мою вторую руку он не выпускал из своей ладони, целуя то запястье, то каждый пальчик в отдельности. Но ни мне, ни ему это, кажется, не мешало, вопросы лорда были точны и последовательны. Я лучилась радостью, и не только от присутствия Двэйна, но и от того, что не зря не спала почти всю ночь.

Нашу идиллию разрушили в самый неподходящий момент. Тетушка ворвалась в библиотеку, как разгневанный дракон. По ее словам выходило, что мы с Двэйном занимаемся непотребными вещами, которые себе даже женатые пары не позволяют. Мы с лордом переглянулись в попытке понять, что же такого непотребного было в нашем виде или положении. Одежда вся застегнута, волосы в порядке. Может, тетке не понравилось довольное выражение на наших лицах? И она с опытностью человека, прожившего жизнь, вполне обоснованно заподозрила нас в большем? Возможно, или она просто хотела сделать ответную гадость лорду. Так что Двэйну пришлось покидать нагретое место, что вызвало наше общее разочарование.

А еще у нас была лекция о нравственности и о том, как мало ей уделяет внимания нынешняя молодежь. Честно сказать, я не понимала, почему Двэйн не прерывает мою тетку, а даже делает вид, что слушает ее бредни. Надо будет обязательно его спросить потом. Мы сидели рядом, держась за руки, и я смогла бы прослушать еще не одну лекцию от тетки, только бы Двэйн оставался подольше. Но всему приходит конец. Герцог поблагодарил тетушку за то, что она так рьяно заботится о своей племяннице, бережет мою честь. А потом добавил, что он бы с удовольствием еще провел время в нашем обществе, но его ждут

государственные дела. Но он рад, что оставляет меня в таких надежных руках. Тетка зарделась от удовольствия, даже ресницы опустила, поэтому лукавые искорки в глазах Двэйна заметила только я. Прощание вышло несколько скомканным, тетушка неотступно следила, чтобы мы не позволили себе лишнего. Мне же очень хотелось этого самого лишнего, судя по взгляду Двэйна, ему тоже.

Так, хватит предаваться глупым мечтам, до свадьбы они все равно неосуществимы. Надо заняться делом, вряд ли я в оставшихся документах найду что-то полезное, но для очистки совести все же просмотрю их. И все же Надю я отправлю в гости к подругам, а может, дать ей задание проникнуть на «вражескую» территорию под видом новой служанки? Опасно, она же не может держать язык за зубами. Что же делать? Понятно, что Двэйн все узнает, но мне же он ничего не рассказывает, оберегает. Да только мне тоже хочется, если не самой раскрыть это преступление, то хотя бы немного поучаствовать.

Пора искать себе помощников, как-то сразу вспомнился шустрый парнишка лет двенадцати, сын кухарки, он помогал в конюшне, но частенько я его видела слоняющимся без дела с тоской в глазах. Думаю, он будет идеальным кандидатом, надо только поговорить с ним наедине, чтобы тетушка или слуги ничего не услышали. Наведаюсь-ка я сегодня в конюшню, а то моя Ласточка соскучилась без внимания хозяйки. Ласточка (так звали мою кобылу) крайне флегматичное и спокойное животное, она ни на кого не обращала внимания. Впрочем, я тоже была к ней равнодушна, мне нравились подвижные животные, да и люди тоже. Но на этой кобыле настояла маман, она вообще была категорически против моих прогулок верхом. Но тут отец меня поддержал, и маменьке пришлось согласиться, но лошадь она выбрала сама. Вот я и решила вспомнить о своей животине, раз уж прогулок в ближайшем мне не видать, так хоть сделаю полезное что-то. Для себя, конечно, и для раскрытия преступления.

В дверь библиотеки постучали, я сразу приняла вертикальное положение, взяла в руки какой-то листик и сделала сосредоточенное лицо.

– Войдите.

– Миледи, к вам гость. Сказать ему, что вы заняты? – заглянула в комнату Наденька, единственная, кто не боялся меня отвлекать от дел.

– Да, я занята. А этот гость хоть представился? Или к нам уже всех пускают? – желания принимать гостей не было. Но и спросить, кто пришел, я была обязана, а вдруг это один из

деловых партнеров отца или деда?

– Князь Мансур. Кажется, он так представился, – неуверенно произнесла девушка.

Князь, значит. И что ему могло понадобиться от меня? Неужели все-таки соизволил явиться с извинениями? Разговаривать с князем у меня не было ни малейшего желания, но он был другом Двэйна и в будущем мне придется частенько его видеть.

– Проводи князя в музыкальную комнату, я сейчас спущусь. А еще тетушку туда пригласи, пусть научит князя, как надо себя вести с благородными леди, – не то что я такая мстительная, но оставаться наедине с князем пусть и в проходной комнате без дверей, мне было страшновато.

Когда я спустилась вниз (переодеваться не стала, не настолько я ему была рада, просто выдержала время), первое, что бросилось в глаза – это прислуга, расставляющая корзины с цветами. Каких цветов там только не было, как будто я попала не в холл дома, а в мини оранжерею. Надо будет поговорить с дворецким, я считаю, что тратить столько денег на цветы – это расточительство. Может, сегодня какой-то праздник, а я забыла?

– Милейший, – обратилась я к дворецкому, он был ровесником деда, и мне всегда неудобно было называть его по имени, как остальных слуг. – Скажите, а по какому поводу у нас столько цветов?

– Не могу знать, миледи. Цветы принес ваш гость, князь Мансур, – был ответ преисполненного достоинством дворецкого.

Опять князь, ох, чует мое сердце, не с одними извинениями он приехал. С некоторой опаской я входила в музыкальную комнату, откуда доносился бас князя и щебетание моей тетушки. Чтобы тетка разговаривала с мужчиной таким лилейным тоном? Это что же у них там произошло?!

Князь Мансур сегодня не был похож на бандита: чисто выбритый, в камзоле, подчеркивающем его идеальную фигуру, волосы тоже уложены, а еще золотая цепь на шее с регалиями и перстни на пальцах. Я сразу почувствовала себя на его фоне мелкой, серой мышью. Хотя нет, не серой, а белой.

– Леди Рибианна, свет очей моих и жемчужина этого достопочтимого дома, ваше появление сделало меня самым счастливейшим на свете. Позвольте припасть к вашим ногам?! – но припал он почему-то к руке, которую я ему даже не протягивала.

– Что же вы, князь, просили разрешения припасть к ногам, а сами несколько промахнулись? Заметьте, с вами это случается уже не первый раз. Старость такая коварная вещь, приходит

незаметно, – яростный огонь в глазах мужчины пролился бальзамом на мою душу.

– Рибианна, как вы можете так разговаривать с благородным человеком? – влезла тетка в наш обмен приветствиями. – Чему вас только учили?!

– Не стоит меня защищать, леди Пранер. Миледи Рибианна имеет полное право со мной так разговаривать. В нашу первую встречу я был недостаточно почтителен, – скорбным голосом поведал этот комедиант.

– Вы хотели сказать, непозволительно груб?! – хмыкнула, выдирая свою руку из его огромной ладони. – Кстати, я так и не услышала ваши извинения. Только давайте без ваших изысканных комплиментов и паданий к ногам. Вам это не идет.

– Вам тоже не идет это платье, но вы же по какой-то причине его носите, – нагло усмехнулся князь Мансур.

– Если вы пришли только для того, чтобы мне это сказать, то я вас больше не задерживаю, – я, конечно, первая начала, но хамства в свой адрес не потерплю.

– Миледи, прошу простить мой несдержанный язык, конечно же, я приехал принести вам свои искренние извинения. Надеюсь, со временем вымолить у вас прощение, – он опять хотел поцеловать мою ручку, но я не дала.

– Ладно, мы оба погорячились, забудем. Но впредь извольте обращаться ко мне как положено. Леди Рибианна или леди Монфри. Вы не мой вассал, а я не ваша леди, поэтому обращение «миледи» недопустимо.

– Я учту ваше пожелание. А сейчас я хотел преподнести вам маленький подарок в счет нашего примирения. Пройдемте, – подхватил меня князь под локоток, напрочь позабыв о моей тетке.

– Если вы говорите о цветах, то я их уже видела. Спасибо, конечно, но не стоило покупать их в таком количестве, право, это было лишнее.

– Для такой красивой девушки, как вы, ничего не может быть лишнего. А цветы – это всего лишь цветы, подарок ждет вас на улице, – загадочно улыбнулся князь.

– Надеюсь, вы не собираетесь по традиции вашей родины перекинуть меня через седло и увезти в сторону заката? – пошутила я, но вспыхнувший в глазах князя азарт заставил меня поежиться.

– Не будь вы невестой моего друга, я так бы и сделал, – почему-то от его слов мне легче не стало.

В раздумьях, стоит ли дословно пересказать Двэйну все, что говорил князь Мансур или нет, я вышла на крыльцо дома. Подарок я заметила сразу, да, его трудно было пропустить,

точнее ее. На дорожке стоял незнакомый мне мужчина и держал под уздцы лошадь, белоснежную, тонконогую и голубоглазую, а чтобы подчеркнуть такой необычный цвет глаз, в гриву были вплетены ленточки такого же оттенка. Одним словом, красавица.

– Красавица, не правда ли? – угадал мои мысли князь.

– Да, она прекрасна, но я не могу принять такой дорогой подарок, – да, честно признаться, и не хотела, потому что только слепой не заметил бы намека.

– Я настаиваю, в моей стране не принято отказываться от подарков, если только не хочешь намеренно оскорбить дарящего.

– Я не хочу вас оскорбить, но по традициям моей родины девушка не может принимать подарки от постороннего мужчины.

– Но принять подарок к свадьбе вы можете, не правда ли? – было понятно, что мужчина привык добиваться того, что он хочет, любыми путями.

– Могу, но свадьба намечена через полгода, вот тогда и приходите с подарком. Можно даже с этим, – мило улыбнулась ему, думая, когда же он уже уйдет, под взглядом его черных глаз мне было неуютно.

– Сомневаюсь, я достаточно хорошо знаю Двэйна, он не будет ждать полгода.

– В чем же дело, подарите лошадь ему, он ваш друг, никаких сплетен и обвинений в его адрес не последует. А когда мы с ним поженимся, эта красавица станет моей, как вы и хотели.

– Не могу, мужчинам не дарят лошадей. Потому что коня, как и оружие, каждый уважающий себя мужчина выбирает сам. Знаете ли, если бы я не был свидетелем одного занятного действа между вами и Двэйном, мне было бы жаль вас обоих. Не обижайтесь, что вы, что он, производите впечатление холодных и бесчувственных людей. Но это оказалось не так. Вот и Снежинка тоже выглядит покорной и хрупкой, а на самом деле у нее взрывной характер и нелегкий нрав. Мне кажется, вы очень подходите друг другу. Если бы я привез вас к себе в степь на этой лошади, мне все бы завидовали, а многие постарались бы вас выкрасть. Причем вместе с лошадью. К чему я все это говорю? Хочу пожелать вам с Двэйном счастья, он заслужил быть любимым и единственным для самой красивой женщины, что мне встречалась.

Красивые слова, прекрасный подарок, море цветов, что еще нужно, чтобы растаяло женское сердце? Но мое сердце почему-то не растаяло, и сравнение меня с кобылой, пусть и самой красивой из виденных мною, не было главной причиной. Я не слишком разбираюсь в политической обстановке даже в нашей стране, что уж говорить о соседних, но прочитать про обычаи мне было интересно. И не далее как вчера я немного восполнила пробелы о

нашем южном соседе, Рамхасе, откуда был родом князь. Поэтому его намеки, что я похожа на Снежинку, меня несильно обидели, у них на родине считалось такое сравнение комплиментом или оскорблением, смотря с какой лошадью тебя сравнили. Так как Снежинка была идеальна, я решила расценить его слова как комплимент.

Мне больше не давал покоя другой их обычай: дарить лошадь своей невесте, и чем явственнее прослеживалось между ними сходство, тем дороже считался подарок. И не просто дороже – это было показателем отношения мужчины к своей избраннице. А еще эта фраза, что если бы он привез меня на Снежинке к себе на родину, то ему бы все завидовали.

– Спасибо вам, князь, за пожелания. Мы с Двэйном обязательно будем счастливы, – мне показалось или это был скрип зубов? – Но принять ваш подарок я все же не могу. Вы должны меня понять, от Двэйна я бы с радостью приняла Снежинку, потому что он мой жених. От вас не могу, слишком много в вашей стране связано с лошадьми. Не ошибусь, если предположу, что невесту вы подбирали не столько себе, сколько похожую на Снежинку.

– У вас обширные познания о моей стране, хотелось бы надеяться, что это моя персона заставила вас заняться изучением наших обычаев, – князь все еще улыбался, но веселость ушла из его глаз. – Не буду отрицать, Снежинку я купил несколько лет назад. Увидев это дивное создание, я не смог устоять. Я уже говорил вам, что в наших степях не встречаются девушки с голубыми глазами, как нет и снега. Только здесь я смог найти то, что искал.

– Снег холодный, ему не место в горячих степях, – надеюсь, он понял мой намек. Судя по упрямому выражению на лице, намек он понял, но был с ним не согласен.

Снежинка волновалась, переступала ногами, трясла головой, фыркала и неприязненно посматривала на мужчину, ее удерживающего. Этот тип был явный степняк: смуглый, черноволосый, среднего роста, худощавый. А еще в его глазах было искреннее восхищение, по-моему, он только и ждал знака от князя, чтобы припасть к моим ногам, как к своей госпоже. Закралось подозрение, что он это обязательно сделает, если я приму дар князя. Я сделала несколько шагов к лошади, мне почему-то с легкостью удавалось найти общий язык с любым животным, хотя не сказать, чтобы я их особенно любила.

– Осторожней, Рибианна, Снежинка кусается, – схватил меня за руку князь, удерживая на месте. Еще бы к груди прижал, совсем нет понятия о приличиях.

– Для вас леди Рибианна, – холодно бросила через плечо, вырывая у него свою руку. – Это вас она кусает, честно сказать, я ее очень понимаю. Да, моя хорошая? Что эти мужчины могут в нас, женщинах, понять со своим эгоизмом и завышенной самооценкой?

Я погладила лошадь по морде, мысленно успокаивая ее, Снежинка доверчиво ткнулась носом в мою ладонь, пофыркивая и шевеля губами.

– Извини, красавица, у меня нет даже яблочка, чтобы тебя угостить. Но ты не расстраивайся, вот через пару месяцев князь Мансур подарит нам с Двэйном тебя на свадьбу, и тогда я каждый день буду приходить с чем-нибудь вкусненьким. А еще мы с тобой не будем чинно и мирно передвигаться, как положено благородным леди. Мы снежным вихрем вырвемся из плена серых стен города и полетим с тобой вперед, навстречу рассвету, по росе, превращая все вокруг в кристаллы льда. Ты ведь подождешь немного? Потерпишь этих мужиков? Умница!

Я говорила тихо, так, чтобы слышала только лошадь, но не учла того, что князь не обладал тактичностью, он стоял рядом и пожирал меня глазами, стало очень неуютно и даже страшно.

– Князь, вы не могли бы поумерить свое воображение? Под вашим взглядом я себя голой чувствую, – раздраженно сказала ему, не люблю, когда меня что-то пугает.

Но про голую я зря упомянула, кажется, именно так он меня и представлял. Небось еще верхом и с распущенными волосами. Судорожное глотание князя только подтвердило мое предположение.

– Всего доброго, князь. Буду рада увидеть вас на нашей с Двэйном свадьбе. Я пришлю вам собственноручно подписанное приглашение, – произнесла, проходя мимо него к своему дому.

– Значит, от Снежинки вы отказываетесь?! – донесся не менее раздраженный голос князя.

Я обернулась, чтобы лицезреть еще одну причину, по которой у нас с князем не может ничего получиться. Мужчина пребывал в ярости, по-моему, он уже мечтал меня задушить, а от человека с его комплекцией это было даже представить страшно.

– Вы слышали мое условие, я с удовольствием приму ее как подарок на свадьбу. На мою с Двэйном свадьбу, – на всякий случай уточнила я, сохраняя невозмутимый вид.

Мне это стоило тяжелых трудов, больше всего хотелось быстрее сбежать под надежные стены. Хотя от князя надо отгораживаться еще и рвом с хищными тварями, и то не факт, что поможет.

– Тогда я дарю Снежинку вашей матери, за нее вы не можете

отказаться!

– Даже не буду пытаться, но не думаю, что мои родители воспримут Снежинку достаточным выкупом за свою единственную дочь, – усмехнулась.

– Вы и об этом обычае успели прочитать. Правильно говорят, умная женщина – это зло!

– Хорошо, что не все мужчины так считают, – мягко улыбнулась, вспомнив Двэйна. – А вам надо посетить какой-нибудь бал. Думаю, вы найдете там девушку по своему вкусу, голубоглазую и необремененную умом. Так что вы еще подумайте, стоит ли настаивать на своем подарке, вдруг вам еще представится возможность осуществить свою мечту.

– Не сомневайтесь, свою мечту я не упущу, – сказано это было так, что я ему сразу поверила. А это значит, что надо удвоить охрану и дома, и себя любимой.

Но Снежинку он все же забрал, и как-то я не спешила этому радоваться, потому что терялась в догадках, какие мысли пришли ему в голову.

* * *

После ухода князя я первым делом отправилась в оружейную комнату. Меня никогда не привлекали все эти острые железяки, арбалеты, луки и другие средства для убийства. Но где они хранятся, я знала. И вот настал момент, когда надо забыть о брезгливости, вряд ли князь решится меня похитить, но предусмотреть и такой вариант стоило. Опять же, не далее как вчера в дом влез преступник, а вдруг бы ему удалось добраться до меня? Интересно, как быстро бы прибежала помощь, начни я кричать? Устроить охране учения, что ли? Наверное, займемся этим завтра, создадим, что называется, внеплановую проверку вверенной мне личной охране. И пусть попробуют запоздать, сразу пожалуюсь Двэйну. Так, что бы мне такого выбрать и, самое главное, куда спрятать, чтобы легко было доставать? Ну не под подол же. Представила, как я говорю бандиту: «Подождите, не убивайте, я сейчас» и задираю юбки, пытаясь отыскать там кинжал. Думаю, он умрет со смеху.

Так, что у нас здесь интересного, древние мечи не для меня, как и современные рапиры. Надо что-то маленькое, но действенное. Взгляд сам собой метнулся к отцовской коллекции кинжалов. Больше всего мне понравился самый тонкий из них и длиной с мою ладонь. Вроде бы простой и неприметный, но в то же время, вытащив его из ножен, я заметила интересную

особенность: он был четырехгранный, с канавками и засечками по ним. Скорее всего, его смазывали ядом. Вопрос, остался яд на кинжале или нет? Проверять было не на ком, поэтому я решила порыться в запасах маменьки, у нее было снотворное, меня им в поместье периодически пичкали. Сказано – сделано, я, вообще, если принимаю решения, то не люблю затягивать с их реализацией. Ревизия запасов миледи показала наличие знакомого флакончика, мне из него в питье капали. Разводить не стала, а смазала кинжал концентрированным веществом, быстрее подействует в случае чего, оставалось придумать, куда прятать. Подождала, пока на кинжале высохнет снотворное и убрала его в ножны.

В своей комнате, покрутившись у зеркала, я поняла: мест, куда можно было бы спрятать кинжал, не так уж и много. В прическу? Так я дома хожу с косой, не люблю я все эти башни на голове. Зимой можно было бы засунуть в сапожки, но сейчас самый жаркий месяц лета, так что в легкие туфельки ничего не спрячешь. Ридикюль тоже для этого не годится, его отберут в первую очередь. Вздохнула, придется носить корсет, это единственное место, где если и будут щупать на предмет оружия, в чем лично я сомневаюсь, то все равно не найдут.

Какое-то время ушло на переодевание, потому что пришлось звать Надю, чтобы она помогла мне затянуть корсет. А потом еще проводить с ней беседу о том, как важно уметь хранить секреты. Что если она кому-нибудь обмолвится об этих красных пятнышках на моей груди, то я ее сдам лорду Двэйну в пыточную, на опыты. А если будет молчать, то увеличу жалование и заберу с собой, когда выйду замуж. Девушка прониклась важностью тайны, и даже сама вызвалась сходить куда-нибудь на «разведку». Но я решила не рисковать, пусть побудет пока под присмотром, тем более у меня уже есть шпион на примете. К нему я и направилась.

Мальчишка, как обычно, слонялся у конюшни, мои охранники тоже прохлаждались в тени деревьев и даже не встали, когда я проходила мимо них. Совсем обнаглели! Ну я завтра им устрою! Мысленно придумывая им всяческие кары и каверзы, я окликнула парня:

– Эй, ты, подойди ко мне.

– Миледи, я это… Я ничего не делал. Вы Ларсу не верьте, он уже старый, запамятовал все, – зачастил парнишка, комкая в руках кепи, тревожно оглядываясь по сторонам.

– Да подойди, не бойся. Тебя как зовут?

– Гарри, миледи.

– Гарри, ты же знаешь, в каком стойле моя Ласточка? – я специально говорила громко, для охранников, пусть думают, что

я пришла проведать лошадь. – Пойдем, покажешь, давно я ее ничем не угощала, еще забудет меня.

– И как тебе? Нравится ухаживать за лошадьми? – спросила я у парнишки по пути к стойлу Ласточки.

– Да, миледи, – не слишком радостно ответил он.

– Жаль, я хотела предложить тебе одну интересную работу. Хотя нет, она очень опасная, ты с ней не справишься. Сколько тебе лет? Наверное, десять.

При слове «опасная» у Гарри загорелись глаза, а когда я сознательно снизила его возраст, он прямо задохнулся от возмущения.

– Мне уже тринадцать! – вскрикнул он, но, вспомнив, с кем разговаривает, сжался и добавил: – Почти. Но я даже читать умею! Я справлюсь!

– Ну, не знаю, – с сомнением протянула я. – Там преступники, опасность, надо уметь не только читать, но, самое главное, слушать и наблюдать.

– Не думайте, я не болтун, тайны хранить умею. Вы же хотите знать, с кем этот убийца пришел? Я видел и никому не сказал, не верю я вашей охране, – доверительным шепотом сказал Гарри, оглядываясь по сторонам. – Я как раз на дереве сидел, наблюдал, значит.

Я усмехнулась, не став цепляться за слова, он, скорее всего, от матери прятался, чтобы она его к делу не привлекла.

– Тут гляжу, два мужика подошли к уличной стороне забора, пошептались, один что-то передал другому и ушел. А второй отогнул прут забора, даже я не знал про этот ход, и залез на задний двор. Когда он отошел от моего дерева, я спрыгнул и побежал в дом с другой стороны, предупредить хотел. Но его уже убили. А то, что ему передал тот первый, в карманах не нашли, я как раз подбежал, когда черный огромный тип в них копался. Ух и ругался он, а потом стал спрашивать, где вы, миледи. Что тогда началось!

– Постой, получается, это тот черный тип что-то забрал из карманов убийцы? И почему все решили, что он убийца? Он кого-то убил? – «неужели князь еще и подлец?», но вслух я этого говорить не стала.

– Нет, он как раз искал и ничего не нашел. А бандит успел нечто спрятать или передать кому-то, – голос Гарри снизился еще сильнее. – Я поэтому ничего не сказал про второго, а вдруг среди них предатель. А почему убийца, не знаю, его все так называли, вот и я говорю.

Парнишка объяснялся сумбурно, но основную суть я уловила. Он подозревал, что среди охранников есть человек, который

работает на преступников. Кстати, идея! Надо вызнать, кто убил того типа, что собирался проникнуть в наш дом. Ох, чую здесь что-то нечисто, если у мертвого бандита вообще ничего не нашли, то на основании чего был сделан вывод, что он убийца? Проще было бы заподозрить его в воровстве. Ведь ни один убийца не пойдет на дело с утра, да еще и без оружия. И почему его убили? Можно же было просто обезвредить. Прав мальчишка, здесь не обошлось без предателя. Честно сказать, меня еще вчера взяли сомнения, что тот мертвец пришел по мою душу.

– И никому пока не рассказывай, узнать того, кто передавал, сможешь?

– Не знаю, сверху я лиц не видел, а одет он был обычно, – заметно расстроился парнишка.

– Ладно, если вспомнишь что-нибудь, сразу меня найди.

– Да, миледи! А вы это расскажете герцогу, вашему жениху? – по виду Гарри невозможно было понять, чего он хочет больше, чтобы я поведала все Двэйну или нет. Наверное, он сам еще не определился.

– Дело серьезное, так что придется рассказать, – больше для себя решила я. Можно, конечно, послать ему записку, но кому доверить? Нет, подожду до завтра и расскажу лично. – А теперь слушай, у меня будет для тебя задание. Надо попытаться устроиться в дом графини Диолан, где она живет, объясню потом. Ты должен наблюдать, слушать и запоминать все, что говорят о самой хозяйке, об убитой Элеоноре, а главное, об управляющем. Предупреждаю, это не игра, это опасное задание, если хорошо себя покажешь, если тебя никто не заподозрит, получишь двойное жалование.

– Ух ты! – восторженно воскликнул парень, но под моим серьезным взглядом притих. – Миледи, я все сделаю. Хотите, я даже проверю комнаты этого управляющего или графини? Вдруг они где-то там спрятали яд.

– Не вздумай, ничего не брать, нигде не лазить. Еще не хватало, чтобы тебя за вора приняли. Твое задание слушать и запоминать. Понял? – дождавшись слегка разочарованного кивка, я продолжила: – Ты откуда про яд знаешь?

– Слушал, как ваша тетушка моей маменьке рассказывала. А правда, что та девушка у вас на руках умерла с кровавой пеной на губах? А еще она вам имя убийцы назвала?

– Если бы она назвала имя убийцы, то его бы уже повесили. А так да, прямо на моих руках и умерла, харкая кровью и рвотой, – немного преувеличила я.

– И вы даже в обморок не упали?! – в глазах парня появилось немое обожание.

– Не до того было, а вдруг бы следом за Элеонорой ввалился ее убийца? Падать в обморок надо с умом, – улыбнулась, глядя на его удивленный вид. – Матушке скажешь, что я тебя отправила к герцогу, что у него помощник конюха сломал руку, вот ты за него пару недель поработаешь.

– А как связь держать будем? – заговорщицким тоном произнес Гарри. Я усмехнулась, а парень интересный, может, посоветовать его Двэйну?

– Когда будешь устраиваться, если повезет, конечно, скажешь, что у тебя престарелая мать в городе живет. Ну и будешь раз в три дня, вечером, как стемнеет, бегать к ней, а заодно ко мне. Надеюсь, тебе не надо говорить, чтобы ты молчал обо мне и вообще. Но и врать много не надо, скажешь, мать работает прислугой, а тебе там место не нашлось, вот ты и ищешь.

– Я все понял. Можно приступать?

– Можно, – так же торжественно ответила ему.

Глава 8

Прошла уже целая неделя после того, как я отправила на задание Гарри. Он один раз прибегал, сообщил радостную новость, что ему удалось устроиться в дом графини Диолан. И не просто устроиться, а на кухню. На мой вопрос: «Как?», он замялся и сказал, что я сама подкинула ему идею о сломанной руке. В общем, парнишка подстроил поваренку «несчастный» случай. Сам он никому руку не ломал, зато за пару дней наблюдений увидел, что поваренок (парнишка на пару лет старше Гарри) и дочка повара (девица на выданье) уединялись на сеновале. И все бы ничего, но у девушки был одобренный отцом жених, и если бы их заметил не Гарри, то ей была бы прямая дорога в монастырь. А поваренку точно бы что-нибудь сломали. Так что путем нехитрого шантажа Гарри получил это место. А парнишка отправился искать себе работу в другой дом.

Я за Гарри начала волноваться еще пару дней назад, когда он не пришел через обещанные три дня, но сделать ничего не могла. Из дома меня почти не выпускали, даже когда я шла в сад, за спиной в шаге от меня маячили двое охранников. А все потому, что Двэйн уехал, а перед отъездом пообещал повесить всех, если со мной что-то случится.

И вот я одна, не считая тетки. Понимаю, что у Двэйна расследование, он даже пообещал мне все рассказать, когда вернется. Но мне от этого не легче, так скучно мне еще никогда не было. Двэйн прискакал на следующий день после нашего с ним памятного пребывания в библиотеке уже в дорожной одежде и с отрядом. Он только на пару минут забежал, чтобы предупредить меня лично, а не письмом. Предупредил, поцеловал и пообещал всех повесить, если они меня не уберегут. Ему поверили все и сразу. Тетушка даже упала в обморок, почему-то решив, что Двэйн намекает на ее обязанности, которые она забросила, растаяв от лестных слов князя. Кстати, он тоже был в том отряде, меня так и подмывало открыть глаза Двэйну на этого ловеласа, но решила повременить. Ведь им вместе работать, не хотелось, чтобы из-за возникшего между ними недоверия сорвалось расследование.

Скоро должны были вернуться родители, их письма с туманными намеками, заставляли меня нервничать. Что они еще придумали? А фраза маман: «Вот увидишь, Аризмат тебе понравится, потрясающе красивый город, я сама бы хотела в нем жить…», вообще заставила паниковать. Не хочу я никуда ехать, тем более жить, для меня и неделя без Двэйна тяжелое

испытание.

А еще я очень переживала за Двэйна, потому что он, уезжая, снял с себя медальон и повесил на мою шею. Шепнув на ушко, чтобы я его никогда не снимала, ни днем, ни ночью, что так ему, Двэйну, будет спокойнее. Наверное, это какой-то родовой амулет, простые вещи не носят, спрятанные от посторонних глаз. Я пообещала не снимать, но себе сделала заметку спросить у него подробнее об этой вещице. У себя в комнате я ее внимательно рассмотрела: довольно крупный горный хрусталь, идеальной чистоты, в форме капли на серебряной цепочке. Держа его в руке, я чувствовала тепло, а воображение, придумало романтическое объяснение этому – жар души Двэйна. Глупо, но зато приятно и греет.

– Миледи, миледи, – тихий зов из-за куста я услышала не сразу. Так задумалась во время прогулки по саду, что чуть не пропустила появление Гарри. На сердце сразу отлегло, с мальчиком все в порядке. – Здравствуйте, миледи.

– А, Гарри, забежал мать проведать? – не скрываясь, спросила у него. А что скрываться, если охранники тоже заметили мальчика. – Как тебе на новом месте? Нравится у герцога?

– О да, миледи, все хорошо. Я как раз хотел сказать вам спасибо, – быстро сообразил он, что вокруг много лишних ушей.

– Да не за что. Пойдем, проведаем Ласточку, она по тебе соскучилась, а ты мне подробно расскажешь о доме герцога. Я же там ни разу не была, – у охранников лица стали скучнее обычного. Дабы у них пропало желание прислушиваться к нашему разговору, я продолжила в том же духе: – А внутрь тебя пускали? Я подумываю полностью сменить интерьер в своем будущем доме, мне бы очень помогло, если бы ты описал, какая там мебель, шторы, цвет стен.

– Конечно, миледи, у меня хорошая память, – подавляя смех, ответил Гарри. – Я все подробно рассмотрел.

– О, тогда сейчас проведаем Ласточку и поднимемся в библиотеку, я хочу все записать.

В доме было только два места, куда я не пускала охрану: мои комнаты и библиотека. Точнее, они заходили туда впереди меня, все проверяли и уходили, оставляя меня одну, занимая пост под дверью. И то ладно, постоянное присутствие чужих людей рядом меня жутко раздражало. Я с трудом сохраняла спокойствие, от диких воплей на прислугу и охрану меня останавливало только одно: не хотелось бы выглядеть такой же взбалмошной и импульсивной, как моя мать.

Наблюдения Гарри не были сенсационными, они только подтвердили мои подозрения. Управляющего он за эти дни так и

не видел, но все в доме боялись даже его имени. К хозяйке так не относились, как к нему, у парня возникло чувство, что графиня тоже боится собственного управляющего. А еще удивило парня то, что о покойной Элеоноре почти ничего не говорили. Как будто всем до девушки не было дела. Меня это обстоятельство тоже заставило задуматься. Дав задание Гарри обращать внимание на приходящих людей, особенно мужчин со светлыми волосами, а также тех, кто регулярно приезжает в дом, причем без явной причины. Специально для мальчика пояснила, что ни садовник, ни молочник, ни портной меня не интересуют. Отпустив своего первого штатного шпиона, снабдив его предварительно строгими указаниями и премией, я осталась одна в библиотеке. Мыслей было много, но практически ни одного факта. И откуда им взяться, если я сижу безвылазно в доме, вот где сразу вспоминается притча о птичке в золотой клетке.

Надо записать все, что я знаю. Может, удастся заметить то, что в глаза не бросилось сразу?

– Миледи, вам письмо, – заглянула в библиотеку Надя, радостно улыбаясь.

– Ну так давай, что ты там стоишь? – получилось немного грубовато, но не люблю, когда отвлекают.

– Оно ждет вас внизу, – хитро улыбнулась эта интриганка и сбежала. Кажется, в этом доме забыли кто хозяйка.

В раздражении пошла вниз, собираясь устроить разнос не только прислуге, но и охране, до которой так и не дошли руки. Спустившись, первое, что я увидела – это цветы, гирляндами развешанные вокруг, прям дежавю. Неужели князь опять притащил этот ботанический сад в миниатюре? Как вспышка, в голове возникла мысль, что если князь в городе, то, значит, Двэйн тоже приехал. Это заставило обратить внимание на центральную композицию, мужчину, держащего огромный букет белых роз так, что закрывал им лицо. Я сделала несколько неуверенных шагов, оглядываясь в поисках служанок, чтобы они наконец-то мне объяснили, что здесь происходит.

– А я надеялся, что вы будете мне рады, Анна, – раздался знакомый голос, розы опустились, открыв мне усталого, но улыбающегося Двэйна.

Знаю, леди себя так не ведут, но удержаться не смогла, взвизгнув от радости, практически слетев с оставшихся ступенек, повисла у него на шее. Мне было все равно, что о нас подумают, хотя я же не постороннего мужчину обнимаю, а своего жениха. Очень хотелось его поцеловать, но это было бы уж полным падением с моей стороны.

– Я вам очень рада, Двэйн, – прошептала я, касаясь его щеки

своей. На пол упал букет, а руки лорда обвили меня за талию, крепко сжав в объятиях.

– Я очень скучал, Анна, – так же тихо ответил он, покрывая невесомыми поцелуями мое лицо. Я видела, что он хочет совсем другого, страсть плескалась в его глазах, но он тоже себя сдерживал. Надеюсь, у меня несильно глупый и восторженный взгляд?

– А может, поднимемся в библиотеку, я напою вас чаем или лучше ужин? Вы ведь с дороги?! – спросила у него, в душе поражаясь своей беззастенчивости. Он наверняка подумает, что мне не терпится остаться с ним наедине и будет прав.

– С удовольствием поужинаю, – улыбнулся он. – Жаль, подольше задержаться не смогу, мне еще сегодня к королю с докладом идти.

– Понимаю, – вздохнула я, но внутренне радуясь, что он даже домой не заехал, а сразу ко мне. – Я прикажу, чтобы вам накрыли в музыкальной комнате. Знаете, мне очень хочется сыграть для вас что-нибудь.

– Я не знал, что вы владеете музыкальными инструментами. С удовольствием послушаю, – разрывать объятия было очень тяжело, и не только мне. Демоны, когда же уже свадьба!?

* * *

Лорд Двэйн сидел за столом, воспитание заставляло кушать аккуратно и степенно, но двое суток в пути накладывали свой отпечаток, есть хотелось неимоверно. В дороге они нормально питались, но это была походная еда, а тут такое разнообразие.

Анна сидела за роялем, что-то тихо наигрывая. Двэйн предпочел бы видеть ее рядом, чтобы она смотрела на него влюбленным взглядом. И пусть он не понимает, как такая девушка могла в него влюбиться, но ему не двадцать лет, чтобы не замечать очевидного. Он гнал мысли, что сам повел себя сегодня как мальчишка. Не успел въехать в город, как лошадь сама свернула к дому Анны, хорошо, что его догнал Саид и напомнил, что невесте надо цветы купить. Всю неделю душа тянулась к девушке. Даже то, что им так и не удалось в конечном итоге выявить главаря преступной банды, не испортило его настроения на пути домой.

Анна заиграла что-то другое, непохожее ни на что слышанное им раньше. Музыка все усиливалась, вызывая в корне противоположные чувства. Вроде что-то нежное, и в то же время в ней слышалась тоска, тяжелая и беспросветная, от которой

хочется выть. Он не знал, что думать, неужели девушке так плохо с ним, что она решила выразить свои чувства музыкой? Двэйн посмотрел на Анну, она играла с полуприкрытыми глазами, весь ее вид говорил о том, что она где-то не здесь. Может, она что-то вспомнила из прошлого? Это бы объяснило многое. Когда у девушки потекли слезы, он не выдержал, подошел и сел рядом с ней на скамейку.

– Анна, не надо, – он обнял ее, оборвав музыку на высокой ноте, тем самым развеяв гнетущую атмосферу. – Я рядом и никогда вас не оставлю.

Что еще сказать, он не знал, не в его привычках было давать невыполнимые обещания. Но себе он дал слово все сделать, чтобы Анна не вспоминала и не думала о прошлом. Девушка доверчиво уткнулась ему в рубашку, не обращая внимания на ее запыленный вид и запах пота. Двэйну стало неудобно, надо было заехать домой переодеться и предстать перед Анной как лорд, а не какой-нибудь мужик. Но у девушки, похоже, не вызывал его внешний вид неприятия и он тоже не стал на этом акцентировать внимание. Он просто гладил ее по голове, ловя себя на мысли, что помимо сочувствия его охватывают и более приземленные желания.

– Извините, Двэйн, я не хотела вас расстроить, – заговорила Анна. – Иногда на меня что-то находит, такое случается, когда я играю на рояле. Знаете, охватывает чувство, что я что-то потеряла, важное, дорогое, но никак не могу вспомнить. И пустота, огромная, давящая, где нет даже звуков.

– Все будет хорошо. Наверное, это осталось от кошмаров, с тех пор, как вы были больны, – Двэйн никогда не любил врать, но по долгу службы умел это делать убедительно. – Не надо об этом думать. Если бы мы были женаты, вы бы уже забыли об этом. Я бы все для этого сделал.

– А почему именно женаты? – недоуменно спросила девушка, подняв на него глаза цвета неба.

И как объяснить Анне, что есть действенное средство для лечения почти всех нервных расстройств? Он еще не готов говорить с невинной девушкой на такие темы, не хватало того, чтобы она от него в ужасе сбежала. Но намекнуть можно, к тому же сил сопротивляться желанию целовать эти пленительные губы, уже не было. Двэйн никогда не любил целоваться, как можно лобызать чьи-то губы, которые до этого побывали в самых неприличных местах, еще и не у него одного. Мужчина имел дело в основном с профессионалками. Не теми, что сдают свое тело на час, а теми, что живут на содержании. Раз в полгода он обязательно менял содержанку, чтобы не привязываться и

бдительно заботился об их контрацепции.

Но с Анной все было по-другому, с ней рядом он будто сходил с ума. Ни о чем, кроме ее глаз, губ или соблазнительного тела, которое хотелось изучить во всех подробностях, думать не получалось. Силой воли он оборвал разыгравшееся воображение, в котором Анна весьма фривольно себя вела, а рояль оказался достаточно крепок. Нет, надо отвлечься, не хватало еще наброситься на собственную невесту и оскорбить ее таким образом. В поездке Саид предлагал сходить в бордель, прямым текстом говоря, что взрослый мужчина не может обходиться полгода без женщины. Смеялся, в красках описывая, как он напугает невесту в первую брачную ночь своей страстью. Умом он понимал, что друг прав, но перед мысленным взором каждый раз вставали небесного цвета глаза и теплая улыбка.

– И правда, очень действенный способ забыть все плохое, – хихикнула Анна, мило покраснев.

– Самый лучший способ, – улыбнулся он в ответ, поправляя прическу невесты. Он не стал говорить, что это только начало, и что самое интересное впереди.

– О, из-за меня вы так и не поели, – подскочила Анна и потянула его к столу.

– Анна, составьте мне компанию, этого слишком много для меня одного.

– Хорошо, что матушка этого не видит, – с улыбкой проговорила Анна. – Она считает, что мне надо меньше есть, чтобы соответствовать нынешней моде. Когда она дома, у меня на ужин только овощи.

Двэйн чуть не поперхнулся. Это что же получается, его невесту еще и не кормят?! То-то ему показалось, что лицо у Анны немного осунулось.

– Я очень люблю мясо, а еще не люблю ужинать в одиночестве. Вы ведь не оставите своего будущего мужа голодным? – усмехнулся он. – Овощи – это хорошо, но без мяса они не так вкусны.

– Ну, если только за компанию, – в глазах Анны отразилась его улыбка. – Вы мне расскажете о своей поездке?

– Обязательно, но не сегодня. Предлагаю послезавтра провести день вместе, вы, наверное, устали находиться в четырех стенах. Завтра я буду весь день в управлении, надо будет разобраться с делами, накопившимися за время моего отсутствия. А послезавтра я весь ваш, как вы смотрите на то, чтобы съездить на озера?

– Просто замечательно! – Анна была искренне рада. – Но знайте, я все равно хочу услышать вашу историю, а то не

расскажу, что мне удалось узнать.

– Вот даже как? Шантаж? – Двэйн хотел сказать это серьезно, но не удержался от улыбки.

– Да, именно так. Но могу подкинуть вам пищу для размышления. Зачем убийце являться в дом к жертве с утра, причем, не имея с собой никакого оружия? А был ли этот человек убийцей вообще?

Веселость спала, Двэйн всю неделю был занят другим делом, и у него не было времени подумать над этим несуразным покушением на Анну. А она права, слишком многое не сходится и кто-то ему ответит за предательство.

– Знаете, Анна. Я с каждым днем все больше себе завидую. У меня будет не только самая красивая жена, но еще и самая умная.

* * *

Весь следующий день я провела в ожидании его окончания, очень хотелось, чтобы быстрее наступило завтра и увидеть Двэйна. Пометавшись между библиотекой, своей комнатой и кухней (когда нервничаю, всегда чувствую себя голодной) я уже не знала, куда себя приткнуть, а было только начало вечера.

– Миледи, вы бы прогулялись по саду, погода замечательная, – влез охранник, которому надоело метаться за мной по дому.

А, вообще-то, это хорошая мысль, надо подышать свежим воздухом, может быть, придет дельная мысль в голову. Не отвечая охраннику, я свернула к выходу в сад. Погода и правда была хорошая: не очень жарко, дул свежий, легкий ветерок. Тенистые аллейки, сладкий аромат цветов, растущих в клумбах, пение птиц, все это наводило на лирический лад. Даже умную женщину влюбленность делает доверчивой и ненаблюдательной. Вот и я витала в мечтах, мысленно видя себя в объятиях Двэйна, но вдруг чужие руки крепко обхватили меня, лишив возможности двигаться, а к лицу приложили вонючую тряпку. Крикнуть я не успела, один вдох и сознание померкло.

Обратно оно возвращалось толчками или это были толчки на самом деле? Какое-то время я пыталась вспомнить и понять, что со мной и как я оказалась в такой ситуации? Первое, что стало понятно, меня везут в какой-то телеге, руки связаны, но впереди и не туго. Это было странно, но с другой стороны, раз куда-то везут, значит, нужна живая и, скорее всего, невредимая. Зачем, это уже другой вопрос. Я была накрыта с головой какой-то плотной пыльной тканью, вокруг пахло шерстью или животными,

непонятно. Подавив желание застонать, а лучше закричать, я стала прислушиваться. Ведь если везут, то кто-то рядом точно есть, не хватало еще раз получить убойную дозу того вещества. Голова болела неимоверно, в висках стучало, очень хотелось пить, но адреналин в крови уже делал свое дело, убирая эти проблемы в дальний угол. Сейчас меня заботило только одно: надо как-то сбежать. И неважно, кто меня похитил, бандиты или князь, все едино.

Сквозь скрип колес и шум в голове до меня доносились обрывки разговора двух человек.

– Ну на какого демона мы ее похитили?

– Распоряжение главного.

– Идиот ты! Главный, он-то соскочит, а нас повесят, – смотрика, неглупый попался, только в одном ошибся: Двэйн и главного их повесит. – Слушай, а давай ее бросим и в бега?

– Если с этой кралей что-то случится, то нас найдут везде. Лучше заткнись и не ной. Задание у нас какое? Спрятать и обеспечить всем необходимым до личного распоряжения главного. Вот и будем выполнять.

– А если он прикажет ее убить?

– Убью, – равнодушно ответил будущий висельник. – А если ты не заткнешься, то убью и тебя. И не буду для этого ждать распоряжения.

– Ибрагим, да ты что, я же просто так спросил, – больше он ничего сказать не успел, раздался глухой звук удара и стон.

– Если я говорю, заткнись, это значит – заткнись. Еще одно слово и следующее утро ты не встретишь.

Кричать и звать на помощь мне расхотелось, и пусть меня убивать пока не собираются, но с девушкой можно сделать и более страшные вещи. Я затаилась под своим тентом, пусть думают, что еще не пришла в сознание. Одно было плохо – отличить бессознательное тело легко, когда несешь его на руках. Я не знаю, какие надо иметь нервы, чтобы достоверно притворяться, то есть расслабиться и не дернуться, когда тебя будут ронять.

Видимо, я плохая актриса. Когда меня взвали на плечо, я сдержалась, но когда чья-то рука полезла под подол, завизжала.

– Так и знал, что притворяется, – хмыкнул неприятный голос Ибрагима. Тент с меня так и не сняли, вместе с ним вытащили из телеги. Наверное, боятся, что я их потом смогу описать. – Послушайте, леди. Мы вас не тронем, вернем в целости и сохранности, как только ваш жених заплатит нам кругленькую сумму. А не захочет, у вас есть другие богатенькие родственники. Так что ведите себя тихо и скоро вы сможете вернуться к обычной

жизни.

Я промолчала, говорить, собственно, было нечего. Плакать, умолять отпустить? Не дождутся! Объяснять, что они портят мою репутацию, что я потом никому ничего не докажу? Бессмысленно. Сомневаюсь, что они вообще меня вернут родителям или Двэйну, даже если им заплатят, проще продать кому-нибудь в гарем, двойная выгода. При мысли о Двэйне защемило сердце, ни один благородный мужчина не женится на девушке с подмоченной репутацией. Нет, он, конечно, заплатит выкуп, а может, даже сам спасет, но… И это «но» будет всегда стоять между нами. Кто-то скажет, ведь можно заплатить известному доктору, чтобы он подтвердил невинность. Но в высшем обществе сама невинность немного значит, главное репутация. Нельзя, чтобы слухи и сомнения пошли гулять по будуарам и чайным комнатам.

К головной боли добавилась душевная, внутренний голос с издевкой напоминал о том, что еще месяц назад я вообще не хотела замуж. Теперь можно радоваться – замужество мне уже не светит. Слез не было, было дикое желание испортить планы похитителей, а может, даже убить их.

Меня сгрузили в каком-то помещении, на улице почти стемнело, а внутри и подавно.

– Устраивайтесь поудобнее, ваша милость. Вам здесь сегодня спать, а может, и завтра, – раздался наигранно жизнерадостный голос второго. Ну-ну, так я и поверила, что он прожженный бандит, наверняка какой-то мелкий воришка. – Что-то барышня неразговорчивая, как бы не померла от страха.

– Не лезь к ней, твое дело охранять. Снаружи! И запомни – внутрь не заходить. Мне надо отъехать, к утру буду, – распоряжения Ибрагима были просты и лаконичны. – Если ты нарушишь мое распоряжение, буду убивать тебя долго и мучительно.

– Да что я, девку не устерегу, что ли?! – вскинулся молодой голос. – Все будет путем.

Я молчала, не хотела пропустить ни слова, даже тент не попыталась снять с головы, чтобы в вечерних сумерках разглядеть своих похитителей.

– Заткнись и делай, что тебе говорят. А лучше бери пример с леди, впервые встречаю такую выдержку у женщины, хоть самому женись на ней. А, леди, пойдете за меня замуж? – расхохотался Ибрагим. Похоже, и он нервничает, только старается не показывать этого.

– Не могу вам ответить, я вас не видела, да и состояния вашего не знаю. Вы уверены, что сможете обеспечить мне достойную жизнь? – холодно поинтересовалась у него.

– Главное, я могу сохранить вам жизнь и обеспечить ворохом детишек, – был не менее холодный ответ. – Стеречь, внутрь не входить, даже если будет просить что-нибудь.

С этими словами я услышала, как закрылась дверь, заскрипел засов, звякнул замок и все стихло. Что ж, пора проверить, где меня заперли.

Сняв с головы вонючий тент, я огляделась по сторонам: сарай и этим все сказано. Света сквозь щели проникало мало, а скоро и совсем перестанет, ночь стремительно надвигалась. Сидеть и плакать о своей погубленной жизни я не стала, любовь любовью, а жизнь у меня одна. Попыталась развязать зубами узел на руках, вроде бы он начал поддаваться. Можно было бы воспользоваться кинжалом, но я боялась, что снотворное с него сотрется. Поэтому мучила зубы.

Оставалось совсем немного, когда дверь в сарай открылась, и в нее вошел мужик. В одной руке фонарь, в другой бутылка, не думаю, что в ней молоко или вода.

– Вам запретили сюда заходить, – сказала, обдумывая ситуацию. Надо было сразу достать кинжал, а сейчас он мне этого не даст сделать.

– Плевать, к утру я уже буду далеко отсюда. А сегодня ты мне скрасишь вечер, – он закрыл дверь ногой, поставил фонарь, отхлебнул из горла бутылки. – Всегда хотел блондиночку, да только вы все благородные, куда нам с нашими немытыми рылами.

– Может, стоило бы хотя бы умыться? – усмехнулась, неотрывно следя за его передвижениями. Сама же в спешном порядке пыталась снять веревки с рук.

– Для тебя и так сойдет, – отрывисто бросил мужик. – Хочешь веревку снять? Давай, помогу. Люблю, когда отбиваются. Ты же будешь сопротивляться?!

Он подошел ближе, отхлебнул еще разок, видимо, для храбрости. Я села поудобнее (ноги еще плохо слушались) и молча протянула ему руки, а он выхватил нож из-за пояса и одним движением перерезал веревки. Я растерла руки, восстанавливая кровоснабжение.

– Ну что, красавица, поиграем, – спросил мужик, поигрывая ножом.

– Ты же хотел, чтобы я отбивалась?! – он усмехнулся и кивнул. – Нож тогда убери, а то мне страшно. Или боишься, что не сможешь без него справиться со слабой девушкой?

Мне действительно было страшно, как-то резко пришло понимание, что все это происходит со мной и на самом деле. Что никто не спасет, что ждать помощи неоткуда. Но помимо страха

была еще и холодная ярость. Как эта жалкая тварь даже думать может о том, чтобы ко мне прикоснуться?! Он хочет, чтобы отбивалась?! Что ж, он это запомнит до конца своей короткой жизни. Хорошо, что в сарае было темно, а то он никогда бы не сделал такую глупость, не выкинул бы нож в сторону входа.

– Мне не нужны помощники, – прокомментировал мужик свое действие.

Он сделал еще шаг, и я ударила его обеими ногами, попав каблуками по коленям. Жаль, не достала до паха. Он не ожидал, что сопротивление будет по-настоящему, зашипел, выплевывая ругательства. Но от задуманного не отказался, бутылка из его рук полетела в другую сторону, а сам он навалился на меня. Потный, грязный, с чудовищным запахом изо рта.

Я дралась, молча и остервенело, берегла дыхание, царапалась, и когда уже была морально готова выдавить насильнику глаза, какая-то сила сдернула его с моего тела. Не успела я опомниться, как меня обдало чем-то горячим, липким, залившим сразу все мое лицо. Воздух наполнился запахом и вкусом крови, а тишину разорвал предсмертный хрип. Тут моя психика все-таки не выдержала, сарай, и все окрестности вокруг огласились моим истошным визгом. Я подскочила и заметалась. Кровь, кровь, всюду была кровь, ненавижу кровь. В памяти вспыхнули картинки.

… кровавое месиво из еще недавно живого и любимого человека, вот он улыбается, поворачивает голову ко мне и в ту же секунду стальная балка пробивает стекло автомобиля и вонзается ему сначала в грудь, а потом сносит голову. И я кричу, так же надрывно, не обращая внимания, что неуправляемый автомобиль несется на встречную полосу…

– Хватит, – пара хлестких пощечин приводит меня в чувство. – Я думал, что вас, леди, уже ничего не может вывести из себя.

Передо мной стоял высокий худощавый мужчина, скорее всего, степняк, такой же черный и загорелый. Меня трясло, руки дрожали, я чувствовала, как засыхающая кровь стягивает кожу, к горлу подступил комок. Я судорожно вздохнула и согнулась в приступе жесточайшей рвоты. Кровь, везде кровь, даже в неясном свете фонаря, она будто была везде.

– Фу, спать будешь здесь же, – брезгливо произнес Ибрагим и повернулся ко мне спиной, собираясь выйти на улицу. Кинжал сам собой выпал мне в руки из частично разорванного корсажа. Я хотела вонзить его мужчине в шею, но он как-то почувствовал, отклонился и кинжал попал ему между ребер, надеюсь, хоть легкое задел.

– Сука! Дрянь благородная! Всегда вас ненавидел, – удар по лицу уже был чувствительным, в голове зашумело, а перед глазами поплыли звезды. – Тварь, если бы не распоряжение главного, я бы тебя на ленточки порезал.

Я отшатнулась от него в сторону, с замиранием сердца следя, как он одним движением вытаскивает мой кинжал из своего тела и идет к двери. А еще я надеялась, что снотворное все-таки подействует до того, как он закроет дверь с той стороны. Значит, его как-то надо задержать.

– На ленточки, говоришь?! Скорее я полюбуюсь, как ты сдохнешь на колу! Кажется, так у вас расправляются с преступниками?! И если кто и тварь, то это вы с этим мертвым уродом! – страшно было до подкашивающихся ног, до холодного пота по спине.

Он медленно повернулся ко мне, в глазах только одно желание – убивать. Сделал шаг, еще один, покачнулся. Я забилась в угол, паника накатывала все больше и больше, а вдруг снотворное не подействует?

– Ты! Что было на кинжале?! – прохрипел он, качаясь из стороны в сторону и поднимая кулак.

– Яд! Чтоб ты сдох! – крикнула я и сжалась в ожидании удара.

Грохот упавшего тела прорвал плотину, слезы брызнули из глаз. Усевшись в углу, обхватив колени руками, я сидела и рыдала. Мне не мешал труп, даже боязнь крови отступила куда-то на дальний план. Страх и жалость к себе уходили вместе со слезами. А вместо их пришло решение: я не буду дожидаться, пока слухи и сплетни заставят Двэйна разорвать помолвку. Я расскажу ему все сама, сдам этого бандита, и пусть он решает. Может, мать права, и переезд в другую страну будет лучшим выходом.

Глава 9

Я ехала медленно, покачиваясь в седле, луна освещала путь, вот только куда он вел, мне было неведомо. Да какая, впрочем, разница, в голове калейдоскопом проносились видения или, скорее, воспоминания, они хаотично накладывались на известный мне уже мир. Я ни о чем не хотела думать, ни о чем не хотела вспоминать, но прекратить это мелькание перед глазами было не в моей власти. Как все запуталось, даже на такой, казалось бы, простой вопрос: «Кто я?», невозможно было дать однозначного ответа. Только в одном я была уверена: меня зовут Анна, по иронии судьбы там, еще бы знать где, у меня было то же имя. Так, может быть, те воспоминания и не воспоминания вовсе? Может быть, это был долгий сон, где я успела прожить еще одну жизнь? Ведь, по словам миледи, я провела без сознания два месяца.

Коняга вышла на дорогу и замерла. Я огляделась и поняла, что даже не представляю в какой стороне город. Хорошо, что дорога от сарая и до этого перекрестка была одна, и мук выбора я не испытала. А что делать сейчас? Заночевать прямо на дороге? Предварительно скинув с тента сонного Ибрагима? Да, эту сволочь я с собой все же захватила. Мне не нужно было его раскаяние или прилюдное признание своей вины, даже чувство мести отошло на второй план. Меня он интересовал как источник информации, именно ради этого я пожертвовала на его рану одну из своих нижних юбок. Конечно же, не забыла его связать (и руки, и ноги), волоком перетащить на тент, а вот уже его привязать веревкой к седлу. Можно сказать, что степняк удобно устроился. Он путешествовал лежа, и даже камни с кочками не мешали ему, слишком глубокий был его сон.

Сейчас, глядя на перекресток, я поняла, что, в сущности, поступила опрометчиво, наверное, надо было остаться у сарая. Хотя об этом месте мог знать кто-то еще помимо двух бандитов, взять того же главного. А может, пока не поздно свернуть обратно в лес? В ответ на мои мысли вдалеке раздался тоскливый вой, подхваченный еще несколькими голосами. Нет, в лес соваться не стоит, от волков я точно не отобьюсь. Оглянулась на валяющегося в отключке степняка, если волки за нами погонятся, обрежу веревку, сделаю им подарок. Рядышком понуро брела еще одна лошадка, та, что была запряжена в телегу, на которой меня везли сюда. Сначала у меня была мысль воспользоваться телегой для возвращения назад, но запрягать лошадь в нее мне раньше не приходилось, да и вряд ли бы я смогла затащить туда раненого. Лошадка же уходить на волю не захотела, хоть я ее всеми силами

уговаривала.

Так что теперь у меня целых два трофея, добытых в неравном бою. А приятно, черт возьми! Я вскинула голову к незнакомому небу, улыбнулась чужим звездам. Как мало надо, чтобы пересмотреть жизненные ценности. Репутация? Слухи? Перешептывания за спиной? Как мало они значат по сравнению с жизнью и свободой. Свежий ветерок подхватил мои растрепанные волосы, принеся с собой запах луговых трав и шум стремительного ручейка. Да, умыться мне не помешает, если меня кто-то встретит в таком виде, то или сбегут, или убьют. Решено, поедем в ту сторону, откуда доносится шум ручья. Потянула за повод, конь беспрекословно подчинился. А ведь вначале боялся, шарахался, всхрапывал, думаю, это запах крови делал его таким нервным. Сейчас запах немного выветрился, кровь коркой застыла на моей коже и на платье. Со степняка я сняла камзол, он был почище, чем у покойника, а мне в легком платье ночью было холодно.

До небольшого моста через ручей мы добрались быстро, перебравшись через него, съехали немного с дороги в тень деревьев. С недавних пор я начала понимать, что страшнее всего ночью встретить не зверя, а случайного человека. Привязав коня к дереву, спустилась к ручью. Отмывалась я долго, у меня заледенели руки, а щеки будто покрылись инеем, но я все терла и терла, стараясь смыть с себя даже воспоминание о чужой крови на моей коже. Попыталась замыть кровь с платья, но сделала только хуже. Так хотелось сорвать его и сжечь, но ходить голой – не выход. Окончательно промокнув и замерзнув, я все-таки вернулась к лошадям.

Кутаясь в камзол, я отстраненным взглядом проводила проскакавшую мимо нас кавалькаду из нескольких всадников.

* * *

Известие о похищении Анны застало Двэйна на работе. Он торопился все доделать, раздать все распоряжения, чтобы целый день провести в обществе девушки. Известие принес человек, который втайне ото всех присматривал за домом невесты, он же и проследил до выезда из города за похитителями. Вмешиваться не стал: один мало что может сделать против трех человек, да и девушке, по словам похитителей, ничего не угрожало. Когда они выехали за город, а один из похитителей, он же бывший охранник леди, вернулся обратно, Тень, прицепив магический маячок к телеге, побежал к лорду.

И вот герцог уже не первый час объезжает с отрядом окрестные дороги, кто же знал, что действие магического маячка такое недолговечное. В душе с каждой минутой зрело отчаяние, не помогали подбадривающие слова друга, который, едва узнав о случившемся, порывался сам повесить всех виновных. В другой раз Двэйн и сам бы ему помог, но на кону стояла жизнь Анны, поэтому он просто распорядился всех охранников посадить под арест. Теперь их жизни зависели от того, как быстро он найдет девушку. Он так и не понял, что заставило его оглянуться, когда они проезжали мост. Луна, выйдя из-за облаков, осветила стоящую на обочине фигуру. Сердце кольнуло, тревожно забившись в груди, он натянул поводья и развернул коня, мысленно уговаривая себя, что он просто спросит у путника о телеге.

– Анна! – буквально слетел он с коня рядом с девушкой, не веря, что это все же она. Он хотел сжать ее в объятиях, целовать, повторять ее имя, но наткнулся на выставленную вперед руку девушки.

– Осторожнее, лорд, вы испачкаете камзол, – холодный и безжизненный голос остановил его вернее ледяной руки.

Только тут он обратил внимание, что платье девушки чем-то испачкано, даже при свете луны темные пятна ярко выделялись на светлом фоне. В нос ударил запах крови. Будь Двэйн более суеверный, он заподозрил бы, что девушки уже нет в мире живых.

– Да демон с камзолом, – отбросил он все сомнения и сжал Анну в своих руках. Живая! Мокрая, холодная, измученная, но живая. – Вы не ранены? Вы совсем заледенели! Как вы здесь оказались? Чья это кровь?

– Я цела, чья кровь не знаю, он почему-то не счел нужным представиться, – даже этот саркастический тон порадовал лорда, пусть выговорится, а еще лучше поплачет, чем дальше загонять себя в это подобие жизни. – Спросите у Ибрагима, он точно знает, как того звали.

– У кого?! – гаркнул над ухом Саид, каким-то образом оказавшийся рядом.

– У степняка вашего или не вашего, там, на тенте валяется, – хмыкнула девушка, Двэйну с каждым ее словом становилось все страшнее. Что же пришлось перенести Анне, если у него возникает чувство потери? Будто бы что-то светлое в ней ушло навсегда, а может, наоборот, стресс всколыхнул память?

– Не надо, лорд, мне уже лучше, а вы промокли из-за меня, – высвободилась она из его рук, не разрешая себя гладить. – Мне надо вам кое-что сказать. Лучше, если это сделаю я, чем потом услышу эти слова от вас.

– Анна, как вам удалось справиться с двумя сильными мужчинами?! – бесцеремонно влез князь, он успел уже сбегать и посмотреть на пленного. О ком еще могла говорить девушка?

– Они почему-то тоже думали, что я не представляю опасности, – холодная полуулыбка, взгляд, устремленный на звезды и тоска, непередаваемая тоска в глазах. Как тогда, в ее музыке. – А получилось что один уже труп, второй почти.

– Анна, вы что-то вспомнили из прошлого? – задал вопрос в лоб Двэйн. Ответа не последовало, но потому, как Анна вздрогнула, покачнулась и закрыла лицо руками, было все понятно.

– Это неважно. Я хотела сказать, что снимаю с вас данное мне слово. Вы вольны расторгнуть нашу помолвку в любое время.

– Анна, о чем вы говорите? Я не хочу расторгать помолвку. Что на вас нашло? – в голове у Двэйна крутились тысячи мыслей, но все они сводились к одной, как вытащить Анну из этого состояния?

– Я знаю, вы благородный человек и никогда бы не отказались от своего слова. Но подумайте о том, что начнут говорить уже завтра обо мне? Неужели вы хотите, чтобы ваше имя смешивали с грязью?

– Анна, – Двэйн все-таки прижал ее к себе, подавив слабое сопротивление. – Мое имя уже лет десять с чем только не смешивают, неужели вы думаете, что злые языки заставят отказаться меня от самой лучшей девушки на свете?

– А король? Ведь он может расторгнуть нашу помолвку, а еще есть дед и родители, – всхлипнула у него на плече Анна.

Она права, об этом Двэйн не подумал, а ведь герцог Анзорский слов на ветер не бросает. Если сказал, что случись что-нибудь с Анной, помолвку расторгнет в тот же миг, то, значит, так и будет. Король не пойдет против человека, который уже столько лет наполняет казну государства и хорошо наполняет, а главное, люди довольны. Видимо, девушка приняла его молчание за согласие и опять попыталась вырваться. Нет, ее он не отпустит, ему не раз доводилось видеть такую пустоту в глазах людей, они редко доживали до утра, если оставались наедине с собой и своими мыслями.

– Анна, все будет хорошо, мы что-нибудь придумаем.

– Леди Анна, я могу сказать вам пару слов? – Саид и не думал отходить в сторону. Торжественность в его голосе заставила Двэйна нахмуриться.

– Говорите, князь, – развернулась к Саиду девушка.

Князь Мансур не привык терять время, вся его жизнь была подчинена желаниям. И сейчас он не просто хотел Анну, но

собирался бороться за эту девушку. Какой степняк не мечтал привести в свой дом валькирию? Деву, чей облик подобен богам, а храбрость можно воспевать в песнях.

– Анна, я прошу вас стать моей женой. Меня не волнуют сплетни или запреты вашего короля. А если захотите, я увезу вас в любую страну, построю дом в любом, указанном вами месте. У меня хватит денег, чтобы нам прожить всю оставшуюся жизнь в роскоши. Клянусь, я никогда больше не назову другую женщину своей женой или наложницей. Обещаю каждый день усыпать наше ложе лепестками роз.

Двэйн замер, рука сжалась на талии Анны, он не вправе еще принимать решение за нее. Но чтобы она ни ответила, друга он уже потерял. В глазах Саида застыло упрямое выражение, говорящее, что в любви каждый сам за себя. И Двэйн его хорошо понимал, он сам бы боролся до последнего. Так почему же он сейчас молчит и ждет ответа Анны, почему не кричит во все горло, что любит и готов принять ее любую. Что готов ждать, сколько потребуется, только бы она осталась с ним. Наверное потому, что она должна сама решить, кто ей нужен.

* * *

Я смотрела на преклонившего колени князя, слушала его красивую речь, которую мечтает услышать каждая женщина. Но в душе всколыхнулась только горечь, не от него я ждала таких слов, не его признаний хотела. На талии сжалась рука Двэйна, намекает, что неплохо бы ответить? Может, он считает это лучшим выходом из сложившегося положения? Думает, если пристроит меня сразу же замуж, то его совесть будет спокойна? Не знаю. Но я не могу обнадеживать человека, которого не люблю и вряд ли смогу когда-нибудь полюбить. Слишком глубоко в душу запали стальные глаза, точно такие же, как из моего то ли сна, то ли яви. Но ответить все же надо.

– Спасибо, князь. Ваши слова очень лестны, но я не могу даже пообещать подумать над вашим предложением, моя душевная травма долгое время будет связывать вас и того степняка. К тому же, прежде чем вы решитесь на повторное предложение, не забудьте захватить с собой доказательство вашей непричастности к этому похищению.

Получилось грубо, но сейчас я действительно не могла его видеть. Хотелось окунуться в горячую ванну и не вылезать, пока запах крови полностью не пропадет.

– Извините, господа, я хотела хотя бы до рассвета попасть

домой. А вас, думаю, больше заинтересуют показания Ибрагима, – комок стоял в горле, хочу остаться одной, чтобы оплакать потерянную любовь. Только какую? Эту или ту, из сна? А может она одна?

– Анна, – Двэйн развернул меня к себе лицом. Боже, как же они похожи, как мне тяжело смотреть в родные глаза, которые почему-то забыли, как надо смеяться. – Вы красивая, умная, храбрая девушка. Когда я делал вам предложение, то собирался предложить свое состояние и защиту, но теперь понимаю, что они вам не нужны. Денег у вашей семьи даже больше, чем у короля, а справиться с двумя вооруженными бандитами сможет не каждый мужчина. Мне нечего вам больше предложить. Если вы только согласитесь принять мою любовь и уважение? Желание рука об руку пройти вместе жизнь?

Я видела, как тяжело ему дались эти слова, он привык никого не пускать в свою душу. Но и потерять его второй раз я не могу, просто не переживу. И неважно, что это был сон или что-то другое, главное, что я люблю его и он рядом.

– Мне ничего другого и не нужно, Двэйн. Если только детей, похожих на нас, – договорить он мне не дал, впиваясь в губы поцелуем.

Крепко сжимая в руках, он шептал ласковые слова, просил верить ему. Смешной, ему я верила даже больше чем себе. Все это прорвало ледяную плотину, сковавшую мою душу, слезы потекли по щекам. Я уткнулась ему в плечо, руки жениха гладили, успокаивали, вселяли уверенность, как и его слова.

– Вы тут всю ночь провести собираетесь? – раздался обиженный голос князя.

– Саид прав, ты устала, а нам еще столько надо успеть до рассвета. Поедешь со мной, по дороге поспишь, – с неохотой разжал объятия Двэйн.

– А что нам надо успеть? Этот, – взмах руки в сторону похитителя, – до утра вряд ли очнется, снотворного на кинжале много было. Единственное, что я сейчас хочу – это горячую ванну. Ну и чистую одежду с кроватью.

– Точно, нужно же платье, в этом не пустят в храм. Саид, у тебя есть возможность оправдаться перед леди Анной, – улыбнулся Двэйн. У него сверкали глаза, как будто он сбросил какие-то оковы.

– Стоп, какой храм? Куда мы собираемся? И как князь может оправдаться?

– Любимая, мы с тобой утром женимся, а князь привезет платья из твоего дома. Ты не против?

Я онемела – так сразу и замуж. Я люблю Двэйна, мне он

очень нужен, но замуж? У меня нет сомнений, но вдруг они остались у лорда? Вдруг он принял это решение под давлением обстоятельств? Почему-то мне кажется, если бы не предложение князя, то он бы не сделал такой шаг.

Двэйн же воспринял мои сомнения несколько по-своему.

– Анна, – обнял он меня, тихо говоря на ухо, чтобы никто ничего не услышал. – Я понимаю, вы подверглись насилию, вам тяжело, наверное, даже подумать о близости с мужчиной. Но обещаю, я не прикоснусь к вам и пальцем, пока вы не будете готовы к этому. Если мы не поженимся утром, ваши родственники уже к обеду расторгнут нашу помолвку, а я не хочу вас потерять.

– Двэйн, спасибо. Но подвергнуть меня насилию они не успели, – мне было неловко об этом говорить, но хотелось, чтобы он знал правду. – И вы уверены, что потом не будете жалеть о своем скоропалительном решении?

– Не буду и сделаю все, чтобы вы тоже о нем не пожалели. А насилие, я говорил о ситуации в целом. Но я очень рад, что ничего непоправимого не случилось. Так вы выйдете за меня замуж?

– Выйду, – ответила, улыбаясь. Да и как можно было сказать что-то другое любимому человеку? Он подхватил меня на руки, поцеловал и посадил в седло, а потом сам запрыгнул следом.

– Тогда домой? – спросил он, улыбаясь.

– Домой. Только надо вон ту коняжку с собой взять, это мой трофей, – кивком головы показала на жеребца Ибрагима.

– А с лошадью что делать?

– Заберите себе в управление или продайте. Она на свободу не захотела, – я удобнее устроилась, прислонившись боком к груди Двэйна, расположив голову на его плече. – Я вам не мешаю?

– Вы мне никогда не помешаете, – прошептал лорд, крепко обнимая меня одной рукой.

– Ловлю вас на слове. Считайте, что ваш кабинет уже подвергся набегу.

– Какой кошмар, на ком я собрался жениться?! – рассмеялся герцог. – Другие девушки первым делом фамильные драгоценности жаждут проверить, а моей невесте подавай документы. Надеюсь, вы согласитесь сначала посетить кухню? Не знаю, как вы, но я сегодня даже не обедал.

– Да, я бы тоже чего-нибудь съела. Но в ванну хочу больше, – сказала я, пряча зевок в вороте рубашки жениха. Рядом с ним я ничего не боялась, поэтому сон навалился незаметно.

* * *

Двэйн смотрел на уснувшую девушку, доверчиво прижавшуюся к нему, и понимал, что сдержать свое обещание не прикасаться даже пальцем, будет очень тяжело. Но он выдержит, главное, что Анна будет его женой. А чтобы она быстрее к нему привыкла, есть хорошая идея. Улыбнувшись своим мыслям, Двэйн удобнее перехватил поводья, чтобы была возможность обнимать невесту двумя руками.

Князь Мансур искоса поглядывал на счастливую парочку, его душила злость и обида. Почему не он первый встретил Анну? Тогда у Двэйна не было бы шансов заполучить такую девушку. Но боги или демоны распорядились именно так, даровав его другу то, что сам Саид искал всю жизнь. Что ему оставалось делать в такой ситуации? Убить друга и забрать его невесту? Будь на месте Двэйна другой человек, возможно, князь так и поступил бы. Но с Двэйном они вместе росли, Саид подолгу жил в его доме, их отцы тоже дружили. Как бы не было обидно и больно, князь Мансур не мог предать память отца, не мог сделать подлость своему другу. Если бы Анна дала бы хоть малейший намек, что он ей симпатичен, Саид выкрал бы ее и у герцога Варрийского. Но нет, девушка видела перед собой только Двэйна. Смешно сказать, у него, Саида, было много женщин, но ни одна не смотрела на него так, как смотрела Анна на своего жениха. И дело не в любви или обожании, в ее глазах было безграничное доверие. Зато его она сразу заподозрила во всех грехах. И оказалась почти права, он хотел ее похитить, но никогда и никому бы не доверил это дело. По традициям его родины жених должен сам добыть себе невесту, без чьей-либо помощи. И раньше он был уверен, что любая будет счастлива стать его женой, достаточно предложить. Но, как оказалось, любая не нужна ему, а Анне не нужен он.

Может, он в чем-то не прав? Возможно, не всем женщинам подавай красивые слова и дорогие подарки? И настоящая любовь она вот такая, когда любят не за что-то, а вопреки всему, закрыв глаза на условности, традиции, сплетни и осуждающие взгляды? Решение далось Саиду с трудом, обида и горечь никуда не делись, но он все же поступит по чести, не запятнает свой род предательством. Он организует другу достойную свадьбу, раз уж пелена счастья помутила его разум. Надо будет многое успеть до рассвета, но разве его когда-то пугали трудности? А потом он уедет, говорят, время и расстояние лечат душевные муки, что ж, у него будет возможность это проверить.

* * *

Проснулась, когда меня снимали с лошади, Двэйн старался это сделать осторожно, но я все равно открыла глаза.

– Приехали, – улыбнулся он. Мне показалось, или он тоже нервничает из-за нашей скоропалительной свадьбы? – Не хотел вас будить, Анна. Но думаю, на кровати спать будет удобнее.

– Тогда поставьте меня на землю, чтобы я могла быстрее добраться до столь нужного предмета мебели, – улыбнулась в ответ.

– Не думаю, что это хорошая мысль, вы два часа провели в седле. Да и до этого у вас была тяжелая ночь. Я сам вас донесу, – и понес.

Только тогда я обратила внимание, что мы находимся рядом с незнакомым домом. Он чем-то напоминал наш, но был не такой старый. Если наш дом сразу давал понять о древности рода, то дом Двэйна говорил, что понятие красоты и удобства его обитателям не чуждо. Несмотря на ночь, фонари неплохо освещали дом и прилегающие к нему дорожки. Я с интересом рассматривала строение, которое уже через несколько часов должно стать моим жилищем на долгие годы. И пока увиденное мне нравилось, хотя мне понравилось бы почти все, главное, чтобы Двэйн был рядом.

Дверь нам открыл пожилой мужчина, видимо, дворецкий, он неодобрительным взглядом окинул нашу композицию.

– Вы сегодня поздно, милорд, – склонился он голову в приветствии, делая вид, что меня нет.

– Джеймс, распорядись приготовить миледи горячую ванну в моих покоях. Также пусть принесут чего-нибудь поесть и побольше, у нас была тяжелая ночь. Приедет Саид, привезет вещи леди, его тоже накормите. А вообще, будите всех, пусть приведут дом в порядок, украсят там, приготовят чего-нибудь эдакого. В общем, не мне тебя учить, как организовывать праздники.

– Простите меня милорд, я, видимо, запамятовал. Вы не могли бы напомнить мне, какой сегодня праздник, чтобы я мог достойно его подготовить?

– Свадьба. Моя. То есть наша с леди Рибианной. Любимая, это Джеймс, дворецкий. Джеймс, эта леди отныне твоя хозяйка. Если я услышу, замечу, или леди мне пожалуется на неуважение со стороны прислуги, уволю без выходного пособия любого, невзирая на прежние заслуги.

Я видела по глазам жениха, что он не шутил, это понял и Джеймс. Дворецкий склонился ниже, чем прежде и произнес ритуальную фразу, как если бы мы уже были супругами.

– Добро пожаловать, миледи! Счастлив видеть вас дома.

– Рада познакомиться, Джеймс.

– Ну все, со знакомством закончили, все остальное потом. И, Джеймс, горячая ванна и еда – это очень срочно.

– Ванну наполнят сейчас же, вы же знаете, я всегда поддерживаю запас горячей воды, когда вы задерживаетесь на работе. С вашего позволения, милорд, – Джеймс еще раз поклонился мне и ушел выполнять распоряжения своего лорда.

А мы стали подниматься по лестнице, точнее, поднимался Двэйн, я же все так же была у него на руках. Честно сказать, мне даже стало любопытно, как долго он сможет меня нести? Ведь я не похожа на худосочных благородных девиц. Любимый мужчина легко вбежал со мной на второй этаж и дальше по коридору направо, причем у него даже не сбилось дыхание. Как же приятно, что будущему мужу твой вес не кажется большим. Но один вопрос не давал мне покоя.

– Двэйн, а почему вы сказали наполнить ванну в ваших покоях? – я не была против, просто он обещал немного подождать, да вот хотя бы до свадьбы и надо.

– Анна, это не то, что вы подумали. Понимаете, буквально вчера я распорядился полностью обновить женскую половину хозяйского крыла дома. Всю мебель вынесли, завтра должен был приехать художник по интерьеру. Я же не могу поселить вас в гостевых комнатах, это вызовет еще больше кривотолков. Но вы не бойтесь, своего обещания я нарушать не буду. Я вполне могу устроиться на диване в гостиной.

У Двэйна был такой честный и в то же время тоскливый взгляд, что оставалось ему только поверить. Я улыбнулась, до свадьбы пусть поспит на диване, за парочку часов ничего с ним не случится, а потом… Щеки окрасились румянцем от нескромных мыслей. Вообще-то мое воображение дошло только до того места, где мы спим в одной кровати в обнимку, о дальнейшем думать не хотелось. Теоретически я знала, что происходит между мужем и женой, еще и воспоминания подсовывали картинки пикантного содержания, но страх все равно был. Наверное, Двэйн прав, надо немного подождать, привыкнуть друг к другу, и сон в одной кровати этому будет более способствовать.

Если в коридоре был полумрак, то в гостиной, куда внес меня Двэйн, и вовсе темно. Только немного света проникало через окна от уличных фонарей, ровно столько, чтобы не наткнуться на мебель.

– Вот мы и дома, – поставил меня на пол любимый мужчина.

Он не спешил отпускать меня из объятий, как и зажигать свечи. Последнее меня даже радовало, представляю, на кого я стала похожа после всего случившегося, впору людей пугать. Но, видимо, Двэйна мой внешний вид не пугал, он склонился ко мне

с нежным поцелуем.

– Милорд? – в распахнутую дверь вошла женщина, принеся с собой свет и разочарование, нам в тот момент никто не был нужен. – Вам ужин накрыть здесь?

По-моему, глупее вопроса женщина просто не смогла придумать за столь короткий срок. Ведь явно ей было любопытно взглянуть на будущую хозяйку. Или она не поверила Джеймсу и решила проверить самостоятельно?

Меня окинули оценивающим взглядом, не пропустив ни дюйма, и, судя по всему, женщину я не впечатлила. Но ее мнение меня совершенно не заботило, буду я еще нервничать оттого, что не понравилась прислуге.

– Лаура, я уже все сказал Джеймсу, не надо спрашивать меня повторно. Ты же знаешь, я этого не люблю, так что не порть мне настроение, – раздраженно ответил Двэйн. – Свечи поставь на стол и можешь идти отдыхать, у меня достаточно молодых слуг, тебе не нужно каждый раз дожидаться меня самой. А скоро эта почетная обязанность ляжет на плечи моей драгоценной супруги.

Двэйн подмигнул мне и улыбнулся, я ответила ему тем же.

– Двэйн, ну что за глупости ты говоришь, чтобы леди и ждала всю ночь? Да даже ваша матушка, вот уж была истинная леди, и то ложилась спать, не дожидаясь милорда. А эта, ты уверен, что эта девушка будет тебе достойной супругой? Заявиться в дом жениха в таком виде? Может, пока не поздно, тебе стоит выбрать девушку поприличнее?

Сказать, что я лишилась дара речи после таких слов, это ничего не сказать. Я переводила опешивший взгляд с Двэйна на эту Лауру и пыталась понять, по какой причине она так разговаривает со своим лордом, да еще и на «ты» называет. Впрочем, ответ нашелся быстро.

– Все, Лаура, хватит! Я терпел твои выходки и нотации, потому что обещал матери позаботиться о тебе. Но то, что ты год кормила меня грудью, не дает тебе право распоряжаться в моем доме. Завтра, нет, сегодня ты собираешь свои вещи и уезжаешь жить в дом, который я тебе подарил еще десять лет назад. Пособие я тебе назначу до конца жизни, в деньгах нуждаться не будешь.

– Двэйн…

– Для тебя лорд Двэйн или милорд, – рявкнул мой будущий муж.

– Милорд, но как же так, я же всю жизнь только о вас заботилась. Я же уделяла вам больше времени, чем своим детям. Для меня вы же, как сын. Это все она! Она вас приворожила, заколдовала! – кажется, Лаура с горя сошла с ума. У нее

затряслись руки, особенно та, которой она тыкала в меня пальцем.

– Уйди, Лаура! Не доводи до греха! Джеймс, проводи ее и проследи, чтобы она сегодня же покинула этот дом, – только сейчас я заметила, что у двери мнется дворецкий. Лаура не стала дожидаться его, выбежала из комнаты, заливаясь слезами.

– Джеймс, проследи, чтобы Лауру отвезли со всеми удобствами. Пусть возьмут одну из карет, а еще, чтобы она собрала все свои вещи. Ты же помнишь, чем закончилась моя прошлая попытка отправить ее в деревню, – уже спокойнее продолжил Двэйн.

– Будет исполнено, я пришел сказать, что ванну наполнили, ужин сейчас принесут, – дворецкий с поклоном удалился, прикрыв за собой дверь.

– Анна, прости меня. Лаура моя бывшая кормилица и нянька, ей многое позволялось, но она все же перешла грань дозволенного. Такого больше не повторится, обещаю, любимая, – вид у Двэйна был раздосадованный и виноватый.

Он серьезно полагал, что меня расстроила такая встреча. Если бы это случилось до похищения и попытки изнасилования, я конечно бы обиделась, но сейчас мне было просто неприятно оттого, что Двэйну пришлось все это выслушать.

– Двэйн, это только начало, я еще не раз услышу о себе такое, а то и что-то похуже. Так стоит ли принимать это так близко к сердцу? – я ласково провела по его щеке, улыбнулась, заглядывая ему в глаза. – Тем более из всего произошедшего мне больше запомнилось, что мы перешли на «ты». Или это была просто оговорка?

– Нет. Ближе тебя, Анна, у меня никого нет, поэтому я хочу, чтобы между нами не стояло это официальное «вы». Мои родители друг к другу обращались на «ты» и я им в детстве очень завидовал, ведь мне приходилось говорить им «вы». Мой отец смеялся над моими обидами, говорил, когда вырасту, женюсь и тогда мне тоже будет кого называть на «ты». Пойдем, я покажу тебе, где ванна, пока вода не остыла. А еще я не позволю тебя обижать, никому. Ты мне веришь?

Захотелось столько ему сказать, а еще больше сделать, но боюсь, до ванны я тогда не доберусь, да и до свадьбы надо все же потерпеть с признаниями и поцелуями. Поэтому я просто прислонилась лбом к его груди, тихо прошептав, что ему я верю.

Ванна имела привычный вид, хотя воспоминания подсовывали картинки, где ванная комната смотрелась несколько иначе. Особенно мне в них нравилось, что вода там текла из трубы. Интересно, а что если попытаться воплотить сон в явь?

– Полотенца здесь, а тут всякие масла, бальзамы, мыло. Я этим не часто пользуюсь, но Лаура всегда держала запас, потому что так полагается в богатом доме, – усмехнулся Двэйн. Мне показалось или он немного смущен? – Тебе помочь снять платье? Или лучше позвать служанку?

Понятно, все-таки смущен, мне тоже стало неловко, служанку одну я уже сегодня видела, так что других встречать мне не хотелось.

– Не надо служанку, я сама справлюсь, только помоги развязать корсет, – покраснела, но, надеюсь, при свете свечи это было не видно.

– Анна, зачем ты его вообще стала носить? У тебя замечательная фигура, – прохладный воздух коснулся обнаженных плеч, когда Двэйн снял с меня камзол Ибрагима. Потом его руки быстро пробежались по застежкам платья, и оно опало к моим ногам, оставив меня в корсете и нижней юбке. Только сейчас я вспомнила, что одну из них извела на повязку похитителю и теперь оставшаяся просвечивается. – Знаешь, я, наверное, пойду, посмотрю, как накрывают на стол. Тебе больше не нужна моя помощь? Волосы, например, помыть? Они у тебя такие длинные, густые, восхитительные.

Двэйн стоял напротив меня, глаза его потемнели, а руки застыли на полпути к моим волосам, которые я начала расплетать, чтобы хоть как-то скрыть смущение.

– Я все-таки пойду, – пробормотал мужчина и несколько неуверенно двинулся к выходу.

– Двэйн, извини, но ты забыл корсет развязать, – пискнула я, когда поняла, что он сейчас так и уйдет, а мне тогда в корсете, что ли, мыться?

– А? Да, отвлекся, – тяжело вздохнул мужчина. – Ты так и не ответила, зачем ты его вообще начала носить? Леди Алисандра заставила?

– Нет, маменька пыталась, но я не поддалась ни на уговоры, ни на угрозы, – рассмеялась, вспоминая, сколько фальшивых слез было пролито из-за этого корсета. – Просто это единственное место, куда удобно прятать кинжал. Знаешь, с твоей работой я, наверное, и дальше буду носить корсеты.

– Это намек на то, что я не могу позаботиться о безопасности собственной семьи? – нахмурился Двэйн.

– Нет, это намек на то, что козырь в рукаве всегда должен быть, – улыбнулась. – А еще я знаю хорошую поговорку, не знаю, чья она, но звучит так: «На бога надейся, а сам не плошай».

– Мне нравится, – загадочно улыбнулся он, пропуская меж пальцев мои волосы. – Мне кажется, в нашем случае бог сделал

все, что мог. Осталось дело за нами.

Глава 9

Двэйн ворочался на диване, несмотря на усталость, ему не удавалось уснуть. Перед глазами стояла Анна с мокрыми распущенными волосами, застенчиво кутаясь в большое полотенце.

– Двэйн, мне бы халат какой-нибудь, а в шкафчике я его не нашла.

Он нашел халат, еще раз предложил свою помощь, втайне надеясь, что Анна согласится и позволит хотя бы прикоснуться к своему телу, но девушка смутилась и убежала одеваться в ванну. Двэйн понимал, что одного взгляда или прикосновения ему не хватит, и вряд ли он сможет остановиться, получив доступ к такому желанному телу. Но одно дело понимать, а другое – перестать мечтать. А потом был поздний ужин или почти ранний завтрак. Двэйн старался думать только о еде, но получалось плохо. Анна сидела рядом, улыбалась и смотрела на него влюбленно застенчивым взглядом, какие в такой ситуации могут быть мысли о еде.

Лорд перевернулся на другой бок, сокрушаясь в душе, что диван жесткий, надо либо его менять, либо поскорее перебираться обратно на свою кровать, под бок к будущей жене, последнее было предпочтительней. Но усталость все-таки брала свое, глаза стали закрываться, когда ему послышался чей-то плач. Для собственного успокоения он решил проверить, все ли в порядке у Анны. Вдруг она тоже не может уснуть или того хуже, вспомнила, чего ей чудом удалось избежать. Он тихо вошел в спальню, возможно, ему просто послышался плач, не хотелось бы в таком случае разбудить девушку.

Анна действительно спала, скрутившись комочком под одеялом, и плакала во сне. Двэйн растерялся, не зная, как поступить. Если разбудить, придется долго объяснять, что он тут делает, а потом еще и успокаивать расстроенную сном девушку, а до рассвета им все же нужно отдохнуть. Решение пришло не сразу, но угрызения совести его не мучили. Он забрался под одеяло, осторожно обнял Анну, ласково поглаживая ее по голове. Девушка несколько раз всхлипнула и затихла, уткнувшись носом ему в плечо. Странно, но рядом с Анной ему стало намного спокойнее и воображение уже не терзало его помыслы. Единственное, о чем он успел подумать перед сном, что надо было надеть рубашку, с другой стороны – ему все равно объяснять Анне, что он делает с ней в постели. Так что наличие или отсутствие рубашки вряд ли на что-то повлияет.

* * *

Отдохнуть у меня не получилось, сны были один другого страшнее, правда, в какой-то момент они резко закончились. Но если я думала, что теперь уж точно ничего мне не помешает выспаться, то это оказалось не так. Меня разбудил громовой, возмущенный вопль князя Мансура.

– Вы что еще спите?! Я тут стараюсь, бегаю, свадьбу им организовываю, а они спят, да еще и вместе! – вот зачем так кричать, я потянула себе на голову одеяло, прижимаясь к горячему телу. От осознания того, что я в постели не одна, глаза сами собой распахнулись, а с меня слетели последние остатки сна. – Леди Анна, я был о вас лучшего мнения, вы просто разбили мои мечты!

– Князь, какого демона вы делаете здесь? – гневно прохрипела я, кажется, все-таки простыла. Такой же вопрос я хотела бы задать Двэйну, но он, обхватив меня рукой, продолжал спать дальше.

– Что, свадьба вам уже не нужна? Вижу у вас и так все хорошо. Зря я только все готовил, эх вы! – князь повернулся, чтобы уйти.

– Князь, подождите. Свадьба не отменяется, а судя по двусмысленной ситуации, даже приближается. Подождите в гостиной, пожалуйста, я сейчас разбужу Двэйна и будем собираться. Вы какое платье привезли? А, впрочем, без разницы, у меня все равно надеть нечего.

– Не надо меня будить, – пробурчал Двэйн. – Что же вы так шумите? Саид, ты всегда делаешь преждевременные выводы. Анна, извини, что лег с тобой, но ты во сне плакала, я не мог оставить тебя одну. Саид, ты еще здесь? Тебе надо объяснять, что Анна не может встать с кровати, пока ты не уйдешь?

Князь нахмурился, что-то сказал на своем языке и вышел, хлопнув дверью. Двэйн тут же навис надо мной, ярко улыбнулся и сказал:

– С добрым утром, любимая, – нежный поцелуй заставил забыть плохие сны, а также все вопросы, которые я хотела уточнить у Двэйна. – Так не хочется вставать, но мы скоро сюда вернемся.

– А как же прогулка? – с улыбкой спросила у него, понимая, что сегодня ни на какую прогулку не хочу. Мысль о том, что мы вернемся после свадьбы в постель, вызывала волнительные эмоции и чувства.

– Для тебя сегодня все, что угодно. Скажешь на прогулку, поедем гулять, – кажется, мы сегодня можем на свадьбу не

попасть. Двэйн увлекся моим ушком, а его руки прокладывали путь под халат.

– Двэйн, нас ждут, – напомнила я ему, жмурясь от приятных прикосновений.

– Да, потом продолжим, – тяжело вздохнул Двэйн и встал с кровати.

Я впервые увидела его полуголым, да и вообще раньше видеть полуобнаженных мужчин мне не приходилось. Щеки раскраснелись, появились нескромные желания, захотелось, чтобы он вернулся обратно. Меня даже охватила легкая досада, ведь лежал рядом, а я так и не пощупала все эти мышцы. Неудивительно, что он с такой легкостью меня донес. Ой, а вон тот шрам, как он только выжил после такого ранения?

– Анна, я сейчас пришлю служанку, чтобы она помогла тебе собраться, – потянулся Двэйн, делая комплекс упражнений, заставляя меня захлебнуться слюной от потрясающего зрелища.

– Хорошо, Двэйн, – выдавила я, любуюсь тем, что в скором времени будет моим. Двэйн заметил мой интерес, глаза его сверкнули, а на лице расплылась довольная улыбка.

– Анна, я пошел, посмотрю, что там задумал Саид, – подмигнул он мне и вышел.

Фух, хоть дыхание перевести, может, ну ее, прогулку? Что-то мне очень захотелось вернуться после свадьбы сразу сюда, чтобы была возможность детально исследовать Двэйна.

Долго предаваться мечтам мне не дали, буквально сразу в дверь вошла Наденька с ворохом вещей.

– Миледи, с добрым утром, – пролепетала она, отводя от меня смущенный взгляд.

На ее лице было написано точно такое же осуждение, как и у князя. Оправдываться было глупо, она же видела, что герцог вышел из спальни почти раздетым, да и смысла не было. Эх, где мое доброе имя? Хотя для меня главное, чтобы Двэйн в меня верил.

– Доброе, Наденька, доброе. Князь Мансур не только платье привез, но и тебя захватил? Что ж, в уме ему не откажешь, – я поднялась с кровати, поправляя халат.

– Князь все ваши вещи приказал собрать и привезти сюда, – уточнила Надя, аккуратно развешивая платье на кресле. – Скажите, миледи, а в какую комнату их принести? И я хотела бы знать, мне оставаться с вами или вернуться в дом герцога Анзорского?

– Пусть принесут в эту комнату, думаю, у лорда Двэйна найдется для них свободное место в гардеробе. А насчет тебя, Надя, я была бы рада, если бы ты осталась, но решай сама.

– Вы будете жить в одной комнате с лордом? – удивилась служанка, видимо, это ее задело сильнее, чем собственная судьба. – Но ведь дом большой, почему он не выделит вам покои?

– Открою тебе страшную тайну, когда любят друг друга, то хотят все время быть вместе, – рассмеялась я над опешившим взглядом Нади. – Так ты останешься?

– Конечно, я вас не брошу!

– Тогда займемся делом, мы и так опаздываем. А дворецкому я скажу, чтобы он подыскал для тебя хорошую комнату.

– Миледи, а можно вопрос? – спросила Надя, берясь за расческу. Я же присела на пуфик перед зеркалом и рассматривала свое лицо, очень боясь обнаружить там синяк от удара Ибрагима. Но бог миловал, была только легкая припухлость на скуле рядом с кромкой волос, думаю, пары завитков будет достаточно, чтобы это прикрыть. – А вы точно любите герцога?

– Очень, а почему ты спрашиваешь?

– Ну, у нас ходят слухи, что это он вас выкрал, после того как вы отказались выйти за него замуж. А когда приехал князь за вещами, ни у кого по этому поводу даже сомнений не осталось, все думают, что он вас заставил.

Вот это новость, получается, Двэйн спасал меня от пересудов, а теперь его обвиняют в бесчестии, причем в этом уверен даже лучший друг. И самое интересное, что выхода из этой ситуации нет, поженимся или нет, все останутся при таком же мнении. Ну нет, из-за каких-то разговоров глупых людишек я не собираюсь отказываться от Двэйна!

– Это неправда, Надя. Лорд спас меня и из благородных побуждений решил ускорить нашу свадьбу.

– А может, он сам это провернул? О нем столько говорят и ничего хорошего, скажу я вам!

– Надя, оставим этот разговор, я не собираюсь от тебя выслушивать гнусные сплетни о своем будущем муже! Если ты еще хоть раз начнешь плохо говорить о Двэйне, отправлю тебя обратно к миледи Алисандре. Уверена, она будет рада поквитаться с той, что не уберегла ее дочь, – понимаю, нехорошо запугивать людей, но прислуга по-другому почему-то не понимает, доказательство тому Лаура.

– Как скажете, миледи, – погрустнела Надя, активно взявшись за работу.

– Да не расстраивайся ты. Если не понравится здесь, можешь всегда уйти работать в другой дом, рекомендации я тебе всегда дам. А хочешь, куплю маленький домик в твоей деревне?

– Нет, госпожа, только не в деревню! – ужас отразился в глазах девушки.

– Нет, так нет. А чего ты хочешь? – честно сказать, этот вопрос надо было задать уже давно. Со своими проблемами и делами я совершенно забыла, что Надя живой человек со своими желаниями.

– Я замуж хочу, детей, мне же уже девятнадцать, – покраснела девушка. – А вы не могли бы выдать меня за кого-нибудь не очень старого? И не пьющего?

– Надя, давай сделаем так, ты поработаешь месяц, присмотришься, вдруг тебе кто-то понравится, скажешь мне, и я все улажу. Главное, чтобы холостой был, – улыбнулась ей через зеркало.

– Да за кого вы меня принимаете, госпожа! Я никогда на женатых даже не смотрела! А они мне горы золотые сулили, но я честная девушка, я себя для мужа берегу! – возмущенная Наденька – это что-то новое. Я критически осмотрела ее, девушка хоть и не красавица, но вполне симпатичная. Если за ней дать приданое, то мужа ей найти будет нетрудно.

– Значит, решили. А теперь надо сделать из меня невесту!

* * *

Двэйн метался по комнате, пошло уже больше получаса, а Анна так и не вышла. Может, она передумала? Князь рассказал лорду последние сплетни и настроения в доме герцога Анзорского. Лично Двэйну на них было плевать, даже лучше, если его будут обвинять во всех грехах, он уже к этому привык.

– Сядь, успокойся, тебе еще в храме стоять, никуда она от тебя не денется после проведенной вместе ночи, – усмехнулся князь, который не мог долго грустить.

– Саид, ты идиот, между нами ничего не было.

– Нет, мой друг, идиот ты! Как можно отказаться от такой девушки? Она же на тебя как кошка смотрит, только что не облизывается, – расхохотался Саид, но смех был наигранный, в глазах мелькнула горечь.

Двэйн хотел ответить каким-нибудь емким словом, которое благородному человеку не пристало произносить, но тут дверь открылась и вошла Анна. На ней было легкое нежно-голубое платье, струящееся по фигуре, распущенные волосы тяжелой волной спускались ниже бедер, глаза блестели столь же ярко, как и подаренный им гарнитур. Только на свою свадьбу девушкам полагалось распускать волосы, это был показатель невинности и чистоты. Вдовы же не просто делали прически, они еще шли в храм обязательно с покрытой головой. Считалось, что обмануть

невозможно, женщина не сможет войти в храм с непокрытой головой.

– Леди, вы прекрасны, – склонился он в поклоне, целуя руку своей невесте. Потом выпрямился, взял у подошедшего князя цветок вересы, символ любви и верности, и воткнул его в волосы Анны. Теперь, когда основные традиции были соблюдены, можно ехать в храм.

– Спасибо, лорд, – лукаво улыбнулась девушка. – Я впервые вижу вас в светлых одеждах, вам очень идет.

– Ха, скольких мне трудов стоило, чтобы найти подходящую одежду, – влез Саид. – Все, время дорого, пошли, еще до храма надо без приключений доехать. А зная вас двоих, это просто нереально.

У крыльца стояли лошади, среди них бросались в глаза его Гром, буланый жеребец, и белоснежная кобыла с голубыми лентами в гриве. Рядом ахнула Анна.

– Князь, вы все-таки решили подарить мне Снежинку? Уверены, что не пожалеете? Ведь блондинок много, а Снежинка одна.

– Блондинок действительно много, но вы со Снежинкой единственные в своем роде. Тем более вы первая, кого она признала, было бы жестоко вас разлучать, – князь протянул руку Анне. – Позволите мне помочь вам?

Двэйн неплохо знал обычаи степняков, особенно, что для них значат лошади. Зубы заскрипели сами собой, получается, его друг не первый раз пытается подарить Снежинку Анне. А кому, как не лучшему другу, знать, что для него значит эта лошадь. Ревность запоздало сжала Двэйна в свои тиски.

– Спасибо за Снежинку, князь! Обещаю заботиться о ней. Но это право жениха – помогать невесте сесть в седло, – Анна взяла за руку Двэйна, сжала, прогоняя своей улыбкой ревность и неуверенность.

До храма Двэйн изредка бросал подозрительные взгляды на пятерых мужчин, что сопровождали их в качестве охраны. Но они хорошо знали своего начальника и смотрели исключительно по сторонам, делая вид, что невеста герцога их совершенно не интересует. Только князь не скрывал своих чувств, на его лице застыло восхищение пополам с грустью. «Нет, это уже ни в какие ворота не лезет, пусть влюбляется в других девушек, он и близко не подпустит к жене всяческих поклонников», подумал Двэйн, поравнявшись с другом.

– Саид, уезжай, хотя бы на год, – тихо произнес лорд, чтобы не услышала Анна. – Ты успокоишься, забудешь ее, а у нас к тому

времени уже будет первенец. Я тебя, как друга, прошу, ты же знаешь, с другим бы я церемониться не стал.

– Знаю, Двэйн. Я уеду, сегодня же, ночью уже решил. Но и я тебя, как друга, предупреждаю, если Анна будет с тобой несчастлива, я ее выкраду. Ты же не сомневаешься в моих способностях? – князь не стал ждать ответа, тронул пятками бока коня и вырвался вперед кавалькады.

Вот и поговорили, вроде все решено, а осадок остался. Двэйн прекрасно понимал, что Саид отказался от Анны не из-за дружбы, а только по той причине, что девушка выбрала не его.

– Волнуешься? – спросил лорд, поравнявшись с невестой.

– Очень, – смущенно ответила Анна.

– Все будет хорошо, я рядом, – Двэйн взял маленькую ладошку в свою. Так они и ехали рука об руку до самого храма.

* * *

Я не просто волновалась, я жутко нервничала. Казалось бы, все решили, отступать поздно, но паникерским мыслям этого не скажешь, не запретишь подтачивать уверенность. Мы знакомы с Двэйном около месяца, мы совсем не знаем друг друга, а свадьба – это на всю жизнь. Будем ли мы счастливы вместе? Не стану ли я жалеть об этом решении? Что было бы, встреть я на том балу Саида? Я искоса посмотрела на князя, они с Двэйном перекинулись парой слов, явно неприятных, и Саид ускакал вперед. Красивый, сильный, а еще настоящий друг, но сердце не замирало, глядя на него, не возникало желания поцеловать или дотронуться. Подъехал Двэйн, улыбнулся, сказал несколько слов в поддержку и взял меня за руку. Стало намного легче, волнение никуда не ушло, но горячая ладонь Двэйна внушала уверенность, что у нас действительно все будет хорошо.

Наше появление у храма встретили песнопениями, молоденькие послушники чистыми голосами затянули молитву с пожеланиями счастья, долголетия и плодородия. От некоторых слов меня бросало в краску. Как такие песни могли одобрить священнослужители? Или просто я такая пошлая? Но с другой стороны, как иначе можно понять строчку: «И пусть могучим остается молот и наковальня стонет под его ударами, здоровых сыновей на свет рожая». Судя по шальным глазам Двэйна, не у одной меня такие мысли пошлые.

Наконец-то мы поднялись по ступеням и вошли в храм, за нами проследовал только князь, он должен был стать свидетелем. Вообще-то, во время свадьбы в храм могут войти еще

родственники жениха и невесты, но у Двэйна никого не было, а мои были в другой стране. Я на это очень надеялась, меньше всего мне хотелось, чтобы в самый неподходящий момент они заявились в храм и увезли меня домой. Да, маман очень расстроится, она же о моей свадьбе мечтала даже больше меня. Как же, единственную кровиночку замуж выдать. Стоп, а тетушка где? Она точно не могла не прийти на свадьбу, сейчас начнется прилюдное смешивание нас с грязью. Я тревожно огляделась по сторонам, отмечая, что храм пуст. Если я раньше бывала в таких местах, то совершенно не помнила об этом. Запоминать и нечего было: светло, огромные витражи вместо окон со сценами из святых писаний. Чисто выбеленные стены, сводчатый потолок, неуютно, потому что нет ни одного цветного пятна, даже витражи черно-белые.

– Что-то случилось? – прошептал над ухом Двэйн. – Ты кого-то ждешь?

– Нет, пытаюсь угадать, из-за какого угла выскочит тетушка, – в моем голосе проскользнули истерические нотки. Нет, так дело не пойдет, надо взять себя в руки, раз уж решила выйти замуж, значит, нервничать поздно.

– Не бойся, она не появится, ее Саид в комнате запер, – тихо ответил будущий муж.

– Ты ее плохо знаешь, она в окно вылезет ради того, чтобы испортить нашу свадьбу, – справляться с паникой одной силой воли выходило все тяжелее.

– Анна, я не позволю никому помешать нашей свадьбе, – сказано было так, что мой отказ он уже тоже не примет. Я отказывать не собиралась, хотя нервы превратились в туго натянутые струны. Для поднятия духа вцепилась в руку Двэйна. – Все хорошо, любимая, еще немного и мы поедем домой.

Его слова да богу в уши. Тем временем мы подошли к алтарю. Здесь тоже все было белое, даже одеяние служителя. Единственное, что выделялось, – это радужный круг на стене. Именно радужный, сияющий, переливающийся всеми цветами. Его свет завораживал, успокаивал, вселял уверенность в завтрашнем дне.

– Дети мои, я рад приветствовать вас в моем доме, – странно, вроде бы это дом бога, а никак не его служителя. – Не удивляйся, дочь моя, сейчас я говорю от имени бога.

Я же удивилась еще больше, неужели читает мои мысли? Служитель, немолодой уже мужчина с аккуратной бородкой, улыбнулся мягко и ободряюще.

– Дети мои, в храме свадьбы не проводятся в будние дни, но ваш друг очень просил и подкрепил свою просьбу крупным

пожертвованием. Вы можете гордиться таким другом, – а не много ли хитрости в этих блеклых глазах? Как-то по-другому я себе представляла святых людей. – Начнем, пожалуй. Родственников не будет, я так понимаю?

– Мы собрались здесь, чтобы связать священными и нерушимыми узами брака дочь мою Рибианну и сына моего Двэйна, – интересно, только мне слух режет такая трактовка? – Есть ли желающий высказаться против этого брака?

Я на всякий случай оглянулась, но нет, желающих не появилось, хотя, судя по сжатым губам князя Мансура, он с трудом сдержался от замечания.

– Искренне ли ваше желание вступить в брак? Не под принуждением ли вы это делаете? Не бойтесь, в моем доме вас смогут защитить. Прошу ответить Рибианну.

– Искреннее и меня никто не принуждал, – сказала я, но, видимо, ответ должен был звучать как-то иначе, потому что служитель уставился на меня с недоумением.

– Прошу ответить Двэйна, – машинально произнес он, сам же пытаясь понять: засчитывать мой ответ или нет.

– На все воля бога, святой отец, – так вот как сказать надо было. Оказывается, это был риторический вопрос.

– Протяните руки, дети мои, – Двэйн протянул левую руку, когда я хотела сделать так же, незаметно помотал головой из стороны в сторону. Понятно, мне, значит, правую. Будущий муж тут же переплел наши пальцы. – Именем бога нашего всемогущего объявляю вас мужем и женой.

Круг засветился ярче, от него невесомой дымкой опустилось на наши руки золотистое сияние, впитываясь в кожу. Я была настолько увлечена этим действом, что не сразу обратила внимание на пристальный взгляд служителя. Он уже не улыбался мягко и покровительственно, в его глазах мелькал хоровод мыслей, судя по всему, я опять что-то сделала не так.

– Даже не думайте, святой отец, эта девушка моя! И делиться ею, даже с богом, я не намерен, – сквозь зубы процедил Двэйн, крепче сжимая мою руку.

– Богохульственные речи говоришь, сын мой. А ведь вам еще благословение просить надо будет, чтобы господь наш всепрощающий даровал вам здоровое потомство. Возможно, сын мой захочет храму пожертвование сделать, для детей-сирот?! – говорил служитель мягко, но в глазах стояла ухмылка.

– Я как раз об этом подумывал, нельзя оставлять сирот без помощи, но и вы, святой отец, помолитесь за нас, не обойдите своим вниманием, – я никогда не считала себя дурой, вот и сейчас было понятно, что Двэйн пообещал крупную сумму, но за

что?

– И это все?! – тихо спросила я уже у мужа, когда мы направились к выходу. В голове у меня был сумбур, калейдоскоп картинок не давал сосредоточиться. Кольца, поцелуй, танец, откуда все это?!

– Извини, вообще-то церемония длиннее, но хорошо, что служитель согласился на укороченную. А то пришлось бы ждать ближайшего праздника, то есть еще две декады. Уверен, все три дня уже расписаны по минутам, – Двэйн просто светился от радости, я же все еще пребывала в сомнениях, мне чего-то не хватало.

– Двэйн, а колец или браслетов не полагается? Ну как определяют, что человек заключил брак? – пояснила я в ответ на недоуменный взгляд супруга.

– Саид, продемонстрируй, пожалуйста, моей жене, как это происходит, – улыбнулся мужчина.

– Мои поздравления, герцогиня, – князь склонился в поклоне, целуя мне руку, и тотчас на тыльной стороне кисти появился узор.

– Он идентичный моему, при прикосновении не родственника узор проявляется, – пояснил Двэйн, отбирая мою ладошку у Саида. – Поехали домой? Или ты хочешь на прогулку?

Если ехать домой сейчас, то с вероятностью сто процентов мы окажемся в постели. Мне же нужно время, чтобы почувствовать себя женой. Да и на озеро хотелось, опять же на Снежинке скакать одно удовольствие.

– Время еще раннее, съездим на озеро, а потом домой, – как я ни старалась, но все равно покраснела.

– Хорошо, любимая, – обнял он меня за талию, и мы вышли из храма. Нас встретили песнопения молоденьких послушников и убийственные взгляды родственников. Судя по всему, накрылась наша поездка на озеро.

Глава 10

Родители с теткой, видимо, совсем недавно приехали и пытались пробиться в храм, но пятеро дюжих мужчин, подчиненных Двэйна, мужественно держали оборону.

– Да вы знаете, кто я!? – ледяной голос перекрыл даже пение послушников. Захотелось куда-нибудь спрятаться.

Хм, у меня же муж есть, вот пусть и разговаривает с новообретенными родственниками. Но прятаться было уже поздно, отец нас заметил. Ниже на ступеньках стояли мать и тетка, обе в слезах прижимали к глазам платочки, у самого подножия находилась карета, на которой они, собственно, и прибыли.

– Не можем знать, Вашество, но приказано никого не впускать, – ответил один служака, а так как они стояли к нам спиной, то еще не знали о нашем выходе.

– Дочь, что это значит!? Как это все понимать!? – обратился ко мне отец, пространственно обведя рукой всю нашу композицию.

– Я вышла замуж, папенька, – меня потряхивало от избытка эмоций, хотелось или истерично расхохотаться, или зарыдать.

– Ты что сделала?! – крик отца разнесся по площади, заставляя смолкнуть хор мальчиков, а одиночных прохожих оглянуться.

– Извольте сбавить тон, когда разговариваете с моей женой, маркиз, – загородил меня спиной Двэйн, уже за одно это я была готова повторно выйти за него замуж. – Я думаю, разговор нам лучше перенести в более подходящее место. Приглашаю вас к нам на празднование свадьбы.

– Разговор у нас будет, но позже, а пока я забираю свою дочь. Уверен, король не откажет в аннулировании брака, – сквозь зубы процедил папуля.

– Анна моя жена, и прав вы на нее уже не имеете, – таким же тоном ответил Двэйн.

– Она не ваша жена, брак будет действителен после первой брачной ночи, но ее-то как раз у вас не будет. Потому что я имею право забрать дочь до окончания расследования ее похищения. И поверьте, расследование обязательно проведут. И неважно, вы окажетесь виновны в данном деянии или нет, к его окончанию ваш брак уже будет аннулирован, а помолвка разорвана. Рибби, иди сюда, мы едем домой!

А вот этого мне совершенно не хотелось, я глянула на своего супруга: он застыл с бледным лицом и плотно сжатыми губами.

Мне неплохо были известны наши законы, чтобы понять, правда на стороне отца, и если ничего не сделать, то Двэйна я никогда больше не увижу. Не знаю, как бы поступила на моем месте примерная дочь, но таковой я в данный момент себя не чувствовала.

– Вы ошибаетесь, отец, король не сможет аннулировать наш с Двэйном брак, – вышла я вперед и твердо взглянула в глаза родителю. – У нас уже была первая брачная ночь и, возможно, я уже жду ребенка. Если вы не верите моим словам, то князь Мансур сможет их подтвердить, он имел неосторожность зайти к нам в спальню без стука. Думаю, он даже поклянется на священном писании. Двэйн, поехали домой, я очень устала.

Я взяла мужа за руку, он крепко сжал ее в ответ, а потом, плюнув на немую сцену и ошарашенные взгляды окружающих, подхватил меня на руки и понес к нашим лошадям. Я смотрела на его лицо, которое оживало с каждым шагом. Где-то там остались рыдающая мать и лежащая в обмороке тетка, как будто издалека слышались холодные расспросы отца. Бедный Саид. Мне не было до всего этого никакого дела, главное, что мы с Двэйном не расстанемся, я не позволю никому разлучить нас, я просто не могу потерять его опять.

* * *

Двэйн нес на руках супругу и чувство безысходности потихоньку отступало. Еще пять минут назад он не знал, как поступить: силовое преимущество было на его стороне, а право за маркизом Монфри. И Двэйн готов был воспользоваться своим преимуществом, только бы не отдавать Анну. Но ему надо было знать, что девушка согласна, если бы она не пошла к маркизу, сказала бы, что останется со своим мужем или еще как-нибудь выразила свое несогласие с решением отца, Двэйн бы нарушил закон. Лорд никак не ожидал, что Анна решится такое сказать во всеуслышание, ведь это клеймо на всю жизнь. В лицо ни ему, ни Анне этого никто не скажет, все-таки герцог Варрийский приходится кузеном королю, но за спиной будут показывать пальцем точно. Если до этого у Двэйна оставались сомнения в чувствах девушки, то после такого заявления они отпали. Пусть Анна никогда не говорила, что любит, но ее поступки значили больше, чем пустые слова.

Так странно, раньше ему часто приходилось слышать лживые слова любви от женщин. От тех же содержанок или от желающих добиться поблажек для своих мужей, братьев, женихов, отцов,

преступивших закон. Тогда Двэйна это только раздражало, а сейчас он ждет хотя бы простого «люблю» от Анны. А еще он понял, что серьезно ошибался в характере невесты, точнее, уже жены. Ему казалось, что она девушка мягкая, застенчивая, уступчивая, хоть и очень образованная. Но сегодня он увидел в ее взгляде уверенность, решимость и полный отчет в своих действиях. От холода ее глаз и слов, которые опасно балансировали на грани цинизма, даже ему стало нехорошо, что уж говорить о ее родственниках.

От мысли, что Анна не из тех жен, что согласятся сидеть дома или в поместье, что ему еще не раз предстоит вытаскивать ее из передряг, у него защемило сердце. С другой стороны, если быстро сделать супруге ребенка, ведь она сама сказала о такой возможности родителям, то у нее уже не будет времени и возможности ввязываться в опасные дела. Точно, вот этим они и займутся прямо сегодня. На губах Двэйна расплылась счастливая улыбка.

– Поедешь со мной? Или ты хочешь на Снежинке? – отпускать Анну хотя бы на минуту не хотелось, кажется, он становится параноиком.

– С тобой, – улыбнулась молодая жена. Он посадил ее в седло и сам вскочил следом.

– Знаешь, я же так и не отдала тебе амулет. Он же какой-то особенный? Думаю, я с его помощью очнулась раньше, – произнесла Анна, прислоняясь к его груди.

– Да, он может отвести стрелу или арбалетный болт, частично нейтрализует яд. Это то, что я испробовал на себе, – усмехнулся лорд, вспоминая, сколько на него было покушений. Еще недавно его это не волновало, но сейчас, когда появилась Анна, ему как никогда хотелось жить самому, и чтобы обязательно рядом была жена. – Не надо отдавать, он теперь твой. Ведь ты самое дорогое, что есть в моей жизни.

– Тогда будем носить его по очереди, – рассмеялась Анна. – Ведь дороже тебя у меня никого нет.

Сердце екнуло и забилось вдвое быстрее. Двэйн не считал себя романтиком, не писал стихов даже в молодости, а разговоры о чувствах считал глупыми. Почему же от слов Анны хочется петь и обнять весь мир? Но обнял он, конечно, жену, впиваясь в ее мягкие, податливые губы поцелуем полноправного мужа.

* * *

Кажется, я немного преувеличила благородство Двэйна, если

судить по сверкающим глазам и недавнему поцелую, он вряд ли будет долго оттягивать выполнение супружеского долга. Максимум до нашей спальни. Честно сказать, мне и хотелось остаться наедине с мужем, и было страшновато. Во сне, пусть это будет сном, это было захватывающе и прекрасно, а Надя говорила, что это больно и противно, ей замужние подруги рассказывали. Так кому верить: собственным снам или реальным людям? Хотя отец с матерью после бурного примирения выглядят очень довольными, не думаю, чтобы маман стала терпеть то, что ей не нравится. Сердце выпрыгивало из груди, меня бросало то в жар, то в холод. Опять навалились сомнения, и если до бракосочетания меня мучили одни мысли, то сейчас в ход пошли другие. А вдруг Двэйну со мной не понравится? Что если он разочаруется? Одно я твердо для себя решила: если заведет любовницу, убью, причем его первого. Нет, сначала рожу ребенка, чтобы я всегда могла любоваться на его продолжение, а потом убью.

Кошмар! Я схожу с ума, бедный Двэйн, ему досталась жутко ревнивая и, возможно, безумная жена. Но делить я его все равно ни с кем не буду!

– Анна, тебе плохо? Ты так сжала мою руку, у тебя что-то болит? – спросил муж.

Я посмотрела ему в глаза, увидела там искреннюю заботу и решила признаться. Лучше сейчас аннулировать брак, чем он потом будет всю жизнь жалеть о своем поступке.

– Двэйн, я буду плохой женой. Я не смогу терпеть, как все благородные леди, измены супруга.

– Любимая, меньше всего я сейчас думаю о посторонних женщинах, – рассмеялся Двэйн. – Если только о твоей матери и тетке, все-таки со временем надо будет наладить общение, они твои родственники. С чего тебе вообще пришли такие мысли в голову?

– Надя говорила, что все мужья изменяют, а те, что нет, просто тщательно скрывают это.

– Надо будет эту девицу замуж побыстрее выдать, а то она тебя плохому учит. Обещаю, я буду очень тщательно скрывать, – все еще смеялся муж.

– Только попробуй, я все равно узнаю и убью тебя! Или нет, заберу детей и уеду в другую страну! – все стеснение и страх как волной смело. Теперь щеки пылали от возмущения.

– Милая, я же пошутил, мне кроме тебя никто не нужен, – проговорил он, целуя меня, куда придется. Незаметно я начала сама подставлять желаемые места, за ушком мне особенно нравилось. – Знаешь, я еще до сих пор не понял, какая Анна меня

больше привлекает: скромная и стеснительная, или с таким вот взрывным темпераментом. Я люблю вас обеих.

– Я тоже тебя люблю, – я сказала это тихо, но он услышал и улыбнулся ярко и счастливо.

Мы подъехали к дому, нас никто не остановил, не требовал вернуть меня, не предъявлял претензий Двэйну, все было тихо и мирно. У ворот нас встретили выстроившиеся слуги, и пока Двэйн нес меня на руках к дверям, осыпали цветами и пожеланиями.

– Добро пожаловать домой, милорд, миледи, – поклонился Джеймс. – Все готово, стол накрыт, к какому часу будут съезжаться гости?

– Не знаю, мы никого не приглашали. Но если вдруг приедут, можешь провожать их за стол, а нам надо переодеться. Нас не беспокоить. Надеюсь, пока гостей не было?

– Нет, приезжали родители леди, но я отправил их в храм. Я правильно поступил? Они успели на ваше бракосочетание?

– Успели, Джеймс, вы все сделали правильно, – влезла я, почувствовав, как напряглись руки Двэйна.

– Еще раз повторяю, кто бы ни приехал, нас не беспокоить! Когда проголодаемся, мы сами спустимся к столу, – от слов мужа волнение вернулось с новой силой.

Двэйн в рекордные сроки преодолел лестницу и коридор, кажется, у него входит в привычку носить меня на руках. В гостиной он поставил меня на пол и вернулся к двери, чтобы запереть ее.

– Извини, Анна, я обещал дать тебе время, – подошел он ко мне. – Но твои родители могут опомниться и потребовать медицинского освидетельствования, я не хочу тебя потерять. Обещаю, я буду очень осторожен.

Лучше бы он ничего не говорил, страх сразу вернулся, но сказать я ничего не успела, Двэйн уже нес меня на руках в спальню.

– А я бы чего-нибудь съела, – смогла выдавить из себя пару слов, когда супруг опустил меня на постель.

– Анна, я настолько тебе неприятен? – погрустнел мужчина.

– Нет, Двэйн, как ты мог такое подумать? Просто мне…

– Страшно?! – подсказал он, присаживаясь рядом и снимая с меня туфли.

– Да, очень!

– И целоваться со мной страшно? – улыбка, прямо сказать, провокационная.

– Нет, целоваться мне нравится, – смутилась я окончательно.

– Тогда будем только целоваться, вот увидишь, лежа это делать намного удобнее.

– Правда? – что-то сомнения у меня еще оставались.

– Я тебя когда-нибудь обманывал? – действительно нет.

Он оказался прав, целоваться лежа было лучше. Сначала я чувствовала себя скованно, каждую минуту ожидая, что Двэйн передумает. Но он не предпринимал никаких других действий, и я расслабилась, стала отвечать ему, в голове зашумело, в ушах раздавался бешеный стук сердца.

– Двэйн, ты же обещал, – слова вырвались с трудом, дыхание перехватило от его поцелуев и рук, которые умело освобождали меня от платья.

– Любимая, я просто снимаю платье, оно же помнется, как ты потом к людям выйдешь? – и глаза такие честные-честные. – Тем более у тебя под платьем еще куча одежды.

В том-то и дело, что у меня там была только тонкая сорочка без рукавов, вообще-то, на нее полагалось еще халатик накидывать, после того как снято платье, но не думаю, что Двэйн даст мне это сделать.

– Но ты-то в рубашке, – я хотела этим сказать, что он-то о своих вещах не переживает. Но мое замечание муж понял по-своему или сделал вид.

– Да, это нечестно, я сейчас же ее сниму, – он сел и взялся за пуговицы. – Поможешь?

Почему-то от его слов бросило в жар, так захотелось самой снять с него одежду, дотронуться до кожи, провести пальчиками по шрамам. Непроизвольно сглотнула набежавшую слюну. «Так, держим себя в руках и ведем себя прилично», уговаривала я себя и свои руки, которые уже потянулись к пуговицам.

Двэйн же сразу предоставил мне все поле для деятельности, переключившись опять на мое платье. Со стороны мы, наверное, смотрелись смешно: сидим на кровати и расстегиваем друг на друге одежду. Но мне было не до смеха, так как на моем платье застежки находились сзади, и мне приходилось сидеть очень близко к супругу, почти вплотную. Посмотреть ему в глаза я стеснялась, но зато могла слышать его тяжелое дыхание и видеть пульсирующую жилку на его шее. С моими крючочками и завязками Двэйн справился быстрее, потом подхватил платье и снял его полностью через голову. Я торопливо поправила сорочку, натягивая ее на колени, руки тряслись, а во рту пересохло.

– Еще пять пуговиц осталось, – от голоса Двэйна у меня побежали мурашки.

Почему я раньше не замечала, что у него такой низкий голос? Вскинула на него взгляд и засмотрелась: волосы взъерошены, глаза потемневшие, а губы улыбаются так, что хочется их

поцеловать. Запоздало нахлынуло смущение, дернулась, намереваясь сбежать, но Двэйн перехватил меня за руку.

– Ты куда?

– Под одеяло хотела спрятаться, ты так смотришь, что я стесняюсь, и руки у меня дрожат, – прошептала я, кляня себя за то, что когда-то решила не врать любимому человеку. Как сейчас было бы просто, достаточно было сказать, что хочу в туалет.

– Хочешь, я повернусь к тебе спиной? Если пообещаешь не убегать, – Двэйн улыбался, но было понятно, что он сильно расстроится, если я закроюсь в ванной.

– Обещаю, – улыбнулась где-то даже радостно, хоть перестану краснеть от его откровенных взглядов.

Он повернулся, и я осторожно обняла его за талию, нащупала пуговки и стала не торопясь их расстегивать. Ясно же, что Двэйн давно бы мог снять рубашку через голову, значит, ему нравится, что его раздеваю я, а не он сам. Но вот пуговки закончились, пять штук – это очень мало, как не растягивай. Осталась самая ответственная процедура: снять саму рубашку, хорошо, что Двэйн не видит мое лицо, подозреваю, взгляд мой далек уже от скромности.

Провела руками по его плечам, спуская рубашку и оголяя спину супруга, можно было и не дотрагиваться до его тела, но это уже было выше моих сил. Не знаю, куда делись страх и стеснительность, я о них совершенно забыла. Пробежалась пальцами по налитым мышцам, а потом и двумя ладонями. Собственная наглость и распущенность пьянили не хуже вина. Жутко захотелось прикоснуться губами к шее Двэйна или к этой маленькой родинке, а лучше обнять и прильнуть к нему, целуя каждую часть его тела. Мои руки становились все более бессовестными, а дыхание прерывистым. Все-таки я не удержалась и поцеловала сгиб шеи Двэйна. И моментально оказалась на его коленях, как только успел так быстро извернуться, но на этом мои мысли закончили свой бег. Горячие, страстные поцелуи заставили их разбежаться.

Дальше все было как в тумане: нежные настойчивые руки Двэйна, его обжигающие губы, которые я старалась поймать своими. Его потемневшие глаза, смотрящие в самую душу, прерывистый шепот, сулящий счастье и верность, на который я отвечала: «я люблю тебя». Только один раз я попыталась его оттолкнуть, но было уже поздно. Боль ненадолго привела меня в чувство.

– Анна, больно только первый раз, – успокаивал меня муж, а может, он хотел успокоить себя, слишком уж несчастное у него было лицо.

Я обняла его за шею и поцеловала, если ему это так нужно, можно и потерпеть. Боль прошла практически сразу, а к завершению мне стало почти так же хорошо, как вначале. Все-таки подруги Нади ей соврали, или просто не хотели ее расстраивать, ведь они замужем, а девушка нет. Так, может, и про рождение детей врут?

– Я люблю тебя и никому не отдам. А еще никаких поклонников, всех сошлю на каменоломни, – я лежала на плече у мужа, слушала его бормотание и улыбалась. Он обнимал меня так крепко, как будто боялся, что отбирать меня будут прямо сейчас. Глаза сами собой закрылись, напоследок пришла мысль, что Двэйн оказался даже более ревнивым, чем я.

Кажется, мне удалось сказать мужу, что я его люблю до того, как окончательно провалилась в сон.

* * *

Просыпаться не хотелось, но поцелуи супруга становились все настойчивее и настойчивее. А когда они перешли с шеи на грудь, сон пропал полностью.

– Двэйн, что ты делаешь? – хихикнула я. – Щекотно же.

– Любимая, я просто проверяю, не приснилось ли мне все это, – что именно «это» он наглядно показал рукой, которая с груди перекочевала на мою попку. – И пока все не проверю, тебя не отпущу.

– Все-все будешь проверять? – смутилась я, когда его язык провел дорожку до моего пупка.

– Да, – выдохнул он, и моя кожа покрылась мурашками. Щеки запылали, а я вцепилась в его волосы, не давая ему продолжить начатое путешествие вниз.

– Двэйн, – жалобно простонала я, сгорая от стыда.

– Анна, – муж навис надо мной, – доверься мне. Я хочу, чтобы тебе тоже понравилось.

– Ну мне и так понравилось, я думала, будет хуже, – дальше краснеть было некуда, поэтому я просто спрятала пылающее лицо на груди у супруга.

– Посмотри на меня, – голос у Двэйна был мягкий и нежный. – Я люблю тебя всю, от макушки до кончиков пальцев ног. Тебе не надо меня стесняться, мы с тобой женаты. А все, что происходит между супругами и доставляет им удовольствие, не может быть неподобающим. Ты ведь об этом думала, когда я хотел тебя поцеловать там?

– Нет, я думала, что надо сначала в ванну сходить. Ну мы же

сразу уснули, – кажется, сейчас подо мной загорится кровать, как же неловко о таком разговаривать с мужчиной. Но любопытство все же взяло верх, и я не удержалась от вопроса: – А что ты говорил про неподобающее поведение? Я как-то слышала разговор о неподобающих позах, но не поняла о чем это.

– Забудь, – рассмеялся Двэйн, страстно целуя меня в губы. – Между супругами все позы подобающие, я тебе потом покажу. Солнышко мое, как же я тебя люблю, и твою амнезию уже просто боготворю. А если бы мы были чистые, ты бы разрешила бы мне продолжить?

Как ему можно что-то не разрешить, когда он так смотрит?

– А можно было бы одеялом укрыться? – почему-то своего обнаженного тела я стеснялась больше, чем тела мужа. Наверное оттого, что больше полугода никогда не оставалась одна, даже в ванной, стоило мне там немного задержаться, и уже Надя в дверь заглядывала.

– На первый раз можно, а ты не могла бы поцеловать меня, как тогда? – он подставил шею. Ха, это я могу и с удовольствием сделаю. – Постой, милая, так тебе будет удобнее.

Он вместе со мной перевернулся на спину, я оказалась сверху, и очень захотелось натянуть одеялко или хотя бы простынку.

– Анна, тебе нечего стесняться, ты очень красивая, а еще волосы все прячут, – муж улыбался, а его руки поглаживали место ниже талии. – Ты мне поцелуй обещала.

Я решила не отвечать на его провокацию словесно, у меня была идея получше. Мои поцелуи были нежные, ласковые, а когда Двэйн с блаженной улыбкой на лице расслабился, я его слегка укусила. Результат превзошел все мои ожидания: он вздрогнул, прерывисто вздохнул и притянул меня к себе, поцелуй получился короткий, властный.

– Еще? – вырвалось у меня, глядя в его расширенные зрачки.

– Да, если сама хочешь, – выдохнул он, сжимая то, что было в его руках. Жар пробежался по моему телу и сконцентрировался почему-то внизу живота. Тут некстати всплыли картинки из снов, где я так же лежу сверху, целую, покусываю и опускаюсь ниже, как недавно это делал Двэйн со мной. Следующий момент я пропущу, для меня это пока слишком, а вот дальше вроде бы ничего сложного.

Не знаю, правильно ли я делала, но мужу, кажется, нравилось. Он стонал, говорил «еще», даже подсказывал. Такими темпами я добралась до его пупка, когда в мой подбородок уперлось это. Двэйн выгнулся, прижимая мою голову к своему животу. Мне же было интересно, тем более супруг говорил, что

ничего непотребного в этом нет. Сон не обманул: эта штука выглядела именно так. Рука сама потянулась, но была перехвачена на полпути. Двэйн подтянул меня к себе, перевернул на спину, целуя, каким-то чудом успевая быть везде.

– Двэйн, а?…

– В другой раз, – понял он, о чем я хотела спросить, – после ванны.

Дальше мне разговаривать он не дал, закрыв рот поцелуем и одним движением проникая внутрь. Я выгнулась, дрожь пробежалась волной по телу.

– Еще? – хрипло спросил муж.

– Да, – выдохнула я.

* * *

Из спальни мы выбрались только через час. И то, если бы не бурчание в животе, не знаю, на какое время мы бы там остались. Когда мы все же решились встать и сходить покушать, то первым делом наведались в ванну, вода там уже остыла, но нам это не мешало. А когда Двэйн намекнул, что готов прямо тут продемонстрировать, как сильно он меня любит, я решила сбежать, потому что от его демонстраций болели мышцы, и очень хотелось есть. Но далеко мне убежать не дали, супруг поймал у выхода из ванной, закутал в полотенце и применил «страшную» пытку поцелуями. Наверное все бы закончилось, как и в предыдущие разы, но урчание наших желудков прозвучало почти в унисон, вызвав совместный смех.

Потом были сборы, платье все-таки помялось, а волосы растрепались. Платье выбрали другое, с закрытым декольте, волосы мне расчесывал Двэйн, он сам вызвался, косу я заплетала уже сама.

– Так мы на озеро и не съездили, – глянула я в окно на клонившееся к закату солнце.

– Ты жалеешь, что мы сегодня остались дома? – обнял меня за талию муж.

– Нет, но я бы хотела уехать с тобой в домик у озера на месяц или два. Представляешь: только ты и я, а еще купание под звездами, – улыбнулась ему.

– Мечты. На два месяца меня не отпустят, а дней десять можно выторговать, вот закончу это дело и поедем с тобой на море, – целуя меня в макушку ответил Двэйн. – А почему именно под звездами?

– В темноте можно купаться раздетыми.

– М-м-м, это все меняет, надо быстрее разбираться с делами, – с этими словами мы вышли из наших апартаментов.

По пути в обеденную залу мы целовались почти у всех портретов, по словам Двэйна, он хотел показать всем почившим родственникам, что у нас все хорошо. Мне же было неловко, казалось, с портретов и правда смотрят люди, причем бабушка Двэйна явно осуждающе. Так что я старалась убежать, он догонял, целовал, мы смеялись и вообще вели себя глупо, зато было весело. Дом как будто вымер, прислуга на глаза не попадалась, стояла полная тишина, но мы это заметили, только войдя в обеденный зал.

За большим столом сидели два гостя, первый обвел нас тоскливым взглядом и залпом выпил явно не первый бокал вина. Второй чинно ел, аккуратно промокая платочком уголки рта, его лицо тоже не выражало радости, скорее, он тщательно и довольно долго сдерживал раздражение, которое вот-вот должно было найти своих адресатов.

– Я еще ничего не пропустил? – раздался знакомый скрипучий голос за спиной. Сердце сжалось и упало вниз, затерявшись где-то в животе.

– Ну что вы, герцог Анзорский, вы как раз вовремя, я не успел даже поздравить наших молодых. Проходите, присаживайтесь. И ты, братец, не стой, жена у тебя еле на ногах стоит.

– Ваше величество, – склонил голову Двэйн, я же запоздало присела в реверансе.

– Давай без церемоний, Двэйн, а то мне придется повесить твоего дворецкого за измену, – где-то за стеной что-то упало. – И всю твою остальную прислугу.

Теперь явно раздался грохот упавшего тела и топот убегающих ног.

– Чем же они вам так не угодили, мой дражайший кузен? – супруг подвел меня к столу, сам сел рядом и принялся накладывать нам с ним кушанья на общее блюдо.

– Они боятся тебя больше, чем меня, – усмехнулся молодой симпатичный мужчина, который был нашим королем. Августиан Третий выглядел совсем по-другому: простая, но изысканная одежда, полное отсутствие украшений и макияжа. Сейчас между ним и Двэйном прослеживалось определенное сходство. – Представляешь, я от посторонних людей узнаю о твоей свадьбе, еду поздравить, а мне: «Милорд велел не беспокоить». А ты знаешь, как я не люблю ждать.

– Слуги будут непременно наказаны, сир. Мой приказ ни в коем случае не распространялся на вас, – в словах Двэйна не было подобострастия, что можно было бы ожидать в таком случае. –

Любимая, скушай вот это, очень вкусно.

Возможно, но из-за волнения вкуса я не почувствовала, несмотря на голод, мне кусок не лез в горло. Видимо, муж понял мое состояние и налил мне вина.

– Уверен, приказ герцога Варрийского касался меня, – влез дед, на его аппетит присутствие короля не повлияло. – Чем же вам так не угодили новообретенные родственники?

– Если не считать того, что ваш сын пытался забрать мою жену на выходе из храма, то в вас меня все устраивает, – отсалютовал бокалом Двэйн. – А у тебя, Саид, тоже есть претензии?

– Нет, я просто пытаюсь напиться, – на мгновение князь поднял на меня горький взгляд и снова опустил его в пустой бокал. – Но пока не получается.

– Уж не намекаешь ли ты, братец, что я тоже заявился с претензиями, чтобы испортить вам праздник? – прищуренный взгляд серых глаз был обманчиво ласков.

– И в мыслях не было, вы бы никогда не опустились до такого, – усмешка на губах Двэйна была слишком явной, а у меня похолодели руки, что же он творит?!

– Ты прав, но я просто не смог оставить без внимания такие противоречивые слухи, – рассмеялся Августиан. – По одной версии ты похитил леди Рибианну, обесчестил ее, а ее родители силой заставили тебя жениться на девушке. По другой же леди околдовала тебя, применив черную магию, предварительно заключив сделку с демоном. Если тебе будет интересно, расскажу как-нибудь все многочисленные подробности, что успели до меня дойти, некоторые очень пикантные.

Я чуть не поперхнулась: интересные о нас ходят слухи. Но король, а с ним и мой дед, ждали ответа Двэйна, и тем сильнее он поверг меня в изумление.

– Первая версия ближе к истине, мой король.

– Да? А вот твоя жена с этим не согласна, – усмехнулся Августиан, заметив мое удивленное лицо. – Леди, может, вы нам поведаете правдивую историю?

– Похищение и правда было, но Двэйн меня спас, сир. И мы на радостях решили пожениться прямо с утра, – я смутилась, понимая, что такое объяснение только подтверждает факт моего совращения.

Я оказалась права в своих предположениях: лица у сидящих мужчин выражали разные чувства, но думали они точно об одном и том же. Король чуть ли не подмигивал моему мужу, дед поглядывал мрачно, но с пониманием, а князь с обидой.

– Анна у меня слишком честная, но за это я ее и люблю, –

Двэйн поцеловал мою ладошку, его глаза искрились радостью и счастьем. Я невольно заулыбалась в ответ, любуясь своим мужем.

– Ну что, герцог Анзорский, вы готовы сказать молодым напутственное слово?

– Я многое хотел им сказать, сир. Даже подготовил целую речь о том, как лишаю их наследства, приданого, а возможно, и родового имени. Но поглядев на них сейчас, и когда спускался за ними, – от слов деда я покраснела еще больше, вспомнив, как мы с Двэйном целовались на каждом углу, – я понял: ничего этого им не нужно. Будьте счастливы, детки, пронесите эту любовь через всю жизнь. Теперь и умирать не страшно, в надежных руках Рибби оставляю.

Дед прослезился, а я только сейчас заметила, что он действительно уже очень стар.

– Деда, ну какая смерть? Тебе еще жить и жить, неужели правнуков увидеть не хочется?

– Хочется, очень, так что вы с этим не затягивайте, а то боюсь, не доживу, – лукаво улыбнулся дед.

– Мы уже стараемся в этом направлении, герцог Анзорский, – серьезно ответил Двэйн.

Обеденный зал потряс заразительный хохот Августиана, к которому присоединился каркающий смех деда. Супруг тоже улыбался, обнимая меня за плечи, по-моему, только одному человеку было не до смеха, князю. Он продолжал напиваться, практически не закусывая. Я пихнула Двэйна локтем, кивком головы указывая на князя Мансура.

– Поговори с ним, – тихо сказала мужу.

– Хорошо, когда пойдем в музыкальную комнату, я с ним поговорю, – так же тихо ответил Двэйн, смерив Саида хмурым взглядом.

– Деда, а ты не мог бы с родителями поговорить? – решила сменить тему, а заодно скинуть на деда неприятный разговор.

– Э, нет, звездочка моя. Ты теперь взрослая леди, герцогиня, привыкай сама улаживать конфликты и недопонимания. Тебе еще многому предстоит научиться, вот разговор с матерью и отцом будет твоим первым уроком.

– Мудрое решение, герцог, – усмехнулся король. – Я тоже не буду вмешиваться. И еще, Двэйн, вам с супругой придется на пару месяцев отказаться от официальных приемов и посещения дворца, пусть слухи немного улягутся. Вам надо съездить куда-нибудь, отметить медовый месяц.

– Да, сир, мы как раз хотели с Анной съездить на море. Вот закончу нынешнее дело, и поедем.

– Отлично, считай, мое разрешение у тебя уже есть. Со своей

стороны тоже хочу пожелать вам счастья. Как-нибудь навестим вас с супругой, надеюсь, наши девочки подружатся.

– Я тоже на это надеюсь, – вежливо ответил Двэйн.

Я же промолчала, так как меня не спрашивали. Королева, конечно, милая девушка, даже младше меня, но становиться ее подружкой, а значит, придворной леди, мне не хотелось. Но выбора у меня, кажется, нет. Вон они уже обсуждают, как их сыновья будут вместе расти, а если у нас родится дочь, то выдадут ее замуж за будущего принца, который еще и не родился. Вот будет смешно, если сын Августиана, окажется дочкой. Но с другой стороны приятно осознавать, что о беременности королевы мы узнали раньше всех.

Глава 11

Я потянулась в кровати, чувствуя себя счастливой, несмотря на то, что Двэйн ушел на службу с самого утра. Он поцеловал меня на прощание, причем оно грозило затянуться, но супруг и так опаздывал, поэтому вытребовав у него обещание, не задерживаться, я легла спать дальше. В душе я жалела Двэйна, ведь мы полночи не спали. От воспоминаний приятная истома растеклась по телу, муж все-таки выполнил обещанное и добрался со своими поцелуями до моих самых сокровенных мест.

– Миледи, доброе утро, – заглянула в дверь Наденька. – Вам сюда завтрак принести или накрыть внизу?

– Пусть в гостиной накроют и ванну горячую организуют, – зевнула, из кровати выбираться совсем не хотелось, но не валяться же в ней до прихода Двэйна? Хотя это и заманчивая мысль. Я улыбнулась, представляя, как обрадуется муж, увидев, что раздевать меня уже не нужно.

– Миледи, а можно спросить? – все также мялась девушка у порога.

– Спрашивай, Надя, – села я на кровати, прикрывая обнаженное тело одеялом.

– А больно было? – покраснела девушка.

– Было, но недолго, а потом даже приятно, так что не бойся, – улыбнулась я ей, решив промолчать о том, как было потрясающе на самом деле. – Ты, главное, выбирай, чтобы мужчина тебе нравился.

У меня было замечательное настроение, хотелось весь мир сделать лучше или хотя бы помочь кому-нибудь.

– А я уже выбрала, – еще больше смутилась Надя.

– То есть как? За один день? И кто же он? – вот уж не ожидала я от девушки такой оперативности.

– Конюх, черный весь, глазища страшные, как глянет, аж сердце замирает, на князя похож.

– Если на князя похож, значит степняк, а у них разрешено многоженство. Оно тебе надо, Надь? Неужели получше никого нет? – я догадывалась, о каком конюхе она говорила, скорее всего, это тот самый, который Снежинку держал.

– Так другие на сеновал зовут, а он замуж, – вздохнула Надя.

– Если за месяц не передумаешь, дам вам разрешение на свадьбу и приданое, как и обещала. Все, Надь, иди и распорядись, чтобы на завтрак принесли что-то существенное и никаких сырых овощей.

Девушка, довольная, выскочила из спальни, я же наконец-то

смогла подняться и накинуть халат. Подошла к зеркалу и оглядела свои шею и декольте. М-да, опять надевать закрытое платье, страсть Двэйна мне очень нравится, а вот эти пятнышки нет. А может, болеро накинуть? У меня было несколько штук из тонкой, воздушной ткани, теперь понятно, что под ним прячут замужние женщины.

Я допивала чай с булочкой, когда заглянула незнакомая служанка и сказала, что ко мне пришли гости.

– Проводить их к вам или сказать, что вы сегодня не принимаете?

– А гости хоть назвались? – никого видеть я не хотела, но вдруг это королева инкогнито? Мало ли, что беременной женщине взбредет в голову.

– Маркиза Монфри и графиня Пранер, – ответила девушка.

Понятно, пока Двэйна нет, маман с теткой заявились вести душеспасительные беседы. А может, действительно сказать, что я сегодня не принимаю? Жутко не хотелось встречаться со своей матерью, она опять будет или кричать, или рыдать, другого метода убеждения она, похоже, не знает.

– Проводи леди в малую приемную, я сейчас спущусь, – вздохнула, принимая непростое для себя решение. Что поделаешь, мать – это святое, даже если она тебя раздражает.

Я не стала мучить родственниц ожиданием и спустила минут через пять. Тетушка чинно сидела на диванчике, а маман металась, как тигрица в клетке, значит, будет кричать.

– Добрый день, леди. Чем обязана столь раннему визиту?

– Рибби, доченька, – бросилась мне на шею маменька, чуть не сбив при этом с ног. – Как ты, моя лапочка? Творец единый, на тебе лица нет! Каков подлец! Но ничего, отольются ему еще наши слезы! Теперь мама с тобой, моя кровиночка, она никому не позволит тебя обижать. Собирайся, поедем домой. А о плоде этого насильника не беспокойся, у меня травница знакомая есть, попьешь настоечки, и все само выйдет.

Последние слова матери переполнили чашу терпения. От мысли, что она предлагает мне избавиться от нашего с Двэйном ребенка, пусть которого и нет, меня охватила ярость.

– Хватит! – оторвала я ее руки от своей шеи. – Идите, мама, домой! А мой дом здесь! Я люблю Двэйна и останусь его женой. И вам придется с этим смириться или можете забыть сюда дорогу.

– Да что ты вцепилась в него? Он же стар, некрасив, а репутация? Да у тебя приданое сравнимо с третью всего его состояния. А мы тебе с отцом хорошего жениха нашли, молодой, красивый, принц, хоть и не наследный. А уж какая выгода от

этого брака будет для наших стран, что никто даже внимания не обратит на отсутствие у тебя девственности.

– Тетушка, прошу, уведите маменьку, не доводите меня до греха. Я же не сдержусь и наговорю лишнего. До свидания, надеюсь, не скорого, – я развернулась и пошла к двери, жалея, что распорядилась их пустить, ведь знала же, чем это закончится.

– Вот уж не думала, что дочь у меня такая квашня, удовлетворится простым герцогом, когда может стать королевой. Да, принц молод, твой ровесник и впереди него на трон есть еще два претендента, но в руках умной женщины он уже лет через десять станет королем.

– Так в чем же дело, маменька? Сами выходите за него замуж, а лучше вместе с папенькой, уверена, вы и за пять лет управитесь, – усмехнулась я в лицо миледи Алисандре.

– Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, отец пошел к королю, у него есть чем его заинтересовать. Не пройдет и недели, как ваш брак с этим выскочкой будет расторгнут. Так что наслаждайся последними днями любви, – никогда не думала, что моя мать может быть такой жестокой. – А чтобы тебе было легче привыкнуть к мысли, что ты скоро станешь принцессой Аризмата, вот миниатюра с изображением принца Лабриана, а это чудотворная настойка, которая препятствует наступлению беременности. Поверь, лучше пить ее, чем потом другую гадость и провоцировать выкидыш.

Я посмотрела на тетку, которая взирала на меня с состраданием, на мать, пребывающую в уверенности, что она делает благо для меня, и когда-нибудь я это оценю, на душе стало гадко, и слова вырвались сами собой:

– Миледи Алисандра, вы бы перестали пить эту гадость и родили бы отцу наследника, пока не поздно. Потому что дочери у вас больше нет, – я стала подниматься по лестнице, а в спину летели вопли матери:

– Неблагодарная, я тебя в муках рожала! Я всю жизнь тебе посвятила, а ты вот так мне отплатила?!

– А закрывали вы меня в комнате и Наденьку на круглосуточную охрану приставляли, чтобы я от такой заботы не утопилась ненароком? – все-таки не сдержалась я.

Мать побледнела и осела на пол, ловя ртом воздух. Откуда-то прибежал Джеймс с бокалом воды.

– Джеймс, будь добр, проводи леди к карете, они уже уезжают. И вели седлать Снежинку.

– Миледи, милорд запретил отпускать вас одну куда-либо.

– Значит, найди мне сопровождающих и охрану, – не прощаясь с родственниками, я пошла переодеваться в более

подходящую для верховой езды одежду.

* * *

Двэйн пребывал в отличном настроении, он торопился быстрее закончить дела, чтобы вернуться домой раньше. Он уже забыл, когда в последний раз так торопился в родные пенаты. В памяти все чаще и чаще всплывали яркие моменты первой проведенной вместе с женой ночи. Анна оказалась не только страстной, но и любознательной, а ее стеснительность только добавляла остроты ощущениям. У Двэйна, как и у любого взрослого мужчины, были опытные и умелые женщины, но почему-то робкие поцелуи и поглаживания жены ему нравились больше. А стоило вспомнить, с каким интересом она изучала его тело, как волна возбуждения не давала сосредоточиться на документах. У него даже возникла идея съездить на обед домой. Но тут из-за двери раздался звонкий голосок Анны:

– Что значит, занят и не принимает?! Меня он точно примет, я его жена! Послушайте, я с вами еще по-хорошему разговариваю, но скоро моему терпению придет конец!

Двэйн уже поднялся, чтобы самому разобраться с ситуацией и впустить жену, но тут дверь с треском распахнулась, явив разъяренную Анну. За ее спиной корчился на полу секретарь герцога, держась руками за причинное место.

– Двэйн, я, конечно, все понимаю, но твои подчиненные перешли все границы, они пытались не пустить меня к тебе! И даже мои слова, что я твоя жена на них не подействовали. А этот тип вообще сказал, что место жены дома и нечего отвлекать занятого человека бабскими пустяками.

– Солнышко мое, я сегодня же его уволю, или ты хочешь, чтобы я сослал его куда-нибудь подальше? – Двэйн, улыбаясь, пошел навстречу супруге, ее глаза метали молнии, щеки раскраснелись, грудь тяжело вздымалась. Кажется, зря он отказывался от диванчика в кабинете, сейчас тот бы не помешал. У двери сидел на полу бледный секретарь, с ужасом ожидая ответа Анны.

– А он хороший служащий? – задала она вопрос, которого Двэйн никак не ожидал.

– Да, он уже пять лет работает моим секретарем, очень ответственный и исполнительный.

– Тогда не надо его увольнять, считай, я за себя уже отомстила, зачем тебе страдать и искать себе нового секретаря, если этот хорошо справляется с обязанностями, – супруга обняла

его за талию, уткнулась носом в его грудь и тяжело вздохнула.

Двэйну только теперь пришла мысль, что Анна не из тех женщин, что заявляются на работу к мужьям, соскучившись по ним. У нее что-то случилось, причем настолько серьезное, что она прискакала верхом, об этом говорил костюм для верховой езды и легкий беспорядок на голове.

– Анна, что произошло? – приподнял он за подбородок лицо супруги. Она действительно была чем-то расстроена. Девушка взглянула на еще открытую дверь. – Кирк, дверь!

Дверь мгновенно была закрыта, Анна еще раз вздохнула, покраснела и сказала:

– Двэйн, я хочу ребенка. Не смотри на меня так, это не каприз или блажь, просто сегодня приходила мать. Они с отцом все еще хотят нас разлучить, нашли мне какого-то жениха в Аризмате. Он, видите ли, принц! Возомнили себя не пойми кем, мать говорила про какую-то запредельную выгоду для державы. А мне не нужен принц и на державу мне плевать, извини.

Договорить он ей не дал, целуя нежно, ласково, стремясь избавить ее от грусти и страха. Пусть родители Анны планируют все что хотят, свою жену он никому не отдаст, даже если король разрешит расторжение брака. Поцелуй становился все глубже, страсть нахлынула с новой силой.

– Двэйн, что ты делаешь? – прошептала Анна, млея под его поцелуями и несильно сопротивляясь расстегиванию корсажа.

– Любимая, ты же сама хотела ребенка, – не отрываясь от ее ушка, ответил Двэйн. Решив, что снимать платье целиком необязательно, он запустил одну руку под юбку.

– Двэйн, но не тут же. Да и негде здесь, – но в пику словам, жена страстно отвечала на его поцелуи.

– Милая, кровать для этого не нужна, уверяю тебя, – он подхватил девушку за талию и усадил на свой стол. Руки приподняли юбку, оголив такие милые коленочки. Герцог не удержался и начал покрывать их поцелуями.

– Двэйн, перестань, щекотно, а вдруг кто-то зайдет? – его руки сдвигали ткань все выше и выше, а губы двигались следом. – Двэйн, надо хотя бы дверь запереть.

– Анна, ты же успела узнать Кирка, он никого сюда не пустит. Солнышко, я не могу больше терпеть, иди ко мне, – Двэйн поднялся, намереваясь подвинуть супругу на край стола и продолжить начатое.

– Я бы не стал надеяться на секретаря в таких вопросах, – раздался насмешливый голос от дверей. – Он незнаком с твоей женой, но своего короля знает очень хорошо.

Анна сдавленно пискнула и спрыгнула со стола, прячась за

спину Двэйна, чтобы в спешном порядке поправить платье. Но герцог успел заметить, каким взглядом венценосный братец окинул прелести его жены. Как-то сразу всплыли в памяти все многочисленные похождения Августиана, которые он почти не скрывал до женитьбы. Последние полгода он вел себя как примерный семьянин, но это ни о чем не говорит. Двэйну еще вчера показалось странным, что королю захотелось пристроить Анну в придворные леди, раньше он так поступал только с теми женщинами, на которых положил глаз. Ревность страшная вещь, начинаешь подозревать даже своих близких в непотребных желаниях и помыслах. Двэйн усилием воли подавил охватившее его раздражение и постарался ничем не выдать тех подозрений, что закрались в его мысли.

– Мой король, – склонил он голову в приветствии. – Чем обязан счастьем видеть вас?

– Двэйн, давай без этого высокопарного слога, – отмахнулся Августиан, падая в кресло для посетителей. – Я бы даже принес свои извинения за столь неудачное время визита, но ты же знаешь, короли не извиняются. Я пришел поговорить с тобой, нет, леди Рибианна, вы можете остаться, этот разговор касается в первую очередь вас.

* * *

Король улыбался и пребывал в благодушном настроении, мне же было не до смеха, щеки горели огнем от стыда. «Можете остаться», – это прозвучало так, что остаться я была обязана, хотя больше всего мне хотелось куда-нибудь спрятаться и успокоиться. Но еще меня беспокоило, что сесть в кабинете было негде. Помимо двух кресел, в одном из которых сидел Августиан, была еще пара стульев у дверей. Нести их самой было бы неприлично, а Двэйн, судя по всему, делать этого не собирался. Он просто усадил меня в свое кресло, а сам присел на подлокотник, обняв меня за плечи.

– Вы, я полагаю, догадываетесь, почему я здесь? Сегодня у меня был с очень интересным предложением маркиз Монфри, я бы даже сказал весьма заманчивым и прочащим немалую выгоду. По глазам вижу, вы уже знаете основное, это и к лучшему, не надо будет повторяться. За разрешение на ваш развод он предложил мне доступ в Алмазные горы.

Лично мне это ничего не говорило, но Двэйн знал об этом больше и по тому, как сжалась его рука на моем плече, стало понятно, что ничего хорошего лично нам это предложение отца

не принесет.

– А чем так известны Алмазные горы? Алмазами? – не удержалась я от вопроса.

– О нет, леди. Алмазов там никогда не было, но есть очень большие залежи кварца, причем местами они выходят на поверхность скал ленточным образованиями. На солнце все это блестит, отсюда и название гор. А для чего мне столько кварца и свободный доступ к его добыче, я промолчу, – усмехнулся король, я же невольно прижала руку к груди, от амулета Двэйна исходило тепло и защита. А ведь он именно из горного хрусталя.

– Согласна, в нашей стране магии нет, так и не стоит о ней говорить, – улыбнулась я монарху, с удовлетворением замечая, что своей догадкой попала в точку. – Вы получаете горы, а что получает отец и наши соседи?

– Хороший вопрос. Двэйн, я тебе не завидую, иметь умную жену – это весьма тяжело. Может, подыщем тебе кого-нибудь попроще? А леди отправим покорять Аризмат? Уверен, с ее умом она станет полноправной королевой лет через пять.

– Спасибо, сир. Но я предпочитаю бороться с трудностями, чем плыть по течению. Зато я уверен, что нам с Анной и в старости будет интересно вместе, когда страсть угаснет.

– Ты думаешь, она угаснет? – подняла я взгляд на супруга.

– Я исхожу из худшего варианта, любимая, – улыбнулся Двэйн и чмокнул меня в нос. – Но у нас останется любовь, уважение, общие интересы, твоя любознательность и наши дети. Разве этого мало для счастья?

Я уткнулась ему в бок, пряча набежавшие слезы радости, хоть он и говорил о любви, но был страх, что ради страны он предпочтет мне какую-нибудь глупышку.

– Я сейчас расплачусь от умиления, – язвительно произнес Августиан Третий. – Ладно, дам вам шанс, но мой вам совет, постарайтесь быстрее заделать ребенка, тогда вашему браку уже не будет ничего грозить. А еще я хочу доступ в Алмазные горы и тебе, Двэйн, придется что-то придумать, раз уж свою жену ты отдавать не намерен.

Я посмотрела на короля, понимая, что власть накладывает свой отпечаток, каким бы Августиан не был хорошим, от своих желаний он не привык отказываться, и нам действительно лучше что-то придумать или придется податься в бега.

– Сир, премного вам благодарен за поддержку, но все же, что именно предложил маркиз Монфри королю Аризмата, что он так расщедрился?

– А ты не догадываешься? Он предложил им доступ к морю. То есть в приданое леди Рибианны отойдет узкая часть герцогства

Анзорского, что позволит нашим соседям иметь выход к морю в обход варварских племен. Выгода маркиза тоже очевидна: отрезая этот кусок от герцогства, он сокращает расходы по охране своих земель от набегов и приобретает вес в придворных кругах Аризмата. А с его амбициозностью и связями, он не остановится, пока не посадит свою дочь на трон. Конечно, он надеется сам руководить впоследствии, тайно. Король Аризмата Ренье Первый стар, у него трое сыновей, но младшего он любит безумно, так что он согласится на такую авантюру. И, предупреждая ваш вопрос, скажу, что девственность невесты никого волновать не будет. Думаю, Ренье согласился бы и на крокодилицу, если бы за нее давали такое приданое. Тем более еще никто не отменял монастырей для неверных жен.

Намек был понятен, неугодную жену всегда можно или сослать в монастырь, или подстроить несчастный случай, в общем, избавиться, когда она перестанет быть нужна.

– Постойте! Если им все равно, кто будет женой их принца, главное, чтобы приданое у невесты было, вам же тоже неважно, как получить эти горы, то почему бы моим родителям не удочерить подходящую по возрасту девушку? Или выдать ее за свою украденную в детстве дочь? И все будут довольны: девушка-сирота получит жизнь, о которой и не мечтала, отец – возможность строить свои далекоидущие планы. Король Ренье – море и покладистую жену для любимого сына, а если выбрать еще и красивую, то принц тоже будет счастлив.

– Двэйн, я начинаю опасаться твоей супруги. Кстати, ты не будешь против, если я предложу Анне место ее отца, когда он отправится покорять Аризмат? Ты только представь, какой удар это нанесет по нашим соседям! Я прямо вижу реакцию князя Объединенной степи, женщина – министр внешней экономики. Да он же забудет все, что хотел выторговать, глядя на эту мечту любого степняка!

Смех у короля был искренним и заливистым, нам же с Двэйном было несмешно.

– Да расслабься, братец, никто твою супругу прямо сейчас на служение государству не забирает. Мне потребуется года два, чтобы подготовить знать к такому вопиющему нарушению традиций. Но я не настолько богат, чтобы разбрасываться умными людьми. А пока что, Двэйн, отправь своих людей на поиски подходящей девушки.

– Идея интересная, но вы же знаете, как в последнее время стало мало истинных блондинок. Найти девушку с подходящим цветом волос не так уж сложно, а голубые глаза нынче редкость. Может, поискать среди варваров? Всегда можно сказать, что

похитили во время набега.

– В семнадцать они все уже детей имеют, а младше нам не подходит, церковь не даст разрешение на брак. Минимум шестнадцать лет должно быть девушке, официальное представление ко двору, знакомство с принцем, потом полгода помолвки, то есть в год вполне уложимся. Но не думайте, что этот год есть у вас, пока нет доказательств беременности Анны, ваш брак висит на волоске.

Король поднялся с кресла, давая понять, что разговор закончен.

– А дверь все-таки заприте, не все в нашем дворце такие тактичные, как король. У многих хватило бы наглости досмотреть до конца, а уж потом обнаружить свое присутствие, – хихикнул монарх и вышел.

Не успела за монархом закрыться дверь, как Двэйн метнулся следом и запер ее на ключ изнутри. Обернулся ко мне с лукавой улыбкой и начал расстёгивать рубашку.

– Двэйн, ты же не хочешь опять? – покосилась я на дубовый стол мужа.

– Дорогая, я же не могу ослушаться прямого приказа короля, – улыбка супруга стала еще шире, пока он шел ко мне. – И неужели тебе не хочется попробовать чего-нибудь нового?

– Мне вообще-то и старенькое еще не надоело, – улыбнулась в ответ, взявшись за завязки корсажа.

– Я сам, ты же знаешь, как мне нравится тебя раздевать, – перехватил мои руки Двэйн и переместил на свой обнаженный торс. – Вот тут им самое место.

– А кресло у тебя очень удобное, – промурлыкала я, притягивая к себе супруга.

– Солнышко, мы и его опробуем, – сказал он, приникая к моим губам долгим поцелуем.

Честно признаться, мне было стыдно выходить из кабинета Двэйна, казалось, будто все слышали мои стоны и вскрики. Но молча заниматься этим у меня не получалось, ощущения были настолько яркими, что уже через несколько минут я забывала о приличиях и вообще обо всем, кроме ласк супруга. Судя по малиновому лицу секретаря, он точно все слышал. Я сконфуженно улыбнулась, прячась за мужа. А вот Двэйн, по-моему, даже гордился произошедшим. Он был счастлив, добродушен и не отпускал мою руку.

– Кирк, что-нибудь важное приносили, пока я был занят?

– Нет, Ваша Светлость. Только привели графиню Диолан на допрос. Вы его сами проведете или пригласить дежурного

следователя?

– Нет, сегодня пусть посидит в камере, а вот завтра с утра я допрос и проведу.

– Будет исполнено, Ваша Светлость, – секретарь старательно отводил от меня взгляд.

Я тоже делала вид, что его нет, хотя меня так и подмывало задать парочку вопросов о причинах ареста графини. Но у меня есть замечательный супруг, который обещал ответить на все мои вопросы.

– Двэйн, а за что арестовали графиню?

– За убийство Элеоноры. При обыске дома в ее спальне нашли пузырек с ядом.

– Но это глупо, хранить у себя орудие убийства! А графиня не похожа на наивную и недалекую женщину. Не удивлюсь, что к вам попала анонимная записка с указанием точного места, где спрятан пузырек, – усмехнулась я.

Конечно, это была шутка, Двэйн никогда бы не повелся на такую явную подставу. Муж нахмурился, а Кирк глянул на меня с уважением.

– Записка и правда была, но ведь ее мог написать не преступник, как думаешь ты, а кто-то из прислуги. Хотя я тоже сомневаюсь в виновности графини, но у меня для этого есть причины, а на чем основаны твои выводы?

– Самое простое это то, что прислуга вряд ли разбирается в ядах. Ну нашла служанка какой-то пузырек, первое, что она сделает – покажет хозяйке. Ведь это может оказаться микстура от кашля или та, что предлагала мне маман, ее же точно не выставляют на всеобщее обозрение. Опять же надо глянуть на само письмо, ведь по тому, как оно написано, можно многое понять.

– Кирк, письмо у тебя? – протянул руку лорд к секретарю, в нее тут же лег конверт. – Прошу, леди.

Я осторожно достала письмо и принялась изучать его незатейливый текст.

– Ну как, что ты думаешь об этом шедевре? – склонился рядом со мной супруг.

– Человек явно старался изменить почерк, все буквы скачут.

– Может, просто кто-то малограмотный писал?

– Нет, я видела, как пишут слуги, они старательно выводят каждую букву, потому что знание грамоты в их среде – это престижно. Ни одна служанка, умеющая читать и писать, никогда бы не накарябала такого безобразия. Опять же ошибки сделаны не там, где по идее должны быть. Знаешь, такое ощущение как будто кто-то перестарался, стремясь написать хуже, чем надо. Только

непонятно зачем? Ладно бы скопировали чей-то почерк, а так только привлекли к этим каракулям внимание.

Мысли завертелись с неимоверной быстротой, вспомнились документы по графству Диолан, старательное копирование данных из года в год. Я тогда подумала, что управляющий подделывал отчеты по приказу хозяина или хозяйки, а чтобы не мудрствовать взял за основу свой же давнишний отчет. А что если это делал не он? Что если кто-то копировал его почерк и отчет не за тем, чтобы скрыть реальные доходы, а потому что просто не умел их делать? От осознания масштабности мошенничества на голове зашевелились волосы.

– Дорогая, у тебя такой вид, как будто ты раскрыла преступление века, – рассмеялся Двэйн и тут же осекся. – Расскажешь дома, причем все без утайки.

– Хорошо, но сначала пообещай, что дашь мне поговорить с графиней.

– Только в моем присутствии, – что ж, мне и этого было достаточно.

– Ваша Светлость, по долгу службы мне тоже хотелось бы узнать все подробности. Герцогиня и так очень помогла следствию, но я уверен, что остальные ее выводы будут столь же успешны, – учтиво склонился в поклоне Кирк, пряча под ресницами любопытство во взгляде.

– Непременно, Кирк, непременно, – ответил Двэйн, как-то странно смотря на своего секретаря, как будто подумывая заменить его кем-то старым и непривлекательным. Кирк тоже уловил изменения в своем начальнике, побледнел и заметно занервничал. Я решила прекратить это, все-таки ревность Двэйна иногда чрезмерна.

– Любимый, – это слово моментально отвлекло супруга от подчиненного, на заднем плане Кирк облегченно перевел дух. – Если ты не считаешь графиню виновной, то зачем отдал распоряжение посадить ее в камеру?

– Для ее же блага будет лучше посидеть там несколько дней. Пусть настоящий преступник думает, что у него все получилось. Да и леди будет посговорчивей, не верю, что она не знала о творимых бесчинствах на своей территории. Кирк, меня сегодня уже не будет, отдел на тебе. Не подведи меня.

Голос у супруга был тих и спокоен, но я была уверена, что Кирк расшибется в лепешку, только бы вернуть расположение начальника. Бедняга. Может, скромнее одеваться начать, чтобы жертв ревности было меньше? Жаль, по статусу не положено.

Глава 12

Вот уже несколько дней я наслаждалась супружеской жизнью. Двэйну, конечно, приходилось ходить на службу, но он старался вернуться пораньше, и все свободное время мы проводили вместе, преимущественно в спальне, выполняя распоряжение короля. Родители пару раз порывались навестить меня в отсутствие мужа, но я сказала, что пусть приходят, когда он будет дома. У меня не было никакого желания портить себе настроение и выслушивать их угрозы вперемешку с баснословными посулами. Прислуга побаивалась сказать мне лишнее слово или бросить косой взгляд, я так понимаю, они лучше меня знают, что Двэйн слов на ветер не бросает.

Так что жизнь катилась своим чередом, но уже через пять дней я стала уставать от ничегонеделания. Попыталась сунуть нос в финансовые дела нашего герцогства, так управляющий тут же слинял с инспекцией. Судя по его словам о том, что он хочет провести полную перепись населения и учет всего, что есть в герцогстве, раньше чем через полгода он точно не появится. Причем я не совсем поняла для чего это ему нужно. Ведь в первый наш разговор он, как любой мужчина, покривился моей просьбе показать документы, но препятствий чинить не стал. Да и смысла в этом не было: документы содержались в образцовом порядке, а управляющий производил впечатление умного и опытного мужчины, хоть возрастом он был не старше Двэйна. Но, может, это распоряжение супруга? Проводятся же такие ревизии раз в пять лет, наверное, и тут подошел срок.

Еще меня расстраивало, что Двэйн так и не устроил мне встречу с графиней Диолан. Каждый раз, когда я ему об этом напоминала, он находил какие-то причины не выполнять свое обещание. И это было странно, ведь до этого он всегда держал данное слово. Не хотелось думать, что со свадьбой его отношение ко мне изменилось, ведь нам вместе очень хорошо, но других причин я пока не находила. Не думает же он, что я пойду трезвонить об этом разговоре на каждом углу? Ведь я же ему поведала о своих подозрениях, и он счел их небезосновательными, даже сказал, что постарается это проверить, хоть будет сложно.

За окном в самом разгаре было лето, из-за жары днем на улицу выходить не хотелось, а вечером мы гуляли с Двэйном. Именно поэтому, сидя в тенечке на отрытом балконе, я не сразу поняла, что тихий свист предназначен мне. Только после слов «миледи, миледи», я заозиралась по сторонам, пытаясь отследить

источник звука.

– Миледи, я наверху, – раздалось из ветвей. Я подняла взгляд и разглядела в листве Гарри.

– Ты что там делаешь? Спускайся, – позвала я его.

– Вы уверены миледи? У вас здесь охраны больше чем во дворце, – засомневался парнишка.

– Не бойся, ничего они тебе не сделают, пусть только попробуют, – на охранников я до сих пор была зла, хоть здесь это были другие люди. Гарри с опаской слез с дерева прямо на мой балкон, заозирался и сел на пол за большой вазой с цветами.

– Как бы меня тут не увидели, – объяснил он такое поведение.

– Постой, ты еще работаешь у графини Диолан?

– Вы хотели сказать у Вильмара Аарена? Потому что графиня всего лишь пешка, всем управляет этот тип. На вид божий одуванчик с седой бородой и усами, но в глаза лучше ему не смотреть, как будто за его спиной смерть стоит, ужас, – парнишку передернуло.

– О, а с этого места поподробнее, – у меня зачесались ладони от нетерпения.

– Да рассказывать особо нечего, боятся его все, миледи. Я потихоньку спрашивал, но все дергаются от одного его имени. А как графиню в каталажку посадили, вообще разбегаться стали. Вот был там дворовой Петр и исчез: то ли сбежал, то ли закопали его где-нибудь на заднем дворе, – мрачно произнес парнишка.

– По-моему, ты преувеличиваешь, – ответила я, разглядывая быстро повзрослевшего мальчишку.

– Если бы, я случайно подслушал один разговор ночью. Управляющий был очень зол, кого-то ругал, говорил, что бабу какую-то проворонили, а теперь до нее не добраться. А тот ему: «Билл, мы все исправим». А он: «Заткнись, сам займусь, а ты вывози товар и заляг на дно на пару месяцев, вдовушку сливаем». Второй говорил, что ее вообще надо было, как других закопать, а то она всех за собой потянет. А дальше я не слышал, они стали говорить тише и отошли от того места, где я прятался. Но, кажется, управляющий был уверен, что какая-то вдова ничего не расскажет.

– Гарри, ты туда больше не вернешься, это становится опасным. Более того, до прихода герцога побудешь в доме, я распоряжусь, чтобы тебя накормили и нашли место для отдыха.

– Но, миледи, а вдруг я еще что-то узнаю, – заканючил паренек, которому оставаться под домашним арестом совершенно не хотелось.

– Это приказ, Гарри. Ты свое дело сделал, молодец, премию я тебе дам. Но на этом пока конец, я не хочу, чтобы такого

талантливого парня закопали на заднем дворе, – от моих слов мальчик зарделся от гордости. – Лучше расскажи, что удалось узнать про саму графиню и покойную Элеонору.

– Про графиню всего и не упомнишь, миледи. Каких только сплетен я про нее не наслушался, но вообще-то ее любят и жалеют. А про девушку ничего не говорят. Мне только повар один раз ляпнул, когда был выпивши, что о мертвых нельзя плохо, а о молодой госпоже он ничего хорошего припомнить не может.

– А факты? Неужели вообще ничего? – мне слабо верилось, что люди между собой не обсуждают хозяев.

– Я слышал, что у Элеоноры был любовник, – покраснел мальчик.

– Ты имеешь в виду жених?

– Нет, жених – это другой, а у нее был любовник, я его даже видел. Высокий, волосы светлые, но не очень длинные, немолодой, примерно, как ваш муж. Он приходил к господину Адену. Они заперлись в его кабинете и о чем-то долго беседовали.

– Так с чего ты взял, что он любовник?

– Слышал, как одна служанка другой говорила, что этот тип даже на похороны госпожи не пришел, хотя регулярно посещал ее спальню, в то время как жених удостаивался только поцелуя ручки. Они еще много говорили о развратности господ, но я не буду вам это повторять, – еще сильнее покраснел парнишка. – Потому что они не правы, не все такие.

– Рада, что ты это понимаешь, – похлопала Гарри по плечу. – Пойдем, познакомлю тебя с Джеймсом.

Мне же нужно было обдумать поступившую информацию, а кое-что и записать. Нет, все-таки с графиней надо поговорить. Сегодня же спрошу у Двэйна, почему он все время переносит нашу встречу.

* * *

Двэйн сидел и слушал местами сумбурные объяснения жены, как она докатилась до такой жизни. Он уже смирился, что Анна умнее многих его подчиненных. Но поверить в то, что она самостоятельно, почти не имея помощников, раскрыла главаря контрабандистов, которого Двэйн сам вычислял несколько недель, было нелегко. Он сохранял серьезный вдумчивый вид, хотя самому хотелось отшлепать эту любознательную девицу, которая совершенно не думает о своей безопасности. Конечно, это в Двэйне говорил страх за Анну, профессионал же в нем отметил тот факт, что девушка добилась в расследовании больших

успехов, нежели его люди. Взять хотя бы мальчика, которого Анна отправила в бандитское логово, полагаясь только на интуицию. И у парнишки получилось добыть больше сведений, в то время как человек Двэйна, тот самый Петр, исчез.

По мере рассказа жены и выдвигаемых ею идей, версий, предположений, каждое из которых было весьма логично и уместно, Двэйн мрачнел всё больше. Он надеялся, что Анна после свадьбы успокоится, займется новым для нее домом, переустройством его под себя и их будущих детей. Но, очевидно, девушку всегда будет тянуть на что-нибудь эдакое, опасное, интересное, необычное. И Двэйн вполне ее понимал, он сам бы не смог сидеть безвылазно в поместье и заниматься разведением лошадей. Но и допустить ее до следственной работы не мог, допросная – это не место для женщины вообще, а тем более для его любимой. Он мог бы запретить Анне заниматься не своим делом. Сказать, что у жены есть свои обязанности и был бы прав. Уверен, Анна даже не станет говорить ничего против, но вот доверия уже не будет. А он очень любит свою деятельную женушку и не хочет, чтобы она стала обычной благородной леди, которая говорит только о драгоценностях, перемывая кости своим же подругам. Так, может, венценосный кузен прав? И министр внешней экономики – это то, что нужно для Анны? Не сейчас, конечно, позже, он еще не готов расставаться с супругой даже на пару дней, но потом, когда дети подрастут, а страсть уже не будет так туманить разум.

– Двэйн, ты на меня не сердишься? – прижалась к его плечу супруга. Они сидели в гостиной, на диване, за чашечкой ежевечернего чая.

– Нет, любимая. Но пообещай мне, что когда в следующий раз тебе придет в голову какая-нибудь идея, ты посоветуешься со мной сначала, – обнял он Анну.

– Обещаю, больше никаких тайн! Помнишь, ты тоже обещал мне все рассказать об этом деле или это до сих пор государственная тайна? – провокационно взглянула на Двэйна жена.

– Да нет уже, но широкой огласки у этого дела не будет. Поэтому не обессудь, но имена я тебе не назову, – и герцог коротко поведал о контрабанде запрещенного вещества, которую удалось пресечь благодаря убийству Элеоноры. Рассказал, что поначалу засады на перевалах в горах ничего не давали. Когда же Анна обнаружила, что в графстве Диолан не все чисто, Двэйн вспомнил про рудники, и стало понятно, как вещество переправляют через границу. Многих удалось взять, но это были обычные работяги, которые не знали главаря в лицо. Двэйн не

стал говорить жене, что закон суров, и всех этих людей повесят.

Разговор затянулся, оказалось, с Анной легко обсуждать такие вещи: она не ахала, не охала, не закатывала глаза в притворном обмороке, не поджимала брезгливо губы, когда речь пошла о том, что не всех удалось задержать живыми. Двэйн старался избегать неприятных подробностей, но, видимо, напрасно, Анну это не очень травмировало.

– Двэйн, получается, что главарь этот Ааден. Тогда зачем убили Элеонору? А самое главное, кто? Если принять ее последние слова как «у Билла», что именно она хотела этим сказать?

– Может, поняла, чем ее отравили? И решила сказать, кто это мог сделать? Не знаю, Анна, но я обязательно это выясню.

– А как же разговор с графиней? Она ведь не могла ничего не замечать? И женщине достаточно только пригрозить пытками и она все расскажет.

– Анна, вот уж не ожидал от тебя такой кровожадности, – рассмеялся Двэйн, глядя на смутившуюся супругу. – Но ты права, достаточно пригрозить и женщины сознаются, даже в том, чего не совершали, так что это не выход. Я помню, что обещал тебе разговор с графиней и все больше склоняюсь к тому, что это был бы лучший выход из сложившегося положения. Меня останавливает только одно: на графиню было покушение в тот же день, как ее перевели в отдельную камеру.

– Она мертва?! – вскрикнула Анна.

– Нет, ее удалось спасти, но она уже несколько дней без сознания. И врач не может дать однозначного ответа.

– Ее тоже отравили, как Элеонору? То есть преступник обосновался в вашем управлении?!

– Да, милая, это еще одна причина, почему я боюсь за тебя. Поэтому прошу тебя никуда без меня не ездить, это временная мера, уверен, скоро предатель будет пойман. Я знаю, тебе скучно, но потерпи еще немного, любимая, максимум две недели, а потом поедем отдыхать, как и договаривались, – он коснулся поцелуем слегка вздернутого носика.

– Куда же я денусь, потерплю, конечно, – с улыбкой вздохнула Анна, обвивая его шею руками. – Только ты уж скорее лови этих преступников.

– Всех не переловишь, – усмехнулся герцог, устраивая жену на своих коленях и запуская руки ей под юбку.

– Это намек на то, что мне еще не раз предстоит сидеть под усиленной охраной, очень напоминающей домашний арест? – лукавая улыбка коснулась губ Анны, а ее пальчики зарылись в волосы Двэйна.

– Ты же знала за кого выходишь замуж, – он притянул супругу ближе, вдыхая аромат ее кожи, целуя мочку замечательного ушка.

– Знала, за самого любимого и единственного мужчину в моей жизни.

* * *

Еще несколько дней прошли в тоске и ничегонеделании, в конечном итоге мне надоело валяться на диване с книжками, мозг и тело просто жаждали деятельности. Но выход за пределы дома и внутреннего сада был мне запрещен, точнее, было вырвано мое обещание туда не ходить. Я, конечно, сопротивлялась, но поцелуи Двэйна творят чудеса с моим телом, ему понадобилось не больше четверти часа, чтобы добиться от меня этого обещания. Уста растянула довольная улыбка, стоящий рядом Джеймс приподнял брови. Он всегда так делал, когда я, по его мнению, вела себя неподобающе герцогине. От того, что большую часть дня я проводила либо одна, либо в его компании (он счел нужным ввести меня в курс дел касаемо дома), то, видимо, он решил еще и восполнить пробелы в моем воспитании. Впрочем, Джйемс мне нравился, он был умен, немногословен, тактичен и ненавязчив. Он каким-то шестым чувством понимал, когда мне надоедало его присутствие или не нравилась выбранная им тема для разговора. Вот и сейчас мы занимались рассматриванием образцов тканей, от нечего делать я все-таки решила заняться обновлением нашего дома. Если при первом взгляде внутреннее убранство было вполне приличным, то стоило только приглядеться, как становилось понятно, что обивку мебели не меняли лет десять, да и все остальное тоже.

– Как вам этот образец? По-моему, неплохой вариант для детской, если скомбинировать вот с этим и этим, – показал он мне на красную с золотом ткань, несомненно, красивую, но она напомнила мне будуар матери.

– Слишком ярко, да и для мальчика, мне кажется, такое сочетание не подойдет.

– Да, миледи, вы правы, для детей лучше выбрать спокойные тона, а эту ткань либо в музыкальный зал, либо обновим одну из гостевых комнат. Как вам этот вариант? – на этот раз взгляд Джеймса остановился на теплых оттенках бежевого. У дизайнера, который предложил мне выбрать желаемую ткань для отделки помещений, все было подобрано в тон, чтобы богатые люди не мучились долгим выбором.

– Думаю, в этих тонах будет наша с милордом спальня, а

детская пусть будет в зеленых. Скажем, в этих, сочетание приятное, оттенок теплый. Кстати, а где детские комнаты? Что-то ничего похожего я в нашем крыле не нашла.

– Детские комнаты, а с ними и комната для няни и кормилицы на первом этаже в левом крыле.

– А почему так далеко? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Отец милорда не переносил детского плача, – Джеймс ответил спокойно, видимо, он не считал такой подход к собственному ребенку ненормальным. А я вот считала. Конечно, отказываться от нянек я была не намерена, но без кормилицы мы точно обойдемся. Достаточно только представить, как моего малыша чужая женщина кормит грудью, чтобы понять: только через мой труп. В смысле, если умру при родах, тогда пусть кормит.

– Джеймс, перенесите детскую в мои апартаменты. Я считаю носить ребенка на кормление через весь дом – это издевательство над малышом.

– Вы не хотите сначала посоветоваться с милордом? – тактично осведомился дворецкий.

– Не переживайте, его разрешение я вам добуду, – улыбнулась я своим мыслям. Что ж, настало время применить метод Двэйна, пусть на себе испытает, каково это, когда у тебя выпытывают обещания таким приятным способом.

– Дорогая, ты тут? – заглянул в гостиную супруг, что-то он сегодня рано.

– Добрый вечер, любимый, – встала ему навстречу, протягивая обе руки для поцелуев. Он не преминул этим воспользоваться, обхватил меня за талию, закружил, целуя, во что попадется. Я рассмеялась, обхватывая его руками за шею. – Что-то случилось? У тебя такое радостное настроение и ты сегодня рано. Рассказывай!

– Ничего-то от тебя не скроешь, – рассмеялся в ответ любимый супруг. – Я нашел тебе сестру. Ты говорила, что тебе в доме скучно и нечем заняться, считай, я нашел тебе работу. Ведь недаром говорят, что инициатива наказуема, будешь учить будущую сестру.

– Подожди, ты нашел подходящую девушку и привез к нам? Но зачем? Я думала, в курс дела ее введут мои родители, наймут учителей и так далее, – растерялась я от такого заявления.

– Я тоже так хотел, но передумал, едва поговорив с девушкой. Я тебе потом подробно объясню, наедине. Пойдем, я представлю ее тебе, жить она будет пока у нас. Джеймс, ты тоже идешь с нами, кстати, а чем вы тут занимались? – только сейчас глянул Двэйн на разложенные образцы.

– Подбирали ткани для детской комнаты, – улыбнулась я. Взор супруга просиял, кажется, он сейчас бросится меня поздравлять. Смешной. – Двэйн, еще рано об этом говорить. Я просто решила обновить интерьер.

– Ясно, – немного расстроился муж. – Но надеюсь, я первый узнаю о твоем интересном положении?

– Самый первый, возможно даже раньше меня, – смутилась, понимая, что из-за амнезии у меня большой пробел во многих знаниях. Или мне и раньше ничего об этом не рассказывали? Может, приснится какая-нибудь подсказка на этот счет? Мне еще иногда снился тот страшный сон-явь, когда Двэйн погибает и его кровь разлетается во все стороны. Я просыпалась в холодном поту с бешено стучащим сердцем, обнимала мужа, устраиваясь на его плече, и потихоньку успокаивалась.

– В таком случае мы с тобой узнаем самыми последними, когда живот вырастет, – развеселился супруг. – Пойдем, а тот как бы девица не сбежала. Она вообще ценный экземпляр, у нее такие же способности, как у одного моего подчиненного, может отводить глаза. Представляешь, на него все смотрят и не видят, он как раз и проследил за твоими похитителями. Ах да, при Джеймсе можешь говорить спокойно, но только при нем.

– Подожди, ты не о тощем мужике с флегматичным взглядом говоришь? Он все время ошивался у дома наших родителей, а еще я его пару раз замечала за нашей оградой.

– Ты видишь Тень? – удивился Двэйн, но быстро справился с собой. – Хотя чему я удивляюсь, недаром священник на тебя так смотрел, будто клад нашел. Ты мне так и не рассказала, что же увидела такого необычного?

– Даже не знаю, просто было очень красиво. Радужный круг, он засветился еще ярче, а потом от него отделились сияющие нити и обвили наши запястья, впитываясь в кожу. Я впервые такое видела.

– Золотце мое, – Двэйн после моих слов выглядел очень обеспокоенным, а Джеймс вообще побледнел. – Никому и никогда этого не рассказывай, если начнут спрашивать, а церковники к нам обязательно придут, отвечай, что увидела свет за спиной служителя. Запомни, это очень важно, никаких радужных кругов, а тем более нитей, только свет, теплый, как солнечный, но не такой яркий.

– Хорошо, я скажу слово в слово, – я видела, что сейчас не время что-то уточнять и задавать вопросы на эту тему. Да и не хотелось обсуждать что-то при Джеймсе, пусть муж ему и доверяет, но никто же не поручится, что за дверью нет лишних ушей.

– Ладно, это тоже обсудим наедине.

– А как зовут девушку? И как мы ее представим слугам? – решила сменить тему на более нейтральную.

– Девушку зовут Дэйзи, но надо придумать другое имя, более подходящее благородной леди. А слугам скажем, что это твоя дальняя родственница, что ты будешь готовить ее к следующему Королевскому Балу, по возрасту, она как раз подходит.

– То есть ты привел практически ребенка? – возмутилась я.

– Девушка говорит, что ей семнадцать, но выглядит она лет на пятнадцать, возможно это из-за одежды. Впрочем, ты сама все увидишь, – усмехнулся Двэйн.

О да, я уже хотела посмотреть, кого супруг привел в наш дом, доселе неизведанная ревность пустила коготки в моем сердце.

Чувство ревности в муках скончалось, едва я увидела девушку. Господи, да девушка ли это? Маленькая, худенькая, в чем только душа теплится? Одежда на ней мужская, грязная, висит мешком. А над всем этим на тоненькой шейке миловидное личико с огромными голубыми испуганными глазами, и волосы цвета червонного золота кудрями выбиваются из длинной косы. Не знаю, где Двэйн увидел пятнадцать лет, я бы ей больше тринадцати не дала. Невинный, загнанный в угол жизненными обстоятельствами ангелочек. Хотя в глазах девушки, несмотря на страх и неуверенность, проглядывает недюжинное упрямство. Ох, что-то я сомневаюсь, что из нее получится вить веревки моим родителям. Кстати о них:

– Милый, а ты обсудил это с королем? А мои родители уже дали согласие? – тихо прошептала я на ухо супругу.

– С Августианом, конечно, а твоих родителей он просто поставит в известность, – тихо ответил он, а потом громче добавил: – Дорогая, это Дэйзи, по-моему, типаж подходящий.

Девушка от его слов сжалась и как-то поплыла, во всяком случае, ее контуры утратили четкость.

– Леди, разве я вам не говорил, что на меня эти штучки не действуют?! – разнесся по холлу ледяной голос супруга, девушка тут же обрела четкость линий, а на ее лице отразилось отчаяние.

– Милорд, – решила я не называть Двэйна по имени в присутствии посторонних. От такого обращения он вздрогнул и с непониманием посмотрел на меня. – Думаю, нам лучше подняться в библиотеку и спокойно поговорить. Джеймс, будьте добры, принесите чаю и к чаю чего-нибудь тоже, а еще, думаю, полноценный обед для леди. Сомневаюсь, чтобы в вашем управлении догадались покормить девочку.

Последнее предложение я произнесла с улыбкой, глядя на супруга. Интересно, он поймет эту игру в плохого и хорошего

следователя?

– Это удачная мысль, так и поступим, – ответил Двэйн, предложив мне локоть.

Я же заметила какое-то движение воздуха рядом с Дэйзи, а потом она что-то сказала одними губами. Странно, надо бы проверить ее на душевные болезни, да вообще на все возможные болезни, не хватало еще международного скандала.

* * *

Двэйн краем глаза наблюдал за реакцией жены на девушку, больше всего он боялся, что Анна воспримет ее неадекватно. Когда герцог пришел к королю и рассказал о том, что он собирается на время поселить будущую родственницу в своем доме, пока не получено согласие родителей Анны, Августиан рассмеялся и обозвал его идиотом. Кузен вообще не привык стеснять себя в выражениях, когда они были одни, но в этот раз он превзошел сам себя. В принципе позиция короля была проста и понятна: он уверял, что Двэйн сам роет для себя яму, пуская в свой дом молоденькую и хорошенькую девушку, что жена этого точно не оценит. Так что ему, Двэйну, надо готовиться к скандалу, битью посуды и к одиноким ночам в холодной постели. Лорд пытался доказать, что для ревности нет никаких причин, что Анна знает, как сильно он ее любит, тем более девочка годится ему в дочери. И вообще, на нее же без слез не взглянешь: такие нравятся либо прыщавым подросткам, либо старым извращенцам, а он, слава богу, ни к тем, ни к другим не относится. Да он бы с радостью пристроил девочку куда-нибудь, но куда? Кому можно доверить такое дело, тем более, пока его решено не афишировать? А девушка к тому же с магическим даром, сбежит и поминай, как звали, где он еще найдет такую кандидатуру. Августиан смеялся, уверяя, что с позиции логики слова Двэйна верны, а мотивы понятны, но когда женщины пользовались логикой? Особенно влюбленные.

Сейчас же он наблюдал, что и среди женщин бывают исключения. Хотя был момент, когда Двэйн уже готовился услышать много неприятного о себе, он хорошо запомнил, как сузились зрачки у супруги, как сжались губы, когда он сказал, что привел девушку в их дом. Что-то ему подсказывает, что она не стала бы бить посуду, если только об его голову. Кому, как не ему знать, какой вулкан страстей дремлет под этой нежной и утонченной внешностью. Смешно даже думать, что он может увлечься кем-то, когда в его руках такое совершенство, только вот

ей он говорить этого не будет, а то и правда решит стать королевой. Когда жена показала ему миниатюру с изображением принца Аризмата, он чуть не заскрипел зубами. Даже если представить, что художник польстил, то все равно принц был очень хорош собой. Кстати, от греха Двэйн миниатюру забрал под предлогом того, что бы показывать возможным невестам.

Меж тем они поднялись в библиотеку. Двэйн с Анной шли впереди, Дэйзи плелась следом, а за ней шел охранник со специальным амулетом на шее. С недавних пор их стали делать для стражей порядка, потому что участились случаи воровства с помощью отвода глаз. Как церковники ни пытались проредить, а местами на корню уничтожить магию в мире, дети с даром все еще рождались и часто у совершенно обычных родителей. Но был у всех один признак: все люди с даром в своих предках имели первых переселенцев.

Хроники разнятся в датах, в причинах, да и в способах, как араи пришли в этот мир. Они походили на людей, но были исключительно блондинами, как маркиз Монфри или Анна. Именно они назвали этот мир Эмбер, что на их языке означало янтарь. За несколько тысячелетий Эмбер стал называться Эмбра, араи ассимилировались, а среди людей стали рождаться дети с магическим даром, слабеньким, но все же. А вопрос, который мучает всех историков и поныне, откуда пришли араи и почему, так и остался без ответа.

Дэйзи, получив разрешение сесть, сразу забилась в угол кресла, она залезла бы туда с ногами, но в последний момент сдержалась.

– Дэйзи, давай знакомиться, меня зовут Рибианна, герцогиня Варрийская, но ты можешь звать меня просто леди Рибианна. Герцога Варрийского, думаю, ты уже знаешь. Милорд уже рассказал, что мы хотим тебе предложить? – голос Анны был мягок и вкрадчив, но в то же время без заискивающих ноток.

Он решил предоставить вести беседу жене, все-таки женщины быстрее поймут друг друга, а он тут в качестве устрашения для девчонки и для поддержки супруги.

– Нет, герцог сказал, что не в моих интересах отказываться и что все объяснения потом, – нехотя ответила девица.

– Дэйзи взяли на месте преступления, рядом с трупом. Имела место быть разборка между мужчинами, я думаю, за право на обладание этой юной леди. Ее друг был ранен, видимо, это вызвало какой-то скачок в способностях девушки, сама она внятно этого объяснить не может. Но итог неутешителен: вольно или нет, но она убила человека, причем способом, который карается казнью через сожжение, – пояснил Двэйн на

приподнятые брови супруги. – Так что у Дэйзи только два выхода: или на костер, за убийство с использованием магии, или соглашаться на наше предложение.

– Ну, дорогой, наверное, надо было его все-таки озвучить? – лукаво улыбнулась Анна. – Вдруг у девушки есть обет или она уже помолвлена?

– Я не помолвлена, – буркнула девушка.

– Это просто замечательно. Тогда наше предложение не покажется для тебя чем-то ужасным, наоборот, многие мечтали бы оказаться на твоем месте. Вижу, ты уже напридумывала себе всяких страхов. Тебе же всего лишь надо будет выйти замуж за принца Лабриана из Аризмата, – Анна ласково улыбнулась будущей сестре.

Как ни старалась сдержаться Дэйзи, но у нее вырвался облегченный вздох, но в глазах тут же появилось подозрение.

– Но я же не из благородных? Как принц может жениться на безродной?

– Хороший вопрос, Дэйзи. Видишь ли, за принца должна была я выйти замуж, мои родители, как водится, все решили и обо всем договорились. Но мы с милордом полюбили друг друга и поженились вопреки желанию моих родителей. Но дело в том, что брак с принцем Аризмата одобрен на международном уровне, политика дело такое, что никого чувства не волнуют. То есть свадьба должна состояться, иначе может разгореться скандал, который никому не нужен. Но есть выход: так как брак политический, то короля Ренье волнует только мое приданое, а дадут его за меня или за приемную дочь – не имеет значения. Мои родители тебя удочерят, и ты выйдешь замуж за принца Лабриана. Ты, наверное, хочешь знать, а почему именно ты? Отвечу, девушка должна быть блондинкой с голубыми глазами, а такие остались только в благородных семействах или у варваров. В благородных семьях все девушки наперечет, а тебя можно выдать за украденную в детстве. Определенное сходство между нами найти можно.

Двэйн заметил, как при последних словах вздрогнула девушка и испуганно посмотрела на его супругу, как будто действительно выискивая это сходство. У Дэйзи была классическая внешность благородных леди: тонкая кость, светлые волосы и глаза, аккуратные черты лица. А вот это уже интересно и требует отдельного разбирательства, даже если кто-то из лордов сделал ребенка служанке, шансов получить такую внешность очень мало. Надо будет поднять документы за последние лет двадцать и проверить, не из похищенных ли она.

* * *

Я смотрела на девушку, ожидая ее ответа, у нее, кстати, оказался весьма приятный голос, правильная речь и никаких дефектов дикции, то есть уже хорошо. А если нанять учителей, то через полгода из нее выйдет вполне достойная леди.

– Я согласна, впрочем, моего же согласия и не требуется, – хмыкнула девушка, немного освоившись и расслабившись после сообщения о том, что ничего неподобающего ей предлагать не будут.

– Ну что ты, милая, выбор у тебя есть: или костер, или замужество, – я решила сразу обозначить место Дэйзи, чтобы она не считала себя незаменимой. Девушка на вид неглупая, но мириться с ее гонором я не собиралась, еще не хватало вносить раздор в наш дом.

– Я все поняла. Когда свадьба? – хмуро произнесла она.

– На зимних праздниках, вероятно. Тебе еще многому предстоит научиться до этого. Пару недель поживешь у нас, а после удочерения переедешь к моим родителям. Но если мы с тобой найдем общий язык, то, возможно, останешься у нас практически до свадьбы. Но это предложение ты оценишь только после того, как познакомишься с маркизой Монфри, – улыбнулась я, но в это раз нормально, а не как полагается истинной леди. – Дорогой, у нас же где-то было изображение принца, думаю, надо показать его Дэйзи. Девушке будет приятно узнать, что ее будущий муж молод и хорош собой.

– Отличная идея, милая, – обрадовался Двэйн, поднялся с дивана и вышел, думаю, в свой кабинет, вряд ли он носит миниатюрное изображение принца с собой.

– Но вы почему-то его не выбрали, – буркнула вполголоса Дэйзи, когда за Двэйном закрылась дверь.

– Зачем мне красавец принц, которого я совершенно не знаю, когда рядом любимый человек?

Вопрос был риторическим и ответа не требовал, девушка хотела что-то на это сказать, но тут вернулся Двэйн.

– Вот, можешь оставить изображение себе, нам с супругой оно без надобности. Любимая, я перехватил Джеймса и сказал ему, что бы обед Дэйзи отнесли в приготовленную ей комнату, служанка стоит за дверью, ждет, чтобы ее проводить. Тебе еще нужно что-то ей сообщить?

– Нет, все остальное подождет до завтра, пусть девочка отдыхает, – я старалась не рассмеяться, Двэйн как-то странно себя вел.

Дэйзи довольно быстро соскочила с кресла и вышла из

библиотеки.

– Может, надо было дать какие-то инструкции прислуге? – спросила я, когда супруг меня перехватил у двери и не дал выйти из комнаты следом за девушкой.

– Я уже дал, не переживай. Я так по тебе соскучился, – муж обнял меня, целуя щеки, глаза, нос. – Солнышко, пойдем в спальню?!

– Двэйн, что происходит, ты прямо сам не свой? – немного отстранилась от него.

– Значит, идем в буфет, – вздохнул супруг.

– Зачем? – не могла я взять в толк.

– Там вся посуда хранится, бить удобнее будет, – усмехнулся Двэйн.

Не знаю, что отразилось на моем лице, но муж рассмеялся и поцеловал меня.

– Извини, Анна. Мне и правда некуда было пристроить эту девушку. Это всего на две недели, не больше. Хочешь, ты с ней даже не увидишься? Тебе же неприятно, что она здесь?!

– Двэйн, мне неприятно, что ты со мной даже не поговорил. Ты мог узнать мое мнение до того, как привел чужого человека в дом. А против самой девушки я ничего не имею.

– Прости, любимая, но все никак не привыкну, что некоторые решения теперь мы должны принимать вместе, – Двэйн все так же не выпускал меня из кольца своих рук. Улыбался, заискивающе хлопая ресницами, это смотрелось так уморительно на его лице, что я не выдержала и рассмеялась.

– Я люблю тебя, – произнес он, приподнимая меня.

– А я люблю тебя, – все еще улыбаясь, ответила ему. – Ты меня в спальню собрался нести?

– Зачем? Когда у нас еще библиотека не опробована.

– Двэйн, только дверь закрой!

– Нет, и пусть кто-нибудь только войдет, уволю без выходного пособия! – весьма громко сказал он, шуршание за дверью подтвердило, что лишних ушей в доме хватает.

– Нет, я точно уволю парочку-другую, уже в собственном доме слова лишнего произнести нельзя, – прокомментировал супруг, но я не дала ему и дальше развивать эту тему, обняла руками за шею и поцеловала.

Глава 13

На следующий день я с помощью посыльного вызвала портного для Дэйзи, написав ему в записке, чтобы он захватил с собой готовые платья и белье для юной, хрупкого телосложения девушки. Что ж, надо отметить профессионализм портного: он, помимо заказанных, захватил еще множество нужных вещей. Я решила, что трех платьев и сопутствующих им деталей одежды, как-то нижнее белье и обувь, для девушки на первое время хватит, а остальной гардероб пусть ей приобретают мои родители. Раз уж мне приданое не светит, то стоит экономить семейный бюджет.

Дэйзи с хмурым видом сносила все примерки и подгонки платьев, а потом, когда господин Ларье отбыл со своими помощницами, столь же хмуро терпела, пока Надя приводила ее волосы в порядок. Но результат стоил тех жертв, Дэйзи в нежно-розовом платье с рюшами, в облаке золотистых волос была олицетворением мечты любой матери, именно такими они хотят видеть своих юных дочерей. Примерно это из меня всегда пыталась сделать маман, что ж, надеюсь, в плане внешности Дэйзи ей понравится.

– Дэйзи, только не надо хмуриться, ресницы немного опусти, взгляд в пол, подбородок наоборот повыше, спину прямее. Привыкай к мысли, что ты скромная, наивная девушка. Жаль не нашлось корсета твоего размера, он превосходно держит осанку, – сказала я девушке, видя, что она почему-то недовольна своим отражением.

– Неужели вам все это нравится? – буркнула Дэйзи, разглядывая себя в зеркале.

– А что тебя не устраивает? Ты красивая, платье тебе идет, весь этот ворох рюшек скрывает нескладность фигуры. Ты наконец-то похожа на девушку, а не на мальчика-подростка.

– Но почему розовый?! Не люблю этот цвет! – девушку явно передернуло. Надо же, у нас с ней сходятся взгляды, хотя я не любила розовый только на себе, на других он мне даже нравился, скажем, на Дэйзи он очень приятно смотрелся.

– Я могла бы сказать, что дареному коню в зубы не смотрят, – девушка покраснела и потупилась, – но все же объясню. Ты же обратила внимание, что все платья были светлых тонов? Это потому, что сейчас лето и так модно в нынешнем сезоне в высшем обществе. А среди девушек, достигших брачного возраста, но не представленных ко двору, требования к одежде еще более жесткие. Платья могут быть бежевого или розового цветов,

любого оттенка, декольте почти отсутствует, при наличии короткого рукава к платью обязательно прилагается накидка. В общем, никакого открытого тела и ярких цветов, считается, что юность уже украшение девушки и ей незачем еще больше подчеркивать свою красоту. А бежевый цвет тебе совершенно не идет, он сливается с кожей, вот поэтому тебе придется носить розовый.

– Теперь твоя очередь объяснять, почему ты так не любишь этот цвет, – я улыбнулась, глядя, как Дэйзи скривилась от моих слов.

– Когда я была маленькая, недалеко от нас жила зажиточная семья. У них было две девочки, мои ровесницы, они всегда ходили чистенькие и аккуратные, а по праздникам надевали розовые платьица. Однажды я подговорила друзей, и мы обкидали их грязью. Помню, как мать их утешала, говорила, чтобы они не плакали, что она им купит сладости, а нас надо пожалеть, ведь мы такие злые дети потому, что у нас нет родителей. Но это неправда, у меня был отец и сейчас есть. Кстати, он тогда впервые меня выпорол, с тех пор я не люблю розовый цвет.

– Понятно, обычная детская зависть, причем не столько к розовым платьям, сколько к тому, что у тех девочек была мама. Я ведь правильно поняла, тебя воспитывал отец? – я с интересом наблюдала, как в Дэйзи борется желание высказаться, видимо, по природе своей она не привыкла скрывать свои мысли.

– Моя мама умерла, когда мне было три года, а отец у меня замечательный, он любит меня за двоих, так что у меня не было повода для зависти, – вскинула голову девушка, кого-то неуловимо напомнив этим движением.

– Отец все равно не сможет заменить мать для ребенка, хотя бывают такие мамаши, что лучше бы их не знать. Кстати, твой отец, наверное, волнуется, переживает, почему бы тебе не написать ему письмо? Только не пиши в нем ничего такого, что ты желала бы скрыть от посторонних, потому что письмо надо будет дать прочесть милорду.

Девушка, обнадеженная вначале, от моих слов расстроилась, не знаю, что она хотела сообщить отцу, возможно, он был последней надеждой выбраться из этой западни. Мне хватило пробыть с Дэйзи несколько часов, чтобы понять: она не прониклась пониманием, что на нее свалилась огромная удача. В девушке я видела только желание сбежать, вернуться обратно в свой мир. Странно, в основном бедные девицы и не только бедные мечтают выйти замуж за принца, причем все они уверены, что принц обязательно будет красивым и добрым. Зачастую же, из-за

погрязшего в разврате высшего общества, принц, в свои двадцать с небольшим лет, наверняка окажется пресыщенным, избалованным женским вниманием или того хуже, прочно зависящим от запрещенных веществ.

– Леди Рибианна, вы не знаете, Борн выжил? – замялась Дэйзи.

– Борн – это твой жених? – становится понятным, почему девушка не рада предстоящей свадьбе с принцем, видимо, она все же влюблена, но не признается в этом.

– Нет, он мой друг, он пытался меня защитить, но тот человек пырнул его ножом, а потом случилось то, что случилось, – девушка обреченно вздохнула, нервно ежась.

– Я спрошу у милорда, возможно, ранение твоего друга было неопасным, и он выжил, – попыталась я утешить девушку.

– Миледи, к вам пришли посетители, – зашел в гостиную Джеймс, вид у него был бледноват, но полон решимости. – Их придется принять.

– Дэйзи, ты писать умеешь? – девушка кивнула, озадаченно переводя взгляд с меня на дворецкого. – Хорошо, писчие принадлежности и бумагу ты найдешь в библиотеке, можешь написать отцу письмо. А я пойду, посмотрю, что у нас за гости такие, которых обязательно надо принять.

– Джеймс, так кто у нас там и почему такие тайны? – спросила я у дворецкого, когда мы вышли из гостиной.

– Священники, двое. Не хотел этого говорить при девочке, миледи. Незачем ее пугать.

– Почему пугать? – я не совсем понимала, почему все боятся церковников. Видимо, потеря памяти – это не всегда хорошо.

– У девочки магический дар, это вас есть кому защитить, миледи. А девочку сразу заберут в монастырь, если обнаружат ее способности. И ваше покровительство ее не спасет, среди женщин редко встречаются даже зачатки дара.

– И понятно, и нет, но думаю, сейчас не время это обсуждать. Не будем заставлять святых людей ждать, – улыбнулась я скромно и застенчиво, как полагалось молодой жене.

Вот с таким выражением на лице я вошла в приемную залу нашего особняка. Как интересно, почему-то я думала, что все священнослужители мужчины, но из двух присутствующих одна была женщиной. Хотя это можно было понять только по волосам: у женщины они были в два раза длиннее. При моем появлении они не встали со своих мест. Еще один повод удивиться, но мое знание религии оставляло желать лучшего, поэтому я просто проигнорировала их неуважение ко мне.

– День добрый, господа, что вас привело в мой дом? –

реверансов и поклонов делать не стала, да и неудобно как-то, ведь они сидят. Так что присела напротив них в свободное кресло. Судя по бледному виду Джеймса и нервно подергивающемуся глазу у священника, ошибок я наделала уже массу.

– Дочь наша, мы принесли к тебе в дом слово божие, возрадуйся! – провозгласил дядька, даже не представившись. Женщина затянула заунывную молитву, из которой я не поняла ни слова.

Все это походило на спектакль для одного зрителя, и им была я. И все бы ничего, возможно, меня бы даже проняло, если бы я хоть что-то понимала. Вон Джеймс явно не в своей тарелке, из бледного стал красным, как если бы оказался свидетелем чего-то непотребного. Я же, как могла, сохраняла спокойное выражение лица, хотя самой хотелось выкинуть этих шутов на улицу. Наконец молитва закончилась, а мужик подозрительно на меня покосился, не знаю, какую он реакцию ожидал увидеть, но отсутствие вообще какой-либо, его очень озадачило.

– Дочь наша, разве не счастлива ты, что в твоем доме прозвучал священный язык? Разве не испытываешь ты благоговение перед таинством, свершившимся пред тобой?

Я впала в задумчивость: как ответить на всю эту бредятину и не попасть опять впросак? Ссориться с церковниками нам было не с руки, с ними даже король старается держать вооруженный нейтралитет. Почему-то мое молчание очень обрадовало священника, и голос его стал мягче и проникновеннее, женщина меж делом опять затянула какую-то не то песню, не то молитву. Этот монотонный речитатив отдавался головной болью, а черты лиц священников поплыли.

«Черт, да они меня гипнотизируют!» Я внутренне встряхнулась, стараясь не подать вида, очень хотелось узнать, что им в действительности от меня надо.

– Дочь наша, ты недавно связала себя узами брака?

– Да, – пока я размышляла, стоит ли сказать что-то еще, мужчина продолжил:

– Тебе было видение, дарованное господом, отцом нашим?

– Да, – что-то его вопросы смахивают на допрос.

– Какое? – ты смотри-ка, а вопросики все короче и короче.

– Свет, теплый, как солнечный, но неяркий, – вовремя я вспомнила наставления супруга, хотя очень хотелось рассказать про радужный круг, про светящиеся нити.

Видимо, на меня их внушение все-таки действовало. А еще не терпелось узнать, как на все это реагирует Джеймс, но проявлять любопытство я боялась, и так с трудом держала глаза

полуприкрытыми, чтобы не выдать себя. Но на меня несколько минут никто внимание вообще не обращал, священники яростно переругивались на незнакомом языке. Я даже заскучала, но сидела все также неподвижно, вдруг это еще не все.

– Мы не можем так рисковать, дар слабенький, а влияние герцога огромно, – раздраженно воскликнул мужчина, перейдя на нормальный язык.

– А я говорю, все не так просто! Я с трудом ее держу, ты понимаешь, что это значит?! – ты глянь, а тетка оказывается, не только молиться может. Судя по всему, они равны по положению, надо будет почитать о религии, чтобы не попадаться вот так.

– Да пойми ты, нам ее никто не отдаст! Король поддержит брата, а наша епархия короля.

– Сколько можно прогибаться под этого… – дальше женщина сказать ничего не успела, мощная длань ее собрата по вере закрыла ей рот.

– Ты думай, что говоришь! – прошипел он.

– Они все равно ничего не вспомнят, – буркнула тетка, но уже тише. – Предлагаю увести ее, мы придем еще пару раз, и она сама пойдет с нами. А против желания герцогини уйти в монастырь от тирана и монстра мужа даже король сделать ничего не сможет.

– Отличная мысль, раньше она всегда срабатывала. Только в следующий раз возьмем с собой сестру Эльзу, у нее внушения выходят стойкие, – с каждым их словом мне все труднее было сидеть спокойно, хотелось вскочить и выставить их пинком за дверь. – Снимай молитву, скоро должен вернуться герцог, не надо, чтобы он нас застал.

– А может, еще немного, чтобы потом легче было?

– Нет, может заметить, ходят слухи, что у него дар есть, как наши братья его в детстве проглядели?

– Ну эту же тоже проглядели, чему удивляться, – хмыкнула тетка и опять забубнила. Сразу стало легче, голова прошла.

– Дочь наша, мы были счастливы поделиться с тобой словом божьим, – завел свою шарманку священник. – Но наш долг и другим нести радость! Сердце жжет горечь расставания, но мы еще придем в этот дом.

– Буду рада увидеть вас снова, – машинально ответила я, вставая. Пришлось ухватиться за кресло, меня ощутимо покачивало.

Я пошла провожать незваных гостей, как положено радушной хозяйке, хотя больше всего хотелось бежать к Двэйну и все ему рассказать.

– Еще раз, счастья и мир вашему дому, – произнес мужчина, протягивая мне руку.

– И вам того же, – слегка пожала его ладонь, потому что не знала что еще сделать.

Священник поперхнулся какой-то фразой, а женщина за его спиной закашлялась, скрывая таким образом смех. Выпроводив их, я глубоко вздохнула и обернулась к Джеймсу, мне надо было срочно с ним поговорить. Но помимо него, стоящего с отсутствующим видом за моей спиной, я обнаружила на лестнице вцепившуюся в перила Дэйзи. Девушка была бледна и с ужасом взирала на закрытую дверь.

– Джеймс, до прихода милорда мы, считай, на осадном положении, – взгляд немолодого мужчины выражал непонимание. А вот это уже странно. – Джеймс, вы же присутствовали при моем разговоре со священнослужителями? Не могли бы вы мне напомнить, о чем шла речь?

– Миледи, а разве к нам приходили священники?

– Дэйзи, ты-то их видела или тоже не помнишь? – я была раздосадована, вот оно что оказывается, они просто внушают и человек все забывает. Поэтому они не стеснялись при мне говорить о своих планах.

Надо обязательно рассказать Двэйну, видимо, церковь готовит переворот или какой-то заговор с целью уменьшения власти короля. Очень хотелось броситься самой к мужу или хотя бы послать Гарри с письмом, но я сдержала первый порыв. За домом могла быть слежка и попадать в руки церковников, как недавно бандитам, мне не хотелось, пусть думают, что их внушение удалось, и я ничего не помню.

– Я их видела, миледи, именно их, но не могу вспомнить, где и когда, – девушка буквально сползла на пол, цвет потихоньку возвращался на ее лицо, но страх еще не ушел окончательно.

– Джеймс, как я уже сказала, меня ни для кого нет. Вообще ни для кого. Как придет милорд, сразу сообщить мне. Пойдем, Дэйзи, расскажешь, откуда у тебя такой страх перед священниками.

– Я не знаю, миледи. Он всегда был, сколько я себя помню, – опустила голову девушка.

Надо ее от этого отучать, благородные леди опускают взгляд, но не голову. Образование, науки, родословную, все это можно пока пропустить. А вот таким, казалось бы, мелочам, как осанка, этикет, походка надо учить срочно. Очень уж бросаются они в глаза.

После часового разговора по душам нового о Дэйзи я не узнала. Нет, мне удалось выведать, что она неродная дочь отцу, что он в детстве спас ее, вынес из чумного города. Для себя я пометила название этого города, надо будет навести справки,

возможно, Дэйзи действительно благородных кровей. Также девушка рассказала свою версию, что отец может быть настоящим отцом, что он у нее актер, женщин у него было много. Что ж, девочке не откажешь в логике, тем более в жизни и не такое случается. Я решила ее поддержать, сказала, что не тот отец, что сделал ребенка, а тот, кто воспитал. Дэйзи покраснела и захихикала. Так, за чаем с булочками, я узнала о Борне, который действительно оказался другом Дэйзи к моему облегчению. А то, что парень влюблен в девушку, так это не страшно, он молод, попереживает и забудет. Еще мне удалось узнать причину, по которой «сестренка» не радуется будущему замужеству. Все оказалось весьма банально: Дэйзи хотелось самой выбирать свой путь в жизни, самой решать за кого выйти замуж. Я слушала ее с улыбкой, неужели в семнадцать мы все такие наивные?

Я могла бы ей сказать, что в нашей стране женщины априори не могу ничего выбрать, что сначала за нас несет ответственность и распоряжается нами, соответственно, отец или старший в семье мужчина, а потом эти бразды правления переходят супругу. Но она и сама все это знала, но все равно тешила себя надеждами и иллюзиями. Пришлось просто подтолкнуть ее к мысли, что выйдя замуж за принца, ей не придется за ним стирать, убирать, что в ее распоряжении будут любые учителя и возможности для самосовершенствования. Девушка заинтересовалась, спросила, есть ли в королевской библиотеке книги по магии. Видимо, решила начать совершенствоваться с того, что умеет. Уж не сбежать ли надумала? Хотя это ее дело, если принц окажется гадом, пусть бежит, но только после свадьбы. Так я ей и сказала, Дэйзи распахнула свои и без того большие глаза, а потом рассмеялась, смешно похрюкивая. Я смеялась тоже, а сама все пыталась понять, кого она мне так сильно напоминает?

* * *

Двэйн не успел зайти в дом, как его перехватил Джеймс и начал что-то сумбурно объяснять про каких-то священников, которых он не видел, но их видели Анна и Дэйзи, про какое-то осадное положение, распоряжение все той же миледи. В общем, Джеймс чувствовал себя незаслуженно обделенным информацией, а он этого очень не любил.

Решив, что если замешана церковь, то перестраховка не повредит, Двэйн не стал отменять распоряжение жены, тем более гостей он все равно не ждал, да и не любил их. Но любопытство съедало, поэтому он не стал дожидаться, когда Анна закончит

разговаривать с девушкой, а сразу вошел в гостиную.

– Добрый день, леди, а у вас тут весело, – приподнял он брови, глядя на смеющихся девушек.

Меньше всего он ожидал увидеть такое после слов Джеймса. Дэйзи осеклась и сжалась, она всегда так реагировала на герцога, но его это даже устраивало, он привык к такому поведению окружающих, да и Анна меньше ревновать будет.

– Здравствуй, милый, – вскочила с кресла супруга и подошла к нему с радостной улыбкой.

Он видел, что Анна хочет его обнять, поцеловать, но не решается это сделать при посторонних. Двэйн ее понимал, он и сам не очень любил выставлять напоказ свои чувства, просто порой не мог их скрыть.

– Я пойду, миледи? – поднялась Дэйзи, уставившись в пол.

– Хорошо, можешь идти, – машинально откликнулась Анна.

– Подожди, – окликнул девушку у двери Двэйн. – Джеймс что-то говорил про священников, я только не понял, к кому они приходили? К тебе?

– Нет, милорд, – побледнела девица, цепляясь за ручку двери. – Они приходили к миледи.

– Хорошо, тогда иди. Думаю, миледи сама мне все расскажет, да, милая? – одно он понял точно: за время его отсутствия что-то произошло в его доме и это ему не нравилось. Он считал, что в этом доме Анне ничего не угрожает, но, видимо, ошибся.

– Давай сядем, не знаю, поверишь ты мне или нет, – вздохнула Анна.

– Любимая, если не верить тебе, то кому тогда вообще верить? – обнял он жену. – Рассказывай, что у вас сегодня случилось?

Двэйн сидел на диване, одной рукой обнимая прильнувшую к нему супругу, а другой постукивал пальцами по подлокотнику. Услышанное ему категорически не нравилось, он был частично согласен с выводами жены, что в рядах священников наметились заговорщики. Но больше всего злило, что они решили забрать у него Анну. Двэйн мог простить родителям жены попытки их разлучить, но священникам он этого безнаказанным не оставит. Завтра же он пойдет к королю, у него давно уже есть огромное желание поставить на место зарвавшихся служителей веры, вот только явного повода не было. Но теперь он есть: заговор против короны, попытка похищения доверенных лиц короля. Да только это тянет не на один смертный приговор.

В уме мужчина уже проигрывал и просчитывал варианты, краем уха прислушиваясь к монологу жены. Оказывается, за один разговор с Дэйзи она узнала столько же, сколько он сам, заслав

агентов в тот район города, где жила девушка. Как у Анны это получается? Почему с ней охотнее делятся информацией? Оттого, что она женщина? Или дело в том, что жена внушает доверие? Над этим надо будет подумать, может быть действительно стоит ввести штатное место для женщины? Хотя бы ради того, чтобы не видеть слезы и истерики преступивших закон дамочек.

– Забыл сказать, графиня Диолан пришла в себя, но еще слишком слаба. Ей, конечно, задали несколько вопросов, но она молчит. Если ты все еще хочешь с ней поговорить, то я мог бы завтра взять тебя с собой, – задумчиво произнес Двэйн, зная, что жена ухватится за это предложение.

– Конечно, хочу! Только ты не мог бы дать прочитать отчеты, я не так уж много знаю о графине. А хотелось бы ее чем-нибудь зацепить. Хотя если пригрозить обнародованием факта, что у нее есть незаконнорожденный ребенок, она может и пойти на сотрудничество, – столь же задумчиво ответила жена.

Двэйн лишь силой воли удержал на лице невозмутимый вид. Кажется, пора разгонять всю контору, это уже переходит всякие границы, почему он слышит о ребенке вдовы Диолан впервые?

– Так что там с ребенком? – как бы невзначай поинтересовался он у супруги, про себя решив, что если ее данные подтвердятся, то он разгонит всех к демонам и таки возьмет пару женщин в штат. – И откуда информация?

– О, прости, я же тебе не говорила. Для меня Наденька кое о чем поспрашивала еще в самом начале расследования, но каждый раз что-то случалось, и я забывала тебе рассказать. У графини есть сын, его она прячет в поместье. Слуги говорят, что он от графа, как его там? Ну от жениха Элеоноры. Оказывается, они довольно долго встречались, причем начали еще до смерти мужа графини. Старый граф интересовался совсем молоденькими девушками и спустя два-три года перестал обращать внимание на жену. Так вот любовники даже собирались пожениться, но было одно препятствие: по завещанию, графиня могла повторно выйти замуж только после того, как сплавит Элеонору в надежные руки. Но девушка подросла и отбила у своей мачехи жениха.

Большую часть услышанных сведений Двэйн знал, и они проходили, как мотив для убийства, но о ребенке слышал впервые.

– Мои люди были в поместье, детей там нет вообще. Либо его прячут в другом месте, либо это выдумки прислуги, – подвел для себя итог Двэйн.

– Что и следов пребывания тоже нет?

– Ты про комнату с игрушками или детские вещи в шкафу? Этого добра хватало, но вещи все были на девочек лет десяти-

тринадцати. Старый граф действительно был извращенцем.

– А почему его тогда не посадили на кол, как всех насильников и остальных таких же?

– Деньги, связи и отсутствие жертв, все девочки были куплены у родителей и выдавались за воспитанниц. Когда проводилось расследование, все три девочки оказались невинны. Дело развалилось.

– А кто проводил освидетельствование? – у Анны был такой вид, как будто она что-то нащупала. – Доктора не могли подкупить или запугать?

– По закону освидетельствование проводят три человека: доктор, священник и представитель власти. Причем если доктора или священника еще можно вычислить, их не так уж много, то угадать чиновника невозможно, – улыбнулся Двэйн. Он уже чувствовал, что у женушки появилась гениальная идея, и ему не терпелось ее услышать.

– А всех угадывать и не надо, достаточно договориться со священником и все будут уверены, что черное это белое и наоборот, – вид у супруги был крайне довольный, а улыбка победной.

Что ж, в свете произошедших событий он был готов принять даже эту версию. Но это дело прошлое, хотя где-то же те девочки живут, стоит их разыскать и поспрашивать о графе и его окружении. Ведь контрабанда началась еще при его жизни, видимо, старому извращенцу перестало хватать денег на затыкание ртов родителям девочек и покрывающих его деяния чиновников.

– Это все интересно, но где искать ребенка? Твоя Надя не говорила, сколько ему лет?

– Нет, но вряд ли больше четырех, иначе графиня выдала бы его за наследника, – предположила Анна.

– Нет, если супруг при жизни не назвал наследника, то его может утвердить только король. А если ребенок родился после смерти мужа, то идут в храм, чтобы подтвердить отцовство.

– И как? – заинтересованно приподняла брови супруга.

– Когда ребенок рождается в браке, у него есть отпечаток магической татуировки родителей. В храме священник ее увидит и засвидетельствует, что ребенок законнорожденный. Так что мальчику может быть и лет пять, вряд ли бы старый граф спокойно отнесся к беременности супруги, которую не посещал несколько лет. Но мальчика надо найти, есть вероятность, что по этой причине графиня молчит.

– Думаешь, ее запугали?

– Как один из вариантов. Вот где бы ты спрятала ребенка?

– Ну не знаю. Если предположить, что все будут искать мальчика, то самое простое переодеть его девочкой, в таком возрасте это незаметно, – пожала плечами Анна, даже не подозревая, что своим предположением натолкнула мужа на весьма интересную мысль, которую стоило проверить.

Глава 14

Дни бежали за днями, Дэйзи занималась с учителями, ей преподавали самое необходимое: этикет, танцы, а также историю и традиции страны, где ей предстояло жить. Нам надо было успеть сделать из нее леди за месяц, потому что в первых числах осени должна была состояться помолвка. Король Ренье очень хотел получить свой кусок берега, чтобы до наступления холодов успеть построить там небольшой форт. Его даже не заинтересовала смена невесты, единственный его вопрос был о приданом: останется ли оно неизменным или мои родители планируют поделить его между обеими дочерями? Узнав, что договор в силе, он настоял, чтобы помолвка была заключена в начале осени, а невеста переехала к ним сразу же после ее заключения. Видимо, король справедливо опасался, что и эту девушку могут увести. Монарх клятвенно заверил, что чести Дэйзи ничего не угрожает, что к ней будет приставлена охрана и компаньонка, а свадьба состоится, как и полагается, через полгода.

Я думала, Дэйзи расстроится из-за того, что ей так скоро отправляться в чужую страну, но, похоже, она даже обрадовалась. Может, ей стал нравиться принц? Или она наконец-то прониклась мыслью, что быть принцессой не так уж плохо? На этот вопрос она отвечала уклончиво, говоря, что раз изменить ничего нельзя, то лучше не затягивать, да и нас стеснять не хочет. Ну это она зря, мне сестренка даже нравилась, хочется надеяться я ей тоже. А вот Двэйн с Дэйзи даже не пытался найти общий язык, он либо не обращал на нее внимания, либо устраивал ей внеочередной экзамен, обязательно в моем присутствии. Девушка отвечала ему тем же, правда, уже не шарахалась – какой-то прогресс.

И хотя с появления Дэйзи у нас прошло две недели, а мои родители дали согласие на ее удочерение (спасибо Августиану Третьему), но девушку они еще ни разу не видели. Первая встреча, она же поход в храм для признания Дэйзи приемной дочерью, должна состояться через три дня. Странно, что родители даже не хотят глянуть на ту, кто скоро станет именоваться Дэзире Монфри.

А вот дед полностью оправдал мое восхищение им. Он пришел к нам на следующий день, после разговора родителей с королем.

– Деда! – бросилась я ему на шею, он хоть и всегда кривился от этого, но было видно, что ему нравится. – Я так рада, что ты пришел!

– Конечно рада, ты же сидишь взаперти, – проворчал дед.

– Ну что ты выдумываешь, никто меня не запирал. Это просто вынужденная мера предосторожности, – и хотя меня саму раздражало, что за пределы ограды я выйти не могу, жаловаться деду не хотелось.

– Надо было думать за кого замуж выходишь. Вот она молодежь, никогда не слушает старших. Да, не надо делать такой вид, знаю, скажешь: люблю, жить не могу. Ладно, Двэйн мальчик хороший, если бы не его работа, я первый бы радовался за вас обоих. Я и сейчас радуюсь, но здоровье уже не то, не переживу, если с тобой что-то случится. И муж твой не переживет, уж я об этом в случае чего позабочусь, если из-за него ты пострадаешь, – глаза деда сверкнули.

Зря он на себя наговаривает, зря прикидывается старцем. А ведь если он выпрямится, перестанет потряхивать головой и левой рукой, наденет подобающий его положению камзол… В воображении предстал импозантный, все еще привлекательный мужчина лет шестидесяти.

– Ой, девонька, по глазам вижу, что-то ты не о том думаешь, – лукаво улыбнулся дед, забыв про нервный тик.

– Дед, а зачем вся эта комедия, ты же еще полон сил? – тихо спросила я у него. – И про руку с головой иногда забываешь.

– Ох, внученька, пойдем, присядем, стар я уже долго стоять, – громко сказал дед и цепкими пальцами ухватился за мой локоть, а потом уже продолжил тише: – Все просто, мы ведь из долгожителей, из прямых потомков араев, ты ведь изучала наше древо. Вот сколько лет мне, как ты думаешь?

– Семьдесят, но если бы ты перестал изображать старца, больше пятидесяти пяти тебе было бы не дать.

– Рибби, мне девяносто четыре, а твоему отцу шестьдесят. Можешь себе представить, какой ажиотаж это вызовет в обществе? Вот и приходится прибегать к уловкам, опять же завистники думают, что мне недолго осталось топтать землю, вот и не спешат с покушениями, – дед хмыкнул и улыбнулся. Я помогла ему сесть на диван, понятно, что он мог сделать это и сам, но уже привык играть свою роль. – А теперь рассказывай, что за девочку вы нашли с Двэйном? Будет ли она с достоинством носить наше имя?

Я рассказала ему все, что сама знала о Дэйзи. Дед молча выслушал, покивал головой и попросил позвать девушку. Я позвонила в колокольчик и сказала прибежавшей горничной, чтобы она привела Дэйзи, а на кухню передала мое распоряжение о чае.

Сестренка пришла раньше служанки с чаем и сладостями,

последние были, единственной слабостью деда.

– Дэйзи, познакомься, герцог Анзорский, мой дед. Надеюсь, вы поладите, – поддерживающе улыбнулась я девушке, кому, как не мне знать, какое первое впечатление производит дед.

– День добрый, герцог, – присела Дэйзи в реверансе, ей вообще довольно легко давалась эта наука.

– Добрый, добрый. Присаживайся, милая. Делить нам нечего, можешь не опасаться моего неудовольствия. Расскажи-ка лучше, как тебе живется у моей внучки?

Слово за слово, он смог немного разговорить Дэйзи. Но странно, дед спрашивал ее об обычных вещах: как даются новые знания, нравятся ли ей новые платья. «О да, он тоже не любит розовый, но он стар и ему просто не идет этот цвет», Дэйзи улыбалась, сдерживаясь, чтобы не засмеяться в голос. Минут через двадцать дед, сославшись на усталость и отсутствие свободного времени у самой девушки, отослал ее обратно к учителю танцев. Дэйзи с видимой неохотой ушла, сердечно попрощавшись с дедом, как я потом узнала от нее, герцог напомнил ей отца, по которому она очень соскучилась.

Письмо в тот памятный день отнести не удалось, отложили на следующий, но ответ она получила быстро. Двэйн дал мне его прочитать. Хоть я и считала это гнусным, но любопытство было сильнее. Отец Дэйзи писал, чтобы она не делала глупостей и не отказывалась от такого щедрого предложения. Намекнул, что у него в гостях был герцог – это он о Двэйне – и тот ему рассказал все более подробно, чем Дэйзи в письме. Еще написал, что Борн выжил, но ему о судьбе Дэйзи мужчина рассказывать не будет, глядишь, быстрее забудет. А дальше о том, как он ее любит и желает счастья.

– Ты ведь заметила сходство? – спросил дед, когда девушка вышла.

– Не знаю, есть что-то такое неуловимое, но уцепиться не могу. Так на кого она похожа? Я думаю это кто-то из высшего общества, а ты там всех хорошо знаешь.

– Да, оттуда, но пока промолчу, надо навести справки. А ты уловить не можешь только потому, что не видела этого человека молодым, – грустно улыбнулся дед. – Знаешь, она хорошая девочка, неиспорченная, даже жаль кидать ее в такую клоаку, как подковерные игры за престол. Ты же понимаешь, что наследство я перепишу на тебя и твоих детей? Конечно, часть останется твоему отцу: титул, земли, дом, но это маленькая толика. Я значительно приумножил состояние своего отца.

– Дед, о чем ты, нам ничего не надо, да и тебе помирать рано, ты еще с правнуками нянчиться обещал, – обняла его, не люблю,

когда он заговаривает о смерти.

– Да, Анна, да. Но все же послушай, сын мой слишком амбициозен, ему я не могу доверить состояние. А ты в меня, уверен, на тряпки и булавки все не спустишь, как твоя мать. Так что как умру, ты станешь опорой нашего рода. Хоть номинально герцогом будет Рейгар, управлять всеми активами, а они у меня не только в нашей стране, будешь ты. Завещание я уже подписал и заверил у короля. Кстати, не отказывайся от поста министра, если Августиан все же не отступится от этой идеи. Ты не сможешь всю жизнь провести в домохозяйках, натура не та. Да и муженьку твоему конкуренты не помешают, чтобы не забывал, какое сокровище ему досталось.

– Дед, но у родителей еще может появиться наследник, – с сомнением предположила я, представляя, как разозлятся отец с матерью, когда узнают о завещании.

– Ну и что, ему еще вырасти надо будет, человеком стать, а это лет двадцать пять, – усмехнулся дед. – Вот тогда и поделите.

– Не будем о грустном, лучше расскажи, как поживают будущие близкие родственники короля Ренье? – я злилась на родителей, обижалась, но все-таки они какие-никакие, но родные.

– Ругаются, мамка твоя обвиняет Рейгара в черствости и равнодушии. Дескать, ради влияния на короля Ренье ему плевать на собственного ребенка. Что он бросил тебя в лапах тирана и садиста. В ответ он обвиняет Алисандру в том, что если бы не ее чрезмерная забота, то ты бы не сбежала к первому встречному, сделавшему тебе предложение.

Я расхохоталась, в лицах представляя эту картину. Мы с дедом еще много о чем тогда поговорили, было жаль с ним расставаться, он обещал захаживать и не давать мне закисать. И он не обманул, на следующий день принес с собой кучу документов, не сам, конечно, а слуга следом за ним. Это были копии купчих на дома, поместья, банки, у нас и за границей, все это мне следовало изучить и разобраться. В будущем именно мне ими владеть.

Двэйн свое обещание сдержал, графиню Диолан мы с ним навестили вместе. Я ожидала тюремной камеры, мрачной и сырой, а супруг привел меня в светлое крыло тюремной больницы, где у вдовы была вполне комфортабельная комната. Чистая, теплая, обои в цветочек, занавески, столик, кровать и даже полочка с книгами. Только решетка на окне портила все впечатление.

Графиня лежала на кровати, похудевшая, бледная, с затаенным страхом в глазах.

– День добрый, леди Диолан. Как вы сегодня себя чувствуете? – спросил Двэйн.

Женщина вздрогнула, сильнее натягивая на себя одеяло, хотя в комнате и без того было душновато.

– Неплохо, герцог Варрийский, неплохо. Зачем вы опять пришли? Я уже отвечала на все ваши вопросы. Я не знаю, кто пытался меня отравить и за что. Я не убивала Элеонору, хотя эту тварь еще при рождении следовало утопить, истинное отродье своего мерзавца отца, – женщина пошла красными пятнами и закашлялась. – Уходите, я не хочу никого видеть.

– Я бы рад вас покинуть, но моя жена почему-то прониклась сочувствием к вам. Она уверена, что вы не убивали девушку, хотя я считаю иначе и последние ваши слова об Элеоноре лишнее тому подтверждение. Дорогая, ну ты же видишь, графиня не хочет разговаривать, ты зря сюда пришла. Ты у меня слишком добрая, спешишь на помощь даже тем, кто в этом не нуждается, – Двэйн повернулся ко мне, в глазах сверкнули лукавые искорки. Что ж, игра так игра.

– Ах, дорогой, ты, как всегда, прав. Впредь буду помогать только тем, кому помощь действительно нужна, – я направилась к двери, около нее оглянулась, чтобы посмотреть на подозреваемую.

Графиню разрывали противоречивые желания, но страх, который все больше проглядывал в ее глазах, заставлял держать рот на замке. Я невеликий следователь или целитель душ, но даже мне было понятно: женщина ничего не скажет, во всяком случае, пока что-то не подстегнет ее.

– Леди Диолан, а не подскажете, сколько лет исполнилось вашему сыну? – решила нанести последний удар.

Кто-то скажет – подло, возможно так и было, но ведь я действовала для ее же блага. Страх затмил разум женщины, она почему-то думает, что все обойдется и не может понять, что своим молчанием приведет себя на эшафот. Графиня сначала побледнела, потом покраснела, резко села на кровати, продемонстрировав нам с Двэйном кружевную сорочку весьма фривольного вида.

– Убирайтесь вон! Я вам ничего не скажу! – крикнула вдова.

– Так уж и ничего? – улыбнулась ей, меня притворный гнев женщины не волновал. Я подошла ближе к кровати и тихо продолжила: – Ему же лет пять? И похож он на своего настоящего отца, я о вашем покойном муже.

Леди Диолан сжалась, ужас, что она прятала внутри, вырвался наружу, ее затрясло.

– Одного не понимаю: почему вы сразу после рождения

ребенка не пошли к королю?

– Мне не дали бы дойти с ребенком даже до храма, – прошептала женщина, тревожно оглядываясь по сторонам. – Вы не понимаете, это страшный человек, он ни перед чем не остановится.

– Вы о вашем управляющем? – так же тихо поинтересовался Двэйн, осторожно отодвигая меня в сторону от не совсем адекватной графини.

Она опять вздрогнула, кивнула, а потом резко вскочила на кровати, вопя:

– Я ничего не знаю! Можете меня пытать, но мне нечего вам сказать! Злые, жестокие люди! – а потом резко упала лицом на подушку, заливаясь рыданиями, но во время всей этой истерики в глазах у женщины проскользнул холодный расчет.

Ясненько, кто-то весьма достоверно изображает сумасшествие. Я посмотрела на мужа, ища подсказки у него. Он молча подхватил меня под руку и повел на выход, где мы почти столкнулись с охранником.

– Вызовите для леди врача, пусть захватит с собой успокоительное, – отдал распоряжение супруг.

До его кабинета мы не разговаривали, подумав немного, я пришла к выводу, что тот спектакль графиня устроила не для нас, а для тех, кто мог подслушивать.

– Анна, ответь мне, с чего ты взяла, что ребенок леди Диолан законнорожденный наследник? – раздраженно спросил муж, едва мы переступили порог его кабинета. – Или ты опять забыла мне что-то рассказать?

– Нет, это был экспромт, основанный только на логике. Понимаешь, странно, что графиня оставила ребенка. В основном бастардов отдают на усыновление, если их не признает ни один из родителей. Я еще могу допустить, что графиня надеялась выйти замуж за графа Тронси, тогда он, вероятно, признал бы их общего ребенка. Но он больше полугода числился женихом Элеоноры, по идее вдова должна была определиться с судьбой сына. А ведь она собиралась сама еще выйти замуж, то есть ей ребенок мешал. Да и не похожа графиня на заботливую мать, вывод: мальчик ей для чего-то был нужен. А раз граф Тронси отпал, остается только бредовая идея, что малыш законный наследник. Подозреваю, она собиралась его объявить таковым после свадьбы Элеоноры и графа. Этим она отомстила бы им обоим, ведь все состояние перешло бы ее сыну, а она бы при нем стала опекуншей. Видимо, Элеонора как-то об этом узнала, отсюда и ее желание разорвать помолвку. Но убийство все равно не становится в общую схему. Я не вижу в нем смысла.

– Солнышко мое, – обнял меня супруг, – мне бы хотелось, что бы в следующий раз ты посвящала меня даже в самые бредовые идеи.

– Но это сегодня повезло, шансов, что повезет и в другой раз мало. А то напридумаю для тебя идей и буду потом глупо выглядеть, когда ни одна не подтвердится.

– Я уже мечтаю, чтобы ты ошиблась, а то скоро я буду глупо выглядеть на твоем фоне, – рассмеялся Двэйн, чмокая меня в носик. – А если серьезно, то всем свойственно ошибаться, и ничего страшного в этом нет. Знаешь, у меня по штату полагается аналитик, но этим никто не хочет заниматься. Мужчинам подавай работу, связанную с опасностями, а бумажки вызывают у них зевоту. Не хочешь попробовать? Будешь ездить со мной, работать полдня, а в обед я тебя буду отвозить домой?

– Конечно, хочу! – обрадовалась я возможности вырваться из дома. – А можно мне свой кабинет?

– Я думал поставить тебе стол здесь, – обвел он рукой свободное пространство у окна. – Но раз ты хочешь отдельный кабинет, придется упразднить комнату отдыха. Пойдем, покажу.

Он сдвинул портьеру на стене, за которой пряталась дверь, а за ней было пустое помещение, небольшое и светлое.

– И как ты тут отдыхаешь? – улыбнулась я.

– Никак, на работе отдыхать мне некогда. Ну как? Пойдет для кабинета? Завтра здесь уберут и поставят мебель. Думаю, вот сюда поместится диван, – улыбка у мужа вышла такая предвкушающая, что я не выдержала и рассмеялась.

Так что с недавних пор я не скучала. Особых успехов на следовательском поприще у меня пока не было, но никто их и не ждал. Мне кажется, Двэйн это придумал, чтобы вытащить меня из дома, а может, ему спокойнее, когда я рядом.

– Миледи, разрешите войти? – просунул голову в дверь секретарь мужа. – Вы просили принести отчеты за прошлый год.

– Надеюсь, вы принесли только нераскрытые дела, Кирк? – улыбнулась я молодому человеку. Кирк покраснел и нервно покосился на смежную дверь, которая вела в кабинет Двэйна.

– Конечно, миледи. Может, вам помочь их разобрать, я мог бы давать необходимые пояснения, ведь все эти дела мне приходилось читать, – секретарь неловко замялся.

Я видела, что его гложет любопытство, что ему самому интересно покопаться в старых делах и посмотреть на них свежим взглядом. Мне бы тоже не помешал помощник, но не хотелось подставлять Кирка. Двэйну очень не нравится, когда рядом со мной крутятся мужчины. Но что делать? В его ведомстве нет

женщин, а поднимать тяжелые пыльные папки или самой ходить за ними в архив, он тоже не разрешал. Но я нашла компромисс. Просто оставляла обе двери открытыми и предупреждала, что Кирк временно будет занят.

– Хорошо, Кирк, вдвоем мы быстрее их просмотрим. Предупреди милорда и оставь двери открытыми, чтобы услышать, если кто-то войдет в приемную, – секретарь был неглуп и понимал, для чего я оставляю открытыми двери. Но он даже не улыбнулся, сохраняя невозмутимый вид.

– Как вам будет угодно, миледи, – склонил он голову в поклоне и вышел.

– Солнышко, я слышал, вы с Кирком собираетесь разобрать незакрытые дела прошлого года? – на плечи мне легли горячие ладони супруга. Я уже привыкла, что он передвигается практически бесшумно, но все равно вздрогнула.

– Двэйн, ты опять меня напугал, – вскинула голову, чтобы посмотреть на мужа снизу вверх.

– Прости, милая, забываю, что ты не моя подчиненная. Привык так проверять работу своих служащих, – Двэйн улыбнулся мне, наклонился и поцеловал. – Анна, меня вызвал король, впрочем, как и всех министров. Надеюсь, это незапланированное совещание не продлится долго. Но в случае чего я оставлю распоряжения Кирку, если не дождешься меня, он выделит тебе охрану, чтобы сопроводили тебя домой. Хорошо?

– Хорошо, но я тебя подожду, – прижимаясь щекой к руке мужа, сказала я. – Ты лучше распорядись, чтобы мне сюда обед принесли.

– Милая, но совещание может затянуться до вечера, ты точно не устанешь? – пальцы супруга взялись разминать мои плечи, тепло и нега потекли по мышцам.

– Ну, если ты мне пообещаешь сделать массаж не только плеч, – лукаво улыбнулась Двэйну.

– Ваше слово для меня закон, леди, – склонился супруг в шутовском поклоне и совсем не шутя приник к моим губам. – Люблю тебя.

– А я тебя.

Двэйн ушел, а мне предстояло заняться интересным, но утомительным делом. Очень утомительным, если судить по количеству папок, которые заносил Кирк.

* * *

Герцог Варрийский не любил шумные сборища, это касалось

не только балов, но и совещаний министров. Всё, что эти старые и не очень маразматики обмусоливали в течение нескольких часов, можно было решить за четверть часа. Но лорду по долгу службы приходилось присутствовать на этих сборищах. Кстати, не лишним будет понаблюдать за своими новыми родственничками. Если герцог Анзорский ясно дал понять свое отношение к браку Двэйна и Анны, то маркиз Монфри, как истинный дипломат, ускользал от разговора на эту тему. Не то что Двэйна интересовало мнение тестя, просто ему хотелось ясности и определенности. Поскорее бы уже удочерили Дэйзи, тогда хоть козней родителей Анны можно будет не опасаться.

Двэйн не был мстительным, если бы он старался унизить каждого, кто распускал о нем дикие слухи или устраивал другие мелкие пакости, то ему бы не хватало времени заниматься своим делом и жизнью. Но есть вещи, которые нельзя оставлять безнаказанными, которые нельзя прощать даже близким родственникам. У Двэйна из родственников остался только кузен, и хоть августейший брат был весьма своенравным, но он никогда не переходил границ, мстить ему было не за что. А вот для родителей супруги Двэйн приготовил сюрприз, который они запомнят на всю оставшуюся жизнь, потому что никому не позволено обижать Анну.

Губы герцога слегка растянулись в коварной усмешке, сидящий напротив него министр торговли побледнел и покрылся крупными каплями пота. «Ай-ай, какие мы впечатлительные», усмехнулся про себя Двэйн, ставя галочку в голове, чтобы проверить этого типа. Кажется, придется подключать Анну, сам Двэйн плохо разбирается в финансовых махинациях, а вот у его малышки это получается превосходно. Вспомнив о жене, Двэйн заскучал еще больше. А еще возникло беспокойство, как она там? Вряд ли ей что-то грозит на территории его управления, но всегда есть место случайности.

После совещания он не остался на обязательный банкет, а поспешил к супруге. Подходя к кабинету, он издалека услышал многоголосый шум. Он ожидал чего угодно, но никак ни того, что увидел. Двэйн оперся плечом на дверной косяк и с улыбкой наблюдал, как Анна учит следователей правильно и грамотно заполнять документы.

– … виноват он сам» и как вы это прикажете понимать, господин Ларан? Это же вы писали? – распинала Анна молодого следователя.

– Ну, а кто виноват, если баронет напился и упал в реку? – не понимал парнишка.

– Вот так и надо было написать: баронет N выпил лишнего, не

удержался на коне и упал в реку, в результате чего утонул. А у вас «в утоплении баронета виноват он сам», в утоплении какого баронета? Он что, еще кого-то утопил перед тем, как утонул в реке?

– Нет, миледи, – промямлил Ларан, остальные же присутствующие заржали.

– Это не смешно, господа, а очень грустно, потому что почти в каждой папке есть похожие казусы. Порадовал только господин Строн, примите мое восхищение, редко встречаешь бумаги в таком идеальном порядке, – супруга улыбнулась лучшему следователю управления, всегда хмурому, с тяжелым взглядом, которого боялись даже ярые каторжники. Сейчас выглядел смущенным, старательно пытаясь задавить довольную улыбку. Так, пора распускать эту теплую компанию.

– Добрый вечер, господа. Вижу, вы не скучаете?! Господин Ларан, как продвигается дело о краже фамильных драгоценностей леди Элоизы? А может, господин Строн уже нашел убийцу леди Элеоноры? Дорогая, именно этот человек, которого ты так хвалила, топчется на одном месте, – Двэйн понимал, что в нем говорит обычная ревность, но слова уже были сказаны, и оставалось поддерживать образ дальше.

– Правда? О, тогда у меня к господину Строну столько вопросов. Можно, он завтра покажет мне дело? – взгляд у Анны был такой просящий, что Двэйн не смог ее отказать.

– Конечно, любимая. А сейчас все свободны.

Откланявшись и пожелав герцогу Варрийскому и его жене приятного вечера, следователи покинули кабинет.

– Может, сходим куда-нибудь поужинать? – обнял он наконец-то супругу.

– Но мне надо переодеться, не могу же я прийти в приличное заведение в пыльном платье? – прильнула к нему Анна.

– А в неприличное?

– Это в какое? – брови у жены изумленно приподнялись.

– Увидишь, ну что, пойдем?

– А пойдем, но если ты решил затащить меня в какой-нибудь бордель, пеняй на себя, – рассмеялась Анна и погрозила ему пальцем.

– Солнышко мое, разве я похож на самоубийцу? – целуя в очаровательный носик, произнес Двэйн. – Пойдем, думаю, тебе понравится.

* * *

Домой мы возвращались поздно, в закрытой карете, с трудом сдерживаясь, чтобы от поцелуев не перейти к чему-нибудь большему. Вечер вышел просто замечательным. Двэйн привез меня в чайхану. Она была не совсем в традиционно восточном стиле, в нее женщин пускали. Также в традиционной чайхане не подавались спиртные напитки, в этой же для представителей других вероисповеданий делали исключения. Но это было не самое интересное. Меня поразило внутреннее убранство: посередине зала была небольшая сцена, а вокруг нее располагались отдельные альковы. Внутри низкий широкий диван, так, чтобы удобно было возлежать, много подушечек, столик, кальян, шелковые яркие занавески. Да всего и не перечислишь, в общем, красота и роскошь, мне даже неудобно стало за свой довольно скромный вид.

– Не переживай, – наклонился ко мне супруг. – Освещение сделано так, что из соседних альковов ничего не видно, да ты сама посмотри.

Двэйн оказался прав, за счет яркого освещения сцены альковы утопали в тени и разобрать, кто находится в них, не было возможности. Еще меня поразило, что муж в совершенстве владеет языком степняков, именно на нем он разговаривал с подошедшим официантом, или как там они у них называются? Нам принесли разнообразного мяса: и жареное, и в соусе, и на пару, а также много фруктов и легкое белое вино.

– В традиционной восточной кухне отдается предпочтение как раз такому сочетанию продуктов, – объяснял Двэйн. – Мясо и фрукты, мясо для мужчин, фрукты для женщин, для поддержания фигуры.

– Хочешь сказать, что мне пора ее поддерживать? – игриво пихнула в бок супруга.

– Знаешь, женщины востока отличаются пышными формами, – лукаво улыбнулся Двэйн, окидывая мое тело голодным взглядом. – У тебя же все идеально на мой вкус, но если что-то еще добавится, я буду только рад. Кстати, попробуй жареную баранину, ее надо есть горячей.

Дальше мы вкушали изысканные яства и смотрели представления. Акробаты, танцовщицы, заклинатели змей, но больше всего мне понравилась огненная феерия. Это было настолько захватывающее зрелище, мне такого не доводилось видеть ранее. Языки пламени взлетали и обволакивали молодого мужчину, типичного степняка, смуглого и черноволосого. Не знаю, как ему удавалось не обжечься самому и не подпалить кого-нибудь. Он не просто крутил горящие обручи в руках, он танцевал с ними, причем я видела, как огонь прямо струится по

его коже, казалось, он весь горит. Просто завораживающее зрелище.

– Ты уверена, что за того мужчину вышла замуж? – ревнивый голос мужа отвлек меня от парня.

– Любимый, что ты выдумываешь, просто я впервые вижу что-то подобное, – улыбнулась я Двэйну. – А ты не знаешь, как добиваются такого эффекта? И как не загораются занавески?

– Занавески довольно далеко, а еще я слышал, ткань чем-то пропитывают, чтобы она не воспламенилась от случайной искры. А о каком эффекте ты говоришь?

– Ну как же, у него же языки пламени по коже пробегают, – недоуменно посмотрела на супруга, он не видит разве? Или он так же не смотрел на сцену, как тогда, когда выступали танцовщицы? На мои провокационные подначки, типа посмотри, какая красавица, он отвечал, что самая красивая женщина в мире сидит рядом с ним и другие его не интересуют.

– Дорогая, ты уверена, что это не игра света или твоего воображения? – взгляд у Двэйна стал цепким, как если бы он вел допрос.

– Милый, я еще галлюцинациями не страдаю. Не веришь, подзови его ближе, вдруг у меня и правда разыгралось воображение, – обиженно фыркнула. Сначала он думает, что я увлеклась каким-то степняком, когда в моем распоряжении был князь, а теперь, что я еще и слепая.

– Анна, не обижайся, – понял свою ошибку Двэйн и поцеловал мое запястье, потом сгиб локтя, а там и до шеи дошел. Ну и как на него обижаться, если после пары поцелуев я готова все ему простить. – А знаешь, давай его позовем, есть у меня подозрение, что он маг. Король очень заинтересован в магах.

– И что мы у него спросим? А не маг ли ты, уважаемый? А не хотел бы ты потрудиться на благо короны? Как думаешь, сколько ему понадобится времени, чтобы уехать из страны?

– Все верно, солнышко. Все верно. Но мы будем хитрее. Ты спроси у него парочку глупостей, а я вставлю, что скоро у нас праздник, и мы не прочь нанять его, – надо было видеть азарт в глазах герцога.

– Ладно, попробуем, а что у нас за праздник?

– Как же, ты забыла, что скоро обретешь сестру? – подмигнул мне супруг. – Пригласим гостей, близких родственников, кузен с женой придут.

– И ты мне только сейчас об этом говоришь? Тут осталось меньше двух недель!

– Успеем, Джеймс уже занялся подготовкой. Или ты хотела сама составить меню и выбрать цветы для оформления залов?

Я представила, как сижу, выписываю пристрастия в еде гостей, как выслушиваю продавца цветов, что с чем лучше комбинировать и содрогнулась. Нет, я лучше с бумажками и цифрами посижу.

– Уверена, Джеймс справится идеально, можно в помощь ему Дэйзи дать, пусть она привыкает, – обольстительно улыбнулась мужу.

На том и порешили. Двэйн позвал официанта, сообщил ему, что мы бы хотели поговорить с артистом. Парень оказался моложе, чем я думала, лет двадцати. Я, как и просил Двэйн, задавала ему вопросы: «Как у него это получается? А не обжигает ли его огонь? А почему не загораются шторы?» Парнишка отвечал односложно, косясь на герцога. Когда же Двэйн озвучил, зачем его позвали, артист ощутимо расслабился, сказал, что с удовольствием выступит, но вопрос денег лучше оговорить с его хозяином. Если Двэйн такой ответ воспринял спокойно, то я очень изумилась, ведь в нашей стране рабство запрещено и неважно, из какой страны человек.

– Скажи, а ты умеешь показывать фокусы? Я как-то видела, один фокусник держал на ладони огонь. Это было так изумительно и необычно! – не знаю, что меня дернуло это придумать, наверное, хотелось точно убедиться, что парень маг.

– Да, леди, могу, – замялся парень, оглядываясь, но в нашу сторону никто не смотрел. Он еще немного подумал, а потом сделал несколько пассов и на его ладошке, протянутой ко мне, горел огонек. Я протянула руку, желая убедиться, что он настоящий.

Дальше события закружились, как в калейдоскопе, Двэйн попытался удержать мою руку, но не успел, так же, как и факир, он дернулся, чтобы не обжечь меня. Но огонек уже коснулся моей ладони, вспыхнул ярче, обволакивая ее полностью. Испугаться я не успела, пламя гудело, стремилось добраться до моей кожи, но у него не получалось, оно огибало руку, а самое странное в том, что жара я не чувствовала, наоборот, холод, даже лед. Почему-то в мыслях прочно засела ледяная пустошь, нескончаемая и безжизненная. Моя рука сама опустилась на раскрытую ладонь парня, гася пламя. Он дернулся, отскакивая от меня, а потом и вообще падая на колени, бормоча что-то о льде и пламени.

– Родная, я скоро запру тебя дома, потому что сердце у меня не каменное. Что это, вообще, было? – Двэйн осторожно взял мою руку в свои, ища ожоги. – Да она у тебя ледяная!

– Да, господин, ваша жена лед, настоящий, чистейший, только ему под силу загасить пламя! – парень шептал, все еще валяясь у меня в ногах, смотря глазами фанатика.

– Ну вот, теперь придется его выкупать, иначе о твоих способностях будут знать те, кому не положено, – нахмурился супруг. – А может, проще его убить?

– Господин, я буду нем! Мой хозяин не знает, что я маг, думает – это все фокусы. Я не выдам госпожу!

– Что ты еще умеешь? – спросил Двэйн.

– Все, что связано с огнем. Он в моей крови, мне нужно постоянно его выпускать на волю, иначе он сожжет меня, – почему-то все это парень говорил мне. – А как вам удается избавляться ото льда в душе?

– А теперь подробнее, – влез Двэйн, кажется, он понял, что имел в виду молодой маг, а я вот не совсем. – Расскажи, что бывает, когда не избавляешься от лишнего огня или льда.

– Я же сказал, огонь сжигает, но не тело, а душу. Человек становится злым, черствым, ему нет дела до чужой боли, а в скором времени и до своей. Когда он умрет, у него не будет перерождения, ведь душа его давно сгорела. А лед, он просто замораживает, лишает воли к жизни, подавляет, убаюкивает иллюзиями, человек засыпает, душа покидает его, но в то же время тело еще живет и кажется, что когда-нибудь этот человек проснется. Я не знаю насколько это верно, так меня учил наставник.

– Ты смог бы научить мою жену пользоваться своим даром? – я очень удивилась: то он меня приревновал к этому пареньку, а теперь мало того, что хочет его выкупить, так еще, чтобы он меня учил магии. Вот и попробуй, пойми этих мужчин.

– Да, господин, – маг склонился еще ниже.

– Хорошо, я поговорю с твоим хозяином, уверен, он не откажется продать тебя, – Двэйн хмыкнул. Да, в этой стране мало кто может отказать моему мужу, людей с кристальной репутацией практически не осталось. – Надеюсь, тебе не надо говорить, что все сказанное здесь должно остаться между нами? Хозяину скажешь, что мы заинтересовались твоим выступлением, леди особенно.

– Как скажете, господин, – парень покраснел, бросив на меня виноватый взгляд. Встал, еще раз поклонился и вышел.

– Дорогой, я правильно поняла? Все будут думать, что ты покупаешь для меня экзотическую игрушку? – нахмурилась я.

– Представляешь, как тебе будут завидовать, – рассмеялся супруг, укладывая меня на диван. Вот же интриган. Его поцелуи были нежны и настойчивы, я смущалась и отбивалась. – Солнышко, а поехали домой?

Мы и поехали, хотя в карете Двэйн уговаривал меня не ждать, уверяя, что мы успеем. Но я пока не готова была решиться на

такую авантюру, ограничившись поцелуями и объятиями.

Глава 15

Дом встретил нас странной активностью: в каждом окне горели свечи, они мелькали, как если бы люди бегали и искали что-то, или кого-то. Но более странным и даже пугающим было отсутствие охраны у ворот.

– Джеймс, что происходит?! – спросил Двэйн у открывшего нам дверь дворецкого.

– Милорд, в дом пробрался убийца, – от его слов у меня похолодело сердце. – Но вы не беспокойтесь, по случайности никто почти не пострадал.

– Джеймс, давай по существу, четко и без ненужных эмоций, – распорядился Двэйн.

– Да, милорд. Четверть часа назад в западном крыле раздался женский крик. Я как раз поднимался на второй этаж и поэтому первым оказался на месте преступления. Надя лежала на полу, рядом с ней сидела госпожа Дэйзи, прижимая к груди окровавленную руку. А в конце коридора мелькнула мужская фигура в темном. Я вызвал охрану, они сейчас прочесывают дом и двор. У госпожи Дэйзи резаная рана ладони, по ее словам, она как раз выходила из библиотеки и столкнула с незнакомым мужчиной, который тихо пробирался по коридору. Минутное смятение преступника спасло девушке жизнь, когда он кинулся на нее с целью избавиться от свидетеля, она ухватилась за его нож.

– А Надя как там оказалась? – не смогла удержаться от вопроса. Двэйн меня не оборвал, наоборот кивнул на вопросительный взгляд дворецкого.

– Этого пока узнать не удалось, девушка еще в обмороке. Госпожа Дэйзи не знает, из какой двери появилась Надя, она только услышала ее крик, который и спугнул преступника. Первая помощь госпоже Дэйзи оказана, она в библиотеке под охраной, я распорядился принести ей горячего вина с успокоительными травами.

– Джеймс, ты молодец, все сделал правильно. Я поднимусь в библиотеку, а ты пришли ко мне начальника охраны. Анна, может, тебе пойти отдохнуть? Ты и так сегодня устала.

– Двэйн, можно я с тобой? Да и Дэйзи надо поддержать, – просительно взглянула на мужа. Тут такие события, а он хочет избавиться от меня. – И, честно сказать, мне страшно одной будет.

Как ни странно, но последняя фраза возымела свое действие, больше супруг не пытался отправить меня отдыхать.

Дэйзи сидела на диване, забившись в угол, перевязанную руку она осторожно поддерживала здоровой. Девушка пребывала в прострации, неподвижно смотря в одну точку. Тут же на диване, притворяясь обморочной, лежала Наденька. Красиво так лежала, бледная ручка свисает до полу, на лице застыло страдание, а приподнятая юбка как бы случайно открывает вид на ее щиколотки. Их весьма заинтересованно рассматривает молодой парнишка, который, как я понимаю, должен не пялиться на девушек, а охранять их. А Надьке замуж невтерпеж! То на степняка заглядывается, сейчас же какого-то парня охмуряет, а завтра я ее с дворецким, что ли, застану?

– Надька! – подражая интонациям матери, крикнула я.

Эффект не заставил себя долго ждать, Надя вскочила, запутавшись в подоле платья, с ужасом оглядываясь по сторонам. Парнишка не зря наблюдал за девушкой, в последний момент он успел подхватить ее под руку, удерживая от падения. Дэйзи вздрогнула, взор ее приобрел осмысленность, да что там она, у Двэйна стал очень недоуменный вид.

– Надя, что за балаган ты устроила?! – перешла я на свой обычный голос. – Или ты думала проваляться в обмороке, пока все не забудут о том, что в это время тебя не должно было быть на втором этаже, тем более в этом крыле?

– Миледи, простите. Я уже собиралась лечь спать, когда заметила, что потеряла чепчик. Шпилька, видимо, выпала и чепчик вместе с ней. Я пошла его искать. Последний раз я была в гостиной, что рядом с библиотекой. Когда вышла, увидела, как мужчина занес нож над госпожой Дэйзи, закричала и больше ничего не помню.

– Дорогая, мне кажется, или твоя служанка что-то скрывает? – мягко поинтересовался Двэйн, прожигая своим ледяным взглядом девушку. Надя побледнела и приготовилась упасть в настоящий обморок. – Может, это она впустила преступника в дом?

Надя схватилась за сердце, покраснела и изо всех сил замотала головой.

– Надя, прекрати! Просто ответь, с кем ты встречалась в гостиной и зачем.

– Она встречалась со мной, миледи, – раздался за спиной голос Джеймса. Я в шоке обернулась, отмечая краем глаза, что для Двэйна это тоже стало новостью. – Милорд, миледи, я прошу у вас разрешение на наш с Надей брак. Я понимаю, что сейчас не время, но мне не хотелось бы, чтобы вы думали о девушке плохо.

– Джеймс, но вы же… – я пыталась подобрать слова, но они никак не хотели приходить на ум.

– Старый? Мне сорок три, миледи. Я обещаю любить Надю и

заботиться о ней, – Джеймс чинно подошел к смущенной девушке и поцеловал ее ручку.

– Надя, а ты-то согласна? – меня так и подмывало спросить о степняке или об этом парне охраннике, перед которым она лежала в такой фривольной позе, но я сдержалась.

– Да, миледи, – расплылась Надя в довольной улыбке.

– Сумасшедший дом, – пробормотала я, поворачиваясь к супругу.

– Любимая, может тебе все же пойти отдыхать? – улыбаясь, спросил Двэйн, обняв меня за талию.

– Ну уж нет, теперь я хочу знать всю предысторию этого спектакля. Не удивлюсь, если окажется, что это был не преступник, а какой-нибудь ревнивый воздыхатель Нади.

Девушка нервно сглотнула и приготовилась снова упасть в обморок. Но Джеймс крепко держал ее под руку. Тут в нашу славную компанию добавилось еще одно действующее лицо, начальник охраны нашего дома. Мужчина был без выдающихся внешних данных и неопределенного возраста, ему могло быть как тридцать, так и пятьдесят.

– Звали, милорд? – с легкой небрежностью склонил он голову.

– Дорогая, не будем делать поспешных выводов, – как будто не слышал приветствия Двэйн. – Сейчас мы спросим у господина Дробса, как преступник мог пробраться в здание? Почему, когда мы приехали, ни одного охранника не оказалось у ворот? А самое главное, почему преступнику удалось скрыться? Он ведь скрылся, не так ли? Знаете ли, Дробс, если бы пострадавшей была моя жена, вы бы уже висели на воротах дома.

– Вы бы не посмели, милорд! Самосуд противозаконен в нашей стране! – вскинулся мужчина, но в глазах уже появился страх.

– Вы так думаете? Жаль вас разочаровывать, но я ведь всегда могу сказать, что вас повесил тот самый преступник, которого вы так бездарно упустили. Как вам личная месть в качестве мотива? Или вы уверены, что кто-то из ваших подчиненных выступил бы в вашу защиту? Молчите?! Так что у вас есть только одна возможность оправдаться, после чего я вас просто уволю. Но если вы хоть как-то в этом замешаны…

Продолжать Двэйну было не нужно, господин Дробс все понял и осознал, что слишком зарвался, получив тепленькое местечко.

– Милый, не буду тебе мешать, – чмокнув в щеку супруга, отошла к дивану и села рядом с Дэйзи.

– Миледи, – тихо обратился ко мне Джеймс, стараясь не

мешать сбивчивому отсчету господина Дробса. – А что по поводу нас?

– Да делайте, что хотите, – отмахнулась я от него и чуть ли не взвизгнувшей от радости Нади.

Чем мне импонировал наш дворецкий, он все понимал с первого раза, иногда даже без слов. Вот и сейчас перехватил бросившуюся благодарить меня Надю и потянул ее на выход из библиотеки.

– Ты как? – обратилась я к Дэйзи, тоже стараясь говорить шепотом, очень уже интересные вещи рассказывал господин Дробс.

– Неплохо, миледи, – так же тихо ответила девушка, тоже прислушиваясь к разговору Двэйна с начальником охраны.

– А почему ты своими способностями не воспользовалась?

– Не получилось, не знаю почему, – Дэйзи точно не знала, ее лицо выражало полный спектр недоумения.

– Ладно, разберемся. Ты все-таки выпей вина, легче будет.

– Мне папа запрещал пить вино, – смутилась Дэйзи.

– Это можно, оно некрепкое. Воспринимай его как лекарство, – протянула я бокал будущей сестренке. Девушка взяла, пригубила, сделала глоток и поперхнулась. – Не торопись, вино надо пить медленно, особенно такое, с травами.

Дэйзи пригубила бокал еще раз, крепко держа его здоровой рукой. Может, я ошиблась, и Джеймс сделал глинтвейн крепче обычного? Вон у Дэйзи щеки порозовели, и в глазах появился блеск.

– Может, тебе пойти в свою комнату? – спросила я у девушки. – Тебе бы поспать.

– А разве вы не будете спрашивать, что я делала в библиотеке так поздно? – удивилась она.

– А надо?

– Ну как же, я же чужая в этом доме, меня нужно подозревать в первую очередь.

– Дэйзи, иди спать, завтра все расскажешь, если, конечно, есть что, – улыбнулась я ей.

– Милейший, проводи госпожу, – обратилась я к охраннику. – И не забудь проверить ее комнату.

– Будет сделано, миледи, – поклонился парень, имя которого я не помнила.

– Доброй ночи, миледи, – присела в реверансе Дэйзи, встав с дивана.

– Отдыхай, Дэйзи. И запрись изнутри на всякий случай. Кстати, не забывай, из ванны есть выход не только в твою комнату, но и в коридор, – я переживала за девушку, за эти

недели я успела к ней привязаться.

– Да, миледи, я буду осторожна.

Девушка в сопровождении охраны ушла, а я забралась на диван с ногами. Решила дождаться, когда же Двэйн закончит разбираться с охранниками. Муж вызвал всех и теперь планомерно их допрашивал. Да только толку от этого не было, никто из семи человек не мог внятно объяснить, как преступник проник в дом, и куда потом делся. Видимо, в какой-то момент я задремала, проснулась оттого, что мне подняли на руки и понесли.

– Двэйн?

– Да, милая. Спи, – муж поцеловал меня. Я обняла Двэйна за шею, удобно устраивая голову на его плече.

– Ну как, разобрались? – зевая, спросила я.

– Если бы, никто ничего не знает.

– А может, никого и не было? В смысле, со стороны не было. Может, это кто-то из постоянных обитателей? Что мешало тому же охраннику переодеться и пробраться в дом? Ведь не факт, что этот человек залез с целью убийства. Он же находился рядом с твоим кабинетом, когда Дэйзи случайно на него натолкнулась.

Двэйн тихо рассмеялся, от такой странной реакции на мои слова я даже полностью проснулась.

– И что в этом смешного? – мой голос прозвучал немного обиженно, хоть я старалась это скрыть.

– Только то, что мы с тобой женаты меньше месяца, а уже мыслим одинаково. Что же будет дальше? – мягко произнес супруг, целуя меня.

– Будем понимать друг друга без слов всего-то, – обиду как рукой сняло, впрочем, сон тоже. Вспомнилось, что мы с Двэйном так и не закончили начатое в карете. – Вот догадайся, о чем я сейчас думаю?

– Очень надеюсь, что наши желания совпадают, – жаркий шепот и игривое покусывание моего ушка сказали мне о том, что мы не только думаем на одной волне, но и чувствуем.

* * *

Следующая пара дней прошла под лозунгом большой чистки. Двэйн методично проверял каждого обитателя дома, не пропуская женщин и подростков. Результаты ошеломили даже его: обнаружились люди, которые регулярно получали жалование, а в глаза их никто не видел. Лишний садовник, пара горничных, поваренок, так что по возвращению управляющего ждала

аудиторская проверка, а возможно и арест. А ведь производил вполне благоприятное впечатление. Также было выявлено злоупотребление служебным положением господина Дробса. Он отбирал часть денег из жалования у простых охранников, шантажируя их тем, что в любой момент может уволить, лишив таким образом «теплого места». Был и курьезный эпизод, над которым любимая женушка истерически хохотала, не понимая мрачности Двэйна. Он наконец-то выяснил, кто распускал о нем дикие слухи, в частности про обесчещенных девушек, кровь младенцев и остальной бред. Бывшая кормилица и нянька, как же ей повезло, что она сейчас вне досягаемости герцога. Ему в голову не приходило, что женщина, которая приходилась ему второй матерью, могла так его оболгать. И из-за чего? Она не хотела, чтобы Двэйн привел хозяйку в дом, потому что по непонятной причине приписывала это место себе.

Анна смеялась, говорила, что при встрече обязательно поблагодарит Лауру, ведь если бы не она, Двэйн женился бы задолго до их знакомства. Только этот факт утихомирил его пыл, не дав сорваться и впасть в ярость. Простить он не простит, но в дом больше эту женщину не пустит, пусть доживает свой век подальше от него и его семьи. Двэйн хотел, чтобы у них с Анной была большая семья, вот только согласится ли она на трех детей?

Герцог вспомнил еще один сюрприз. Ему на глаза попался счет на оплату ремонта апартаментов жены. Они с Анной продолжали спать в одной кровати, и Двэйн не собирался этого менять ни сейчас, ни через десять лет. Но на ремонт все же стоило глянуть, за него же деньги плачены. Зайдя в спальню супруги, он надолго ушел в себя и воспоминания.

– Ты здесь, милый? А я тебя потеряла, – обняла его Анна за талию. – Тебе нравится?

– Что это?

– Это детская. Или ты уже подумываешь отселить меня в отдельную спальню?

– Анна, что за глупости? Просто детская так близко, самому мне не доводилось возиться с детьми, но говорят, они очень шумные.

– Знаешь, я хочу видеть своих детей чаще, чем раз в неделю. Хочу видеть, как они растут, хочу, чтобы первое слово было мама, а не няня. Или ты боишься, что такое близкое присутствие детей будет тебе мешать?

– Мои родители очень сильно любили друг друга, я всегда чувствовал себя лишним рядом с ними. После того, как погиб отец, мать прожила всего год, увяла от тоски. Я пытался поддержать ее, но она не захотела, с его смертью как будто погас

ее внутренний свет. Я боюсь, что наш ребенок тоже будет чувствовать себя лишним.

– Не будет, мы ему сразу братика или сестричку родим, – улыбнулась Анна, прижимаясь к нему. Двэйн тоже улыбнулся и подхватил жену на руки.

– Надо же первенца делать, – пояснил он на приподнятые брови супруги. – Раз детская уже готова.

* * *

Моя жизнь в последние дни тоже была наполнена. Я помогла Двэйну с бумагами и прислугой, занималась с Дэйзи, больше ей никто не мог рассказать нашу родословную. Еще приезжал дед, прямо на следующий день после неудавшегося покушения. Очень сокрушался по поводу плохой охраны, что-то про сапожника без сапог говорил, но главное, он пожаловался мне, что и к нему несколько раз уже залазили. Правда, не в дом, а во двор, но это тоже ни в какие ворота не лезет. Я подробно расспросила деда, меня интересовало, в каком именно месте видели преступника. Выходило где-то в районе конюшни. Поэтому все решили, что конокраду приглянулась какая-нибудь лошадь. Я же считала иначе, вспомнилось, как Гарри рассказывал про сверток, который потом так и не нашли. Кажется, для парня появилось задание, как раз мать навестит.

Мы с Двэйном провели дома два дня, службу пришлось на время отложить, неприступность дома была важнее. Тем более к нам на праздник должна была прибыть королевская чета, так что безопасность нашего дома приравнивалась к государственным интересам.

В общем, я соскучилась по своему кабинету и даже по Кирку. А тут еще мне должны были принести дело Элеоноры, я просто потирала руки в предвкушении. Дело принес мне сам господин Строн, при этом он ревностным взглядом посматривал, как я читаю. Видимо, боялся за сохранность ценного материала. Не сказать, что я нашла много нового. Почти все я знала, хотя заключение доктора после вскрытия было весьма познавательно. Не просто яд, а очень редкий и труднодоступный. Еще один вопрос, зачем? Зачем это было нужно преступнику? Ведь проще и дешевле взять тот же мышьяк или крысиный яд, последний вообще есть в каждом доме. Что-то еще не давало мне покоя, казалось, ответ лежит на поверхности, а я не могу за него ухватиться.

– Господин Строн, а почему в деле нет ничего о любовнике

леди Элеоноры? – еще раз пролистала я записи.

– Вы имели в виду жениха? – с долей снисходительности поинтересовался следователь.

– Нет, у леди был именно любовник, об этом говорили слуги. Мое доверенное лицо слышал, как они судачили о том, что пока жених целовал только ручку леди, ее постель грел другой мужчина. И у меня нет оснований не доверять рассказу этого человека, да и слуги не воспринимали его как чужого.

– Я не могу ответить вам на этот вопрос, сбором информации занимался весьма достойный агент, он у нас уже давно работает, и никаких нареканий не было. Возможно, ваш источник перепутал или это говорилось не о леди Элеоноре, а ее мачехе.

– Возможно, – голос Двэйна от смежной двери заставил нас вздрогнуть. Господин Строн даже вскочил со стула, вытянувшись по струнке. – Но проверить все-таки надо, кто собирал информацию?

– Ларсон, Ваша Светлость.

– Вы знаете, что надо делать в таких случаях, господин Строн. Надеюсь, вас не надо предупреждать о неразглашении?

– Нет, Ваша Светлость, все будет исполнено в лучшем виде, – следователь откланялся, забрал дело и ушел.

– Двэйн, а что будет этому человеку, если обнаружится, что он скрыл информацию?

– Если он сделал это сознательно, а тем более за деньги, его ждет суд и каменоломни. Если халатность, то увольнение и запрет на службу в государственных структурах.

– Справедливо, а как проверять будут? – мне было очень любопытно, какие же способы проверки существуют помимо простой слежки?

– Эту тайну я тебе не открою, – ответил мне супруг. – Просто боюсь, что однажды ты решишь взять этот способ на вооружение.

– Неужели ты думаешь, что когда-нибудь я буду за тобой следить? – я ревнивая, конечно, но не настолько.

– Нет, солнышко, я уверен, что в нашей семейной жизни до этого не дойдет. Я боюсь, что ты захочешь примерить на себя роль полевого агента, – Двэйн подхватил меня на руки, сел на диван и усадил к себе на колени.

В чем-то он был прав, еще несколько недель назад я была готова сама отправиться на слежку.

– Двэйн, а с кем в том кафе была Элеонора? Ведь тогда это был не ее жених.

– Ты не поверишь, я разговаривал с официантом сразу после ухода девушки, и он с уверенностью заявлял, что она была одна.

– Магия? Отвод глаз? Что-то слишком много умельцев

развелось, – я задумчиво перебирала волосы Двэйна, массировала его затылок, супруг млел и улыбался.

– Либо у кого-то есть амулет для отвода глаз. Да, такие существуют, очень дорогое удовольствие, действие у него непостоянное, а как бы мерцающее и надо его заряжать.

– То есть тот мужчина был либо маг, либо очень богат?

– Или просто украл амулет, вариантов масса, искать блондина неопределенного возраста, роста, лица которого мы не видели, будет крайне сложно. Даже невозможно.

Двэйн был прав, ничто не могло нам помочь в поисках этого мужчины, но тут провидение решило подкинуть капельку удачи на нашем пути. Едва мы вернулись домой, как ко мне подскочил взъерошенный Гарри с горящими глазами и со словами:

– Я нашел, миледи, – сунул мне в руки сверток, который тут же перехватил Двэйн, окидывая нас с парнишкой вопросительно-подозрительным взглядом.

Пришлось рассказать мужу, что я послала мальчика проверить сад в доме родителей, ведь если кто и мог там найти спрятанное преступником, то только Гарри, который вырос в том доме.

– Вот об этом я и говорил, хорошо, хоть сама не пошла, – скорбно вздохнул супруг.

– Извини, – привстала на цыпочки и чмокнула его в щеку, виновато хлопая глазами. Он хмыкнул, с трудом сдерживая улыбку. – Ну что там, Двэйн? Давай уже посмотрим!

– Анна, ты неисправима.

Гарри тоже ждал с нетерпением, но не того, что внутри, это он точно рассмотрел во всех подробностях, а когда придет его очередь рассказывать. Я по глазам видела, что нас ожидает страшная, но поучительная история, с множеством уточнений и отступлений. Что ж, парню надо дать высказаться, пусть почувствует свою значимость, но сначала сверток. Двэйн разворачивал аккуратно, ожидая любого подвоха. Не знаю, чего ожидала я, но кинжал показался самым банальным предметом. Хотя, что еще мог нести на место преступления предполагаемый убийца?

– Вот даже как? – заинтересованно произнес супруг. Он вынул кинжал из ножен, осмотрел его полностью, особо зацепившись за какую-то царапину в основании рукояти. – Все занимательнее и занимательнее.

– И что в нем такого занимательного? – лично я в оружии не разбираюсь, и мне этот кинжал ни о чем не говорил.

– Тот, кто его хотел подбросить на место твоего похищения, знал что делает. Гарри, а ты знаешь, что это за клинок? – Двэйн

продемонстрировал вещицу парню.

– Это знает любой мальчишка, такие кинжалы только у степняков, милорд. Я даже знаю, что с их помощью они дерутся между собой. Видел на рынке один раз, кровищи было! – в глазах Гарри появился азарт.

– То есть кто-то хотел, чтобы ты подумал на князя? – обсуждать кровищу мне не хотелось, меня уже не била дрожь при ее виде, но вспоминать было неприятно.

– Да, дорогая, думаю, это планировалось еще до того, как князь заинтересовался тобой. А потом его интерес только сыграл им на руку. Дело оставалось за малым: раздобыть исконное оружие степняков, не подделку, а настоящее. Но это очень сложно, по традиции отец дарит такой кинжал сыну, когда ему исполняется пятнадцать лет. Для степняка лучше расстаться с жизнью, чем с оружием.

– Тогда глупо подбрасывать такую редкость.

– Нет, любимая, потому что есть кое-что важнее жизни, – Двэйн обнял меня, одарил нежным взглядом, от которого растеклось тепло в сердце. – Если бы я пришел к тебе, а застал труп одного из охранников с этим кинжалом в его шее. И двое других утверждали бы, что видели, как Саид увозил тебя в неизвестном направлении, я бы поверил. По крайней мере, вначале, но этого времени преступникам хватило бы перевезти и спрятать тебя в надежном месте. И будь ты такой же, как все нынешние леди, у них бы получилось, но ты у меня необыкновенная.

Приятно, когда любимый мужчина считает тебя самой-самой, сразу хочется быть для него ласковой кошечкой. И я в этом не исключение, хотя кое-что все же не давало мне выкинуть из головы эту улику.

– Двэйн, я поняла, что это редкий кинжал, но ты ведь не поэтому им заинтересовался? Есть и еще что-то?

– Тебя не обманешь, Анна. Но об этой детали я расскажу, когда мы останемся наедине, – после слов Двэйна Гарри понурился. – Не расстраивайся, парень, ты уже доказал, что можешь быть полезен, возьму тебя пока в качестве посыльного, а через годик, может, и в агентуру перейдешь.

Мальчик засиял, позабыв обо всем на свете.

– Ты расскажи, где нашел сверток, только коротко и по существу, – как у взрослого спросил Двэйн. Гарри сразу собрался, нахмурил брови и начал свой рассказ.

Я в который раз уже поражалась нетривиальному подходу мальчика к заданию. Что сделал бы на его месте любой другой мальчишка? Он стал бы обыскивать весь двор и вряд ли бы

нашел, потому что мест для тайника можно найти множество. А Гарри хладнокровно дождался ночного гостя, который путем проб и ошибок уже перекопал половину сада, посмотрел, где он копается в этот раз и вызвал охрану. Сообщнику похитителей удалось сбежать, но это не помешало, потом Гарри найти кинжал. Он оказался спрятан рядом со стеной конюшни, оно и понятно, даже если бы искали с собаками, запах лошадей перебил бы все остальные. Двэйн еще поспрашивал парня, а потом, напомнив ему, что завтра у него первый рабочий день, отпустил.

Мне же не терпелось узнать, что еще обнаружил на кинжале супруг, почему у него такой хищный взгляд, как будто он уже учуял добычу?

– Двэйн, ну не томи!! – накинулась я на него, едва мы вошли в наши апартаменты, до ужина время еще было, переодеться и привести себя в порядок успею.

– Ладно, вижу, что тебе не терпится все узнать, садись, – он сел сам на диван и потянул меня за собой. Еще раз достал кинжал из ножен и, не давая в руки, показал мне. – Что ты видишь?

Было понятно, что муж не стал бы задавать этот вопрос просто так. Я пригляделась к тем царапинам, что его так заинтересовали, черточка и еще две закорючки.

– Все не перестаю удивляться твоему вниманию к мелочам, – улыбнулся Двэйн. – Это инвентарный номер. И не просто номер, а наш. Все улики, которые проходят по нашему ведомству мы маркируем, об этом знают единицы. Ведь некоторые вещи потом приходится возвращать владельцам, а им бы было неприятно знать, что дорогая для них вещь немного попорчена.

– То есть ты по вот этим черточкам можешь отследить, в каком деле был замешан этот кинжал и к кому вернулся?

– В точку, моя дорогая! В самую точку! А там дело останется за малым.

– Подожди, но разве мы не пришли к выводу, что преступник – это управляющий графини Диолан? Гарри же слышал, как он ругался, что его подручные не смогли похитить бабу. Я думала, это он обо мне говорил.

– Так и есть, но что мы знаем о господине Аадене? У него замечательные рекомендации и послужной список, но последние лет десять он прекратил общаться с родственниками, друзьями. Причем без объяснения мотива, просто перестал навещать, писать, здороваться, если случалось встретиться на улице. А еще у этого человека очень удобная внешность: борода, усы, длинные волосы, неизменная шляпа. Да и ты сама говорила, будто бы кто-то последние десять лет отчеты копировал, даже не задумываясь, что они означают. Так о чем все это говорит?

– Что под личностью господина Аадена скрывается совсем другой человек. А настоящий, скорее всего, давно уже сгнил в неизвестной могиле, – сказала я мрачно.

– А еще это говорит о том, что настоящего преступника мы до сих пор не знаем. Именно поэтому его не удалось поймать, ведь ему достаточно было снять грим, и он стал другим, скорее всего, добропорядочным господином. Но с кинжалом он допустил большую ошибку, и мы ею воспользуемся.

Глава 16

Все оставшиеся до праздника дни Двэйн был потерян для меня. Он приходил поздно или не приходил вовсе, если уезжал с проверками по городам и заставам. Уставший, недовольный, напряженный, он только рядом со мной расслаблялся, обнимал, шептал о том, как он соскучился. Я делала ему массаж, он почти сразу засыпал. Но сон его был поверхностный, рваный, он часто просыпался, прижимал меня к себе, облегченно вздыхал и засыпал дальше. Что ж, не ему одному снились страшные сны, я тоже не находила себе места, когда он уезжал. В моем сердце прочно поселился страх, почему-то, раз за разом вспоминался страшный сон, да и сон ли это был? Думать и вспоминать об этом не хотелось, потому что в памяти всплывали странные вещи, которым я не находила объяснения.

Дэйзи тоже нервничала и почти не выходила за ворота дома, то нападение сильно ее напугало. Половину охранников уволили после того случая, набрали новых, но уверенности в безопасности мне это не добавило. Да и будущая сестренка частенько вздрагивала, оглядывалась, как будто ждала нападения из-за угла. Только занятия с Назимом, тем самым факиром, делали Дэйзи немного счастливее. Парнишка оказался очень занятным, Двэйна он боялся, на меня смотрел как на божество, а вот Дэйзи, кажется, запала ему в душу, да и он ей нравился. Честно сказать, мне было их жаль, встреться они раньше, все могло бы сложиться иначе, а так она в скором времени станет принцессой, а он останется тайным магом и бывшим рабом. Я часто видела их вместе в парке, они не делали ничего предосудительного, просто разговаривали, смеялись, смотрели друг на друга и смущались. Уверена, у Назима еще не было девушки. Но это и к лучшему, пока он решится хотя бы на поцелуй, Дэйзи уедет.

Меня же парнишка научил делать лед, я могла создавать его на руке или замораживать воду в бокале. Он говорил, если тренироваться, то смогу и целую ванну заморозить. Я пока не нашла применение своему умению, поэтому не торопилась с увеличением резерва. Правда, Назим был удивлен тем, что лед на моей руке имеет форму куба, он не мог понять, почему так происходит. Я и сама не понимала, но в моем воображении лед выглядел именно так – аккуратный маленький кубик. Несколько раз пробовала создать его другой формы, но выходило плохо. Тогда я пошла на хитрость, попросила Гарри вырезать мне из дерева форму, чтобы она была неглубокая и клинком. Мне хотелось, раз уж я могу из воздуха делать лед, то что бы от этого

умения была хоть какая-то польза. Так что, налив в форму воду, заморозив ее, я получила плохонький, но клинок. А потом, методом проб и ошибок, я пыталась повторить точно такой же самостоятельно, без формы. Выходило пока неважно, но я и не рассчитывала на быстрый успех, зато это было интереснее простого замораживания воды. Хм, а ведь в крови тоже есть вода, интересно, смогу ли я заморозить ее в живом организме? На людях тренироваться негуманно, а вот на приговоренных к супу куриц можно попробовать, только не буду говорить об этом Двэйну, он и так подозревает меня в излишней кровожадности.

Чем ближе подходил праздник, тем больше забот наваливалось на меня. Как же тяжело быть хозяйкой такого большого дома. Сама я, конечно, ничего не убирала, не готовила, но с проверкой ходила. Джеймс – замечательный дворецкий и профессионал своего дела, но счета без моей или подписи Двэйна на оплату не брали, а просто тупо подписать у меня не поднималась рука. Так что приходилось осматривать запасы продуктов, разговаривать с цветочником, мне лилии не нравились, а он хотел именно их поставить к нам на праздник, как самые дорогие цветы. Пришлось напомнить ему, кто, собственно, платит и настоятельно посоветовать делать так, как хочу я, а не он. А дальше – больше: украшение залов, обсуждение меню с учетом предпочтения титулованных гостей, опять же портной. В общем, кошмар. Оставалось только успокаивать себя тем, что скоро все это закончится, и мы сможем отдохнуть с Двэйном от дел и гостей. Как мне не хватало его все эти дни.

Но вот этот знаменательный день настал, с утра суета все нарастала. Слуги бегали и наводили последний лоск, украшали цветами залы, как всегда, не обошлось без эксцессов. Но я малодушно сбежала под предлогом помощи сестренке, оставив Двэйна и Джеймса разбирать мелкие недоразумения с поставщиками товаров и услуг. Муж как раз приехал вчера, успел выспаться, так что ему самое время показать всем новым слугам, кто, собственно, в доме хозяин.

Дэйзи пребывала на грани истерики, думаю, зайди я позже, то обнаружила бы пустую комнату. Девушка даже не начинала одеваться, она сидела и разговаривала сама с собой. Я уже замечала за ней такую привычку, но не придавала значения, все-таки она росла одна, мало ли какие страхи и комплексы бродят в ее душе.

– Дэйзи, что случилось? Ты же не замуж выходишь, это просто принятие в род и помолвка, – как могла, успокаивала я ее.

– Мне страшно, там все чужое и люди чужие, я не хочу.

– Извини, Дэйзи, но тебе придется пройти через это. Мне самой жаль, что так получилось, хотя я рада, что именно ты станешь моей сестрой. Знаешь, если тебе совсем не понравится принц, напиши мне. Надо придумать какой-нибудь простой шифр, потому что твои письма будут читать.

– А толку? Напишу, а что вы сможете сделать? Ведь к тому времени он будет моим мужем, – настроение у девушки совсем стало мрачным.

– Да я тут на досуге изучила законы Аризмата, в правящей семье практикуются разводы. Так что если у тебя не получится самой сбежать, достаточно будет не забеременеть в первый год, – я вытащила из ридикюля флакон. – Возьми, как приедешь, начинай добавлять в вечернее питье по две капли. Флакона хватит примерно месяцев на семь, я спрашивала, а на свадьбу еще один привезу. Сможешь спрятать так, чтобы слуги не увидели?

– Да, я умею на маленькие вещи отвод глаз наводить, – вздохнула Дэйзи, но уже не так обреченно.

– Ты, главное, до свадьбы продержись, а там можешь смело сбегать, если все плохо будет. Я тебе куплю домик в любом месте, где ты захочешь, придумаем тебе занятие по душе.

– А милорд, что он скажет на все это?

– Я думаю, в некоторые женские вещи мужчин посвящать не стоит, – улыбнулась я Дэйзи, глядя на ее изумленное лицо. – Знаешь, у нас есть в Аризмате дом, о котором знаем только мы с дедом, я дам тебе письмо к его управляющему на всякий случай. Даже если письмо у тебя найдут, ничего предосудительного в нем не прочтут. А управляющему я отправлю указание оказать тебе любую помощь.

– Миледи, зачем вы это делаете? Я же для вас чужая.

– Чувство вины, плюс личная симпатия, да разве это имеет значение? Давай, я помогу тебе одеться, сразим их наповал.

– Спасибо вам, миледи, я всегда мечтала иметь такую старшую сестру.

– Тогда называй меня Анна, когда мы одни.

– Завтра я уезжаю, так что вряд ли это получится, – грустная улыбка промелькнула на губах Дэйзи.

– Ну не знаю, мы с Двэйном так и не съездили в свадебное путешествие, а Аризмат вполне подходящая для этого страна.

– Вы, правда, приедете?! – обрадовалась Дэйзи.

– Обязательно. А теперь давай собираться.

* * *

Сегодня Дэйзи была как никогда красива, ей удивительно шло легкое воздушное платье голубого оттенка, мы решили немного отойти от правил. Парикмахерша постаралась над ее прической, сделав нечто головокружительное и между тем прекрасное. Немного макияжа и перед нами стояла юная, невинная леди из хорошей семьи, вдобавок очень привлекательная. Девушка стеснялась, волновалась, но это только придавало ей шарма. Пока все смотрели на нее, я обратила внимание на Назима, он стоял в тени вазы с цветами, прикрываясь магией, но мне его было хорошо видно. Он с тоской и восхищением смотрел на Дэйзи, да, любовь штука сложная и простая одновременно, она не спрашивает, к кому приходить.

– Иногда лучше сказать, чем молчать всю жизнь, – как бы ни к кому не обращаясь, тихо произнесла я, остановившись рядом с парнем.

– Кто она, а кто я? Разве может такая девушка любить раба?

– Докажи, что ты не раб, что достоин ее любви. Знаю, это будет непросто, но жизнь вообще сложная штука.

– Миледи, если я не раб, то можно мне уехать? Всегда хотел посмотреть мир, – впервые я видела у Назима такое решительное лицо.

– Дай угадаю, решил посетить Аризмат? – парнишка вспыхнул, но кивнул. – Скажи ей об этом, уверена, ей станет легче. Ведь находиться среди чужих людей всегда проще, если знаешь, что где-то недалеко есть друг.

Я не стала дожидаться его ответа, это его выбор, пусть решает сам. Подошла к супругу, который уже не первый раз косился в мою сторону. Кстати, все мы собрались в гостиной, ждали подачи экипажа.

– О чем это вы там беседовали? – спросил Двэйн.

– Назим просил разрешение уехать из города.

– Решил перебраться в Аризмат?! – усмехнулся муж, слегка приобнимая меня за талию.

– Ты тоже заметил?

– Тут только слепой не заметил бы его интерес к Дэйзи. Но ты уверена? Все-таки девушка станет твоей сестрой? Неужели ты бы согласилась на такой мезальянс для нее? – мне показалось, что в словах супруга был какой-то подвох. Правда, в чем он, сразу понять я не смогла, ладно, потом сам скажет.

– Наверное, я странная, но мне неважно, кто будет ее избранником, главное, чтобы она была счастлива. Посуди сам, многие и нас не считают парой, но нам это не мешает любить друг друга, – я прильнула к Двэйну, чувствуя подступившие к глазам слезы. Что-то я сегодня излишне сентиментальна,

расставаться с Дэйзи и мне нелегко.

– Любимая, не расстраивайся, мы обязательно съездим в Аризмат, скажем, через месяц? – поцеловал меня в макушку супруг. Я хотела ответить, что и сама собиралась его просить об этом, но не успела, объявили о подаче экипажа.

Я второй раз была в храме, в нем ничего не изменилось. Внутри нас ждали дед и мои родители, они во все глаза смотрели на Дэйзи, а точнее, на будущую Дезире Монфри.

Дед взирал с грустью, мать с обидой и раздражением, а вот отец побледнел, когда увидел девушку. Неужели ему она тоже кого-то напомнила? А может, он вспомнил ее мать? Я резко перевела взгляд на Дэйзи, теперь уже выискивая знакомые черты. Нет, хоть у нас с сестренкой было что-то общее, то с моим отцом вообще ничего. Но не обязательно он и ее отец, мог просто знать ее мать, причем близко знать, раз такая реакция. Я не я буду, если не докопаюсь до истины.

Какое-то время нам пришлось подождать, должен был прибыть Августиан Третий и представитель королевской семьи Аризмата. Мы не стали подходить к моей семье, не видела я на лицах родителей желания с нами разговаривать. Дед сам подошел к нам и поздоровался, а потом отозвал в сторону Двэйна. О чем они говорили, я не знаю, но деду не удалось убедить моего мужа, тот стоял на своем, упрямо поджав губы.

– Что ж, возможно это будет правильно, – напоследок вздохнул дед и отошел.

Так, тайн становится больше, а ответов не прибавляется. Что же делать, куда бежать? Жажда деятельности жгла огнем, сказывалось почти безвылазное сидение дома последнюю неделю.

Но тут на улице протрубили трубы, и в двери храма вошел Августиан при всем параде. Дэйзи уставилась на него, приоткрыв рот, в ее глазах была смесь восхищения с любопытством. Король заметил внимание девушки и покровительственно ей улыбнулся, вогнав бедную Дэйзи в краску. Это я привыкла к облику короля, тем более мне доводилось видеть его в неформальной обстановке, так что можно было забыть, что он очень красив. Я присела в реверансе, приветствуя нашего монарха и королеву, которую не сразу можно было заметить за спиной ее сиятельного супруга. По ее округлившейся фигуре было понятно, что рождение наследника или наследницы не за горами, максимум через четыре месяца.

Но если взгляды всех были прикованы к монаршей паре, я же смотрела на молодого человека, который шел следом за ними. Все-таки художники не польстили принцу Аризмата, он в жизни

был не менее привлекательный, чем на миниатюре. Но портретист не стал передавать избалованность и самовлюбленность принца, такого пресыщенного жизнью взгляда не было даже у нашего тридцатитрехлетнего короля. А ведь пареньку всего двадцать, что же с ним будет дальше? От того, как он разглядывал Дэйзи, мне захотелось подойти и ударить его, слишком похабно смотрелась его улыбка и сверкали глаза. Посоветовать Дэйзи провести ночь с Назимом? Чтобы хоть первый раз у нее был по любви? Нет, не буду вмешиваться в ее жизнь, пусть сама поступает так, как считает нужным, а дело старшей сестры поддерживать. Вдруг у девушки получится из этого избалованного мальчишки сделать достойного мужчину? Ведь он молод, а значит небезнадежен.

Церемония была скромная, как и наша свадьба, сначала родители перед священником признали девушку своей дочерью и нарекли ей имя Дезире Монфри. Двэйн шепотом комментировал каждое действие, оказывается, так происходит при наречении всех детей. Родители приходят в храм, перед богом признают данное дитя своим и дают имя. И неважно настоящие они родители или нет, с этого момента в глазах общественности и перед богом они ими стали.

Дальше все было еще проще: отец подвел Дэйзи к принцу, он взял ее за руку, и они встали рядом. Принц произнес клятву, что обещает жениться, защищать и беречь будущую супругу. От Дэйзи никаких обещаний не требовалось, это хорошо, в случае чего никаких клятв она не нарушит.

По окончанию официального мероприятия, Двэйн пригласил всех в наш дом на праздник по случаю помолвки моей сестры. Для общественности разнесли слухи, что Дэйзи специально прятали, и свадьба с принцем была делом решенным, когда они оба были еще в колыбели, а скрывали ее от наемных убийц тех, кто сам желал породниться с королем соседней державы. В общем, романтические бредни для поддержания имиджа аристократии.

Принц к нам не поехал, сославшись на усталость с дороги и нездоровье, а ведь завтра им уже с Дезире возвращаться в столицу Аризмата. Я видела по лицу девушки, что она с трудом сдерживает радость от этой новости. Оно и понятно, мне самой принц не понравился, хотя я с ним даже словом не обмолвилась, зато он на мне чуть ли дырку не прожег.

– Знаешь, я, пожалуй, отпущу Назима, еще и денег ему на дорогу дам, – вполголоса сказал Двэйн, провожая принца ледяным взглядом.

– Мне примерно такие же мысли пришли в голову, –

усмехнулась я.

– Только пусть наследника от принца родит, а потом уже с кем хочет, – от тихого голоса из-за спины мы оба вздрогнули и обернулись, чтобы лицезреть довольно улыбающегося короля. – Ну что, дорогие родственники, за стол?

– Ваше величество, а вы не представите меня королеве? – тактично напомнила монарху о его супруге, которая уже начала закипать.

– Лания, милая, я совсем забыл, что ты еще незнакома с леди Рибианной, женой моего кузена. Я так перед тобой виноват, мое золотце, даже не знаю, смогу ли вымолить у тебя прощение?! – даже я расплылась в улыбке, что уж говорить о влюбленной в этого льстеца королеве. Она была готова простить ему что угодно, да и как по-другому, когда на тебя смотрят с таким обожанием и засыпают комплиментами. Понятно, что Августиан еще тот ловелас, но обаяния ему не занимать.

– Ах, дорогой, я совсем не сержусь, ну если только самую малость устала, – смущенно улыбнулась молодая женщина, а я вдруг осознала, что ей не больше восемнадцати.

Король, продолжая улещивать супругу, подхватил ее под локоток и повел к выходу, следом потянулись мои родители и мы, не забыв о Дэйзи.

На пороге храма собралась значительная толпа. Это свита Августиана дожидалась своего короля, кстати, половина из них явно приглашена к нам. Я не ошиблась, кортеж у нас растянулся на всю улицу.

Сложно сказать, удалось мероприятие или нет, но под конец я устала и мечтала только об одном: разогнать всех гостей, лечь в кровать и уснуть. Но даже этим желаниям не суждено было сбыться, потому что после ухода гостей Двэйн объявил, что у него есть сюрприз для нас всех. Мать еще порывалась уйти, но король настоятельно просил их с отцом задержаться. Королеву Ланию же еще пару часов назад определили в гостевые покои, где она спокойно почивала, в беременности тоже есть свои прелести.

Мы устроились в библиотеке, я, Двэйн, Дэйзи, дед, родители и Августиан. Последний предвкушающе улыбался и источал просто нескончаемое жизнелюбие. Даже не знаю, как можно сохранить хорошее настроение после этих приемов? Или дело в закалке?

– Я попросил вас всех собраться, потому что мы одна семья и мне хотелось, чтобы в дальнейшем между нами не возникало недоразумений, как еще было недавно, – Двэйн, видимо, тоже устал и не стал затягивать разговор, а сразу перешел к делу. – И в

качестве подарка Дэйзи я разыскал ее настоящих родителей. Надеюсь, все считают, что у девушки есть право знать, кому она обязана появлением на свет?

– Имеет, но лучше бы вы, герцог, рассказали ей это наедине. Сомневаюсь, что нам всем, а его Величеству в частности, будет интересно слушать, как какая-нибудь дворовая девка понесла неизвестно от кого, – маманя, как всегда, в своем репертуаре, если у нее плохое настроение, то надо испортить и всем остальным.

– Леди Алисандра, разве я давал вам право высказываться от моего имени? – ядовито заметил Августиан Третий, развалившись в кресле. – Я сам отдал распоряжение герцогу Варрийскому о поисках семьи вашей приемной дочери. Я хочу быть уверен в хорошей наследственности девушки.

– Наследственность даже лучше, чем мы могли предполагать. История эта занимательна, позвольте я ее вам расскажу. Дэйзи, или уже Дезире, твоя мать не была дворовой девкой и даже мещанкой, она из древнего и уважаемого рода. Причем уважаема до сих пор, потому что живет и здравствует, имеет супруга, ребенка, титул и много денег. Не могу сказать, что подвигло ее вступить в интимную связь с твоим отцом, может, это была любовь, а может просто развлечение, но как итог появилась ты. Спешу тебя обрадовать, твой приемный отец и есть настоящий, – я глянула на Дэйзи. Во время небольшого монолога Двэйна она была напряжена и немного напугана. Но после последних слов на ее лице расплылась улыбка, теперь никакая новость не испортит девушке настроение, ведь любимый отец оказался самым настоящим. – Дэйзи, я все проверил, ошибки нет, просто случай или подарок судьбы, а может бог привел твоего отца в тот день к тебе. Когда ты родилась, родная мать отдала тебя в приемную семью, ведь у нее к тому моменту был супруг и ребенок, она не могла признать тебя. Так что ты до трех лет воспитывалась в приемной семье, но следует отдать должное твоей матери, она исправно оплачивала твое содержание. Так продолжалось до тех пор, пока в Стансте не разразилась эпидемия. А вот с этого момента свою историю ты знаешь.

При названии города маман побледнела и дикими глазами уставилась на Дэйзи.

– Что ж, наверное, ты хочешь знать имя своей матери? – как демон искуситель спросил Двэйн, при этом с легкой ухмылкой смотря на моих родственников.

– Не особо. Да и зачем? У меня есть самый лучший в мире отец, а матери не было никогда, так пусть и дальше живет своею жизнью, – голос Дэйзи прозвучал равнодушно, ей действительно

было все равно.

– Что ж, твое право, но разве тебе неинтересно посмотреть на брата или сестру? – продолжал подталкивать девушку к нужному ему ответу муж.

– У меня уже есть сестра, а другой мне не надо, – Дэйзи улыбнулась мне, а я ей.

На глаза набежали слезы радости, захотелось обнять сестренку. Что-то я в последнее время стала часто плакать. То подбиваю Дэйзи на побег, то расстраиваюсь от таких, казалось бы, простых слов.

– Я рад, что вы с Анной успели подружиться, думаю, тебе будет приятно вдвойне узнать, что помимо настоящего отца у тебя и настоящая сестра.

– То есть она – моя мать? – ахнула Дэйзи и посмотрела на маркизу Монфри. Я же не была удивлена, зная Двэйна, можно было бы догадаться, что он не стал бы созывать всю семью, чтобы сказать сестренке, что ее мать какая-нибудь графиня или баронесса.

– Алисандра, то, что сказал герцог Варрийский, – правда? – ледяной голос отца отразился от стен. – У тебя есть внебрачная дочь?

Мать закрыла лицо руками, сжалась, опустив плечи, мне даже жаль ее стало.

– Маркиз Монфри, я не привык к голословным обвинениям, если вам нужны доказательства, у меня они есть, – столь же холодно произнес супруг. Теперь уже все смотрели на мою, нет, получается нашу с Дэйзи мать, и ждали ее ответа.

– Да, у меня была еще одна дочь! Вы это хотите все услышать?! Я ее любила больше жизни, голубоглазое кудрявое создание, которую вынуждена была скрывать. А потом эта эпидемия, я была уверена, что моя ненаглядная доченька умерла, я потратила кучу денег, чтобы найти хотя бы ее тело и достойно его похоронить. Но даже этого мне не дал бог. Я была вынуждена возвращаться в холодный дом, к старшей дочери, столь же холодной, как и ее отец. Рибианна, она же до пяти лет не разговаривала, могла часами сидеть и смотреть в окно, а мое солнышко была живой и подвижной девочкой, веселой, улыбчивой. Именно о такой дочери я всегда мечтала, но получив ее, мне пришлось отдать мою крошку чужим людям. А что еще мне оставалось делать, если ты пять лет не появлялся в моей постели?! Ты во всем виноват! – мать уже не видела никого вокруг, она нашла виноватого в своих бедах, и это, конечно, был отец. – Все этот дурацкий обычай, думаешь, я не понимаю, что именно после него ты охладел и пять лет не появлялся в моей

спальне?! Отослал нас с Рибианной в поместье, а сам таскался по девкам? Или думаешь, я не знала про Лиану? Как же, любовь всей твоей жизни, и куда она послала тебя после того, как король поманил ее?

Я слушала мать и не знала что думать, как женщину мне было ее жаль, но почему она не высказала все это отцу еще тогда, когда дело не зашло так далеко.

– Двэйн, я не поняла, о каком обычае она говорит? – тихо спросила я, хотя могла не утруждаться понижением голоса, меня все равно никто не слушал.

Король наслаждался представлением, чувствуя себя зрителем в театре, дед был мрачен, он-то знал все это и не хотел выносить сор из избы, обсуждая неприглядную семейную тайну с чужими людьми. Отец то краснел, то бледнел, то порывался что-то сказать, но заткнуть рот миледи сейчас вряд ли у кого-то получится. Дэйзи сжалась в кресле, вот уж кто чувствовал здесь себя лишним, а возможно, виноватым.

– Они говорят о традиции дворянства. Супруг принимает первенца при рождении, – пояснил Двэйн. Он единственный выглядел спокойным, будто и не он спровоцировал этот балаган.

– В смысле, принимает первенца?

– Дворянин обязан сам принять роды у супруги, рядом, конечно, акушеры или повитухи, но именно он первым должен взять на руки своего ребенка.

– Теперь я понимаю, почему в аристократических семьях только один ребенок, а супруги изменяют друг другу, – пробормотала я, теряя последние остатки хорошего настроения.

– Любимая, я не боюсь вида крови и излишней впечатлительностью не отличаюсь, – обнял меня за плечи супруг и поцеловал в макушку. – Мне тяжелее представить, что я могу оставить тебя одну в такой момент. Так что прими как данность, я всегда буду рядом.

Я заглянула ему в глаза и поняла: он совершенно серьезен, это не шутка, не бравада. Стало спокойнее, прильнула к его боку, улыбнулась и тихо произнесла:

– Значит, будешь отдуваться за двоих. Я крови боюсь. И что-то мне подсказывает, адекватно вести себя вряд ли буду.

– Золотце, ты боишься крови?! А как же бедняга Ибрагим и его подельник? – рассмеялся супруг.

– Что за история? – наклонился к нам Августиан, ему уже надоело слушать крики моей матери и редкие вставки слов отца.

– О, именно после той истории мы с Анной поженились, а не пойти ли нам в кабинет и выпить?

– Хорошая мысль, пусть чета Монфри сама разбирается, –

встал Августиан, потирая руки. – Герцог Анзорский, вы с нами?

– Да, выпить нам всем не помешает.

– А можно мне пойти отдыхать? – тихо прошептала Дэйзи.

– Конечно, милая леди, идите. Вам завтра предстоит дальний путь, надеюсь, вы не посрамите свой род и державу, – король улыбнулся сестренке так, что та зарделась как маков цвет. И, все еще смущаясь, присела в реверансе и выскочила из библиотеки.

– Так кто такой Ибрагим и как он связан с боязнью крови твоей жены? – терпением Августиан не отличался. Что ж, мне тоже было интересно, как Двэйн расскажет о самом страшном для меня приключении.

Глава 17

Дэйзи уехала, а за ней следом Назим. Пока я думала, как помочь сестренке сбежать, писала рекомендательные письма шифром, окольными путями покупала противозачаточную настойку, Двэйн подошел к делу более разумно. Он нанял компаньонку для Дэйзи, отдал ей одну из наших служанок, именно ту, с которой девушка больше всего сдружилась. Также нанял охранников и удобную карету. В общем, сделал все, чтобы девушке было комфортно и безопасно путешествовать. Причем он, в присутствии принца Лабриана, дал указание охране блюсти не только безопасность Дэйзи, но и ее честь. Вот так у моей сестренки появилась своя небольшая свита, кстати, я заметила среди охранников Назима. Надеюсь, у него хватит ума скрывать свое истинное отношение к Дэйзи? А еще очень хочется верить, что они не наделают глупостей и не сбегут по дороге.

В тот вечер, когда раскрылась тайна рождения моей младшей сестры, а потом, оставив родителей выяснять отношения в библиотеке, мы перешли в кабинет, где Двэйн красочно расписывал мои приключения, будто сам наблюдал, как я всаживала кинжал Ибрагиму под ребра, мне потребовалось удалиться в дамскую комнату. В свое крыло идти было лень, поэтому я решила посетить одну из пустующих в гостевых покоях. Проходя мимо спальни Дэйзи, я услышала голос молодого мужчины и уже хотела ворваться на помощь, но вовремя узнала Назима и расслышала, о чем именно он говорит. Впору было записывать за ним, хотя о чем я, эти степняки мастера говорить красиво. Я прислушалась, не зная, стоит ли вмешиваться или пусть разбираются сами? Девушка отвечала сбивчиво и расстроенно, говоря, что Назим еще молод и найдет себе любимую, ведь у него вся жизнь впереди, причем свободная. Если бы мне говорили подобные правильные слова, но таким тоном, я не выдержала бы и обняла того человека. Судя по сдавленным всхлипываниям, Назим поступил так же, и сейчас Дэйзи плакала на его плече, рассказывая все жизненные перипетии. Так, это надолго, можно спокойно сходить по своим делам. Что я и сделала, но возвращаясь назад, все же не удержалась и заглянула в приоткрытую дверь, слишком у них там тихо было. Честно сказать, как замужняя женщина, я ожидала чего угодно, но увидела робкие объятия, влюбленный взгляд Назима, смущенный вид Дэйзи. Они смотрели друг на друга и не могли решиться.

«Да поцелуй ты ее!» – мысленно крикнула, но влюбленные вздрогнули и отпрянули друг от друга, будто бы я сказала это

вслух, а может и сказала, чего с усталости не брякнешь. Я быстренько удалилась. Переживать за честь Дэйзи сегодня ночью не было смысла, интуиция мне подсказывала, что даже до поцелуя они вряд ли дойдут.

В кабинет подоспела к моменту, когда, по рассказу Двэйна, он нашел меня. Не знаю, что именно он еще поведал королю и деду, но оба взирали на меня с восхищением, а дед еще и с гордостью.

– Леди Анна, надеюсь, мне, как близкому родственнику, будет позволено вас так называть?! Все же меня не оставляют сомнения. Как такая утонченная леди могла справиться с двумя матерыми преступниками? – вряд ли найдется глупец, который откажет королю в такой малости, как имя. Тем более короткое Анна мне нравилось больше, чем полное Рибианна.

– Ну что вы, сир, я не приписываю себе таких заслуг. Первого убил Ибрагим, если бы не он, тот бы меня изнасиловал, а возможно, и убил. А Ибрагима обезвредила я, он опрометчиво повернулся ко мне спиной, рассудив, что от испуганной слабой женщины не стоит ждать нападения, – я уже могла говорить о случившемся относительно спокойно, но рука все же дрогнула, когда взяла бокал с вином.

– Леди, я восхищен вашим самообладанием и мужеством. Тут я согласен с моим кузеном, не каждый мужчина поступил бы так достойно на вашем месте, – мне не хотелось бы стать объектом восхищения этого венценосного красавца, слишком он был непреклонен в своих желаниях. И если что-то или кого-то хотел, то добивался любыми путями. Это не хуже меня знал Двэйн, я почувствовала, как сжалась на моей талии его рука.

– Знаете, Ваше Величество, я склонна считать, что каждый должен приложить все усилия к своему спасению, а не сидеть и ждать, когда кто-то придет на помощь. Бог, он видит все, он всегда даст шанс, какой бы ни сложилась ситуация. И только в руках человека – воспользоваться своим шансом или отчаяться и погибнуть.

– Вы говорить еретические вещи, моя дорогая кузина. Священное писание учит нас принимать любую волю бога, и священники трактуют эту цитату буквально. Но ваша интерпретация мне больше нравится, – глаза Августиана сверкнули. – И мне интересно, где вы вычитали подобную концепцию?

– Не помню, сир. Единственное, что всплывает в памяти, это фраза о свободе выбора. Каждый волен выбирать, по какой дороге пойти: по той ли, что приведет к богу или другой, что низвергнет нашу душу в небытие.

– Хм, что-то наводит меня на мысль, что священники трактуют священное писание так, как удобно им. А все от того, что прочитать его может только человек, вступивший на путь служения богу.

– Но это же неправильно, писание должно быть для всех, для того же оно и писалось. Глупо составлять разъяснения для церковников, если они и так слышат волю бога.

– Двэйн, мой тебе совет, поговори с женой и объясни, чтобы она никогда и никому не говорила таких вещей. Слишком многим могут понравиться ее идеи, а нам еще войны с церковью не хватало. А если та информация верна, то в скором времени они активизируются, знать бы когда, – меж бровей короля прорезалась складка, он уже не походил на скучающего красавчика.

Он выглядел умным и жестким правителем, который умело скрывал свое истинное лицо за маской ловеласа. И таким он мне был симпатичен, но Августиан не был бы королем, если бы не заметил этого. Его глаза довольно сверкнули. Вслух он, правда, ничего не сказал, чему я несказанно обрадовалась, ревность Двэйна иногда принимала катастрофические масштабы.

– Мои люди работают над этим, мой король. Но вы знаете, как непросто внедрить шпиона к священникам, они умудряются раскрывать девятерых из десяти. А оставшиеся почти полным составом переходят на сторону церкви.

– Но сейчас мы знаем, что тому виной, осталось найти таких, как леди Анна, с врожденной невосприимчивостью к внушению.

– А теперь, молодые люди, объясните старому больному человеку, куда еще моя внучка успела вляпаться, – вклинился в разговор короля и Двэйна дед. Он тоже сбросил маску и теперь цепким взглядом следил за нами.

– Это долгая история, герцог, – попытался уйти от ответа мой супруг.

– А я никуда не тороплюсь, – дед подался вперед. – Кто знает, может у меня найдется нужная вам информация.

Как ни хотелось Двэйну и Августиану раскрывать тайны, но делать было нечего, малейшая информация о готовящемся перевороте могла помочь его предотвратить.

Их разговор затянулся за полночь. Я забралась на диван с ногами, обняла руку Двэйна и уютно дремала на его плече. Можно было уйти в спальню, но мне хотелось побыть с супругом, последнее время мне так редко выпадала такая возможность. Потом я проснулась уже на руках у мужа, когда он нес меня по коридору в наши апартаменты.

– Все? Внеплановое совещание закончилось? – зевнула я.

– Закончилось, как только герцог увидел тебя спящую, резко свернул все разговоры и предложил продолжить завтра, точнее, уже сегодня, – Двэйн улыбнулся и поцеловал меня.

– Я же говорила, что дед у меня золото, так бы до утра обсуждали эту ситуацию, – еще раз зевнула, прикрывая рот ладошкой.

– Знаешь, твой дед не только хороший финансист, но он еще и превосходный аналитик, думаю, ты уродилась в него. И его информация о том, что церковь потихоньку переводит свои активы за границу, только подтверждает готовящийся переворот или мятеж с их стороны. Как же все не вовремя, вот бы эти сведения узнать на месяц раньше, но лучше поздно, чем прямиком угодить в ловушку священников.

Несколько дней после отъезда Дэйзи и Назима прошли тоскливо, Двэйн опять уехал. На этот раз, как я поняла, он отправился на поиски мальчика, сына леди Диолан. На мой вопрос, почему он не отправит кого-нибудь другого, супруг ответил, что все доверенные лица заняты предотвращением переворота и охраной венценосной семьи. Кстати, к членам семьи короля относились и мы, поэтому в нашем доме было не протолкнуться от обилия охраны. Единственное, где я могла от нее отдохнуть – это личные покои или мой рабочий кабинет в управлении. Вообще-то, Двэйн был против того, чтобы я ездила на работу в его отсутствие, но мне было дома очень скучно, потому иногда я нарушала данное пожелание супруга. Сегодня был как раз такой день. Новый начальник охраны был мужчиной ответственным и настойчиво рекомендовал мне не покидать дом. Но напомнив ему, что в отсутствие милорда я распоряжаюсь им и всем остальным, посоветовала заняться своим делом, то есть охранять меня, а не давать мне советы.

На работе Кирк встретил меня, как родную, да и не только он, все следователи, проходя мимо, кланялись и интересовались моим здоровьем. Я даже стала подозревать неладное, с чего бы такая забота? Но все оказалось просто, мне это объяснил Кирк, когда я задала ему прямой вопрос. Мужчины не очень верят, что мне удастся раскрыть хоть какое-нибудь преступление, но в то же время присутствие леди в управлении заставляет их всегда быть собранными и аккуратными.

День на работе прошел плодотворно, я в который раз прочитала отчет по убийству Элеоноры. И, кажется, нашла зацепку, но для того чтобы подтвердить мою догадку или опровергнуть ее, мне нужно было переговорить с доктором, делавшим вскрытие. Сказано – сделано, не люблю откладывать на

потом то, что можно сделать сразу. Кирк, узнав, к кому я собираюсь наведаться, и что это связано с убийством девушки, загорелся отправиться со мной. Причем прибег к шантажу, намекая на то, что пожалуется герцогу на мое самоуправство, пришлось взять его с собой.

На карете мы далеко не уехали, перед главной площадью увязли в толпе, которая стекалась туда же.

– Миледи, здесь оставаться небезопасно, лучше вернуться в управление, там охрана справится и со штурмом, – озабоченно произнес начальник моей охраны, выглянув в окно.

Что ж, я была с ним согласна, тем более вспомнились опасения Двэйна и короля. Ох, чую, я опять вляпалась. Но делать было нечего и, одолжив у одного из охранников темный плащ, чтобы не светиться в толпе своим высоким положением, я, в сопровождении Кирка и господина Лиднета, покинула карету. На улице к нам присоединились еще несколько охранников.

Но назад вернуться мы не могли, толпа прибывала и прибывала, не было никакой возможности протолкнуться между ними. Да и страшно было привлекать к себе внимание этих странных людей, глаза которых были напрочь лишены разума.

– Фанатики, – фыркнул Кирк, но получив тычок в бок от господина Лиднета, начальника охраны, замолк.

– Замолкни, здесь что-то другое, пойдемте вперед, перед площадью есть переулок, ведущий на соседнюю улицу, будем надеяться, что там людей меньше.

Я молча кивнула, мне тоже казалась эта толпа странной, а еще я заметила, что у наших охранников постепенно становятся такие же глаза, как у остальных людей.

– Господин Лиднет, у вас есть защитный амулет? – тихо спросила у мужчины, беря его под руку. С каждой минутой чувство опасности вопило все сильнее.

– Есть, думаете, это штучки магов? – так же тихо поинтересовался мужчина, окидывая людей подозрительным взглядом.

– Или священников, – пробормотала я. – Кирк, а у тебя тоже амулет?

– Да, миледи, мне, как секретарю начальника управления по борьбе с преступностью, полагается носить его даже во сне.

– Поздравляю вас, господа, кажется, мы остались единственные разумные люди в округе.

Кирк с господином Лиднетом как по команде уставились на наших охранников, те же уже ни на что не реагировали. Нас продолжали теснить к главной площади, я посмотрела в сторону приближающегося переулка, куда потихоньку, просачиваясь

сквозь толпу, мы перемещались. Там стоял священнослужитель, его глаза были прикрыты, лоб покрылся испариной, он держался за угол дома и напоминал человека, у которого плохо с сердцем. Так, значит, все-таки церковники решились на переворот?! Вот демон! И Двэйн не в городе. А может они специально начали его сейчас, когда Двэйн в отъезде, а монаршая чета отправилась на побережье по совету докторов? Сразу вспомнился доктор, который проводил вскрытие, и к которому мы сегодня вряд ли попадем. Плохо, все плохо. Нельзя допустить кровопролития, а оно явно будет, когда святоши отправят всех этих людей на штурм дворца. Но что мы можем сделать втроем? Правильно, ничего! Хотя можно попытаться разжиться информацией.

– Господин Лиднет, переулок заблокирован, – тихо прошептала на ухо мужчине, он вздрогнул и кинул слегка удивленный взгляд на священника.

– Что может нам сделать этот больной человек?

– Этот человек управляет толпой, – прошипела я, дернув его за рукав, чтобы он перестал глядеть на церковника. – Не смотрите на него, пусть думает, что мы тоже под внушением.

– Миледи, вы что-то путаете, это же священнослужитель, они ярые противники магии.

– Если они такие противники, то зачем отбирают детей у родителей даже со слабеньким даром? Зачем прячут в своих хранилищах всяческие магические штучки? Почему сразу не уничтожают их? А вы знает, что те дети с даром потом становятся священнослужителями? Вам это не кажется подозрительным? По мне так все ясно, они специально копят мощь, чтобы потом ударить по миру и подмять всю власть под себя.

– Миледи, ваши рассуждения не лишены логики, но мне кажется, они все же ошибочны, – с сомнением произнес господин Лиднет.

– Есть только один способ проверить, пойдемте на площадь и послушаем, о чем хотят сказать всем этим людям.

– Миледи, я несу за вас ответственность, нам надо возвращаться, – забеспокоился мужчина.

– Куда? В управление? Да вы с ума сошли, это будет первое место, куда людей пошлют на штурм.

– Я тоже так думаю, – влез Кирк. – Предлагаю последовать совету миледи и пойти со всеми вместе на площадь. Если имеет место внушение грандиозных масштабов, то беспорядков в толпе не будет. Поэтому мы будем повторять за всеми, а когда толпа пойдет штурмовать дворец или что-то другое, скроемся в одной из подворотен по пути. Они же не могли все их перекрыть?!

– Ладно, так и сделаем, но милорд нас убьет, если с миледи

упадет хоть волос, – пробурчал господин Лиднет, стискивая мою руку. – Миледи, держитесь за меня крепко, толпа может нас разделить.

Меня не надо было долго упрашивать, я вцепилась в него, как клещ. Потому что было очень страшно находиться в толпе зомбированных людей. А их все прибывало и прибывало, аристократы шагали рядом со своими слугами, дети, старики, нищие, никого не забыли церковники. Вот демон, как у них получилось накрыть внушением целый город? Неужели в их рядах так много магов?

Чем ближе мы подходили к площади, тем явственнее слышался разносящийся над ней голос. Он вещал о том, как тяжело людям жить под гнетом тирана, как несчастны они и бедны. Я хмыкнула, когда услышала ответные вопли толпы, половина из которых была весьма зажиточна. Нас все толкали и толкали, пока мы не уперлись в спины людей, стоящих вокруг помоста, на котором проводились казни. А сейчас на нем находились пять священнослужителей, один из них и вещал всю эту ересь про короля. Очень символично, с места для казни «казнить» власть. Сам оратор был мне незнаком, а вот парочка за его спиной очень даже, именно они приходили в наш дом. Уверена, стой я ближе, они меня не заметили бы, эти двое и другие пребывали в трансе, раскачиваясь и бубня молитвы или заклинания. Оратор же уже перешел к детям-сиротам и невинным девушкам, которых нынешняя власть заставляет торговать своим телом, чтобы хоть как-то прокормиться.

– Вы все еще не верите мне, господин Лиднет? – ехидно поинтересовалась я.

– Сложно не верить своим глазам, – мрачно процедил мужчина.

– Что будем делать?

– Пока то, что уже решили.

Ну ладно, так что нам оставалось стоять в море людей и слушать весь этот бред про угнетенный и униженный народ. Дежавю подсказывало, что где-то я уже подобное слышала, а может быть, читала. Оратор все больше распалялся, требуя от бога всяческие казни на свою голову, если он не прав. Меня охватила злость и досада, до точки кипения народа оставалось совсем чуть-чуть. Действительно, где же бог, когда он так нужен? И в тот же момент мне вспомнились мои недавние слова, про свободу выбора и шанс, который бог дает каждому. Что если мое здесь присутствие неслучайно? Что если в этот момент я и есть рука господа? Еретические мысли, огромное самомнение? Возможно, но ведь я могу остановить этого зарвавшегося

человека. Не зря же тренировалась что-то замораживать. Долго думать вредно, если решение принято, лучше действовать, что я и сделала, после очередного воззвания к богу и его каре, священник рухнул на помост.

– Что это с ним? – ахнул рядом Кирк.

– Божья кара, видимо, – пожала я плечами, чувствуя себя гадко.

Только одно меня оправдывало: смерть одного человека – это ничто в сравнении с многими тысячами. Оказывается, заморозить сердце не так уж и сложно, если на тебя давят обстоятельства. Но дело еще было не сделано, оставались еще четверо священников, их я убивать не хотела. Да и нельзя было. Иначе все, что сказал оратор, останется в людских душах навсегда, они будут постоянной угрозой государству и королю.

– Пойдемте, нам надо, пока те четверо держат толпу, внушить им что-то более патриотичное, – потянула я в сторону помоста начальника охраны и Кирка.

Добрались мы на удивление быстро, видимо, без оратора люди просто впали в забытье, стояли и не шевелились.

– Кирк, ты же секретарь, значит, говорить умеешь, давай, придумай что-нибудь про любовь и верность короне. А мы с господином Лиднетом присмотрим за священниками и по одному будем их обезвреживать.

– Миледи, я не могу, – побледнел парень. – Это большая ответственность.

– Господи, с кем приходится работать, – вздохнула я и вышла вперед на край помоста. Вот незадача, все мысли вылетели из головы. О чем же говорить? – Братья и сестры мои! Господь призывал нас к смирению, предыдущий оратор им не отличался, и бог его покарал. Давайте вместе вспомним, что еще завещал нам господь наш.

Еще бы самой вспомнить, в голове почему-то крутились десять заповедей.

– Все вы знаете о заповедях бога: «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», «не поминай господа всуе», «возлюби ближнего своего, как самого себя», «уважай мать и отца своего», «не возжелай чужой жены или чужого супруга», – как назло остальное вспомнить я не смогла, ну не от себя же выдумывать. – Так почему же вы решили нарушить их все сразу? Почему поддались еретическим речам этих лжесвященников, которые призывают вас пойти грабить, убивать и насиловать невинных? Как вы могли даже в мыслях замахнуться на власть короля, который, как известно, является наместником бога на земле?

Господи, прости меня, несу всякую чушь. Но лучше уж так,

чем братоубийственная война. Толпа шумела, но это было воздействие священников.

– Господин Лиднет, вы еще долго? Начинайте обезвреживать, – прошипела я за спину и разразилась длинной речью о том, что любовь в семье залог благополучия в государстве. Прошлась по аристократам, говоря о том, что лучше накормить нищих и сирот, чем устраивать ежедневные балы и пиры. В общем, от каждого по возможности, каждому по потребности. Постепенно стали мелькать в глазах собравшихся людей проблески разума.

– Господин Лиднет, мы, кажется, забыли продумать пути отступления?! – вырвалось у меня слегка испуганно, одно дело – зомбированная толпа, которую удерживают мои слова, другое – просто неадекватная, готовая растерзать любого.

– Вы говорите, не останавливайтесь, – зашипел из-за спины мужчина. – Мы двух уже обезвредили, еще одного и уходим, на какое-то время он, сам того не зная, сможет их удержать.

Пришлось продолжить, вещала о долге, о чести, об ответственности перед детьми и уважении к родителям, напоследок вспомнила о государстве и короле. Хотела развить эту тему, но меня сдернули за ноги куда-то вниз, я взвизгнула и упала в чьи-то руки, закрывшие мне рот, а родной голос прошептал над ухом:

– Тише, любимая, это я, – я всхлипнула от нахлынувшего облегчения, если супруг рядом, можно ничего не бояться.

Двэйн развернул меня к себе, крепко обнял, беспорядочно целуя и шепча ласковые слова. Мой незначительный визг, кажется, заставил людей очнуться. Теперь они скандировали и требовали вернуть им святую леди. Мне стало страшно, а вдруг они все запомнили мое лицо? Меж тем Кирк закрыл на щеколду люк наверху, его открывают, когда кого-то вешают. Мне почему-то стало нехорошо, нервы, видимо.

– Ну что вы, леди Анна, стоит ли сейчас плакать, когда уже все обошлось? – раздался рядом насмешливый голос. Я вздрогнула, вспоминая, что мы с Двэйном не одни. – Примите мое истинное восхищение, такой прочувственной речи я не слышал даже от церковников.

Я вытерла слезы и обернулась к Августиану, а кто еще мог быть таким наглым? Король в очередной раз поверг меня в удивление, вот уж не думала, что он полезет в самое пекло. Жаль, мне никогда не придется увидеть его без этой самодовольной улыбки, было бы интересно. Но, видимо, я все-таки плохо знаю нашего монарха, потому что следующего действия от него я просто не ожидала. Он склонил передо мной голову, взял мою

руку и поцеловал, вкладывая нечто большее, чем просто восхищение леди.

– Кузина, я счастлив, что вы часть моей семьи! И отдельное вам спасибо за «короля, который, как известно, наместник бога на земле», – лукавая, почти мальчишеская, улыбка делала Августиана моложе, невольно улыбнулась в ответ.

Руки супруга крепче сжали мою талию, надо же, мы уже больше месяца женаты, а Двэйн, кажется, стал ревновать меня еще больше. «Больше месяца, больше месяца», билась мысль в голове, пытаясь мне о чем-то напомнить, но я решила подумать об этом потом, когда мы будем в безопасности.

– Двэйн, а как вы тут оказались? – только сейчас дошла до меня вся абсурдность ситуации.

– Мы прошли через подземный ход, его используют, чтобы не перетаскивать тело на всеобщем обозрении, он как раз ведет к моргу управления. Это самый безопасный ход.

От слов Двэйна меня передернуло, постаралась не думать о трупах, которые здесь перетаскивали не единожды, а ведь здесь наверняка обитают призраки.

В люк я еще сама спустилась, но от запаха плесени, крыс и чего-то неприятно приторного, меня замутило. Вот тут мысль о том, что мы женаты с Двэйном больше месяца, нашла отклик, у меня же за это время ни разу не было женских дней. Последний раз они прошли еще в родительском доме, за неделю до нашей свадьбы. Меня охватила паника, одно дело – хотеть детей, другое – быть уже беременной.

– Родная, что с тобой? – заметил мой побледневший вид муж.

– Тут воняет, а еще темно и страшно, – выдавила я из себя, борясь с подступившей тошнотой. Пока я решила не говорить о своих подозрениях супругу, место и время неподходящие сейчас, вот все успокоится, тогда и скажу. А может, надо к доктору сначала обратиться?

– Милая, не бойся, я же рядом, и у нас есть факел, – поцеловал меня в макушку Двэйн. – Пойдем, если устанешь, я тебя понесу или тебя сейчас взять на руки?

Предложение было заманчивым, но я натолкнулась на насмешливую улыбку короля и решила быть мужественной до конца, чтобы этот интриган и льстец выкинул из головы мое соблазнение. Он же сам говорил, что не любит умных и смелых женщин, что таким тяжело соответствовать. Я не глупая и понимаю, почему в последнее время он к нам зачастил, ведь с Двэйном он может увидеться и в управлении. Да и вообще ловеласа только могила исправит, полгода верности жене – это огромный срок для Августиана Третьего. Как-то сразу

беременность приобрела для меня еще большую привлекательность, думаю, как только король узнает о моем положении, у него напрочь пропадет ко мне интерес. Я победно улыбнулась ему, чем вызвала неподдельное изумление и любопытство. Ха, пусть помучается, а то заглядывается на супругу своего брата!

Глава 18

Я устроилась на диване с ногами, привалившись под бок супругу. Мне было хорошо. Королю я уступила свое кресло. И теперь он сидел напротив со своей ухмылкой на губах и разглядывал нас с Двэйном. Забыла сказать, мы обосновались в моем кабинете в управлении, куда дошли по подземному ходу. В целом охранников с Двэйном и королем было немного, человек пять не больше. Даже не представляю, зачем мой ненаглядный со своим братцем полезли под тот помост? Вот об этом и многом другом я хотела расспросить супруга сразу, как только мы оказались в управлении. Но у мужчин были другие планы, они решили, что не мешало бы сначала умыться и поесть. Час спустя я им была благодарна, оказывается, если наесться до отвала, настроение улучшается, да и тошнота проходит. Правда, желание поговорить не пропало, очень уж вовремя Двэйн оказался рядом, неужели следил?

– Двэйн, и все же, как вы оказались под помостом? Ты же отправился на поиски мальчика? – не выдержала я, физический голод был утолен, оставалось утолить любопытство.

– Мальчика? Зачем тебе мальчик, кузен? Я думал, ты ведешь расследование о контрабанде запрещенного вещества, – взгляд у Августиана стал цепким, король очень не любил быть не в курсе происходящих событий.

– Так и есть, мой король. Это долгая история, через пару дней я составлю отчет, и вы все узнаете, – попытался отделаться от нас Двэйн, я видела, что он не горел желанием рассказывать всю историю сначала.

– Времени у нас много, я хочу услышать все сейчас, – заявил Августиан нетерпящим возражения тоном.

– Двэйн, хочешь, я начну рассказ, а ты дополнишь то, что я не знаю? – предложила компромисс супругу.

– Давай, будет интересно послушать развитие событий с твоей точки зрения, – заинтересовался Двэйн.

Я начала свое повествование с момента, когда мы стали с мужем свидетелями попытки самоубийства Элеоноры, дошла до ее смерти.

– Извини, дорогая, здесь я тебя перебью. Девушка умерла от отравления, именно ее смерть стала ниточкой к контрабандистам, – пояснил для короля Двэйн. Дальше он коротко рассказал, как продвигалось следствие в этом направлении, как он вышел на графство Диолан, а соответственно, на саму вдовствующую графиню.

– Так что тут думать, у вдовы был мотив и возможность убить девушку! – в азарте воскликнул король. – Можешь приносить приказ о казни, я подпишу.

– Все не так просто как кажется, сир. Вот тут мы и подходим к вопросу о мальчике, про которого вы недавно спрашивали. Графине было невыгодно убивать падчерицу, у нее есть сын от супруга, и она хотела его предъявить общественности после того, как Элеонора выйдет замуж, – похоже, Двэйн наслаждался изумлением сиятельного брата.

– Но почему она сразу не пришла в храм после рождения ребенка? Я так понимаю, он родился уже после смерти графа Диолан?

– А вот тут мы опять приходим к контрабандистам и долгой истории, которую, видимо, придется поведать вам сейчас, – нарочито вздохнул Двэйн. – Все началось чуть больше десяти лет назад. Вы помните, сир, дело графа Диолан? Его тогда обвиняли в совращении и принуждении к интимным отношениям лиц, не достигших половой зрелости?

– Как же, как же, очень скандальное дело было. Но ведь его оправдали? Девочки оказались нетронутыми, это показала экспертиза.

– Не совсем так, доктор сказал то, что ему внушили, как с этими людьми на улицах. Оказывается, священники давно практикуют такие услуги для очень состоятельных людей, так вот, на тот момент граф Диолан таким и был. Но рассудив здраво, что лучше расстаться почти со всем состоянием, но остаться живым, чем несколько дней умирать на колу, он обратился к церковникам. Это не метафора, Анна, за то преступление, в котором обвиняли графа, полагается такая казнь. Так что граф остался оправданным, свободным, но практически нищим, а он очень любил пожить в свое удовольствие. Именно в этот момент к нему обращается Ларри Гран, он как раз следил за графом и мог бы выступить свидетелем, но решил урвать свой куш.

– Кто такой этот Гран? – спросил король, я тоже хотела задать этот вопрос.

– Ларри один из полевых агентов нашего ведомства, звезд с неба никогда не хватал, особыми талантами не отличался, обычный мужчина, каких множество. Именно поэтому он все эти годы не вызывал подозрений. Но, видимо, его ум был недостаточно оценен, потому что ему пришла пусть не гениальная, но неплохая идея заработать на продаже наркотиков. Из-за специфики работы связи с наркодельцами у него были, оставалось найти подходящий канал поставки. И тут удачно

подвернулся нищий граф со своими шахтами, по ним-то контрабанда и поставлялась. И все бы ничего, но тут всполошился господин Ааден, управляющий графством и честнейший человек. Где он сейчас, сказать не могу, скорее всего, его давно нет в живых. Вот его-то место Ларри и занял. Анна первая обратила внимание, что все финансовые отчеты за последние десять лет написаны как будто под копирку.

– Получается, этот Гран десять лет вел двойную жизнь и нигде не наследил? – усмехнулся король. – Но как-то же вы на него вышли?

– Это случилось после похищения Анны, – Двэйн подробно рассказал про Гарри, про то, как я отправила его в логово преступников, про Надю, которая тоже успешно добывала для меня информацию. Про кинжал и многое другое. Чем больше он говорил, тем больше казалось, что все расследование провела я, хотя это было не так.

– Двэйн, не надо меня захваливать, ты для раскрытия этого дела сделал намного больше меня. А я всего лишь подкинула тебе пару идей, – попыталась я откреститься от сомнительной славы, слишком сильно сверкали глаза Августиана, явно же что-то задумал.

– Анна, твои идеи были необычны, но при этом почти гениальны, – улыбнулся мне супруг. – Вот вы, сир, могли бы догадаться, что мальчика выдают за девочку?

– Женская логика в действии, – рассмеялся Августиан. – Хотя раз ребенка прятала графиня, кому как не женщине понять ее? Вы мне так и не сказали, зачем она это сделала.

Теперь настала моя очередь объяснять, что вдова очень боялась управляющего, не настоящего, а преступника. Ведь он мог убить ее, а опекуном ребенка стала бы Элеонора, то есть этот Гран получал почти неограниченную власть в графстве. И опять же женская месть, ведь падчерица увела у графини Диолан любовника.

– С этим разобрались, немного непонятно, но у страха глаза велики, да и что взять с запуганной женщины, – задумчиво произнес король. – Мальчик точно законный потомок графа?

– Да, я проверил в первом же храме.

– Так кто же убил девушку, если не мачеха? – вопрос Августиана заставил Двэйна скривиться. – Может, жених?

– Нет, его я проверил в первую очередь. Вначале Анна рассказывала про то, что Элеонора устроила истерику, вроде как ее бросил жених из-за ее бедности. Я поговорил с этим молодым человеком, он вообще пару дней не видел своей невесты до того памятного бала. Навел справки по своим каналам, граф Тронси

неделю провел на водах в обществе известной танцовщицы, а с Элеонорой встретился только на балу. Причем независимые свидетели подтвердили, что девушка была с ним холодна, а кое-кто даже услышал фразу, что она знает о его делишках. Да и не было у графа мотива.

– Тогда кто же? Если и не мачеха, и не жених? Или ты сейчас скажешь, что девушка перепутала бокалы, и яд предназначался не для нее?

– Нет, сир. Но есть еще таинственный любовник девушки, возможно, найдя его, мы найдем убийцу.

– Двэйн, я сегодня еще раз просмотрела отчет вскрытия Элеоноры, и кое-что меня заинтересовало. Поэтому я, собственно, и отправилась в город, чтобы переговорить с доктором.

– Очень заманчивое начало, кузина. Ну-ка, огорошьте нас и скажите, что разгадали это убийство, – в голосе короля прозвучала насмешка, неприятно меня задевшая.

Значит, этот венценосный ловелас считает, что женщина может подкинуть идейки, но на собственные выводы не способна?! Что ж, пришло время доказать обратное.

– Прежде чем я озвучу свою версию, у меня есть вопрос. Двэйн, а как выглядит этот ваш Ларри?

– Среднего роста, худощавый, светловолосый, сероглазый. Такой типаж очень легко загримировать, что он с успехом проделывал, когда приходилось изображать господина Аадена.

– А волосы у него длиной до плеч?

– Думаешь, это он был в тот вечер за столом с Элеонорой? – сразу ухватил мою мысль супруг.

– Более того, думаю, именно он был ее любовником. Посудите сами, девушка молода и до своего первого бала в высшем обществе не появлялась. Вывод: если она успела в таком возрасте завести любовника, а в отчете о вскрытии упоминается, что девушка на момент смерти уже не была невинна, следовательно, это должен быть кто-то из поместья. Сомневаюсь, что такая, как Элеонора, выбрала бы конюха или поваренка. А вот загадочный управляющий, тайну которого она, скорее всего, узнала, дети зачастую бывают очень любопытны, чем не герой из романов. Но не думаю, что это Ларри или, как его называла Элеонора, Билл, собирался убить девушку, она ему была нужна живой и здоровой. А вот тут мы приходим к моей версии. Меня все время преследовал вопрос: зачем Элеоноре надо было изображать попытку суицида? Что она ей давала? Ответ оказался на поверхности, да она сама его озвучила, ей в срочном порядке надо было расторгнуть помолвку. Причем так, чтобы граф Тронси и не подумал заикаться об откупных. Так что же такое узнала

девушка, что приняла данное решение, не посоветовавшись со своим любовником? Можно было бы предположить, что она узнала об интрижке жениха. Но ей на него было совершенно плевать, замуж она хотела выйти только по одной причине, чтобы вступить в права наследования. У меня есть подозрения, что через год-два после свадьбы мы бы наблюдали скандальный развод или не менее таинственную смерть графа Тронси. Мое же мнение, что Элеонора узнала о своем сводном брате и догадалась, какую подлость ей готовит мачеха. Ей пришла в голову идея одним махом отделаться от надоевшего любовника, нелюбимого жениха, а также мачехи, что была препятствием к богатству и свободе. Надо было только устроить истерику на людях, а потом подлить себе немного яда в бокал, совсем чуть-чуть, чтобы только почувствовать недомогание и заинтересовать этим фактом доктора. Но то ли рука у нее дрогнула, то ли концентрация вещества была большая, и она не рассчитала ее, но итог плачевный – смерть.

– Леди Рибианна, я правильно вас понял, вы предполагаете, что Элеонору никто не убивал, и место имел несчастный случай? – приподнял брови король, Двэйн же, вообще, пребывал в прострации.

– Для Элеоноры он конечно несчастный, а для нас всех почти счастливый, ведь из-за этой промашки удалось напасть на след наркоторговцев. Я думаю, она специально такой яд взяла, и пузырек мачехе подкинула заранее, ведь после того, как ее бы повесили, именно девушка стала бы опекуном брата. А любовника поймали бы, и никто больше бы не путался у нее под ногами. Возможно, я где-то и ошибаюсь, но тогда объясните, как у жертвы на пальцах оказался концентрированный яд? Этот вопрос я хотела уточнить у доктора.

– Знаешь, Двэйн, умная женщина – это страшная сила, а если она еще и красивая, то быть ей министром внешней экономики. Я не шучу, у вас есть три года на обзаведение наследником, а потом, дорогая кузина, добро пожаловать на государственную службу.

– Ваша Величество, неужели вы так сразу поверили в мое предположение? – удивилась я, наш король вообще доверчивостью не отличался.

– Нет, конечно, это всего лишь версия, но самая лучшая из тех, что здесь прозвучали. Мне понравилось, как вы ее изложили: доступно, уверенно, подкрепляя фактами. И там, перед толпой, вы не растерялись и выступили с очень проникновенной речью, чем предотвратили кровопролитие.

– А вы мне так и не ответили, что вы делали под помостом, –

ухватилась за поднятую тему мятежа.

– То же, что и ты наверху, дорогая, – рассмеялся Двэйн, обнимая меня за плечи. – Я как раз шел с докладом к королю, как прибыл человек и сообщил о беспорядках в городе. Он же рассказал о митинге, который устроили священники, и что они подстрекают народ к перевороту.

– Я же решил лично поучаствовать в восстановлении своего доброго имени и репутации. И что же я услышал, когда мы выбрались из подземного хода? Ваш, кузина, нежный голосок, вещающий о долге, ответственности и патриотизме, а уж ваши слова о любви к ближнему и смирении, даже меня заставили прослезиться, – что-то не похоже, Августиан еще тот льстец. – Знаете, я с трудом удержал брата, он хотел вылезти на помост и отшлепать одну очень любопытную леди, которая постоянно куда-то вляпывается. Вы не знаете, о ком он это говорил?

Я покраснела, опустила взгляд, вот так и спасай государство, никакой благодарности.

– Не расстраивайся, любимая, будет тебе благодарность, – засмеялся супруг, который расслышал мое бормотание. – Не знаю, как там с государством, но я уже счастлив от того, что ты живая и здоровая. Раз уж мы с тобой такие молодцы, преступление раскрыли, то нам самое время ехать в медовый месяц. Вот Грана поймаю, и порядок в городе наведу, сразу и поедем.

– У меня остался к вам, Анна, только один вопрос. Что случилось со священником? Он с таким воодушевлением говорил, а потом резко смолк и раздался глухой удар упавшего тела.

– Видимо, сердечный приступ. Он так рьяно призывал кару господню на себя, вот сердце и не выдержало, – потупилась я, стараясь думать о чем-то отвлеченном, а не о цепком, пронизывающем взгляде короля. Вот какая ему разница от чего помер священник? Это мой грех и когда-нибудь я за него отвечу.

* * *

Прошло уже три дня после мятежа священников, а мы так никуда и не поехали. Двэйн пропадал в управлении, наводил порядок не только в городе, но и чистил ряды своих подчиненных. В городе действительно творился хаос, хоть меня туда не выпускали, но слуги регулярно приносили новости и слухи. Большинство населения отделалось головной болью и противоречивым отношением к власти, так на них сказалось внушение священников. Но были и такие, которые тронулись

рассудком, они бились в истерике на улицах, пытались взывать к людям, говоря выдержками из моей или церковника речи.

Кто-то тихо громил витрины и лотки торговцев, видимо, этим людям нужно было что-то сломать и неважно в поддержку каких идей. Но с ними было проще всего бороться, их арестовывали и отправляли в тюрьму дней на десять. Двэйн сказал, что зачастую этого времени достаточно, чтобы остудить горячие молодые головы, и дать им возможность задуматься над своим будущим. Совсем уж безнаказанными парни не оставались, им полагалось возместить причиненный ущерб.

А вот с сумасшедшими или с временно помешанными было тяжелее всего, специальное учреждение для больных такого плана принимало людей, родственники которых могли оплатить лечение. Но Августиан нашел почти гениальное решение, он распорядился освободить в ближайшем монастыре комнаты для больных и лечить их силами священников. Они не возражали, да и кто бы посмел, ведь из-за попытки мятежа церковь впала в немилость. Оратор, которого я убила, был архиепископом, а те четверо – его заместителями. Они остались живы, но перегорели и вряд ли когда-нибудь смогут воспользоваться магией. Да и жизнью их состояние было нельзя назвать, по словам Двэйна, они больше напоминали растения.

Вчера пришла весточка от Дэйзи, она писала о том, что город Аризмат очень красив, что ее встретили приветливо и поселили в прекрасных покоях, в противоположном от принца крыле. Также ей разрешили оставить своих охранников, которые неплохо себя зарекомендовали в дороге, отбивая нападение разбойников. Письмо было слишком официальное, чтобы я поверила в его искренность, но ведь мне никто не мешает читать между строк. Понятно, что Дэйзи во дворце не понравилось и особо ей там тоже не рады, а вот то, что с ней рядом Назим, делало ее жизнь там не такой мрачной.

На этих днях заезжал дед, очень сокрушался, что не страдает глухотой, потому что находиться в доме не было никакой возможности. Оказалось, мои родители то ругаются, а они это делают с битьем посуды, то мирятся, причем тоже очень громко. В общем, если так дело пойдет и дальше, то месяцев через девять у меня появится или братик, или еще одна сестричка. Меня это удивило, ведь мать пьет настойку. Но когда я это рассказала деду, он только отмахнулся, сказав, что мой отец ее нашел и вылил, кстати, по этому поводу тоже бы скандал.

– Знаешь, внученька, я рад, что ты пошла не в мать и даже не в отца, – улыбнулся дед, обнимая и целуя в щеку.

– Если не в них, то тогда в кого? Надеюсь, в моем рождении

нет каких-нибудь тайн? – пошутила я. Какие могут быть тайны, если внешне я похожа на обоих своих родителей.

– Я тешу себя мыслью, что ты взяла мой характер, – во взгляде деда проскользнула грусть.

– А почему тогда у тебя такой грустный вид? Разве у тебя плохой характер? – попыталась обратить слова в шутку.

– Тяжелый у нас с тобой характер, мы слишком требовательны к людям, особенно близким. Не повторяй моих ошибок, внучка, научись прощать мужу мелкие просчеты.

– Но у нас с Двэйном все хорошо.

– То есть ты не злишься на него из-за того, что у вас не было медового месяца, что он больше времени уделяет работе, что где-то пропадает ночами?

– Я хотела бы, чтобы он чаще бывал дома со мной, но тогда бы это был уже не Двэйн. Я не злюсь, но очень беспокоюсь о нем.

Я сказала тогда деду правду, после мятежа мне опять стал сниться тот сон, где Двэйн погибает. Каждый раз я просыпалась от собственного крика, заполошно ища рядом мужа. Он тоже просыпался, успокаивал меня, говорил, что это просто сон, что я сильно нервничала в последнее время, вот мне такие сны и снятся. Как бы я хотела, чтобы все это так и было, но тревога никуда не уходила. Наоборот, она стала преследовать меня и днем. Вот спрашивается, почему я уже полчаса хожу в вестибюле? Что я забыла у входной двери днем, когда до приезда с работы Двэйна еще два часа? Умом понимаю, но все равно не ухожу.

Дверь со стуком открылась, четверо мужчин, которые были смутно мне знакомы, внесли Двэйна на плаще. Я пошатнулась, хватаясь за перила. Нет, только не это!

– Леди, он жив, но ранен. Мы отправили гонца за доктором, – заметил мой бледный вид один из мужчин. – Милорд настаивал, чтобы его принесли домой.

– Несите его в спальню, – я собрала все свое мужество и пошла вперед, показывая дорогу. Мне навстречу попался взволнованный дворецкий, видимо, он увидел входящих в окно библиотеки. – Джеймс, как только появится доктор, срочно пусть поднимается наверх. Приготовь все, что может понадобиться для перевязки. Господа, чем милорда ранили?

– Нож.

Я промолчала, в горле был ком, слезы стояли в глазах. Двэйна осторожно уложили на постель, а потом, спросив, не нужно ли мне чего-нибудь, мужчины вышли. Единственное, чего мне в тот момент хотелось, – это повернуть время вспять, чтобы в этот день не пускать любимого на работу. Я села на кровать и заплакала, судя по огромному пятну крови на груди у Двэйна и

кровавой пене на губах, у него пробито легкое. Глупо даже надеяться на выздоровление. Но когда любишь, часто творишь глупости.

Не знаю, что меня натолкнуло на такую мысль, наверное, страх и дикое нежелание снова потерять Двэйна. Толку от этой магии, если я не могу спасти любимого человека?! Я спешно сняла с себя амулет Двэйна, аккуратно положила ему в основании шеи, закрыла глаза и сильно-сильно захотела, чтобы любимый жил. Слезы текли из глаз, но я не обращала внимания на них, вспоминая все самое лучшее, что было у нас с Двэйном и мечтая о нашем дальнейшем будущем. Не знаю, сколько я так просидела, чувствуя, как амулет нагревается под моими руками, но мне даже не пришло в голову, как такое вообще возможно, ведь я же лед.

– Анна? – еле слышный голос супруга, заставил меня вздрогнуть и открыть глаза.

– Двэйн! – я всхлипнула и чуть не упала на него с целью обнять, но вовремя вспомнила, что он ранен. – Как ты? Доктор скоро придет.

– Любимая, прости меня, я не сдержал слово, обещал заботиться о тебе, любить и защищать, – Двэйн закашлялся, кровь опять появилась на губах.

– Только попробуй умереть!!! Я тебя с того света достану!!! – тоже надумал мне прощаться.

– Глупенькая, я не собираюсь умирать, – слабо улыбнулся супруг. – Как же я оставлю тебя одну? Тут же слетятся желающие наложить лапу на мою девочку. И мой кузен будет первым в очереди. Нет, умирать мне нельзя.

– Где раненый? – едва открыв дверь, спросил доктор, круглый мужчина лет пятидесяти с чемоданчиком в руках. За ним следом вошел Джеймс с тазиком и перевязочным материалом. – Милорд, давненько не виделись, месяца четыре, кажется? Что у нас в этот раз? Ножевое? Не бережете вы себя. Хоть бы о жене подумали, она же переволновалась.

Доктор что-то еще говорил, но я его не слушала, перешла на другую сторону кровати, чтобы держать Двэйна за руку. Вид крови меня уже так не пугал, но когда доктор развязал старую повязку, и мне предстала рана с запекшейся кровью, я отвернулась. Слишком тяжело было смотреть, в памяти калейдоскопом проносились картинки из сна, там тоже была кровь Двэйна. Но сейчас он не заканчивался, я видела похороны, видела себя, прикованную к какому-то странному креслу, а потом кипы бумаг, цифр, счетов. Встряхнула головой, избавляясь от наваждения, нет, этого не было и не будет!

– Ну, что я могу сказать, все не так плохо, как могло

показаться. Легкое задето вскользь и неглубоко, рана чистая, яда я тоже не обнаружил. Сейчас промоем, смажем, перевяжем, и все заживет. Знаете, милорд, я думал, ваш амулет не спасает от ножевых ранений, но тут на лицо счастливая случайность, еще бы чуть глубже, и мы бы встретились только на ваших похоронах, – юмор у доктора был под стать его специальности.

Так, с шутками и прибаутками, доктор перевязал Двэйна, пообещав прийти завтра с утра, выдал рекомендации, несколько порошков и отбыл.

– Миледи, надо бы сменить постельное, – произнес Джеймс. – Возможно, вы захотите, чтобы вам постелили в другой комнате?!

– Джеймс, уйди, а то я не сдержусь и наговорю лишнего, – это надо было додуматься, в другую комнату! Да я вообще не усну сегодня, почему-то мне казалось, что надо обязательно дождаться утра, что тогда точно будет ясно, справится Двэйн с раной или нет.

– Как прикажете, миледи, – поклонился Джеймс и вышел.

– Скоро он тебя будет бояться больше, чем меня, – на губах мужа наметилась улыбка. Пока доктор обрабатывал рану, он молчал, стиснув зубы и мою руку. Теперь он немного расслабился, подействовала мазь или обезболивающий порошок, а может все сразу.

– А нечего мне попадаться под горячую руку, – фыркнула я, осторожно устраиваясь рядом с Двэйном на кровати так, чтобы удобно было держать его за руку.

– А что ты делала, когда я очнулся? Мне показалось, что ты хотела вылечить меня магией.

– Хотела, но не получилось. Убивать могу, а лечить нет, – вздохнула я.

– А я думаю, получилось, – сжал мою руку муж. – Я чувствовал тепло, слышал, как ты меня зовешь, возможно, это был бред, но очень приятный.

– Как ты вообще получил эту рану?! Неужели кто другой не мог задержать преступника? Почему надо лезть везде самому? – я не хотела читать нотации, но слова сами вырвались.

– Дело чести, любимая. Этот человек десять лет водил меня за нос, – Двэйн вздохнул и устало прикрыл глаза.

– Дело чести, – пробурчала я. – Значит, это я должна буду сказать нашему ребенку, если тебя убьют? Извини, дорогой или дорогая, но папа предпочел лично арестовать преступника, чем растить тебя. Так?! То есть бросить нас на произвол судьбы – это нормально, а рисковать жизнью ради сомнительного удовольствия плюнуть мысленно в лицо какому-нибудь гаду – это дело чести?

– Ты беременна?! – судорожно выдохнул Двэйн, захлебнувшись кашлем. Я сразу же забыла про свое недовольство и поспешила ему помочь, радовало, что кровавой пены на губах не выступило. – Анна, оставь, так это правда?!

Двэйн убрал мою руку с платком от его губ и вперился в мои глаза требовательным взглядом.

– Я еще не уверена, но у меня почти два месяца нет женских дней, и по утрам немного подташнивает. Но еще рано об этом говорить, подождем, что скажет доктор, – я смутилась, а Двэйн смотрел на меня с такой мечтательной улыбкой, что захотелось обнять его и поцеловать.

– Я люблю тебя, – прошептал муж, крепко сжав мою руку. – Обещаю, что обязательно выживу и сам приму нашего ребенка.

– Я тебя тоже люблю, ты только живи, – я уткнулась лбом в его плечо, пряча выступившие слезы. Живи, Двэйн, живи. Пока ты живешь – живу и я.

Эпилог

Пять лет спустя

– Леди Анна, вы готовы? Как нет? Я же вам еще вчера сообщил, что вы сопровождаете меня в этом официальном визите, – Августиан Третий развалился в кресле и насмешливо смотрел на своего министра по внешней экономике.

Все-таки он всегда добивается своего, вот и кузина не устояла под напором патриотизма и любопытства. Заманить ее на эту должность было непросто, братец вцепился в супругу как клещ, одного ребенка ему, видите ли, мало. Но ничего, пусть потерпит, наследник есть, так что пусть радуется. А у него неподписанный договор о сотрудничестве со степью, да и варвары последнее время чем-то недовольны. И вообще, он король или кто? А то упрашивает, уговаривает, горы золотые сулит. Тут Августиан, конечно, лукавил, он никогда и никого не упрашивал, он делал так, что человеку просто некуда было деваться.

Правда, с Анной это не срабатывало, она уже несколько лет выкручивалась и всеми правдами и неправдами избегала близкого с королем общения. Себе он говорил, что интерес у него к супруге брата чисто деловой, но при этом последние годы у него в любовницах были только блондинки. Вот и сейчас глядя на эту женщину, он думал не о договоре и не о варварах, а о том, что ближайший месяц они проведут вместе. Остальные члены дипломатической миссии и прислуга не в счет.

– Ваше Величество, когда я соглашалась на эту должность, вы обещали, что в ближайший год мне не придется ездить в длительные командировки. У меня маленький ребенок и муж, мне бы не хотелось их надолго покидать.

– Кузина, дорогая, вашему ребенку четыре года, он у вас уже умеет читать и считать. Когда мы последний раз были у вас в гостях, он показывал моим сорванцам, как он замораживает воду, а потом они вместе проводили эксперименты, успеет ли ваш сын заморозить лужу под ногами у служанки или нет. Я думаю, компания прадеда ему сейчас больше нравится, чем ваша. А про Двэйна я вообще молчу, он хоть ночевать домой приходит? Не подумайте, я ни на что не намекаю, уверен, он верный муж, только вот женат он, кажется, на работе. Соглашайтесь, вы только представьте, каким фурором будет ваш приезд в степь! А степь в начале лета – это потрясающее зрелище, целые поля цветов, разных, просто море ярких цветов и ароматов.

Екатерина Дружинина
Кастинг в шизофрению

Пролог

Лунная тропа неумолимо манит в небесную даль, дрожит при каждом шаге. Душа вступает осторожно, почти порхает, а вокруг невесомо парят мятые тетрадные листы, исписанные ровным размашистым почерком. Некоторые из них касаются звёзд и ныряют в душу, но там, где однажды билось сердце, теперь спокойно и ровно, и ни одна чернильная нить не может нарушить того покоя.

Вибрируют руны времени. Наигрывая тихую минорную мелодию, они превращают звуки в ноты и бросают их под ноги.

На «соль диез» душа спотыкается.

На «ре бемоль» оглядывается назад.

Там, внизу, кто-то тоскует по ней. А душа не помнит этого человека и не стремится вернуться назад.

Её ждут на другой стороне Луны, где цветут вишни и невесомыми хлопьями падает вчерашний снег. Там стоит беседка, она отбрасывает резные тени на покрытый белоснежной скатертью круглый дубовый стол. На хрустящих салфетках красуются фарфоровые чашечки, в них остывает липовый чай. В центре стола стоит ваза с рассыпчатым крекером.

Душа ускоряется, перепрыгивая через ноты, – ей не терпится занять свободный стул. А слёзы человека оборачиваются дождём, синими змейками бегут по тетрадным листам, размывая чернила.

Душа не останавливается, но решает, что поставит в беседке ещё один стул для того, кто тоскует. Руны времени натягиваются сильней, насмехаясь, а душа не понимает их иронии: человек, конечно, бессмертен, но и у души в запасе целая вечность, чтобы дожидаться его.

Душа вступает на край вселенной. Луна болезненно морщится, а мелодия взрывается оглушительным свистом, сотрясая вакуум. Руны прочной леской обвиваются вокруг души, увлекают вниз. Дальше, чем следовало.

Беседка боязливо скрывает опустевшие стулья, прячется под вишнями.

Спокойствие души вспыхивает и, краснея, несётся горячими потоками. Душе становится тесно. Она хочет запомнить мелодию рун, но время бессовестно крадет звуки, складывая их в новую симфонию под названием «С начала».

Часть 1

Чья-то тень расползлась и накрыла меня,
Выжгла сердце и душу, разъев края.
Я не стану сопротивляться —
Лучше в призраках затеряться.

Глава 1

Вадим был собой доволен. В меру нежен и ласков, в меру резок и груб, – всего в меру, достаточно для того, чтобы обеспечит Веру энергией и положительными эмоциями на ближайшие два-три дня.

Вера. Девушка его мечты. Так неожиданно ворвавшаяся в его жизнь и вскружившая голову. Сначала она завладела его телом, затем – мыслями. А потом – жизненным интересом.

Вадим посмотрел на лежащую на кровати красавицу. После бурных отношений её щёк коснулся румянец, а тело пылало жаром. Вера была особенной, и особенность эта заключалась не в идеально длинных ногах, узкой талии и упругой груди. Не в модельном росте и царской осанке. И даже кошачьи, цвета виски, глаза и длинные светлые волосы не играли большой роли.

Вера была особенной вместе со своим домом. Шестое чувство, которому Вадик привык доверять, подсказывало, что между его девушкой и этим треклятым местом существует непонятная дьявольская связь. Вадик долго мирился с тем, в каких условиях им приходилось существовать, он даже привык к «пастельному графику один-три», по которому Вера, сама того не желая, заставляла его жить. Но его терпение не резиновое.

Вадик долго обдумывал этот шаг. А когда принимал решение, то всякий раз, пытаясь сказать о своих намерениях, отступал.

Любил ли он Веру? Или осознание того, что его место тут же займёт другой мужчина, уязвляло его самолюбие? Вадим не знал. Но предложение, которое сделало ему сообщество, наконец, поставит точку в этих бурных отношениях. Предстоящее дело, ради которого Вадим должен уехать, обещало быть смелым и интересным. Если повезёт, их группа наконец-то найдёт доказательства существования загробной жизни. Всё

складывалось весьма удачно. Завтра Вадик уйдёт в отпуск, а сегодня, сейчас, покинет этот ужасный дом и его прекрасную хозяйку.

– Вера, – Вадим присел на край кровати. – Вера, послушай, я так больше не могу.

Вадим замолчал, словно забыл, что хотел сказать. Вера ждала. Сосредоточив, казалось, все свои силы на застёгивании манжет своей белой рубашки, Вадим, наконец, посмотрел на девушку и тяжело вздохнул.

– Пойми меня правильно, я не хочу уходить, но я вынужден сделать это.

Вадик снова замолчал, но на этот раз пауза в его речи была продуманной, он ждал реакции, ответа на заставший в воздухе вопрос. Вздохнув, он потянулся к девушке, стремясь коснуться ладонью щеки, но Вера отвернулась.

– Вера, мы можем быть вместе.

Конечно, у них ещё есть шанс. Только бы Вера согласилась. Но Вадим почему-то был уверен, что не сможет убедить девушку, и его последняя надежда на сохранение их отношений таяла с каждой секундой.

– Нет.

Резкий тон заставил юношу убрать руку.

– Я не продам дом, и ты прекрасно это знаешь.

Повисло молчание. Вадик хотел заглянуть Вере в глаза, угадать её чувства и мысли, но девушка целенаправленно его игнорировала, уставившись невидящим взглядом на дешёвые розовые обои.

Вадик вздохнул. Он решил, что это нормальная реакция – его девушка, уже практически бывшая, превратилась в кусок льда. В его голове невольно сопоставился другой образ – молодая страстная львица, впивающаяся своими ноготками и в тело, и в душу. Больше Вадик никогда не увидит этой прекрасной Веры. Теперь она стала для него снежной королевой, красивой и непреступной.

– Вера, прошу тебя…

Голос Вадима дрогнул. Парень мысленно выругался. Он не любил признавать свои слабости, тем более – выставлять их напоказ. А Вера не просто слабость. Она стала для него физической необходимостью, наркотиком, от которого так сложно отказаться.

– Девочка моя, я хочу верить в то, что небезразличен тебе, но ты не оставляешь мне выбора. Я не знаю, что движет тобой, упрямство или что-то ещё, но будь благоразумна. Не нужно ничего продавать, давай просто переедем.

– Ты не понимаешь, – прошептала она в ответ.

– Так объясни мне.

Вера, наконец, посмотрела на него. Равнодушное смирение в её карих глазах убило все надежды.

– Вадим, я не хочу ничего объяснять. Даже если бы хотела, то не смогла. По-другому быть не может. Если ты принял решение, уходи.

Вадик поднялся с кровати. Он хотел было ещё что-то сказать, но передумал. Ни к чему бестолковые речи. Молодой человек одарил Веру расстроенным задумчивым взглядом и вышел из спальни.

Вера знала, что однажды это случиться. И всё же оказалась не готова. Она пыталась убедить себя в том, что ей всё равно, но сердце предательски сжималось в груди.

Девушка повернулась на бок и свернулась калачиком. Хлопнула входная дверь. По женской щеке скатилась одинокая слезинка. На большее Вера была не способна – все свои слёзы она выплакала полтора года назад.

Когда-то Вера жила в этом доме вместе с родителями, старшей сестрой и младшим братом. Олег Круглов, состоятельный и известный в узких кругах человек, возлагал на свою Верочку большие надежды. Так бывает, когда родители воплощают в детях свои мечты. У Круглова было отличное образование и приличный стартовый капитал, чтобы стать независимым. Но он оказался человеком не практичным, а рисковым. И потому в своё время Круглов вложился в весьма сомнительный бизнес и уже через год обанкротился.

Потерпев поражение в финансовой гонке, Круглов стал работать в банке, в тайне поддаваясь маленькой слабости – игре в лотерею. И в один прекрасный воскресный день он сорвал джекпод. Если бы удача улыбнулась ему лет на десять раньше, Олег Эдуардович, несомненно, вновь вложился бы в бизнес, и неизвестно, стало бы это дело успешным. Но на тот момент он уже был женат, на свет появились Вера и её сестра, и Круглов, подстёгиваемый чувством ответственности и женой, купил дом за чертой города, машину и пару щенков чихуахуа, которые стали увлечением всей его жизни. За несколько месяцев двор их загородного дома заполнили вольеры, в которых, словно в гостиничных номерах, жили таксы, пекинесы, мопсы, чау-чау, колли. Все породы очень нравились Круглову и, благодаря его упорству и азарту, превратились в носителей голубых кровей собачьего мира, победителей Российских и международных выставок. И вот тогда хобби Олега Эдуардовича стало приносить прибыль.

Круглов решил, что его «собачий бизнес» унаследует младший сын. Жанна, старшая дочь, уже достигла успехов в модельном бизнесе и не хотела что-либо менять. А Вера, его любимица, обязательно достигнет вершин, о которых он в свои годы мог только мечтать.

Как и у отца, у Веры был математический склад ума. Девушка была педантична, пунктуальна и исполнительна. А ещё у Веры была отличная интуиция, без которой в серьёзном бизнесе далеко не уйдёшь.

Именно по настоянию отца Вера выбрала обучение на экономическом факультете. Успехи её были великолепны, так как выбранная профессия идеально соответствовала укладу Вериной жизни, конкретной и чётко распланированной. Круглов стал откладывать деньги для стартового капитала дочери, который в качестве подарка в связи с вручением диплома должен был торжественно обозначиться в виде шестизначной суммы на Верином счете. Но сумма оказалась восьмизначной. И была она не на Верином счету, а на отцовском.

Девушка получила деньги на правах наследницы через полгода после того, как самолёт, на котором её семья возвращалась с отдыха, потерпел крушение прямо над Чёрным морем. Деньги, дом, машина и два десятка породистых собак – это то, что осталось от прежней жизни. А ещё бесконечная тоска и хаос, завладевший каждой клеточкой воспалённого мозга. Как шахматист, продумывающий свои действия на несколько шагов вперед, Вера, всегда уверенная и доверяющая себе, теперь не знала, что делать. Она даже не представляла, как организовывают похороны! Впервые в жизни Вера позволила себе впасть в отчаяние, перешедшее в ступор, и перевалила все свои проблемы и заботы на плечи Руслана.

С Русланом Веру познакомила мама. Она работала фельдшером на скорой помощи, и однажды по долгу службы оказала неотложную помощь депутату, пострадавшему в ДТП. Будучи человеком благодарным и помнящим своих спасителей, Руслан после двухмесячного пребывания в стационаре пришёл в дом Кругловых с огромным букетом красных роз и клубничным тортом. Так, за чаепитием и непринуждённым разговором, Вера познакомилась с человеком, который, несмотря на сложившийся о его деятельности стереотип, оказался добродушным и приветливым. Руслан пообещал не забывать такую дружную семью и заходить в гости. А если Руслан что-то пообещал, то он это обещание обязательно выполнит.

Запах дорого парфюма Руслана быстро впитался в атмосферу гостиной. Ведя себя открыто и непринуждённо, очень скоро он

стал другом семьи. У Руслана оказалось много общих интересов с Олегом Эдуардовичем, они вместе ездили на рыбалку и охоту, играли в бильярд и ходили в баню. Пару раз Вера видела, как Руслан вместе с папой дрессирует Нелли, маленькую таксу, любимицу отца. Мама, Светлана Аркадьевна, тоже любила поговорить с Русланом, в основном о политике, но, к Вериному удивлению, он так же легко поддерживал разговоры о театре, литературе и живописи. Веру настораживало, что его чувство благодарности так быстро смогло перерасти в дружбу. Жанна же на этот счет не видела ничего странного, лишь повторяла, что Вера слишком эгоцентрична.

– Раскрой свои глаза, сестра! – говорила она, явно довольная своим открытием. – Как ты не замечаешь очевидного? Руслан нашёл свою Людмилу.

– Кого? – изображала непонимание Вера.

– Да втюрился он в тебя, как пацан! Вот и ходит сюда, как на работу. А ты, бессердечная, хоть бы разок улыбнулась бедному дядечке!

– Вот именно, – усмехалась Вера, – дядечке!

Жанна общалась с Русланом, как со старшим братом, о котором она всегда мечтала, а Светлана Аркадьевна и Олег Эдуардович то и дело твердили, какой Руслан замечательный и какой хороший из него мог бы получиться зять. Вера же старалась как можно реже с ним встречаться, и её раздражал румянец, который каждый раз выступал на щеках Руслана при коротких встречах с девушкой. Тогда Вера не могла даже предположить, что когда-нибудь этот представительный мужчина, который на пятнадцать лет старше её, станет единственным человеком, которому Вера сможет доверить все свои проблемы.

Руслан организовал похороны. Он подготовил все документы для вступления Веры в наследство, поддержал материально, так как все основные сбережения были на отцовском счете, а иметь в доме деньги не было в правилах родителей. Когда пришло время подумать о том, что делать с капиталом, Руслан помог Вере открыть аптеку. Теперь он всегда был рядом, и она не сопротивлялась, наоборот, была благодарна. За чередой скорбных дней и бумажных формальностей Вера стала близка с человеком, который при былых обстоятельствах вряд бы удостоился её внимания. Девушка всё чаще ловила себя на мыслях вроде «не такой уж у него большой живот» или «целуется он очень даже неплохо». Когда Вера отдала папиных животных пожилой паре, которые даже после рокового дня продолжали за ними безвозмездно ухаживать, она переехала жить к Руслану.

Спустя три дня Вера заболела. Сначала появились озноб и

ломота по всему телу, которые перешли в лихорадку. Потом к ним присоединились головокружение и тошнота. Врачи всё списали на грипп и прописали стандартный набор лекарств, но Вере становилось хуже. Потребовалась госпитализация. Пока светлые умы медицины ломали голову над тем, почему при таких явно выраженных симптомах инфекции все лабораторные показатели оставались в пределах нормы, девушка похудела на семь килограммов и ослабла до такой степени, что не могла даже обслужить себя.

Когда на пятый день больничных мучений Руслан сказал, что Веру переводят в Московскую клинику, девушка наотрез отказалась. Ни веские аргументы врачей, ни уговоры Руслана не смогли повлиять на её решение.

– Отвези меня домой, – просила Вера, едва шевеля языком, – ко мне домой.

Руслан не стал спорить. Он организовал всё так, что уже через полчаса Вера в сопровождении двух врачей и с огромным количеством приборов и силиконовых трубочек, которые, словно змеи, обвивали её ослабшее тело, была в родном доме.

И вот здесь произошло чудо. Сначала Вера почувствовала тепло, которое было сильнее жара. Оно зародилось в голове, маленький огонёк, который расползался по всему телу и вытеснял лихорадку, заполняя собой каждую клеточку. Потом прекратилось головокружение, исчезла тошнота. Стало легко дышать. На мгновение Вера подумала, что, наконец, умерла, и боялась даже пошевелиться. Но, когда засуетились врачи, а в глазах Руслана вспыхнула надежда, девушка поняла, что всё ещё пребывает в этом мире, и её грехи никто не отмаливает. Два часа, и Вера словно не болела вовсе.

С трудом осознавая случившееся, Вера, как прилежная пациентка, позволила поколдовать над собой светлым умам медицины ещё целый час. И когда они удалились, вооружившись образцами её биологических жидкостей и письменным отказам от госпитализации, но с обещанием приехать завтра на приём, девушка чувствовала лишь слабость и, к её величайшему удивлению, сильное сексуальное желание. Когда Руслан удовлетворил Веру, она была полна сил и энергии.

Вера осталась жить в родительском доме. Вскоре Руслан сделал ей предложение. Она, отклонив его, согласилась на совместное проживание, как и было запланировано ранее, но на этот раз на своей территории. Руслан согласился. А когда Вера перестала тайком плакать по ночам и загнала скорбь в самый дальний угол своего подсознания, стараясь полюбить живущего с ней мужчину, начался…полтергейст. Самый обычный, если его

вообще можно называть обычным, настоящий полтергейст.

Сначала стали шевелиться занавески и хлопать форточки, потом падать картины и книги, ну а затем стала биться посуда и двигаться мебель. Жуть. На третью ночь после таких сверхъестественных явлений они, естественно, сбежали к Руслану. Вот только через два дня Вера снова почувствовала знакомые ощущения начинающегося недомогания, и на подсознательном уровне вернулась в родной дом, уговорив Руслана поехать с ней. Наверное, он действительно очень сильно любил девушку, раз согласился. Сверхъестественные явления не прекратились, но здоровье Веры восстановилось.

Игнорируя уговоры Руслана переехать в его квартиру, Вера пригласила священника, который освятил дом, посоветовал ей причаститься и сходить на исповедь. Она всё сделала, как должна была, но полтергейст продолжался.

Тогда Вера решилась продать дом, но эксперименты со сменой места жительства болезненно отражались на её здоровье. В конце концов, не понимая её привязанности к проклятому дому и доведенный до нервного истощения летающими предметами, Руслан ушёл, а Вера осталась один на один со своими страхами и непонятной зависимостью от стен родительского дома.

Вера обращалась к магам, колдунам, ясновидящим, но ни один проведенный ими ритуал не снизил активности домашнего полтергейста. А в один прекрасный день она снова почувствовала непреодолимое сексуальное желание. Не имея возможности удовлетворить его, девушка просто заглушала импульсы, посылаемые мозгом телу. Чем дольше она сопротивлялась, тем хуже становилось, и завершением бесплодной борьбы стал жар. Не имея права выбора, Вера позвонила Руслану, и он полностью излечил её, не зная истинных мотивов её порыва. Обманутый в своих ожиданиях и разгневанный отказом на очередное предложение руки и сердца, Руслан закрыл за собой двери сумасшедшего дома, а Вера через несколько дней отправилась в ближайший бар на поиски мужчины.

Случайных знакомств хватало на одну ночь, все её партнёры сбегали после первых разлетавшихся вдребезги тарелок и летающих покрывал. Опасаясь по понятным причинам за собственное здоровье, Вера попыталась завести постоянные отношения на территории партнёра, но должного эффекта не наступало.

Тогда Вера сделала ставку на деньги. Каждый вечер она надевала шикарное чёрное платье, расшитое стразами и декорированное темно-синей шёлковой лентой, которая спиралью спускалась от правого плеча до подола. Платье выгодно

подчёркивало талию и грудь, а открытые плечи демонстрировали царскую осанку и длинную шею. Вера не отказывалась и от туфель на высоких шпильках, хотя в прежней жизни она предпочитала обувь без каблуков. А козырной картой в её шикарном образе являлось колье из белого золота и рубинов, которое родители подарили девушке на совершеннолетие. Дорогой подарок подорвал отцовские счета, но родительская любовь была сильнее любых сбережений. Сейчас же это колье помогало Вере выживать, потому что именно на него и клевали мальчики.

Первый же юноша продержался на Верином крючке пять дней. Ночью он клялся ей в любви и страстно пытался это доказать, а с рассветом убегал из проклятого дома тратить деньги, которые она ему отстёгивала. В конце концов Вера пришла к выводу, что все мужики – существа ранимые, с тонкой психикой, ни один из них так и не смог побороть страх и спокойно наслаждаться радостями жизни, которые предлагала им Вера. Чёрт с ними! Вере не нужна любовь. По крайней мере, так она считала до встречи с Вадимом.

С Вадимом Вера познакомилась случайно. Он работал консультантом в строймаркете, где она покупала обои. В день годовщины смерти своих родных Вера решила, что дом должен быть таким же уродливым, каким и его дух. Если Вадим и удивился её странному выбору, то виду не подал. Они обменялись телефонами.

Вадим стал красиво ухаживать за Верой, дарил цветы, провожал домой. Однажды Вера решилась пригласить его к себе. Каким же было её удивление, когда вместо растерянности и страха она прочла в его взгляде живую заинтересованность. Вадим засыпал Веру вопросами относительно того, с чего всё началось, как давно, не совершалось ли в доме насильственной смерти или суицида. Его интересовала динамика развития странных явлений: слышала ли Вера голоса, что делала для того, чтобы это прекратить, и даже приглашала ли к себе прессу и телевидение.

Оказалось, Вадим увлекался паранормальными явлениями и уже несколько лет входил в группу энтузиастов по исследованию аномальных зон. Обнаружив ценный материал, он немедленно связался со своими товарищами, и с Вериного согласия они целую неделю лазали по дому с пищащими приборами и видеокамерами. Вера тысячу раз отвечала на одни и те же вопросы, выслушивала версии происходящего и изображала на лице интерес. Честно пытаясь помочь, она утаила факт своей ненавистной физической зависимости от стен родного дома.

Когда команда юных уфологов испарилась, довольная собранными материалами, но ничем не изменившая жизнь девушки, Вадим остался.

Этот высокий худощавый парень с лоснящимися чёрными волосами стал для неё родным. Он подарил Вере надежду. Каждый раз, когда на кухне что-то брякало, Вадик улыбался, словно хотел сказать: «Эй, всё не так плохо! Вот увидишь, мы справимся!»

Вера была благодарна за поддержку. Она смирилась с недостатками Вадима, привыкла к властному к себе отношению. Она почти научилась быть счастливой.

Но с каждым новым днём Вере становилось всё страшней. Она боялась, что Вадик уйдёт, бросит её в холодном доме, оставив на растерзание неведомым силам. А ещё она боялась, что однажды он узнает о её вынужденных похождениях. Вера решила, что должна сама обо всём рассказать, но каждый раз оттягивала тяжёлое признание. И чем больше проходило времени, тем страшнее становилось начать разговор. А вдруг Вадим возненавидит её?

Вера так и не успела ни о чём рассказать. Вадик ушёл. Вера знала его терзания, видела внутреннюю борьбу. Но здравый смысл взял верх. Вера не винила Вадика. Она быстро забывала лица своих любовников, и ей было фиолетово, когда они уходили. Но только не Вадим.

Усталость тяжёлым покрывалом легла на плечи. Вера часто-часто заморгала, чтобы согнать застилавшую глаза пелену. В запасе было три дня. Потом, если Вадик не вернётся, ей придётся искать новый объект для удовлетворения своих сексуальных потребностей. Или остаться дома и медленно угасать. На пятые сутки у неё поднимется температура, а к седьмому присоединятся галлюцинации. Если повезёт, она потеряет сознание на девятый день. Что будет потом, Вера не знала. Но решила, что очень хочет узнать. Она так устала.

Вера не выходила из дома четвёртые сутки. Она спала, бесцельно бродила по комнатам, лежала на холодном полу. Ей было всё равно. А дом, её тюрьма, издевался над пленницей, как хотел. Сквозь дремоту девушка часто слышала, как в соседней комнате кто-то играет паровозиком брата. Чёткое «скок-скок» резинового мяча и треск моторчика заводной машинки грохотали в Вериной голове.

И тогда Вера срывалась с места и бежала в спальню, чтобы обнять и расцеловать Мишеньку, но стоило ей зайти, как память холодно и жестоко напоминала Вере о том, что её брата нет.

С трудом передвигая ноги, Вера возвращалась обратно. Тогда в гостиной начинал звучать старый рояль. Папино увлечение. С музыкой у него не было ничего общего, но в тридцать восемь на Олега Эдуардовича напала непонятная, по его словам, «душевная тоска», и мужчина с азов решил освоить этот клавишный инструмент. Успехи были небольшими, но отца больше интересовал не результат, а сам процесс.

Вера терпела всё. И рояль, и самостоятельно включающиеся телевизор и радио. Но, когда окна её спальни распахнулись с такой силой, что осколки стекла посыпались на кровать, нервы не выдержали.

Вскочив с кровати и тяжело дыша, Вера побежала в гараж и схватила канистру с бензином. Вернувшись в дом, она пулей влетела на второй этаж и, с грохотом распахнув дверь в отцовский кабинет, направилась к письменному столу.

Остановившись, Вера любовно провела рукой по идеальной дубовой поверхности, пропитанной запахом дорогого табака. Выдвинула верхний ящик. Кроме бумаг, здесь ничего не было. Во втором и третьем ящике тоже были одни накладные и договора купли-продажи. Где же они? Тут Верин взгляд упал на камин. Ну, конечно же, как она сразу не догадалась! Рядом с почти пустой бутылкой рома лежали охотничьи спички. Вера взяла коробок, залпом допила остатки спиртного и вернулась в гостиную.

Пребывая в состоянии блаженной эйфории, она принялась обливать горючей жидкостью пол. Когда канистра опустела, вытащила из кармана заветный коробок и достала спичку.

Вера чиркнула спичку. Вспыхнуло яркое пламя, напоминающее бенгальский огонь, перешедшее затем в размеренно пляшущий сгусток плазмы. Девушка заворожено смотрела на пламя в предвкушении личного апокалипсиса и чуть не выпустила горящую спичку из рук, как вдруг на лестнице показался её отец.

Силуэт Олега Эдуардовича был нечётким, двигающийся синхронно с огнём. Он нёс на руках Нелли и улыбался той самой доброй улыбкой, от которой на щеках выступали ямочки. Вера всегда смеялась, когда папа улыбался. Поравнявшись с девушкой, отец исчез, а в воздухе возник запах дрожжей и ликера, доносившихся одновременно с тоненьким пением со стороны кухни. Это была мама, она всегда что-то пела, когда готовила, и утверждала, что именно в этом заключается секрет её самых вкусных блюд.

В животе у Веры заурчало, а справа вдруг возник фантом Миши. Её маленький Миша! Он так любил, когда Вера гладила его по волосам! Он бежит с мячом на улицу, врезается в Жанну и

падает. Сестра берёт его за шиворот и поднимает, после чего Миша, смеясь, скрывается во дворе, а Жанна поворачивается к Вере, подмигивает и уходит на кухню, оставляя за собой туманный шлейф.

И вот они все внимательно смотрят на Веру, словно пытаясь понять, что происходит, и…исчезают.

Вера словно очнулась от жуткого сна. Она была одна. В пропахшей бензином сорочке и горящей спичкой в руках. Превозмогая боль, девушка выскочила на улицу и кинула спичку в лужу. Та жалобно зашипела. Вера смотрела на скрючившийся остаток древесины и думала о том, что навсегда останется пленницей одинокого дома. Сердце перестало нестись галопом, в голове прояснилось. Мелкий дождик бил по лицу, Верина сорочка промокла и липкой тряпкой обтянула тело. Осень неизбежно вступила в свои права.

Вера вернулась в дом. Очень хотелось есть. Заглянув в холодильник, Вера вспомнила, что они с Вадимом собирались в магазин, но вместо этого она затащила его в постель. Захлопнув дверцу холодильника, Вера направилась в ванну, по пути подбирая с пола одноразовую посуду и пакеты.

Забравшись под горячий душ, Вера принялась усердно натирать мочалкой тело, размышляя над тем, коротать очередную ночь в компании полтергейста в одиночестве или отправиться на охоту за любителем обеспеченных девчонок.

Когда аромат арбузного геля перебил запах бензина, Вера перекрыла воду и, обернувшись в махровое полотенце, отправилась в спальню. Она достала из шкафа «рабочее» платье и с горечью подумала о том, что уже четыре месяца не вспоминала о нём.

– Долой печаль, Вера Олеговна, – сказала Вера сама себе, – пора на «охоту».

– Дэн, привет! – Вера махнула рукой бармену. – Мой столик свободен?

– Как всегда.

– Принеси мне стакан апельсинового сока, креветки и «Цезаря»!

Немного подумав, Вера добавила:

– И отбивную!

Девушка упорхнула к своему столику, собрав восхищённые мужские взгляды. Заведение, в котором она находилась, было местом, в котором обитали студенты, но не брезговали заглядывать и солидные дяди с толстыми кошельками.

Вера расположилась на втором этаже, в зоне отдыха. Эта часть зала была спланирована в виде буквы «Г», в углу которой

стояла барная стойка, а по бокам – столы, расположенные в шахматном порядке по всему периметру. С обеих сторон вниз вели винтовые лестницы, каждая ступень которых светилась ультрафиолетом. Внизу – танцевальная площадка и диджейский пульт.

Вера села на кожаный диван и принялась изучать аудиторию. Она всегда выбирала этот стол: отсюда был хороший обзор танцпола и зоны отдыха. Народу было много, как всегда по субботам. Основную массу составляли студенты, они заливали в себя спиртосодержащие напитки и, почти не закусывая, отрывались по полной на танцполе. А в зоне отдыха, к Вериному удивлению и лёгкому разочарованию, сидели одни влюблённые парочки.

Девушка достала сигарету и прикурила. Запах мяты ударил в нос, доставляя огромное удовольствие, а по телу растеклась долгожданная слабость. Принесли заказ. «Цезарь» выглядел таким аппетитным, что Вера, не докурив, принялась его уничтожать. Девушка съела салат, десяток креветок и половину отбивной, прежде чем почувствовала себя сытой.

Вера сканировала взглядом публику и всё больше теряла к ней интерес. «Все равны, как на подбор, и с ними дядька Черномор», должность «Черномора» она отдала ди-джею. Вера задержала на нём свой цепкий взгляд. Парень был высокий, накаченный. Вера захотела рассмотреть его и собралась на первый этаж, но передумала. Её глаза засекли компанию из четырёх человек – троих парней и девушки. Они стояли у самого входа и не спешили проходить, а изучали собравшихся. Сверху Вере было хорошо видно, что все четверо предельно собраны и сосредоточены.

В компании был парень. Смуглый с длинными волосами, собранными в хвост, и грудой мышц. Он был похож на индейца. Когда Вера встретилась с ним взглядом, по телу побежали мурашки. Девушка почувствовала себя неуютно, она хотела отвести глаза, но не успела: индеец первым утратил к ней интерес. Компания перебросилась между собой парой слов и направилась в зону отдыха.

Они расположились за соседним с Верой столиком. Индеец сидел к ней лицом. Девушка ошиблась, когда решила, что неинтересна ему – парень не сводил с неё темных холодных глаз. Он не прислушивался к разговорам своих друзей, коротко отвечал на вопросы. Вера даже приободрилась: её задача на эту ночь значительно упростилась.

Радовалась она недолго. Индеец лишь пожирал Веру масляным взглядом, но никаких действий для знакомства

предпринимать не собирался. Допив сок, Вера, ведомая инстинктом хищницы, встала и пошла к барной стойке, по пути «случайно» задев индейца.

– Дэн, принеси мне ещё фужер сока, – попросила она. – И бутылку виски вон за тот столик, – Вера махнула рукой в сторону странной компании.

– Говорить, от кого? – поинтересовался Дэн.

– Да!

Девушка поспешила на первый этаж и направилась в дамскую комнату. Выждав некоторое время, она поправила макияж и вернулась в зону отдыха, готовая салютовать победу. Каким же было её разочарование, когда стол, где совсем недавно сидели трое парней и девушка, оказался пустым.

– Твою мать! – в сердцах выпалила Вера и осмотрелась по сторонам. Индейца и его друзей нигде не было видно, а целая бутылка виски одиноко стояла посередине стола. Девушка взяла бутылку, отправилась к бару и, попросив чистый бокал, вернулась за свой столик.

– Ну и хрен с тобой! – пробубнила она себе под нос и налила в бокал виски.

Сделав большой глоток, Вера потянулась за соком.

– На твоём месте я бы этого не делал.

Голос мягкий, но сильный. Наверняка, его обладатель приятный, уверенный в себе человек.

– Что? – алкоголь обжигал горло, и Вере страшно хотелось поскорей его запить.

– В стакане яд.

Вера закашлялась. Молодой человек, тембр голоса которого задел мёртвые струны её души, сидел напротив и не спускал с девушки напряжённого взгляда синих глаз. На вид ему было лет двадцать семь, но седина на висках, теряющаяся в переплетениях тугой косы, путала карты.

Вера улыбнулась. Она решила, что это такая игра, новый способ знакомства.

– Тогда не стоит его пить, – промурлыкала она.

Девушка кокетливо повела плечиком и хотела выплеснуть сок в фонтанчик, но тонкое девичье запястье перехватила сильная мужская рука.

– Не нужно, – снова этот голос. – Просто не пей его. Если выльешь, они обо всем догадаются.

Парень не мог не заметить тень удивления на Верином лице. Возможно, именно поэтому он откинулся на спинку стула и налил себе виски. Залпом осушив стакан, он протянул Вере руку.

– Эвон.

Вера обратила внимание на аккуратный тонкий шрам, проходящий по внутренней стороне его запястья.

– Вера, – тихо представилась она и улыбнулась.

Эвон улыбнулся в ответ. При этом черты его лица смягчились, а пружина, державшая его тело в едва заметном напряжении, ослабла.

– Пойдём танцевать, Вера?

– Обязательно, – пообещала она. – Только сначала ещё по одной. За знакомство.

Вера немного устыдилась того, с какой скоростью пустела бутылка, но закрыла на это глаза и разлила по бокалам спиртное. Она слишком устала для того, чтобы контролировать себя этой ночью.

Не дожидаясь традиционного чоканья, Эвон осушил свой бокал и настойчиво протяну руку.

– Идём!

Вера заметила, что на второй руке парня был точно такой же шрам. Девушка вдруг подумала, что молодой человек разыгрывает сценку. И цель его – не знакомство с красивой девушкой. Тогда какая? По позвоночнику пробежал холодок, но, когда Вера проглотила виски, все подозрения мгновенно улетучились.

Рука машинально потянулась к стакану с соком, но едва губы девушки коснулись стекла, Вера почувствовала удар, и стакан с соком полетел вниз.

– Ты что, псих?! – не выдержала Вера.

На Эвона Верин выпад никак не подействовал. Он схватил девушку за руку и, словно собачку, потащил в сторону лестницы. Возмущённая таким обращением, Вера попыталась ухватиться за стол, но вместо этого стащила скатерть.

Эвон повалил Веру на пол. Хрустальный ангел, служивший основанием фонтана у их столика, разлетелся на множество осколков. В ритмы музыки ворвались крики. В воздух просочился едкий запах пороха. Вера лежала лицом вниз, обхватив руками голову и блокируя боль от вонзившегося в тело стекла.

– Ползи к выходу! – скомандовал Эвон. – Давай же!

Девушка заставила себя двигаться. До лестницы было около пятнадцати метров, всё расстояние заставлено столами и десятками опрокинутых стульев. Прокладывая путь к отступлению, она прокляла своё чёртово платье, которое слишком плотно обтягивало фигуру и мешало двигаться. Вера чувствовала себя гусеницей, которую вот-вот раздавят.

Когда Вера подползла к лестнице, её догнал Эвон.

– Считай до трёх и беги со всех ног! – велел он и,

перекатившись в сторону, открыл огонь.

Вера рванула, что есть мочи. В глаза ударил ультрафиолет. Двигаясь по инерции, она перепрыгивала через ступеньки, боясь оступиться.

Когда до первого этажа оставалась пара шагов, на правой туфле сломалась шпилька, и Вера, потеряв равновесие, рухнула на пол, больно ударившись головой.

На мгновение мир выпал из её сознания, оставив взамен гул в ушах и тёмные мошки перед глазами. Оставив бесплодные попытки сфокусировать зрение, девушка попыталась встать.

Кто-то тяжело наступил ей на плечо. Вера подняла голову и сквозь туман, застилавший глаза, увидела ухмыляющуюся физиономию девушки из той самой компании, что она решила угостить виски. Та, явно довольная собой, наклонилась и сорвала с Вериной шеи колье. Оценив драгоценную добычу, девчонка победоносно направила дуло пистолета Вере в лицо.

Сознание отказалось воспринимать зрительную информацию. Страх улетучился, уступив место спокойствию. Вера смотрела юному киллеру прямо в глаза, словно делала вызов. Внутри ничего не дрогнуло, когда палец приблизился к курку.

Вера ждала. Толпы студентов смешались в сплошную серую массу, в центре которой горел огонь.

Огонь? Вера не заметила, как начался пожар! Она заставила себя перевести взгляд с оружия на пламя. Оно стремительно приближалось. И вдруг Вера поняла, что ошиблась. Это всего лишь рыжеволосая девчонка.

Рыжая выбежала из толпы и со всей силы ударила несостоявшуюся убийцу по голове. Получив удар, та повалилась на бок. Верина спасительница подобрала пистолет и, процедив что-то нецензурное в адрес Вериных туфель, потащила её к выходу.

В зале началась паника. Толпа хлынула к дверям. Вера со своей спасительницей оказалась в самом центре муравейника, который образовался по простой причине: выход на улицу был слишком узким для того, чтобы в него могли одновременно пройти хотя бы два человека. Рыжая, словно уж, умудрялась просачиваться между телами благодаря своей миниатюрной комплекции, Вере же с трудом удавалось повторять её подвиги, так как, возмущённые такой наглостью, соперники удваивали свои силы в попытке прорваться к выходу.

Давка становилась сильнее. Двигаться вперёд стало невозможно. Рыжая вдруг потянула Веру в обратном направлении.

– Что ты делаешь? – испугалась Вера. Где-то позади

находились люди, желавшие её смерти.

– Быстрее! – Верина спасительница не собиралась ничего объяснять.

Они побежали в обратном направлении. На этот раз яростного сопротивления оказано не было, лишь изредка кое-кто удивлённо смотрел на двух дур, движущихся навстречу преступникам.

– Пригнись! – Верина спутница сняла пистолет с предохранителя.

Последовав совету, Вера увидела, как находившийся рядом парень схватился за плечо, между его пальцами сочилась кровь. Рыжая ответила двумя выстрелами, а толпа с ещё большей яростью хлынула к выходу.

Оказавшись на открытом пространстве, девушки бросились в сторону курилки. Дым ударил в лёгкие, Вера услышала выстрелы – позади Эвон отстреливался от двух парней. Подстрелив того, что терялся в толпе, Эвон развернулся, но опоздал – вынырнув из ультрафиолета, индеец первым спустил курок. Эвон упал.

– Эвон! – голос рыжеволосой почти сорвался. Она открыла ответный огонь, а Вера, борясь с желанием бежать без оглядки, заставила себя вернуться и помочь парню подняться.

– Всё в порядке, – прохрипел он, морщась от боли. – Бежим.

– Быстрее! Ну же!

Рыжая выкинула пистолет. Захлопнув дверь, ведущую в курилку, девчонка рванула к противоположной стене, где светилась табличка «ЗАПАСНОЙ ВЫХОД».

– Чёрт! Эвон, дай ствол!

Рыжая выхватила пистолет и направила дуло на замочную скважину. Выстрелы эхом прокатились по комнате. Ударом ноги маленькая бестия открыла дверь. Холодный воздух разогнал клубы дыма и слился с неоновым светом, который ворвался в курилку вместе с индейцем. Он спустил курок и выругался, когда оказалось, что обойма пуста. Вера со своими защитниками выскочила на улицу и со всех ног побежала прочь от рокового клуба. Индеец, словно дикий зверь, рванул следом.

От пуль их спасла чёрная ауди. Вынырнув из переулка, машина отбросила индейца в сторону и мастерски затормозила возле беглецов. Эвон буквально швырнул Веру на пассажирское сиденье, а сам вместе с рыжей нырнул назад. Машина сорвалась с места, подняв облако пыли.

– Вы как? – поинтересовался худощавый парень с выраженной бледностью кожи и большими тёмными глазами. По его виду создавалось впечатление, что происходящее волнует его не больше, чем комар, блаженно потягивающий кровь с его шеи.

Дождавшись, когда насекомое насытится, парень прихлопнул его. – Эвон?

– Всё в порядке, – Эвон снял футболку и зажал ей рану. – Пуля прошла навылет. Повезло, что лестницы с подсветкой, иначе пришлось бы вам сейчас припасать семь гвоздей и деревянный крестик.

Эвон улыбнулся и подмигнул рыжеволосой, которая явно была напугана. Словно оценивая, говорят ей правду или просто успокаивают, девушка какое-то время тревожно смотрела на Эвона. Убедившись, что рана не смертельна, она кивнула в Верину сторону и спросила:

– Эвон, ты уверен, что мы не ошиблись?

Все трое одновременно посмотрели на девушку. Вера сидела, согнувшись пополам, и одной рукой держалась за живот, а другой зажимала рот. Весь выпитый за сегодняшний вечер алкоголь, нервное перенапряжение и бешеная скорость, с которой мчался автомобиль, кружили голову.

– Да. Мария указала на неё, и, если она права, мы не ошиблись.

На лицо рыжей упала тень досады, которая была настолько искренней, что Эвон удивлённо посмотрел на напарницу. Та смутилась и отвела взгляд.

– Ну, тогда давай знакомиться, – пожав плечами, предложил водитель. Он оценивающе посмотрел на Веру и, не дождавшись никакой реакции, усмехнулся и продолжил:

– Меня зовут Олли, а это, – он махнул назад, – Сара и Эвон. А ты, значит, Вера?

– Из Голливуда все? – ответила девушка вопросом на вопрос. Но шутка не удалась, последнее слово она буквально проглотила, и всё содержимое желудка вырвалось наружу.

– Приятно познакомиться, – съязвил Олли и сморщил нос.

– Да пошёл ты.

Сара фыркнула. Вере же было не до приличий. Всё, чего она хотела – оказаться дома, подальше от людей и поближе к кровати.

– Олли, за нами хвост, – процедил Эвон. Его серая футболка приобретала бурый оттенок. – Прибавь-ка газу.

– Да я и так стараюсь, – Олли с ещё большей силой вдавил педаль, от чего ауди удовлетворённо взвыла.

Вера вжалась в сиденье, голову кружило, словно она была в центрифуге, тело покрылось липким потом. Эвон достал из-за сиденья свёрток плотной чёрной ткани и, развернув его, отдал два пистолета Саре, а один взял себе.

– Вера, пристегнись, – скомандовал он и нажал на стеклоподъёмник.

Сара последовала его примеру. Вера честно попыталась выполнить указание, но руки не слушались, а голова разрывалась на части при малейшей попытке сосредоточиться, и она отказалась от этой пытки.

Ауди мчалась по окружной, на встречной полосе изредка мелькали фуры. В зеркало заднего вида Вера разглядела серебряный мерседес, который преследовал их машину. Разделяющее их расстояние стремительно сокращалось.

Сара наполовину протиснулась в открытое окно и спустила обе обоймы в машину преследователей. Мерседес занесло, но потом он уверенно вернулся на полосу. Пока Сара перезаряжала своё оружие, Эвон повторил её действия. На этот раз у машины разбилось лобовое стекло.

За рулем был индеец. Когда Эвон вернулся на сиденье, а Сара попыталась открыть повторный огонь, индеец обстрелял ауди.

– Сука!!! – Сара нырнула в салон. Дождавшись, когда выстрелы стихнут, она одновременно с Эвоном вновь открыла огонь. Мерседес резко съехал на прилегающую грунтовую дорогу и, не сбавляя скорости, помчался на юго-запад.

– Почему он свернул?

Сара была в растерянности. Вера попыталась восстановить в памяти сеть пригородных дорог. Мозг неохотно и медленно прорисовывал картинку. Внутри всё оборвалось.

– Тормози! – прохрипела Вера, но было поздно. Мерседес выскочил из-за плотной стены деревьев, скрывающих прилегающую дорогу, и подрезал их справа. Ауди занесло на встречную полосу. Олли попытался вывернуть, но индеец сбросил скорость и, поравнявшись, удерживал машину на встречке.

Впереди настойчиво загудела фура. Пока Эвон перезаряжал пистолет, ауди продолжала вилять от обочины до разделительной полосы, достигая последней с большим трудом.

Слева мелькала плотная полоса деревьев.

До приближающейся фуры оставалось с десяток метров.

Эвон открыл огонь по мерседесу. Заднее колесо машины засвистело, и она осталась позади, скосив капот на встречную полосу. В последнее мгновение Олли вывернул, а фура, зацепив за собой мерседес, повалилась в кювет.

Перед глазами всё завертелось, и Вера потеряла сознанье.

Мария смотрела на лежащую на диване девушку. Во взгляде женщины угадывалось удивление и лёгкая растерянность, которую она старательно скрывала от окружающих. За все годы своей долгой жизни она и подумать не могла, что её представление о носителе святой крови окажется столь далёким

от истины.

Эта девушка не была святой. Худая, с опухшими губами и мешками под глазами, она наполнила комнату запахом перегара, табака и рвотных масс, смешавшимися с тонкой волной дорогих духов. Жалкое зрелище. Одному Богу известно, что заставило столь молодую и привлекательную особу пойти по ложному пути греха. В какой-то момент Мария даже усомнилась в своём видении и скомкала засаленный газетный лист, который всё время держала в руках, но быстро прогнала этот импульс. Она права. Это Наследница. Стройная фигура девушки и персиковая кожа подтверждают правоту Марии.

Эвон стоял у окна и смотрел на дождь, монотонно бьющий по стеклам. После того, как они вернулись из клуба, Мария обработала ему рану и наложила повязку. Всё это время молодой человек молчал. Сара нервничала, Олли беспристрастно переключал каналы TV.

Эвон вновь и вновь прокручивал события минувшей ночи. Они чуть не упустили её. Когда они приехали к особняку, он был пуст. Словно одинокая каменная глыба, проглоченная сумерками, дом взирал на непрошенных гостей чёрными арками окон. Только удаляющиеся в темноте шашечки такси позволили не потерять след.

Вера приехала в «Бессонницу». Эвон решил, что это к лучшему – приспешники могли выследить их, а в толпе определить Наследницу сложней.

Он ошибся.

Приспешники нашли её сразу. И всё же за Эвоном и Сарой сохранялось преимущество: новички не признали их. Эвон понял это, когда хищные взгляды просквозили его лицо и остались равнодушными.

Они держали приспешников «на мушке». Эвон недоумевал так же, как и Сара: ни единого намека на угрозу, ни одного движения руки к кобуре. Так себя не ведут, когда цель сидит под самым носом, только руку протяни.

А потом Вера встала. И снова – никакой реакции. Эвон отправил за ней Сару. Если им повезет, она просто выведет девушку из клуба.

Но Вера не ушла. А Эвон засёк, как бритоголовая девчонка что-то подсыпала Вере в сок. О том, что это, Эвон решил подумать потом, сейчас гораздо важнее не дать Наследнице выпить содержимое стакана. Но как? Неужели придется уложить эту компанию? Но тогда начнется паника, велики шансы упустить Веру.

К счастью, компания вышла из-за стола. Эвон понимал, что

они никуда не уйдут, и всё же его задача немного упростилась.

Эвон подоспел вовремя – Наследница заглотила виски. Молодой человек мысленно поморщился, представив, какой огонь сейчас бушует в желудке у этой красавицы. И всё же не стал забирать стакан – лишние подозрения ни к чему. Если всё пройдет гладко, он выманит девушку на танцпол, а там и до выхода недалеко.

Риск оправдался: Вера его услышала. А когда начала заигрывать, Эвон даже приободрился. Неужели всё пройдет как по маслу?

Не прошло. На что, скажите, пожалуйста, он надеялся? И Наследницу чуть не пристрелили, и сам едва не погиб.

– Эвон, что тебя беспокоит? – Мария вывела парня из размышлений. – Ты усомнился в моём выборе?

– А ты сама-то в нём уверена? – съехидничал Олли.

– Я не тебя спрашиваю.

Эвон не ответил. Он достал из кармана прозрачный, с неровными краями предмет и какое-то время держал его в руках.

– Олли, мне нужна твоя кровь. – Эвон посмотрел на стекло, которое держал.

Олли театрально подал Эвону запястье и косо улыбнулся.

– Всегда к вашим услугам. Кажется, мы все немного не в себе… Какая досада.

Мария смерила Олли гневным взглядом. Сара вздрогнула и покосилась на пожилую женщину, но та молчала.

– Скажи, Сара, – Эвон продолжал рассматривать осколок, – если бы ты была приспешником и оказалась в клубе с пистолетом в руках и в двух шагах от предполагаемой носительницы святой крови, что бы ты сделала?

Эвон посмотрел на девушку, ожидая ответа. Сара удивилась.

– Я бы пустила пулю ей в лоб.

– Вот именно. А что могло бы тебя заставить поступить по-другому?

– Ничего.

– И всё же? – настаивал Эвон. Не дождавшись ответа, он продолжил.

– Приспешники не собирались её застрелить. Они подсыпали в стакан с соком порошок.

Олли перестал нажимать кнопки телевизионного пульта, его лицо сосредоточилось.

– Яд? – догадался он.

– Да.

– Но к чему такие сложности? – Сара пыталась уловить смысл происходящего.

– Вера была у них в руках. Зачем подсыпать в сок яд, если неизвестно, выпьет она его или нет?

По спине Марии побежали мурашки, она угадала мысли Эвона.

– Ты хочешь сказать…

Женщина не договорила. Она сняла брошь со своей шали, подошла к Олли и уколола его безымянный палец. Выступила бордовая капелька. Эвон протянул Марии стекло:

– Это осколок от фужера, из которого Вера пила сок.

Мария кивнула и, приняв предмет, прижала его к пальцу Олли. Капелька крови расплылась по стеклу и перекрасилась в чёрный цвет.

– Не может быть, – прошептала Сара. – Эвон? – девушка вопросительно посмотрела на парня, словно ждала, что он опровергнет её догадку.

– Энергетический яд, – Мария произнесла то, что боялись сказать остальные. – Он был создан для сокращения популяции тёмной расы. Попадая в человеческую кровь, яд действует медленно, в течение семи – десяти дней. Кровь сгущается, железо перестаёт связывать гемоглобин, развивается гипоксия. Внешних признаков нет, только слабость. Смерть, как правило, наступает во сне.

– Но заклинание, творящее его, подвластно только верховным магам, – возразила Сара. – В этом мире аналогов не существует.

– Сара, научись доверять своим глазам! – Олли помахал пальцем перед Сарой. Осколок прилип к ране. – Это смола!

– Но…

– Что «но»? Что станет с моей кровью, если я укушу зараженного энергетиком человека?

– Ты умрёшь.

– Почему?

– Потому что твоя кровь превратиться в смолу.

– А это значит?

Сара обречённо выдохнула.

– Это значит, что Вере подсыпали энергетик. Зачем?

Зачем? Хороший вопрос. Эвон снова отвернулся к окну. Его взгляд обратился на ручейки, бегущие по стеклу, но мысли были где-то далеко. Как они могли оказаться такими слепыми? Как ОН мог оказаться таким слепым? Глупец, наивный ребёнок. Похоже, жизнь так ничему его и не научила.

– Сара, девочка моя, дело не в том, почему они это сделали, а в том, что из этого следует.

Мария посмотрела на Сару и грустно улыбнулась. Сара начала было злиться, но задумалась и устыдилась того, что не

смогла разглядеть очевидные факты. Ну, конечно же! Если бы Вера выпила сок, они бы просто забрали её из клуба и приехали сюда, ни о чём не подозревая. Им бы хватило нескольких дней для того, чтобы телепортироваться в Сагенту, а там Вера бы умерла. Пути назад нет, они бы проиграли эту битву, потеряв последний шанс на спасение. Даже если бы Вера умерла не в Сагенте, а в этом мире, то приспешники всё равно остались бы в выигрыше, так как время не на их стороне.

Сара осознала хаос, который мог произойти, если бы Эвон не увидел, как приспешник подсыпает в бокал энергетик, и содрогнулась.

– Как яд оказался в этом мире?

– Его принес Кристиан, – голос Марии обрёл стальные нотки. – Он не предавал нас, он с самого начала был не с нами. Но страшнее всего то, что кто-то из верховных магов на стороне тёмных сил.

– Или колдунов, – заметил Олли.

Он крутил в руках пульт и обдумывал услышанное. Что-то здесь не складывалось, какая-то маленькая деталь ласково гладила мозговые рецепторы, осторожно давая понять, что на неё следует обратить вниманье. Парень прищурил глаза и, не меняя позы, спросил:

– Это, конечно, всё верно, но объясните мне одну вещь, – Олли сделал короткую паузу, подчёркивая тем самым важность своих мыслей. – Почему Кристиан не отравил нас? В Сагенте нет возможности отслеживать происходящие здесь события, никто бы не узнал о предателе. Они просто ждут. Убей Кристиан нас, и мир обречён.

– Я думал об этом, – Эвон повернулся к собеседникам. – Наверное, первоначально план Кристиана заключался именно в этом. Но когда, оказавшись здесь, мы утратили свои способности, он, скорее всего, посчитал, что порошок тоже потерял силу, и решил перестраховаться, направив действие зелья на одного человека. К тому же незаметно подсыпать яд четверым гораздо сложнее.

Олли медленно направил пульт на Эвона и изобразил выстрел.

– Красавчик, – довольно проговорил Олли и вновь обратился к сверкающему экрану.

– Это Кристиан тупой ублюдок! – в сердцах выпалила Сара. – Зачем он вообще раньше времени раскрыл все карты? Притворялся бы нашим сторонником и грохнул бы эту девку, – Сара кивнула в сторону спящей девушки, – в любой момент.

– Не стоит оскорблять Наследницу, Сара, – Мария подняла

указательный палец, – это грех. Не нужно забывать об этом.

Олли скривился в усмешке, от чего Мария обречённо помотала головой.

– Она Наследница, в её венах течет святая кровь. Я знаю это так же верно, как то, что сегодня воскресный день. Вам следует доверять мне. А что касается Кристиана – Мария снова обратилась к Саре – у всех есть слабости, в том числе и у него. Он поспешил получить то, ради чего предал. Теперь он не имеет права на поражение, ибо оно принесет ему смерть. И поэтому сейчас Кристиан гораздо опаснее, чем был прежде.

Вера лежала с закрытыми глазами и слушала бред, который несли находившиеся в комнате люди. Голова раскалывалась на части, во рту пересохло, девушку мутило. Вера попыталась восстановить в памяти хронику последних событий, и пришла к выводу, что последнее, что помнит, – чудом не произошедшая авария с участием автомобиля, в котором она ехала. Постепенно Вера вспомнила все события вечера и пожалела о том, что не осталась дома. Когда она поняла, что больше не может лежать и вникать в смысл непонятного разговора, девушка открыла глаза и медленно села. Всё внимание собравшихся мгновенно обратилось на Веру. Пытаясь остановить кружившую голову карусель, девушка спросила:

– Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

Глава 2

Мария приветливо улыбнулась. Кожа на её морщинистом лице была сухой, губы обветрились. Седые волосы собраны в тугой узел на затылке. Худые плечи женщины закрывала шаль, накинутая поверх тёмно-зеленого платья, манжеты которого свободно болтались на тонких запястьях. Она была по-настоящему старой и выглядела больной.

– Может быть, сначала ты приведешь себя в порядок? – серые глаза Марии светились заботой и добротой.

Вера смутилась.

– Ну, вот и славненько, – оживилась Мария. – Сара, покажи Вере, где ванна, а я сварю нам кофе.

Мария подала гостье чистое полотенце и пошла на кухню. Оказавшись одна, Вера кинулась к унитазу и оставалась в скрюченном состоянии до тех пор, пока организм не получил должного облегчения. Никогда раньше она так не напивалась. Ещё бы! Залила ром в пустой желудок, а потом добавила виски. Девушка со злостью подумала о законе подлости, который устроил ей парад новых знакомств именно в этот вечер.

Холодный душ практически вернул Веру к жизни, но голова оставалась тяжёлой. Девушка с трудом натянула на влажное тело платье, повязала на голову полотенце и босиком пошла в сторону, где, по её мнению, должна находиться кухня. Запах свежезаваренного кофе подсказывал, что Вера идёт в правильном направлении.

Через некоторое время девушка услышала певучий голос. Олли говорил тихо и уверенно, иногда в его речи проскальзывали нотки раздражения. Вера уже хотела зайти в помещение, но передумала и осталась стоять за прикрытой дверью.

– Мария, я представляю интересы своего рода. Тёмная раса заинтересована в успехе нашего дела не меньше, чем вы. Ты не можешь игнорировать моё мнение.

Помолчав, Олли продолжил:

– Или я поведаю нашей Наследнице, как именно она должна всех спасти.

Вера услышала, как Мария тяжело вздохнула.

– Олли, почему ты мне не веришь?

– Почему?! – Олли вскочил и ударил кулаком по столу. – Мария, ты либо сошла с ума, либо превратилась в слепую курицу, которая радуется любому сорняку, брошенному под лапы!

– Успокойся! – властно потребовала женщина. – Сядь.

Дождавшись, пока парень выполнит указанье, Мария спокойно продолжила:

– Скажи, Олли, кому, как не мне, знать, истинное виденье или нет? Или, может быть, мне тебя учить, чем на вкус человеческая кровь отличается от крови животных? – Мария вскинула бровь. – Чего ты хочешь?

– Я хочу знать мнение остальных, – ровно ответил парень, – то, что они думают на самом деле. Сара?

Девушка растерянно посмотрела на Эвона, но он не отреагировал. Парень медленно помешивал ложкой остывающий кофе и о чём-то сосредоточенно думал. Сара обратилась к Марии, и женщина кивнула.

– Наверно, у нас нет другого выхода, – неуверенно сказала девушка.

– Да? – поинтересовался Олли. – Значит, ты допускаешь, что в венах этой девчонки может оказаться святая кровь?

Тишина. Веру вдруг осенило, что речь идет о ней, и то, с каким тоном Олли упомянул её персону, девушке не понравилось.

– Я не знаю, – честно призналась Сара.

Олли закатил глаза.

– Эвон, – обречённо сказал парень, – хотя бы ты будь

благоразумен.

Эвон перестал размешивать кофе.

– Олли, ты так уверен в своей правоте лишь потому, что мыслишь логически. Но, тогда получается, что чёрный колдун обязательно должен сеять крупицы зла. Скажи, разве так на самом деле? Или душа белого мага всегда светла и излучает тепло?

– Это условности, – отмахнулся Олли, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

– Тогда, может быть, если волку выдернуть клыки, купировать хвост, выколоть оба глаза и пустить в стадо овец, он станет овцой?

Олли не нашёлся с ответом. О чём они спорят? Вера никак не могла уловить суть. Она ждала продолжения разговора, но все молчали. Решив, что спор окончен, девушка уже хотела обнаружить себя, но услышала ровный голос Олли.

– Твои слова справедливы, Эвон, мне нечего возразить. Возможно, вы правы.

Мария заметно расслабилась, но всё ещё продолжала подозрительно изучать парня.

– Сдаюсь, – протянул Олли и поднял руки. Насмешливо продолжил:

– Сара, сходи, посмотри, вдруг наша фея захлебнулась? У меня кофе уже льдом покрылся.

Сара поджала губы и хотела выйти из-за стола, но Вера неуклюже ввалилась в дверной проём. Неловко одёрнув платье, она стала ждать упрёков, но их не последовало. Эвон окинул девушку пристальным взглядом, в его глазах вспыхнула едва уловимая искорка, которая вскоре погасла, и его взор снова стал уставшим. Сара закусила губу и украдкой покосилась на Эвона. Мария сдержанно улыбалась, явно чем-то очень довольная, и победоносно взирала на Олли, который, в отличие от Эвона, рассматривал Веру открыто, с нескрываемым интересом, тем самым всё больше её смущая.

– Надеюсь, вопрос закрыт? – поинтересовалась Мария.

Олли широко улыбнулся и, вальяжно развалившись на стуле, обиженно произнёс:

– Райен, Райен… И за что ты лишил нас такой красоты?

– Проходи, милая, не стесняйся, – Мария указала Вере на свободный стул и налила кофе. – Ты должна доверять нам, мы ничего не собираемся от тебя скрывать.

Вера мысленно простонала. Как ей не стесняться? Она представила себя со стороны, и ей стало стыдно. Гулящая девка, ни больше ни меньше. Олли продолжал изучать Веру с

нескрываемой иронией, подтверждая её мысли.

Вера поблагодарила Марию и заняла предложенное за столом место. Сделав пару глотков бодрящего напитка, она решилась спросить о наболевшем.

– Я хочу знать, что происходит.

Вера чувствовала себя неуютно. Привыкшая к душевному одиночеству, она не была готова к такой встряске. Полтора года она тайком мечтала о том, чтобы воссоединиться со своими родными, а вчера оказалось, что она боится умереть. Или, того хуже, Вера хочет жить, а это было невероятно сложно, так как её мир перевернулся с ног на голову, диктуя свои неоспоримые условия.

Эти люди были случайными знакомыми. Вера обязана им жизнью. Они владеют информацией, и Вера не имеет права пренебрегать ею. В нетерпенье Вера отставила чашку с кофе в сторону.

– Вера, понимаешь… Все очень сложно и немного, – Мария замолчала, подбирая верное слово, – необычно.

– Скорее, невероятно, – поправил Эвон, не сводя с девушки глубоких синих глаз.

– Ну да, ты решишь, что мы – психи, – усмехнувшись, подметил Олли.

Мария согласилась со всеми поправками.

– Вера, ты веришь в параллельные миры?

Девушка поперхнулась. Вчера в неё стреляли. Эти люди спасли Вере жизнь. Она хочет знать, кто они. Её интересует, кто покушался на её жизнь. Какого чёрта Веру спрашивают какую-то ерунду? Если честно, она никогда не задумывалась о потусторонних вещах, пока сама с ними не столкнулась. Но вот думать о целом мире… Это уже перебор.

Решив, что сердиться рано, Вера осторожно ответила:

– Я не отрицаю возможности его существования.

– Это хорошо, так тебе самой будет легче принять реальность, – Мария выглядела довольной. – Вера, после того, как мы всё тебе объясним, твоё представленье о мире станет совсем иным, но оно будет истинным. Возможно, твоим разумом завладеют сомненья, но ты сама очень скоро поймёшь, что они напрасны.

Мария поправила брошь на своей шали. Убедившись, что Вера внимательно её слушает, она продолжила:

– Вера, такой мир есть на самом деле. Он здесь, на Земле, просто в другой реальности. Два мира, наш и твой, существуют параллельно друг другу, не имея точек соприкосновения. Там есть всё, чем богата эта реальность, и многое другое, то, что

никогда не будет доступно этому миру.

Мария попыталась проследить за реакцией девушки. Вера чувствовала, как в глубинах просыпается раздражение, но держала себя в руках. Какую небылицу собираются повесить на её аккуратные ушки? Угроза была реальной, и Вера хотела услышать адекватное объяснение сложившейся ситуации.

Не отметив никаких изменений в поведении слушательницы, Мария продолжила:

– В нашем мире полно вещей, о которых с избытком повествует ваша литература, кинематограф и даже живопись. Все то, что никогда не станет реальным здесь, понятно и осязаемо там, в параллели. Волшебники, маги, колдуны, гномы, вампиры, оборотни… Это всё – наш мир.

Кислое выражение Вериного лица, похоже, обидело рассказчицу.

– Вера, теперь это и твой мир, – с надеждой сказала она.

Вера молчала. Решив, что вопросов не будет, Мария продолжила своё «объяснение» недавних событий.

– Как я уже сказала, в нашем мире есть волшебство. Наиболее сильные его проявления называются магией и колдовством. Много веков назад случилось так, что волшебная сила тысяч волшебников оказалась собранной в хрустальный шар, а этот шар был надёжно спрятан от людских глаз.

– Не только от людей, – шепнула Сара.

– Да. Хрустальный шар не был доступен ни одной расе. Люди, волшебники, гномы, оборотни… В нашем мире много рас, и шар был надёжно спрятан от всех. Но сейчас шар снова в пределах нашего мира, и заключённая в нём магическая энергия скоро освободится. Если её не заключить обратно в хрусталь, настанет хаос, который приведёт к уничтожению мира. Всего мира.

– Мария, а приведения существуют? – поинтересовалась Вера.

– Ты хотела сказать, духи? – утвердительно поправила Мария.

– Хорошо, духи.

– Существуют. И они, в отличие от живых, могут свободно перемещаться в обоих мирах.

Вера уронила лицо в ладони.

– Вы издеваетесь?

– Вера, брось! – упрекнул Олли. – Ну, что тебе стоит послушать интересную сказку, в которой ты, между прочим, главный герой? Ведь только от тебя зависит судьба вселенной!

Олли хохотнул и подмигнул девушке.

– Ну, хочешь, я тебя анальгинчиком угощу? – учтиво предложил он.

Вера разозлилась. Еще немного, и она вцепилась бы этому

уроду в дреды. Нашёл время для веселья! У неё и без его шуточек проблем по горло.

Психанув, Вера встала из-за стола с намерением покинуть этот дурдом, но Эвон остановил её.

– Пожалуйста, сядь, – мягко попросил он. – То, что говорит тебе Мария, правда. Пойми, реальность неизменна, поменяться может лишь твоё отношение к ней.

Бархатный баритон сделал свое дело, и Вера села на стул.

– Сара, свари нам ещё кофе, – попросил Эвон. – Разговор будет долгим.

– Я хочу знать, кто в меня стрелял.

Эвон одобрительно кивнул.

– Я предлагаю тебе два варианта, – сказал он. – Первый: мы говорим тебе то, что ты хочешь услышать. Например, на тебя покушались конкуренты, что вполне реально. Но это неправда. И второй вариант: мы расскажем тебе то, что происходит на самом деле. Но тогда, каким бы абсурдным тебе не казался наш разговор, ты должна терпеливо всё выслушать.

То, что покушаться на её жизнь могли конкуренты, было первым, что пришло Вере в голову. Для этого не нужны были подсказки. К тому же, такая версия ночных событий, действительно, была реальной, но нецелесообразной. Аптека приносила хорошую прибыль, но она была лишь каплей в огромном океане фармацевтического бизнеса. Доходы владельцев сетей аптек, разбросанных по всему городу, в десятки раз превышали Верины. Ее аптека была для них маленькой болонкой, бездумно тявкающей на прохожих. Неприятно, но не смертельно.

А кто ещё? Кому она перешла дорогу? К сожалению, кроме фармацевтической конкуренции, в голову ничего не приходило.

– Хорошо, – согласилась Вера. – Я готова выслушать вашу версию.

Сара разлила по чашкам кофе и поставила на середину стола тарелку с горячими бутербродами. Олли потер руки и с нескрываемым удовольствием запихнул в рот бутерброд с ветчиной. Не успев проживать его, он пробубнил:

– Сара, это лучшее, что я смог бы отведать в этом мире.

Девушка улыбнулась. Эвон жестом указал Вере на тарелку, и она последовала примеру Олли.

Мария вертела в руках бутерброд.

– Вера, как ты уже поняла, мы из параллельного мира.

Девушка с трудом проглотила язвительную ремарку и, уговаривая себя вжиться в предлагаемую ситуацию, спросила:

– И как же ваш мир называется?

– Земля.

– Земля?

– Да, Земля. Представь, что вот этот бутерброд – наша планета. Она имеет четкое географическое строение и границы, которые неизменны. И она многослойна, совсем как бутерброд. Хлеб – это наш мир, а ветчина – твой. Понимаешь?

Вера неохотно кивнула.

– Мы существуем на одной территории, просто в разном пространстве. Чтобы не путаться, давай называть твой мир Землёй, а наш – Сагентой.

– Сагента – одно из крупнейших государств в нашем мире, – пояснила Сара.

– В самом начале летоисчисления Сагента представляла собой красивый мир, предназначенный для любви и радости. Единственной расой, населявшей её пределы, были волшебники. Они были равны друг перед другом, дар одного волшебника был точной копией другого. Долгие годы волшебники жили в Сагенте в мире и согласии, пока душой некоторых волшебников не овладела корысть и жажда превосходства над своими братьями.

Однажды волшебник по имени Лан нашёл способ захвата чужого дара. Он высасывал его из тел спящих волшебников и стирал их память. В Сагенте всё чаще стали появляться простые люди – волшебники, утратившие свои способности, а волшебники ломали голову над тем, от чего это происходит. Многими овладел страх. Начался мятеж. Люди обвиняли волшебников в заговоре, последние же сами верили в это и искали в своих рядах преступника. Последовала череда казней, но волшебники продолжали утрачивать свой дар. Тем временем Лан накапливал силу и, в конце концов, превратился в чёрного мага. Когда волшебники поняли, что происходит, Лан стал всемогущим. Сагента пала под его гнётом.

Лан наслаждался властью, он подчинил себе все народы и продолжал увеличивать свою силу. Когда маг насытился чужим даром, Сагента потеряла свыше трети волшебников. Общество раскололось на два лагеря – людей, воспылавших ненавистью к наделённым даром и желавших полного уничтожения волшебной силы, и волшебников, затравленных постоянным страхом за свой дар.

Когда Лан решил, что его сила непобедима, он нашёл утешенье в маленькой забаве, – Мария усмехнулась и, покосившись на Олли, с горечью продолжила, – он стал экспериментировать с различными рода заклинаниями. Теперь волшебники являлись для него не источником дара, а расходным материалом.

Лан возомнил себя Творцом и захотел создать новую расу. Итогом его экспериментов стали тролли, гномы, оборотни и вампиры. Последних он считал своими детьми. Лан был горд за себя. Но у любого эксперимента есть побочные действия, и, я думаю, ты знаешь слабые места вампиров.

Мария вопросительно посмотрела на Веру. Та вздохнула.

– Так вот, Лан захотел превратить Сагенту в идеальное место для обитания вампиров. Он использовал все ресурсы своего дара для того, чтобы разделить климат Сагенты на два чётких периода – света и тьмы.

– Проще говоря, периоды сна и охоты, – подхватил Олли.

– Да, – согласилась Мария, – время сна и время охоты. И Лану это удалось, пускай не с той интенсивностью, на которую он рассчитывал, но получилось. В результате деятельности чёрного мага в Сагенте появились новые расы и новый климат. Жизнь встала с ног на голову. Люди жили в постоянном страхе, а волшебники отчаянно искали управу на Лана.

– Ты же не думаешь, что они ничего не пытались предпринять для свержения чёрного мага? – поинтересовалась Сара. Она слушала рассказ Марии не без удовольствия, внимательно наблюдая за Верой. А Вера чувствовала себя неуютно, потому что не понимала, чем вызвала такое пристальное внимание девушки. Но, положа руку на сердце, за Верой наблюдали абсолютно все, и она с трудом сдерживалась, чтобы не нарушить уговора и не уйти, так как с детства ненавидела повышенное внимание к своей персоне.

На заданный Сарой вопрос Вера ничего не ответила. Что она вообще должна была ответить? Девушка слушала всю эту историю, словно сказку. Разве могла она всерьёз воспринимать то, что рассказывали? И думать о том, какой деятельностью занимались вымышленные волшебники в несуществующем мире, Вера точно не собиралась. Её мысли были заняты другим. Вера внимательно слушала Марию лишь с одной важной целью – она ждала, когда женщина ошибётся. Она непременно должна ошибиться, запутаться. Так бывает, когда группа подростков сговаривается между собой, чтобы разыграть кого-то из друзей. Они обязательно выдадут себя на какой-нибудь ерунде, мелочи. И тогда концы с концами не сойдутся.

Вера окинула задумчивым взглядом собравшихся. Абсолютно разные люди, но есть в них что-то общее. Скорее всего, манера поведения. Вера решила, что они актёры, и каждый на отлично заучил роль, чтобы разыграть Веру. Вопрос: кто их нанял и зачем этому кому-то понадобился такой бредовый спектакль?

На кого они похожи?

Марии в этом сценарии дана роль скрытого лидера. Умудрённая жизненным опытом старушка, направляющая остальных персонажей на путь истинный.

Сара – яркое огненное пятно, которой на первый взгляд отведена второстепенная роль, но, по закону жанра, проявляющая себя самым неожиданным образом где-нибудь в середине спектакля.

Олли – современный Иванушка-дурачок, с пирсингом в носу и дредами на голове. Худой простофиля, дающий фору купцам и вельможам. Провокатор. Персонаж, не позволяющий не обращать на себя вниманье и скрывающий за внешней простотой сильный потенциал. Без него Верина сказка может обернуться плохим концом, поэтому Олли просто обязан быть в ней.

И Эвон.

Вера посмотрела на Эвона, пытаясь найти сказочную параллель его образу. В голову ничего не приходило, он был слишком серьёзен и спокоен. Она могла бы назвать его Ильёй Муромцем или, например, Алёшей Поповичем, но Эвон не подходил под этих персонажей физически. Нет, Эвон был не слаб, облегающие джинсы и чёрная водолазка выделяли его спортивное тело, просто он был не такой большой, какими, должно быть, являлись богатыри русские. Кроме того, Илюха и его товарищи, на Верин взгляд, были скучноватыми, стереотипными. А Эвон непроизвольно обращал на себя внимание, было в нём что-то такое необъяснимое, приятно-волнующее. Наверное, в разыгрывающемся спектакле Эвону дана ведущая роль.

Эвон заметил на себе изучающий взгляд, и Вера, вспыхнув, опустила глаза.

– Лан ослаб после своих экспериментов с природой, но его могущество все ещё было велико, – гордо сказала Сара, – но волшебники всё же нашли на него управу.

– Не без помощи высших сил, девочка, – заметила Мария. – Чёрный маг был уничтожен, но последствия его правления навсегда остались в нашем мире. Кроме того, сила, которое всё это время была подвластна Лану, не исчезла. Она обрела свободу и стала представлять серьёзную угрозу всему живому.

Для того, чтобы обезвредить чёрную магию, все самые опытные волшебники пожертвовали своим даром: заключили освобождённую энергию в хрустальный шар и поместили его в мир сновидений, дабы он больше не был доступен миру. Волшебники, пожертвовавшие своим даром, были причислены к лику святых. Так появился святой род. Сагента вышла на новый исторический период, время приспособления к новым условиям жизни и зализыванию ран.

Шли годы, мир постепенно возвратился к размеренной жизни. Недавние события превратились в историю, история увековечилась в книгах. Жажда власти, занавешенная вуалью справедливости, нашла новых приверженцев. В Сагенте стали появляться группы фанатиков, умы которых ослепила идея возмещения волшебного дара всем пострадавшим в результате правления Лана. Их цель была проста, они хотели возвратить хрустальный шар, освободить заключённую в нём магическую энергию и распределить её между людьми. Я даже уверена, что они не задумывались над тем, каким образом вернут шар в наш мир, сектанты выбрали наиболее простую задачу, оправданную высшей целью. Они целенаправленно стали убивать носителей святой крови.

Мария посмотрела на Веру, ожидая вопроса, но, так и не услышав ни звука, продолжила:

– После того, как магия была заключена в хрустальный шар, на него наложили заклятие, которое может остановить последствия случайного освобождения магии в нашем мире. Это заклятие было направлено на волшебников, пожертвовавших своим даром для создания шара. Согласно этому заклятию, только носители святой крови могут заключить освободившуюся из шара магию обратно в хрусталь. Сектанты прекрасно это знали, как и то, что любые попытки возвращения шара в наш мир будут пресечены. Поэтому их первоначальная цель заключалась в уничтожении святой крови.

Ряды фанатиков пополнялись с каждым днём. Началась травля носителей. Впоследствии этот исторический период назовут периодом чёрного фанатизма, который повлиял на судьбу всего мира. Осознав всю серьёзность сложившейся ситуации, лидер носителей святой крови обратился за помощью к волшебникам.

– Разве волшебники не вмешивались в жизнь Сагенты? – скептически поинтересовалась Вера. Девушка решила, что для того, чтобы Мария быстрее споткнулась в своём повествовании, следует поддержать разговор. Создать хотя бы видимость заинтересованности, хотя ей порядком надоело слушать эту ерунду.

– Нет, – Мария обрадовалась тому, что девушка начала задавать вопросы. – После свержения Лана волшебников осталось совсем мало. Их численность составляла внушительную цифру, но по отношению к общему населению Сагенты это были десятые доли процента. Ещё до начала периода чёрного фанатизма волшебники объединились в клан и стали жить обособленно от людей, впоследствии образовали собственное государство и

перестали вмешиваться в жизнь людей.

Когда представитель святого рода обратился за помощью, волшебники предприняли меры, навсегда решающие вопрос травли носителей святой крови. Их глава, белый колдун Райен, решился на поистине великую магию, доступную лишь Высшим Силам. Он вместе со своими соратниками, величайшими магами и колдунами, создал параллельный мир.

У Веры внутри ёкнуло. На подсознательном уровне она связала концы верёвочки, которую плели на её уши всё это время. Рассказ Марии, два подслушанных разговора… Пока всё сходилось, и она никак не могла определить нужной зацепки. Сердце застучало быстрее, когда Вера предположила, каким будет продолжение рассказа.

– Создав новый мир, волшебники телепортировали в него всех носителей святой крови, а также людей, пожелавших навсегда отгородиться от любого проявления волшебства. После этого мир запечатали, он стал существовать самостоятельно, не соприкасаясь с Сагентой. Это твой мир, Вера.

Тут девушку осенило. Старательно скрывая триумф, она спокойно спросила:

– Значит, мой мир населён носителями святой крови и простыми людьми?

– Да.

– Как же так, Мария? Ты говоришь мне «вампир», и я представляю ненасытного зверя в человеческом облике, пьющего людскую кровь и не терпящего солнечного света. Ты говоришь «оборотень», и я представляю человека, превращающегося в полнолуние в волка. Ты говоришь мне «гном», и в моем мозгу возникает образ маленького коренастого мужичка с мозолями на руках. Наши образы схожи, Мария? А «волшебник»? Откуда мне знать, что такое волшебство, если миры не соприкасаются? Знаешь, я сама отвечу на этот вопрос. Мы с тобой смотрим одни фильмы и читаем одинаковые книги. Ты не открыла мне новую параллель с настоящими обитателями, Мария. Ты придумала свой несуществующий мир и впустила в него ещё до тебя придуманных персонажей.

Сара открыла рот с ещё не разжёванным бутербродом. Олли удивленно, но одобрительно посмотрел на девушку. Эвон улыбнулся.

Мария сконфузилась, но быстро взяла себя в руки.

– Вера, это только память, – прокашлявшись, сказала женщина. – Память тех, кто был телепортирован в этот мир. Она не дошла до твоего времени, как достоверная информация, но успела отразиться в искусстве.

Кажется, Вера села в калошу. Как у них это получается? Нервы девушки стали потихонечку расшатываться.

– Мне нужно покурить.

Вера вопросительно посмотрела на собравшихся. Эвон достал из кармана джинсов пачку сигарет и молча протянул её Вере вместе с зажигалкой. Вера взяла сигареты и вышла.

Мелкий дождик превратился в пыль. Вера стояла на веранде маленького домика и смотрела на серые облака, выдыхая клубы дыма. Она пыталась понять, как следует вести себя в сложившейся ситуации. Что это? Извращённое проявление идиотизма или чей-то развод?

Девушка с горечью подумала о Вадиме. Уж он точно бы не растерялся. Да парень просто бы взвыл от счастья, если бы ему сообщили, что существует параллельный мир, где уживаются все персонажи фэнтези. Как вообще здравомыслящий человек, коим Вера до сих пор себя считала, может позволить себе хотя бы на миг предположить, что всё это является правдой?

– Вера, в это трудно поверить.

Девушка вздрогнула. Эвон извинился и облокотился на косяк. Вера машинально прикурила вторую сигарету и специально не смотрела на парня, но чувствовала на себе его взгляд.

– Ты должна довериться нам.

– Я никому ничего не должна.

Эвон не ответил. Веру раздражало его уверенное спокойствие. Вытянув из пачки сигарету, он прикурил и, наконец, перестал изучать девушку.

– После того, как миры запечатали, волшебники и основное население Сагенты успокоилось, сектанты ушли в подполье. Настал мир, каким он только мог стать после всей истории своего существования.

Эвон глубоко затянулся и медленно выпустил из легких дым.

– Полтора года назад Мария предвидела появление шара в нашем мире и сообщила об этом властям. Перед правителями Сагенты встала сложная задача. Чтобы остановить дикую магию, заключённую в шаре, нужен носитель святой крови, а для этого необходимо телепортироваться в параллельный мир.

Было использовано сложнейшее заклинание, рассчитанное на два применения. Оно использовалось для того, чтобы телепортировать нас в этот мир, и оно же должно вернуть нас обратно.

Эвон задумался.

– Такого рода магии не существует в природе, она была создана искусственно, как и ваш мир. И её невозможно повторить.

– То есть, вы единственные, от кого зависит судьба

вселенной? – язвительно поинтересовалась Вера.

– Она зависит от нас так же, как от тебя.

– Послушай, неужели ты думаешь, что я поверю в этот бред? – с напором спросила Вера. – Скажи, кто вас нанял?

Эвон покачал головой.

– Вера, всё, что ты слышишь, – правда.

– Я что, похожа на дуру? – нервы сдали. – Сегодня не первое апреля! Передай заказчику, что это тупая шутка!

– А это тоже шутка?! – Эвон показал на перевязку. – Эта пуля могла оказаться здесь, – он ткнул пальцем Вере в лоб и открыл дверь. – Идем, ты замёрзла.

Вера выбросила окурок и вошла в дом. Ступни буквально оледенели, Вера с горечью подумала о своих злополучных туфлях. Пытаясь унять дрожь, она сняла с головы полотенце и накинула его на плечи. Они хотят, чтобы она играла по их правилам? Без проблем. Вера притворится, вживется в роль… Усыпит бдительность великой четвёрки, они станут менее внимательными и обязательно ошибутся. А когда Вера узнает имя идиота, что возвел её на этот лохотрон, то обязательно пересчитает все его зубы и оторвет гениталии.

Улыбаясь собственным мыслям, Вера спросила:

– Почему я?

Эвон, не задумываясь, ответил:

– Потому что тебя мы нашли первой.

Глава 3

Олли, Мария и Сара перебрались в гостиную. Мария сидела в кресле и, запрокинув голову, всматривалась в коридор. Сара что-то искала в интернете, положив на колени ноутбук. Олли перезаряжал оружие.

Вера села на диван и подогнула ноги. По ожидающему виду Марии она понимала, что та хочет продолжить разговор, но Вера не спешила с вопросами. Эвон сел напротив Марии в точно такое же кресло, что занимала женщина, и закрыл глаза. Похоже, парень тоже не стремился к диалогу. Вере стало стыдно за то, что она смогла предположить, что его ранение наигранное. Сейчас Эвон казался уставшим, уставшим по-настоящему. С его щёк пропал румянец, который ещё вчера легким алым оттенком украшал настороженное лицо. Теперь его кожа была бледной, она сливалась с пепельным цветом волос. Снежный оттенок естественно вытеснял русый цвет и наиболее густо скапливался на висках, было сложно понять, чья это прихоть, стилиста или природы. В любом случае такой цвет был весьма уместен его

внешности, а особенно хорошо на фоне светлых волос гармонировали темно-синие глаза.

Вере вдруг захотелось, чтобы Эвон разомкнул веки и снова посмотрел на неё. Взгляд Олли был изучающим, он смотрел на Веру так, словно искал в её образе ответы на только ему известные вопросы. Глаза Марии излучали странную нежностью и ожидание, так верующие смотрят на иконы. А Сара и вовсе не смотрела, а скорее изредка поглядывала. И только Эвон хранил в своих глазах какое-то непонятное тепло, понимание и даже сочувствие. Его взгляд не тяготил, но в то же время Вера стеснялась его взора и потому боялась встречаться с ним глазами.

Девушка невольно изучила прямой нос и тонкие губы Эвона и почувствовала отголоски знакомой слабости. Чёрт! Сколько времени прошло, сутки? Нужно как можно скорее узнать имя безумца, затеявшего эту опасную игру, и валить.

Кто же мог до такого додуматься? Вадим? Сюжет с параллельными мирами вполне в его духе, но вот до стрелялок он явно не дотягивал. Да и зачем ему это? Нет, его кандидатуру из чёрного списка можно смело вычёркивать. Кто ещё? Руслан? Авторитета и денег для сцены, разыгранной в клубе, у него бы хватило. А весь последующий за этим идиотизм? Но, если учесть, что Руслан был свидетелем странных явлений, происходящих в Верином доме, то тогда, возможно, имеет смысл предположить, что его мозг заработал и в этом направлении тоже? Допустим. Зачем? Запоздалая обида? Или скучно стало в уютном семейном гнездышке?

Вера скривила губы в презрительной усмешке, когда вспомнила, что спустя два месяца после расставания, Руслан поспешно женился. Молодая невеста была в восторге от такой удачной партии, но Вера знала, что это лишь защитная реакция Руслана на её повторный отказ. Может быть, всё это время обида, поселившаяся в сердце её бывшего сожителя, лишь укреплялась? Возможно, Руслан решил так отомстить? Может, он серьёзно полагал, что Вера поверит в этот бред? И что тогда? Она пляшет под дудочку Марии, выполняет все её указания и непонятные ритуалы и в итоге попадает в дурку? А что? В разгар какого-нибудь магического, по Вериному мнению, действия Олли вызывает скорую и говорит, что она ненормальная. Вера с пеной у рта (ведь она уже по-настоящему вжилась в новый образ) старается доказать, что она не больная, и просит Марию, Эвона и Сару подтвердить её слова. А они лишь глазами хлопают и мягкими, но настойчивыми движениями подталкивают Веру в руки санитаров. И тогда Вера в отчаянии кричит, что она не сумасшедшая и они сами смогут убедиться в том, что чертовщина

существует. Всего-то нужно прийти к ней домой и получить кастрюлей по голове. Ха-ха. Вера, конечно, знала, что мужики извращенцы, но чтобы до такой степени… Или это у неё больная фантазия? Но, увы, девушка понимала, что даже такое объяснение происходящего реальней того, что ей пытаются доказать эти люди.

Вера посмотрела на Олли. Все его движения были чёткими и правильными, было видно, что парень не первый день имеет дело с огнестрельным оружием. Многообразие всевозможных пистолетов, винтовок и дробовиков поражало. При виде слаженной работы Олли в Вериной душе нарастала тревога, которая всё это время уютно пряталась в самых глубинах её подсознания. Она с самого начала чувствовала отголоски странного беспокойства, и оно не было связано с событиями, произошедшими в ночном клубе. Это было что-то другое, не поддающаяся объяснению и контролю. Настойчивая нервозность, истоков которой Вера не понимала.

– Ты умеешь стрелять?

Олли отвлёк девушку от тягостных мыслей. Она даже не сразу сообразила, что Олли обращается к ней.

– Я ходила в тир.

Олли подал Вере пистолет.

– Возьми. Он полностью заряжен.

Девушка взяла пистолет и изумлённо на него посмотрела, словно держала оружие впервые. В отличие от рассказов Марии, пистолет был реальным, и у него было конкретное предназначенье. По спине побежали мурашки. Олли заметил Верину растерянность и похлопал девушку по плечу.

– Не переживай, Верундель, когда ты окажешься в самом центре мишени, руки сами вспомнят, как нужно обращаться с этой штуковиной.

Олли принялся загружать весь приготовленный арсенал в две спортивные сумки и серьёзно сказал:

– Помни, перед тем, как нажать на курок, нужно снять пушку с предохранителя.

Подумав, он добавил:

– И никогда не направляй ствол на того, кого не хочешь застрелить.

Вера сглотнула. Боже, как естественно всё выглядит! Вот что загоняет её мозг в тупик, не даёт покоя. Неравный спор между здравым смыслом и интуицией, в пользу которой играет естественное поведение этих людей. Как можно обдумать все детали? Два подслушанных ей разговора? Да, диалог на кухне мог быть подстроенным, а в гостиной? Вера притворялась спящей,

она даже ни разу не пошевелилась! А Эвон? В его теле настоящая пуля, а не театральный муляж! Где логика? Где правда? Вера понимала, что чем дальше заходит эта игра, тем больше её затягивает в сети собственной неуверенности.

Стоп! Ведь на это всё и рассчитано, не так ли? Она докопается до истины, нужно лишь сохранять хладнокровие и трезвый ум.

– Мария, кто в меня стрелял?

Вера ощущала в своих руках тяжесть металла, который уже стал тёплым.

Мария охотно заговорила:

– Это приспешники. В нашем мире так называют людей, чей разум захватила идея возвращения хрустального шара и освобождения заключённой в нём магической энергии. Это люди, благодаря которым Сагента пережила период чёрного фанатизма. В твоём мире приспешников, как таковых, нет, но люди, которые охотятся за тобой, имеют общую с ними цель, их задача – убивать носителей святой крови, в данном случае – тебя.

Вера тщательно обдумала каждое произнесённое Марией слово.

– Это люди Кристиана?

Мария удивилась.

– Я слышала ваш разговор, – призналась Вера.

– Вот как, – хмыкнула женщина. – Значит, ты всё правильно поняла.

– Почему он предал вас?

– Кристиан продал душу тёмным силам в обмен на дар. Этот парень был рождён простым человеком и соблазнился предложенной ему силе. Как только в его венах проснулся жар, пробуждённый магией, Кристиан снова оказался в Сагенте. Люди, которые вчера пытались тебя убить, – его руки в этом мире.

Отлично. Теперь Вера знает официальную версию вчерашних событий, и общая картина приготовленной для неё наживки постепенно вырисовывалась. Она должна поверить в существование параллельного мира и остановить убийственную магическую энергию, которая вот-вот вырвется из хрустального шара. А чтобы всё выглядело серьёзным, Руслан (других вариантов у девушки попросту не было) ввёл в игру отчаянных парней, которым досталась отрицательная роль приспешников. А неприятность с Эвоном – жалкое недоразумение. Или нет? У Руслана хватило бы бабок на то, чтобы купить и эту сцену. В конце концов рана не смертельна, ведь так? Похвально. Все детали настолько продуманы, что комар носа не подточит. Но Вера не комар.

Девушка улыбнулась собственным мыслям. Пора переходить к главному.

– Мария, предположим, я вам верю. Как мы телепортируемся в Сагенту, и что я должна сделать для того, чтобы заключить магию обратно в шар?

Мария ненадолго задумалась, словно решала, стоит ли отвечать.

– Ты задаешь правильные вопросы, девочка, но давай решать проблемы по мере их поступления. Первоначально нам нужно попасть в Сагенту.

– Разве это проблема?

– В каком-то смысле да. Когда нас телепортировали, волшебники применили искусственно созданное заклинание…

– Рассчитанное на два применения, – перебила Марию Вера. – Знаю, Эвон рассказывал. Давайте, говорите своё заклинание, и пойдём спасать мир.

Олли хохотнул, а Мария сердито сощурилась. Её явно задела ремарка девушки.

– Вера, дело в том, что заклинанье работает только в том случае, если оно будет произнесено из уст человека, наделённого даром.

– Волшебника, – помогла Вера.

– Да, волшебника. И проблема заключается в том, что, оказавшись на Земле, Сара утратила свой дар.

– Сара волшебница? – Вере с трудом удавалось оставаться серьёзной.

– Да. Но здесь, на Земле, её способности исчезли.

Ну, конечно же, исчезли! Иначе пришлось бы какой-нибудь фокус показывать! Язык так и чесался сказать что-нибудь язвительное.

– Почему? – с давлением спросила Вера.

– Я и сама хотела бы знать ответ на этот вопрос, – расстроенно сказала женщина. – Возможно, это побочное действие вашего мира, ведь он полностью изолирован от любого проявления волшебства. Эту версию подтверждает и тот факт, что, когда в крови Кристиана воспылал магический жар, он, словно пробка, был вышвырнут обратно в Сагенту. Но это только догадки, и от них, к сожалению, мало толку. Мы имеем лишь то, что имеем – Сара стала обычной девушкой, я слепой старухой, а Олли больше не нуждается в порции свежей крови.

– Олли – вампир?

Вера оценивающе посмотрела на парня, пытаясь определить, насколько удачно Руслан подобрал актёра для этой экзотической роли.

– Привееееет, – гортанно проговорил Олли и, чмокнув губами, широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы.

Молодец Руслан.

– А кто вы, Мария?

– Я предсказательница. Суть моего дара заключается в том, что я могу предвидеть будущее. Будущее мира, судьбу человека. В частности, я предсказала появление шара в Сагенте ещё до самого события, а цель пребывания в этом мире – указать на Наследника.

Вера хитро улыбнулась Марии.

– И как же вы меня нашли, если утратили свои способности?

Олли, который всё это время стоял у окна и вглядывался в уличное пространство, развернулся и с интересом стал ждать ответа Марии. Сара тоже едва заметно насторожилась.

– Это произошло случайно, – Мария сглотнула. – Я увидела твою фотографию в газете и чётко проследила твою жизненную линию. Она связана с Сагентой.

Это произошло сразу после того, как шар оказался в нашем мире. Скорее всего произошёл скачок энергии, и когда волна дошла до этого мира, на мгновение наши способности вернулись. Хвала богам, что именно в этот момент я держала в руках газету с твоей фотографией.

Олли поджал губы. Похоже, он не услышал ничего нового. Мария помотала головой и искренне заметила:

– Олли, порой я жалею, что ты не поджарился в тот момент.

Настала тишина, нарушаемая лишь звуком работающей клавиатуры ноутбука. Для себя Вера отметила, что нужно будет звякнуть в редакцию местной газеты. Она так устала. Голова по-прежнему болела, похоже, вчера Вера хорошо треснулась ею о пол. К головной боли медленно, но неизбежно присоединялась ненавистная слабость. Вере нужно домой. На помощь кого-либо из актёров рассчитывать явно не стоит.

Девушка изучила обстановку. Эвон задремал прямо в кресле, Олли смотрел в окно, Сара была полностью увлечена работой за ноутбуком, а Мария погрузилась в сети собственных мыслей. Интересно, получится уйти по-английски?

– Ты куда? – не отрывая взгляда от голубого экрана, поинтересовалась Сара.

Не получилось.

– В туалет, – язвительно ответила Вера и скрылась в коридоре.

Оказавшись одна, девушка решила, что заглянуть в уборную всё же стоит. Когда Вера вышла из ванной, ощущая тяжёлое биение собственного сердца, и направилась к выходу, увидела Олли. Он стоял у входных дверей и подбрасывал в воздух связку

ключей.

– Куда-то собралась? – спросил парень и убрал ключи в карман толстовки.

Девушка растерялась. Внутри всё оборвалось. Олли в несколько шагов преодолел разделяющее их расстояние и, рывком прижав Веру к стене, уперся в неё руками, отрезая тем самым путь к отступлению.

– Слушай меня внимательно, – Олли говорил тихо, в его голосе была угроза. – Я согласился на эту авантюру лишь потому, что нахожусь в меньшинстве. К тому же, шансы того, что Мария права, действительно велики. Но видишь ли, в чём дело, – Олли наклонился так близко, что Вера ощущала его дыхание, – ты заменима, а мы – нет. И если по твоей глупости с кем-нибудь из нас что-то случится, я лично застрелю тебя.

Олли замолчал и неожиданно уткнулся лицом Вере в шею. Вера была настолько ошарашена, что не могла даже пошевелиться.

– И ещё кое-что, – парень сделал глубокий вдох и перешёл на шёпот. – Если всё же Мария ошиблась, то, когда мы окажемся в Сагенте, я с удовольствием отведаю твоей крови перед тем, как магия превратит в хаос этот сумасшедший мир.

Олли подмигнул Вере и мило улыбнулся, но его улыбка мгновенно исчезла, когда на плечо парня тяжело легла мужская рука.

Эвон рывком развернул Олли и смерил парня тяжёлым взглядом.

– Ах, да, я забыл, – наигранно парировал Олли и убрал со своего плеча ладонь Эвона, – мальчики налево, девочки направо.

С этими словами он удалился.

– Ты в порядке?

Вера всё ещё стояла, прижавшись спиной к стене. Тело начала пробивать мелкая дрожь. Внутри медленно, но верно закипала злоба.

– Тоже будешь угрожать? – прошипела она.

Эвон лишь пожал плечами.

– Иди.

Вера выбежала на веранду.

И остановилась.

Ей стало обидно, обидно втройне. Во-первых, она не имела ни малейшего представления, где находится. Дом стоял в сельской местности, перед глазами широким покрывалом расстилалось поле, по окружности которого тянулась лесополоса. От веранды дома в поле уходила узкая тропа, которая постепенно переходила в дорогу, состоящую из двух параллельных полос –

следов от автомобильных колес. В округе не было ни души, ни единой постройки. И Вера даже приблизительно не могла предположить, насколько далеко отсюда расположено шоссе. Конечно, она могла пойти через поле в надежде выйти на окружную и поймать машину, но понимала, что босая в тонком платье по молодому гололёду, вросшему в промёрзшую землю, она не уйдёт. А ещё ей было обидно оттого, что из-за своего упрямства она всё равно кинется в поле и пройдёт пятьсот-семьсот метров, пока не заледенеют ноги, а потом под пристальным взором Эвона вернётся обратно. И в конце концов больше всего Веру расстраивал тот факт, что Эвон тоже прекрасно это понимал и потому не пытался её остановить.

Сжав от бессилия кулаки, Вера безнадёжно спросила:

– Отвезёшь домой?

– Нет.

Сара победоносно щёлкнула по левой кнопке мышки.

– Латвия, – довольно произнесла она и принялась комментировать текст со светящегося экрана.

– Латвия расположена в древнейшей сейсмической зоне, где сходятся невероятно длинные тектонические разломы. Энергия, проходящая по разломам, исключительно мощная. Наиболее популярные места, – Сара отвернулась от ноутбука, обращаясь к Эвону, – лес в местечке Покайны и курган около озера Лаздиню, что недалеко от поселка Арайши.

– Что надёжнее? – спросил Эвон.

– Думаю, Лаздиню. Там находится круг из камней.

Эвон вопросительно выгнул бровь, и девушка пояснила:

– Считается, что круг ограждает от мира живых переход в царство мертвых. А учитывая тот факт, что эта зона аномальная, вполне вероятно, что там действительно есть проход, который приведет нас в Сагенту.

– Сара, прямого перехода между нашими мирами нет. К тому же, если это действительно правда, мы столкнемся с мёртвыми.

– Во-первых, мы этого не знаем.

– А во-вторых?

– Ну, а во-вторых, даже если перехода не существует, это место является аномальным, а, значит, оно дышит необходимой нам энергетикой. В Лаздиню мы удваиваем свои возможности – я смогу прочитать заклинание не только в энергетически подходящей зоне, но и в возможном переходе.

– Отлично, – Эвон похвалил Сару, и девушка просияла. – Вылетаем ближайшим рейсом. Вера, нужен твой паспорт.

– Он дома, – соврала Вера.

– Где именно?

Эвон на ходу накинул куртку и достал из сумки с оружием несколько пистолетов. Олли полностью повторял его действия.

– Вера? – Эвон торопился.

– Я поеду с вами, – бескомпромиссно заявила девушка.

– Это опасно. В доме может быть засада.

– Плевать. Или вы берете меня с собой, или мы едем в вашу Латвию на битой ауди.

Эвон мельком переглянулся с Олли. Ни тот, ни другой не был рад навязывающейся спутнице.

– Это исключено, – твёрдо заявила Мария. – Ты останешься с нами, в безопасности.

Ты даже не представляешь, насколько важна твоя жизнь.

– Да? – разозлилась Вера. – Тогда знайте, что вне стен своего дома я погибну раньше, чем мы переместимся в вашу Сагенту.

Вера решила – играть, так играть. Она внесёт в правила свои поправки. И если они хотят, чтобы она следовала за ними, им придется считаться с её мнением.

План созрел сам собой. Когда её привезут домой, Вера будет долго вспоминать, куда запихнула столь необходимый документ. Предположив пару-тройку возможных мест его нахождения, она в целях экономии времени разделит парней. Искать паспорт они будут долго, так как его вместе с сумочкой и правами Вера потеряла в клубе. А сама тем временем позвонит в полицию. Пускай они расхлёбывают эту кашу вместе с Русланом.

Должный эффект не заставил себя ждать. Новые Верины знакомые насторожились.

– Что ты имеешь ввиду? – спросила Мария.

– Что слышали, – Вера не собиралась быть вежливой. – Если я в ближайшее время не попаду домой, то всё. Хана. Лихорадка, слабость, а затем – каюк. Умрёт ваша Наследница и не спасёт мир.

Вера не ожидала такой реакции. Мария схватилась за сердце и пошатнулась. Олли вовремя подоспел к Марии и не дал ей упасть. Сара поднесла к губам женщины какие-то капли и помогла сесть.

– Сара, одолжи Вере свой спортивный костюм, – попросил Эвон и смерил Веру тяжёлым взглядом. Сара недовольно фыркнула, но спорить не стала.

Вера рывками натянула на себя водолазку, штаны и ветровку. Одежда была маловата, но кроссовки пришлись как раз по размеру. Выбежав на улицу, она пулей влетела в открытую дверцу синей девятки. Олли нажал на педаль газа даже не дождавшись, пока Вера захлопнет дверь. Девушку опрокинуло на сиденье. Вот

уродец! Ничего, скоро они все ответят за свой развод.

Эвон долго не мог понять, что позволило ему пойти на поводу у этой девчонки. Не изменить принятого решения в последний момент ему помогло лишь то, что даже Олли не стал возражать.

Эвон признавал, что фраза о смерти, так спонтанно и обыденно брошенная Наследницей, застала их врасплох. Сначала Эвон даже подумал, что Вера угрожает им самоубийством, но быстро отмёл эту мысль. Вера была красивой распутной девушкой, но далеко не глупой. Это Эвон знал наверняка. Ум, цепкий и ясный, таился в огромных карих глазах. Обладательница таких глаз не способна на суицид. Она будет страдать, брыкаться, злиться, но никогда не наложит на себя руки. Умные люди ценят жизнь. И не бросают слов на ветер. Наверное, поэтому Эвон поверил Вере.

До места ехали с час. Эвон подловил Веру на том, что, подъезжая к родному дому, она машинально проверила в кармане ветровки наличие пистолета. Это хороший знак: боится, значит, всё-таки верит.

Они подстраховались: выключили габариты и фары за пару километров до особняка. В темноте машина ехала медленно, Олли управлял ею практически наощупь. А за несколько сотен метров до въезда и вовсе заглушил мотор.

Эвон внимательно всматривался в сумеречный ландшафт, изучал тёмные арки окон. В гостиной горел тусклый свет бра. Эвон хорошо помнил, что вчера дом полностью был окутан мраком. Он покосился на Веру, но та лишь неопределённо пожала плечами.

– Я иду первым.

Олли кивнул и снял пистолет с предохранителя.

– Я здесь не останусь, – Вера твёрдо решила, что пойдёт с ними. Эвон хотел было что-то сказать, но передумал.

По дороге их никто не обстреливал. На пороге дома Вера попыталась прислушаться к домашним звукам, но ничего подозрительного не услышала. Эвон прижал девушку к стене и рывком открыл входную дверь. Олли молниеносно направил в открывшееся пространство дула двух пистолетов и замер в замешательстве.

Оттолкнув Олли, Вера протиснулась в проход и увидела Вадима. Он был пьян. Развалившись на диване, он складывал из свежего газетного листа самолётик. В ногах валялась пустая бутылка водки.

Увидев Веру, Вадик улыбнулся.

– Вера… Верочка…

Вадим неуклюже встал и пляшущей походкой направился к Вере. Глупо улыбаясь, он запнулся о собственный ботинок и, ухватившись за подлокотник, снова плюхнулся на диван.

– Ой, Верочка, прости, – заикаясь, попросил Вадим. – Просто я так переживал, что мы… что ты…

Вадим не договорил. Он обхватил руками голову и замычал. Потом обиженно посмотрел на девушку.

– Девочка, – прошептал Вадик, – это ведь ложь, не так ли?

Вера была в растерянности. О чём он спрашивает? Вера ни разу не видела Вадика пьяным.

Она так и не успела собраться с мыслями. В комнату вошли Олли и Эвон. Увидев парней, Вадим презрительно процедил:

– Похотливая сучка. Дрянь. – Вадик поднялся и, запинаясь, подошел к Вере. Эвон и Олли переглянулись. – Шлюха!

Вадим скомкал самолётик и, швырнув его Вере в лицо, замахнулся. Девушка зажмурилась, но удара не последовало. Эвон перехватил руку Вадима и, взяв его за грудки, вышвырнул на улицу. Олли захлопнув за ним дверь.

Вера опустошенно посмотрела на парней, словно ждала, что они объяснят, что произошло. Олли снисходительно указал на смятый газетный лист. Вера дрожащими руками подняла бумажный комок и расправила его. В верхнем левом углу красовалась её фотография. Красочный заголовок гласил: *«Круглова Вера, дочь и наследница знаменитого Олега Круглова, а ныне преуспевающая бизнес-леди, меняет парней, как перчатки».* Далее шёл текст.

Все мы прекрасно помним ужасную трагедию, унёсшую жизни Олега Круглова и трёх членов его семьи. Вера Круглова, единственная наследница знаменитого кинолога, осталась одна во власти скорби и с неопределённым будущим. Тогда весь город скорбел вместе с ней и поддерживал Круглову в столь сложный период её жизни.

Вере стало противно. Кто её поддерживал? Вокруг крутились одни шакалы, почувствовавшие лёгкую наживу и без того толстым кошелькам. Со всех сторон сыпались «выгодные» предложения, ей наперебой рассказывали об огромном доходе, сделай Вера вложения в ту или иную сферу. И никто не поинтересовался тем, как она себя чувствует. Ни один не протянул руку помощи. Только Руслан.

Вера стала читать дальше. *Руслан Орсанов был наиболее близок с Кругловой в тот момент. После страшной авиакатастрофы город замер в ожидании роскошной свадьбы, которой не суждено было случиться. Круглова отвергла*

предложение Орсанова и пустилась во все тяжкие. Ни единожды роскошная девушка была замечена в компании подозрительных личностей мужского пола, никак не подходящих ей по статусу. Кто они, эти счастливчики? Строители? Дальнобойщики? Мы не можем в подробностях знать о личной жизни Кругловой, но факты говорят сами за себя – юная бизнес-леди не брезгует случайными связями. Слухи о том, что Круглова наконец-то остановила свой выбор на скромной личности продавца стройматериалов, ничем не подтверждены. Но и опровергнуть мы их не можем. В любом случае, бирка самой завидной невесты города слетела с её хрупкого плеча.

Дальше шли рассуждения о том, стоит ли Веру осуждать и могла ли послужить причиной её аморального поведения гибель семьи. Автор также акцентировал своё внимание на том, что, возможно, не всё потеряно, так как в последнее время дальнобойщиков и строителей сменили более приличные кандидатуры в модной одежде и с зализанными блестящими волосами. Постепенно журналист перешёл к личности Руслана и поведал о том, что политик, в отличие от Веры смог построить прекрасные семейные отношения.

Вера не чувствовала ничего. Ей не хотелось рыдать, уткнувшись носом в пуховые подушки, она не желала кричать от злости. Кому от этого станет легче? Точно не ей. Статья лишь укрепила Верины подозрения. Что ж, браво, Руслан! Бурные тебе аплодисменты! Продумал все мелочи. Подстраховал свой план, ведь если Вера не поведётся на заготовленную ей роль, то написанная с его подачи статья навсегда оставила на Вере клеймо. Вера вдруг осознала, насколько двуличными бывают люди.

За что ей это? В чём она провинилась? Вера лишилась семьи, у неё отвратительная необъяснимая зависимость, от которой хочется застрелиться, а о том, чтобы любить, Вера боится даже подумать. Неужели этого мало? Какие ещё испытания уготованы ей судьбой? Вера боялась даже предположить, единственным, чего она хотела, было спокойствие. Душевное и физическое.

– Вера, где паспорт? – мягко напомнил Эвон.

Девушка презрительно посмотрела на парня. Они что, на самом деле думают, что она идиотка?

– Не знаю, – язвительно, получая огромное удовольствие, процедила Вера. – Можете перерыть все полки и шкафы в его поиске.

Эвон стиснул зубы.

– С чего начать? – не уступая Вериному настроению, поинтересовался парень. – Может быть, с твоей сумочки? Где она?

А он не глуп. Вера стойко выдержала холодный взгляд синих глаз.

– Там же, где и колье.

Эвон со всей силы ударил по стене. Потом он схватил девушку за запястье и потащил к выходу. Веру просто распирало от возмущенья. У него что, привычка такая?

– Олли, уходим, – Эвон не обращал вниманья на жалкие попытки выдернуть руку. – Олли?

Эвон обернулся. Олли, словно вкопанный, стоял у подножия лестницы и жадно вдыхал воздух. Пазухи его носа раздувались, словно парню с трудом удавалось дышать. Его кожа приобрела лёгкий мраморный оттенок, зрачки расширились, скулы сжались, словно в судороге.

– Олли? – Эвон сделал шаг вперед.

– Не подходи! – прохрипел Олли.

Эвон замер. Медленно отступая, он вытолкнул Веру на улицу.

– Оставайся здесь, – велел он Олли и закрыл за собой дверь.

На асфальте лежал Вадим. Увидев Веру, он попытался встать, но тело непослушно завалилось на правый бок. Девушке стало жаль Вадика. Что он мог о ней подумать, кроме того, что охотно преподнесла пресса? А ведь это, по сути, правда.

Эвон достал мобильный и стал набирать чей-то номер.

– Сара! Сара, берите всё самое необходимое и приезжайте сюда! Да, срочно!

Он отключил сигнал и стал наблюдать через окно за Олли. Тот не сдвинулся с места. При взгляде на него Вере стало страшно. Олли был совсем другим, он походил на хищника, готовящегося к смертельному прыжку.

– Что с ним?

– Тшш…

Эвон прислушался к гнетущей тишине. У гаража хрустнула ветка. Вера испуганно дёрнулась.

– Не бойся.

Эвон повёл Веру подальше от входа, в заросли палисадника. После гибели мамы Вера ни разу не приложила к нему руки, и теперь эта часть двора выглядела диковатой.

– Вера, достань на всякий случай пистолет, – глаза Эвона тревожно светились, – я скоро вернусь.

Вера не хотела оставаться одна, но и просить Эвона не покидать её не стала. Пистолет в кармане сделался тяжелым, словно булыжник.

Эвона поглотила ночь. Вера всматривалась в тёмные тени, но различала лишь переплетения увядающих вьюнов.

Неожиданно прогремел выстрел. Чтобы не закричать, Вера зажала рукой рот. Сердце понеслось галопом, и его стук казался Вере громом среди спустившейся глухоты.

Долгое время ничего не происходило. Девушка испугалась, что пуля настигла Эвона. Что тогда делать? Куда бежать? Неизвестность ужасала.

Вера не успела принять решение: её слух уловил возню. Тупые звуки ударов, и снова выстрелы.

Неверный свет бра выхватил из темноты три фигуры. Приглядевшись, Вера узнала Эвона, ведущего борьбу с двумя незнакомцами. Парень пытался затолкнуть их в дом, а противники отчаянно обрушали на него подошвы тяжёлых ботинок.

Дрожащими руками девушка направила дуло пистолета на одного из незнакомцев. А потом поняла, что это бесполезно – ей ни за что не прицелиться. Тогда Вера выстрелила в воздух. Выстрел ненадолго отвлёк нападавших. Эвон запихнул соперников в дом и захлопнул дверь. Настала тишина, а потом вопли ужаса резанули слух.

И снова ни звука.

– Вера…

Девушка вздрогнула.

– Вадик, что ты здесь делаешь?! – прошептала Вера. Девушке казалось, что парень говорит так громко, что его слышно на несколько миль.

– Вера…

– Тише! – взмолилась Вера. – Пожалуйста, помолчи!

Но Вадик продолжал что-то бубнить, наполняя Верино сердце злостью и отчаянием. Вера уже хотела его ударить, но Вадим отвернулся: его желудок взбунтовался. Едва парень открыл рот, как в его челюсть впечатался кулак, и содержимое желудка вылетело вместе с зубами. Вадик охнул и ничком упал на мокрую траву.

Из-за тяжелых туч выглянула луна, и в её зыбком свете Вера узнала индейца. Он подмигнул ей и оскалился, обнажив жёлтые зубы. Индеец наступал медленно, смакуя Верин страх. А когда решил, что игра окончена, взвел курок.

Внутри похолодело. За минувшие сутки Вера уже во второй раз прощалась с жизнью. Напоследок индеец чмокнул губами, изображая поцелуй, а его шея с противным хрустом свернулась на бок.

Эвон откинул обмякшее тело в сторону.

Вера закричала. Точнее, она думала, что кричит, но на самом деле из пересохшего горла не вырвалось ни звука.

– Ты в порядке?

Вера посмотрела на Эвона. Потом на Вадима. Она отказывалась соображать. Всё, что она увидела, не вписывалось ни в какие рамки. Опровергало все предположения и версии. А Вера не хотела начинать с начала, искать причины и следствия событий последних суток.

– Что здесь произошло?! Где Олли?

Вера перевела пустой взгляд на Марию. Женщина запыхалась от быстрого шага.

– Ты не ранена?

Мария принялась ощупывать Веру.

– У неё шок, – подытожила Мария, заглядывая Вере в глаза. – Эй, ты меня слышишь?

Девушка бездумно кивнула.

– Так и знала, что нельзя отпускать её с вами! Вот к чему это привело. А если бы Веру ранили? Или еще хуже – убили? Что тогда?

Эвон не стал оправдываться. Он поступил так, как подсказывала интуиция. Обычно она его не подводила. И на этот раз тоже.

Эвон был уверен, что небольшой домик, в котором они отсиживались последние две недели, наверняка вычислили. А это значит, что Сара и Мария вовремя ушли, ведь приспешники никогда не идут на дело в одиночку. Сара хороший боец, но даже три профессионала могли создать серьёзные проблемы.

В кармане мёртвого индейца завибрировал мобильный.

– Скорее в дом, – скомандовал Эвон. – Второй группе понадобится не так много времени, чтобы добраться сюда.

– Нам хватило тридцати минут, – Сара сообразила, о чём толкует Эвон.

Эвон распахнул входную дверь. Все замерли.

– Не может быть, – не скрывая радости, прошептала Мария. – Как?

Женщина восхищённо посмотрела на Веру. Девушка округлила глаза. У самого порога валялись тела крепкого парня и бритоголовой девчонки. Они были бледными, почти синими. А у девчонки в области сердца зияла дыра.

Вера почувствовала, что её шатает.

– Чувствуешь? – спросила Мария у Сары, не спуская счастливых серых глаз с Олли.

Сара осторожна водила ладонью по стенам.

– Да, – прошептала она. Сглотнув, Сара подняла руки вверх и растопырила пальцы. Ногтевые пластинки девушки охватило слабое сиянье, которое вскоре разлилось по ладоням.

– Он снова со мной! – в глазах Сары стояли слёзы. – Я чувствую его силу!

– Сара, – прохрипел Олли. – Сара, быстрее.

Девушка засуетилась. Выставив вперед руки и делая ими хаотичные движения, она подошла к Олли максимально близко и повторила в воздухе очертанья его фигуры. Олли сделал то же самое, очертив силуэт Сары. Между ними возникла тонкая субстанция, напоминающая зеркало. Сара приложила свои ладони к ладоням Олли, от чего по возникшей материи пробежала рябь, и они одновременно заговорили:

Я отпускаю себя на волю,
Нет больше цепей, что сковали меня.
Ни зова инстинктов, ни судорог боли,
Ни света дневного не чувствую я.
В твоём отраженье найду спасенье.
В своём отраженье найду тебя.
Я сбегаю из собственной тени,
Чтобы забыть, кто я.

С каждым словом тембр голоса Олли выравнивался, и на последнем звуке парень сделал свистящий выдох. Потом его зрачки сузились, губы перестали гореть, и Олли блаженно улыбнулся.

– Спасибо. Так намного лучше.

Сара пожала плечами.

– Всегда, пожалуйста. Я так понимаю, планы меняются?

– Несомненно, – Мария с восторгом продолжала изучать дом.

– Проверь себя, – посоветовал женщине Олли. Метаморфозы, произошедшие в его теле, дали сбой в нервной системе, и теперь Олли приходилось фокусировать зрение.

Мария подошла к Вере. Девушка выглядела неважно. Вероятно, от увиденного у неё упало давление, и теперь Эвону приходилось держать Веру.

Мария коснулась Вериных висков и закрыла глаза. Улыбнулась.

– Это она, – пальцы женщины были горячими, они словно ощупывали мозг. – Наследница святого рода. Вера, как ты сдерживала такую бешенную энергетику своего дома?

Вера нахмурилась. Фокус Сары застал её врасплох. Олли, ещё с минуту назад походивший на зверя, пугал. Трупы отрезвляли, заставляя вернуться к реальности. В голове, словно лампочка, предательски вспыхнула мысль о том, что всё происходящее – правда. Но разве такое возможно? Вера постаралась отогнать от

себя эту мысль, но она настойчиво удерживалась в сознании.

Девушкой овладела паника. Вере очень сильно захотелось спрятаться с головой под одеялом. Она отказывалась видеть и верить.

– Убирайтесь, – отрезала она. – И этих забирайте с собой.

Вера коротко кивнула в сторону трупов.

– И со двора тоже всех забирайте!

Эвон осторожно положил свою руку на хрупкое плечо и слегка сжал пальцы.

– Вера, рано или поздно этот дом высосет из тебя все силы. Здесь – точка соприкосновения двух миров. Полтергейст и прочие необъяснимые явления – результат минимальных прорывов энергетики нашего мира в твой. Сейчас ты являешься источником силы для нашего мира в этих стенах, но, когда ты окажешься в Сагенте, наш мир станет источником силы для тебя.

Вера на шаг отступила. Она не верила своим ушам. Взгляд невольно упал на помятый газетный лист.

– Как? Как ты узнал?

Эвон проследил за её взором. В голове собрался пазл, когда он провел параллель между Вериным поведением и энергией особняка. Ему стало жалко девушку, Эвон едва сдержал себя, чтобы не обнять Веру. А ещё его сердце, словно самый последний предатель, требовательно подталкивало к тому, чтобы развернуться и уйти, так, как того требовала от них Вера. Брать на себя роль вершителя судьбы этой несчастной девушки, подводить её к той черте, переступив которую Вера никогда не сможет познать, что значит быть счастливой, было мучительно некомфортно.

Тем не менее, Эвон не мог позволить себе ставить свою совесть выше, чем жизни миллионов.

– Доверься нам, – Эвон говорил уверенно, но мягко. – Мы отведём тебя домой.

Синие глаза глядели в самую душу. Впервые в жизни Вере стало себя жалко. Тогда она решила – будь, что будет. Так, как живёт она, жить нельзя. Вера перестала думать о том, что может оказаться дурой в глазах чужих людей, поверив в то, чего быть не может.

Разве может случиться хуже, чем есть?

– Что я должна делать?

Осторожно, словно боясь спугнуть, Эвон взял девушку за руку. В центре гостиной он посадил Веру на пол и сам сел рядом. Остальные последовали их примеру. Образовался круг.

В гостиной было тихо. Вера отчётливо ощущала биение собственного сердца. Правой рукой она держала влажную ладонь

Марии, левой сжимала горячие пальцы Эвона. Было немного страшно.

– Стойте! – Вера отдёрнула руки.

Олли недовольно поморщился.

– Что ещё?

– Одна я не пойду.

– Вообще-то мы идём с тобой, – нараспев протянул Олли.

– Нет, – твердо заявила Вера. – Мы возьмём Вадика.

Олли закатил глаза, а Эвон попытался вразумить девушку:

– Вера, ты готова взять на себя такую ответственность? Сагента – мир иной. Наш долг защищать тебя, но с ним мы возиться не будем.

Вера упрямо поджала губы.

– Одна я телепортироваться не буду, – мысленно Вера оправдала себя тем, что Вадик всегда хотел найти доказательства существования параллельных миров.

– Что ж, – Эвон тяжело поднялся, – у нас нет времени на спор.

Через минуту обмякшее тело Вадима было помещено в центр круга.

– Теперь всё? – зло осведомилась Сара.

– Всё, – буркнула Вера и взяла Марию и Эвона за руки.

– Ветра.

Северный, южный, восточный и западный.

Голос рыжеволосой девчонки был монотонным:

– Луна.
Солнце с рассветами и закатами.
Воссоединитесь
В единое целое,
Переместитесь
Туда, где были сделаны.
Пламя огня
Через мир дождём обернётся.
Отведи меня
За ветрами, луной и солнцем.

Ничего не изменилось. Вера всё так же сидела на холодном полу, держась за руки. Сара повторяла одни и те же слова снова и снова, Вера успела их запомнить. Про себя она стала повторять их вместе с Сарой. Потом Сара ускорила чтение, перейдя на шёпот. Вера даже мысленно не поспевала за речью девушки.

Голову закружило. Тело увело в сторону. Было такое ощущение, как будто Веру посадили на детскую карусель и отчаянно раскручивают. Воздух уплотнился, Вера ощущала, как

он обтекает тело. Воздух был везде – справа, слева, вверху и внизу. Ощущение полёта заполнило каждую клеточку. Вера не могла контролировать свои движения, запуталась во времени. С трудом удерживая в памяти информацию о самой себе, она вцепилась в ладони Марии и Эвона, как в последние связующие с реальностью.

* * *

Сначала Сару просили.

Она не согласилась. Им нужно в Сагенту.

Тогда стали заставлять:

– Добрая гора… Добрая гора…

Сара начала злиться. Читать заклинание и представлять Сагенту, когда тебе упрямо навязывают другое место, было сложно.

И этот голос. Он был знакомым, но Саре некогда было вспоминать. Она боролась с собственным воображением.

А голос нагло врывался в зрительную память, навязывая свои требования. Саре становилось всё тяжелее.

В зыбких границах перехода очертания обоих миров были одинаково чёткими. Одно неверное слово, и их затянет обратно. Один неправильный образ, и портал вышвырнет их на эту чёртову гору.

Неожиданно в этом мире что-то изменилось. Тёмные фигуры преследователей стремительно приближались к образованному кругу.

Тогда Сара сдалась.

– Добрая гора, – безмолвно прошептали её губы.

Вера услышала хлопок и упала на что-то твёрдое и сырое.

Часть 2

Ты закрываешь глаза и видишь мрак,
Я закрываю глаза, и всё не так:
Опознавательных знаков нет,
Лишь на небе от солнца ярчайший след.

Глава 4

Вера лежала на чём-то влажном. Лежать было неудобно, позвоночник ныл и страшно хотелось почесать в области лопаток. Девушка подумала, что очнулась от ночного кошмара, но холодная чужая кровать приводила её в замешательство.

Вера открыла глаза. Вместо изящных выемок подвесного потолка над ней простиралось тёмно-синее небо. Дорогую хрустальную люстру сменил размытый солнечный диск, утопший в беззвёздном пространстве. И кадка с чайной розой тоже отсутствовала – огромное дерево неизвестного рода лениво покачивалось под дуновениями тёплого ветра. Осень ещё не коснулась его сочной зелени, растение дышало силой.

Вера села. Около неё стояли смутно знакомые люди. Один из них подал Вере руку, но она не заметила жеста.

Прямо перед её лицом витали небольшие расплывчатые пятна, похожие на туман. Они меняли форму и временами походили на лица.

Быстрее…

Уходи…

Ты умрёшь…

Вера вскочила.

– Что это?!

Голоса не давали сосредоточиться, переполняли слух. Пугали.

– Это души.

Мария старалась говорить тихо и ласково. Она видела, что Вера на грани срыва, и ей было жалко девушку.

– Души людей, которые не успели вернуться домой до наступления затишья. Они пали жертвами вампиров. Теперь они предупреждают нас о скором наступлении тёмных дней. Скажи

им, что идёшь домой.

Уходи…

Вера ощутила холодок, когда туманное пятно проплыло близ щеки.

Прячься…

– Какие ещё души?! – Вера размахивала руками, пытаясь отогнать образы. – Убирайтесь!

Но призраки не слушались. Они навязчиво проплывали около лица, нашёптывая одни и те же слова.

– Чёрт! – завизжала Вера. – Уйдите! Я уже дома, слышите?! Дома!

Пятна завибрировали и начали медленно таять. Чем бледнее они становились, тем тише звучали голоса.

Кто-то присвистнул за Вериной спиной. Девушка резко развернулась.

– Классно выглядишь, – подмигнул Олли. – Если бы не крылья, я бы даже под чарами нашей волшебницы не удержался. Уж очень кушать хочется.

Вера вскрикнула. Она хотела бежать без оглядки, но чёрные глаза парня, напряжённое тело, мелодичный голос и яркие красные губы не позволяли отступить.

– На себя лучше посмотри, – лукаво предложил вампир. – Мария, должен признать, ты молодец.

Мария сдержанно улыбнулась. Она хотела подойти к Вере, но девушка предупредительно вскинула руку и отступила.

– Не приближайтесь!

Паника, сквозящая в её голосе, была пропитана страхом и грозила обернуться истерикой. Вера вдруг отчётливо осознала, что всё происходит на самом деле. Что она не сумасшедшая, и эти люди не плод больного воображения. Они настоящие. И здесь, в новом мире, они стали ещё ярче и осязаемей. Как будто там, дома, Вера видела чёрно-белый сон, который здесь стал цветным.

Мария постарела ещё больше, её кожа приобрела новые морщины, тело похудело. Но при видимом увядании у Марии словно открылось второе дыхание. Женщина больше не горбилась, а стояла, гордо расправив плечи.

Огненные волосы Сары прямой линией заканчивались на уровне шеи. Вера видела веснушки на её детском лице. Сара была маленькой и походила на подростка с неуместными такой внешности умными зелёными глазами.

Пепельный и русый цвет волос Эвона не смешивались в равномерном оттенке, а имели строгие друг от друга границы. Синие глаза с вкраплениями голубого, губы шершавые, а аккуратные белые шрамы на запястьях настолько тонкие, что

создавалось впечатление, словно под кожей пропустили ниточку.

А внешность Олли вселяла ужас.

Реальность, так стремительно взорвавшая Верину жизнь, обезоруживала. Девушка не понимала, как себя вести, и полностью положилась на инстинкты.

– Не подходите! – снова повторила она, затравлено глядя на окружающих.

Эвон демонстративно медленно поднял вверх руки и сделал шаг по направлению к девушке.

– Вера, успокойся, всё хорошо.

Вера порывисто отступила.

– Нет, не хорошо! – возразила Вера. – Я хочу домой!

Она лихорадочно обшаривала взглядом землю, но в густой сочной траве не было видно ни одного камня или палки.

Эвон многозначительно посмотрел на Сару. Та кивнула.

В этот же момент что-то прихлынуло к Вериной голове. Руки и ноги девушки стали ватными, в глазах помутнело. А самой Вере стало совершенно всё равно, где она и что здесь делает. Единственное, что её по-прежнему волновало, был беспокойный зуд у лопаток.

Вера стянула олимпийку и водолазку. Фигуру девушки охватило слабое свечение. Вера обернулась, чтобы определить источник света, но он синхронно двигался вместе с ней. Спина больше не чесалась.

– Да что же это? – растерялась Вера.

Недалеко шумела вода. С трудом передвигая ноги, девушка пошла на звук. Высокая трава, усыпанная бусинками росы, прилипала к ногам. Запинаясь о вьюнки и кочки, Вера подошла к краю травяного ковра, вплотную подступившего к небольшой реке. Сильное течение обрывалось где-то за горизонтом.

Вера посмотрела на водную поверхность, пытаясь разглядеть своё отражение, и растерялась. Это она?

Гладкие каштановые волосы, отражая лучи замершего солнца, развиваются на ветру. Тонкие брови плавной изогнутой линией украшают карие глаза, обрамлённые густыми ресницами. На высоких скулах разлился румянец, даря молодому лицу детскую невинность. А нос настолько маленький и аккуратный, что и носом-то его не назовёшь, а скорее – носиком.

Стоп! А это что?! Вера ухватилась за верхний край ушной раковины, с ужасом ощущая её длинный заостренный кончик. Приплыли… И что ей теперь с этим делать?

Вера дотронулась до лица. Ощупывая каждый сантиметр щёк, губ и лба, она то и дело возвращалась к ушам. Тонкие пальцы настойчиво пытались найти доказательства того, что зрение

играет с ней злую шутку, но все попытки успокоить взволновавшийся мозг терпели неудачу.

В конце концов Вера улыбнулась. Всё не так плохо! Оказывается, каштановый цвет ей к лицу, а она всё никак не решалась изменить любимому блонду. Конечно, небольшой объем прическе бы не повредил, но и так, в целом, тоже неплохо. А удлиненная форма ушей гармонично сочетается с её новым портретом, и будь они короче, то было бы, пожалуй, что-то не то. Вот только что же это за свечение?

Вера развернулась на пол-оборота спиной к воде. Так-так, интересно. Она что, ангел? Вообще-то, насколько представляла Вера, у ангелов крылья большие и не светятся. А ещё они сделаны из перьев, белых или чёрных, что зависит от того, на чьей стороне это бесполое создание. А у Веры что? Непонятная прозрачная сеточка, переливающаяся всеми цветами радуги, и схожая по форме с крылышком стрекозы. Интересно, если на него подуть, получится пузырь?

Вера попыталась помахать новыми частями тела. Хм, совсем не сложно, только щекотно немножко. И свечение усиливается. Да уж, она не ангел. Вера эльф.

Девушка засмеялась. Обалдеть! Это что, всё по-настоящему? Она поворачивалась к воде то правым, то левым боком, пытаясь детально разглядеть свой новый образ, и злилась на сильное течение, искажающее изображение. Она эльфийка! Это что же получается, она теперь ещё и бессмертная что ли? Нужно проверить! Как? Вера не придумала ничего умнее кроме того, как кинуться в бурлящую воду и по мели пробираться в сторону водопада. Спрыгивать в обрыв самостоятельно было немного страшновато (совсем чуть-чуть!), и она наделась на то, что с приближением земного края река станет глубже и сама унесёт её к подмосткам смертельного аттракциона. Когда до цели оставалась пара десятков метров, а река расширилась, неведомая сила выбросила девушку в воздух и выкинула на берег.

Пока Вера переваривала случившееся, Олли сидел на берегу и ржал.

– Ты что там забыла? – недоумевал вампир. – В нашем мире есть более приятные места для купания. Ванна, например.

Необузданное веселье Олли задело Веру. Она вскочила и полезла на него с кулаками, чем вызвала ещё больший приступ идиотского хохота.

– Эй, полегче, – яростные удары под дых никак не влияли на Олли. – Я ведь и разозлиться могу.

Вера сдалась и обиженно шмыгнула носом.

– Не расстраивайся, – Эвон примирительно похлопал девушку

по плечу и подал одежду. – Даже мне нужно изрядно потрудиться, чтобы усмирить этого беса.

– Мне не холодно, – буркнула Вера, возвращая олимпийку и водолазку.

Эвон взял девушку за подбородок и посмотрел в глаза:

– Вера, послушай, это очень важно. Ты не должна так ходить.

Эвон замолчал, подбирая слова. Он окинул девушку беглым, слегка взволнованным взглядом.

– Никогда не показывай крылья. Если чужак увидит свечение, нам конец. Обнаружить твоё присутствие может только колдун, с огромным усилием – маг. Волшебник распознает тебя только на очень близком расстоянии. Но по крыльям тебя узнает любой простолюдин. И не стоит снимать капюшон, твои уши – ещё одна отличительная черта эльфов.

Вера оделась, не скрывая раздражения. То, что ей указывают в таких мелочах, задевало девушку, но Вера не могла не послушаться, потому как интуитивно доверяла Эвону. Чтобы оставить за собой хоть какое-то право выбора, Вера специально не застегнула олимпийку.

– Доволен?

Эвон подошёл к Вере и, не спуская с девушки изучающего взгляда, медленно застегнул молнию.

– Теперь да.

Вера вспыхнула от негодования, но Эвон примирительно произнёс:

– И Олли станет легче.

Вампир закатил глаза и махнул рукой. Затем кисло спросил:

– И что мы здесь делаем?

Вопрос адресовался Саре. По всем расчётам волшебница должна была телепортировать их в Сагенту. Но они оказались здесь, на Доброй горе. Сара помнила голос, настойчиво въевшийся в её сознание при чтении заклинания. Но волшебница и себе не могла обозначить его истоки и уж тем более объяснять кому-либо причины просчёта. Вместо этого волшебница язвительно заметила:

– Скажи спасибо, что мы вообще телепортировались.

– Сара права, – поддержала волшебницу Мария. – Мы имели все шансы остаться в том мире. А попасть в Сагенту из Аразана гораздо проще, чем из параллели.

Пока все рассуждали о том, как лучше добраться до портала – напрямую через Стал-Рейн, столицу Аразана, или в обход, потеряв при этом сутки, – Вера прислушивалась к какому-то стону. Она не одна его уловила – Олли тоже насторожился.

Вампир метнулся к источнику звука быстрее Веры, и девушка

поспела за ним в тот самый момент, когда Олли поднял за ворот рубахи обмякшее тело.

– Нет!

Вера неправильно расценила действия Олли. Его позабавила такая реакция, и для пущей театральности он выпустил клыки.

– Отпусти его! – грозно потребовала Вера.

Вампир покосился на девушку и улыбнулся:

– Да пожалуйста.

Вадим рухнул на землю, словно куль, и вяло застонал.

– Придурок, – тихо сказала Олли Вера и села на корточки рядом с Вадиком. Она принялась трясти его за грудки и осторожно хлопала по щекам, пытаясь привести в чувство.

Эвон наблюдал за девушкой и невольно задумался о том, что могло сблизить её и этого никчёмного молодого человека. Конечно, Эвон плохо знал Веру, но интуиция подсказывала ему, что Вера далеко неглупая сформировавшаяся личность. А вот этот Вадим… Эвон судил о парне предвзято, но, вероятно, справедливо.

Вера добилась результата: Вадик открыл глаза. Девушка воспряла.

– Вадик! Вадик! – Вера ещё яростней затрясла Вадима за грудки, пытаясь окончательно привести парня в чувство. Но Вадим по-прежнему был пьян и с трудом фокусировал взгляд. – Вадя! Посмотри на меня! Вадим!

Бесполезно. Если Вадик на что и мог реагировать, так это туманные пятна, витающие над его головой.

Вера разозлилась.

– Вадик! – она наградила парня звонкой оплеухой. Словно взбесившись, Вера снова и снова лупила Вадима по щекам, раздражаясь тому, что он никак не реагирует на её выпады, а лишь вяло моргает и неуклюжими движениями пытается разогнать витающие над макушкой привидения.

– Вера, перестань, – Эвон перехватил её руку.

Девушка сверкнула глазами, но тут же успокоилась. Вадим неожиданно пробудил в ней чувство презрения.

– Жалко стало?

Эвон промолчал. Вера обиженно посмотрела на лежащего парня и прокричала прямо ему в лицо:

– Я эльф!

Когда и это не подействовало, девушка встала и пошла к одинокому дереву, всем видом давая понять, что больше ни с кем не намерена разговаривать.

– И что нам с ним делать? – в никуда спросила Мария.

– Отдайте его мне, – хищно оскалился Олли.

– Нет, – отрезала Вера и поджала губы. Её сердитое личико казалось детским и от того особенно милым. Шумная листва кидала на её глаза неверные блики. – Без него я никуда не пойду. Ясно?

Азарт вампира испарился.

– Сколько будет действовать твоё заклинание? – спросил он у Сары.

Волшебница ненадолго задумалась.

– Около часа. Этого времени тебе хватит, чтобы добраться до замка.

– Вы уверены, что справитесь без меня?

Эвон одобрительно похлопал Олли по плечу.

– Ты выполнил условия договора. Возвращайся в Ильгинтон и продолжай нести службу. Скоро затишье, и твои силы понадобятся там.

Вампир коротко поклонился и побежал на запад. Вера смотрела ему вслед, раскрыв от удивления рот. Олли исчез за горизонтом через несколько секунд. Весь местный ландшафт представлял собой огромную долину, одетую в травяную шубу.

– Пойдём в обход, – решил Эвон. – В мире могли произойти перемены, о которых мы не знаем.

Сара согласилась.

Мария молчала.

– Мария? – позвал Эвон.

Женщина не реагировала. Её затуманенный взгляд перебегал то на Веру, устало присевшую у могучего дерева, то на Эвона.

– Мария, вы в порядке? – забеспокоился Эвон.

– Всё хорошо, – заверила она. – Идём в обход.

Эвон подал Вере руку. Она поколебалась, но потом протянула свою ладошку. Эвон обхватил тонкое запястье и почувствовал укол совести за то, что они сняли с Веры блок – девушка выглядела потерянно и устало. А потом он подумал, что совестно ему должно быть совсем за другое.

Им всем должно быть совестно.

Кое-как справившись с курткой, которую Вера всё равно расстегнула, и та то и дело сползала с плеч, девушка капризно заметила:

– Не мешало бы и поесть.

В животе заурчало, и чувство голода обострилось.

– Что ж, если вам нечего предложить…

Вера вздохнула и достала последнюю сигарету.

– Будешь? – спросила она у Эвона и прикурила.

Вера сделала несколько затяжек и закашлялась.

– Какая гадость, – поморщилась Вера и отдала сигарету Эвону.

Эвон усмехнулся и выбросил тлеющий окурок.

– В нашем мире табака нет. Ты не сможешь получить от этой отравы удовольствие, как раньше.

Они шли по склону уже несколько часов. Осока поредела и стала жёлтой, на земле появились булыжники.

Сара была не в духе. Мало того, что она потратила уйму сил на телепортацию и защитное заклинание для Олли, так теперь ещё и этого Вадима приходилось практически на себе тащить. А по-другому и не скажешь – заклинание, которое волшебница применила, чтобы тело парня висело в воздухе и плыло за ними, было весьма трудоёмким.

Сара отчаянно пыталась понять, что заставило остальных пойти на поводу у Наследницы. Они сделали самое главное: Вера здесь, в их мире. Теперь важно только одно: уберечь её до освобождения энергии. И наплевать на этого парня и капризы несчастной девчонки. По мнению Сары, намного проще и безопасней было окутать перемещающим заклинанием не парня, а Веру.

Конечно, волшебнице было жалко Наследницу. В конце концов Сара не монстр какой-то. Девочка одна с незнакомыми людьми в чужом мире. Наверное, если бы Сара оказалась на её месте, то она тоже ни за что бы не оставила единственного родного здесь человека. Но Сара ничего не могла поделать с агрессивным чувством, которое заставляло её мыслить логически и вытесняло последние капли сочувствия.

А вот Мария, в отличие от Сары, понимала, почему Эвон уступил Вере. И от чего у волшебницы такое скверное настроение, тоже знала. Сара действовала на уровне интуиции, а Мария – видела. Видела связь, которая ещё только зарождалась в отношениях Эвона и Веры. Но это волновало предсказательницу в последнюю очередь. Её занимало другое: ауры Эвона и Наследницы постоянно менялись. Раньше Мария не встречала ничего подобного, а потому не могла объяснить причину этого явления. Она лишь надеялась, что магия горы каким-то образом повлияла на её дар, и когда они сойдут к подножию, всё встанет на свои места.

Внезапно Сара остановилась.

– Я чувствую чужую силу.

Волшебница сделала плавное движение рукой, и Вадим опустился на землю.

– Чёрный маг, возможно, колдун.

Эвон нахмурился.

– Ты уверена?

– Да. Он идет нам навстречу.

– Откуда он взялся? – забеспокоилась Мария. – Совпадение?

Эвон молчал. Словно огромная статуя, он замер и долго всматривался в даль. Когда на горизонте появилась крошечная фигурка, он немного расслабился.

– Один, – констатировал Эвон. – Будем ждать.

Мария недовольно поджала губы, и парень пояснил:

– Гора занимает огромную территорию. То, что какой-нибудь самонадеянный маг решил словить кайф, я допустить могу. Но то, что он идёт прямо на нас, не может быть совпадением.

– А если это враг? – предположила Мария.

– Враги нападают сзади, – возразил Эвон, – этот человек идёт с миром.

Фигурка стремительно увеличивалась. Вера разглядела, что к ним спешила девушка. Среднего роста, плотного телосложения, она почти бежала им навстречу, хромая на правую ногу. Когда незнакомка оказалась в зоне хорошей видимости, Вера решила, что она ровесница Эвону.

Сара и Эвон переглянулись.

– Руфина, что ты здесь делаешь? – недоверчиво поинтересовалась Сара, когда незнакомка остановилась.

От быстрого движения Руфина запыхалась. Стерев тыльной стороной ладони со лба капельки пота, она заправила за ухо прядь жидких светлых волос.

– Какое счастье, что я нашла вас! – грудь девушки тяжело поднималась под складками коричневого пуловера. – Вы не должны возвращаться в Сагенту!

Эвон внимательно изучал Руфину, от чего та почувствовала неловкость. Переминаясь с ноги на ногу, девушка потупила взгляд.

– По-твоему, мы должны сидеть здесь? – холодно поинтересовался он.

Руфина вздрогнула:

– Эвон! Туда нельзя! Биртон переполнен приспешниками!

Эвон прищурился. Внутренняя сдержанность сделала его глаза прозрачными.

– Граница Сагенты неприкосновенна для фанатиков.

Девушка замотала головой.

– Теперь нет. Золан и Аилин обвенчались. Юридически Тиркита больше не существует, законы не урегулированы. В Биртоне вы будете не в большей безопасности, чем здесь.

Сара и Эвон снова переглянулись.

– Ты лжёшь, – отрезала волшебница. – Аилин нет двадцати.

– Да, – не растерялась Руфина, – но правитель Тиркита заявил, что благословляет брак своей дочери. А кроме возраста, у Аилин никаких препятствий для венчания не было. Ты сама знаешь, как этот союз важен для Сагенты.

– Только не сейчас, – возразил Эвон.

Вере стало любопытно:

– Кто такой Золан? – проговорила она невнятно, запинаясь на каждом слоге.

Брови Руфины поползли вверх:

– Почему вы не поставили ей блок? – искренне удивилась она.

– Зато себе ты его поставила, – парировала Сара.

Руфина вспыхнула.

– Я не могла рисковать, – оправдалась она.

Сара закусила губу:

– Почему мы должны тебе верить?

– Она нарушила клятву, – Мария, молчавшая до сих пор, подошла к Руфине и ласково погладила её по плечу. – Ведьма, решившая вернуть душу, применила магию. И сократила свои шансы во сто крат. Для того, чтобы предупредить нас.

Руфина направила на женщину благодарный взгляд и умоляюще произнесла:

– Эвон, прошу тебя, разреши мне помочь вам.

Эвон колебался. Вера втайне залюбовалась строгими очертаниями его носа и скул, плотно сомкнутыми губами.

– У тебя есть оружие? – спросил он.

Глаза Руфины загорелись, и она с готовностью ответила:

– У подножия я организовала тайник. Тем, что в нём находится, можно вооружить целый отряд патрульных.

– Ты отведёшь нас туда. Но учти, – Эвон схватил Руфину за горло и приподнял. Девушка едва касалась земли. – Если это ловушка, я отделю твою маленькую головку от тела одним движением.

Глаза Руфины наполнились ужасом. Вероятно, она представила угрозу Эвона. Парень отпустил руку, и ведьма схватилась за горло. На раскрасневшейся коже были видны белые следы от пальцев Эвона.

Откашлявшись, Руфина махнула пухлой рукой на юго-запад:

– Туда, это совсем близко.

Руфина, припрыгивая, шла по узкой тропе. За ней – Сара. Вадим без сознания висел в воздухе, его расслабленное тело плавно следовало за волшебницей. Мария шла в нескольких метрах впереди Веры, Эвон замыкал колонну.

Когда перешли перевал, Вера остановилась. Эвон осторожно подтолкнул девушку вперёд, давая понять, что нужно идти. Вера в замешательстве продолжила движение, удивлённо взирая на открывшуюся картину.

В нескольких километрах от подножия раскинулся огромный город. Высотные здания терялись в небе, от искусственного освещения мегаполис казался белым. Перемещаясь поступательными движениями, в воздухе постоянно что-то двигалось. Размах цивилизации завораживал.

– Впечатляет? – поинтересовался Эвон.

Вера обернулась.

– Это Сагента?

– Нет. Этот город носит название Стал-Рейн. Это столица соседнего с Сагентой государства.

– Какого?

– Аразан. Здесь преобладает горная местность, основное население – гномы. Поэтому в народе Аразан чаще называют страной коротышек.

Девушка усмехнулась. Подумать только! Развитый параллельный мир! Конечно, представлять, что другие миры обязательно должны отставать в развитии, было глупо. Но Вера даже не допускала мысли нарисовать в своём воображении подобную картинку! Огромные небоскрёбы и развитая промышленность…Это производило сильное впечатление.

Когда Вера спустилась с горы, сознание прояснилось.

Руфина неуклюже отодвинула толстую гнилую корягу. Копошась и бормоча что-то под нос, она с огромным трудом вытащила из земляной ямы маленькую, но увесистую сумку.

Эвон раскрыл её и оценивающе изучил содержимое тайника. Его губ коснулась едва заметная улыбка:

– С каких пор ты стала разбираться в оружии?

Руфина выпрямилась и гордо произнесла:

– Когда вы телепортировались, я сочла полезным поработать с военными сайтами.

Сара с любопытством заглянула внутрь сумки. Девушка выудила крошечный серебристый жезл с круглой кнопкой на корпусе и, оценивающе повертев его в руках, удовлетворённо хмыкнула:

– Папа всегда говорил, что это исключительно женская модель. Интересно, он знает, сколько весит эта малютка?

В отличие от Сары, Эвон не ограничился одной моделью. В карманах его джинсов поместилось сразу несколько видов оружия. Вера не переставала удивляться странной форме пистолетов, самый маленький из которых был размером с

флешку. Когда в ладони Эвона оказался знакомый Вере пистолет, он протянул его девушке:

– Возьми. У него нет отдачи, но принцип работы такой же, что и у ваших огнестрелок. И застегни куртку.

Вера приняла пистолет и поспешно застегнула молнию. Эвон сложил в сумку оставшиеся жезлы.

– Какая обстановка в городе?

Ведьма расстроенно призналась:

– Не многим лучше, чем в Биртоне. Но здесь у нас есть преимущество, никто не ждёт Наследницу в Стал-Рейне.

– Ты права, – согласилась Мария. – Но рано или поздно нас вычислят. В рядах приспешников есть колдуны, и они, без сомненья, уже знают, что Наследница телепортировалась.

– Но они смогут сделать это, если только Вера надолго где-то задержится, – рассудил Эвон, одевая сумку на плечо. – Нам нельзя сидеть на одном месте.

– Руфина, у тебя есть проблемы с властями? – спросила Мария.

Девушка захлопала глазами.

– Кроме того, что я ведьма, нет.

– Хорошо. Мы отправимся к тебе и обсудим, что делать дальше.

– Вряд ли это хорошая идея, – возразила Сара.

Но Руфина настаивала:

– Вечереет. В это время приспешники митингуют, на улицах опасно. А в пригородах устраивают уличные бои. К тому же вам нужно отдохнуть.

Девушка помолчала и многозначительно добавила:

– Пойми, Сара, я не враг.

Волшебница недовольно поджала губы, но промолчала. Руфина торопливо отодвинула ещё одно бревно и достала чёрный полиэтиленовый пакет. Из него ведьма вытащила шесть увесистых кожаных плащей с капюшонами.

Повисла неловкая тишина.

– Молодец, девочка, – Мария подбодрила Руфу ласковым словом и приняла один из плащей. – Ну, что стоите? – строго спросила она. – Мне-то, надеюсь, вы ещё верите? Аура этой девочки чиста.

Плащи, которые достала Руфина, были фирменной одеждой приспешников. Эвон изначально понял уловку ведьмы, но, как и Сара, не мог до конца довериться Руфине. Ведьмам нельзя верить.

Сара наотрез отказалась облачать Вадима в плащ, и Вере пришлось попыхтеть. Когда тяжелая кожа в очередной раз сползла с угловатых плеч, Эвон наотмашь сам завернул Вадика в

плащ. Вадим, в отличие от Олли, на которого был рассчитан плащ, был высоким, но худым. Тяжёлое одеяние повисло на нём, как на вешалке.

– Нам нужен транспорт, – рассудила Сара.

– Я знала, что мой тарантас обязательно сгодится! – воспряла Руфина. – Правда, он не в лучшем состоянии, но всё равно лучше, чем ничего!

Тарантасом оказался легковой авто. Аккуратные габариты машины сложно сопоставлялись с внешностью её владелицы.

Руфина села за руль. Машина ласково заурчала и плавно двинулась с места. Вера ойкнула, когда поняла, что машина поднялась в воздух. Какие ещё сюрпризы её поджидают? Между тем чудо-тарантас набрал скорость, и городские огни стали стремительно приближаться.

Движущимися объектами, которые Вера заметила ещё с горы, оказались автомобили. Вертикально воздушная трасса Стал-Рейна была разделена на несколько уровней, верхний из которых был восьмым по счёту. На каждом уровне вдоль проезжей части располагались тротуарные дорожки. Между уровнями они соединялись лестницами из белого мрамора, повторяющихся через каждые двести метров. Перейти с одной стороны улицы на другую можно было по аккуратным мостикам, плавной дугой размещённых прямо над трассами.

Огромные небоскрёбы представляли собой стеклянные коробки, рассечённые металлической конструкцией на прямоугольники и квадраты. Уровни разделяли их на секции и, чем выше находился квартал, тем чище был фасад зданий. После восьмого уровня небоскрёбы терялись в небе, и Вере было сложно судить, насколько они огромны, так как она не видела последнего этажа.

Машина медленно передвигалась по шестому уровню: в городе был час-пик. На тротуарах то и дело появлялись люди в чёрных плащах. Большинство спокойно шли по своим делам, но некоторые дебатировали, интенсивно жестикулируя.

Перед перекрестком впереди идущий авто замедлил ход.

– Патрульные! – запаниковала Сара.

– Не дёргайся, – процедила ведьма и кивнула подошедшему к машине смуглому гному.

– Добрый день, офицер, – Руфина кокетливо улыбнулась. – Мы нарушили скоростной режим?

Патрульный не оценил шутку.

– Ваши документы, – официальным тоном потребовал он. Губы гнома терялись в зарослях густой чёрной бороды.

Руфина открыла бардачок и, по-прежнему мило улыбаясь,

подала несколько маленьких чипов. Офицер вставил чипы в миниатюрное устройство, похожее на кардридер, и перед ним возник плоский мерцающий экран диаметром в пятьдесят дюймов.

Пока патрульный изучал предоставленную информацию, Руфина без умолку болтала:

– Какое счастье снова оказаться в Стал-Рейне! Сагента переполнена беженцами! А ожидание Наследника просто поставило всех на уши! Президиум принял правильное решение, когда запретил миграцию в Аразан. Вы бы знали, каких трудов моим родственникам стоили визы! Тётушка постарела на несколько лет за какой-то месяц.

Патрульный хмуро посмотрел на Марию.

– Документы, – сухо повторил он, возвращая Руфине чипы.

Мария крякнула.

– Сынок, моя племянница как раз пыталась вам сказать, что на границе на нас напала группа беспризорников с даром. И куда только смотрят власти, развели полный бардак! – Мария осуждающе покачала головой. – С документами мы лишились всех своих вещей и сбережений. Если бы Руфина не встречала нас, то нам сутки пришлось бы идти пешком до Стал-Рейна.

Коротышка пристально всех осмотрел. Под его колючим взглядом Вера почувствовала себя неловко.

– Цель приезда?

– Ох, – чуть ли не плача запричитала предсказательница, – мой младший сын сильно болен. Колдуны Аразана наша последняя надежа.

На сиденье пошевелился и слабо застонал Вадим. Сара, скрывая довольную улыбку, вежливо попросила:

– Офицер, прошу вас, каждая минута для брата может стать последней.

Патрульный смягчился:

– Назовите ваши данные и пункт назначения.

Мария назвала выдуманные имена и какой-то адрес. Руфина нетерпеливо спросила:

– Мы можем ехать?

Офицер кивнул и предупредил:

– Информация будет проверена.

Под ворчание ведьмы проехали ещё один перекресток и спустились на второй уровень. Плотность движения здесь была ниже, и ведьма прибавила скорость. Машина сворачивала несколько раз, и после очередного поворота выехала на первый уровень. Здесь было грязно и мрачно. Под натиском гигантских зданий Вера чувствовала себя букашкой.

Руфина заглушила мотор. На улице воздух был спёртым и влажным.

– Дальше пешком, – виновато сказала Руфа.

Эвон перекинул Вадима через плечо, словно парень ничего не весил, и все последовали за Руфиной. Шаги эхом разносились по кварталу. Редкие прохожие бросали на путников косые взгляды, но их интерес к небольшой компании приспешников быстро улетучивался.

Вадим снова застонал.

– Могли бы хотя бы этому блок поставить, – пробубнила Руфина.

– Не парься, – недовольно сказала Сара. – Это моё дело.

Руфину задел упрёк волшебницы, но она не подала вида.

Дорога вывела к небольшому магазину. За мутными окнами виднелись пучки сушёной травы и маленькие куклы Вуду. Вера прочитала вывеску: «Колдовская Лавка».

– В бизнес решила податься? – не скрывая иронии, поинтересовалась Сара.

Руфа равнодушно пожала плечами:

– Должна же я на что-то жить.

Ведьма открыла тяжёлую дверь. Звякнул колокольчик. Оказавшись внутри маленького помещения, Вера увидела бесчисленное количество полок, на которых располагались баночки с различного цвета порошками. Ещё здесь были тряпичные куклы, лоскуты тканей, кинжалы и засушенные насекомые. Для каждой вещи – своя полка.

По крутой лестнице спустились вниз. За скрипучей дверью скрывалась комната. Она была тёплой и уютной.

Ведьма пригласила гостей за круглый стол:

– Вы, должно быть, проголодались. Я сделаю чай.

Пока хозяйка звенела посудой, Эвон в задумчивости скрестил на груди руки.

– Что скажешь, Мария? Все части головоломки сошлись?

В уголках глаз предсказательницы легли морщинки:

– У него могли быть иные мотивы ускорить венчание.

– Возможно. Я не хочу видеть в Золане предателя, – в голосе Эвона сквозила боль. – Только факты говорят об обратном. Золан входит в круг верховных магов. Он мог дать Кристиану яд. И подстраховаться в случае неудачи, женившись на Аилин. Мы бы вернулись в Биртон и оказались в лапах приспешников. Вера была бы мертва, а к Золану не указывала бы ни одна ниточка. Он мог перехитрить верховных магов.

Руфина поставила на стол чашки и разогретые круасаны.

– Я считаю, что вы неправы, – заявила Сара. – Золан получил

титул верховного мага после венчания. И именно поэтому ускорил помолвку: он всегда был жадным до власти. Кроме того, Золан привык жить одним днём, и лишь по этой причине не просчитал последствий своего поступка.

– Возможно, ты права, – Эвон грел руки о чашку с чаем. – Но, если предположить, что Золан всё же предал нас, он с лёгкостью мог использовать запрещённое заклинание ещё до получения титула. Предателю закон чужд.

Вера жевала тёплый круасан, и её терпение испарялось всё быстрей. В конце концов она проглотила непрожёванное толком угощенье и раздраженно заявила:

– Всё, с меня хватит.

Увлечённые разговором окружающие удивлённо посмотрели на девушку.

– Что? – не унималась Вера. – Чего уставились? Или вы думаете, я буду плясать под ваши песни? Из-за вас я нахожусь чёрт знает где. И, представляете, хочу знать, что происходит. О чём вы толкуете?

Вера удивилась своей решимости. Странное состояние, в котором она пребывала на горе, прошло, оставив после себя размытый след тревожного смирения. Девушка хотела держать свою жизнь под контролем, но из-за отсутствия информации это было невозможно. То, что она в параллельном мире, Вера понимала, и даже краткую историю этого мира она знала.

Но это – о мире. А о себе? Что её ждёт? Вера должна выполнить сногсшибательную миссию, но каким образом, не понимала. Поэтому, чтобы задать самый тревожный для себя вопрос, девушка решила зайти с тыла.

– Что ты хочешь узнать? – ровно спросил Эвон.

– Всё, – решительно заявила Вера. – Кто такой Золан? Кто она? – Вера показала на Руфу. – Аилин? Что это за место?

Вера засыпала вопросами. Их было множество, и чем больше она спрашивала, не давая при этом отвечать, тем сильнее нервничала.

– Что я должна сделать? – на взводе выпалила Вера.

Губы девушки задрожали, глаза наполнились едва сдерживаемыми слезами.

– Тише-тише, – поспешила успокоить Веру Мария. Она обняла девушку за плечи и подала Руфе знак. Та снова загремела посудой и насыпала в Верину чашку порошок.

– Что это? – всхлипнула Вера.

– Мята.

Вера принялась нервными глотками пить чай.

– Она знает? – украдкой поинтересовалась ведьма.

– Не всё, – уклончиво ответил Эвон.

Ведьма осуждающе покачала головой. Дождавшись, пока у Веры перестанут вздрагивать плечи, Эвон тихо заговорил:

– Золан – мой брат, правитель Сагенты. Он женился на Аилин, принцессе маленького, но значимого для Сагенты соседнего государства. Оно настолько мало, что представлено одним мегаполисом – Тиркитом. Собственно, отсюда и название самой страны.

Объединение наших стран – важный стратегический шаг для обоих государств. В Тирките есть ископаемые, у Сагенты – сила. Но дело в том, что на территории Тиркита, в отличие от Сагенты, действует безвизовая система, в том числе её границы открыты для приспешников. Поэтому сейчас Биртон для тебя опасен.

– А Биртон…

– Это столица Сагенты, – пояснил Эвон.

Вера задумалась. Она понемногу прояснила обстоятельства и теперь чувствовала себя увереннее.

– Из-за этого вы считаете, что Кристиан – человек твоего брата?

– Они считают, – уточнила Сара. – Я же убеждена, что Золан попросту дорвался до власти.

Сара хотела продолжить свою мысль, но Вера перебила волшебницу.

– А портал, про который вы говорите?

– Портал, – раздражённо продолжила Сара, – это своеобразный коридор. Переход из точки в точку. В Стал-Рейне, то есть здесь, он располагается на самой окраине города в одной из пещер. Через него мы попадем к границе Биртона.

Руфа – наша давняя знакомая. Ведьма.

Тебе делать ничего не надо. Когда энергия освободится от шара, она сама найдёт тебя. Пройдя через твоё тело, магия снова возвратится в шар. Вот и всё. Сейчас наша задача – не дать приспешникам заграбастать тебя. Ясно?

Сара говорила много и сбивчиво, стараясь предугадать возможные вопросы. Она находилась в возбуждённом состоянии и ходила из угла в угол. Чтобы поставить точку в тягостном объяснении, она добавила:

– Попадёшь в лапы к приспешникам, тебя убьют. Тогда магия разольётся по свету и грянет хаос. Поэтому, будь добра, перевари услышанное и помолчи. Мы теряем время.

Вера вздрогнула. Но довольная уже тем, что ей рассказали, Вера решила, что вернётся к вопросам чуть позже.

– Эвон, мы должны быть в Биртоне! – продолжала настаивать волшебница.

– Нельзя рисковать.

– И что ты предлагаешь? Скитаться по переулкам во время затишья? Вампиры не тронут Наследницу, а вот мы с вами в список неприкасаемых не входим.

Мария многозначительно посмотрела на Сару, и та стиснула зубы.

– Хорошо, – Сара сложила на груди руки. – С помощью портала мы отправимся прямо в резиденцию. Минуем улицы Биртона. Довольны?

– На резиденции волшебный блок, – возразил Эвон. – Туда нет входа через портал.

– Я пробью его, – уверенно заявила Сара.

Мария недовольно прищурилась:

– Это преступленье. Ты можешь поплатиться даром.

– И всё же это лучше, чем оказаться на улице во время затишья. Или вы наивно полагаете, что мы сможем просидеть сорок часов в одном месте незамеченными? В резиденции у Золана связаны руки, он ничего не сможет сделать. А маги пусть решают, предатель он или нет. Если наши подозрения относительно него верны, мне ничего не грозит.

– А если нет?

Сара пожала плечами:

– Мы сделаем всё возможное, чтобы обезопасить Веру. Предатель – верховный маг. Если это не Золан, круг подозреваемых уменьшится на одного. Его всё равно найдут.

– А вампиры? – спросила Руфина, повторно разливая по чашкам чай. – В резиденции предатель, а это значит, что и кто-то из слуг, без сомненья, уже разделил его точку зрения. Вы не сможете вычислить всех, и однажды кто-то пригласит демона в дом.

Все уставились на ведьму в немом вопросе. Руфина замерла, а потом раскрыла рот и хлопнула себя по лбу.

– У меня совсем вылетело это из головы. – Она села за стол. – Тёмная раса на стороне протестующих.

Наступила гробовая тишина. Руфина сжалась под тяжёлым взглядом Эвона.

– Вампиры заодно с приспешниками, а у тебя вылетело это из головы? – прорычал он и грохнул кулаком по столу. Брякнули чашки. – Ты хоть понимаешь, что это значит? О чём мы вообще толкуем?!

– Она понимает, – Мария коснулась руки Эвона. – Мы тоже.

Вера испугалась порыва Эвона.

– И что это значит? – осторожно спросила она.

– То, что теперь нам некуда идти. Мы в тупике.

Глава 5

– Должен быть какой-то выход, – выдохнула Сара.

Волшебница нарушила затянувшееся молчание. Последняя новость, сообщённая Руфиной, выбила у всех почву из-под ног.

Руфа кашлянула. Её брови сошлись на переносице.

– Он есть, – ведьма подула на чай. – Вам нужно туда, куда нет доступа тёмной расе.

Сара раскрыла рот. Она повертела у виска и назвала ведьму сумасшедшей, но Эвон попросил волшебницу замолчать.

– Продолжай, – велел он.

Руфа поставила чашку с чаем на стол.

– На Святой Земле вы будете в безопасности. Это дом эльфов. Земля добра и красоты. Она не пускает тех, у кого нет души. Только нога избранных может вступить туда. Через портал вы попадёте к границе. Препятствия должны пройти сами.

– Если мы и преодолеем реку молчания, – Сара усмехнулась, – то в долине точно сгинем. А она? – волшебница показала на Веру. – Она не безгрешна, слаба. Река проглотит её. Нет больше прежних эльфов, ведьма. Прекрасных и чистых. Параллельный мир исковеркал души.

– Я помогу ей. И вам.

Руфина подошла к белоснежному навесному шкафу. Она открыла дверцу и достала флакончик с малиновой жидкостью.

– Я потратила много сил, чтобы наколдовать зелье. Я работала с тех самых пор, как вампиры изменили свою позицию. Иного выхода нет. Вы тоже должны это понимать.

Ведьма поставила пузырёк на стол.

– Что это? – Эвон взял флакон в руки.

– Это зелье дышит энергией. Оно увеличит вашу силу и терпенье, уменьшит боль.

– Сколько его у тебя?

Ведьма достала из шкафа ещё семь пузырьков.

– Магия, творящая зелье, тяжёлая и опасная. Я почти не спала.

Руфина собрала баночки и сложила их в холщовый мешок.

– Вот, – она протянула мешок Эвону. – Это всё, что у меня есть.

Эвон взял мешок и протянул один флакончик Саре. Девушка подкинула его вверх, и пузырёк застыл в воздухе. Волшебница направила на зелье луч света.

– Чисто, – констатировала она, забирая флакон. Руфа фыркнула.

Эвон благодарно кивнул ведьме.

– Возможно, то, что ты сделала, быстрее вернет тебе душу, чем отказ от магии.

Девушка криво улыбнулась.

– Отдохните, впереди тяжёлый путь.

Вера уснула сразу, едва голова коснулась подушки. Она расположилась рядом с Вадиком на краешке узкой софы. Молодой человек ещё не приходил в себя, он нервно подёргивался во сне и бормотал что-то невнятное.

Мария расположилась в удобном глубоком кресле. Предсказательница укрылась мягкой шалью и задремала.

А Сара решительно заявила, что не хочет спать. Эвону пришлось взять её хитростью: молодой человек сказал, что разбудит волшебницу через три часа, чтобы та сменила его. Эвон не решался полностью положиться на Руфину и хотел держать ситуацию под полным контролем. Один из их группы должен бодрствовать. К тому же, ему всё равно не уснуть. Эвон устал, но новые правила, непонятные и неправильные, выбили его из равновесия.

С самого начала этого пути они только и делали, что преодоляли препятствия. На зло судьбе они шли к общей цели, и вот на финишной прямой снова оказались на старте.

– Как ты думаешь, – обратился он к Руфе, устало присев за прилавок, – кто-нибудь доходил до Святой Земли?

Ведьма усердно растирала в ступке какой-то порошок.

– Не знаю, Эвон. Даже если кто и доходил, мы об этом никогда бы не услышали. Вряд ли тот счастливчик решил бы вернуться.

Руфина чувствовала, что Эвон ещё сомневается в правильности принятого решения. В её голове эхом гремели слова Сары, которые она говорила Эвону, когда все уснули. Они не видели Руфу.

– Эвон, ты сумасшедший! – громким шёпотом возмущалась волшебница. – Ты полагаешься на слова и предположения ведьмы! Она изменилась, изменилась навсегда! Мы не виделись девять лет, а ты так легко пошёл на поводу. А если это ловушка?

Тогда Эвон возразил, сказав, что доверяет не Руфе, а Марии.

Руфа высыпала получившуюся пыль в колбу. По сути ведьме было всё равно, какого мнения о ней Сара. Все Руфины мысли и желания были сконцентрированы на одном: ей жизненно необходимо услышать, что Эвон простил её. Руфа прекрасно понимала, что никогда не сможет вернуть утраченного доверия, но прощение… Руфа уже давно себе призналась, что ввязалась в это дело не ради всеобщего блага, а из-за собственного эгоизма.

Она снилась ведьме каждую ночь. Девушка с длинными чёрными, как воронье крыло, волосами. Сначала Руфа подумала, что это совпадение – видеть один и тот же сон несколько ночей подряд для ведьмы не редкость. Но когда размытая, словно в тумане, картинка превратилась в чёткий навязчивый образ, Руфина поняла, что это неспроста.

Её имени она не знала, девушка не представлялась. Приходя в Руфины сны, она просто молчала и улыбалась. А когда впервые спустя несколько недель назвала ведьму по имени, Руфа испугалась. Такого нежного певучего голоса у простолюдина быть не может. Её незваная ночная гостья была вампиром. Руфа знала, что у некоторых представителей тёмной расы есть особые способности, но никогда не думала, что однажды испытает их на себе.

А вампирша перестала молчать. Теперь каждую ночь она пересказывала Руфину жизнь. Благодаря ночной гостье ведьма вспоминала даже то, что давно было забыто. В потоке шёлковых слов Руфа словно видела себя со стороны. И когда вампирша коснулась самого больного, Руфа в очередной раз отчётливо осознала, какую непростительную ошибку однажды совершила.

В тот вечер она продала свою душу. Такова цена за дар мертвеца. Руфа очень хотела быть такой же, как её друзья – Сара и Эвон. Но они были волшебниками, а она – нет.

Простолюдинам запрещалось общаться с придворными детьми. Поэтому, чтобы видеться с друзьями, Руфе приходилось пользоваться лабиринтами городской канализации. Девочка не брезговала подземными ходами, стойко переносила отвратные запахи и не боялась крыс. Общение с друзьями того стоило.

Они виделись раз в неделю по субботам. Каждый раз, когда Руфа высовывалась из люка, её уже ждали.

Руфа любила слушать захватывающие истории о приключениях волшебников и уплетать свежеиспечённые рогалики. А если ночь выдавалась светлой, Сара даже показывала девочке фокусы с волшебным огнём. Тогда Руфа непременно начинала хлопать в ладоши, настолько сильным был её восторг. Девочке казалась, что она стала героиней волшебной сказки, которая была её тайной мечтой.

А когда истории про волшебников заканчивались и мешок с рогаликами пустел, Руфа пересказывала друзьям, как провела очередную, ничем не примечательную неделю своей жизни. Она чувствовала, что Саре её рассказы совсем неинтересны и даже неприятны – волшебница хорошо знала бродяжническую жизнь за стенами резиденции. А вот глаза Эвона загорались. Мальчик слушал Руфу с неподдельным любопытством, обязательно

выуживал все детали. И хотя Руфа не понимала, чего интересного может быть в том, чтобы в очередной раз слинять от патрульных с украденной курицей или тайком прятаться от дождя на закрытой парковке, она охотно делилась с другом своими злоключениями.

Так они и жили. Сара приходила на встречи, чтобы похвастаться своими достижениями, Эвон – чтобы лучше узнать о жизни вне резиденции и побаловать Руфу сказками и выпечкой.

А когда Эвону исполнилось четырнадцать, он сам стал приходить к Руфине. При достижении этого возраста юные дарования имеют право покидать пределы резиденции. Главное – не забывать каждые три часа отмечаться в опознавательной сфере у центрального входа.

Руфа знала, что даже за это право Эвону пришлось побороться. Отец не хотел приравнивать мальчика к обычным придворным волшебникам. Эвон старший сын семьи и наследник престола. Ценный трофей для любого врага. Тем не менее Эвон отстоял свои права, и теперь они с Руфой проказничали вместе. Эвон – удовольствия ради, Руфа – за сытый желудок. Она была как никогда довольна жизнью, ведь после уроков выживания, наглядно демонстрированных Эвону, у девочки хватало еды на целых три дня.

Через год к ним присоединилась Сара. Волшебница не оценила увлечения Эвона. И всё же не отходила от него ни на шаг. Кроме того, Сара давала ценные советы и прикрывала их спины.

Той ночью шёл дождь. Сильный. Ледяной. Руфе приходилось стойко терпеть его хлёсткие удары, потому что тогда она осталась без крыши над головой.

В разгар непогоды к девушке подошел рыжебородый старик. Его костлявое тельце было одето в лохмотья, старик был слабым и неприятным. Типичный житель городских трущоб нижних уровней. При взгляде на него Руфа подумала, что не такая уж у неё плохая жизнь.

Старик посмотрел на Руфу исподлобья чёрными бездонными глазами и протянул книгу. Девушка неуверенно взяла увесистый том, и старик исчез.

Дождь утих, место грозовых туч занял кривой лунный диск. Тяжёлый кожаный переплёт обжигал Руфе руки. На коричневой обложке красным светилось единственное слово: «Договор». Девушка раскрыла книгу. На первой странице коротко расписывались условия этого договора, далее – со второй и до последних листов – фамилии и подписи напротив них. Последняя фамилия была Руфиной.

Девушка обомлела. Она знала, что это за книга. Когда-то

Эвон рассказал Руфе несколько историй про ведьм. И когда Руфа спросила, как они получают дар, Эвон поведал о древней книге. А ещё Эвон сказал, что тот, кто решается на сделку с самим дьяволом, перестаёт быть личностью. Ведь дар мертвеца – это ниточки, за которые дёргает сатана. Человек, продавший свою душу, становится марионеткой тёмных сил.

Руфа откинула книгу, но та, словно магнит, притягивала. Манила, уговаривала. Тогда девушка подумала, что она справится. Научится управлять даром и будет использовать его только для того, чтобы облегчить свою жизнь. Ведь нет ничего плохого в том, чтобы засыпать в тепле сытой? Кроме того, она сможет открыто встречаться со своими друзьями.

Девушка решилась. Теперь она будет такой же, как Сара и Эвон. И когда эта мысль утвердилась в её сознании, в воздухе возник грифель. Руфа взяла его и расписалась.

Листок с подписью вспыхнул ярким зелёным светом, и перед девушкой снова возник старик. Он забрал книгу, а вместе с ней что-то такое, от чего у Руфы стало пусто внутри. А потом пустоту заполнило что-то вязкое и жгучее.

Руфе не терпелось похвастаться друзьям о том, что у неё появился дар. Что теперь она так же, как они, может вызвать внезапный порыв ветра или разжечь огонь. Поэтому, когда она торопливо шагала на очередную встречу с Сарой и Эвоном, девушку переполняли эмоции.

Друзья словно превратились в статуи, когда услышали еле сдержанный полушёпот-полукрик Руфы о том, что у неё появился дар.

– Вы что, оглохли? – недоумевала она. – Я теперь такая же, как и вы!

В глазах молодой ведьмы плескался восторг, она никак не могла понять, почему самые близкие ей люди не разделяют эту радость вместе с ней.

Первой заговорила Сара:

– Руфа, ты с ума сошла? Зачем ты это сделала? Ты продала свою душу!

Но Руфу только разозлили её слова. Мало того, что друзья не оценили её жертвы ради дружбы, так ещё и упрекают.

– Это ты не понимаешь! – зло парировала Руфина. – Конечно, ты же у нас не бездомная попрошайка! Ты живёшь в резиденции, у тебя всегда чистая одежда и мягкая тёплая кровать. Для тебя готовят лучшие повара и обучают самые светлые умы Сагенты. А я? Чем я хуже? Или ты уже забыла, как мы вместе скитались по городским трущобам в поисках пищи и тепла? Судьба была благосклонна к тебе, Сара, ты родилась с даром. Именно поэтому

из нас двоих, замарашек, король выбрал тебя. Но теперь, – голос Руфины дрогнул, а на глаза выступили слёзы надежды, – теперь всё будет по-другому. Я смогу поселиться близ резиденции и посещать школу магии. Мне не придется скитаться в поисках ночлега. А самое главное – нам не нужно больше прятаться! У меня дар, а значит, я могу официально дружить с вами!

Руфа решила, что друзья не воспринимают очевидные факты лишь потому, что не могут до конца поверить в столь неожиданно свалившееся счастье. Поэтому, когда Эвон попытался утихомирить ведьмин восторг, она не восприняла его всерьёз.

– Руфа, ты совершила большую ошибку. Ты никогда не будешь прежней, той, кого мы любим. С каждым днём магия будет требовать больше, шаг за шагом, час за часом. Она полностью завладеет тобой, а ты не сможешь сопротивляться, ведь душа твоя потеряна. Ты будешь творить то, что потребует дар под вуалью твоих желаний. Самое великое зло будет казаться пустяком в его шёпоте.

Руфа не услышала смысла сказанных Эвоном слов.

– Что ты несёшь?!

– Пожалуйста, не притрагивайся к дару мертвеца, – просил Эвон. – Существует поверье, что, если ведьма не прикоснется к дарованным силам, не станет их использовать, ей вернут душу.

Теперь Руфа застыла, словно каменное изваяние. Ожидание поддержки и придыхание новой жизни сменили сопротивление и озлобленность.

– Идите к чёрту! – Руфа и сама не ожидала такой бурной реакции, но не смогла сдержаться. Она ни за что не откажется от дара! Ведьма резко развернулась и порывисто зашагала на окраину первого уровня.

Она ни разу не оглянулась и больше не возвращалась на место встречи. А вампирша сказала, что Сара приходила в назначенное место в назначенный час ещё три раза, а Эвон – целых семь. Эх, если бы она послушала! Если бы не прикасалась к истокам проклятого дара! Но тогда, в неполные шестнадцать лет, задушенная несправедливостью и обиженная жизнью, Руфа ни за что не смогла бы внять предостережениям друзей и отказаться от открывшихся для неё возможностей.

Дар заставлял творить. Руфа использовала его ежедневно, ежечасно. Ведьма упивалась им, ведь теперь она в любой момент могла пообедать жареным кроликом или принять душ. А когда необходимость использования силы ради собственного блага исчерпывала себя, Руфа начинала пакостничать.

Сначала это были мелкие прегрешения, вроде той, когда в супермаркете неожиданно стухла вся рыба. Потом – серьёзные

выходки. Прохожий мог оступиться и сломать ногу, бродячая псина забиться в конвульсиях и сдохнуть. А когда пожар в гостинице унёс жизни нескольких человек, в голове у ведьмы появилась замечательная идея: она станет продавать свои услуги.

Решение оказалась верным. Руфа выпускала дар, направляя свою силу на порчи и привороты, а клиенты платили за это деньги. Сарафанное радио очень быстро сделало своё дело, и молодая ведьма скоро стала известна в отдельных слоях населения. Руфина жизнь устаканилась, у ведьмы появился свой угол, девушка раздобрела. И по сути была довольна своей новой жизнью.

Руфа поняла, что зашла слишком далеко, когда к ней обратилась клиентка знатных кровей. Девушке с волнистыми пшеничными волосами, спадающими до самой талии, и бледными голубыми глазами требовался приворот. Ничего особенного, к ведьме обращались с такими просьбами чуть ли не каждый день. Вот только тот, чью фотографию подала клиентка, был Руфе хорошо знаком.

Ведьма не видела его почти семь лет, тем не менее, не могла не узнать. Мальчишеские черты обострились, смешинки в синих глазах исчезли, их место заняли тёмные вкрапления настороженности. Эвон отрастил косу, она как будто подчёркивала несгибаемый стержень в характере владельца. Вместо любознательного подростка с помятого глянца на ведьму внимательно смотрел настоящий мужчина, наследник престола Сагенты.

Первым порывом было желание отказаться от заказа. Руфа даже протянула фото назад, но потом передумала. Эта девушка найдёт другого исполнителя, и тогда Эвон непременно окажется во власти колдовских чар. В том, что клиентка пойдёт до конца, Руфа не сомневалась, ведь нужно обладать немалой храбростью и решимостью, чтобы отважиться на приворот наследника.

Руфа забрала фото. И проклиная себя и молодую девицу сделала своё дело. Вот только с небольшими поправками, которых человеку без дара нельзя было распознать. Ведьма всё сделала по правилам, а последнее изменила – приворот был не пожизненным. Через полгода чары спадут, а у Эвона сформируется стойкий иммунитет к такого рода воздействиям.

Довольная своей работой и внезапным озарением, позволявшим в конечном итоге Эвону остаться в выигрыше от этой подлой авантюры, Руфина стрясла с клиентки сумму в пять раз выше, чем обычно брала за такую услугу. Её маленькая месть белобрысой поганке. Вот только эта поганка, как догадалась Руфа, могла бы заплатить в десятки раз выше.

Когда клиентка ушла, Руфа стала считать дни. Но то ли они стали резиновыми, то ли у неё забрали душу, но оставили совесть, время словно остановилось. Ведьма немного поуспокоилась, лишь когда до окончания приворота остался месяц.

А спустя пять с половиной месяцев после визита знатной клиентки Сагенту содрогнуло шокирующее известие: наследник престола отказался от дара, уступив тем самым трон младшему брату. Руфа осознала, насколько велики последствия её тёмных дел. Воздействовав на одного человека, она изменила ход истории целой страны, а возможно, и всего мира.

Руфа решила, что больше не станет колдовать. Она умудрилась встретиться с Эвоном и обо всём ему рассказала. Эвон выслушал откровения молодой ведьмы молча, и, когда Руфа закончила говорить, тишина вокруг была больнее самой хлёсткой пощёчины.

Руфа ушла первой. Много ночей подряд ей снился один и тот же сон: равнодушный взгляд холодных синих глаз. Она мигрировала в Аразан. Но, сбежав от прежней жизни, ведьма не смогла уйти от угрызений совести.

Девушка открыла торговую лавку. Она больше не прикасалась к своему дару, а только продавала то, что нужно для колдовства. В Аразане и его окрестностях оказалось достаточно тех, кто занимался ведьмовским промыслом, а потому Руфина лавка приносила стабильный доход. Руфа, наконец, добилась того, чего ей так не хватало в детстве и юности. Но цена оказалась слишком высокой, и былую мечту о тепле и сытости сменила другая: Руфа надеялась, что однажды Эвон простит её и поймет.

Когда в ведьмины сны стала приходить вампирша, прошло почти два года, как Руфа отказалась колдовать. А вампирша заявила, что Руфа снова должна использовать проклятый дар, ведь только с помощью её колдовства поисковая группа выживет и спасёт мир от хаоса. И вот они здесь, в её доме. Шанс, подаренный судьбой, который, ведьма знала, больше никогда не повторится.

Руфа мялась. Она не знала, как начать столь важный для неё разговор. Время стремительно утекало, забирая с собой последний шанс на покой. Собравшись с духом, ведьма тихо сказала:

– Прости меня.

Эвон молчал. Руфа не решалась повернуться к Эвону, но знала, что он понял, о чём она.

– Я не держу на тебя зла, – спустя минуту, которая показалась

Руфе вечностью, сказал Эвон.

Руфа не выдержала. Она отставила свои незатейливые агрегаты в сторону и повернулась.

– Нет. Я хочу слышать не это.

– Я знаю. Просто пока не могу сказать по-другому.

Весь мир сконцентрировался в маленькой комнате и душил ведьму.

– Ты не понимаешь, – умоляя, начала она, – если бы я отказалась…

– Отказалась и сказала мне, – перебил её Эвон. – Дело не в том, что ты хотела, а в том, что сделала.

Тихий мужской голос лезвием скользил по Руфиному сердцу. Глаза девушки заблестели, и она отвернулась. Руфа принялась растирать порошок, но руки дрожали.

– Сара знает?

– Нет. Никто не знает. И… Спасибо тебе.

– Что? – Руфа ожидала услышать что угодно, но только не это.

– Благодаря тебе я не связан узами правления. Ты знаешь, перспектива управления массами всегда тяготила меня.

Ведьма покачала головой. В её голосе притаилась печаль.

– Не стоит благодарить меня, Эвон. Такова твоя судьба. Если тебе не предначертано править, то ты не стал бы вождём и без меня. Но если судьбой тебе уготована власть, ты обязательно будешь править. И неважно, когда это случится, завтра или через двадцать лет.

В комнате царил полумрак. После разговора с Руфой приобретённые в параллели привычки взяли верх: Эвону срочно захотелось закурить. И хотя он понимал, что не сможет проглотить ни затяжки, молодой человек пошёл за сигаретой.

Эвон старался не шуметь, но Сара спала чутко. Девушка открыла глаза и, запнувшись о ножку кровати, подошла к Эвону. Не сдержав порыва, сонная, она прильнула к груди Эвона.

– Я люблю тебя, – прошептала она.

Эвон обнял девушку и поцеловал в макушку.

– Я тоже тебя люблю.

Он хотел, чтобы Сара вернулась в постель, но волшебница настояла, и Эвону пришлось занять тёплое место. Усталость окончательно накрыла его, но Эвон не мог сомкнуть глаз. Так он и лежал, ни о чём не думая, и смотрел на Веру, которая была похожа на спящего ангела.

Глава 6

Вонь пота и испражнений уже не ощущалась. Гнилостные запахи пропитали лёгкие и сознание, разъели глаза. Когда-то это место служило для Кристиана источником радости и получения удовольствия, он всегда с готовностью принимал участие в пытках. Но теперь он сам стал узником вековых каменных стен, с незапамятных времён вселяющих ужас и страх. Тюрьма не может быть чистой. Ее цель – подавлять и уничтожать.

Кристиан попытался пошевелить пальцами, но боль, последовавшая за этим движением, заставила его замереть. Наручники врезались в запястья почти до кости. Руки Кристиана были заведены за спину и подняты вверх, цепь наручников перекинута через трубу. Его ноги едва касались бетонного пола, отчего плечевые суставы находились в постоянном напряжении. В горле пересохло. Куча дерьма валялась прямо под ним. Даже в полумраке Кристиан мог различить, что оно с кровью.

Сколько раз он задавался вопросом, почему до сих пор жив? Сколько раз его сердце останавливалось, но магические потоки заставляли его биться снова? Кристиан не знал, сколько времени провёл в крепости. Ровно как не знал он и того, сколько висит на этой трубе. Неделю? Час? Иногда он погружался в некое подобие сна, но тогда ему мерещились пытки. И Кристиан просыпался с желанием снова провалиться в забытье. А то, что когда-то у него был дар, казалось бредом.

Когда сознанье в очередной раз начало от него ускользать, в замочной скважине тяжело повернулся ключ. Железные двери со скрипом приоткрылись, впустив в камеру немного света, и Кристиан затаил дыхание в предчувствии очередных пыток. Но вопреки ожиданиям, стражник расстегнул наручники, и Кристиан рухнул прямо в зловонную кучу.

– Вставай.

Подошва тяжёлого сапога отпечаталась на пояснице Кристиана. Огромный детина нетерпеливо вышел из камеры, морща нос.

– На выход, – велел он, когда Кристиан с трудом поднялся.

Оказавшись в коридоре, Кристиан зажмурился. Тусклый свет лампы казался настолько ярким, что слепил его. Резкий толчок в спину заставил Кристиана передвигаться. Прежде чем они дошли до дежурных, Кристиан падал раз пять, и каждый раз охранник с удовольствием демонстрировал ему свою силу, отбивая единственную почку. Когда Кристиана нагого передали дежурным, мрачные извилистые коридоры сменились светлым холлом.

Кристиана вывели на улицу. Свежий воздух был пропитан озоном. Получая нескрываемое удовольствие от оранжевого

солнца и свежих луж, Кристиан почти зарыдал от счастья, когда на его голову обрушилась струя тёплой воды. Усевшись на землю, Кристиан принялся смывать с себя засохшую грязь и дерьмо, с жадностью хватая ртом теплые капли.

Получив чистый холщовый халат, Кристиан был передан часовым, которые усадили его в грузовик. Дорога была неровной, и каждая кочка отзывалась резкой, пронзающей всё тело болью. Кристиан подумал о том, что все волшебники чудные – иметь в своих руках такое могущество и не использовать его для развития цивилизации.

Ожидания пленника оправдались: Кристиана доставили в Белый Дворец. Это величественное здание располагалось на вершине холма и имело многовековую историю. Мраморные стены замка состояли из правильных монолитных блоков, состыкованных настолько точно, что между плитами не прошла бы и игла. Развернувшись на огромном периметре, дворец являл внутри маленький город со своими закоулками и площадями.

Кристиан знал, что его ведут к хозяину. Колдун ждёт его. Он чувствовал присутствие хозяина всегда, даже дыхание смерти не могло заглушить ощущение покалывания в мозгу. Колдун знал все его помыслы и грехи, он владел жизнью Кристиана. Он наградил его даром и забрал его. Хозяин выполнил все обязательства договора перед Кристианом, а он оступился. И эта ошибка сыграла роковую роль в судьбе ведьмака.

Часовой привел Кристиана в сад и удалился. Хозяин стоял у виноградной лозы и медленно жевал ягоды, смакуя кисловатый вкус. Когда Кристиан опустился на колени, колдун обратил свой взор на пленника:

– В пределах Святой Земли обитает бабочка, – хозяин говорил хрипло и громко. – Её крылья настолько тонки, что она подвластна потокам ветра. А на границах той земли растет цветок. Его нектар обладает целебными свойствами и является иммунитетом для большинства обитателей Святой Земли.

Бабочка опыляет цветок. Если ветер западный, восточные районы утопают в благоухании цветка. Если ветер дует с востока – западные. Скажи, Кристиан, что важнее? Ветер или бабочка?

Кристиан не посмел ответить. Колдун сверлил его взглядом. Когда Кристиан решил, что от ответа зависит его жизнь, колдун громогласно заговорил:

– Бабочка лишь исполняет то, что предначертано ей природой. У неё нет права выбора. Воздух является неизменным хозяином жизни всей Святой Земли. Лишь от него зависит, кому жить, а кому суждено погибнуть.

Хозяин подошёл к Кристиану и рывком поднял его с колен.

Зелёные глаза колдуна были полны гнева.

– Ты – бабочка! Ты делаешь то, что я повелеваю! Ты двигаешься и дышишь только потому, что я этого хочу! Мои желания – твоя цель. Моя воля – твоя судьба. Награда – дар, неповиновение – ад.

Колдун отпустил Кристиана и мягко спросил:

– Осознал ли ты свою ошибку, Кристиан?

– Да, хозяин.

– Бабочка не может лететь против ветра, её крылья слишком тонки. Не следует проявлять инициативу там, где этого не требуется.

Кристиан пошатнулся и робко спросил:

– Они телепортировались?

Губы колдуна растянулись в довольной улыбке:

– Будь по-другому, твоё тело давно бы сожрали псы.

Глаза Кристиана расширились:

– Но тогда я не понимаю…

– Не понимаешь?! – взревел хозяин. – Твои люди чуть не погубили Наследницу! Они могли уничтожить весь мир!

В бешенстве колдун направил на Кристиана поток магической энергии, и тело ведьмака забилось в конвульсиях. Когда изо рта Кристиана пошла пена, колдун прекратил пытку. Ярость хозяина испарилась.

– Твоя задача заключалась в том, чтобы Наследник был телепортирован, а предсказательница уничтожена. Лишь потому, что первостепенная цель достигнута, ты до сих пор жив.

Колдун проглотил виноградинку и угостил ведьмака. Кристиан неуверенно разжевал ягоду.

– Я даю тебе ещё один шанс, – сообщил хозяин. – Подойди ко мне.

Кристиан поднялся с колен и выполнил просьбу колдуна. Тот прижался своим запястьем к запястью Кристиана. Ведьмак дернулся. Когда в жилах Кристиана воспылал магический жар, глаза парня сузились, а губы вытянулись в довольной улыбке.

– Я не подведу вас, хозяин, – пообещал Кристиан.

– Конечно, – снисходительно ответил колдун. – Мои уроки не проходят даром. И уничтожь, наконец, эту старую суку!

Кристиан поспешно поклонился и вышел.

Колдун устало опустился на трон. Он слишком слаб. И стар. Чем ближе его цель, тем сильнее нетерпенье и немощь. Разговор с ведьмаком высосал слишком много энергии, ему снова придется использовать чужой дар. По-другому никак: его сроки давно прошли, и, если бы не чужая сила, гнить ему в сырой земле.

Колдун отогнал от себя неприятные мысли. Осталось совсем

немного. Он больше не будет зависеть от порций краденных жизней. Скоро он заберёт то, что по праву принадлежит ему – свою жизнь. Всё идёт по плану. Осталось только обрубить последнюю вероятность иного исхода.

Колдун ненавидел себя за немощь, ведь в столь ответственный момент он должен полагаться на ведьмака. Но уж он постарался, чтобы тот выполнил приказ сполна и больше не играл на два фронта. Кто бы мог подумать, что, получив обещанную награду, Кристиан захочет ещё больше и попытается убить Наследницу, дабы угодить другому заказчику! Отчаянный молодой человек. И теперь он полностью в его власти. Больше колдуну не о чем беспокоиться: любая дорога приведет Наследницу в Белый дворец.

Колдун устало закрыл глаза и нетерпеливо прошипел в пустоту:

– Уничтожить…

Мария в очередной раз попыталась уловить связь. Она чётко прослеживалась между аурами, но закономерности их изменений она не понимала. И если аура Эвона теоретически могла снова стать алой, то аура Наследницы никак не может быть яркой.

Женщина терялась в догадках. То, что она видит, имеет какое-то значение, но Марии не с кем было посоветоваться. И магия горы здесь ни при чём.

Вера поняла, что Вадим очнулся, ещё до того, как парень пошевелился. Тяжело дыша, Вадик протёр глаза и замер, когда увидел над собой говорящий туман в форме лиц. Вера опустилась рядом с ним на колени и ласково взяла парня за руку:

– Вадь, ты должен им сказать, что идёшь домой.

Вадим нахмурился:

– Ты тоже их видишь? – недоверчиво поинтересовался он.

– И слышу, – как можно мягче заверила Вера парня.

Вадик прерывисто выдохнул и хихикнул:

– Нельзя шутить со спиртным… Белая горячка ведь не бывает массовой?

– Вадим! – Вера смерила его строгим взглядом. – Скажи им!

Вера понимала, в каких смешанных чувствах сейчас пребывает Вадик. Она помнила эмоции, захлестнувшие её, когда она увидела лица.

Вадик крякнул и по-прежнему нервно хихикая выполнил Верину просьбу. Когда туман рассеялся, он серьезно сказал:

– Вера, нам нужно поговорить. Я вчера был немного не в себе. Понимаешь, я до последнего верил…

Осекшись, Вадик осознал абсурдность сложившейся

ситуации.

– Что это было?!

Вера не знала, с чего начать объяснения. Вадим тем временем заметил, что они не одни.

– Кто эти люди? – требовательно спросил Вадик.

Сара подошла к парню и коснулась рукой его лба. Вадим напрягся, его зрачки на мгновение засветились. Довольная результатом своих действий, волшебница поинтересовалась:

– Ещё вопросы будут?

Вадик раскрыл рот.

– Да ладно, – протяжно возразил он. – Это розыгрыш? Где камеры?

Вадик серьёзно посмотрел на Веру и обомлел, увидев произошедшие с ней метаморфозы.

– А ну-ка, – не спуская с Веры округлившихся глаз и медленно вырисовывая указательным пальцем в воздухе круг, попросил он, – повернись.

Не скрывая неудовольствия, Вера обернулась.

– Ничего себе, – присвистнул Вадик. Он подумал, что было крайне глупо с его стороны разрывать отношения с такой девушкой.

Руфа заботливо предложила Вадиму стакан чая. Вадим жадно всё выпил и встал. Неловко пошатнувшись, Вадик протянул Эвону руку:

– Вадим, – охотно представился парень.

Эвон холодно отреагировал на приветствие.

– Эвон, – Вадик не дождался рукопожатия.

– Сара, – сухо представилась волшебница.

Мария по-доброму смотрела на Вадима из-под густых бровей.

– Ну, молодой человек, а как насчёт дамы бальзаковского возраста?

Поддержанный добродушным тоном предсказательницы, Вадик воспрял:

– Могу я узнать ваше имя, мэм? – галантно поинтересовался парень.

Мария назвалась и подала Вадиму руку. Вадим поспешно поцеловал кисть Марии и познакомился с Руфиной.

– Стрелять умеешь? – спросил Вадима Эвон.

– Конечно, – с энтузиазмом ответил парень. – Я и Верочку в этом деле понатаскал.

– Держи.

К ногам Вадима упала сумка с остатками арсенала.

– В пользовании они ничем не отличаются от того оружия, к которому ты привык, – Эвон наставлял Вадима, пока тот с

интересом подбирал для себя модели пистолетов, – но у них нет отдачи. И поторопись, у нас каждая секунда на счету.

– Это что? – Вадик выудил из сумки жезл.

– С этим поосторожней. Нажмёшь на кнопку, и он пронзит лазером. Рифленый край помещай в ладонь, гладкий направляй на врага.

Вадим присвистнул.

– И от кого мы бежим?

Вадим прибрал приглянувшиеся стволы и, следуя примеру остальных, облачился в плащ.

– Если боишься за свою шкуру, оставайся здесь, – проигнорировал вопрос Эвон. – Но если ты с нами, твоя единственная задача – защищать Веру. Если с ней что-то случится, всему конец. И тебе в том числе. Ясно?

Вадик задумался. Его энтузиазм сдулся, как воздушный шарик: происходящее решительно ему не нравилось. Но он не мог позволить себе отпустить Веру, и тем более – остаться в незнакомом месте одному. Решительно расправив плечи, Вадик смело заверил:

– Ясно. Чего ж тут неясного?

Ситуация менялась быстро. Вчера они считали, что утро наиболее безопасное время для передвижения, ведь митингующие собирались исключительно под вечер. Но даже сейчас шум на улице не стихал.

Эвон рассчитывал добраться до портала за несколько часов. Конечно, на машине было бы гораздо быстрее, но Руфин тарантас скорее всего попал в чёрный список, ведь ложь, легко выданная вчера за правду, скорее всего уже обнаружилась.

Поэтому, когда в дверь нетерпеливо заколотили, все подумали, что это патруль.

– Руфина, открывай немедленно! Не испытывай моё терпенье!

Хриплый бас немного разрядил атмосферу. Руфа отправила гостей в спальню и, убедившись, что ничто не выдает чужого присутствия, открыла входную дверь.

– Ты чего в такую рань припёрся? – недовольно спросила ведьма.

В прихожую ввалился здоровенный детина в чёрном плаще.

– Последние новости слышала? – проигнорировав ведьмино недовольство, спросил здоровяк. – Они телепортировались!

Мужчина был взвинчен, он возбуждённо мерил широкими шагами комнату и нервно жестикулировал.

– Не в Сагенту! Они в Аразане, понимаешь?! Поисковая группа и Наследница! Они практически в наших руках! Власти не смогут противостоять нам, митинги набирают обороты. Я

уверен…

– Угомонись, Джон. Кто сказал тебе эту чушь?

Джон остановился. Его огромное тело занимало полкомнаты.

– Это не чушь! – горячо заверил он. – Майклу было виденье!

– Майкл глупец. Он видит поверхностно.

– Но он сразу сообщил нам новости, а ты молчала!

– Да, чтобы быть уверенной в том, что говорят мне тёмные силы! Я в отличие от тупицы Майкла сообщаю достоверные факты!

Хриплое дыхание Джона замедлилось. Он обдумывал слова ведьмы, посеявшие зерно сомнений в его убеждениях.

– И что же ты увидела?

– Лишний раз убедилась, что ты идиот.

Руфа хотела укрепить потерянные позиции. Сказать, что ситуация вышла из-под контроля, – ничего не сказать. Она неправильно оценила возможности Майкла, и теперь происходила катастрофа. Руфа должна остановить эту лавину.

– Скажи, Джон, кто лечил тебя, когда твои легкие разъедал туберкулёз? К кому ты обращался, чтобы узнать, где жена прячет бутылку? Кто подобрал тебя, когда ты с ножом в спине, словно пёс, подыхал у входа в бордель? Майкл? Нет! Это была я! Скажи, хоть раз я тебя подводила? Нет. И теперь я сожалею об этом.

Упрёки ведьмы превратили Джона в ссутулившегося подростка.

– Но я в ответе за свой клан. Люди требуют информации, и Майкл утверждает…

– Снова Майкл, – раздражённо фыркнула Руфа. – Джон, ты глава клана приспешников Стал-Рейна, а ведёшь себя, как кретин. Ты поддался гнёту своих подчинённых и выдал желаемое за действительное. Майкл – недоучка, и его лживые слова сейчас управляют твоими людьми.

Карта бита. Теперь все козыри были на руках у ведьмы. Осталось аккуратно подать необходимую информацию. Только так она сможет хоть как-то отвести Наследницу от удара.

– Поисковая группа действительно телепортировалась. Но не в Аразан. Они должны были попасть в Сагенту, но по каким-то причинам оказались трёхстами километрами севернее столицы. Это первое. Второе. Они телепортировали Наследника. Это мужчина. Ясно?

Джон растерянно хлопал глазами.

– Что же нам делать?

– Готовьте перехват в Сагенте. Хватит тратить силы на бестолковые кричалки там, где Наследником и не пахнет.

Глаза Джона загорелись нездоровой инициативой.

– Ты с нами?

Руфа покосилась на ведущую в спальню дверь.

– Я догоню вас на трассе. Завтра.

– Но люди не поверят мне, если ты не подтвердишь свои слова лично!

– Тогда грош цена твоим доминантным привилегиям, Джон! У меня нет аккумулятора, и, если ты хочешь, чтобы во время засады от меня был толк, дай набраться сил. А теперь иди.

Едва за незваным гостем закрылась дверь, Эвон вышел из спальни.

– Ты не сказала, что состоишь в секте.

– Это лучшая стратегия, Эвон. Войдя к ним в доверие, я могу управлять приспешниками Аразана. Благодаря этому сегодня вы будете в большей безопасности. В течение часа митингующие рассосутся. Собирайтесь. Но, боюсь, что Джону поверят не все.

– Спасибо, – Эвон положил свою руку Руфе на плечо. – Береги себя. Патрульные не любят, когда их обманывают.

Руфа улыбнулась:

– Эвон, я продала свою душу. Я – ведьма. Что может быть страшнее?

Глава 7

Олли втянул в себя знакомый запах сырости. Он уже отвык так остро чувствовать запахи, и наполнивший лёгкие воздух незамедлительно подарил ощущение лёгкости и комфорта.

Он дома. Гигантский склеп, неизменное место обитания тёмной расы, принял странника равнодушно. Чёрная арка входа, словно пустая глазница, безмолвно приглашала его под свои тяжёлые своды, как и любого вампира.

Но, Олли не любой. Он особенный. Полтора года назад он стал человеком. Восемнадцать месяцев его глаза слезились от яркого солнечного света. Полтора года его кожа шелушилась от горячих дневных ветров. Полтора года он пил воду, вино, чай и неизменную утреннюю чашку свежесваренного ароматного кофе, заправленного двумя кубиками рафинада и доброй порцией сливок. Он не просто пил и не просто ел. Он чувствовал ВКУС того, что поступало в его пищевод. Если бы сейчас, когда чары юной Сары Лойти исчезли, его вкусовые рецепторы остались на том же уровне, что были в параллели, он ни за что не изменил бы своему новому меню. И кровь, до тошноты солёная и густая, стала бы для него просто лекарством, необходимым для поддержания жизненных сил.

Олли криво улыбнулся. Всё верно. Лекарство – вот чем является для его расы бурая жидкость. Его братья, уверенные, что получают удовольствие при испитии крови, кайфующие от солёного вкуса и металлического запаха, ошибаются.

Нельзя насладиться вкусом бурой жидкости умирающего. Её горькое послевкусие ещё несколько дней поганит рот. Удовольствие приносит совсем другое, то, от чего так зависит тёмная раса. Энергия, эмоции, тепло. Вот что дарит радость. Не кровь, а всё то, что она с собой несёт. Вампир – ходячий мертвец. Как ни горько это осознавать, но Олли всегда умел смотреть правде в глаза. И все преимущества, которыми Лан наградил его расу, ничтожное возмещение за то, что когда-то было отнято.

Полтора года назад Олли почувствовал то, чего был лишён. Его сердце забилось. Сначала Олли испугался, но потом его сознанием овладел другой ужас: солнце обожгло его тонкую кожу. Не так, как должно было, насквозь испепеляюще, а ласково и неумело.

Для Олли это стало настоящим шоком. А когда он понял, что произошло, то не растерялся, а обрадовался. Олли был по-настоящему счастлив, так, как может быть счастлив человек, и настолько, насколько может быть счастлив вампир.

За время, проведённое в параллели, Олли многое испытал. Он любил женщин, и они отвечали ему взаимностью. Он занимался спортом до умопомрачения, так, чтобы валиться от усталости, и наслаждался этим. Он даже резал себя. Чтобы чувствовать боль и упиваться ею. Он делал всё, чтобы до конца понять, что значит быть человеком. При этом он ни на миг не забывал, зачем он здесь.

Постепенно вдохновение уступило место тоске. Олли было горько от того, что изменения, произошедшие с ним в параллели, бесследно исчезнут при возвращении домой. Осознание этого факта злило и отрезвляло одновременно.

А потом наступила апатия. Олли стал относиться к сложившейся ситуации с циничной иронией. Разве не смешно? По правилам он, ходячий мертвец, после перемещения должен был стать трупом, потому что параллель, как выяснилось, забирает то особенное, что у тебя есть. У Олли были ловкость, скорость, гибкость, острое зрение и тонкий нюх. Все, чего он лишился и без чего он труп. Но судьба решила пошутить с ним: параллель заставила его организм работать, подарила Олли жизнь.

Когда Олли смирился с этим, к нему пришло озарение. Он тот, кто есть. А теперь даже чуточку больше. Судьба вручила ему роскошный подарок, и память, цепкая и долгая память вампира, навечно сохранит для него все ощущения, которые Олли так скрупулёзно изучал в параллельном мире.

А ещё Олли познал страх. Это обжигающее едкое чувство, обостряющее все рецепторы, заставляющее ценить жизнь. Вот почему у крови такой вкус. Она пропитана страхом. Предсмертным ужасом. Когда клыки вампира вонзаются в плоть, неважно, человек это или животное, обостряется самый главный инстинкт – желание жить. Он одинаково развит у всех живых существ. Возможно, именно поэтому Олли так легко отказался от человеческой крови. Когда понял, что результат один. И ещё ему почему-то казалось, что отречение от человекоубийства делает его капельку лучше.

Понять его вкус удалось немногим. Вампиры не хотели изменять своим привычкам и даже злоупотребляли ими. Поэтому тёмные дни стали для людей настоящим кошмаром. Вампиры, вдоволь утолившие жажду, убивали просто так, забавы ради. Кто-то разрывал жертву на множество кусочков, кто-то отпивал небольшую порцию крови и наблюдал, как жертва издыхает от вампирского яда. Из-за тех, кто любил наблюдать за людскими муками, стали появляться новые особи вампиров. Неопытные и озлобленные.

Молодняк плохо определял размеры своих потребностей,

зачастую не понимая, опустошена жертва или нет. Популяция тёмной расы стала стремительно разрастаться.

Маги не стали терпеть такое самоуправление. Они не уничтожили расу вампиров в знак скорби и уважения волшебников, потерявших свой лик из-за гнусных экспериментов Лана. Но то, что вампиры стали размножаться, не могло остаться без вмешательства.

Маги создали яд. Они назвали его энергетиком. Смертельно больному человеку, иногда осуждённым, он придавал сил, и бедняга дотягивал до затишья. А потом он становился обедом для вампира. Тот в свою очередь погибал, потому что его кровь и ткани превращались в смолу, едва вампир делал глоток заражённой крови. Жертва превращалась в вампира и умирала от своего же яда.

Это был козырный ход. Когда вампиры сообразили, что происходит, истребилась почти треть расы. Тогда между вампирами и людьми был заключен договор. На свет не должен был появиться ни один новый вампир, в противном случае на улицах городов во время охоты будут находиться только заражённые энергетиком люди.

Тёмная раса согласилась. В конце концов никого не вдохновляла перспектива питаться одними животными. Были созданы отряды дозорных, в чьи обязанности входило следить за тем, чтобы жертвы охоты были полностью обескровлены. В противном случае дозорный добивал их.

Олли стал главой дозора. Две сотни лет он следил не только за исполнением договора, но и за порядком в собственных рядах. Он блестяще справлялся со своими обязанностями и, возможно, поэтому его избрали в поисковую группу.

Олли исполнил свой долг сполна. И даже был вознаграждён за это полутора годами человеческой жизни. Теперь он должен вернуться к своим обязанностям, но вместо этого стоит под тёмными сводами арки.

Он ждал. Ждал, когда Марила себя обнаружит. Он почувствовал её присутствие сразу, как только обоняние уловило тлен.

Марила, как и он сам, была вторичным вампиром. Результатом безответственного поведения их расы в тёмные дни. И он, и она оказались достаточно умны и сдержаны, чтобы выжить. Марила, как и Олли, не помнила, кем была до перевоплощения. Это побочное действие при превращении оказалось весьма полезным: им не по кому было тосковать.

Молодые вампиры были предоставлены самим себе. Ущемлённые в правах и слепые от незнания своих новых

возможностей, они стали друг другу верными товарищами.

Олли и Марила постигали науку вампирского бытия вместе. Они ели одну плоть, обжигались одним лучом. До тех пор, пока однажды не испили крови друг друга.

Они решили, что это любовь. Извращённая, опасная. Но потом оба поняли, что ошиблись. Вампир не умеет любить. Все его чувства заключены в инстинкты, как у зверя. И то, что Олли и Марила сблизились, – результат химических реакций их мёртвых тел. Им нравился вкус крови друг друга и пряный запах их бледной кожи больше, чем других братьев. Потому что изначально их организмы были схожи. Это равносильно тому, чтобы выбрать кофе, который тебе по вкусу. Марила была для Олли той самой утренней чашкой крепко заваренного кофе со сливками и двумя кусочками рафинада. Олли стал для Марилы классическим экспрессо.

Разочарование, неожиданно настигшее их, породило конкуренцию. Равное физическое развитие, острый ум и стремление к самосовершенствованию подвели их к той черте, когда оба были замечены старейшинами. Перед Олли и Марилой, единственными среди вторичных особей, открылись двери в перспективное существование истинных вурдалаков.

Тогда их соперничество переросло в ненависть. Марила ненавидела Олли, когда тот перешагивал по карьерной лестнице выше, чем она сама. Олли ненавидел её за то же. Кто знает, смогли бы они дойти до вершин, если бы не стремление превзойти друг друга.

Точку в их игре поставило решение старейшин назначить Олли главой дозора. Более высокой ступени в их с Марилой иерархии не существовало. Марила долго не могла успокоиться. Строила козни, подталкивала дозор к смуте. А потом смирилась. Смирение, по мнению Марилы, не значило проигрыш. И когда старейшины сообщили, что в состав поисковой группы будет входить представитель их расы, Марила решила, что настал её звездный час.

В параллель отправили Олли, а Марилу на время его отсутствия назначили главой дозора. Никто из старейшин не заметил, какой огонь ненависти полыхал тогда в её красных глазах. Уверенная и сдержанная снаружи, «благодарная за оказание такой чести», Марила стала пороховой бочкой, спичкой для которой был Олли.

Сейчас эта спичка коснется пороха. Олли предупредительно зарычал. Во мраке метнулась узкая тень. То, что Марила так сокрушительно обрушится на него, Олли ожидал. Но то, что она вопьётся своими белоснежными клыками в его шею, стало полной

неожиданностью.

Олли наотмашь отшвырнул от себя вампиршу. Марила с грохотом впечаталась в кирпичную стену. Не успев коснуться холодного пола, она соскочила и основательно повертела головой. Хрустнули вставшие на место позвонки. Девушка оскалилась.

– Похоже, ты рад меня видеть, – процедила она.

Марила не решалась подойти ближе, замерев, словно изваяние. Олли заметил впитывающуюся кровь в уголках её узких губ. Она всё же успела отведать его.

– Так же сильно, как ты меня.

Зрачки Марилы сделались кошачьими. Олли подумал, что дикая пантера – жалкий котёнок по сравнению с этой прекрасной холодной кошкой. И не сомневался в том, что при жизни эта кошка была роковой женщиной, чьи прекрасные чёрные, как смоль, волосы, тяжёлой волной спускавшиеся до поясницы, остались в памяти многих мужчин.

– Вы нашли Наследника? – промурлыкала Марила.

– Разве может быть по-другому? – насмешливо поинтересовался Олли. – Держу пари, всё это время ты только и думала о том, чтобы я прокололся и с позором вернулся домой.

Вампирша вскинула брови.

– Это могло бы позабавить меня, – призналась она. – Жаль, но такой исход не в наших интересах.

Олли заставил себя оторвать взгляд от сонной артерии вампирши. Он понимал, что она ведет такую же борьбу. Может быть, они ошиблись не в первый, а во второй раз? И это всё-таки не инстинкт?

Олли отогнал от себя предательскую мыслишку. Похоже, полтора года человеческой жизни не прошли бесследно. Он знал, что Марила ждала его. И прекрасно понимал, что ждала она не для того, чтобы уничтожить его. И, к сожалению, не ради удовольствия. Марила считала Олли равным, а значит, могла ему доверять.

– Что ты хочешь сказать? – насторожился вампир.

Олли догадывался о том, что хотела поведать ему Марила. Просто он решил дать ей фору, так сказать, возвысить и без того высокую самооценку.

Словно угадав его мысли, вампирша сощурилась, но потом поддалась:

– Наша раса встала на другую сторону.

Олли метнулся к тронному залу, но Марила смерчем перегородила ему путь. От длительного голодания её сил поубавилось, но этого хватило, чтобы задержать вампира.

– Не смей, – прошипела она. – Старейшины не должны тебя видеть. Это даст нам преимущество.

Марила сняла со своих плеч не по размеру огромный плащ.

– Возьми. Солнце уже не имеет такой силы, плащ сможет защитить тебя. Будем надеяться, что оборотни более постоянны, вдвоём мы не сможем защитить Наследника.

– Наследницу, – поправил Олли. – Мы телепортировали эльфийку. Ты хочешь, чтобы я просил помощи у волков?

Марила утвердительно кивнула.

– Поисковая группа пойдёт на Святую Землю. Если они не успеют достичь её границ до наступления затишья, мир рискует потерять шанс на спасение – вампиры преодолеют это расстояние за несколько минут. Только оборотни смогут противостоять мёртвой силе.

Олли знал о способности Марилы проникать в чужое сознание, поэтому не стал спрашивать, откуда у неё информация. Марила хочет, чтобы Олли узнал, по-прежнему ли оборотни считают, что энергия должна быть возвращена в шар. Она требует, чтобы Олли просил их о помощи. Волки единственные, кто может дать вампирам отпор. Их расы – результат одного эксперимента. Их вражда – результат взаимной зависти. У волков была жизнь, которой была лишена тёмная раса, у вампиров – любовь их творца. И если оборотни, как и вампиры, поменяли свои взгляды, Олли разорвут в одночасье. Хотя перспектива быть разодранным имела равный успех и при обратных обстоятельствах.

Марила вдруг подумала, что Олли откажется, и язвительно поинтересовалась, всё ещё держа в своих фарфоровых руках тяжёлый плащ:

– В чём дело? Боишься опалить свою нежную кожу?

Олли вышел из задумчивости.

– Моя кожа видела гораздо больше твоей, – отрезал он и, набросив на плечи плащ, затерялся за горизонтом.

Несмотря на раннее утро, на улицах Стал-Рейна было многолюдно. Как и предполагала Руфина, далеко не все приспешники послушали Джона. Периодически на их пути встречались группы людей в кожаных плащах, горячо выкрикивающих непонятные Вере лозунги. Единственное, что она смогла уловить из неразборчивых криков, – справедливость и равноправие. Веру немного удивил тот факт, что за личиной людей, желавших её смерти, скрываются такие простые для человеческого понимания вещи. А ещё сильнее Вера удивилась и даже испугалась, когда встретила одетых в плащи детей.

Тем не менее находиться среди потенциальных врагов было щекотно неудобно. Вера то и дело поправляла складки плаща и поглубже натягивала капюшон.

Они шли молча. Даже Вадим не проронил ни слова, хотя Вера видела, что его буквально распирает. Вера предполагала, что помимо интереса к вновь сложившимся обстоятельствам, у Вадима назрели вопросы относительно их взаимоотношений. Хотя, какие могут быть вопросы? Вадик её оставил. Вера не могла определить, что сейчас происходит с её внутренним миром, и тем более не могла это анализировать. Поэтому девушку вполне устраивало, что их маленький отряд двигался в тишине, лишь иногда встречаясь друг с другом глазами. И этих мимолетных взглядов хватало, чтобы понять, что всё под контролем, либо лучше свернуть в переулок и, сделав круг, вернуться на нужное направление.

Веру не переставало удивлять, что, несмотря на раннее утро, солнце было оранжево-красным. Облачённое в пелену лиловых облаков, оно не излучало, как должно было, весёлых легких лучей, а било приглушёнными оттенками заката. А к обеду, вместо того, чтобы занять самую высокую точку на небосклоне, опустилось ещё ниже.

Руфина лавка занимала отведенное ей место на первом уровне. Этот уровень был самым беспокойным в социальном плане. Поэтому в целях большей безопасности они передвигались по среднему – третьему уровню. Когда, спустя несколько часов беспрерывного быстрого шага, Вадим весьма многозначительно указал на электронные шашечки такси, Вера удивилась, почему ей самой в голову не пришла такая идея.

Предложение Вадика сразу отмели. Оказывается, чтобы воспользоваться услугами извоза даже в общественном транспорте, необходимо пройти систему контроля. Вставляешь чип, и компьютер автоматически заносит тебя в списки пассажиров по данному маршруту. Вот такая вот система национальной безопасности.

Социальная прослойка Стал-Рейна в горизонтали имела ту же тенденцию, что и по вертикали. Чем дальше путники удалялись от центра, тем грязнее становились улицы. Фонари потускнели, с трудом освещая с заходящим солнцем путь. Яркая реклама на плазменных экранах сменилась потёртыми плакатами, рестораны и бутики вытеснили мелкие увеселительные заведения и невзрачные кафешки. Стандартный квартал провинциального городишки Вериного мира. Третий уровень теперь был верхним.

В воздухе сгущалось напряжение. Когда третий уровень перешёл во второй, Вера учуяла запах гари. Впереди под тусклым

фонарём полукольцом стояла группа людей с факелами. Они размахивали руками и что-то выкрикивали. Эвон ускорил шаг.

– Что здесь такое? – шёпотом спросила Вера.

– Уличные бои. Следует поторопиться.

Толпу обходили стороной. Вера невольно всматривалась в круг собравшихся людей, пытаясь разглядеть тех, кто был внутри кольца.

– Что с тобой? – тыкнул девушку в бок Вадим. Опасность обострила его инстинкт самосохранения, и Верина медлительность раздражала парня. – Ты нас всех выдашь!

Эвон схватил Веру за руку, увлекая дальше от толпы.

– В боях принимают участие волшебники, тебя могут обнаружить! А если бойцы неопытные, в нас запросто может угодить огненный шар.

Толпа улюлюкала и свистела. Вера буквально свернула шею, пытаясь разглядеть, что происходит внутри кольца.

С разных концов площадки вышли два бойца: один – маленький и жилистый с густой щетиной, второй – совсем юнец, бледный и худой, но с пытливыми ясными глазами. Когда пальцы обоих окутал яркий свет, наблюдающие взревели.

В воздухе засверкали молнии. Шквал срывающихся с рук бойцов фейерверков озарил пространство. Воздух трещал и плавился под натиском магической силы. Направляя на противника огненные шары и воздушные лезвия, игроки то и дело уклонялись от ответных ударов.

Словно заколдованная, Вера не могла оторваться от зрелища. Она то и дело спотыкалась, но до последнего старалась сохранить в зоне видимости происходящие внутри кольца перемены. В какое-то мгновение её взгляд столкнулся со взглядом юного бойца. Молодой человек замер в замешательстве, и этого мгновения хватило, чтобы одно из магических лезвий отрезало юному бойцу правую кисть.

Последовал крик, больше похожий на волчий рык. Его противник, подстёгиваемый толпой, победоносно возвел руки вверх, наслаждаясь одобрительным свистом. Боец выкинул в парнишку огненный шар, но тот увернулся. Воспользовавшись удивлением противника, мальчишка отпрыгнул в сторону и выхватил у наблюдателя факел. Подбросив его вверх, юный волшебник направил на пламя воздушный поток, и оно опалило лицо противника.

От такого неожиданного поворота событий толпа буквально пришла в экстаз. Переменчивая публика загудела, поддерживая юнца. Вера как можно внимательнее всматривалась в уменьшающиеся фигуры бойцов, но после ослепительной зеленой

вспышки, озарившей пространство на несколько миль, так и не смогла понять, кто вышел из этого боя победителем.

Свет был таким ярким, что Вера не сразу начала снова ориентироваться в пространстве. Когда зрение вернулось, девушка обернулась и увидела довольного юного волшебника, охотно принимающего поздравления.

Толпы зевак вышли на улицу. Кто-то с восторгом махал рукой в сторону недавнего поединка, кто-то испугано озирался. Послышался вой сирен.

– Патрульные! – Сара стянула с себя плащ.

– Как они вышли на нас? – не поняла Вера.

Эвон кинул волшебнице флакон с энергетиком. Сара залпом выпила его.

– Бои запрещены!

Народ мгновенно рассосался, и улица опустела. Больше половины бравых ребят, воодушевлённо поддерживающих поединок, скрутили патрульные. Остальные, словно тараканы, разбежались по закоулкам. Вера буквально рухнула на Эвона, когда тот внезапно остановился. Несколько патрульных держали их под прицелом.

– Предъявите документы, – по-деловому сухо потребовал патрульный.

Настало напряжённое молчание.

– Мы не имеем к бою никакого отношения, – отрезал Эвон.

– Это не отменяет правил. Ваши чипы, пожалуйста.

Цепкий взгляд патрульного задержался на Саре.

– В бое принимали участие два волшебника. Один из них погиб, второй сбежал. Среди вас есть люди, наделённые даром?

– Нет.

Патрульный достал металлический стержень:

– Я должен это проверить.

– Разве моего слова недостаточно? – осведомился Эвон.

– Достаточно того, что вы примкнули к приспешникам. Только за это я могу засадить вас до самого затишья, – он брезгливо поморщился, разглядывая плащи.

Коренастый гном-патрульный был настроен решительно. Двое его товарищей стояли сбоку и были похожи на статуи. На их лицах не дернулся ни один мускул.

С суровым видом старшина направил тонкий металлический стержень, похожий на школьную указку, на Вадима. Парень сжался. Его и указку охватило слабое голубое свечение. Хмыкнув, патрульный перевёл стержень на Эвона. Молодого человека охватил такой же неяркий свет.

Гном сузил глаза и, словно сыч, резко перевёл стержень на

Сару, пропустив Веру. Девушку охватило алое свечение, и в этот миг гном рухнул, поражённый тонким лазерным лучом. Эвон уверенно перевёл луч на офицера, стоявшего правее. Остальные патрульные, державшие задержанных под прицелом, нажали кнопки.

Лучи остановились в воздухе в нескольких миллиметрах от своих жертв. Вытянутые вперёд руки Сары дрожали:

– Ложитесь! – прокричала волшебница и рухнула на асфальт. Лучи сорвались с места и настигли нескольких офицеров, стоявших позади.

Сара запустила в преследователей несколько шаровых молний. Уцелевшие офицеры открыли огонь. Вадим вступил в перестрелку вместе с Сарой. Вера побежала за Эвоном вниз по улице. Мария, словно тень, следовала за ними.

Перебегая из одного укрытия в другое, Вера то и дело испуганно озиралась назад, с тревогой ища взглядом Сару и Вадима. Они существенно отстали, но их усилий не хватало для того, чтобы сдержать натиск патрульных.

Вой патрульных машин оглушал. Непрекращающаяся атака вынуждала двигаться по самому краю уровня.

Вадим и Сара догнали товарищей. У волшебницы был потрёпанный вид, она запыхалась. Девушка выбросила лазер и направила на преследователей огненный вихрь:

– Эвон, уходите!

На мгновение задержав взгляд на девушке, Эвон свернул в переулок. Вера, Вадим и Мария побежали за ним. Вой патрульных машин сгущался и давил на слух. Сара открыла магическую атаку, отрезав патрульных воздушной стеной. Врезаясь в невидимую преграду, машины падали на землю грудой металлолома. Пешие офицеры попали под шквал воздушных лезвий.

Близился первый уровень. Вера всё отчетливее слышала своё сбивчивое дыхание. Неожиданно горизонт осветила очередная вспышка света, ослепившая беглецов.

– Сара…

С губ Эвона сорвался едва уловимый стон, но он не обернулся. За пределами иллюминации окраины мегаполиса выглядели огромным чёрным покрывалом.

Портал находился в нескольких километрах от Стал-Рейна в утробе горы. Стеклянный купол возвышался над землёй, словно половина огромного шара.

Вера не могла определить, где вход, пока не увидела тоненький циферблат, едва выделявшийся над поверхностью

покатой стены.

Эвон нажал на несколько кнопок. Словно по сигналу в куполе появился проём, из которого вынырнули охранники.

Мужчин было четверо. Эвон без особого труда хладнокровно с ними покончил. Путь был свободен.

В центре купола была капсула высотой с человеческий рост и диаметром в три метра. Внутри по всей окружности она была оснащена ремнями безопасности. Все пристегнулись. Эвон набрал на дисплее пункт назначения и нажал «СТАРТ». В ушах засвистело, и их закружило, словно в центрифуге.

Глава 8

Ужинали в тишине. Когда портал перенёс их в пригород пограничного со Святой Землёй государства, откуда тянулся тяжёлый путь на землю эльфов, они остановились в небольшой гостинице, грязной снаружи и стерильно чистой внутри.

Трёхэтажный стеклянный дом имел принцип двустороннего зеркала: изнутри гостиницы было видно улицу. Интерьер холла был простым и аккуратным.

Номер с тремя спальнями и столовой занимал весь верхний этаж. Сейчас он был наполнен запахом свежих щей и мясного блюда, названия которого ни Вера, ни Вадим не знали.

Каждый думал о своём. Вера, чьё детское личико было ни к месту милым и бледным, в очередной раз напоминала себе, что всё происходящее с ней – правда.

Ещё она думала о том, с каким хладнокровием и решимостью Эвон убил охранявших портал людей. Эвон избавился не только от тех, в Аразане, но и от охраны, дежурившей здесь, в пригороде.

Вера вспомнила трупы в своём доме, и ей вдруг показалось, что Эвон сеет вокруг себя смерть. Он предстал перед Верой жестоким расчётливым человеком, и от этого сердце девушки замерло, а на губах появился солёный привкус разочарования. Вера попыталась убедить себя, что Эвону приходиться убивать, защищая её, но этот довод казался ей натянутым и зыбким, поэтому Вера то и дело украдкой поглядывала на Эвона, пытаясь понять, какой он на самом деле. И зачем ей, Вере, так необходимо это знать.

Вера подумала о Саре. Ей казалось неестественным, что волшебницы нет рядом. Вера отказывалась даже предполагать, что могло произойти, но, глядя на посеревшее лицо Эвона, в голову лезли самые плачевные мысли.

Эвон тоже думал о Саре. Он надеялся на лучшее, но был реалистом, и скорбь переполняла его.

Ещё он зачем-то думал о Вере. О тех мимолетных взглядах, которые она на него бросала. Вера выглядела напуганной и потерянной, и Эвону хотелось крепко обнять девушку, показав тем самым, что с ним она в безопасности.

При мысли о хрупком женском теле в своих руках Эвону стало совестно. Он не её защитник, а всего мира. Но, как это обычно бывает, один раз подумав о том, чего ты не понимаешь умом, но желаешь сердцем, Вера не выходила у Эвона из головы.

Мария думала о Святой Земле и о том, хватит ли у неё сил туда дойти. Она наблюдала за всеми сразу и за каждым в отдельности. Расстроенное лицо Веры, задумчивое Эвона и озлобленное Вадима сошлись перед Марией в одном пазле, как это обычно бывает у предсказателей.

Злость переполняла Вадима. Он видел в Эвоне соперника, а это уязвляло его самолюбие. И не потому, что Вадик замечал кроткие взгляды Веры, которые она бросала на Эвона, – природа не наделила Вадима особой наблюдательностью. Он чувствовал. Интуиция была у Вадима отлично развита, и сейчас она подсказывала, что Вера уделяет Эвону большее, чем того требовала ситуация, внимание. Поэтому голова Вадима по большей части была занята не тем, как вернуться домой, а их с Верой взаимоотношениями. Атмосфера была напряженной, а Вадиму всё больше и больше хотелось зацепить Эвона.

Недолго думая, Вадим спросил первое, что пришло ему на ум:

– Каким образом ты собираешься отправить нас домой?

Вопрос был значимым и по мнению Вадима относился к разряду провокационных. Погружённый в свои мысли, Эвон не сразу сообразил, что молодой человек обращается к нему.

– Пути назад нет.

– То есть, ты хочешь сказать, – всё более раскатисто говорил Вадим, – что мы здесь зависли? Да какое ты вообще имел право втягивать нас в эту задницу? Ещё и дня не прошло, а в нас уже десятки раз стреляли! Что будет дальше? Какие ещё сюрпризы нас ожидают?

Многозначительно выделяя в своей речи местоимение «нас», Вадим хотел тем самым полностью завладеть вниманием Веры, а Эвону в свою очередь показать своё превосходство в покровительстве над ней.

Эвону не понравился тон говорившего. Он отложил столовые приборы в сторону и тихо, но твердо, заявил:

– Не я притащил тебя сюда.

Эвон хотел добавить, что будь его воля, Вадим сейчас же вылетел бы отсюда, как пробка, но отдавал себе отчёт в том, что

этот парень, как никак, сыграл немаловажную роль при побеге от патрульных, и потому промолчал.

Вадим понял, что промахнулся. Не желая отступать, он выстрелил в лоб:

– Что будет с Верой?

Вадим действовал наугад, ведомый своей интуицией. А она подсказывала, что он роет в верном направлении.

Повисла пауза. Молодые люди не сводили друг с друга пристальных взглядов. Мария нарушила затянувшуюся тишину:

– Она станет легендой. И мы тоже.

Вадима не удовлетворил такой ответ. Он хотел вступить в спор, но Эвон осушил чашку с кофе и удалился. Мария заявила, что устала и хотела бы отдохнуть, и тоже ушла. Вадик остался наедине с Верой.

Вера не знала, как смотреть Вадиму в глаза. Она чувствовала за собой невысказанную им вину. Вадим же был взвинчен. Он привык доминировать и сейчас, когда ситуация не поддавалась его контролю, ему было просто необходимо отвоевать потерянные позиции.

– Довольна? – рявкнул он. – И что мне теперь делать с грёбаным подарком судьбы?

Вадим был в гневе. Будучи человеком эмоциональным и нестабильным, он легко поддавался чувствам. И уж если его накрывало, то с головой. Поэтому сейчас молодой человек не мог усидеть на месте: Вадим соскочил и, опёршись руками о стол, словно гора, повис над Верой.

– Я подставляю свою задницу, защищая тебя! Кому это было нужно? Мало дома приключений показалось? Чёрт побери, Вера, если захотела экстрима, могла бы и без меня обойтись! Какого хрена ты вообще согласилась пойти за ними?!

Вадим выплюнул всё на одном дыхании. Его лоб покрыла испарина, а чёрные волосы засалились. Выпустив пар, он быстро успокоился и сел на место.

– Извини, я не хотел. Само как-то получилось. Да и вообще…

Вадим, привыкший к тому, что Вера легко прогибалась под смену его настроений, был уверен, что она, как всегда, прошепчет «да ладно» и неуверенно улыбнётся. Но Вера молчала. Парень решил, что это из-за того, что Вера испытывает угрызения совести, ведь на этот раз он прав.

– Вер, прости, слышишь? Я перегнул палку.

Немного подумав, он добавил:

– Но, если по чесноку, это ты должна просить у меня прощения.

Вера встрепенулась. Ледяной взгляд миндальных глаз

заставил Вадима поёжиться. Тогда молодой человек приблизился к Вере, чтобы поцеловать. Он всегда так делал, если чувствовал, что последующая Верина фраза может стоить ему чего-то важного.

Девушка отстранилась.

– В чём дело? – насторожился Вадик.

– Разве ты забыл? Ты меня бросил.

– Ах, Вера, перестань! – раздражённо попросил Вадим. – Я сглупил. Ты мне нужна. Ну, перестань дуться.

Вадим надеялся, что лёд тронулся. Но Вера была непреклонна.

– А как же статья?

– Да мало ли, что пишут! Вера, я никому не верю. Только тебе.

– Да? – девушка скептически изогнула бровь. – Тогда знай, что это правда.

– Что? – не понял Вадим.

– Статья. Всё, что в ней написано, правда.

Вадик побагровел.

– Это неважно. Я всё равно хочу быть с тобой.

– А я нет.

Вера сама не поняла, как фраза сорвалась с её губ.

– Не понял?

– Чего тут непонятного? Я тебя бросаю. Ясно? Я не хочу быть с тобой.

Девушка приняла решение, от которого неожиданно стало легче. Только сейчас она поняла, что всё это время оно было единственно верным.

Вадим резко встал, опрокинув стул. Его глаза лихорадочно заблестели. Молодой человек принялся метаться по столовой из угла в угол. Вера была спокойна.

– Обрываешь старые связи, чтобы наладить новые? – съязвил он. – Только учти, – Вадим склонился над Верой и, дыша ей в лицо, процедил:

– Их ты совсем не знаешь. Они используют тебя! Нужно быть полной дурой, чтобы не видеть этого!

Девушка молчала, она не знала, что сказать. Вадим был прав, и она с самого начала знала это. Сбежав из одного плена, она добровольно угодила в другой. Вера была полностью зависима от этих людей, и ничего не могла поделать. Вадик озвучил то, в чём она не хотела себе признаваться.

Но сейчас Вера ни за что на свете не предстанет перед Вадиком слепым напуганным котёнком.

– Как ты не поймешь, нам нужно держаться вместе! – Вадик

дёрнул за последнюю ниточку.

Вера не произнесла ни звука. Она застыла на своем стуле, опустив руки по швам. Ладони Вера сжала в кулаки, но это только для того, чтоб не расплакаться.

– Отлично! – раздражённый Вериным молчанием, сдался Вадим. – Раз так, – он выпрямился и погрозил указательным пальцем, – я ухожу. И уж поверь, без вас я буду в большей безопасности. И обязательно отыщу возможность вернуться домой.

Вадик интеллигентно пригладил ладонями свои жидкие волосы и вышел из номера.

Эвон не стал включать большой свет. Он не спал почти трое суток, яркое освещение щипало глаза. Поэтому молодой человек ограничился тусклым сиянием бра.

Усталость валила с ног, но Эвон не мог себе позволить отдаться сну, не сделав перевязку. Рана загноилась, и старые бинты были влажными и липкими. По большому счёту не мешало бы принять душ – пот и грязь являлись основными источниками инфекции, – но Эвон уже не был способен на такой подвиг. Если хватит сил, он вымоется утром.

Хруст свежих бинтов и марли перебивали голоса из столовой. Эвон не собирался вникать в суть разговора, но тонкие стены и несдержанность говорившего сделали Эвона невольным слушателем.

Эвон выругался: вместо того, чтобы отдыхать, эти двое выясняли отношения. По большей степени Эвону было всё равно, тем не менее он полностью обратился в слух.

Финал удивил Эвона. Конечно, не его дело, рассталась Вера с Вадимом или нет, но тот факт, что девушка решила стать свободной, ярким пятном зафиксировался в его голове.

А когда дверь в номер захлопнулась, Эвона накрыло другое чувство, неприятное и щекотливое. Этот парень, Вадим, оказался совсем не глуп. Не зря за ужином он задавал свои вопросы. Тот факт, что Вера до сих пор не знает самого главного, окончательно испортил настроение.

Душу Эвона заполнила озлобленность на обстоятельства и в первую очередь на самого себя. Он давно должен был обо всём рассказать Вере, но даже сейчас, когда Эвон сорвался было с места, чтобы поговорить с ней, он решил, что расскажет о главном на Святой Земле.

Тихий стук в дверь прервал его размышления. Это была Вера. Когда Вадик ушёл, она, так и не позволив себе заплакать, ушла в спальню. Вера рухнула на кровать и хотела заснуть, но на

прикроватной тумбочке обнаружила часы. Вера предположила, что это будильник. Старые привычки взяли верх: Вере стало просто необходимо его завести. Эту ночь у неё никто не отнимет. Она сама распорядится своим временем. Определит, сколько ей поплакать, сколько подумать и сколько поспать.

Но приняв такое маленькое, но значимое решение, Вера столкнулась с двумя проблемами. Во-первых, она не могла понять, как пользоваться этим чудом. Часы были тонкие, как планшет, без кнопок, а экран не реагировал на прикосновения. Во-вторых, Вера не знала, на сколько их заводить. Поэтому Вера решила пойти к Эвону, чтобы завести часы и самой проснуться утром.

– Это я, – зачем-то сказала девушка, когда Эвон открыл дверь. – Можно?

Вера смущённо опустила глаза. Ситуация с будильником неожиданно показалась ей глупой.

– Заходи.

Вера неуверенно вошла в спальню. Комната оказалась точно такой же, что у неё. Только стены выходили на запад. Отсюда открывалась красивая городская панорама.

Маленькие домики и извилистые улочки утопали в приглушённом свете заката. Это был небольшой туристический городок, козырными картами которого были любые эльфийские темы. Сувенирные лавки, заполненные фигурками эльфов; дорогие бутики, предлагающие эльфийские одежды и накладные крылья; музей эльфов; книжные лавки с энциклопедиями и брошюрами про эльфийский род. Всё, включая названия улиц и статуи эльфов, красующиеся практически на каждом перекрёстке, говорило о том, что город – отправная точка на Святую Землю.

Сейчас же, перед затишьем, туристы покинули город. Поэтому улицы были полупустыми и на фоне рекламной роскоши выглядели потерянными.

Вера заметила лежащие на тумбе бинты.

– Тебе помочь?

– Да, пожалуй, – согласился Эвон. Перекидывать повязку вокруг спины было неудобно.

Вера положила часы и взяла бинт. Осторожно прикасаясь к горячей коже, она старалась как можно аккуратней, не задевая ранения, наложить повязку.

Несмотря на то, что сейчас Вера заботилась об Эвоне, в душе девушке очень хотелось, чтобы он помог ей. Просто словом, сказал, что всё будет хорошо и что она всё сделала правильно. Эвон был единственным, кто мог утешить Верино разболевшееся сердце.

Раньше Вера всегда могла обратиться к маме. Мама умела находить нужные слова даже в тех случаях, когда Вера была неправа.

При воспоминании о маме девушке снова стало тоскливо, как в первые месяцы после гибели своей семьи. Она орудовала бинтом, а перед глазами стояла мама. На какой-то момент Вере даже почудилось, что мама держит её за руку, но это оказалась ладонь Эвона, перехватившая Верино запястье.

– Хватит.

Прикосновения тонких пальцев были щекотными и приятными. Эвону нравились эти ощущения и ему хотелось, чтобы Вера перебинтовывала его так целую вечность. И Вера бинтовала. Больше и больше. Эвону даже стало любопытно, когда она остановится. Но девушка как будто отключилась и делала движения автоматически. Поняв, что Вера увлеклась, Эвон перехватил её руку.

– Хватит. Ты так из меня мумию сделаешь, – улыбнулся он.

Вера вернулась к реальности. Сообразив, что она слегка переборщила, Вера обрезала бинт и закончила перевязку.

– Ты что, пытался покончить с собой? – спросила Вера, убирая оставшийся материал в аптечку.

Эвон обалдел.

– С чего ты это взяла? – недоумевая, поинтересовался он.

Вера, ничуть не смутившись, взяла Эвона за руки.

– А это что? – она указала на тоненькие швы, проходящие по его запястьям.

Эвон ни за что бы не подумал, что эти шрамы можно связать с суицидом.

– Ты правда хочешь знать?

– Да.

Вера не кривила душой. Ей казалось невероятным, что такой сильный уверенный человек когда-то мог дать слабину.

– Я не самоубийца, – тихо сказал Эвон. – Эти шрамы оставила магия.

Вера недоверчиво, но с любопытством смотрела на Эвона. Поняв, что таким скупым объяснением ему не отделаться, молодой человек продолжил.

– Когда-то у меня был дар, – на выдохе признался Эвон и отошёл к стене. Городские блики отразились в его зрачках. – В моей крови жила магия, она была частью меня. Случилось так, что я отказался от дара в пользу брата. Магия вышла из моих вен через запястья, оставив эти следы, и вошла в сердце Золана. У брата есть такой же шрам на груди.

Вера открыла рот.

– Ты был волшебником?

– Да.

Вера не выдержала и подошла к Эвону.

– То есть, ты хочешь сказать, что ты умел запускать молнии и управлять ветром? Или превратить человека в лягушку?

Эвон мысленно улыбнулся. Ему понравилось последнее сравнение.

– В общем, да.

Он надеялся закрыть тему, но Вера не унималась.

– А становиться невидимым мог? А воздушные лезвия и заклинания на вампиров, как Сара, тоже мог?

Настала тишина. Эвон отвернулся к стеклянной стене. Его глаза потемнели, как печальное небо. На языке у Веры всё еще вертелась куча вопросов, но она не смела нарушить его размышлений.

На землю упали первые капли дождя. Эвон застыл, словно статуя. Лишь тяжело поднимаемая дыханием грудь говорила о том, что это живой человек. Эвон ждал Сару. Кем была ему рыжеволосая девчонка? Подруга? Возлюбленная? Эвон верил, что волшебница жива, Вера читала это в его синих глазах. И она многое отдала бы за то, чтобы это было так.

– Она вернётся, – прошептала Вера.

Эвон оглянулся. Его губ коснулась слабая улыбка.

– Сара всегда была непредсказуемой. Все придворные волшебники сходили от неё с ума. Это маленький сгусток энергии, упрямый и талантливый. Она никогда не позволит себе проиграть.

Вера взяла Эвона за руки. Он сжал её пальцы, о чём-то печально думая. Посмотрев девушке в глаза, он коснулся бархатной щеки:

– Твоя жизнь – это победа.

Сердце сжалось в маленький комочек. Вера тонула в бездонных глазах Эвона. Он убрал руку.

– А почему ты отказался от дара? – прошептала Вера. – Разве плохо быть волшебником?

Вера чувствовала, что заходит слишком далеко, но не могла остановиться. Её обуревали чувства: от банального любопытства до желания как можно лучше понять Эвона. Но если Вера не стремилась заканчивать разговор, то у Эвона эта тема всколыхнула неприятные воспоминания.

– Ты зачем пришла? – ненамеренно резко спросил он.

Вера сконфузилась. Эвону даже показалось, что её нижняя губка обиженно дернулась.

– Да вот, – Вера взяла с тумбы будильник. – Не знаю, как их

завести.

Глава 9

Ночь, а точнее несколько часов, отведённые для сна, пролетели мгновенно. Планы Веры провалились: она не успела ни поплакать, ни подумать, потому что едва голова коснулась подушки, девушка отключилась. А когда она открыла глаза, разбуженная не монотонным сигналом будильника (его она попросту не услышала), а осторожным толчком в плечо (это был Эвон), Вере показалось, что она не спала вовсе. Скорый сон не принес должного облегчения, и Вера чувствовала себя разбитой и уставшей.

Эвон и Мария казались более отдохнувшими. Но когда Вера заметила, что Мария время от времени спотыкается, а походка Эвона потяжелела, она поняла, что это только видимость. Эта ночь никому не принесла облегчения.

Они шли почти девять часов. Все лишнее было оставлено в гостинице. Из необходимых вещей взяли только рюкзак с флаконами энергетической жидкости и некоторое оружие. Редкий лес, временами переходивший в пролесок, был сухим и уютным. Вера шла по узкой тропе вслед за Эвоном, Мария замыкала их скромную колонну. Иногда на пути попадались огромные сосны, трава вокруг них была вытоптана, на земле виднелись остатки кострищ. Вера подумала, что местные жители устраивают здесь зелёные.

Потом тропинка исчезла, уступив место каменистой местности вперемешку с белыми песками.

– Если верить древним источникам, мы прошли где-то четверть пути, – Эвон показал на песок. – Можно сделать привал.

Вера чувствовала себя хуже некуда. Тело ныло, словно вчера она разгружала мешки с песком, а голова была занята невесёлыми размышлениями о том, где сейчас Вадим, что с ним? И хотя Вера понимала, что Вадик взрослый мальчик и сам волен собой распоряжаться, девушка чувствовала себя виноватой, а потому ответственной за его судьбу. Он один в чужом мире, что ждёт его беззащитного и одинокого? Кроме того, вчерашний разговор оставил неприятный осадок в Вериной душе, обострив недоверие к своим спутникам и страх перед будущим. В крови у девушки всё жарче разгоралось жгучее пламя протеста и даже упрямства, но Вера старалась не рубить с плеча.

В итоге, как это бывало и раньше, не имея сил и желания думать о неприятном, Вера просто следовала за Эвоном, пребывая в скверном расположении духа.

Новость о привале немного смягчила Верин суровый настрой.

Сосна, у которой они остановились, была меньше тех, что встречались ранее. Казалось невероятным, что дерево выросло среди камней, и всё же могучий морщинистый ствол и хвоя естественно вписывались в твёрдый пейзаж.

Под деревом не было старых углей, и Эвону пришлось сооружать небольшой очаг, выкладывая из булыжников круг. Пока молодой человек занимался костром, Мария рассказывала Вере о предстоящих испытаниях.

– Святая Земля – наикрасивейшее место. По слухам, там даже воздух материален и переливается неоновым светом. А на ощупь словно шёлк. Тебе там понравиться, – обещала Мария. – Но, чтобы туда попасть, нужно пройти испытания. Это своеобразная защита святого места от тёмных духом людей. Только тот, чьи помыслы чисты, может пройти барьер, отделяющий Святую Землю от остального мира. Во время перехода тебе будет больно и страшно на столько, насколько грешна твоя душа.

Вера открыла рот в немом вопросе, и Мария ласково взяла девушку за руку:

– Ты обязательно увидишь свой дом, девочка. Обещаю.

Оптимизм Марии не передался Вере.

– Откуда вам знать? Даже Сара не была уверена в своих силах.

Мария хитро улыбнулась. Морщины на её сухом лице сделались глубже.

– Я предсказательница, Вера. Я знаю и вижу то, что не подвластно даже самым великим магам. Но сколь много я знаю, столь же много я не имею права сказать тебе. И это не значит, что ты должна расслабиться и не думать об опасности. Нет. Пути и судьбы изменчивы, любой наш последующий поступок может оказаться переломным для того, чтобы изменился ход истории.

Я знаю, что сейчас тебе предначертано спасти мир. Так же, как в твоем мире, я увидела, что твоя судьба связана с Сагентой. Но, если бы в тот момент что-то пошло не так и ты не попала сюда, как бы ты спасла нас от неминуемой беды? Но раз ты здесь, ты должна жить. А это возможно только на Святой Земле. Поэтому ты обязана туда попасть, понимаешь?

Вера опустила глаза. Получается, дома у неё был выбор. Но какой? Тогда ей казалось, что она поступает правильно. Хотя кого она обманывает? Она согласилась играючи, в глубине подсознания уверенная, что с ней кто-то шутит.

А сейчас уже ничего не изменить. Вера никогда не сожалела о содеянном, но сейчас ей вдруг подумалось, что, оказавшись в этом мире и затащив с собой Вадима, она совершила первую в

своей жизни ошибку.

– Зачем костёр? – поинтересовалась Вера, когда Эвон уложил найденный хворост. – На улице тепло, из еды у нас одни бутерброды.

Молодой человек подул на слабый огонёк и тот перерос в яркое пламя.

– Огонь отпугнёт хищников. Правда, вряд ли в этой глуши водятся опасные звери, но лучше подстраховаться. Здесь недалеко родник, я наберу воды и вернусь.

С этими словами Эвон ушёл. Облокотившись спиной о сосну, Вера попыталась сесть поудобнее, но камни были слишком острыми.

– Двигайся ко мне, – Мария похлопала по земле около себя, – здесь песок.

Вера послушалась.

– Ждёшь Вадика? – спросила предсказательница. – Ты всё время оборачивалась.

Вера промолчала. Глупо было отрицать очевидное.

– Прости, девочка. Не стоит себя тешить напрасными надеждами, этот мир слишком жесток.

– Вы хороните его? – начала злиться Вера.

– Ни в коем случае. Пока ты сама его не похоронишь.

Вера раздражённо дернулась. Жестокие слова предсказательницы вывели её из равновесия. Хотя Вера и понимала, что на самом деле она злится не на Марию, а на себя.

– О чём секретничаете?

Эвон принес флягу родниковой воды.

– Попробуй, – он протянул бутылку Вере, – сразу взбодришься.

Вера нехотя сделала несколько глотков и передала воду Марии.

– Так о чём вы без меня ворковали? – Эвон расположился напротив Веры и взял у Марии флягу.

– Вера переживает за Вадика.

– А что, с ним что-то случилось?

Показное равнодушие Эвона окончательно вывело Веру из себя.

– Надеюсь, что нет!

Не зная, куда себя девать, Вера выхватила из рук Эвона флягу и сделала ещё несколько ненужных глотков воды.

– Не переживай, – Эвон посерьёзнел. – Этот парень не глупый и прекрасно понимает, куда попал. Если чувство самосохранения развито у него сильнее гордости, он идёт за нами. Вот увидишь, скоро он проголодается или захочет пить и обнаружит себя.

Вера неуверенно посмотрела на Эвона, словно хотела спросить, действительно ли он так считает. Эвон шевелил прутом угли, отчего ввысь взлетали столпы искр.

– Вот увидишь, – продолжал он, – сейчас Вадик увидит огонь и не выдержит.

Мария встала.

– Где, говоришь, этот родник?

Эвон указал направление.

– Пойду освежусь. И вот ещё что. Если бы парень шёл следом, я бы видела его ауру. Хотя бы слабое свечение биополя. Не стоит давать Вере ложную надежду. Кроме нас, здесь никого нет.

Энтузиазм беглеца улетучился быстро. С единственным лазером (а Вадим не знал, на сколько хватает заряда этого современного оружия), без денег и документов, Вадим потерялся среди узких улиц, обуреваемый злостью и обидой. Молодой человек сел на широкую скамью под круглым фонарём и принялся лихорадочно соображать.

Конечно же, он полагал, что Вера его не отпустит. Если бы Вадим заранее знал, что его провокационная выходка обернётся боком ему самому, он ни за что не стал бы бросаться словами. Но теперь ничего уже нельзя было изменить, а гордость не позволяла ему вернуться в отель. А впереди ещё и затишье. Как ни печально, в этом мире свои правила, а Вадик так не любил подчиняться.

По привычке похлопав по карманам, молодой человек досадно поморщился. В этом мире не курят. Беспомощно осмотревшись по сторонам, Вадик заметил худую фигуру, идущую в его сторону. К удивлению Вадима, незнакомец выпускал изо рта колечки дыма.

Поравнявшись с Вадимом, молодой человек сел на ту же скамью и предложил сигарету.

Вадик закурил.

– Скучаешь?

Незнакомец сверкнул глазками. Его голос был скрипучим, а лицо изуродовано оспой.

– Скучаешь, – не дождавшись ответа, подытожил он. – Если хочешь, можно пропустить по рюмочке. Что скажешь?

Незнакомец покосился на Вадика. Тот в свою очередь словно окаменел. Интуиция подсказывала ему, что он влип, хотя теоретически ничего страшного в предложении выпить не было.

– Крис, – незнакомец протянул жилистую руку.

Вадим ответил на рукопожатие и, чуть ли не заикаясь, представился.

– Так что, Вадик, выпьем? – подмигнул Крис.

Вадим отказался.

– У меня нет денег, – прокашлявшись, сообщил он.

Такой довод казался Вадику убедительным, он надеялся, что теперь этот Крис потеряет к нему интерес и уйдёт. Но тот лишь криво усмехнулся.

– Это и так понятно. Если бы у тебя были деньги, то ты, парень, не прозябал бы под этим фонарём, а коротал время вон в том баре, – Крис указал на яркие огни в конце переулка. – Собственно, я тебя туда и приглашаю. Там работают лучшие в городе девочки.

Крис подмигнул Вадиму. На мгновение Вадику показалось, что Крис смеётся над ним. Но глаза нового знакомого оставались холодными и серьёзными.

– Давай, парень, соглашайся. Я редко бываю таким великодушным. Считай, что это мой прощальный подарок.

Крис скривился в хищном оскале. Вадик порывисто соскочил со скамьи, но неведомая сила пригвоздила его на место.

– Да не суетись, ты, – лениво попросил Крис. – Я бы на твоём месте согласился. Честно. Перед смертью оторвался бы по полной.

Вадим посерел. Его сердце буквально выпрыгнуло из груди, по спине побежали мурашки.

Но, как он ни старался, тело не слушалось. Вадик бездвижно сидел на скамье, охваченный сиянием фонаря и своего страха.

Тем временем Крис продолжал говорить. Нотки сожаления сквозили в его голосе, Крис давал понять, что сочувствует Вадику.

– Знаешь, из тебя мог бы получиться неплохой ведьмак, – как будто это как-то должно было утешить Вадика, заверил он. – И какого лешего тебя понесло из отеля? Ведь я сам уже собирался грохнуть эту бабку.

Крис озадаченно посмотрел на Вадика, словно хотел прочитать ответ в его испуганных глазах. Ощущение силы и власти над более слабым одурманивали, и Кристиан решил излить душу. Похвалиться перед своей жертвой.

– Я уже был в холле, когда увидел тебя. Ты нёсся, словно за тобой гнался табор ведьм. Вот тогда я и подумал: зачем всё усложнять? Тебя они легко подпустят, никто ничего не заподозрит. Я убью Марию, – Крис задумался и весело подытожил, – вернее, ты убьёшь ее. А я, если повезёт, ещё и с крошкой твоей позабавлюсь.

Да ладно, не кисни! Бабку обязательно надо убрать, она слишком много видит. Если она не сдохнет, умру я. А пока на очереди ты.

Крис почесал свой плоский живот и уточнил:

– Ну так что? Идём в бар или прямо сейчас из тебя душу вытряхнуть?

– Может, Мария ошибается?

Вера все ещё надеялась, что Вадик вернётся. Эвон зачарованно смотрел, как в её глазах пляшут языки пламени, отражая в глубине их сдерживаемую влагу. В Верином вопросе Эвон слышал отголоски своих надежд: он так же до конца будет верить, что Сара жива. Хоть и убеждает себя в том, что это невозможно. Чтобы потом не было слишком больно.

– Я не могу этого знать. Но ты должна помнить, что относительно тебя она не ошиблась.

Эвон хотел как можно мягче донести до Веры, что он верит Марии. Вопреки фактам, Вера мимолетно улыбнулась, глядя поверх его.

– Вадик?

Эвон резко обернулся. В нескольких метрах позади него действительно стоял Вадим.

– Привет, – сухо поздоровался гость.

Эвон подозрительно окинул парня беглым взглядом. Не обнаружив подвоха, он снова повернулся к Вере, пытаясь разгадать по её мимике, действительно ли она рада появлению друга так, как выказывала беспокойство за него. Но свойственное большинству девушек упрямство, а может и гордость, не позволяли Вере открыть перед Вадимом своих истинных чувств. Поэтому в разрез переполнявшей её радости, она не сделала ни одного движения навстречу Вадиму, а только холодно поприветствовала его.

Вадик не спешил приближаться к костру.

– Так и будешь там стоять? – безучастно поинтересовался Эвон.

Тёмные глаза Вадима были тусклыми. Он подошел к сосне и, облокотившись об её ствол, сухо заявил:

– Мне нужно поговорить с Верой.

Эвон отметил, что молодой человек обшаривает глазами местность.

– Говори, – Эвон не собирался оставлять Наследницу наедине с этим типом.

Вадик остановил свой бегающий взгляд на Эвоне.

– Наедине.

Эвон не мог сообразить, что его так настораживает. Он не видел ничего особенного в просьбе парня, тем более, если учесть, что ещё вчера эти двое выясняли отношения. Но он не мог отделаться от нехорошего предчувствия.

Вера легко сжала ладонь Эвона.

– Пожалуйста, оставь нас ненадолго.

Эвон неохотно встал.

– Я буду поблизости.

Когда Эвон ушёл, Вадик приторно улыбнулся.

– Иди сюда.

Вера проигнорировала его.

– О чём ты хотел поговорить?

Улыбка стёрлась с болезненного лица Вадима. Он отошёл от дерева и, пошатнувшись, плюхнулся на землю рядом с Верой.

– Да ни о чём.

Вадик бесцеремонно схватил Веру за плечи и потянул к себе. Холодные руки обожгли кожу девушки.

Веру захлестнула волна гнева. Она яростно оттолкнула от себя парня и соскочила.

– Что ты себе позволяешь?!

Вадик нагло изогнул бровь.

– Ничего такого, чего мы не позволяли себе раньше.

Вера недоумевала. Либо Вадик стукнулся головой (мало ли, что могло с ним случиться) и не помнит их вчерашнего разговора, либо делает вид, что ничего не произошло, а это злило Веру и выводило её из равновесия.

– Вообще-то мы расстались, – процедила Вера.

– Да? – удивился Вадик. – Но ведь это не может помешать нам приятно провести время?

Вадик подмигнул Вере и встал. Его тело было грузным и непослушным. Молодой человек снова хотел привлечь девушку к себе, но Вера ударила его.

– Отвали!

Вадик потерял к девушке всякий интерес.

– Где Мария?

Вера растерялась. Она не ожидала такой смены разговора.

– У родника, – вымолвила она, хлопая глазами.

Вадик отпихнул Веру с дороги и удалился. Вера изумлённо смотрела ему вслед.

– Куда он?

Эвон еле сдерживался, чтобы не вмешаться в чужой разговор.

Вера вглядывалась в сумерки, но Вадика уже не было видно.

– Не знаю. Спросил, где Мария, и ушёл. Странный какой-то… И руки…

– Что руки? – Эвон сжался, словно струна.

Вера повернулась к нему и растерянно произнесла:

– Руки ледяные.

Эвон сорвался с места, побежав к ручью. Вера помчалась за

ним.

– Эвон, что происходит? – девушка едва за ним поспевала. Эвон не оборачиваясь предупредил, чтобы она приготовила лазер.

– Зачем? – испугалась Вера.

Но Эвон уже настиг Вадика. Он схватил парня за угловатое плечо, и Вадик остановился.

– Куда-то спешишь? – спросил Вадик и обернулся. Он был бледным, словно полотно.

– Уже никуда.

Эвон направил на парня лазер.

– Раздевайся, – велел он Вадиму.

– Что? – выплюнул тот.

– Снимай рубашку.

В мутных глазах Вадима появился нездоровый блеск.

– Извини, – приторно заявил он, – но я обнажаюсь только по её просьбе.

Вадик подмигнул Вере и нахально заулыбался. Девушке стало противно. Эвон приставил к горлу Вадима лазер.

– Снимай. Или я снесу тебе башку.

– Жаль огорчать тебя парень, но ты опоздал.

С этими словами Вадим оттолкнул Эвона с такой силой, что тот кубарем покатился по земле. Лазер выпал из его рук. Вадик семимильными шагами поспешил к ручью. Мария вышла ему навстречу и, взглянув в холодные глаза, потеряла дар речи.

Вадик вытащил из-за пазухи кинжал и замахнулся.

– Что ты делаешь?! – завопила Вера.

Эвон хотел помешать Вадику, но невидимая сила снова впечатала его в землю. Мария буквально остолбенела. Удерживая Эвона в щупальцах магии, Вадик снова замахнулся. Дрожащими руками Вера нащупала лазер. Когда кинжал почти настиг плоть Марии, девушка нажала кнопку. Лазер пронзил Вадику поясницу, и лезвие кинжала вонзилось левее сердца предсказательницы.

Мария упала. Вадим зашипел. Он обжёг Веру бешеным взглядом и рванул в её сторону. Вера затаила дыхание, щурясь от страха. Но вместо удара, почувствовала холодное дыхание у своего уха.

– Спасти тебя может только Райен, – это был голос ЕЁ Вадима.

– Вадик? – заикаясь, переспросила она.

Ответа не последовало. Лазерный луч пробежал по шее парня, и голова Вадима сползла с его плеч.

Вера завизжала. Эвон поспешил к Марии. Предсказательница лежала на земле, из её груди торчала рукоять кинжала.

– Что мне делать? – Эвон понимал, что ситуация безнадёжна.

– Энергетическое зелье, – прохрипела Мария, – дай его мне.

Эвон на мгновение заколебался. Мария была достаточна умна, чтобы понимать, что этой жидкости у них очень мало. Оттягивать неизбежное с помощью зелья слишком дорого.

И всё же Эвон доверял мудрости предсказательницы и потому не стал спорить.

– Вера, принеси, пожалуйста, сумку, – попросил он. – Вера?

Эвон оглянулся. Девушки нигде не было.

– Чёрт! Мария, я сейчас.

Эвон метнулся к костру. Схватив из сумки драгоценный флакон, он вернулся к ручью.

– Вот, – Эвон поднёс флакон к губам женщины.

Мария выпила содержимое и шумно выдохнула.

– А теперь давай, – велела она.

Эвон резко вырвал кинжал из груди Марии. Вопреки ожиданиям, кровотечения не последовало, а рана потихоньку затягивалась.

– Сукин сын, – прохрипела Мария. – Чтоб его зажарили в аду!

– Вы сможете идти?

– Да. А пока отнеси меня к огню и найди Веру.

Долго искать не пришлось. Вера сидела за угловатым камнем в ста метрах от угасающих огней. Она обхватила руками колени и тихонько плакала. Эвон замер в нерешительности.

– Ты убил его, – всхлипнула Вера. В бесцветной фразе таился упрёк.

Эвону стало больно.

– Вера, это был не он.

Молодой человек хотел подойти ближе, но Вера буквально обездвижила его презрительным взглядом. Пелена застилала её глаза и из миндальных они сделались бледно-коричневыми.

– Нет! Вадик, он мертв! Это ты! Ты! Его! Убил!

Вера не сдержалась и налетела на Эвона с кулаками. Она колотила его со всей силы, даже по пулевому ранению, а он молча терпел. Эвон был каменным.

Наконец, Вера обессилела. Уже спокойно повторила:

– Это ты. Ты во всём виноват.

Она молча вернулась к сосне. От костра остались одни угли.

– Как ты, девочка?

На щеках Марии пробился слабый румянец. Вера решила, что это лихорадка.

– Жива, – цинично съязвила девушка.

Предсказательница сощурилась.

– Не нужно никого винить в его смерти, Вера. Вадик сам навлёк на себя беду. Он пришёл сюда бездушным, понимаешь? Он

уже был мёртв.

Вера хотела колко высказаться относительно всезнайства Марии, ведь она всё же ошиблась, сказав, что Вадик не идёт за ними. Но не посмела – Марии и так было тяжело.

– Как вы?

Марии было приятно, что Вера беспокоится о ней. Но вместо ответа на заданный вопрос, она ответила на невысказанный:

– У мёртвых нет ауры, Вера. Поэтому я не видела его.

Погода испортилась. Мелкая морось пропитала небеса, подул холодный ветер. Вера смотрела на одинокий холмик, слёз уже не было. Крест она сделала сама, перевязав на скорую руку два прута.

Когда Вадика хоронили, Вера увидела на его груди дыру, словно кто-то выжег её. Кровь вокруг раны запеклась и была чёрной. Мария сказала, что телом Вадима завладел Кристиан. Он вытащил его душу и управлял мёртвым телом с помощью чёрной магии.

Но Вера верила, что тело Вадима не было мёртвым. Его душа оставалась с ним, в самом отдаленном уголке сознания. Пока Эвон не снёс ему голову. Должен был быть иной выход. Только Эвона это не интересовало.

Вера стояла у свежей могилы близкого человека и думала о том, что случилось. Разум отказывался верить глазам. С ней такое уже случалось, когда в одночасье девушка потеряла всю свою семью. Осознание приходит позднее.

Чувство вины тяжёлым грузом легло на Верины плечи. В этом мире, где всё чужое и непонятное, Вадим оказался по её вине. И погиб он из-за неё. Что дороже: жить невероятной мечтой, которая так и останется недосягаемой до конца твоих дней, но на протяжении отпущенного тебе времени вдохновит на множество красивых и, возможно, гениальных поступков, или, словно мотылёк, сгореть в одночасье в ярком пламени своего желания счастливым от того, что оно сбылось? «Вадик, прости меня, если я подарила тебе огонь против твоей воли,» – подумала Вера.

А Эвон? Сможет ли она простить его? И, что ещё важнее, понять? Все Верины мысли и чувства бунтовались. Девушка винила Эвона и тут же оправдывала, ненавидела и прощала, разочаровывалась и восхищалась его решимостью. Тот факт, что он защищал её, так неистово, вселял в душу девушки приторную приятность, от которой становилось стыдно. Вера ругала себя за это, ей было противно и больно, даже обидно, но она ничего не могла с этим поделать. Она привязалась к Эвону. И с ужасом осознала тот факт, что больше всего на свете она боится в нём

разочароваться.

За тяжелыми думами Вера не заметила, как пролетело время. Размытый диск солнца коснулся горизонта.

– Бог мой, какая красота, – пересохшими губами прошептала Мария.

От места, где солнце сливалось с землёй, распростерлась радужная дорожка. Она была рябой, словно водная гладь, и терялась вдали.

Эвон коснулся Вериного плеча:

– Нам нужно спешить.

Вера не ответила. Мария протянула руку к рюкзаку, где оставалось несколько флаконов с зельем. Эвон перехватил её запястье.

– Эвон, разреши мне воспользоваться энергией.

– Это безрассудство, – твердо заявил парень. – Мария, из-за тебя Вера рискует не дойти до места. Зачем ты мучаешь себя?

Мария ласково посмотрела на Эвона, и он увидел в её серых глазах мольбу.

– Я должна дождаться Сары. Кристиан не просто так хотел избавиться от меня.

– Сара мертва! – выпалил Эвон. – Мария, из-за раненья у тебя помутился рассудок. Мне тяжело отказать тебе, но я вынужден сделать так, как считаю нужным.

Лицо Марии перекосилось, но она не повысила голоса:

– Я родилась с даром предсказательницы. Это мой путь, и я знаю, как и когда он оборвётся. Тебе не дано гадать о чужих судьбах, я же вижу то, что должна видеть. Сара жива и очень скоро догонит нас. Будь добр, подай мне этот чёртов пузырек.

Настойчивость предсказательницы, похоже, убедила Эвона, но флакон с энергетиком остался лежать в рюкзаке.

– Лучше всего восстановить силы перед рекой, – посоветовал Эвон.

– Хвала высшим силам, мы на месте.

Мария обессилено рухнула на мокрую землю. Впереди искрилась река. Ширина её была около ста метров, течение медленное. Эвон открыл рюкзак, чтобы достать флакончик, но его внимание отвлек пронзительный звук.

В небе появилась огромная чёрная птица. Её перья блестели, словно животное кто-то облил маслом, а острый клюв крючком загибался вниз. Громко свиснув, птица спикировала прямо на путников, и Эвон уронил Веру на землю. Выругавшись, он достал лазер и попытался пронзить взбесившееся животное лучом, но разящий поток отражался от липких перьев, как от брони.

Описав в воздухе круг, птица с яростным криком возобновила нападение. Она атаковала несколько раз, постоянно стремясь выклевать жертвам глаза. И разочарованно свистела, когда это не удавалось. Во время очередной атаки птица, целясь Вере в лицо, неожиданно изменила траекторию полета и расцарапала щёку Марии, лишь чудом не задев глаза.

Эвон убрал лазер и заслонил Веру и Марию своей широкой грудью. Он развел руки в стороны, соблазняя противника легкой добычей.

– Что ты делаешь? – испугалась Вера. – Она выколет тебе глаза!

Но Эвон ждал, когда противник подлетит ближе. Выпустив острые, словно лезвия, когти, птица выставила лапы вперёд, готовясь вцепиться Эвону в лицо.

Когда цепкие когти почти настигли цель, Эвон резким движением перехватил лапы птицы и швырнул её в воздух над рекой. Птица возмущённо засвистела, и вода пришла в движение. Выбросив ввысь водяной столб, река захватила птицу, и та пронзительно закричала. Когда река втянула добычу в свои потоки и утихла, на водной поверхности не осталось ни одного чёрного пера.

Вера озадаченно смотрела на ровную водяную гладь.

– Что произошло?

Мария, тяжело дыша, стерла с лица кровь:

– Это первый барьер, отделяющий нас от Святой земли. Река Молчания.

В ушах всё ещё звучал последний птичий вопль.

– Чем она опасна?

– Она убьёт любого, кто издаст хотя бы один звук при её переходе.

– Так просто? – не поверила Вера.

– Нет, Вера. Это испытанье болью. Если твои ноги достойны ходить по Святой земле, ты должна молча стерпеть боль, которую даст тебе река.

Вера замерла, обдумывая услышанное. Ей абсолютно не нравилась перспектива хождения по тёмным водам, особенно, если учесть, что Вера с самого детства была нетерпима к боли. И, если при обычных обстоятельствах Вера могла хотя бы взвизгнуть, выражая тем самым своё отношение к агрессивному раздражителю, то здесь она обязана молчать в тряпочку. Вера подозревала, что как раз это у неё не получится.

– Разве нет другого пути?

Эвон молча покачал головой. Он подал Вере и Марии по флакону с энергетиком, один выпил сам. Вера выпила зелье, и её

тело наполнила лёгкость и сила. Девушка не ожидала такого эффекта, и неожиданная перемена придала ей уверенности.

Эвон взял Веру за плечи и развернул к себе, пристально посмотрел ей в глаза:

– Вера, это очень важно, – его пальцы с силой сжали хрупкие плечи. – Ни единого звука, иначе ты погибнешь. Держи меня за руку.

– Я готова, – храбро заверила Вера и вскрикнула – Эвон вонзил в её ладошку что-то острое.

– Твою мать! – девушка лихорадочно вытащила из запястья занозу. – Ты с ума сошёл?

– Эта боль лишь сотая часть того, что ты почувствуешь в воде. И она будет такой же неожиданной.

Вера облизнула пересохшие губы. Где-то далеко внутри распустил цепкие щупальца страх. Эвон снова уколол женскую ладошку. Вера сжала зубы.

– Сконцентрируй все свои чувства в животе, – учил Эвон, – отправляй боль туда.

Вера постаралась сделать так, как велел Эвон. В животе появился жар.

– Хорошо, – похвалил парень. – Запомни это ощущение. Если кто-то из нас не выдержит, то разделит участь той птицы.

Эвон подал Вере ещё один флакон и заставил выпить волшебную жидкость.

– А вы?

– Нам хватит, – заверил Эвон и вопросительно посмотрел на предсказательницу. Та уверенно кивнула. Потом он взял Веру за руку, и они шагнули в воду.

Глава 10

День выдался жарким. В такой зной привычная домашняя обстановка кажется чужой и неуютной. Дискомфорт проник в каждую клеточку тела, стены и мебель буквально источали жар.

Джошуа ненавидел духоту. Поэтому последние сутки перед затишьем были для него самыми тяжёлыми в году. А сегодня к этой тяжести присоединилось невыносимое ощущение неопределённости и обострившаяся фантомная боль.

Прошло трое суток, как он потерял кисть. Три дня назад он получил драгоценную порцию чужого дара, увидел Наследницу и спас волшебницу. Оторванная кисть – ничтожная плата за полученный опыт. Но, чёрт возьми, как же неудобно охотиться на трёх лапах!

Его раса вымирает. Волков осталось совсем немного, и он,

Джошуа, глава стаи, обязан спасти свой род. Сделать волчий ген доминантным и обеспечить рождение оборотней при смешении их рода с человеческим. А для этого нужен дар. Без него генетическая мутация невозможна.

Джошуа действовал в интересах стаи, но в неведение от неё. Он выиграл пять уличных боёв. И остался незамеченным в том, что он волк.

Первый бой был самым лёгким. Доминантной способностью побеждённого им тогда волшебника был дар целительства. Физически Джошуа превосходил соперника, а его обманчивая внешность позволила волшебнику легко согласиться на поединок.

С пальцев противника не успела сорваться ни одна молния. Первый поединок. Первая победа. Первые волны дара в волчьей крови.

Второй уличный бой был самым тяжёлым и долгим. Джошуа едва успевал зализывать раны с помощью своих новых способностей. Только хитрость помогла ему выйти победителем. Этот бой дал Джошуа достойную награду – дар опытного волшебника.

Третий поединок сделал Джошуа чёрным магом. Четвёртый укрепил намеченные позиции. Джошуа чувствовал силу, отлично ей управлял. Он уже хотел отказаться от боёв, решив, что в его венах достаточно магии, чтобы волчий ген соединился с доминантным геном волшебника. Но узнал, что в Аразане объявился маг с особым даром: он умел управлять процессами мейоза, формируя тем самым необходимый родителям геном плода. Проще говоря, если вы хотите именно девочку с голубыми глазами и непременно светлыми волосами, обращайтесь. Тогда ваши шансы зачать темноволосого мальчика с зелёными глазами равны нулю.

Джошуа не имел права отказаться от таких способностей. Он знал, что маг, несмотря на бравую внешность, законопослушен. Он прибыл в страну по просьбе одной зажиточной пары, которой потребовались его особенные услуги. Поэтому Джошуа надеялся, что, задев самолюбие гостя, он вынудит его пойти на бой.

Наживка была проглочена. Когда до мага дошли слухи о том, что какой-то несовершеннолетний мальчишка считает его сильным лишь в том, чтобы детишек лепить, он сам вышел на Джошуа. Бой организовали быстро, без особой подготовки.

В этом поединке Джошуа и потерял кисть. И то, этого не случилось бы, если бы не Наследница. Джошуа почувствовал её так же резко, как боль от оторванной конечности. Он хотел было проследить за поисковой группой, чтобы в случае необходимости помочь, но его вмешательство потребовалось неожиданно рано.

Их волшебница, Сара Лойти, была убита патрульными. Убедившись, что Наследница и остальные беглецы оторвались от опасности, Джошуа подобрал её тело и скрылся.

Это был его первый опыт исцеления, когда нужно было вернуть к жизни уже мёртвое тело. Джошуа собирал Сару буквально по частям, реставрировал органы и ткани. Самым тяжёлым было поддержание в течение всего этого времени питания мозга. Но Джошуа справился со своей задачей. Через восемнадцать часов волшебница открыла глаза.

За шестнадцать лет жизни Джошуа впервые видел такие глаза. Ярко-зелёные с таявшими тенями загробного мира. Тогда Джошуа испугался, что, вернув жизнь телу, он упустил душу. Но, когда тени растаяли, Джошуа распознал растерянность и испуг на внезапно помолодевшем женском личике. Джошуа не удержался и обнял Сару – он не знал, как по-другому мог защитить её в тот момент. А когда волшебница выплакалась и узнала историю своего спасения, перед Джошуа снова появилась та самая Сара Лойти, что отчаянно вступила в схватку с целым отрядом патрульных.

Взамен он не получил ничего, кроме сухого «спасибо». Волшебница наотрез отказалась делиться какой-либо информацией и исчезла так же быстро, как и умерла.

Джошуа остался один. Обессиленный до такой степени, что теперь не мог заглушить даже собственную боль.

Внезапно вся его сущность сжалась, дискомфорт и обида ушли на задний план. Джошуа едва сдерживался, чтобы не запустить трансформацию. В один прыжок он пересёк комнату и наотмашь распахнул дверь.

На пороге стоял он. Вампир. В чёрном походном плаще и язвами на лице от солнечных ожогов. У Джошуа промелькнула мысль о том, что жара довела его до безумия. Тем не менее незваный гость никуда не девался и даже заговорил с ним:

– Разреши мне войти, вожак стаи. Я пришёл с миром.

Вера хотела закричать, но Эвон с силой прижал девушку к себе и закрыл ладонью рот. Не соображая, что делает, Вера впилась в его запястье зубами. Из её глаз хлынули слёзы. Через мгновенье Вера почувствовала, что не сможет кричать, так как скулы свело судорогой. Тогда Эвон убрал ладонь с её губ.

Застыв, Вера боялась пошевелиться. Вода вокруг потемнела, и девушке казалось, что стоит сделать шаг, и пытка усилится. Чем глубже река, тем сильнее боль. Мария ушла вперёд, и Вера поняла, что права – вокруг предсказательницы воды были ещё темнее.

Вера не хотела терпеть. Она не умела и не могла. Единственное верное решение – сойти на берег. Но когда Вера попыталась шагнуть назад, река грозно забурлила, выражая недовольство, и девушка с ужасом поняла, что назад пути нет.

Эвон дрожащей рукой взял Веру за локоть и настойчиво потянул вперёд. Вера неуверенно перенесла вес с одной ноги на другую, прислушиваясь к болевым импульсам. Словно маленькая змейка, судорога на несколько миллиметров поднялась вверх по голени. Девушка испуганно посмотрела на Эвона, и он ещё крепче сжал её руку. «Иди!» – кричали его глаза.

Вера сделала шаг и чуть не задохнулась от боли.

Потом ещё один.

И ещё.

Тело скулило, словно обиженный пёс, разум охватила паника. А что, если она не выдержит? Вдруг в душераздирающем крике рот распахнется против её воли? Какой глубины река? А если придётся плыть?! Вода доходила до колена, а тело уже устало сопротивляться.

Неожиданный всплеск усилил Верины страхи. Всего за один шаг вода скрыла Марию по пояс, и от неожиданности предсказательница оступилась и с головой погрузилась в тёмную речную гладь. Вера вслушивалась в зловещую тишину, ожидая крика Марии, но его не последовало. Вынырнув, предсказательница судорожно вдохнула и продолжила движение. Рана на её груди кровоточила.

Вера мужественно дошла до злополучного места и была благодарна Эвону за то, что он не отпускал её руки. Но когда девушка осознала, что ещё шаг, и вода в одно мгновенье скроет их по пояс, её буквально парализовало. Нет! Она не выдержит! Вера не хочет больше терпеть и не сможет терпеть ещё больше.

Эвон мягко, но настойчиво потянул девушку за собой, и Вера замотала головой в немом протесте. Она беспомощно взирала на парня, не в силах сопротивляться безысходности. Ей казалось, что жар, охвативший живот, выжигает кости.

Тогда Эвон отпустил Верину руку. Шагнув в глубину, он оставил девушку позади. Когда его дыханье восстановилось, Эвон развернулся и подхватил Веру на руки, освободив от водного плена. Боль испарилась, и от облегченья Вера шумно выдохнула, едва не вскрикнув.

Эвон застыл. Казалось, вся чернота сгустилась вокруг него.

– Эвон! – Мария уже была на берегу. – Двигайся! Не давай реке завладеть тобой!

Эвон шагнул, и река зашипела, обжигая его. Молодой человек окаменел. Его скулы дернулись, разжимая челюсти. Зажмурившись в ожидании последнего удара, Вера впилась в его рот губами, не дав сорваться крику.

– Вера, дай ему энергетик! Скорее!

Не отрываясь от соленых губ, Вера лихорадочно полезла в рюкзак Эвона и достала оттуда пузырёк с малиновой жидкостью. Дрожащими руками она открыла флакон и, прервав поцелуй, поднесла его ко рту Эвона. Парень выпил зелье, и напряжение в его теле уменьшилось. Эвон сделал следующий шаг.

В самом глубоком месте вода доходила Эвону по грудь, и Вера снова ощутила на своих икрах острые жгучие лезвия, но боль уже была не такой резкой. Его руки, словно прутья, держали Веру, не отпуская даже тогда, когда он вышел на мель. И только в самый последний момент Эвон буквально выбросил девушку на берег и одним прыжком преодолел оставшееся расстояние. Рухнув, он стал кататься по песку, и от его крика Вера непроизвольно зажала руками уши.

Когда Эвон утих, девушка подползла к нему и убрала с его лица прилипшие пряди волос. Белый песок пристал к одежде толстым слоем. На ногах Эвона медленно затягивались язвы.

– Спасибо, – прошептал он и поцеловал кончики Вериных пальцев.

Вера не поняла, за что именно её благодарят, но не стала уточнять и помогла Эвону подняться.

– Ты в порядке?

Эвон пошатнулся.

– Всё хорошо, – хрипло заверил он и откашлялся. – А ты?

– Мне легче, чем вам. Если бы ты не помог, мне бы не хватило мужества дойти до берега.

Скинув плащ, который стал ужасно тяжёлым, парень принялся доставать остатки арсенала.

– Мария, ты сможешь идти дальше?

– Мне больше не надо никуда идти, – устало выдохнула предсказательница. Сидя на тёплом песке, Мария с тенью облегченья смотрела по ту сторону реки.

– Я же говорила, что она жива.

Мария гладила рыдающую девушку по спине. Для предсказательницы оставалось загадкой, каким образом Сара смогла преодолеть реку без помощи волшебного зелья, тем не менее, пока юная волшебница была в воде, Мария не переживала, так как её дар позволял видеть то, что было единственно важным: Сара не умрёт в этих жестоких водах. А значит, Мария сможет

выполнить свою последнюю миссию.

– Оставьте нас, – велела женщина и помогла Саре сесть. – И Эвон, пожалуйста, дай мне тот флакончик. Без него я не смогу выполнить свой долг.

Эвон медлил. Это был последний флакон. Взвешивая ситуацию, он понимал, что далее испытания будут не физического характера. Кроме того, к его великой радости, Мария оказалась, как всегда, права. Сара жива.

Эвон принял решение и отдал флакон Марии. Предсказательница залпом его осушила.

– Ступайте. Нам не понадобиться много времени.

Эвон отвёл Веру к красивому старому дубу. Дерево напомнило Вере дом. Однажды папа сделал из желудей бусы ей, маме и Жанне, а Миша покрасил их разноцветными красками. Это было накануне маминого дня рождения.

Вера села у дуба, облокотившись о морщинистый ствол. Эвон устроился рядом.

– Ты молодец, – подбодрил Веру Эвон. Его руки ещё тряслись.

– Скоро мы придем к долине, – парень внимательно изучал лицо девушки, – ещё одно испытание. Там материализуются страхи. Даже те, о которых не подозреваешь. Долина будет слать тебе видения, и будет казаться, что всё происходит по-настоящему. Когда ты окажешься там, реальность сольется с галлюцинациями. Это очень опасно. Долина может увлечь тебя в мир твоих страхов, и ты никогда не сможешь оттуда уйти.

– Что такое иллюзия по сравнению с болью, которую уже пришлось пережить? – задумчиво произнесла Вера.

– Сознание может легко обмануть нас. Ты будешь убеждена в том, чего нет, и не поверишь правде.

– Как с Вадимом? – сорвалось с женских губ.

Глаза Эвона потемнели.

– Ты считаешь меня убийцей?

Вера выдержала его взгляд.

– А тебя волнует, что я о тебе думаю?

– Да, – резко ответил Эвон. – Чёрт побери, Вера, я знаю о магии больше, чем ты думаешь! У парня не было шансов.

– Тебе Вадим с самого начала не нравился, – возразила Вера.

– Не безосновательно, – парировал Эвон и обхватил руками голову. – Неужели ты считаешь, что я воспользовался моментом? Хотя, это неважно.

– Что тогда важно?! – воскликнула Вера.

Эвон посмотрел на девушку. В его синих глазах плескался океан эмоций. На мгновение Вере показалось, что он хочет прикоснуться к ней. Но его рука только дрогнула, а

приоткрывшиеся губы снова сомкнулись в тонкую полосу.

– Твоя жизнь. Вот что сейчас превыше всего.

Мимолетное ощущение близости испарилось.

– Я слышала это не раз. Вот только в гонке за моим спасением вы до сих пор не поведали тайну о том, как же я должна спасти этот несчастный мир!

Эвон напрягся, как струна.

– Не молчи! Я хочу знать, что будет, когда мы дойдем до Святой Земли.

Эвон с шумом выпустил воздух из легких.

– Всё просто. Магия просочится через тебя. Ты должна направить её потоки в одну точку, и она воплотится в шар.

– И всё? – не поверила Вера. – Потом я смогу вернуться домой?

Эвон кусал нижнюю губу, на его кистях выступили вены, как будто он сжимал кулаки. Вере не нравилось, что он избегает её взгляда.

– Я не знаю, сможешь ты вернуться или нет.

Что ж, по крайней мере честно. Неужели Эвона тревожил этот факт? Вера заправила выбившуюся прядь волос за ухо и решила уточнить:

– Это всё, о чём я должна знать?

Эвон обхватил Верино лицо, и её щёки заалели. Заглянув ей в глаза, он, почти умоляя, произнёс:

– Это всё, о чём я хочу тебе сказать. Сейчас. Пожалуйста, Вера, не заставляй меня произносить то, что меня самого терзает. Я не готов к этому. И ты тоже. Обещаю, я не утаю этой тайны, но, если ты узнаешь её сейчас, то, скорее всего, не захочешь бороться. Только поэтому я до сих пор молчу. Когда мы окажемся на Святой Земле, я расскажу обо всём, что должен.

Эвон опустил руки и задумчиво спросил:

– Скажи, ты действительно хочешь вернуться домой?

Вера не знала, что ответить. Вместо этого она спросила:

– Чем маг отличается от волшебника?

Эвон удивлённо посмотрел на девушку.

– Вы всё время говорите: маг, волшебник, колдун… Какая разница?

Эвон обрадовался смене разговора.

– Волшебник – первоначальная ступень дара. Связующее звено между высшими и низшими магическими рангами. Его дар имеет природное происхождение, и сила этого дара определяется личностными качествами волшебника. Но иногда случается, что волшебник по какой-то причине хочет стать простым человеком. Тогда он по доброй воле может отказаться от дара, передав его

другому волшебнику. Сила волшебника, принявшего чужой дар, искусственно увеличивается, и он превращается в белого мага.

Вера сопоставила сказанное с тем, что Эвон рассказал о себе в гостинице.

– Если есть белые маги, значит, существуют и чёрные? – решила она.

– Да. Волшебник, способности которого превышают возможности другого волшебника, может насильно забрать у него дар. Так появляются чёрные маги.

– И много таких магов?

– Нет. Похищение чужого дара преследуется по закону. Если чёрный маг попадёт в руки властей, его казнят. Магов вообще, как таковых, очень мало. Гораздо больше в нашем мире колдунов.

– А это кто? Маги, укравшие силу у других магов?

Эвон улыбнулся.

– Нет. Колдун – это дитя двух магов. Его сила многократно превышает силу волшебника, и он могущественнее своих родителей, так как его дар передался ему через кровь. А в зависимости от того, кем были родители колдуна, он тоже может быть чёрным или белым. Только в этом случае подразделение просто условность, но даже в наше время к рангам до сих пор относятся предвзято.

Помнишь уличный бой? Когда-то он был официальным видом спорта. Наградой для победителя становился дар проигравшего. За то время, пока его не запретили, в нашем мире появилось очень много чёрных магов.

– Почему чёрных? Ведь участники заранее соглашались на условия игры?

– Да. Но в конечном итоге дар освобождался после убийства одного из участников, а значит, забирался насильно. Это метод чёрной магии.

– А Руфина? Она ведьма. Это тоже чёрная магия?

– В общем, да. Ведьмы и ведьмаки – это простые люди, которые в обмен на дар продают душу тёмным силам. Крайне редко они одумываются, когда понимают, что дар не стоит той цены, что они за него заплатили. Тогда, в надежде расторгнуть сделку, ведьмы отказываются использовать данную им силу. Их называют отступниками. Считается, если ведьма за всю свою жизнь не прикоснётся к возможностям своего дара, ей возвратят душу.

– А каким будет считаться колдун, если его родителями окажутся белый и чёрный маг?

– Ранг колдуна в этом случае будет определяться тем, дар которого из родителей был сильнее.

– А кем считается ребёнок простого человека и волшебника? Или мага и колдуна?

– Здесь чёткого подразделения нет. Хотя в первом случае, как правило, на свет появляются волшебники. Вера, дар, – это как ген: он либо передаётся, либо нет. От союза волшебника и колдуна может родиться как волшебник, так и колдун. В простонародье детей родителей разных рангов называют просто – метисы. Но ты должна знать, что смешение кровей в нашем мире не одобряется. Оно не запрещено законом, но негласно семья разных рангов выпадает из общества.

– По-моему, это глупо.

– Да, это несправедливо.

На лицо Эвона упала тень. Молодой человек грустно улыбнулся и поставил в разговоре точку:

– Вера, я понимаю, что тебе сейчас очень тяжело. Прости, что мы решили за тебя сами. Знай, что я готов в любой момент прийти и поддержать тебя. Я совру, если скажу, что мне безразлично твоё мнение обо мне. Но я не перестану обманывать тебя до самого конца, реальность слишком жестока. Поверь, это наказание для меня и пытка. Если бы только можно было повернуть время вспять, я бы не посмел выбрать тебя. Теперь же я несу твой крест на одном плече со своим. Прошу, ты можешь винить меня в чём угодно, только лишь не упрекай в бессердечности. Если бы я не обезглавил Вадима, то Мария, а возможно, и ты, была бы сейчас мертва.

Вера не знала, как вести себя. Профиль Эвона был строгим, как будто скульптор изваял его из мрамора.

– Как ты думаешь, если Сара жива, то кто погиб там, в Биртоне?

Она снова увидела, как на лбу Эвона появились морщинки. Парень хотел что-то сказать, но земля сотряслась так, словно началось землетрясение.

Когда Вера и Эвон ушли, Мария дождалась, пока Сара перестанет всхлипывать.

– Сара, я должна тебя кое о чём попросить.

Волшебница была обессилена переходом реки, но знала, что беспричинно Мария не стала бы её беспокоить. Кроме того, предсказательница выглядела весьма скверно, на её теле Сара видела рану несовместимую с жизнью. То, что Мария до сих пор искусственно поддерживала в себе жизненную энергию, настораживало юную волшебницу.

Тем временем Мария прилегла и закрыла глаза.

– Сара, ты знаешь, в чём заключается мой дар?

Сара удивилась.

– Вы можете видеть чужие судьбы и будущее.

– А как мне это удаётся?

– Ну, вы направляете своё внимание на определённого человека и получаете о нём всю информацию.

– Ты права. Если я сконцентрирую силу своего дара на один объект, то смогу увидеть даже его мечты. Что касается будущего, то оно зависит от людских судеб.

Мария тяжело вздохнула, ей было сложно объяснить Саре то, что знают люди, обладающие таким видом дара. Ещё невероятнее было разъяснить волшебнице механизмы его проявления.

– Даже пребывая в расслабленном состоянии, не имея цели узнать чужую судьбу, предсказатели способны видеть ауру человека. Например, твоя светится ярким красным светом. У всех волшебников такая аура. Если же у человека нет дара, его аура синяя. Благодаря этому предсказатель всегда знает, сколько в толпе простых людей, а сколько волшебников. Моя аура оранжевая, ведьмы всегда окутаны зелёным свечением.

Сара вспомнила, как патрульный хотел проверить их с помощью стержня. Насколько знала Сара, стержень даёт информацию о человеке, меняя свой цвет. Теперь Сара поняла принцип работы этого устройства: стержень считывает ауру.

– Если аура бледнеет, значит, человек скоро умрёт. Например, сейчас моя аура светится слабым жёлтым светом. Как по-твоему, Сара, какая аура должна быть у Веры?

– Вера погибнет, – рассудила девушка. – Её аура должна быть бледно-синей, почти голубой.

– Правильно. Но аура Веры непостоянна. Крайне редко она имеет бледный синий оттенок. Такой она должна быть всегда, ибо так предначертано судьбой. Но гораздо чаще аура Веры мерцает насыщенным синим. Это означает, что вопреки нашим представлениям, путь Веры не определён. И от того, какую дорогу она изберёт, зависит судьба всего мира.

– Разве такое возможно?

Сара лихорадочно соображала. Она не обладала даром предвидения, но теоретически могла предположить, что то, о чём говорит Мария, нереально. Магическая энергия, которая после освобождения из шара просочится сквозь Веру, буквально сожжёт её изнутри. Как после этого выжить? Вера может остаться в живых только в одном случае: магия не будет заключена обратно в шар и рассеется по миру, размножая хаос.

Мария облизала сухие губы.

– Нет ничего невозможного, девочка. Моё время на исходе, мне не дано проконтролировать грядущие события. Теперь это

бремя ляжет на твои плечи. Ты должна сделать так, чтобы Вера приняла правильное решение.

Сара попыталась понять, каким образом Вера может «избрать» неверный путь. Ведь после того, как магия обретёт свободу, тело Веры впитает её в себя, словно лупа рассеянные солнечные лучи. А когда испепеляющий вихрь просочится наружу, то соберётся в одной точке, превратившись в шар. Всё. Это просто, как дважды два. Не важно, где в этот момент будет Вера. Не имеет значения, чем она будет заниматься. Магия сама найдет её.

Может, из-за ранения дар Марии претерпел изменения, и она попросту бредит? Тем не менее, взгляд предсказательницы оставался ясным, и лишь серая кожа и мелкая дрожь в теле свидетельствовали об её недуге.

Сара попыталась как можно мягче возразить Марии:

– Как я смогу это сделать? Мария, ты можешь видеть то, что недоступно простой волшебнице. У меня есть сила, но я не знаю, куда её направлять.

Мария закрыла глаза.

– Сара, – глухо произнесла она, – ты должна принять мой дар.

Девушка опешила.

– Мария, ты сошла с ума! Меня казнят!

Предсказательницу накрыло чувство вины, но она не поддалась эмоциям.

– Сара, – ласково сказала Мария и коснулась руки девушки. Ладонь Марии была холодной, и Сара невольно вздрогнула. – Ты много раз рисковала жизнью ради нашего дела. Ты не побоялась вступить в поединок с отрядом патрульных, а потом в одиночку перешла реку Молчания. Мой дар имеет ту же цену.

– Это не так, – возразила Сара. – Там я имела власть управлять своей жизнью. Но, как только ты передашь мне дар предсказателя, верховные маги откроют на меня охоту. Да я даже не удостоюсь чести погибнуть на Доброй горе! Кончу на виселице, как преступница в старые добрые времена.

Мария вздохнула, силы медленно покидали её.

– Чтобы найти волшебницу с даром предсказателя, нужно время. Маги будут знать лишь сам факт твоего появления. Чтобы разыскать тебя, им придется изрядно потрудиться.

Сара плотно сомкнула губы. Мария наблюдала за её реакцией в надежде, что смогла уговорить волшебницу. Но, похоже, Сара считала, что Мария повредилась рассудком. Что ж, придётся надавить на больное.

– Если ты действительно любишь Эвона, то согласишься, – заявила Мария.

На Сару словно выплеснули ушат холодной воды.

– Как вы узнали?

– Я знала это с самого начала. Как только увидела тебя и Эвона, когда пришла в Сагенту, чтобы сообщить о шаре.

Мария заговорчески подмигнула Саре:

– Я повлияла на решение совета о том, чтобы тебя приняли в нашу команду.

Сара опустила глаза. Воспоминания о прежней жизни накрыли её, словно цунами холодный песчаный берег. Как давно это было! Пятнадцать лет назад Сара впервые увидела Эвона. Ей было всего семь, когда родители Эвона приняли её в свой дом.

Несмотря на юный возраст, девочка воспылала нежными чувствами к своему новому старшему брату, но в силу недопонимания случившихся в её душе перемен, Сара просто радовалась тому, что у неё, наконец, есть настоящие мама и папа, а также два брата, с одним из которых Сара не хотела расставаться ни на минуту. Эвона не тяготила её компания, напротив, он всегда с удовольствием брал Сару в ряды мальчишеских компаний и с энтузиазмом объяснял ей правила различных игр, в которые любила играть придворная детвора. Сара впитывала каждое произнесенное братом слово, словно лакмусовая бумажка, и изо всех сил старалась не подвести ожидания Эвона. Это были замечательные годы.

Потом Эвон всё чаще стал уходить из дома один. Каждый раз Сара примерно ждала его возвращения, и, когда брат, уставший, приходил ночью домой, его глаза светились радостью, а губы горели. Эвон уходил в свою комнату, а Сара прислушивалась к новым чувствам, которые тревожили её в такие моменты всё сильней. Девушка скучала по общению с Эвоном, ей не хватало его заботы и доброты, она не могла понять, что случилось с её любимым братом.

Понимание пришло постепенно, но неумолимо. Теперь даже занятия с лучшими волшебниками, которые обучали её искусству владения даром, не могли отвлечь Сару от мыслей о брате. Однажды, когда Эвон в очередной раз пришёл домой поздней ночью, Сара кинулась к нему и, словно пулю, выпалила фразу о том, что любит его. Эвон немного удивился, а потом со всей силы сжал Сару в своих объятиях, потрепал по волосам и, витая где-то в облаках, сообщил о том, что тоже очень-очень её любит. А потом, как всегда, ушёл в свою комнату, оставив Сару наедине с печальными мыслями.

Сейчас Сара понимала, что неправильно преподнесла Эвону свои чувства. Но тогда она больше не посмела заговорить об этом, и просто наблюдала за тем, как Эвон отдаляется от неё. Она даже

привыкла к едва уловимому запаху сладких духов, который улавливало её обоняние каждый раз, когда Эвон возвращался домой. И ей было обидно от того, что брат не замечал, что она, Сара, тоже уже не девочка. Как бы она ни старалась выглядеть привлекательно, какой бы макияж ни делала, какую бы одежду ни надевала, Эвон по-прежнему относился к ней, как к своей младшей сестре. При взгляде на неё в глазах Эвона ни разу не вспыхнул тот огонёк, которым горели его глаза после возвращения с ночных свиданий.

Когда отец сообщил Саре, что Эвон отправляется на поиски Наследника, Сара чуть не сошла с ума. Она всеми правдами и неправдами старалась повлиять на решение совета, но её старания оказались напрасными. Тогда она дёрнула за другую веревочку: Сара выставила свою кандидатуру в качестве волшебницы, которая должна будет сопровождать группу в параллельном мире. Отец был в бешенстве, но не мог запретить ей пробовать свои силы в начавшейся гонке. Сара была наравне со своими соперниками, а кому-то даже уступала в проявлении волшебного мастерства, но физически ей не было равных. Совет одобрил её кандидатуру, и никто уже не мог повлиять на принятое решение. Всё это время Сара наивно полагала, что она сама добилась нужного результата. Оказывается, это заслуга Марии.

Саре стало обидно. Неужели она никогда ничего не добьётся сама? Она всегда стремилась быть похожей на Эвона, мечтала стать сильной и уверенной. Она старалась не уступать ловкости Олли и мудрости Марии. Саре казалось, что в параллели Эвон стал относиться к ней по-другому. Он разговаривал с Сарой так же, как с Марией и Олли, доверял важные дела и гордился тем, с какой лёгкостью она с ними справляется. Сара старалась изо всех сил, чтобы быть со всеми на равных. Она хотела, чтобы Эвон, наконец, увидел в ней женщину.

Неужели её самостоятельность была лишь видимостью и Эвон продолжал опекать Сару и на Земле? Похоже, она навсегда останется для него младшей сестрёнкой. Вероятность того, что всё это время она была обузой, уколола Сару в самое сердце.

– Сара, ты сильно повзрослела, – произнесла Мария, опровергая мысли волшебницы. – Я всегда знала, что в тебе скрыт огромный потенциал. Именно поэтому я настояла на твоей кандидатуре. Именно поэтому сейчас я требую от тебя того, чего никогда не посмела бы просить у других.

– Как Эвон связан с Верой? – с полными слёз глазами спросила Сара.

Сердце предсказательницы сжалось. Она видела надежду,

которая всё ещё горела в душе юной волшебницы. Нет, Мария не скажет ей всего. Когда Сара примет дар предсказательницы, то всё увидит сама. Сейчас Мария скажет ей лишь то, что действительно важно.

– Аура Эвона меняется вместе с аурой Веры. Они бледнеют одновременно. А когда аура Веры яркая, аура Эвона краснеет. Ты понимаешь, что это значит?

Сара часто заморгала, смахивая слезы.

– Как? – поразилась волшебница.

Являясь старшим сыном королевской семьи, когда-то Эвон был наследником престола и превосходным волшебником. Однажды он должен был жениться на принцессе соседнего государства и объединить тем самым большие земли, укрепив и без того мощную экономику страны. Эта политическая линия готовилась на протяжении нескольких поколений, и родители Эвона с самого детства готовили мальчика к тому, что он станет управлять несокрушимой страной.

По правде сказать, на подсознательном уровне Сара знала, что Эвона не вдохновляла такая перспектива. Его всегда тянуло на волю, туда, где не было правильных архитектурных форм и изысканных манер. А отец чересчур строго воспитывал сына и часто ругал его за то, что с легкостью сходило с рук его младшему брату Золану. Тем не менее, правила не позволяли унаследовать престол Золану, что, по мнению последнего, было несправедливо. Золан, в отличие от Эвона, не брезговал роскошью и был падок до власти.

Порой Саре казалось, что мама сочувствует Эвону. Она знала, что перспектива правления огромной державой удручает сына. Он слушал отца и соглашался с законами, но внутри юного волшебника бушевало пламя протеста. И однажды оно вырвалось на волю.

В двадцать один год Эвон влюбился. Впервые, по-настоящему. Молодая особа, дочь небезызвестного в стране адвоката, завладела сердцем наследника престола. Пять месяцев влюбленные тайно встречались, пять месяцев Сара наблюдала за тем, как брат каждый вечер тайно покидает свои апартаменты и возвращается домой глубокой ночью. Тогда Эвон впервые спросил отца, насколько гибок закон. Он рассказал родителям о своей любви и попросил об отмене помолвки с Аилин.

Отец пришёл в ярость.

– Твой сын неблагодарен! – прогремел он на весь дворец.

– Так пускай Золан унаследует трон! – защитилась мама, но отец уже захлопнул за собой дверь, извергая ругательства.

Адвоката и его семью выслали из страны. Эвону запретили

покидать пределы дворца. И хотя с одной стороны Сара понимала, какие убеждения заставили отца так поступить, она удивлялась тому, что он не воспринял чувства Эвона всерьёз и, зная характер сына, пошёл на такие меры.

В течение нескольких недель Эвон вёл себя прилежно, и отец не мог нарадоваться тому, что сын наконец-то взялся за ум и осознал свою ошибку, но Сара понимала, что это лишь затишье перед грозой. Накануне новогодних праздников дворец сотрясся, как будто началось извержение вулкана. Когда толчки закончились, Сара услышала разъярённые крики отца и нервные причитания матери. Словно ошпаренная, девушка помчалась в апартаменты Эвона и увидела там Золана, своего второго названого брата. Вокруг юношей образовалось облако, которое стремительно кружилось золотой пылью от запястий Эвона к груди Золана. Всё происходило так стремительно, что Сара не поняла, в какой момент золотой вихрь исчез, а Эвон опустился на колени.

Как следует всё взвесив, отец не стал отрекаться от сына. Отказавшись от своего дара в пользу младшего брата, Эвон подарил тем самым стране нового наследника, не просто волшебника, а белого мага. Теперь союз с соседним государством становился ещё выгоднее, чем прежде. Семья адвоката была реабилитирована, Эвон сделал возлюбленной предложение руки и сердца. Сара почти смирилась с тем, что навсегда останется для Эвона младшей сестрёнкой, когда узнала, что Есения отказала Эвону. Для Сары до сих пор оставалось загадкой то, что могло произойти между молодыми людьми, но она не смела залезать в чужую душу.

Боль Эвона превратилась в её боль. Сара не знала, как вести себя, не понимала, что должна делать и говорить. В конце концов она снова стала для Эвона напарником и лучшим другом. Она попросила Эвона обучить её искусству владения холодным и огнестрельным оружием, изучала приёмы самообороны, а Эвон с головой уходил в их занятия. Их творческий союз был нерушим, пока однажды в резиденцию Биртона не пришла Мария и не сообщила весть о том, что хрустальный шар снова появится в их мире.

Мария хитро улыбнулась Саре, вернув её в реальность.

– Держу пари, что аура Эвона снова может стать красной.

– Вряд ли Эвон хочет снова стать волшебником, – словно сама себе возразила Сара.

– Боже мой, Сара, важно совсем другое! – разозлилась Мария. – Я даю тебе шанс спасти Эвона! Как ты не понимаешь?

Сара закусила губу. Мария сказала ей два варианта будущего,

и аура Эвона яркая (да ещё и красная!) лишь в случае хаотичного рассеивания магической энергии по миру.

– Я не могу так поступить, – глухо прошептала Сара.

– А ты и не посмеешь! – прошипела Мария. – Я даю тебе шанс попытаться увидеть ещё один возможный путь. Такой, где энергия будет заключена в сосуд, и Эвон останется жив.

– Эта дорога существует? – с надеждой спросила Сара.

– Не знаю, – честно призналась Мария. – Попробуй его найти. Но, учти, – Мария с силой вцепилась в запястье волшебницы, – если ты не сможешь разглядеть за вуалью времени ничего нового, ты не имеешь права дать волю чувствам! Магия должна быть заключена обратно в шар.

В горле Сары застрял комок. Вернуть магию в шар – их главная цель. Но тогда Эвон умрёт. Как? Почему? Каким образом смерть Эвона связана с гибелью Веры? Сара обязана найти выход! Она сделает всё, чтобы Эвон жил!

– Я согласна, – тихо сказала волшебница. – Мария, я готова принять твой дар.

Жизненные силы вытекли из Марии вместе с её даром. Сару всё ещё колотила мелкая дрожь, когда на грохот прибежали Эвон и Вера. Увидев на запястьях Марии два аккуратных свежих шрама, а в лёгком дыхании Сары небывалую энергию, Эвон побелел.

– Что ты наделала?! – проорал он и схватил Сару за плечи. – Что ты натворила?! Зачем?!

Эвон стал трясти Сару, задавая один и тот же вопрос, но та не реагировала. Наконец Эвон отпустил волшебницу и отступил на шаг, в ярости сжав кулаки.

– Сара, тебя казнят, – безнадёжно прошептал он.

«Ну, конечно же, казнят,» – подумала Сара. Предсказатели знают будущее, но не могут на него влиять. А у неё, у волшебницы, есть такая сила. Верховные маги не позволят ей жить. Вот только Саре теперь всё равно.

Она ненавидела Марию. Она задушила бы её голыми руками, если бы только та уже не была мертва. Сара не хотела знать, не хотела видеть. Она отказывается это принимать.

Но дыхание чужого дара, которое молодым жаром пылало в её крови, не обманывало. Вот она, дрожащая ниточка от сердца к сердцу. Ещё совсем тоненькая, но такая прочная. Они ещё сами не подозревают о её существовании. Боже, как же это больно!

– Я сделала это ради тебя, – прошептала Сара и в отчаянии припала ртом к губам Эвона. Когда Эвон так и не ответил на внезапный поцелуй, Сара отстранилась от него и, закусив губу,

побрела прочь. Эвон в смятении смотрел ей вслед, с горечью осознавая, что его младшая сестрёнка никогда не относилась к нему как к брату.

Когда земля сотряслась так, словно кто-то выворачивал её изнутри, Эвон, будто ошпаренный, метнулся на берег. Вера едва за ним поспевала. Открывшаяся картина озадачила девушку.

Почти у самой воды лежало бездыханное тело Марии. Её глаза были открыты, губы застыли в едва заметной улыбке. Сара, поражённая, пристально уставилась на Веру и Эвона. Что-то в волшебнице изменилось, но Вера никак не могла уловить суть.

Реакция Эвона напугала Веру. Почему он так взбешён? Он тряс волшебницу с такой силой, что Вере казалось, что голова волшебницы вот-вот отвалится.

Когда Сара поцеловала Эвона, в груди что-то ойкнуло. Вера почувствовала странное облегчение от того, что Эвон не ответил на порыв девушки. Тогда Сара отвернулась и, яростно посмотрев на Веру, ушла.

Вера подошла к телу Марии, стараясь стереть из памяти последний взор Сары. Что могло вызвать в ней такую агрессию? Вера обязательно спросит об этом волшебницу, но сначала нужно проститься с Марией.

Вера заострила вниманье на внешности покойной. Вглядываясь в черты её лица, она пыталась понять, что здесь произошло. Ей стало жалко предсказательницу. Мертвая, Мария выглядела очень маленькой и уязвимой. Она хорошо держалась при жизни, а какие силы помогли ей протянуть почти сутки после ранения, оставалось для Веры загадкой.

Вера взяла шершавую ладонь женщины и сжала её пальцы, выражая сочувствие. Она понимала, что Марии больше нет, но Вере казалось, что этот простой жест должен каким-то образам поведать Марии о её скорби.

На внутренней стороне запястья предсказательницы Вера увидела свежий шрам. Она разглядывала узкую нить повреждённой кожи, сопоставляя шрам предсказательницы со шрамом Эвона. На второй руке Марии был точно такой же шрам. Тогда до Веры стало медленно доходить. Она посмотрела на волосы предсказательницы. Мария была седой от корней до кончиков. Только теперь посреди её седины появились локоны, имеющие белоснежный цвет.

Вера обернулась к Эвону. Всё это время парень безмолвно за ней наблюдал.

– Мария передала свой дар Саре, – сказал он. – Я должен её похоронить.

Вера вспомнила, что рассказал о себе Эвон. Ей всегда казалось, что он особенный. Его внешность, манера поведения. Но Вера хотела верить, что Эвон принял дар, а не отказался от него. А он отрёкся от того, что было дано природой. Его сила. Его сущность. Вера очень хотела узнать, что подтолкнуло Эвона на этот шаг, но не решалась спросить. Этот поступок не укладывался у Веры в голове.

В животе заурчало. Вера наспех зажевала бутерброд и решила побродить по окрестностям в поисках какой-нибудь другой пищи, но потерпела неудачу и вернулась к берегу.

Эвон захоронил Марию.

– Скоро будет живая зона, – сказал он, вытирая лоб. – Там можно будет подстрелить кролика или куропатку. В бутербродах мало энергии.

Вера кивнула.

– С тобой всё в порядке? – спросил Эвон.

– Всё хорошо. Мы ведь спешим?

Эвон кинул на могильный холм последнюю горсть песка.

– Идём, – он отряхнул руки и изучил горизонт. Солнечный диск скрылся почти на половину.

Шли молча. Сара держалась обособленно. Приняв дар предсказательницы, она казалась Вере недосягаемой. Повзрослев в одночасье, волшебница обрела знание, и Вера подозревала, что это что-то важное.

Вера тайком приглядывалась к Эвону. Молодой человек был погружён в свои мысли, Вера уже узнавала такое выражение его лица, когда губы складывались в тонкую линию, а на лбу появлялись мелкие морщинки.

Интересно, Эвон был сильным волшебником? Какой мощью он владел? Вера представила, как с его рук срывается огонь, а тело пружинит в боевом танце. Она буквально видела капли пота на его лице, стальной блеск в синих глазах, приподнявшиеся уголки губ в незаметной улыбке. Вера смотрела на Эвона и не верила, что в этом прекрасном сильном теле больше нет того, что должно было принадлежать ему по праву. Она хотела подойти к нему и обнять. Пожалеть. Спросить, что заставило его так поступить. Какое странное желание.

Живой зоной оказался редкий бордовый лес. Ни одного дерева Вера не узнала, почву застилала опадающая мокрая листва. Лес был переполнен звуками. Насквозь пропитанный сумерками, в алом свете заката он казался сказочным.

Вдыхая влажный воздух, Вера осторожно вступала на покрывающий землю ковёр из листьев, дивясь его упругости. Ей

казалось, что под ногами не земля, а пружина, и стоит Вере подпрыгнуть, как её начнет подкидывать вверх-вниз без остановки.

Эвон шёл впереди, прокладывая путь. Он двигался мягко и грациозно, словно хищник, выискивающий жертву. Прислушиваясь к лесному шёпоту, он реагировал на любой, даже самый тихий звук.

Вера стала подражать Эвону, и неожиданно до неё дошло, что Эвон охотится. Девушку заинтриговала эта игра. Следуя за парнем на расстоянии двадцати метров, Вера шла по его следам, прощупывая взглядом горизонт и принюхиваясь.

С каждым шагом она увлекалась всё больше. Слыша чьё-то рычанье, Вера представляла, что это пантера. Тогда девушка начинала идти с кошачьей грацией, воображая себя хищницей. Если кто-то шипел, Вера припадала к земле и начинала извиваться, словно змея. Любой свист манил её в небо. Вере было так хорошо и легко, что она слышала музыку. Музыку природы. Играли листья, играл ветер. Весь лес был живым, и Вера стала его центром.

Прогремел выстрел, и Вера рухнула на влажную листву.

– Вера!

Эвон бил девушку по щекам.

– Очнись! Вера!

Девушка разлепила глаза. На высоте метров шести на обломленном сучке висел клочок ткани от её спортивных штанов. На правом бедре Вера обнаружила кровоподтёк.

– Я что, упала? – не поверила Вера.

– Цела? – поинтересовалась Сара. Вера так давно не слышала её голоса, что не сразу сообразила, что нужно ответить. В руках волшебница держала мёртвую лису.

– Предлагаю перекусить.

Сара сделала непонятный жест, и перед ними возникла куча хвороста. Потом волшебница что-то прошептала, и вспыхнуло яркое пламя. Эвон выпотрошил её добычу.

– Сара, а почему ты убила лису выстрелом? – спросила Вера. – Ты могла бы воспользоваться своими магическими способностями.

Сара пожала плечами.

– Ни к чему тратить силы дара, если можно справиться так.

– А костёр?

Сара посмотрела на Веру так, словно та была несмышленым подростком.

– А сколько бы ты потратила времени на разведение костра из сырого хвороста?

Вера различила в тембре голоса Сары знакомый акцент. Когда-то так разговаривала Мария, отвечая на вопросы, ответ на которые был очевидным.

– Понятно, – буркнула Вера и села поближе к огню.

Пламя завораживало. Верины мысли неуклонно возвращались к Эвону. Он совсем не похож на Вадика. У них нет ничего общего. Так почему ей хочется, чтобы Эвон был рядом? А их вынужденный поцелуй до сих пор горел у девушки на губах.

При воспоминании о Вадике сердце болезненно сжалось. Это была скорбь, вина, обида, недосказанность. А ещё ужасающая картина его гибели, где Эвону досталась роль палача.

Вера понимала, что Мария и Эвон разбираются в магии и не врут о том, что Вадик был на тот момент уже мёртв. Да и рана на его безжизненном теле подтверждала их слова.

Но понимать – не значит признать. И чем сильнее Верина душа привязывалась к Эвону, тем больнее сжималось её сердце. Тем громче звучали в её голове интонации последней фразы Вадима.

– Райен жив? – спросила Вера, пока Эвон насаживал лисицу на самодельный вертел.

Сара косо посмотрела на Веру, словно та снова спросила что-то несуразное, а Эвон отреагировал спокойно.

– Райен самый великий и древний колдун нашего времени, – пояснил молодой человек, проверяя, насколько надёжно тушка держится на прутьях. – Никто точно не знает его возраста. Многие даже не помнят, как он выглядит, потому что Райен очень давно не покидал пределы своего замка. Тем не менее, к его мнению и советам прислушиваются и не смеют пренебрегать ими. Ты знаешь, мы рассказывали, что перемещающее заклинание было разработано именно им.

Вера кивнула. Девушка пыталась найти связующую нить между тем, что сейчас услышала от Эвона, и тем, что перед смертью сказал ей Вадик. У неё ничего не получалось, и Вера пришла к выводу, что это оттого, что она не знает, от чего именно её должен спасти этот самый Райен. И судя по всему Вере не расскажут об этом, пока она не доберётся до Святой Земли. Похоже, продолжать этот разговор нет никакого смысла.

– А почему ты спрашиваешь? – насторожилась Сара.

Вера наигранно улыбнулась и неопределённо пожала плечами:

– Просто так.

Вера опустила глаза и принялась разжёвывать предложенный Эвоном кусок мяса. К её удивлению, было очень вкусно, и даже отсутствие соли не повлияло на аппетит.

Проглатывая мясное лакомство, Вера поймала на себе задумчивый взгляд Эвона.

– Что? – пробубнила она, запивая мясо водой.

– Как ты это сделала?

– Что сделала? – не поняла Вера.

Эвон продолжал изучать девушку. Её сердце взволнованно заколотилось.

– Это одна из способностей эльфов, – пояснил он. – Твой род чувствует душу природы. Ты слилась с лесом в духовном танце. Вообще-то это должно было произойти только на Святой Земле.

Вера пожала плечами.

– Не знаю. И не танцевала я вовсе. Просто дала волю фантазии.

Девушка улыбнулась, а потом задумалась.

– Хочешь сказать, я на самом деле залезла на ту ветку? – не поверила Вера.

– Залетела, – поправил Эвон. Заметив Верину растерянность, он хохотнул.

– А ты думала, что твои крылья для красоты?

Девушка смутилась и покраснела.

– Если честно, я думала, что в них заключено бессмертие, – смущаясь, призналась она.

Брови Эвона поползли вверх.

– Ты не бессмертна, – возразил он. – Просто у тебя замедлен обмен веществ. Поэтому ты стареешь медленнее, чем простые люди. Но твоё тело так же уязвимо, как и моё.

Разочарование не укрылось в миндальных глазах. Смешавшись со смущением, оно разрисовало Верино лицо красками невинности и доверчивости.

В очередной раз Эвон почувствовал себя мерзавцем. Как он мог допустить, что эта девушка до сих пор не знает о том, что её ждет? И как теперь после всего случившегося Эвон скажет ей об этом? Он увяз в этой подлой трясине уже с головой и с тяжёлым сердцем ожидал момента, когда Вера посмотрит на него не украдкой, а открыто и с ненавистью.

Сара хлопнула в ладоши, и костер погас.

На сытый желудок настроение Веры немного улучшилось. Она шла по лесу, всматриваясь в яркие переливы листвы. Потом Вере захотелось спать. Жидкая энергия, питающая молодой организм, закончилась, и рефлексы завладели телом.

Дорога вывела к оврагу. Словно таинственный остров, он был окутан густым туманом. Корни вековых деревьев сползали вниз, как щупальца огромного осьминога. Кое-где на склонах виднелись слои плесени.

– Сара, ты можешь рассеять туман? – попросил Эвон.

Волшебница нахмурилась:

– Тебя что-то настораживает?

– Здесь тихо.

Озабоченность Эвона передалась Вере, сон как рукой сняло. У оврага действительно была зловещая тишина. Сказочный лес, переполненный живыми звуками, остался позади.

– Я попробую, – согласилась Сара.

Вере не понравилась эта идея. Что-то подсказывало ей, что это место не любит, когда нарушают его законы.

– Давайте его обойдём, – предложила Вера. Тревога нарастала сильней.

– Сначала посмотрим, что внизу, – возразила волшебница. – Овраг слишком большой, чтобы тратить время в обход.

Вере нечего было сказать. Сара принялась нашептывать заклинанье, но туман не сдвигался. Тогда волшебница решила подойти ближе.

– Не ходи туда, – забеспокоилась Вера, но Сара уже вплотную подошла к белой стене. Вытянув вперед руку, девушка коснулась тумана. Белое марево стало неохотно расползаться.

Эвон подошёл к волшебнице. Его цепкий взгляд пытался уловить любую мелочь, выплывающую из-за пелены. Но за одним слоем тумана был точно такой же слой. Словно густая вата, он обволакивал землю, не подпуская чужаков.

– Пойдём вслепую? – поинтересовалась волшебница.

Эвон колебался, но диск солнца настойчиво опускался вниз.

– Я иду первым. Вера за мной.

У Веры не было ни малейшего желания погружаться в белую неизвестность, но выбора не было. Они стали медленно спускаться по склону. Переплетённые корни вековых деревьев образовывали подобие лестничных ступенек. Пахло сыростью.

Вера наступила на что-то скользкое. Это что-то зашевелилось и с шипением уползло из-под ног. Туман делал видимость практически нулевой, но Вера догадалась, что это был за гад. Сглотнув, девушка стала двигаться ещё медленнее, осторожно вступая на импровизированные ступеньки.

Склон стал более крутым. Теперь, чтобы не покатиться кубарем вниз, приходилось держаться за выступающие корни деревьев. Взявшись за очередную ветку, Вера почувствовала под пальцами шевеление. Когда «корень» зашипел, она в ужасе швырнула его в сторону и потеряла равновесие. Сара хотела ухватить Веру за руку, но не успела, и Вера покатилась вниз, увлекая за собой Эвона.

Хорошенько обив бока, они приземлись на влажную листву.

Вера подняла голову, но наверху ничего не было видно.

– Эвон, – тихо позвала она. – Ты где?

– Здесь. – Эвон взял Веру под локоть. – Не сильно ушиблась?

– Нет, – соврала Вера. – А ты?

– Эвон! – голос Сары звучал где-то далеко. – Вы в порядке?

– Да, – отозвался Эвон, отряхивая прилипшие листья.

– Я сейчас спущусь! – пообещала волшебница.

В тишине было хорошо слышно, как под ногами волшебницы трещат старые ветки и оседает листва.

Поблизости что-то хрустнуло. Зашуршали листья.

– Сара? – не поверила Вера. – Это ты?

– Тише! – приказал Эвон и прижался к Вере спиной. – Внимательно смотри под ноги.

Вера достала лазер и, с силой сжав его рукоятку, стала вглядываться в белое марево над слоем гнилых листьев. Когда глаза уловили движение, она пришла в ужас. Скрытый под листвой, к ногам подполз огромный чёрный змей. Его чешуя шевелилась под мощными кольцами мышц.

Раздалось протяжное шипение. Змей вынырнул из-под лиственного покрова и с огромной скоростью несколько раз прополз по кругу, демонстрируя своё неуязвимое тело. Опёршись на конец хвоста, рептилия вытянулась в воздух и грозно зашипела, готовясь к атаке.

Вера выстрелила в змея одновременно с Эвоном. Гад молниеносно кинулся к земле. Нырнув между Верой и Эвоном, он сшиб девушку с ног, и Вера упала, выронив лазер. Змей обвился вокруг Эвона, сжав его в плотном кольце своих мышц. В ужасе Вера лихорадочно пыталась нащупать на земле оружие, но напрасно.

Вспышка яркого света озарила пространство и врезалась в старое дерево, испепелив его. Сара выругалась и запустила в гадюку очередной огненный шар, но он взорвался на полпути.

– Не буянь, волшебница, – попросил ласковый женский голос. – Мой малыш не причинит никому зла. Если только я этого не захочу.

Туман задрожал и начал медленно стекаться в одну точку, вырисовывая женский силуэт. Когда дым материализовался, Вера увидела стройную бледнолицую девушку с бескровными синими губами и длинными волосами молочного цвета. Волосы доходили до земли и незаметно перетекали в туманное марево. Такого же цвета было платье. Оно, как и волосы, было длинным и превращалось в молочную дымку.

– Меня зовут Асоль, – представилась девушка. – Я хозяйка этого леса.

– Отпусти его, – холодно отрезала Сара, – или я превращу твоего питомца в груду пепла.

Асоль укоризненно покачала головой.

– Сара, как же ты это сделаешь, не задев Эвона? – грустно поинтересовалась она. – Ну, попробуй, если хочешь.

Асоль улыбнулась и подплыла к волшебнице. Словно змея, её туманное тело обвилось вокруг Сары. Молочные руки девушки коснулись волос волшебницы.

– Так-так, интересно, – Асоль довольно гладила Сару по волосам. – Как же ты не увидела опасности, предсказательница? Скажи, чья аура сейчас бледна? Твоя?

Сара молчала.

– Его? Или, может быть, её?

Асоль исчезла и тут же материализовалась возле Веры. Девушка почувствовала холод, когда Асоль обвилась вокруг её тела.

– Ты зря понадеялась на свои силы, волшебница. Этот лес принадлежит мне. Здесь живут и умирают только по моей воле.

– Что тебе нужно?

Асоль сползла с Веры и подплыла к змею. Она погладила его по чёрной чешуе, и рептилия слегка ослабила хватку. Эвон судорожно вздохнул.

– Я не собиралась вас трогать, – грустно призналась Асоль. – Но вы нарушили два лесных закона.

Она снова материализовалась возле Веры.

– Ты воспользовалась моим правом.

По спине побежали мурашки. Вера догадывалась, о чём говорит Асоль.

– Я не хотела, – оправдалась Вера. – Это вышло случайно.

– Знаю, – перебила она. – Но это так. Ты подчинила себе мой лес, став его частью. Это неприятно.

Асоль улыбнулась.

– Не бойся. Я не стану сильно сердиться, если и ты поделишься со мной своим правом.

– Каким?

– Памятью. Видишь ли, – пояснила Асоль, – мне здесь ужасно скучно.

Она поджала губы и печально продолжила:

– Я знаю судьбы всех живых тварей этого леса. Их страхи, радости и печали. А гостей, как понимаешь, у меня не было уже очень давно. Мне всё надоело. Если ты поделишься со мной своими воспоминаниями, я проживу ещё одну жизнь. Это совсем несложно.

Вера нахмурилась.

– Пожалуйста, – протяжно попросила Асоль.

– Вера, не надо, – прохрипел Эвон. Асоль нарисовала указательным пальцем в воздухе круг, и змей усилил хватку.

– Если ты не согласишься, он умрёт, – просто сказала она.

Вера испугалась и неуверенно кивнула.

– Вот и славненько, – радостно промурлыкала Асоль.

Вера почувствовала, как туман проникает в её тело, расплываясь по венам холодным ветром. Стало трудно дышать. Колючие щупальца подбирались к мозгу, плавно обхватывая каждую клеточку. Потом память яркой вспышкой швырнула Веру в прошлое, помещая в тёплое чрево матери. Картинки вихрем засверкали перед глазами. Вера в садике. Огорчение от первой двойки. Вера на курорте. Новый дом. Поссорилась с лучшей подругой. Пробует сигарету. Первый поцелуй. Вера получила права, поступила в институт…

Калейдоскоп событий закружил девушку, окуная в букет переживаний и чувств, словно в первый раз. Когда Асоль выудила трагическую гибель семьи, Вера заплакала. Она снова почувствовала растерянность и боль. А потом злость и бесконечное чувство страха. Вера заново пережила ночи, наполненные желанием вперемешку с отвращением, долгие и бессонные. Больничная палата и озадаченные физиономии врачей. Радость от того, что она была с Вадимом и боль его утраты. Мария, Сара, Эвон… Переходя реку, теперь Вера могла кричать. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда Асоль вышла из её сознания.

Асоль озадаченно вгляделась Вере в лицо. Потом она подплыла к Эвону и коснулась своими обескровленными губами его рта. Нахмурившись, она без предупрежденья снова коснулась Вериного сознанья и выудила из памяти их с Эвоном поцелуй.

– Бедная девочка, – с сожаленьем произнесла Асоль, покинув Верин разум. – Не обманывай себя. Это был не он.

Заметив Верино замешательство, Асоль довольно засмеялась.

– Ты даже не представляешь, какой бесценный опыт мне подарила, – с улыбкой произнесла она и закружилась над поляной призрачной дымкой.

– Раскрой свои глаза, сестра! – голосом Жанны нараспев протянула Асоль.

Вера похолодела.

– Что тебе ещё нужно?

– От тебя ничего.

Асоль захохотала и обвилась вокруг Сары.

– Ты убила моё дитя, – грустно шепнула она. – Сара, теперь мне придется убить тебя.

Асоль сползла с волшебницы и щелкнула пальцами. Змей оставил Эвона и заключил в свои смертельные объятия Сару. Волшебница болезненно поморщилась.

– Асоль! – Эвон держался за правый бок. – Не будь дурой! Зачем тебе выполнять чужую работу?

Змей ослабил хватку.

– Ты знаешь, какая судьба ожидает волшебницу с даром предсказателя!

Асоль задумалась.

– Тогда, может быть, отдашь мне её? – дерзко поинтересовалась она, ткнув в Веру пальцем.

Эвон презрительно улыбнулся:

– Она эльф. И очень скоро выполнит свою миссию. Я был о тебе большего мнения, Асоль.

Змей с силой отшвырнул волшебницу в сторону и захватил в свои тиски Эвона. Асоль материализовалась напротив его лица.

– Значит, ты готов отдать свою жизнь за чужой грех? – поинтересовалась она. – Какое благородство!

– Эвон, заткнись! – прорычала Сара. – Асоль нужна я, а не ты!

Асоль не обращала внимания на волшебницу. Вере стало тошно. Это прекрасное чудище вывернуло наизнанку её душу, а теперь мучает Эвона.

– Асоль, я не доберусь до Святой Земли без Эвона!

Голос Веры не дрогнул, и она ощутила уверенность.

– Если ты сейчас его убьёшь, я умру. Тогда погибнут все. И твой лес. И ты вместе с ним. Отпусти нас, и останешься жить.

Асоль засмеялась.

– Милочка, ты знаешь, сколько мне веков? Порой жить очень грустно.

Эвон закашлял, и змей ослабил тиски.

– Асоль, – прохрипел Эвон, – как только Вера исполнит свой долг, я вернусь к тебе.

Асоль подозрительно на него посмотрела.

– Хороший ход, – призналась она. – Что ж, я умею ждать. Кроме того, я облегчу тебе задачу.

Змей выпустил Эвона и исчез. Асоль туманной стрелой прошла сквозь Эвона, оставив на его груди небольшой белый круг.

– Как только магия будет заключена в шар, ты превратишься в туман, – пообещала она и исчезла.

Глава 11

Сара была разгневана.

– Зачем ты это сделал? Чёрт, Эвон, ты хоть понимаешь, что тебя ждёт?

– Это мой выбор.

– Ну да, конечно, – Сара нервно хихикнула. – Простите.

Девушка подошла к Вере и ткнула пальцем ей в грудь. Потом, завороженно смотря на свой палец, она подошла к Эвону и так же ткнула его.

– Знаешь, теперь я поняла. Ты давно уже всё решил, не так ли? И вот подвернулся такой удобный случай.

Сара обхватила руками голову.

– Боже, Эвон, я не узнаю тебя!

– Прекрати! – сорвался парень. – Или я вытащу из тебя этот проклятый дар, даже если мне придется выпотрошить тебя на глазах у Веры!

– Идиот, – прошептала волшебница, её глаза слезились.

Сара пошла на закат. Вера смотрела ей вслед. В ушах гремело обещание Асоль.

– Эвон, Сара права, – тихо сказала Вера. – Мы должны что-то сделать. Так нельзя, должен быть выход.

За видимым спокойствием Вера сдерживала панику. Страх за жизнь Эвона обрушился снежным комом, и от этого кома леденела душа.

– Не надо ничего делать, – устало отмахнулся Эвон. Он коснулся кончиков Вериных ушей и улыбнулся:

– Ты знаешь, что ты самый прекрасный эльф из всех возможных?

Вера сквозь слёзы спросила:

– А ты видел других эльфов?

– Нет. Но в исторических томах есть достаточно чётких портретов лидеров твоей расы.

– Даски и Наила?

– Откуда ты знаешь? – удивился Эвон.

– Лес рассказал.

– Что ещё он тебе сказал?

– Не помню, – честно призналась Вера. – Просто, когда ты заговорил о лидерах, в моей голове всплыли имена. И я точно знаю, что о них я узнала от леса.

– Возможно, на Святой Земле ты узнаешь ещё больше. Идем, – Эвон ласково дотронулся до Вериной щеки, смахнув слезинку. – Не расстраивайся, всё идет своим чередом.

Странно видеть, как за белым песком чёткой линией начинаются заросли высокой осоки. Трава размеренно колосилась под ленивыми порывами ветра, то припадая к земле, то вытягиваясь к тёмному небу. Сочная зелень завладела огромной территорией, было сложно понять, насколько велика долина.

Сара, как обычно, попыталась прощупать пространство с помощью магии. По сморщенному носу волшебницы Вера поняла, что ничего толкового она не выглядела. А когда Сара вплотную подошла к границе долины, мощный поток воздуха подхватил её и забросил в самую гущу травы.

Девушка исчезла.

– Сара! – позвал Эвон.

Ответа не последовало.

– Где она? – Вера упрямо всматривалась вдаль, но не могла обнаружить волшебницу. Каждый раз, когда ей казалось, что она видит копну рыжих волос, оказывалось, что это всего лишь блик заходящего солнца.

– Что будем делать?

Эвон пригладил растрепавшиеся волосы. Он тревожно прощупывал взглядом долину.

– Надо идти.

– Это плохая идея, – поморщилась Вера. Она очень-очень не хотела приближаться к долине. Необъяснимый страх не давал сдвинуться с места.

– Я не хочу.

Эвон облизнул губы. Его руки легли на хрупкие плечи.

– Мы должны. Обещаю, я буду рядом.

В глазах Эвона отразился Верин страх. Он сжал пальцы с такой силой, что Вера подумала, что на её плечах, скорее всего, через несколько часов выступят синяки. Эвон поспешно опустил руки, но Вера не позволила ему отстраниться и взяла парня за руку. Чувствуя пульс друг друга, они медленно подошли к траве.

У самой границы тёплый ветер подхватил их и унёс в небо. Воздушные вихри крутили, то поднимая, то опуская. Пару раз они проваливались, словно авиалайнер в воздушной яме. Дыхание перехватывало, а молекулы кислорода материализовались и пузырились вокруг, как газировка. Вера неизбежно проглатывала пузырьки, и голова кружилась от переизбытка свежего воздуха. В конце тряхнуло так, что их с Эвоном пальцы расцепились, и Вера испугалась, что потеряла Эвона. Но, к счастью, воздушный поток уже опускался к земле, и Вера приземлилась в паре метров от него.

Эвон помог девушке встать.

– Сара! – снова позвал он.

– Тише! – Вера вздрогнула от крика Эвона. – Не шуми.

– Возможно, Саре нужна помощь, – возразил он.

Вера помотала головой.

– С ней всё в порядке.

– Уверена?

– Я чувствую долину. Она не убивает.

– Долина – нет, но видения, которые она шлёт, могут быть опасными.

– Эвон, с Сарой всё хорошо. Поверь. А долина не любит шум.

Эвон немного успокоился. Он не понимал, откуда к Вере приходит знание. Вера и сама плохо понимала. Это было похоже на вспышку мысли, которая возникает в голове и становится неизбежно верной.

Они снова взялись за руки. Вела Вера. Интуиция направляла девушку не вперёд, а налево. Вере казалось, что именно на севере заканчивалась долина. Точнее, она была уверена, что долина уже начала свою игру, и в то время, когда казалось, что они идут на запад, на самом деле они двигались как раз на север.

Сердце отчаянно заколотилось, когда оказалось, что Вера была права. В какой-то момент солнечный диск, словно яблоко, покатился по горизонту и оказался напротив путников. А земля, как пластинка, крутанулась вслед за солнцем. Всё случилось так быстро, что Вере закружило голову. Она пошатнулась, и Эвон подхватил девушку. Вера старалась твёрдо стоять на ногах, но земля превратилась в гамак, и Веру шатало из стороны в сторону. Она закрыла глаза, пытаясь найти опору, но голову понесло, и Вера снова рухнула на Эвона.

Девушка открыла глаза. Эвон держал её в объятиях, Вера чувствовала стук его сердца. Он был так близко. Тепло его рук прожигало одежду насквозь и расплывалось по телу томным жаром. Вера не хотела, чтобы Эвон отпускал её. Девушка тонула в синих глазах, желая снова познать вкус его тонких губ.

Вера приподняла голову, и Эвон ответил встречным движением. Когда их губы встретились, Вера испугалась, что умрёт от счастья. Здесь, в тишине, а не в горючем потоке ледяной боли, она познала настоящий поцелуй, который дарил ей самый прекрасный на свете человек.

Когда Эвон оторвался от Вериных губ, девушка испугалась. Ей стало страшно от одной только мысли о том, что больше Эвон никогда так не обнимет её и не поцелует. Вера боялась потерять Эвона. Она возненавидела Асоль всеми силами души.

Эвон ласково погладил девушку по голове.

– Не бойся, всё будет хорошо, – заверил он, когда

почувствовал дрожь в хрупком теле.

Но Веру всё равно трясло. Животный страх. Веру уже колотило, а страх всё нарастал. Эвон обеспокоенно огляделся.

– Что с тобой? – зубы девушки колотились, словно от холода. – Здесь никого нет.

– Волки, – выпалила Вера.

– Что?

– Волки. Их много.

Эвон потянулся за лазером.

– Не надо, – Вера остановила его. – Они не причинят нам вреда.

– Тогда почему ты трясёшься? – не понял Эвон.

– Это их страх. Они боятся долины.

Эвон нахмурился. Он всматривался в заросли осоки, но, как и Вера, ничего не мог разглядеть.

– Я не слышал о том, чтобы долина увлекала животных. Кроме того, ни одна тварь не смогла бы преодолеть реку.

Вера развела руки.

– Эвон, они следуют за нами. Не знаю, зачем. Только из-за них я не понимаю, что чувствую я сама.

Эвон задумчиво потер виски.

– В любом случае, мы должны двигаться. Постарайся сосредоточиться.

Вера последовала совету. Страх улетучился, но Вере стало мучительно тошно. Сердце заныло, на душе скребли кошки. Вера задыхалась и была готова вырвать себе все внутренности, лишь бы только не чувствовать такой тоски.

Эвон в ужасе тряс девушку за плечи, но его голос звучал, словно эхо. Вера не разбирала слов. Скорбь сотен животных завладела ею. Внутри выросла дыра, когда Вера поняла, что именно эти чувства настигнут её, когда Асоль выполнит своё обещанье.

Тогда Вера отказалась дышать. Зачем? Уж лучше умереть сейчас, чем потом взвыть от тоски, как волчица. Чем дольше лёгкие не работали, тем призрачней становился Эвон. А потом стало темно. Вера чувствовала, как уходят отголоски печали, и радовалась наступающей легкости.

Как же она устала.

– Мама?

Вера находилась в состоянии невесомости. Это такое чувство, когда тело настолько лёгкое, что кажется, будто ты существуешь отдельно от него.

– Мама!

Вера не верила своим глазам. Мама, красивая и уставшая, ласково гладила её по волосам.

– Тише, – приговаривала она. – Всё хорошо, я с тобой.

Вера хотела встать, но мама мягко удержала её.

– Не надо, – попросила она. – Ты должна отдыхать.

Вера послушалась.

– Папа здесь? – устало спросила она.

– Он скоро придёт, – пообещала мама. – Мы по тебе скучали.

– Я тоже.

Вера закрыла глаза, ощущая себя самой счастливой. Они снова вместе, Вера и её семья. Оказывается, это совсем не страшно, умереть. Вере было спокойно и хорошо.

– Вы не бросите меня? – спросила Вера.

– Нет, – пообещала мама, целуя её руку. – Но и ты должна захотеть остаться.

– Я хочу, – заверила Вера. – Я больше не могу носиться по миру, трясясь от неизвестности. Зачем они выбрали меня? Здесь, рядом с вами, не будет ни страха, ни боли. Почему люди боятся умереть?

Мама грустно улыбнулась.

– Ты не умерла, – прошептала она.

– Тогда почему ты со мной?

– Потому что я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Вера закрыла глаза и провалилась в небытие. Перед глазами мелькали картинки, но их смысл она не понимала и не запоминала. Даже сквозь сон Вера чувствовала мягкое прикосновение маминой ладони к своей руке. Вера не могла поверить своему счастью и так боялась снова оказаться в Сагенте, что не могла заставить себя открыть глаза. А вдруг мама исчезнет?

Сагента. Смысл этого слова постепенно ускользал от Веры, но она чувствовала, что там есть что-то очень важное для неё и родное. Что? Вера сосредоточилась и попыталась выудить из памяти деталь, заставляющую её снова и снова мысленно возвращаться в тот мир, но разум молчал. Только сердце начинало отчаянно грохать по ребрам каждый раз, когда Вере казалось, что она добралась до глубин своей памяти.

– Вера…

Девушка вздрогнула.

– Мама? – позвала она.

– Я здесь, – поспешно отозвалась мама, сжимая Верину ладонь.

– Ты звала меня?

– Нет, – заверила она.

– Я слышала! Меня кто-то звал!

– Вера, успокойся, – взволнованно попросила мама. – Здесь никого нет.

– Вера…

Девушка ахнула. Память о последних днях накрыла её с головой.

– Эвон! – вскакивая, закричала она. – Эвон!

– Вера! – отозвалось эхо.

Вера хотела побежать на зов, но мама вцепилась в её руку.

– Вера, не надо! – взмолилась она. – Останься, прошу тебя! Здесь тебе будет лучше!

– Нет! Ты мертва! Вы все мертвы! Я не хочу!

Мысль о том, что она добровольно могла навсегда остаться в мире мёртвых, сжала душу в холодные тиски.

Вера побежала на закат. Долина была необъятной.

– Вера! – мамин силуэт бледнел, превращаясь в дым. – Вернись!

– Эвон! – звала Вера, сбиваясь с ног. – Эвон!

Ей никто не ответил. Вера пришла в ужас.

– Эвон! Сара!

Эхо монотонно повторяло её зов. Сочная осока насквозь пропитала трико прозрачной росой. Вера металась по просторам, теряя за горизонтом недавние ориентиры и счёт времени. И больше не слышала, чтобы её звали.

– Эвон!

Вдруг Вера больше никогда не увидит Эвона? Девушку охватила паника. Маленьким комочком она подошла к горлу и превратилась в слёзы.

– Эвон, – рыдала Вера. – Где ты?

Долина молчала. Вера без сил опустилась на землю. Уткнувшись лицом в траву, она плакала, беззвучно повторяя любимое имя.

Кто-то негромко засмеялся.

– Сара?

Девушка смотрела на Веру сверху вниз.

– Сара!

Вера вскочила, но Сара каким-то образом отдалилась от неё.

– Сара! Не уходи!

Вера побежала за волшебницей, но расстояние, разделяющее их, не уменьшалось.

– Быстрее, – велела волшебница. – Быстрее!

Вера из последних сил бросилась к Саре. Она продолжала тихо смеяться.

– Вот видишь, – довольно произнесла волшебница, когда Вера сбилась с ног, – ты никогда не сможешь занять моё место.

Вера удивлённо захлопала глазами. Сара содрогалась от хохота.

– Никогда! – вторила она. – Эвон никогда не будет твоим!

Вера невольно смотрела на волшебницу, не понимая причин её веселья. Сара замолчала и, наклонившись к Вере, прошептала:

– Только в мечтах.

Что за бред? Вера разозлилась и оттолкнула волшебницу.

– Где Эвон?

Сара хитро улыбнулась.

– А где ты хочешь, чтобы он сейчас был?

– Где Эвон?!

Сара поманила Веру.

– Смотри, – сказала она, раскрывая свою ладонь, – мама велела тебе кое-что передать.

На ладони у Сары сидел огромный мохнатый тарантул. Она протянула его Вере.

– Бери. Это подарок.

Вера в ужасе отпрянула от волшебницы.

– Бери, бери, – смеялась она. – Мама расстроится, если ты останешься здесь.

Сара бросила паука в девушку, но та отмахнулась. Не достигнув цели, тарантул упал на землю и лопнул.

– Упс, – хохотнула Сара. – Вера, да на тебя лекарств не напасёшься!

Сара принялась забрасывать Веру насекомыми. Когда у ног девушки образовалась кучка мохнатых лапок, Сара начала злиться.

– Не надо играть со мной! – прошипела она. – Твоё место там!

Сара ткнула пальцем на запад. Вера обернулась. Мамин силуэт бледным пятном застыл в воздухе.

– Давай же, беги, – подтолкнула волшебница.

И Вера побежала. Довольный смех Сары эхом расползался по долине. Волшебница ликовала. Мама протянула Вере руки, и девушка нырнула в её призрачный фантом.

– Мама, ты знаешь, как выбраться отсюда? Скажи! – молила Вера, но мама молчала.

– Помоги! Ты знаешь!

Мама ласково смотрела на любимую дочь.

– Вера, успокойся, – попросила она.

В душе девушки поселилась надежда.

– Ты поможешь мне?

Мама улыбнулась и погладила Веру по щеке. Её руки были

влажные.

– Что ты делаешь? – насторожилась Вера.

– Прости, доченька, но так будет лучше.

– Что?

Вера хотела отстраниться, но мама не пускала её. Туманная рука сжала Верино запястье и потянула к себе.

– Нет! – сопротивлялась Вера. – Не смей решать за меня! Нет!

Мама посадила на Верин локтевой сгиб тарантула. Насекомое мгновенно прокусило нежную кожу и выпрыснуло яд в вену. Девушка почувствовала, как жгучий сок разбегается по сосудам. Голова закружилась, ноги подкосились. Мама отпустила руку, и Вера села.

– Почему? – прошептала девушка.

Ей что-то ответили, но Вера не услышала. В её голове стальным звоном гудел довольный смех волшебницы. Он прочной паутинкой вплелся в душу, превращаясь в комок ненависти.

– Вот увидишь, все не так страшно, – ободряла Веру Сара, заливаясь победоносным хохотом.

Из последних сил Вера попыталась встать, стремясь вырвать клок рыжих волос, но волшебница стала медленно таять. Её силуэт, бледнея, растворялся в воздухе, а смех становился тише.

– Пока, – Сара помахала рукой и исчезла.

Долина поплыла у Веры перед глазами, превращаясь в жидкий кисель. Клочок солнца бледнел, отливая стеклянным жёлтым светом. Горизонт начал принимать очертанья замкнутого пространства, а воздух материализовался в едкую пыль.

– Эвон, – из последних сил шептала Вера.

Мамин образ становился реальным.

– Он больше не придет. Не надо звать.

Но Вера не могла смириться. Протест и обида разожгли в сердце девушки синее пламя сопротивленья. Она попыталась успокоиться и сосредоточила своё вниманье на акте дыхания. Если она будет дышать, то не умрёт.

Тяжело и неохотно над легкими поднимались ребра. Скрипуче и неприятно расправлял альвеолы воздух. Жар хлынул к голове.

– Эвон! – хрипло кричала Вера. – Я здесь!

– Не надо! – испугалась мама. Она снова стала тускнеть.

Вера не сдавалась.

– Эвон!

Дрожа, она медленно встала. Земля под ногами качалась, превращая долину в гигантские качели. Диск заходящего солнца стал загораться красным.

– Вера…

Сердце отчаянно заколотилось.

– Эвон, где ты?

Мама хватала Веру за руки.

– Не уходи, Вера! Останься со мной! – умоляла она.

– Нет!

– Вера, я здесь…

Вера оглянулась.

– Эвон, я тебя не вижу!

Мама постоянно старалась касаться Веры, отвлекая.

– Смотри на меня! – велел Эвон.

Вера отчаянно вглядывалась в пространство, туда, откуда звал Эвон, но ничего не видела. Потом в воздухе появились едва уловимые очертанья мужской фигуры.

– Вера! – крикнула мама, и девушка автоматически повернулась. Мамин образ сразу стал ярче, а когда Вера оглянулась, мужской силуэт растаял.

– Чёрт! – выругалась Вера. Не оборачиваться!

– Эвон!

– Вера…

Вера побежала навстречу голосу, отбиваясь от маминых холодных рук.

– Вера, не надо, – просила она. – Останься!

Вера не слушала. Падая снова и снова, превозмогая слабость, она шла на зов. Мамин голос становился тише.

– Эвон!

– Вера!

Эвон рывком выдернул девушку из абстракции. Мир приобрёл прежний вид.

– Эвон! – радостно воскликнула Вера, обнимая парня. – Это ты!

Эвон сжал Веру в крепких объятиях.

– Всё хорошо, – успокаивал он, гладя девушку по голове. – Всё хорошо.

Всхлипывая, Вера хотела отстраниться, но тут же снова прижалась к мужской груди, испугавшись, что стоит ей отступить, как Эвон снова исчезнет.

– Гм, – Сара была недовольна. – Может, хватит сопли распускать?

Вера вздрогнула. Сара строго поджала губы, упёршись руками в бока.

– Идём! – велела она.

Вера буквально вжалась в Эвона. Сара нахмурилась.

– Тебе чего там примерещилось? – подозрительно спросила она.

Вера сглотнула:
– Ничего.

Глава 12

Солнце закатилось за горизонт, и мир погрузился в кромешную тьму. Путники двигались по лунной дорожке, раскинувшейся на сыром песке блестящим отраженьем, и эта тропинка была единственным источником света во мраке. Беззвёздное небо проглотило шарик луны, размыв её края. Вера видела такое небо впервые, чёрное и глубокое. В воздухе появились нотки опасной свежести, когда природа обманчиво девственна. Очень скоро на этих землях появится что-то чужое, враждебное. Инстинкты обострились, Вера постоянно прислушивалась к тишине и вглядывалась в темноту.

Вокруг паучьего укуса жгла и пульсировала кровь. Иногда Вере казалось, что где-то за горизонтом за ней наблюдает мама, верит и ждёт, что Вера вернётся. Тогда сознание играло с девушкой злую шутку, делая воспоминания о маминых прикосновениях совсем реальными, а в крови разгорался ядовитый жар. Чтобы избавиться от видений, Вера звала Эвона, и его голос возвращал её в реальность.

Приближаясь к неизвестности, Вера старалась стереть из памяти пережитый страх. Девушка превратилась в механизм, задачей которого был беспрерывный бег.

Вскоре вдалеке показалось фиолетовое свечение. Оно сплошной полосой растянулось по горизонту, дразня переливами. Вера знала, что за неоновым занавесом раскинулись необъятные просторы Святой земли. Осталось совсем немного, и больше не нужно будет никуда спешить. Они будут в безопасности.

В предвкушенье достигнутой цели, путники ускорились. Вера едва выдерживала заданный ритм. С приближением к границе становилось светлее. Сердце вырывалось наружу. Оно едва не выпрыгнуло из груди, когда позади Вера услышала хриплое шипение. Она окликнула Эвона, но он только сильней сжал Вере руку.

Их кто-то преследует. Он совсем близко, едва касается земли. Вера обернулась, но никого не увидела. Задыхаясь, она крикнула Эвону об опасности, но ни он, ни волшебница не откликнулись.

По спине побежали мурашки. Кто-то стремительно к ним приближался, и он был не один. Мёртвая тишина, нарушаемая лишь сбивчивым дыханием, словно дразнила Верин слух, нашёптывая едва уловимое «берегись». Оно эхом отражалось от мокрой земли, растворяясь в холодном кислороде. А хищники,

настигающие их в темноте, не нуждаются в жизненном веянии ветров. Их целью была Вера. Ни Сара, ни Эвон не замечали опасности.

Вера полностью сконцентрировалась на передвижении врага. Один, чьё мертвое дыхание она слышала, был уже совсем близко. Вера знала, что темнота – его главное преимущество. Он практически неуязвим и очень опасен. Их разделяет несколько жалких метров, тварь преодолеет расстояние за один прыжок. И всё же у Веры был шанс – она знала об опасности. Поэтому, когда хищник оторвался от земли в смертельном рывке, Вера уже определила, кто его цель.

Вера кинулась на Эвона на доли секунды раньше, чем враг, и повалила парня на землю. Вампир оскалился в хищной усмешке и присел на корточки, готовясь к новой атаке. Его движения были резкими и точными, но дразняще медленными. Сара хотела испепелить его огненным залпом, но тварь грациозно уклонилась от смертоносного вихря.

Из мрака выскользнули ещё два вампира и замерли, играя ситуацией. Сара и Эвон обступили Веру, закрыв собой, но Вера, как и они, знала, что это лишь видимая защита.

Вампиры затеяли игру. Сначала в неё вступил самый молодой хищник. Он был тощий, а серая кожа, словно сухой пергамент, обтягивала впалые скулы. Вампир напал на Сару. Вяло, без энтузиазма. Когда же волшебница атаковала, в его движениях появлялась скорость и сноровка, предназначенные для выживания. В конце концов, защищаясь от дразнящих нападений хищника, Сара была вынуждена отдалиться от Веры.

Второй вампир напал на Эвона. Парень воспользовался кинжалом, но вместо мёртвой плоти он пробороздил пустоту. Вампир манил Эвона к себе и в ложных порывах набрасывался на парня, отдаляясь в самый последний момент. Когда хищнику надоела игра, он со всего маху отшвырнул Эвона в сторону и ринулся к нему в смертельном прыжке.

– Эвон! – в шоковом состоянии Вера совершенно забыла о третьем вампире.

– Привет, – кокетливо шепнул он прямо в ухо. Его холодное дыхание обжигало кожу.

Вампир провел шершавым языком по Вериной шее. Словно парализованная, Вера терпела противное прикосновение и наблюдала, как Эвон выбрасывает вперед кинжал в бесполезной обороне.

Огромный коричневый пёс налету сбил вампира, едва не задев своими мощными лапами Эвона. Словно мячик, в сторону отскочила серая голова. Вампир, жаждущий Вериной крови,

оторвался от шеи девушки и с хриплым шипением набросился на волка.

В темноте загорелись десятки жёлтых глаз. Вампир, играющий с Сарой, начал атаковать всерьёз. Когда Эвон переключил его внимание на себя, волшебница испепелила тощее тело.

Сара и Эвон снова заслонили Веру собой и, подталкивая, велели двигаться к Святой Земле. Вера побежала, стараясь не выпустить их из поля зрения. С молодыми людьми поравнялись оборотни: кто-то в волчьем обличии, кто-то трансформировался на ходу. Они не атаковали первыми, ждали хода вампиров, чьё незримое присутствие растворилось во мгле. И, когда с юга мелькнуло порывистое движение, волки сорвались с места.

Треск костей и шкур смешался с гулким рычаньем и хриплым шипеньем. Сара срывала с пальцев бесконечные потоки пламени, и воздух наполнился противным запахом горелой плоти. Вера бежала изо всех сил, но казалось, что граница стояла на месте, в то время, как живая стена схватки становилась ближе.

Сара наколдовала огненную полосу, отгородив себя и Эвона от бойни, но она лишь ненадолго ввела вампиров в замешательство: пламя распространилось по горизонту не бесконечно, и вампиры, обладая скоростным преимуществом, быстро обогнули её, в то время как для волков, оставшимся по ту сторону, огонь оказался сложно преодолим.

Вера с ужасом осознала, что оборотней слишком мало. Сара выругалась и с большей яростью уничтожала кровопивцев. Эвон держался волшебницы.

Когда Вера снова отчетливо ощутила чьё-то мертвое дыхание, внутри всё сжалось. Повалившись на землю, она лишь на мгновение оттянула холодные тиски вампира.

– Соскучилась? – протяжно промурлыкал вампир, подхватив Веру.

– Олли! – Вера едва не задохнулась. – Не может быть!

Олли лишь гортанно хохотнул и помчался к Святой Земле. От скорости кружило голову. Вера не могла разглядеть, что творится позади, но присутствие Олли почему-то придало девушке уверенности в том, что Сара и Эвон не пострадают.

Одно мгновение, и Олли выбросил Веру в воздух границы. В нос ударил запах молодой травы и цветочной пыльцы. Отраженье за границей расплывалось, но даже среди размытых силуэтов Вера различала единственную точку, порывисто двигающуюся к границе с бешеной скоростью. Несколько секунд, и Сара упала рядом с Верой, а через минуту Вера с радостью увидела Эвона.

Тощие фигуры по ту сторону границы пропали. Больше вампирам нечего здесь делать, Святая Земля не пустит их. Но волки всё еще ждали. Сара наблюдала за ними сквозь пелену занавеса, и, когда один из волков трансформировался, волшебница нетерпеливо сглотнула.

На Святую Землю в человеческом обличии вступил оборотень. У него не было руки. Подозрительно знакомые черты лица выудили из памяти сцену уличного боя, и Вера узнала в оборотне юного волшебника, совершенно случайно обманувшего тем вечером смерть.

Юноша почтенно склонил голову:

– Наследница.

Вера неуверенно улыбнулась.

Юноша поздоровался с Эвоном и обратился к волшебнице:

– Рад видеть тебя в здравии, Сара Лойти.

– И я тебя, Джошуа.

Волшебница посмотрела за границу, сдерживая волнение.

– Мне нужна твоя помощь, Джошуа.

Молодой человек оскалился. Он помнил обиду, непрошено поселившуюся в его молодой душе, когда спасённая им волшебница не высказала положенной за свою жизнь благодарности.

– Я знаю, что виновата перед тобой. Пойми, тогда я не могла поступить иначе. Слишком большая ответственность лежала на всех нас.

Джошуа понимал. Как и то, что, если бы не появился вампир, молчание Сары могло стоить миллионов загубленных жизней. И его расы тоже.

– Я прошу у тебя помощи. У тебя и твоей расы. Взамен можешь просить, что хочешь.

Джошуа стало любопытно, чего от него хочет волшебница. Кроме того, в его голове родилась удивительная затея, стоящая того, чтобы выслушать Сару Лойти.

– Чего ты хочешь? – прохрипел Джошуа. Его волчья сущность до сих пор растекалась по венам.

– Я хочу, чтобы ты помог мне дойти до Сагенты.

– Зачем? – удивился Джошуа.

– Мне нужен белый билет.

Получив ответ на заданный вопрос, юноша удивился ещё больше. На земле магов, куда в итоге хочет попасть Сара, безопасно, вампиры туда не вхожи. Но если там их сдерживает договор, то здесь, на Святой Земле, магия. Зачем волшебнице рисковать своей жизнью, чтобы оказаться в меньшей безопасности, чем сейчас? Если только она хочет добиться

личной аудиенции у Райена.

Впрочем, это не его дело. Просьба Сары о защите вполне осуществима и относительна безопасна. Игра стоит свеч.

– Мы поможем тебе волшебница, – властно объявил Джошуа. – Ценой жизней уцелевших волков мы защитим тебя от вурдалаков и доставим в Сагенту.

Сара благодарно склонила голову.

– Чего ты хочешь взамен?

– Когда всё закончится, ты родишь мне ребёнка.

Сара вздрогнула. Дерзость вожака задевала, но у волшебницы не было выбора.

– Спасибо тебе и твоей расе.

Джошуа расплылся в довольной улыбке, но она быстро стёрлась с его лица, и парень помрачнел.

– Сейчас мой народ скорбит: не многим удалось преодолеть реку молчания. Но мы гордимся тем, что смогли защитить Наследницу. Я же доволен вдвойне: мои ноги стоят на Святой Земле.

Джошуа наградил Веру долгим взглядом и снова обратился к волшебнице:

– Мне пора. Непривычно чувствовать себя отдельно от шкуры.

С этими словами парень ушёл за границу и снова трансформировался в волка. Эвон сверлил Сару немигающим взглядом.

– Что ты задумала? – процедил он, когда девушка повернулась.

Сара не сочла нужным ответить. Только опущенные ресницы выдавали её чувства.

– Сара, здесь мы в безопасности, – убеждал Эвон. – Не надо уходить.

Сара метнула на Эвона уничтожающий взгляд.

– В безопасности! – передразнила она и с яростью распахнула на Эвоне рубашку. На его груди расплылось нечёткое белое пятно. Сара отступила назад, не переставая изучать метку.

– Скажи, разве этого ты хочешь?

Волшебница пристально посмотрела парню в глаза. Черты Эвона обострились.

– Я не сожалею о данном обещании, – холодно заявил он.

– А я о своём, – парировала Сара.

В её глазах вспыхнул злой огонь, но девушка быстро совладала с чувствами.

– Асоль здесь ни при чём, – тихо сказала волшебница, и её губ коснулась кривая улыбка, полная сожаленья.

– Признайся, Эвон, кого ты больше жалеешь: себя или Веру?

Наступила мёртвая тишина. Сара грустно смотрела в потемневшие глаза Эвона, а Вера, не понимая смысла их разговора, замерла в ожидании ответа. В душе девушки натянулись струны, касающиеся сердца, и оно словно нырнуло в невесомость в ожидании только ему понятного приговора. Но Эвон молчал.

– Я знаю, чего хочу, Эвон, – тихо сказала Сара. – Я хочу, чтобы ты жил. И я сделаю всё возможное, чтобы было так.

Сара повернулась, чтобы уйти.

– Что я могу сделать? – безжизненно спросил Эвон. Он обращался не к волшебнице, а к предсказательнице.

Сара любовно провела по его щеке и прошептала:

– Прости. Я не знаю.

Сара ушла с волками. Вера понимала, что это важно, но ни удаляющиеся за границей туманные силуэты, ни остекленевшие глаза Эвона её не тревожили. Вера дышала открыто и свободно, вдохновляясь светящимся, словно новогодняя ёлка, пейзажем, и восхищаясь окружавшей её красотой. Яркость истинного мира уже пленила Верины глаза, но Святая Земля кардинально от него отличалась. Она была сказкой, где каждое дерево и травинка светились изнутри призрачным светом, и свет этот, скапливаясь в глубине ночного неба, рассеивался по простору, обтекая собой каждое живое существо.

Верины крылья просились на волю, и девушка скинула ненавистный плащ. Он, словно чёрное пятно, лёг на землю помятой кляксой. Вера провела ладонью по коже, наблюдая, как приглушённое свечение скапливается по краям кисти и движется вслед за ней. Рука наткнулась на невесомую ткань, невесть откуда взявшуюся и заменившую старую одежду. Мягкий шёлк волнами обтекал фигуру, образуя причудливое короткое платье. А белые кожаные туфли на сплошной подошве, словно вторая кожа, покрыли ступни. Вера чувствовала себя комфортно и уютно, будто ребёнок, вернувшийся в родительский дом после долгих скитаний.

Вокруг скопился рой маленьких фей. Махая прозрачными крылышками, они шептались и сдавленно хихикали, поглядывая то на Веру, то на Эвона.

– Какой красивый чужак, – пропел тоненький голосок прямо Вере в ухо. – Он должен принадлежать тебе, Наследница.

Эвон действительно был на Святой Земле чужим, чёрная дыра, не отражающая свет. Он с восхищением и грустью смотрел на Веру, а маленькие феи казались ему назойливыми мухами. Осторожно, но настойчиво, он отмахнулся от одной из фей и

грустно улыбнулся:

– Добро пожаловать домой, Вера.

Его голос лёг на сердце тяжёлым грузом. Что дальше? Они добрались до места, а в глазах Эвона столько горечи. Почему?

Сара! Ну, конечно же! Эвон переживает за волшебницу. Осознание данного факта поставило всё на свои места, но на душе всё равно было неспокойно.

– Ты останешься?

Это скорее был не вопрос, а мольба. Синие глаза Эвона сузились.

– Разве я могу сделать что-то ещё?

С этими словами он ушёл за земляной вал, скрываясь от любопытных глаз.

Феи облепили Веру со всех сторон, воодушевленно трогая то волосы, то платье. Теперь и ей они казались мухами.

– Прекратите! – потребовала Вера, тут же устыдившись своей несдержанности.

Феи метнулись в сторону.

– Прости нас, Наследница Вера, – расстроенно покаялись они. И, словно в оправданье, с радостным блеском в глазах сообщили:

– У нас есть право. Мы можем исполнить одно твоё желание. Чего бы ты хотела, Наследница Вера?

А действительно, чего? Вера Олеговна, дочь Олега Круглова, заплутала в параллельном мире и, захватив «по пути» молодого парня, обрекла его на гибель. Груз вины перед Вадимом обдал Веру холодной волной. Злость на себя и обстоятельства превратилась в цинизм:

– Из мёртвых воскресите?

Маленькие крылышки нервно задрожали, и феи, чуть ли не плача, запричитали:

– Это судьба, Наследница. Да-да, мы не в силах её изменить. Смирись. Перед смертью все равны.

Словно постеснявшись своего бессилия, феи исчезли. Вера хотела пойти к Эвону, но передумала. Ему тоже нужно привести мысли в порядок. Девушка села на искрящийся травяной ковер и прислушалась. Стрекот кузнечиков и шелест травы слился в одну прекрасную мелодию. Шёпот ветра путался в волосах и растворялся в сиянии звёзд. Даже солнце, казалось, не прячется где-то за горизонтом, а растворилось в прохладе.

Недалеко росло огромное дерево. Его мощный ствол был покрыт грубой морщинистой корой, свидетельствовавшей о древности растения. Вера подошла к дереву и обняла его, прижавшись щекой в шершавой коре. Закрыв глаза, она представила себя маленькой девочкой, и тепло обволокло её

уставшее тело. Вера проносилась во времени и уже была не Верой, а этим самым деревом. Сначала росточком, жадно цепляющимся за жизнь. Потом упругим молодым растением, надёжно вросшим крепкими корнями во влажную почву. Вера видела эпохи, проносившиеся за гранью Святой Земли, слышала мольбы и желания всех живых существ, когда-либо обитавших на этих землях. Она знала всё, о чем помнило дерево. Оно благодарно передавало Вере всю информацию, которую она, как Наследница, должна была знать.

Когда сознанье вернулось, Вера не желала отстраняться от надёжной опоры. Она продолжала стоять, обхвативши руками необъятный ствол и наслаждалась мелодичными звуками природы. Она отдыхала, закрыв глаза.

Эвон не мог сосредоточиться. Обхватив руками колени, он сидел за небольшим пригорком вдали от Веры и смотрел в никуда. Обрывки мыслей и отголоски чувств смешались в один ком и утонули где-то глубоко внутри. Настолько далеко, что их нельзя было различить. Что он делает? Зачем живёт, если судьба – механизм, которым он не в силах управлять? Словно выдрессированный пёс, он мчался от цели к цели, заглушая страх и обиду, в надежде найти себя. И вот теперь, когда он сделал всё, что от него требовалось, когда он исполнил то, что до сих пор считал своим долгом и смыслом жизни, он сидит в полной растерянности один. И на душе по-прежнему тяжело.

Конечно, он с самого начала был не прав. Юношеский максимализм, заставивший его отказаться от дара, не оправдал себя. Нет, Эвон никогда не жалел о том, что сделал. Наоборот, отречение от своего дара он считал единственным верным решением в своей жизни. Просто иллюзия силы ушла вместе с магией. Без дара Эвон слаб. Он был слабым с самого начала, но только теперь понял это. Сара заставила его понять.

Когда-то он хотел быть с Есенией. И пускай он не любил её – эти чувства были насланы магией – его хватило лишь на то, чтобы принять отказ. Он не стал бороться за необходимую ему женщину. Он избрал путь отверженного страдальца.

Потому что так было проще. Не искать причины, а утешать себя, упиваясь потоком новых эмоций.

А когда чувства утихли так же быстро, как и пришли, в его сердце образовалась дыра. Она саднила и болела, требуя то, что Эвон отдал брату.

Эвон нашёл спасение в Саре. Она помогла ему заполнить пустоту, заставляя каждый день до умопомрачения заниматься с ней фехтованием, боевыми искусствами, стрельбой. Она ни разу

не спросила его о том, что произошло.

Эвон с благодарностью принимал Сару. Это было проявлением жестокого эгоизма, ведь он знал, что девушка неравнодушна к нему. Знал, но отказывался это принимать. Когда Сара впервые призналась ему в своих чувствах, Эвон сделал вид, что не понял её. Конечно, ведь так было проще! Не услышать столь важных слов и надеться, что время всё поставит на свои места.

Больше Сара не говорила Эвону о своей любви. Болван! Как он мог поверить в то, что она изменила своим чувствам? Эвон так воодушевился доверенной ему миссией, что превратился в фанатика, слепо рвущегося к поставленной цели. Даже тот факт, что Сара вырвалась за ним в параллельный мир, не помог Эвону опомниться. Возможно, если бы он не позволил трусости одержать верх над собой и поговорил с Сарой в тот единственный вечер, когда девушка открыла ему своё сердце, она была бы сейчас в безопасности.

А теперь он должен сказать Вере о том, что она умрёт. Умрёт не от старости и не от болезни, а потому что он, Эвон, выбрал её. Они все выбрали её смерть. Чёрт побери, он сразу должен был всё ей рассказать! В том мире, где она сама могла определить своё будущее. А теперь он станет для неё предателем.

Когда Эвон впервые увидел Веру, он подумал, что это просто жалость. Маленькая беззащитная девушка ослепительной красоты. Именно такой должна быть Наследница. Когда же с каждым жестом и взглядом этого прекрасного ангела он ощущал галоп собственного сердца и непреодолимое желание, Эвон снова заставил себя обмануться. Он утопал в трясине разума, отгоняя чувства как можно дальше. Он слепо двигался к своей цели.

И снова Сара спасла его. В самый последний момент, когда уже ничего нельзя изменить, она раскрыла ему глаза. Эвон был счастлив, потому что теперь у него были те драгоценные коротенькие мгновения осознанной любви, которая переполняла его сердце. Только теперь его слабость превратилась в бессилие.

Где-то в глубинах своего подсознания Эвон смирился с неизбежностью. Поэтому он с такой легкостью принял предложение Асоль. Ведь это так просто: уйти вслед за Верой. А ведь всё могло бы быть по-другому. Если бы он с самого начала обратился к Райену, возможно, у него был бы шанс. Или нет? Нет ни одного предсказания о том, что после заключения магии в шар, эльф выживет. Конечно, давай, оправдывай себя и свою слабость… Сара ни за что не упустила бы свой шанс. Его младшая сестрёнка, такая слабая и такая сильная.

Эвон поймал себя на том, что делал беспорядочные записи в

своём дневнике. Это стало его вредной привычкой: в толстой тетради были чётко изложены все события последних лет. Дневник был единственным, кто знал о мыслях и чувствах Эвона. И если бы Эвон не изливал через потоки чернил все свои страхи и сомнения, то, наверное, давно бы сошёл с ума.

Эвон бережно расправил помятый лист. «Вера, я люблю тебя. Мне стыдно за то, что я не вижу выхода. Поверь, если есть хотя бы один шанс, я…»

Эвон не дописал, что хотел. Его рука дрогнула от беспокойного шёпота маленьких фей, неожиданно возникших вокруг.

– Скорее, чужак, скорее! – тревожно шептали они. – Она погибает!

Внутри всё оборвалось. Сорвавшись с места, Эвон метнулся к Вере. В голове гудело ужасное «погибает».

Глава 13

На улицах бродили приспешники. В чёрном балахоне, который Сара позаимствовала у Джошуа, девушка ничем не выделялась среди фанатиков. Оборотни остались у границы Биртона.

У Сары ныли руки, ноги и спина. Четыре часа она ехала на спинах волков, и казалось, что тряска перемешала все её внутренности.

Что-то было не так. Обычно во время затишья улицы городов наполнялись вампирами, сейчас же Сара видела очень мало мёртвых аур. И вампиры не проявляли к людям агрессии. Лишь единицы, обезумевшие от голода молодые вурдалаки, не брезговали здоровыми на вид случайными прохожими. Девушка знала, что эти жертвы – безумцы, прежде чем выйти на улицы города, они приняли энергетик. Эти сумасшедшие люди просто глупцы, ведь на место одного хищника обязательно придёт другой. Что поделаешь, убеждения часто кидают нас в крайности.

Сара шла по улицам Биртона, тревога переполняла её. Сагента всегда была для приспешников запретной зоной. Золан пустил фанатиков на свою территорию. Конечно, они могли появиться здесь после заката, но Сара не верила в это. Дар предсказательницы породил в её жилах сомненье относительно верности своего плана, но волшебница не видела другого пути. Только Золан может дать ей белый билет к Райену.

Пробираясь переулками и пару раз наткнувшись на отвратительное зрелище вампирского ужина, Сара приблизилась к резиденции Биртона. Здание правильной треугольной формы

находилось на десятом, самом верхнем уровне. Сетка лазерных лучей защищала её от чужаков. Сара уже хотела протянуть ладонь в опознавательную сферу, но передумала. Совету не стоит знать, что она здесь.

Волшебница огляделась. В детстве они с Эвоном часто играли в партизан, и однажды он сказал Саре, что в ограде есть слепая зона – место, где лазерная сеть лишь иллюзия. Но как её различить, Сара не знала.

Девушка принялась лихорадочно соображать. Применив магию, она рисковала, но это было лучше, чем сразу выдать себя с головой. Сара отошла от центральной сферы и, подняв с земли осколок, аккуратно провела им по ладони. Сжимая и разжимая руку, она добилась, чтобы на землю упало несколько капель крови. Набросив на себя невидимое заклинание, Сара развеяла по периметру сетки свои образы и запах.

Вампиры не заставили себя ждать. Одурманенные ароматом и обманутые зрением, они набрасывались на лазерные лучи и сгорали дотла. Сара не могла видеть, что происходит за зеркальными стенами резиденции, но знала, что волшебники наблюдают за происходящим. Никто из них не вмешается до тех пор, пока хищники не наткнутся на слепую зону.

Наконец, Сара дождалась результата своего труда. Набросившись на её отражение, вампир пролетел сквозь сетку на территорию резиденции. За ним проскочили ещё три хищника. Началась суета. Маги покинули зеркальные стены и объединили силы, уничтожая незваных гостей. Среди огненных вспышек Сара незаметно перепрыгнула через лазерную дыру и скрылась внутри резиденции.

Волшебница была в западном крыле. Здесь жила многочисленная прислуга, которая сейчас буквально прилипла к стенам, наблюдала за происходящим на улице. Сара легко добралась до восточной стороны резиденции незамеченной. Дальше было сложней. Апартаменты Золана располагались на верхнем этаже, а у входа в лифт была опознавательная сфера. Выругавшись, волшебница побежала на девяносто третий этаж по лестнице. И когда на шестидесятом этаже она увидела сферу, девушка чуть не заплакала. Золан постарался обезопасить себя со всех сторон.

Сжав руки в кулаки, тяжело дыша, волшебница побежала на этаж ниже. Маги уже уничтожили вампиров, и жители резиденции вернулись к обычным делам. Затаившись за поворотом, Сара схватила за локоть молодую служанку, спешившую в прачечную. Волшебница зажала девушке рот и прижала её к себе:

– Тише! – волшебница встряхнула служанку. – Ни звука, слышишь?! Или я превращу тебя в пепел!

Девушка кивнула. Дождавшись, пока та станет ровно дышать, Сара развернула её к себе.

– Сара! – синие глаза служанки округлились. – Что ты здесь делаешь?

– Линда, я же сказала, ни звука! – грозно прошептала волшебница, и девушка закивала, зажав рот рукой. Сара отметила, что фигура девушки округлилась, очевидно, та ждала ребенка. Однажды Сара позволила себе подружиться с Линдой, рискуя навлечь на себя гнев отца, ведь королевским отпрыскам было не дозволено водить дружбу с простой прислугой.

Сара была довольна такой удачей. Линда была надёжным союзником.

– Все вопросы потом, – Сара обеспокоенно оглядывалась по сторонам. – У тебя есть доступ к лифту?

Линда сглотнула:

– Только до семидесятого этажа.

– А выше ещё есть сферы?

– Да. На семьдесят седьмом и девяностом.

– А на лестнице? Сколько там сфер?

– Две. На шестидесятом и девяносто втором.

– Пойдём. – Сара повела Линду к лифту для прислуги. – Ты доставишь меня до семидесятого.

Линда поспешила за Сарой. У лифта девушка прислонила ладонь к опознавательной сфере, и двери раскрылись, приглашая их в ярко освещенную кабину. Добираясь до семидесятого этажа, Линда прижимала свою ладонь ещё к одной сфере. Когда двери лифта распахнулись на конечном для Линды уровне, Сара жестом велела ей не выходить следом.

– Дальше я пойду одна. Ты меня не видела.

Линда поджала губы, и волшебница улыбнулась:

– Всё будет хорошо. Поверь. И ещё, – Сара погладила девушку по животу, – у тебя будет сын. Постарайся вырастить малыша достойнее его отца.

Линда ошарашенно посмотрела на волшебницу, её губы задрожали, но она не смогла вымолвить ни слова. Сморгнув слезинку, Линда нажала на кнопку пятого этажа.

Сара поспешила на лестницу. Добравшись до девяносто второго этажа, девушке ничего не оставалось, как самой приложить ладонь к сфере. Шар завибрировал, и лазерная сетка исчезла, впуская волшебницу в самое сердце резиденции. Теперь у неё не более пятнадцати минут до того, как совет узнает, что она здесь.

В кабинете Золана не оказалось, и Сара поднялась на последний этаж. У спальни брата была сфера. Интересно, есть ли у неё доступ в эту комнату? Сара приложила ладонь к сфере, и она загорелась синим. Девушка хмыкнула. Глупо было полагаться на такие привилегии. Волшебница снова приложила ладонь к сфере и настойчиво держала её до тех пор, пока сеть не исчезла. Убедившись, что Золан не собирается испепелить её лазером, девушка вошла в спальню.

Брат сидел на софе в бордовом шёлковом халате. Ткань выгодно обтекала его красивую фигуру. Он был похож на Эвона, только волосы были короткими, а глаза – зелёными. Тень любопытства легла на лицо Золана.

– Сара, – удовлетворённо протянул он, – рад тебя видеть.

Золан протянул руку к бокалу с виски. Сделав глоток, он поморщился и огорчённо спросил:

– К чему этот спектакль?

Сара пыталась успокоить взбесившееся сердце, так и желавшее выскочить прямо в горло. Дура! Возможно, будь у неё больше опыта, она бы прислушалась к тому, что подсказывал ей дар предсказательницы. Теперь же она обречённо изучала ауру брата, насквозь пропитавшуюся запахом приспешников.

Не дождавшись ответа, Золан подозрительно прищурился:

– Совет сообщил о появлении волшебника с даром предсказателя. Тебе хватило бы смелости отважиться на такое самоубийство?

– Самоубийство – водить совет за нос.

Золан вскочил. Направив на Сару поток агрессивной магии, он пригвоздил волшебницу к стене. Сдёрнув с девушки капюшон, он провел рукой по её волосам.

– Я знал, что это ты, – Золан перебирал поседевшие пряди волос. – Зачем ты пришла, Сара? Я вынужден отдать тебя совету. Они казнят тебя.

– Они лишат тебя титула сразу после казни, Золан. Они узнают о тебе так же, как обо мне. Ты встал на сторону приспешников. И лишение титула – самое малое из того, что тебя ожидает. И твоя сука пойдет под трибунал вместе с тобой!

Потоком магии Золан подбросил волшебницу под потолок и обрушил на пол. Сара охнула. Терпеть боль было невыносимо, но злость придавала ей сил. Наконец, Золан совладал с собой.

– Да, ты не станешь держать язык за зубами, – согласился брат. – Что ж, – Золан огорчённо хмыкнул, – значит, мне придётся прикончить тебя прямо здесь. Есения, милая, не стоит скрывать себя. Наверняка, ты хочешь посмотреть, как сгинет эта дрянь.

Из-за тяжёлых занавесок выплыла женская фигура. Даже

сквозь боль Сара различала толстую нить, связывающую любовников. Эта связь старше отношений Есении с Эвоном. Мразь! Она ответит за всё.

Волшебница сморщилась от нового приступа боли. Она чувствовала агрессию Золана и видела, как ему хочется избавиться от неё, но переданный Марией дар позволял ей понять и то, что маг не убьёт её. Смертельная хватка магической энергии ослабла, и девушка прохрипела:

– Чего ты хочешь?

– Где Наследница?

Сара почувствовала отвращение.

– Какой же ты ушлый, братец. Тебе мало того, что вы лишили Эвона дара. Тебе нужна магия шара!

Золан оставался спокойным.

– Где она?

– Я скажу тебе, где Наследница, если ты дашь мне белый билет.

Брови мага поползли вверх.

– Белый билет? Что ты задумала?

– Не твоё собачье дело! Дай билет, и я скажу, где Наследница.

Золан задумался, потом его волшебная хватка ослабла.

– Если ты солжёшь, Аилин станет жертвой вампира.

Сару перекосило.

– Ублюдок!

– Но не глупец. Где Наследница?

– Сначала билет.

– Ты всегда любила быть первой, правда Сара?

Золан взмахнул рукой, и в воздухе возник золотой пергамент. Белым напылением на его поверхности было написано имя волшебницы.

– Твоя очередь, – прошипел маг.

Сара медлила. Выдав Золану местонахождение Веры, она обрекала себя. Маг начинал злиться. Наконец, Сара услышала за дверью спальни гул шагов.

– Она на Святой Земле, – выдохнула волшебница и тут же почувствовала, как магия брата освобождает её. Волшебники совета настойчиво сканировали опознавательную сферу.

– Вы заплатите за это! – прорычал Золан и уже хотел вышвырнуть Сару за пределы резиденции, но та остановила его.

– Я знаю, как ты умрёшь.

Золан вздрогнул.

– Продолжай, – велел он.

Сара победоносно улыбнулась и, бросив на Есению полный

презрения взгляд, довольно промурлыкала:

– Ты примешь смерть от её руки.

Перед тем, как Золан выкинул Сару за пределы резиденции, волшебница увидела ужас смерти, застывший в глазах Есении.

Золан оказал Саре честь, выкинув волшебницу к самой границе Биртона. Оборотни почувствовали её появление и уже собрались в стаю. Джошуа заботливо подал Саре руку.

– Мы переживали за тебя, предсказательница. Но ты оправдала наши надежды. Золан дал тебе билет?

Сара кивнула. Она достала свиток и с гордостью развернула его. Потом бережно свернула бумагу и спрятала её внутри балахона.

– Это хорошо. Теперь портал доставит тебя прямо на родину магов. Мы сопроводим тебя до Стал-Рейна. До сих пор вампиры не тревожили нас, надеюсь, им и впредь не будет до нас никакого дела.

Сара покачала головой. Золан стал приспешником, а значит, тёмная раса находится под его руководством. Маг сделает всё возможное, чтобы уничтожить её.

– Что-то не так? – Джошуа заметил произошедшие в девушки перемены.

Сара молча склонила голову в знак благодарности перед волчьей расой. В смятении оборотень обернулся к Олли:

– Что с ней?

Сара удивилась, увидев вампира. А когда поняла, что всё это время он тенью следовал за ней, благодарно склонила голову. Олли сжал девушку в стальных объятиях и грустно погладил Сару по голове:

– Она соврала. За ложь магия предсказательницы лишила её дара речи.

Совладав с эмоциями, волшебница укоризненно погрозила Джошуа пальцем. Тот улыбнулся:

– Мы знали, что Олли идёт за нами. Или ты считаешь, что я отпустил бы мать своего будущего ребёнка одну?

Волна смешанных чувств накрыла Сару. Но теперь она обрела уверенность, ведь с ней люди, которым она может доверять.

Глава 14

Вера не поняла, как гармония сменилась болью. Голову кружило, земля под ногами плыла, а от паучьей раны по телу растёкся жар. Ухватившись за могучий ствол, Вера попыталась совладать с головокружением, но ноги стали ватными, и она

сползла по дереву, словно тряпка.

Лёгкое касание ветра щеки напомнило мамину ласку. Дрожа, Вера, как могла, боролась со слабостью. Веки стали тяжёлыми. Ядовитое тепло покрыло тело потом. Даже роса стала горячей. Вера повернула голову на бок и увидела размытую фигуру, спешившую к ней. Да, это Эвон. Только в его движениях грация смешана с уверенностью и нетерпеньем.

Наверное, она слишком понадеялась на Эвона, раз позволила слабости одолеть себя. Верин мир исчез, остались только размытые краски и обрывки воспоминаний.

Но Вера помнила. Где-то глубоко внутри она знала, что ничего не кончено. Яд сделал своё дело, и теперь мама была настолько реальной, что Вера ощущала её запах. Как и тогда, она звала Веру. Ласково. Настойчиво. Вера хотела разозлиться на маму. Она даже почувствовала сгусток агрессивной энергии, застрявший в груди. Но, застыв, он так и не вырвался наружу.

Потому, что Вера знала, мама желает ей добра. Она уверена в своей правоте, убеждена, что там с ней Вере будет лучше. Возможно, это так. Только Вера хотела жить. Здесь и сейчас. Как мама не понимает, что окунуться в серый мир никогда не поздно? Но её настойчивость посеяла в Вере тень сомненья. Маме хорошо на той стороне. Может, Вере тоже будет там хорошо? На мгновение девушке так захотелось поддаться порыву, что ещё немного и она легко смогла бы переступить грань.

Если бы только ей хватило смелости отказаться от Эвона.

Она лежала у дерева, такая слабая и беззащитная. Глаза полуоткрыты, бескровные губы шепчут что-то непонятное. Эвон наклонился и убрал со лба Веры прилипшую прядь волос. Девушка вся горела.

Он попытался привести её в чувство, но напрасно. Что с ней? Если Эвон не узнает ответ, Вере может стать ещё хуже. Не задумываясь, молодой человек принялся изучать тело девушки. Тогда на локтевом сгибе он увидел ужасное некротическое пятно. Оно увеличивалось. Словно паутина, чёрные щупальца расплывались по капиллярам, придавая коже синий оттенок.

Эвон дотронулся до раны и почувствовал жар. Никогда в жизни ему не было так страшно. Феи обескуражено кружили вокруг, качая своими белокурыми головками. В полёте их крылышки нервно подёргивались.

Эвон лихорадочно соображал. Ещё в школе юным волшебникам преподавали географию и историю Святой Земли. Эвон всегда был прилежным учеником, но тогда молодого человека интересовали совсем другие предметы, такие, как

история боевых искусств и амплитуда развития дара. Когда же Сагенту настигла весть о шаре, времени освежить память попросту не было. Теперь Эвон лихорадочно копошился в закоулках собственной памяти в надежде найти ответ.

Что-то связанное с флорой. Или с фауной. Чёрт бы его побрал! Как вспомнить то, что вдалбливали в голову почти десять лет назад?!

Веру лихорадило. Её трясло. А феи, мешая думать, настойчиво лепетали какой-то стих:

Если наши крыла разноцветные,
Значит, белое воздух забрал.
И, гонимые тёплыми ветрами,
Мы порхаем к тому, кто устал
За минуты дыханья бороться,
Ведь у смерти коса близорука…

Эвон приказал себе думать. Но как же сложно сосредоточится, когда перед тобой увядает самое прелестное создание! Закинув за спину косу, Эвон огляделся. К несчастью, в мерцающем пейзаже он не увидел ничего нового. Ни одной подсказки! А феи всё шептали и шептали…

Тебе шанс только раз даётся.
Отыщи же крылатого друга!

Тогда лёгкий ветерок коснулся щеки Эвона. Закружив в медленном вальсе опадающие листья, ветер запутался в тяжёлой кроне старого дерева. Недовольно зашумев ветвями, ветер быстро вырвался на свободу, оборвав несколько сухих веток.

Вместе с ними оборвалось сердце Эвона. Он схватил Веру на руки, не обращая внимание на то, что она дёрнулась от приступа мимолетной боли, и помчался вслед за листьями. Эвон молился, чтобы его ноги поспевали за их бесшумным танцем, только так он сможет найти бабочек. Если Эвон потеряет след ветра, то упустит единственный шанс.

Лёгкие горели. Казалось, что воздух превратился в расплавленную сталь. А Вера, такая лёгкая и беззащитная, вдруг показалась Эвону тяжёлой ношей. Руки заболели. Ноги вязли в траве. Эвон как будто видел себя со стороны. Он бежит быстро, а кажется, что ползёт. Он хочет кричать от гнева, но с губ срывается непонятный сухой стон. Что с ним? Эвон совсем ослаб. Ещё немного, и он уронит Веру.

Глаза слезились. Эвон чувствовал раскалённый жар тела девушки. В тот момент, когда руки Эвона почти опустились, он упал на колени и с силой прижал Веру к себе. Только бы не уронить.

Чей-то шёпот коснулся слуха Эвона. Он настойчиво звал к себе. Женский голос. Она обещает блаженство и покой. Сердце замедлило ход. Эвон обессиленно положил Веру на землю.

– Смерть тянется к смерти, – шептали феи. – Любовь – к любви, а смерть – к смерти. Да-да.

Сквозь чёрные круги, плясавшие перед глазами, Эвон разглядел густую чёрную полосу, проходившую от раны Веры к его груди. Машинально Эвон приложил к сердцу ладонь, и тогда дышать стало легче. Он оборвал связующую раны нить. Выругавшись, парень распахнул рубашку: метка Асоль на глазах уменьшалась. Когда она стала прежних размеров, Эвон снова почувствовал себя хорошо.

Чтобы не соприкасаться ранами, Эвон потащил Веру за ноги. Травяной ковер был ровным и мягким, Эвон не боялся ушибить девушку. Единственная трудность заключалась в том, что так ему было трудно следить за направлением ветра. Эвону помогали феи. Каждый раз, когда он сбивался с пути, они слетались к его лицу и рассержено мотали головками.

Эвон не знал, как долго он шёл. И только когда его ноги коснулись чего-то живого, он остановился. Это были бабочки. Миллионы бабочек. Они облепили каждый цветок, каждую травинку. И нельзя было вступить, не задев этих прекрасных существ. Даже стволы могучих деревьев были сплошь усыпаны бабочками.

Эвон аккуратно положил Веру на живой ковер. Бабочки встрепенулись, обнажив цветы. Растения потянулись к чёрной ране на руке девушки. Когда цветок, похожий на лилию (Эвон не разбирался в цветах), обхватил своими нежными лепестками рану, его жилки сделались серыми. Потом они почернели вместе с листьями и стебельком. Цветок погиб, и его место тут же занял другой.

Цветы меняли друг друга один за одним. Эвон не понимал, каким образом растения передвигаются. Да и хочет ли он знать? Главное, Вера спасена. И тут же Эвон почувствовал укол совести. Для чего он спасает её? Чтобы она умерла немного позже? Между тем вокруг девушки образовался целый остров мёртвых цветов.

Голову Эвона настигла мысль о странном шёпоте. Если то, что с ним случилось, зеркальное отражение состояния Веры, получается, она тоже слышала этот приторный голос. Может быть, он до сих пор зовет её. Эвон схватился за голову. Ему было

невыносимо смотреть на происходящее. Он ненавидел себя. Он хотел крикнуть Асоль, чтобы та немедленно исполнила обещание, но Вера открыла глаза.

– Эвон, – беззвучно позвала она.

Эвон сообразил, что стоит как вкопанный, и сорвался с места. Цветы отступили.

Эвон наклонился к Вере, она была бледна.

– Что случилось?

Было видно, что Вера ещё очень слаба. Наверное, она хочет пить. Губы сухие, словно пергамент.

– Всё хорошо, – успокоил её Эвон. – Вот.

Он поднес к губам Веры фляжку с водой. Она жадно хлебнула и, прикрыв глаза, опустила голову на землю.

Некоторое время они молчали. Эвон заметил, что рана на руке девушки стала маленькой, но не исчезла. Тяжкие мысли беспокоили его. Когда Вера открыла глаза, он ласково провёл рукой по её влажным волосам. Девушка поймала на себе напряжённый взгляд.

– Вера, – сильный голос сейчас дрожал, – расскажи, что ты видела в долине.

Эвон осторожно сжал Верины пальцы.

– Мне нужно знать, откуда у тебя рана.

Это было невозможно. Снова вспомнить тот страх, боль. Вера боролась с собой, отгоняя воспоминания.

– Пожалуйста, что ты видела?

Девушка обречённо закрыла глаза. Если Эвон настаивает, значит, это важно.

– Я видела маму. Она звала меня. Хотела, чтобы я осталась с ней.

– Сейчас она тоже зовёт?

– Нет. Но иногда я слышу её. Когда рана начинает болеть.

– Это она ранила тебя?

– Эвон, моя мать мертва, – напомнила Вера. – Дух не может нанести телесную рану. Меня укусил паук.

– И, очевидно, он был настоящим. Я не знаю, каким образом работают видения долины. Собственно, никто точно не знает. Но можно предположить, что растения и насекомые там всё-таки есть. Паук выбрал тебя, а посланный дух лишь направил тебя к нему.

– Ты хочешь сказать, что долина захотела моей смерти?

– Нет. На это я тебе не отвечу. Но я предполагаю, что дух матери действительно являлся к тебе. Помнишь? Долина шлёт то, чего мы боимся или хотим видеть. Ты скучаешь по родным, а

духи могут материализоваться в любой реальности. Странно лишь то, что мама хотела забрать тебя.

– Наверное, она считает, что здесь мне не место, – предположила Вера. Ей стало обидно оттого, что всё, что происходило с ней в долине (кроме паука, конечно) было иллюзией. То, чего она хочет. Между тем Эвона не удовлетворил такой ответ.

– Что ещё? Может быть ты видела отца или брата?

– Нет, – выдохнула Вера и неохотно призналась:

– Там были ты и Сара.

– Что мы делали?

– Это что, допрос?

Вера посмотрела на Эвона полуоткрытыми глазами, всеми силами пытаясь дать понять, что не желает продолжать разговор. Но Эвон был непреклонен.

– Это Сара кинула в меня паука.

– А я? Что я делал?

Вера долго смотрела ему в глаза. Тёплое синее море. Ей было больно и стыдно.

– Ты действительно хочешь знать?

Эвон молчал.

– Тогда я покажу тебе.

Вера с трудом приподнялась, чтобы сесть. Ощущение торжества придавало сил.

– Наклонись, – попросила она.

Эвон нахмурился. Разлившийся на щеках румянец выдавал Веру с головой. Тогда взгляд Эвона опустился на её губы.

– Наклонись, – повторила Вера.

Вместо этого Эвон обнял девушку и привлёк к себе. Вера с жадностью впилась в его губы. Запустив ладонь в густые волосы, Эвон охотно ответил на поцелуй.

Они целовались долго и страстно, пока этого не оказалось мало. Тогда Эвон осторожно положил Веру на траву и стал целовать её глаза, уши, шею. Под своей ладонью Вера ощущала тяжёлые удары его сердца, и её поспевало в такт.

Эвон освободил хрупкие плечи от легкой ткани. Вера остро чувствовала на коже его горячее дыхание. Она утопала в Эвоне так же, как он в ней. Её руки блуждали по его широкой спине, ноги обвили торс.

Эвон уже подавался вперёд, и Вера поскорее хотела избавиться от ненужной ткани. Тогда она легонько оттолкнула Эвона и попыталась стащить с него рубашку. Это оказалась непросто, так как ткань прилипла к телу. Эвон терпеливо ждал, лукаво улыбаясь. А когда он снова принялся целовать Веру, она,

что есть силы, оттолкнула его.

Эвон недоумевал.

– Подожди, – Вера счастливо улыбнулась Эвону.

Девушку переполняли эмоции. Мысль, так неожиданно настигшая её, пробудила неотлагательную жажду действия. Вера повалила Эвона на спину. В его глазах заискрился огонь, и он снова расслабился. Но, когда Вера схватила лилию и попыталась приложить её к метке Асоль, Эвон резко перехватил женскую руку.

– Нет.

Вера не понимала.

– Не губи цветок напрасно. Эта рана неизлечима.

– Давай попробуем.

– Вера, не надо. Ты погубишь поляну. А вместе с ней умрут существа, лишенные её помощи.

Тогда Вера аккуратно сняла повязку с его плеча.

– Эта рана другая, ведь так?

Девушка осторожно приложила лилию к огнестрельному ранению. Цветок бережно обхватил лепестками больную плоть. Потом он почернел, и Вера взяла другой цветок.

Она поменяла пять растений. На шестой лилии рана полностью затянулась, и на её месте остался небольшой рубец.

– Вот так, – девушка любовно поцеловала Эвона в плечо. – Неплохо, правда?

– Да.

Эвон откинулся на спину и закрыл глаза. Вера поцеловала его. Он медленно провел рукой по гибкой спине и улыбнулся. Вера обсыпала поцелуями его широкую грудь и живот, наслаждаясь его глубоким дыханием. А когда тонкие пальцы опустились ниже в попытке расстегнуть ремень, Эвон остановил девушку.

– Что-то не так? – растерялась Вера.

Казалось, Эвон смутился, словно не ожидал вопроса.

– Нет…Не в этом дело.

– Тогда в чём?

Эвону было тяжело. На лбу собрались глубокие морщины, ладони сжались в кулаки. Голос дрожал.

– Я должен тебе кое-что сказать.

– Говори.

– Это непросто. Прости.

– Эвон, не томи.

От дурного предчувствия внутри похолодело. Эвон сел и заботливо накинул платье обратно на Верины плечи. Он расплавил шёлк, словно дорогую реликвию, и опустил руки.

– Прости, Вера. Я должен был сказать об этом раньше. Мы все должны были предупредить тебя.

– О чём предупредить?

Эвон сглотнул.

– Ты умрёшь.

– Что?

– Ты умрёшь. Когда энергия шара пройдёт сквозь тебя, она сожжёт твоё тело изнутри. Это неизбежно. Если бы твоя раса была в нашем мире, то магия распределилась бы между вами равномерно и не нанесла вреда. Но ты одна. Силы поисковой группы были рассчитаны только на одного эльфа.

Наступила гробовая тишина. Вера пыталась переварить услышанное.

– Что значит, умру?

Это был глупый вопрос. Конечно же, она знала, что означает это слово. Просто, когда речь идёт о тебе, оно становится каким-то непонятным.

– Прости.

Вера замотала головой.

– Нет, это неправда. Не может быть. Ты лжёшь!

Вера соскочила и принялась нервно мерить шагами землю. Физическая и душевная боль подкашивали ноги. Эвон молчал. Его глаза блестели.

– Неправда, – словно заведённая повторяла Вера. – Это всё ложь. Бред. Скажи, что ты всё придумал!

Но Эвон по-прежнему молчал. Тогда из миндальных глаз потекли слёзы отчаяния. Вера содрогалась, не в силах совладать с солёными потоками.

– Почему? Почему ты не сказал раньше? – разочарование и крах последней надежды на счастье разрывали душу.

– Ты бы не согласилась пойти с нами.

– Не согласилась пойти? Да я до самого конца была уверена, что это розыгрыш! Глупая шутка! А ты говоришь, не согласилась. Вы всё знали и молчали.

– Вера, я ничего не мог изменить, поверь! – Эвон был в отчаянии. Он встал и обхватил ладонями её лицо. – Я жалею об этом больше всего на свете. Твоё прощение – это единственное, что теперь важно для меня.

– Всё могло быть по-другому, – Вера видела мольбу в синих глазах. – Не тогда, а сейчас. Только если бы ты смог. Не лгал. Эвон, ведь я верила тебе одному. С самого начала. Ни Марии, ни Олли… Тебе.

– Вера…

Девушка отвернулась. Она не хотела больше говорить.

Запоздавшее признание Эвона разорвало сердце.

– Не уходи, – попросил он, но Вере было всё равно.

– Вера, ты должна оставаться здесь.

– Хватит! – взорвалась девушка. – Вы всегда указывали мне, что делать! Теперь я сама могу позаботиться о себе!

– Но рана снова может увеличиться! Только бабочки помогут тебе.

Вера не слушала его. Эвон попытался остановить девушку.

– Убери руки! – прорычала Вера. – Или, клянусь, я попрошу фей, и ты отправишься отсюда к чёртовой бабушке!

Глава 15

– Встань, дитя моё, – велел Райен. – Сними капюшон, от меня нечего скрывать.

Сара поднялась с колен.

– Так-так, – цокнул колдун, – Сара Лойти. Не ожидал тебя здесь увидеть.

Сара нахмурилась.

– Чему ты удивляешься? – сам наигранно удивившись, спросил Райен. – Моя страна держится обособленно, но это не значит, что я близорук. Я знаю каждого, кто был отправлен в параллель. Без моего ведома ничто не происходит.

Довольный нотацией, Райен глубже сел в свой трон.

– Если ты здесь, значит, Наследница в безопасности. Это хорошо. Вы оправдали мои надежды. Но тревожить меня осмеливаются немногие. Зачем ты пришла, Сара?

Нет! Не отвечай. Я сам отгадаю. Видишь ли, я люблю всякие загадки. Дай подумать.

Райен спустился с трона и, почёсывая острый подбородок, принялся широкими шагами ходить вокруг Сары.

– Может быть, ты пришла просить моей защиты? Волшебница с даром предсказателя. С моей руки был принят закон о трибунале, только я могу отменить приговор. Неплохая версия, как ты думаешь? Вот только принять этот дар тебя могли заставить очень веские обстоятельства. А если они такие важные, ты не стала бы рисковать. Ведь я сам могу казнить тебя. Это значит, ты пришла ко мне не ради себя.

За кого, Сара? Мария? Учитывая твой цвет волос, она, вероятно, уже мертва.

Наследница? Она в надёжном месте, твоя работа выполнена.

Олли? Вряд ли у тебя есть что-то общее с вампиром. Или в параллели между вами что-то произошло?

Кустистые брови Райена сошлись на переносице. Колдун

любопытно заглянул Саре в лицо.

– Нет, – разочаровано подытожил он. – Это не он. Остаётся Эвон. Что с ним, Сара?

Девушка молчала. Азарт захлебнул Райена.

– Не может быть! Сара Лойти, да ты просто находка! – колдун радовался, словно маленький ребёнок. Сара подумала, что ещё немного, и он захлопает в ладоши.

– Разреши мне узнать, кто удостоился такой чести.

Просьба прозвучала, как приказ. Райен обхватил горячими ладонями лицо девушки и впился цепким взглядом в её глаза. Казалось, он смотрит в самую душу. Получив, что хотел, Райен отпустил волшебницу.

– Золан. Наверное, он первый, кому соврала предсказательница. Да… Этот мальчик подавал большие надежды. Печально видеть его в рядах приспешников. Но, это лишь подтверждает мои догадки: ты пришла ко мне ради Эвона. Где он сейчас?

Сара взяла руки колдуна и повторно приложила их к своему лицу. Она показала ему Святую Землю, оборотней, защитивших их от вампиров и свой уход. Ещё она рассказала про Асоль.

Райен покачал головой.

– Ты приняла дар Марии до того, как Асоль наложила на Эвона метку. Это только одна из граней.

Райен резко развернулся и пошёл к трону. Прищурившись, он долго о чём-то размышлял.

– Изменишь ли ты свои намерения, Сара Лойти, если я скажу, что правда, которую ты ищешь, обречёт тебя на смерть? Нет-нет, не фантазируй. Я не знаю ответа на твой вопрос. Я лишь предполагаю. Я разрешу тебе доступ в архивы, но с одним условием.

Колдун щёлкнул пальцами, и в воздухе возникло маленькое колечко. Райен поманил Сару к себе.

– Надень его.

Девушка протянула руку, и колечко само скользнуло на безымянный палец.

– Когда найдёшь то, зачем пришла, ты расскажешь об этом мне. Кольцо на твоей руке – пропуск в библиотеку. Ровно как и то, что пока оно одето, ты не покинешь пределы замка. Только я смогу отпустить тебя. А теперь ступай, я устал. Артур!

В зале появился смуглый юноша.

– Проводи нашу гостью в её комнату. И не забудь сказать Марте, чтобы она приготовила ванну. Госпожа непременно захочет искупаться перед работой.

Саре выделили небольшую комнату в западном крыле замка. Она была уютной, но больше походила на комнату для прислуги, а не гостьи.

Наскоро вымывшись и перекусив, Сара немедленно отправилась в восточное крыло, где была библиотека.

К девушке приставили молодого волшебника. Он должен был помочь Саре в её работе. А перелопатить предстояло огромное количество томов. Сара понимала, что тайна, которую она непременно должна разгадать, не прячется в обычных учебниках. И даже тяжёлые тома пророчеств, которые изучают юные маги, не хранят в себе разгадки. То, что она ищет, должно быть очень хорошо спрятано. Там, куда ни у каждого есть доступ. Интересующая её информация связана с Наследницей и шаром, а это высшая степень защиты.

Сара шла со своим спутником узкими коридорами. Библиотека занимала почти всё крыло, и переходы от зала к залу занимали немало времени. Юношу звали Беном. Небольшого роста с кудрявыми светлыми волосами, парень был умён и не задавал лишних вопросов. Бен был закреплён к библиотеке с самого детства. Немногим волшебникам выпадала его доля. Маги, как высший ранг, не обременялись такой работой. Неиссякаемый оптимизм и стремление быть полезным сделали Бена одним из лучших работников читальных залов. Книги, которые Бен находил за несколько минут, многие искали днями. Теперь парень тайно гордился, что ему выпала честь помогать госпоже Саре.

Коридор плавно перешёл в подземный ход. На кирпичных стенах чадили факелы. Бен нырнул в глубь темноты и загремел связкой ключей. Открылась тяжёлая дверь. Юноша жестом пригласил Сару в комнату.

– Сэр Райен оказал вам великую честь, разрешив доступ в эту часть библиотеки, госпожа. Если позволите, я останусь с вами.

Глаза парня восхищённо блестели. Бен почти не дышал, рассматривая высокие книжные полки. В свете факела было видно, как в воздухе клубится пыль. Сара чихнула. Взяв со стены факел, она подошла к одной из полок и провела пальцем по кожаному переплету одной из книг. Датировано сто семнадцатым годом. Наверняка, книга написана на древнем языке. Интересно, Бен знает старые наречия? Сара жестом попросила парня достать увесистый том. Кряхтя, Бен положил книгу на дубовый стол.

– Вы хотите, чтобы я прочитал её?

Сара кивнула.

– Я плохо знаю древние сказания, – смущаясь, оправдался волшебник. – Но заголовок мне знаком. Это история жизни

великих пророков. Ещё здесь приведены некоторые их высказывания. Если же вас интересуют непосредственно сами пророчества, то нужна совсем другая книга.

С разрешения Сары с верхней полки Бен достал потёртую книгу с ветхими листами.

– Вот, – юноша сдул пыль с обложки. – Она очень старая. Большинство пророчеств написано на древнем языке самими пророками, но есть и такие, которые написали предсказатели. Маги до сих пор спорят: одни полагают, что это перевод пророчеств, другие считают, что это совсем другие предсказания. По крайней мере, их можно прочитать.

Сара осторожно открыла книгу. Некоторые символы выцвели, и на жёлтых страницах были видны следы редактирования. Она разглядывала непонятные иероглифы, пытаясь хоть как-то разгадать их смысл. Поняв, что это бесполезно, волшебница стала перелистывать книгу быстрее. Добравшись до знакомого наречия, Сара позвала Бена.

Положив пальцы юноши на свои виски, Сара заглянула ему в глаза. Она попросила Бена, чтобы он достал все тома, связанные с появлением шара. Ещё она велела найти пророчества эльфийской расы.

Бен охотно взялся за дело, а Сара принялась изучать предсказания. Большинство из них отражали события, когда мир восстанавливался после правления Лана. Одно из пророчеств предсказывало «приход круглого близнеца», что, по мнению девушки, являлось параллельным миром. Так же она нашла предсказание о «чёрной саранче, изгнавшей крылатый народ». Это пророчество показалось ей интересным, и девушка ещё раз прочитала написанное: *«Чёрная саранча прогонит крылатый народ. Но не впадёт он в уныние, ибо через века их предок вернётся, ведомый потухшим светом. Да защитит их земля, осиротевшая в миг, от одурманенных ложью мёртвых».*

То, что в пророчестве речь идет о Наследнице, было ясно. Конец тоже был вроде понятен, Сара считала, что он отражает возвращение Наследницы на Святую Землю. А вот «потухший свет» завёл волшебницу в тупик. Сара переписала пророчество в тетрадь и принялась дальше изучать книгу.

В тёмных стенах время летело незаметно. Сара кропотливо изучала каждое переведённое пророчество, но ни в одном из них она больше не встретила упоминания о Наследнице или шаре. Но было одно пророчество, которое всё же привлекло её внимание. Сара тоже переписала его в тетрадь: *«На рассвете загорится звезда, и её алый свет озарит Сагенту. И звезда поведет её к счастью и процветанию. Если же заря превратится в ночь, звезду*

проглотит туман. И будет в мире новый закон, продиктованный старой силой. И согнутся расы под гнётом той силы, и выйдут реки из берегов своих. Пока эльф не возродит из ночи зарю, ибо та звезда есть великая сила, скрытая за мраком ночным».

Сара отложила книгу. Бен поставил её на полку и предоставил волшебнице ещё три тома. К счастью, они были написаны на знакомом языке. Девушка выбрала небольшую книжечку пророчеств эльфийской расы, но прежде дала Бену прочитать её записи.

Пока парень изучал переписанные Сарой предсказания, она ещё раз прощупала его ауру. Что-то тревожило волшебницу. Бен был чист. Никаких секретов прошлого, никаких неприятностей в будущем. Да, он проживёт ровную счастливую жизнь. Тогда что ей мешает сосредоточиться? Она покрутила небольшое колечко на своем пальце. Сара предполагала, что Райен непременно потребует от неё каких-либо обязательств, но то, что он надел на неё кольцо, выдаваемое только заключённым, стало для волшебницы полной неожиданностью. Возможно, именно это выбило её из колеи. Но, если быть честной, Райен имел полное право определить ей не комнату, а камеру. Сара не исключала, что, когда она найдет ответ на вопрос, заинтересовавший и азартного колдуна, Райен казнит её.

Бен был озадачен.

– Вы считаете, что между пророчествами есть связь?

Сара пожала плечами. Парень умён, она хотела знать его мнение.

– Если в обоих пророчествах упомянут один и тот же эльф, значит, второе предсказание относится к нашему времени.

Сара улыбнулась и ткнула в слово «звезда». Волшебник замялся.

– Я думаю, эльфийские пророчества помогут разобраться в этом предсказании. Займитесь их изучением, госпожа Сара. Вы родом из Сагенты, вам будет легче провести параллель. А я, если вы позволите, прочту предсказания о шаре. Возможно, с моей помощью вы быстрее найдете ответ на свой вопрос.

Сара была довольна Беном. Она подала ему толстую книгу пророчеств о шаре, а Сама принялась изучать небольшую книжку эльфийского народа.

Сара протёрла глаза. Увлекшись предсказаниями, она не заметила, как уснула. Бен по-прежнему был рядом. Он перелистывал жёлтые листки огромной книги. Заметив на себе внимательный взгляд, парень улыбнулся:

– Надеюсь, вы не станете меня ругать, госпожа. Я подумал,

что вы, наверное, очень устали, и не стал вас будить. Вы поспали почти четыре часа.

Сара перевела взгляд на стол, где стоял горшочек с горячим супом.

– Это я принес.

Сара улыбнулась. До освобождения магической энергии оставалось чуть более суток, каждая минута была на счету. Но девушка не стала ругать волшебника. После сна Сара почувствовала себя намного лучше, в голове прояснилось. Аромат еды пробудил в волшебнице аппетит. Девушка попробовала бульон, а Бен поспешил рассказать ей о своих успехах.

– Вот, – ткнул он пальцем в потёртый листок. – Это пророчество показалось мне интересным. Над некоторыми высказываниями пришлось поломать голову, пророк выражается весьма уклончиво.

Сара проглотила очередную ложку супа и пододвинула книгу ближе.

«Мудрость и старость всегда рядом. Мудрость рождает хитрость, а старость – страх. И отведена им временем целая вечность, но она же есть причина страха. Ибо смерть умеет ждать. И явят они коварство того, кто боится. И возродит он в мире то, что таилось веками во тьме. Да почувствуют эту тьму те, кто по ту сторону света. Настигнет она их короткой вспышкой, на мгновение вернув силу. И уязвим желающий силу в тот миг, и покажет ему смерть свой лик. И заберёт она его в свои объятия, если только любовь не затмит разум тех, кто выбран судьбой».

Сара тяжело вздохнула и потёрла виски. Она надеялась, что после отдыха будет лучше соображать. Как же это сложно! Девушка ещё раз перечитала пророчество.

– Разрешите? – Бен попросил у Сары тетрадь. Он ткнул пальцем в переписанные пророчества. Сара бегло прочитала указанный отрывок. *«И будет в мире новый закон, продиктованный старой силой. И согнутся расы под гнётом той силы, и выйдут реки из берегов своих».*

Сара вопросительно посмотрела на юношу.

– Когда я прочитал его первый раз, то не придал пророчеству особого значения. Признаться, сначала меня зацепило только то, что в нём говорится о силе. Ведь во всех предсказаниях, относящихся к появлению шара, упоминается сила. Но вот что интересно. Вы сами знаете, госпожа, что с пророчествами работать очень сложно, ведь пророки всегда говорят загадками. Поэтому, изучая тексты, я старался как можно больше обращать внимание на синонимы. Вот я и подумал, а что, если «старость»,

упомянутая в этом пророчестве, и «старая сила» в вашем – одно и то же? Если это так, то между пророчествами прослеживается явная связь. А «старая сила» имеет совсем иное значение.

Сара нахмурилась. Она никак не могла уловить суть.

– Как же вам объяснить?

И тут Бен хлопнул себя по лбу.

– Ну конечно же! Как я сразу не догадался?

Парень сиял.

– Смотрите: представьте, что «мудрость и старость» не существительные, а прилагательные. Получается, что в пророчестве говорится о мудром и старом человеке. У предсказания появляется понятный смысл, прочтите ещё раз!

Сара прочла пророчество под нетерпеливым взглядом Бена и обомлела. Парень прав! Мудрый и старый человек, который боится смерти. Вот зачем был извлечён шар! Не ради справедливости, к которой так стремятся приспешники. Человек, затеявший эту игру, вовсе не желает рассеивания энергии. Он хочет завладеть ей и тем самым продлить себе жизнь. Сара не сомневалась, что сила, хранящаяся в шаре, могла бы подарить её обладателю бессмертие.

Сара ошарашено посмотрела на Бена.

– Теперь понимаете? «Новый закон, продиктованный старой силой». Это закон, продиктованный старым человеком. Похоже, пророки не исключают появление ещё одного Лана.

Настроение Бена испортилось. Похоже, до парня окончательно дошёл смысл его «открытий». Сара откинулась на спинку стула. Пазлы потихоньку собирались. И от этого становилось страшно. Неприятные щупальца тревоги снова коснулись сердца волшебницы. От того, что одна часть мозаики сошлась, появилось ещё одно неизвестное. Она-то полагала, что во главе смуты был её брат. Оказывается, Золан лишь пешка. Его мозгов явно недостаточно для того, чтобы самостоятельно извлечь шар из тьмы. Он лишь пользуется сложившейся ситуацией и пытается добиться цели приспешников, дабы ухватить ещё одну порцию чужого дара. Им был куплен Кристиан.

Сара ужаснулась. Неужели есть ещё один вариант развития событий?! Чёрт! Рассеивание энергии по миру – раз, заключение её обратно в шар – два, и внедрение всей силы в чьё-то тело – три?! Но кто изначально может обладать такой энергией, чтобы иметь силы вместить в себя такую мощь?

Сара лихорадочно взяла маленькую книжечку эльфийских пророчеств, за изучением которых незаметно уснула. Сердце волшебницы быстро стучало. Вот оно.

«Гонимые чарами, эльфы покинут свой дом. И воплотятся их

души в чужом пространстве, и забудет время об их существовании.

Но разбудит великую силу тот, кто ждёт от неё спасения. И потребует сила хозяина, словно пёс, привыкший к цепи. И вспомнят тогда об изгнанных, ибо только им дано усмирить ту силу.

И долго будут плутать те, чьи имена выбрал народ. Четыре звезды и одна павшая. Не найти им спасителя, покуда вспышка не настигнет их. Так обозначит она возвращение сферы в тот мир, что был для них домом. И уязвим вызвавший шар в тот миг, да не скроет ночь его истинный лик.

И пусть эльф выберет того, что утратил свет. Ибо он есть опустевший сосуд, что способен вместить в себе силу».

Сара зациклилась на слове «свет». Она чувствовала, что разгадка совсем близко, но никак не могла поймать её. Волшебница снова и снова прочитывала пророчества, ходила из угла в угол. Бен осторожно стоял в стороне. Он не пытался помочь Саре, его мысли были заняты другим – парень до сих пор не верил своим же предположениям. Как и волшебница, он не мог даже подумать о том, что магическая энергия, хранящаяся в шаре, может быть обращена в чьё-то тело.

Между тем Сара запыхалась. Волшебница усмехнулась: помещение было совсем маленьким, а она умудрилась намотать здесь, наверное, несколько километров. Девушка гневно ударила по столу. «Мария, к чёрту твой дар!» – мысленно выругалась волшебница. Какой от него толк, если кроме аур она ничего больше не может разглядеть?! Сара была в отчаянии.

Девушка снова села на стул и обхватила руками голову. Пламя свечи отражалось от её волос тёмной медью.

– С вами всё в порядке? – учтиво поинтересовался Бен.

Сара подняла голову. Бен беспокоился за неё. Она видела, как его красная аура переливалась, отражая волнение. Как будто вокруг парня зарождалась заря.

Стоп! Алая заря… Алая! Аура Эвона была красной, пока он не отказался от дара! А потом она стала синей, заря превратилась в ночь. Потухшая звезда… Опустевший сосуд… Боже!

На глаза навернулись слёзы. *«На рассвете загорится звезда, и её алый свет озарит Сагенту. И звезда поведет её к счастью и процветанию. Если же заря превратится в ночь, звезду проглотит туман. И будет в мире новый закон, продиктованный старой силой. И согнутся расы под гнётом той силы, и выйдут реки из берегов своих. Пока эльф не возродит из ночи зарю, ибо та звезда есть великая сила, скрытая за мраком ночным».*

Неужели она не сошла с ума? Сара перечитывала пророчества снова и снова, каждый раз возвращаясь к этому. Всё сходится. Она

нашла разгадку. Если Вера направит энергию шара на Эвона, Асоль проиграет. Ещё бы! Ни одно проклятие не устоит перед силой, что хранится в шаре. Эвон будет жить, а его аура снова станет красной. Всё так, как говорила Мария. Своей новой силой Эвон сможет излечить Веру. И она тоже будет жить. Хеппи енд. Почему же Сара не радуется?

Эвон никогда не будет с ней. С проклятым даром предсказателя Сара это прекрасно осознавала. Кроме того, имеет ли она право требовать, чтобы Вера подарила Эвону силу? Её добрый любимый Эвон, захочет ли он нести груз ответственности правления не только Сагентой, но и всем миром? Вдруг он возненавидит Сару?

Волшебница узнала, как спасти Эвона, но не понимала, зачем. Как глупо! Да потому, что она его любит! Она подарит ему выбор, ему и Вере. И пускай Сара всю жизнь будет страдать он неразделённого чувства, зато она даст Эвону шанс быть счастливым.

Сара хотела уйти из библиотеки, но передумала. Тёмная сторона этой истории беспокоила волшебницу всё больше и больше. Её мысли метнулись к Золану. Он забрал у Эвона дар. Вернее, Эвон добровольно отказался от него в пользу брата, но теперь Сара знала, что Золан заранее всё продумал. Он подтолкнул Эвона на этот шаг. Всё спланировал вместе со своей ненаглядной Есенией.

А что, если и поступок Золана тоже был кем-то заранее спланирован? В пророчествах явно говорится о том, что у Эвона великий дар. Это было ясно всем, ведь во время обучения развития дара Эвон обгонял сверстников во сто крат. И пускай у Эвона не было особого желания стать великим волшебником и правителем Сагенты, его талант был очевиден. Кто знает, каких вершин он мог достичь? Возможно тот, кто затеял эту игру, видел в Эвоне угрозу? Соперника? Конечно, это глупо, ведь Эвон никогда бы не позарился на магию шара, но что, если кто-то решил подстраховаться? И сделал это через Золана. Похоже, паутина, которую пытается распутать Сара, очень древняя. И от этого становится жутко. Всё спланировано. Каждый шаг. А что, если то, чем сейчас занимается она сама, тоже когда-то давно было кем-то задумано? И этот кто-то должен быть совсем близко, в этой стране.

Пророчества указывают на очень старого человека. Веками могут жить только очень сильные колдуны, магия поддерживает в их телах жизнь. Конечно, самый древний – Райен. Вот только подозревать его чистой воды ересь. Он переправил эльфов в параллельный мир. Зачем это делать, если в планах возвращение

шара? Как направить на себя магию без эльфа? В голове волшебницы крутились одни вопросы.

В любом случае, Сара всё ему доложит. И пускай Райен занимается поиском колдуна, затеявшего всю эту блажь. Сколько на земле колдунов, живущих века? Сара была уверена, что немного. Единственное, чего не могла понять волшебница, так это то, каким образом этот сумасшедший заставит Веру направить на него энергию. Кроме того, похоже, что колдун где-то просчитался, ведь эльф на Святой Земле. Этот факт немного успокоил Сару. По крайней мере, она отметала версию того, что магия будет отправлена не в то русло.

А она должна как можно быстрее вернуться к Эвону и обо всём рассказать. Подарить ему шанс. Хватит ли ей тридцати часов, чтобы вернуться? Если Олли ждёт её у входа в портал в Стал-Рейне, то она успеет. Впервые в жизни она порадовалась тому, что у тёмной расы есть преимущества. Вот только как отреагирует Райен на её попытку внедрения энергии в Эвона? Конечно, он будет против. А Саре не уйти без его разрешения. Она будет умолять. Попробует убедить колдуна, что Эвон никогда на это не пойдёт. Только бы успеть.

Глава 16

Вера бесцельно бродила. Деревья протягивали к ней свои ветви, словно хотели утешить. Феи куда-то исчезли, постеснявшись того, что почти произошло между ней и Эвоном.

Вера уже ничего не чувствовала. Внутри была дыра. Пустота. Единственное, чего не хватало, – пластмассовой бутылки или консервной банки. Вот бы она сейчас их попинала… Увы, ни банки, ни бутылки под ногами не было, и девушка просто шаркала ногами по светящейся траве.

Вера не знала, сколько прошло времени. Она запуталась в его подсчёте, как только оказалась в этом мире. Здесь всё было странным. Сначала солнце висело, словно застывший фонарь, а потом вовсе исчезло. И как без него ориентироваться? Единственное, что она знала, это то, что жить ей осталось недолго. Иначе, почему Эвон вдруг сказал правду?

Эвон. Кто он? Спаситель или убийца? Он обещал, что в Сагенте ей будет лучше. Он солгал, промолчав. Они все солгали, и Вера должна была возненавидеть их.

Но она не могла. И не пыталась. Потому, что единственной её болью стал не приближающийся конец, а разочарование.

Ей всё равно. Все умирают, и она умрёт. Просто немного страшно, неизведанное всегда пугает. К тому же, это, наверное, больно.

Здесь Веру ничто не держит. Её семья погибла, да и домой Вера бы уже никогда не вернулась. Любимый человек наплевал в самую душу. «Вера, там тебе будет лучше», – со злостью снова вспомнила Вера и чуть не завыла от обиды.

Конечно, где-то глубоко внутри Вера хотела оправдать Эвона. Не зря же в голову лезли всякие мысли, вроде той, что он выполнял свой долг, у него не было выбора…

Тьфу! Сама себе Вера казалась предателем, потому что перед глазами расплывался его облик. А губы до с их пор горели его теплом. Будь ты проклят, Эвон! Ты, Сара, Мария, Олли и этот ваш истинный мир!

Вера со всей силы пнула по траве и испугалась, когда из-под ног вылетела книга. Подойдя ближе, Вера поняла, что это тетрадь. Тёмная твердая обложка и загнутые листы. Почти вся исписана.

Вера подняла находку. Почерк был небрежным, но ровным. Мужская рука. Вера сглотнула. Это был дневник. Она догадывалась, чей он, вспомнила, как Эвон что-то записывал, когда они останавливались в гостинице. Осознание того, что эта

вещь сугубо личного плана, наполнило девушку трепетом. Вера открыла тетрадь и углубилась в чтение.

1 апреля, суббота

Отец давит на меня. Не знаю, как долго я ещё смогу притворяться. Улыбаться, когда хочется плюнуть, соглашаться, когда надо ударить. Его политические игры слишком важны, чтобы учитывать желания тех, кто в них задействован. В первую очередь именно поэтому я не хочу повторить его судьбу.

3 апреля, понедельник

Это сумасшествие. Откуда она взялась? Я смотрю на неё и не могу наглядеться. Все мои мысли заняты ей одной. Я не хочу быть привязанным, но желаю лишь одного – быть любимым ею.

Так не должно быть. Я не знаю, кто она. Не знаю, как её зовут. Но она преследует меня.

4 мая, вторник

Любовь к Есении укрепила моё желание быть непричастным к политической верхушке Сагенты. В законах должна быть зацепка, и я найду выход из сложившейся ситуации.

8 мая, суббота

Не сомневаюсь, Золан будет рад моему предложению. Интересно, будет ли брат терпеть гнёт отца? Похоже, чем ближе момент, когда отец должен будет передать мне бразды правления, тем сильнее у Золана сносит крышу.

Однажды отец простит меня. Я всё как следует взвесил. Политического скандала не будет, в Тирките безвыходная ситуация. Великая страна, великие люди. Великие долги. Только объединение с Сагентой поможет Тиркиту сохранить доброе имя в истории. Что касается Сагенты, восхождение на трон белого мага только укрепит её политические позиции на мировой арене.

10 мая, понедельник.

Золан согласился. Завтра я буду свободным.

Я так скучаю по Есении. Когда она вернётся, у наших чувств больше не будет преград.

12 мая, среда

Отец в гневе. Мама напугана, словно антилопа под клыками тигра. Только бы отец не выместил на ней злость!

Золан на седьмом небе от счастья. Иногда мне кажется, что он так высоко задирает свой острый нос, что того гляди споткнётся.

Стыдно перед Аилин. Но я верю, что она мудрая девушка и однажды простит меня.

Ощущение, что за мной кто-то наблюдает, исчезло. Как и косые взгляды волшебников-недоучек. Надеюсь, они поймут, что нужно не завидовать, а учиться.

13 мая, четверг

Завтра вернётся Есения. Наконец-то я сообщу ей, что мы можем быть вместе.

14 мая, пятница

Проще было бы умереть.

20 июня, не знаю, какой день

Привет, тетрадочка! Знаешь, заведение, которое посоветовал мне гном, очень даже ничего. И ром там вкуснее. А, знаешь, какой самый главный плюс? Сара не знает про него! Эта несносная девчонка ходит за мной по пятам. Думает, что я не знаю. Из-за того, что мне постоянно приходилось следить за тем, чтобы какой-нибудь пьянчуга не угробил её, я уже больше недели не могу нормально напиться и впасть в забытье. Но я не могу ругать эту глупышку… И когда же она, наконец, поймёт, что я не смогу полюбить её той любовью, о которой она мечтает?

22 июня, Сара сказала, что суббота

Уж больно грустную песню завела та дамочка в трактире. Так и представил себя с лазером у виска.

Мои мысли ни о чём
Тараканами расползлись.
Упирается в плечо
Целая жизнь.
И разбились на осколки те края,
Что хранила я
Для тебя.
Если только ты случайно не придёшь,
Как вчерашний дождь,
Если только ты случайно не умрёшь,
Как великий вождь.
А пока
Наверняка
Не дрогнет моя рука.
Моё сердце взорвалось,
Как маленькая граната.
Что хотелось, не сбылось,
Ну и не надо.
И растекается неправильным пятном
Красное вино.
Потом допьёшь его.

23 июня, воскресенье

Сегодня я встретил Руфину. Она сильно изменилась. Несла какую-то чушь про приворот. Я не хотел слушать её, и всё же те слова остались в голове. Если ведьма сказала правду, через несколько дней я об этом узнаю.

25 июня, вторник

Сара, словно назойливая муха, кружит вокруг меня. Я уже привык к ней так же, как к своей тени. Не обронила ни слова, но так проницательна. Спасибо, сестрёнка, если бы не твоё незаметное присутствие, я бы точно наложил на себя руки.

Имею ли я право так поступать? Моя маленькая девочка, я нагло использую тебя. Ты спасаешь меня, а я тебя топлю. Я молюсь, чтобы однажды ты полюбила человека, который будет тебя достоин. Ты будешь счастлива. А пока я тешу себя мыслью, что твоя любовь – наваждение, которое скоро развеется.

30 июня, воскресенье

Есения. Равнодушие пришло так же внезапно, как и любовь. Руфа сказала мне правду. Чёрная магия, словно яд, отравила мне душу. Но теперь я здоров. И ещё я свободен и волен сам распоряжаться своей жизнью.

15 июля, пятница

Сара просто удивительная. Её смекалке и ловкости можно позавидовать. Она всё схватывает налету. Надеюсь, искусство боя никогда ей не пригодится.

16 июля, суббота

Отец простил меня, но отношения между нами по-прежнему холодные.

Я не отрекаюсь от Сагенты, просто теперь я могу быть полезен в том деле, что мне по душе. Армия – вот моё место. Через шесть месяцев королевский полк вернётся из Тиркита с новобранцами. Золан нетерпелив, уже сейчас он протягивает на Тиркит свою будущую власть. Что ж, он хорошо соображает в политике. Структура армии государств схожа, а тактика боя различается. Это будет полезное сотрудничество. Когда Золан вступит в свои права, боевая мощь Сагенты будет несокрушима.

1 сентября, четверг

Я пришибу эту рыжую бестию! Как объяснить, что армия ей не место?!

3 сентября, суббота

В резиденцию пришла предсказательница. Верховные маги чем-то встревожены.

5 сентября, понедельник

В Биртон прибыли правящие династии всех рас. Нас собрали в зале советов и сообщили страшную весть: шар скоро появится в нашем мире. Информация строго конфиденциальна, нельзя сеять панику среди населения.

7 сентября, среда

Некоторые маги высмеивают Марию, полагая, что то, что она предвидит, невозможно. Тем не менее, создаётся поисковая группа.

25 сентября, суббота

С каждым днём я всё больше размышляю о нависшей угрозе. Я не доверяю магам. Появление шара в нашем мире не может быть прихотью простого волшебника. Тот, кто решился на такое, должен владеть силой и властью.

Колдуны работают над тем, чтобы шар после материализации попал к Райену: магия, даже не освобождённая, должна быть под контролем.

26 сентября, воскресенье

Создано перемещающее заклинание. Тёмная раса назвала своего представителя – это глава дозора. Он отправится в параллель вместе с предсказательницей. Мария больна, но её кандидатура незаменима, ведь именно ей было видение. Осталось назначить волшебника и того, кто отправится в параллельный мир от имени простых людей.

27 сентября, понедельник

Неплохая идея. Ещё раз убеждаюсь, что отречение от дара было верным решением. Маги не посмеют отклонить мою кандидатуру.

1 октября, пятница

Я её убью.
Но ей я могу полностью доверять.

2 октября, суббота

Завтра телепортируемся. К нам приставили ещё одного, меня тревожит столь поспешное пополнение. Говорят, он с территории колдунов.

1 июля, четверг

В этом мире время отстаёт. У нас возникли

сложности. Бедная Сара! Я вижу, как ей страшно. Мне ли не знать, какая растерянность наступает, когда из крови исчезает былой огонь, а сердце начинает биться медленней. Мне хочется обнять её и утешить, но я не могу себе этого позволить. Сара должна быть сильной.

3 сентября, суббота

Кристиан ведёт себя подозрительно. Он не прислушивается к советам, плюёт на задания. Делает вид, что параллельная цивилизация увлекла его своей примитивной жизнью. Интересно, он помнит, зачем мы здесь?

За два месяца мы ни на шаг не приблизились к цели. Без дара Мария слепа, а вместе с ней – все мы. Идея работы с архивами провалилась. В техническом плане попасть в секретные ведомства не составило особого труда, за золото можно купить что угодно (отдаю должное Олли, это он настоял на том, чтобы взять с собой слитки). Но, вычислить хотя бы одну генетическую линию эльфов не удалось: корни всех правящих династий безвозвратно утеряны. Очень сложно предположить, что за столько времени в царских семьях не было смешения кровей. Да и кто может быть уверен в том, что наказ, данный эльфам перед перемещением, был соблюдён? Эта раса всегда была гордой. Не исключено, что, когда миры были запечатаны, эльфы не захотели править новым миром и возложили груз ответственности на людей. Тогда мы попросту изучали генетические линии обычных семей, а не крылатого народа. Полный тупик. Ума не приложу, с какого края снова подойти к поискам.

5 сентября, понедельник

Мария утверждает, что, когда шар появится в Сагенте, произойдёт магический дисбаланс. Энергетический скачок, так она его называет. Предсказательница надеется, что волна достигнет и этого мира, тогда возникает вероятность того, что наши способности на какое-то время восстановятся. Олли такая перспектива пугает, он не хочет получить «загар до самых косточек». Интересно, его тяга к красному вину – проявление ностальгии? Какие бы последствия эта волна не несла, она наш единственный шанс.

10 сентября, суббота

Кристиан не спускает с Марии глаз. После выдвинутой ею теории, парень не отходит от предсказательницы ни на шаг. Он ждёт, когда она назовёт имя. Как и все мы. Не могу отделаться от мысли, что Кристиан ведёт двойную игру.

13 сентября, вторник

Сегодня был ужасный день. Мои мысли разрывают мозг с бешеной скоростью, но я никак не могу осознать случившееся. Кристиан предал нас. У Марии случился приступ. Я опасаюсь за её здоровье. Ощущение безысходности тяготит, но мне нельзя поддаваться слабости. Мы должны найти Наследника.

21 сентября, среда

Люди Кристиана следуют за нами, словно псы за дичью. Нервы на пределе. Перед глазами миллионы лиц и миллионы возможностей того, что это носители святой крови, но нам нельзя действовать наугад. Завтра вылетаем в Россию.

22 сентября, четверг

У Марии было виденье. Если оно истинное, у нас появился шанс.

24 сентября, воскресенье

Олли в бешенстве. Я могу понять его, ведь парень в ответе за весь свой род. Я и сам не полностью доверяю видению Марии. Биография девушки заставляет желать лучшего. К тому же, вспышка дара наблюдалась всего секунды. Сара призналась, что её хватило только на то, чтобы создать на ладонях искры. А Олли и вовсе просто выплюнул глоток кофе, потому что он вдруг показался ему вонючей похлебкой.

Выбор невелик. Либо мы верим Марии, либо действуем наугад. Из двух зол нужно выбирать меньшее.

25 сентября, понедельник

Мария согласилась подождать несколько дней. Если за это время предсказательница не сможет определить другого Наследника, Олли придётся смириться с её выбором. А пока мы будем наблюдать за этой Верой.

27 сентября, среда

Я изучил биографию этой девочки. Мне жаль её. Распутный образ жизни она стала вести после крушения авиалайнера. В один миг она лишилась семьи, это не могло не оставить отпечаток на психике.

Рассматривая фото её родителей, я немного успокоился. Все родственники предполагаемой Наследницы, как и она сама, чрезвычайно стройны. Высокие шатены с миндальными глазами. Присутствуют все эльфийские черты. Кроме крыльев, конечно. Интересно, почему Вера перекрасила волосы в белый цвет? Хотя, какая разница.

Вера с жадностью проглатывала содержимое дневника. Вот где спрятаны все ответы. А ещё он приближал её к Эвону, его мыслям и чувствам. То, о чём молчал хозяин, раскрывала тетрадь. Вера поняла, почему Сара привиделась ей в долине. Её поведение, жесты, речи. То, что видело Верино подсознание, но не понимал мозг. Она восхищалась волшебницей. На какие жертвы она отважилась ради своей любви! Она стала для Эвона надёжной опорой. Её счастье – в счастье и благополучии Эвона. И она борется за него. А Вера?

Девушка села на мягкую траву. Склонившись над тетрадью, она снова стала читать записи.

30 сентября, суббота

Кристиан буквально дышит нам в спину. Почему он ничего не предпринимает? Мы стараемся скрыть имя Наследницы, но всё равно нужно быть осторожными. Олли придётся смириться с общим решением. Сегодня мы встретимся с Верой.

1 октября, воскресенье

Мои догадки подтвердились, в деле замешаны маги. О том, что это может быть колдун, я стараюсь не думать.

Девочка с характером. Держу пари, она приняла нас за психов. Мы должны ей сказать, в чем заключается её

роль, но Мария считает это несущественным. Её позиция удивляет меня, ведь предсказательница всегда была честной. Когда я высказал ей своё мнение на этот счет, Мария обожгла меня взглядом и заверила, что судьбы изменчивы.

Интересно, что она хотела этим сказать? В любом случае, Вера не узнала самого главного, и это тревожит меня. Она не верит в нас, но это не защитит её от действия магии. Ровно как незнание законов не освобождает от ответственности. А мы несём груз ответственности за судьбу всего мира. Так что значит жизнь одной девушки в противовес жизням всех живых существ? Эта мысль утешает мой ум, но только не совесть. Но как Олли не смеет оспаривать общее решение, так и я не имею права рассказать то, о чём решено умолчать.

2 октября, понедельник

Нам нужно телепортироваться. Саре пришла в голову неплохая идея. Надеюсь, план сработает.

Мне кажется, что у Веры зависимость. Пока не могу определить, какая. У неё вид загнанной лошади, лихорадочный блеск в глазах, она постоянно кусает губы. Конечно, она пережила стресс, ведь её чуть не убили. Тем не менее, я надеюсь, она не наркоманка.

Читая эти строки, Вера чуть не задохнулась от возмущения. Да как он посмел? Наркоманка! Будь Эвон рядом, она бы швырнула тетрадь прямо ему в лицо.

Сагента

Сара доставила нас на Добрую гору. Никогда бы не подумал, что однажды побываю в этом месте. И надо же придумать такое название – Добрая! Здесь приводят в исполнение смертельные приговоры. Хотя, если учесть, что заключённые одурманиваются здешним воздухом и сами кончают с собой в состоянии блаженной эйфории… Как знать. Сара поставила нам блок, мы не испытали этих чувств. А вот Вере пришлось его снять, она вела себя слишком агрессивно. Надеюсь, она не в обиде.

Пришлось взять с собой парня. Я не переживаю по этому поводу, если Вера захотела обречь своего незатейливого друга на гибель, это её дело. Другой вопрос,

что теперь делать. Тёмная раса против нас, а скоро затмение. Боюсь, предложение ведьмы является единственным верным решением.

Я смотрю на сонного ангела. Она прекрасна. Только сейчас понимаю, что ей пришлось перенести в том мире. Чёртова магия заставила её выживать весьма поганым способом.

Сегодня во сне я видел Есению. Её белое личико в обрамлении белокурых кудрей и пухлые губки. Она улыбалась мне, но сердце молчало. Потом её образ расплылся, и на место тумана вступила Вера. Протягивая ко мне руки, она молила о спасении. Что я могу? Я хочу оправдаться, но язык онемел. Тогда она отворачивается от меня, бросив в мою душу презрение и гнев. Я хочу бежать вслед за ней, но ноги не слушаются.

Я проснулся в холодном поту. Осознание того, что этот сон практически явь, гнетёт меня. Но теперь я тем более не смею сказать Вере правду, ибо боюсь показаться предателем в её чистых глазах.

На моих руках кровь. Почему Кристиан хотел убить Марию? Вера следует за нами, но это не зов сердца, а безысходность. Наверняка, у неё накопилась куча вопросов. Боюсь момента, когда с полной ответственностью придется всё ей рассказать.

Сердце болит по Саре. Странный диалог с Марией вселил в моё сердце слабую надежду. Когда я ненадолго оставил Веру у могилы Вадима, предсказательница затеяла странный разговор.

– Что тебя волнует? – спросила она, словно беспокоиться было абсолютно не о чем. – Ты можешь спросить меня.

– О чём?

Мария положила слабую ладонь мне на грудь.

– О том, что важно для сердца.

– Сара мертва, – отрезал я. Мария нахмурилась.

– Я говорю не о волшебнице. Неужели ты так ничего и не понял? Хотя ваша нить ещё весьма нечётка. И всё же, лучше спроси меня, чем потом – Сару.

Я не стал повторяться о судьбе сестры, и вместо этого спросил:

– Что мне может рассказать Сара из того, что известно лишь тебе?

– Наши судьбы в наших руках, Эвон. Вся соль в том, что часто мы выбираем то, что уготовлено нам свыше, а не то, что хотим и должны выбрать.

– Мария, ты всегда говоришь загадками. Неужели нельзя выражаться яснее?

– Душа – вот настоящая загадка, мальчик мой. Ты думаешь, что злишься на меня, но на самом деле ты не можешь понять себя. Слушай своё сердце, и оно не обманет.

С этими словами Мария тяжело опустилась на валун. Мои мысли вернулись к Вере. Вот она, потерянная, стоит под дождём у могилы единственного близкого ей человека. Кто я в её глазах? Безжалостный убийца, палач? Какая разница? Я должен выполнять свой долг.

Мария оказалась права, Сара жива. Радость этого события затмил безрассудный поступок волшебницы. Вот зачем держалась Мария, но что она хотела показать Саре? Сестра сказала, что сделала это ради меня. Будь проклят тот день, когда я вбил в свою голову бредовую идею о том, что Сара забыла свои чувства. Но я должен защищать Веру, ни к чему забивать голову сентиментальными вопросами относительно поступка Сары. Она вправе сама вершить свою жизнь.

На мне метка Асоль. Я спонтанно принял это решение. Теперь я счастлив. Как будто нашёл неизвестное в сложном уравнении.

Вера читала и читала. Что-то дважды перечитывала. Когда Эвон стал описывать уход Сары, в груди защемило. Потом Вера увидела оборванное последние предложение и на глаза навернулись слёзы.

– Прости.

Девушка обернулась. От неожиданности тетрадь выпала из рук.

– Я знаю, что виноват. Порой долг затмевает разум.

Сквозь пелену Вера смотрела на Эвона. Его черты обострились, или ей кажется? Словно груз всей жизни разом обрушился на сильные плечи. Сломается или нет? Нелюбимый сын своего отца. Политическая марионетка. Он сражался за свои права. А что получил взамен? Женщина, которую он любил, была обманом. Сестра, которую он защищал, выросла и сама встала на защиту брата. А женщина, которую он полюбил (Боже, неужели

это правда?!) умрёт по его воле.

Он видит в Вериных глазах отражение своего предательства. Ведь так он считает, да? Вера должна сказать, что это неправда. Она любит и понимает его.

Вместо этого Вера подняла тетрадь и протянула её Эвону.

– Я не должна была читать это.

Эвон протянул руки, чтобы забрать тетрадь, но вместо этого его пальцы задержались на Верином запястье. Она встретила его напряженный взгляд. Вера смотрела в синие глаза, а сама вспоминала о том, как когда-то боялась открыться перед Вадимом, потому что считала, что он возненавидит её. Сейчас же она чуть не возненавидела того, кто боялся потерять её.

Вера нырнула в мужские объятия и дала волю слезам. Эвон гладил девушку по волосам и молчал. Когда плакать стало нечем, Вера заглянула в его лицо и прохрипела:

– Неужели ничего нельзя изменить? Эвон, мы ведь только нашли друг друга, это несправедливо.

– У справедливости свои взгляды, – прошептал Эвон. – Разве не справедливо, что я уйду за тобой? Мы будем счастливы в мире духов.

– Нет-нет-нет! – Вера замотала головой. – Мы не должны сдаваться! Эвон, однажды ты нашёл выход! Ты отказался от дара. А сейчас мы найдем его вместе.

Энтузиазм Веры незаметной тенью пробежался по лицу Эвона. Его губы дернулись, но он промолчал.

– Скажи, неужели ты не думал об этом?

Эвон слабо улыбнулся, и Вера поняла, что он неоднократно размышлял об этом.

– Мы могли бы спросить Райена, – признался Эвон.

Вера вспомнила прощальные слова Вадима, и надежда яркой вспышкой загорелась в её душе.

– Тогда в чём дело?

– Послушай, – Эвон тяжело вздохнул. Он говорил размеренно, словно пытался усмирить Верин запал. – Райен – великий колдун, ему несметное количество лет. Уверен, если бы был способ избежать твоей гибели, мы бы знали об этом.

– С чего ты взял? Этот ваш Райен, несомненно, мудрый человек. Неужели ты думаешь, что он стал бы коверкать установившиеся нормы ради моего спасения? Возможно, путь моего выживания настолько сложный, что он попросту не захотел озвучивать его, дабы не усложнять вашу задачу. Если же моя судьба непоправима, он сможет повлиять на твою. Я хочу, чтобы ты жил. Слышишь? Если мне суждено умереть, ты не должен идти за мной.

– В твоих словах есть логика, – Эвон проигнорировал последние фразы. – Но шар освободит энергию уже через сутки. Мы не успеем дойти до территории колдунов, не говоря о том, что за границами Святой Земли полно вампиров.

– Значит, ты согласен?

– С чем? – Эвон не понимал Вериного нетерпения.

– С тем, что у нас есть шанс?

– Он был бы, если бы я раньше осознал, что люблю тебя.

– Ты согласен отправиться к Райену? – с надеждой спросила Вера. – Просто ответь.

– Да, но…

– Шшш… – девушка приложила палец к губам Эвона. – Мы используем этот шанс.

Феи кружились вокруг, нервно помахивая крыльями. Они, как и Вера, обезумели от нетерпенья.

Глава 17

Феи исполнили желание Веры: они с Эвоном перенеслись на землю колдунов. Здесь, как и везде, царил мрак. Небо затянуло туманной дымкой, в воздухе осел запах костров.

Город располагался на холме. На самой его вершине белели мраморные стены замка, в тёмных окнах светилось неверное пламя свечей.

Эвон сказал, что эта земля недоступна для вампиров – тёмная раса и волшебники подписали мирный договор, – и всё же путники были настороже. Любой шорох воспринимался как потенциальная угроза, и Эвон не выпускал из руки лазера.

У них появилась надежда. Она не позволяла медлить, заставляла дышать быстрее. Вера даже не замечала тяжёлой одежды, которую снова пришлось надеть.

К городу вела широкая дорога, но они предпочли двигаться близ неё. Между огромных сосен и вековых дубов легко оставаться незамеченными. К пропускным воротам медленно двигалась вереница странников.

На входе в город их задержала стража. Двое крепких солдат с суровыми лицами и лысыми головами потребовали белый билет. Вера решила, что это пропуск. Она мысленно помянула фей недобрым словом, почему нельзя было перенести их прямо к замку? Тем не менее, теперь перед ними встало очередное препятствие – стража наотрез отказывалась пускать их в город.

– Ещё раз повторяю, – в гортанном голосе охранника угадывалось раздражение, – вход в город ограничен.

– Тогда доложите Райену, что его светлость беспокоит Эвон

Лойти, бывший наследник престола Сагенты.

Брови охранника скосились к переносице.

– А она?

– Девушка со мной.

Охранник хотел было возразить, но его отвлек худой сгорбленный человек, чьё лицо было скрыто под нависшим капюшоном. Он позвал охранника и что-то шепнул ему на ухо. Страж ворот коротко кивнул и выдрессировано гаркнул:

– Добро пожаловать в Гортон. Следующий.

Вера засекла вспышку подозрения в синих глазах Эвона, но, если он в чём-то и усомнился, виду не подал. А их «белый билет» растворился во мраке.

Дорога до замка была прямой. По её краям располагались сферы, источающие приглушенный жёлтый свет. Кое-где встречались торговые лавки и магазины. В животе заурчало, когда в нос ударил запах только что испечённых булочек.

– Купите пирожок, милочка, – предложила продавщица. – Свеженькие, тёпленькие. Самые вкусные пирожки во всём Гортоне!

Вера с мольбой посмотрела на Эвона. Он улыбнулся и протянул женщине несколько монет.

– Сдачи не надо.

Продавщица округлила глаза и скороговоркой застрекотала:

– Самые вкусные и горячие пирожки! Мистеру и его даме!

Вере вручили целый пакет пирогов.

– Круглые с сыром, а квадратные с ягодами.

Вера поблагодарила женщину и удивлённо посмотрела на Эвона:

– Зачем так много? Здесь штук двадцать!

– Я тоже буду.

– Ааа…

Пирогов много не оказалось. Бледные стены замка белели совсем близко, но идти до них было долго. Когда впереди показались резные ворота, все торговцы уже были дома, а Вера дожевывала последний холодный пирог.

У входа их уже ждали. Смуглый юноша кивком поздоровался и велел следовать за ним.

Слуга повёл их по извилистым коридорам. То светлые и просторные, то узкие и тёмные, они вились по замку, словно паутина. Если бы Вере одной пришлось искать дорогу обратно, то она непременно бы заблудилась.

Юноша вывел гостей на улицу. Минув небольшой ручей, он направился к арке, увитой вьюном. За ней скрывался шикарный сад – море цветов и кусты роз, наполняющих воздух пьянящим

ароматом. По всему периметру сад освещали такие же сферы, что и центральную улицу.

Парень оставил гостей у фонтана в центре сада и удалился.

– Что теперь? – шёпотом спросила Вера. Плеск воды делал голос совсем тихим.

Эвон пожал плечами.

– Наверное, нужно подождать.

Вера осмотрелась. Сад благоухал пьянящими ароматами цветов, влажный ветер ласкал кожу. Но взгляд девушки неумолимо притягивала виноградная лоза. Она была очень старой, если даже не древней. Мясистые стебли вились вокруг высоких с острыми краями камней, их поверхность покрывала грубая морщинистая кора. Именно она в первую очередь выдавала возраст растения. Камни же, казалось, выросли из самой земли. Приглядевшись, Вера поняла, что фактически так и есть: очевидно, при воздвижении замка скалистая поверхность обрабатывалась, а эти два фрагмента остались не тронутыми. Возможно, и лоза была не посажена в саду, а росла здесь задолго до его появления.

Вере захотелось обнять лозу и отведать пару ягод этого дивного растения, как с другого конца сада показалась прямая мужская фигура.

– Не стесняйтесь, моя дорогая, – голос твёрдый и колючий, – угощайтесь.

Вера смущённо улыбнулась, но мужчина не заметил её неловкости и сел в глубокий трон. Тут же возле него появился слуга, сопровождавший их до сада, с круглым подносом в руках.

– Здесь растет лучший виноград во всей вселенной, – мужчина взял с подноса несколько виноградин и, покрутив их на ладонях, проглотил.

Вера последовала примеру Эвона и, опустившись на одно колено, низко поклонилась.

– Не нужно церемоний, – хозяин нетерпеливо махнул рукой. – Право, лучше отведайте прелестных ягод.

Мужчина широко улыбнулся, его кустистые брови сошлись на переносице, а взгляд пристально изучал Веру. Неуютно поёжившись, девушка подошла к трону и взяла с подноса две ягоды. Не поняв вкуса, она машинально их проглотила и поспешила вернуться на прежнее место.

– Эвон, ну что же вы стоите? – ласково поинтересовался хозяин. – Не стесняйтесь, уважьте старика.

Эвон поклонился.

– Прошу извинить меня, великий Райен, но я не люблю виноград.

– Да? Что ж, не буду настаивать.

Райен махнул рукой, и юноша с подносом удалился.

– Ответь, Эвон, кто дал тебе право рисковать Наследницей? Вы шли за пределами Гортона, а это опасно. Тёмная раса непредсказуема, тем более в наше время. Ты поставил под угрозу весь мир!

Голос Райена гневными волнами разлетелся над садом, колдун был в ярости.

– Чем ты думал?!

Эвон выдержал яростный напор колдуна, не отводя глаз.

– Вы знали, что мы придём.

Вспышка гнева угасла так же внезапно, как и появилась. Райен подошёл к Эвону.

– Именно поэтому я тот, кто я есть.

– Значит, вы должны знать и то, зачем мы здесь.

Колдун хитро улыбнулся.

– Всё не так просто, мальчик мой. Мне тысячи лет, я знаю пророчества и предсказания. Я знаю людей, их потребности и слабости. А ещё я умею мыслить логически. В пророчествах говориться о том, что магическая энергия найдет оболочку здесь, в Гортоне. Значит, Наследница рано или поздно должна была здесь объявиться. Да, я вас ждал.

Но ни в одном предсказании не указывается мотивов, что движут людьми. Согласно моим данным, вы были на Святой Земле. Это идеальное безопасное место. Ты выполнил свой долг, Эвон. Ради спасения мира ты сделал всё, что должен был. Ты достиг логического конца. Это значит, что ко мне тебя привели совершенно другие мотивы, не всеобщие. Вы пришли сюда ради себя, из личных целей. Это ведь так?

Райен убрал с Вериного лица волосы и заглянул в глаза. От его прикосновения по коже побежали мурашки.

– Что заставило двух молодых людей рисковать жизнями, не только своими, и чётко исполнить предсказания?

Колдун грустно улыбнулся и, резко развернувшись, вернулся на трон.

– Старо, как мир, – горько заявил он. – Ты разочаровал меня, Эвон Лойти. В самый ответственный момент твой разум уступил чувствам.

Ни один мускул не дрогнул на лице Эвона. Свистящее дыхание колдуна вторило шуму ветра.

– К сожалению, я ничем не могу вам помочь. Впрочем, – колдун щёлкнул пальцами, и в саду снова появился слуга, – Артур, расположи гостей в лучших восточных апартаментах.

Юноша кивнул и удалился. Райен устало вздохнул.

– У вас всего одна ночь. Завтра магия обретёт свободу.

Вера любила Эвона, а Эвон любил Веру. Они принадлежали друг другу, и не было в те часы никого счастливей на земле.

Вера оставила Эвона на рассвете. Это было несложно, подсыпать в бокал с водой порошок. Он быстро подействовал, и Эвон забылся тревожным непрошенным сном.

У дверей апартаментов, любезно предоставленных им Райеном в качестве прощального подарка, Веру уже ждали. Артур нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ведь нужно было спешить: скоро рассвет. А Вера задержалась. Она оставалась рядом со спящим Эвоном дольше, чем должна была. Любовалась его правильным профилем, жадно вдыхала его запах. Вера всё ещё сомневалась в том, правильно ли она поступает.

С Райеном девушка обо всём договорилась ещё там, в саду. Он отказался помочь, заявив, что выхода нет, но Вера знала, чувствовала, что колдун обманывает. Словно прочитав её мысли, Райен попросил Эвона оставить их наедине.

Когда Эвон удалился, колдун подошёл к Вере и положил свои горячие ладони на её виски. В глазах метнулась яркая вспышка, и в памяти, словно чёрно-белое кино, возникли картинки из прошлого.

Хозяин замка аккуратно выуживал события Вериной жизни с того самого момента, когда её пытались убить в баре. Это было похоже на то, что проделывала с ней Асоль, только сейчас Вере не было больно. Асоль крала воспоминания вместе с мыслями и эмоциями, Райен же был бесстрастным наблюдателем. Как будто читал пересказ.

Когда колдун отпустил Веру, лицо залилось краской. Райен лукаво улыбнулся, но остался серьёзным.

– Твои способности очень рано начали проявляться, – подытожил он и зачем-то уточнил, – я имею ввиду твои эльфийские возможности. Ты весьма занятный представитель своей расы.

Вера буркнула что-то похожее на спасибо.

– У нас могло бы получиться очень выгодное сотрудничество. Как ты знаешь, из-за появления и распространения в нашем мире приспешников, все эльфы были отправлены в параллельный мир. Твой мир. Я принимал непосредственное участие в этом мероприятии, ибо свято верил в то, что шар недосягаем. Но, как показало время, это не так. Увы. И мы должны воспевать всех святых за то, что нашли способ вернуть в наш мир хотя бы одного представителя крылатого народа.

Сегодня нам повезло. Магия воплотится в шар, но что нас

ждёт впереди? Где гарантии, что магическая сфера снова не возвратится? По правде сказать, я более, чем уверен, что это лишь вопрос времени. Если однажды приспешникам удалось вернуть шар, они уже ни за что не оставят своих попыток восстановления справедливости. Вот только сколько времени пройдёт? Тысяча лет или всего лишь год? Да, я живу несчётное количество лет, и всё же я не вечен. Я единственный колдун своего уровня, и когда шар снова вернётся в это пространство, только с моей помощью можно будет проделать эту сложную работу, телепортировать в нашу параллель эльфа. А что будет потом? Когда я наконец-то уйду в мир мёртвых, кто сделает это за меня? Боюсь, что никто.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я ждал тебя. Пророчества убедили меня не только в том, что ты придёшь. Они поведали мне и то, что приход в Гортон Наследника крылатого народа не случайность. Скажи, ты никогда не задумывалась о том, почему тебя так называют? Наследница?

Вера растерянно помотала головой.

– *Тот, кто вернётся в родное русло, унаследует все прелести и тревоги родного дома. И дыхание новой жизни заполнит великую землю, и восполнятся все утраты из плоти и крови. Ибо тот, кто вернётся, есть первозданное семя для жизни той.*

Так говорится в пророчестве, Вера. Ты понимаешь? Оно глаголет о том, что ты не умрёшь. Ты должна стать родоначальницей новой эльфийской расы.

– Разве такое возможно?

– Значит, да. Понимаешь, до того, как я наткнулся на этот текст, я размышлял о том, о чём мы с тобой говорили ранее. Что будет после того, как я умру? И в голову пришла идея о том, что я должен каким-то образом возродить эльфов. Да, именно так. Один эльф, то есть ты, уже есть, остаётся, как бы грубо это не звучало, тебя размножить. Вот только для этого ты мне нужна живой. Значит, я должен сделать так, чтобы магия не убила тебя, а спасла.

– Как? – от волнения у Веры в голове что-то завибрировало, а сердце почти замерло.

– Девочка моя, очень просто, – Райен ласково улыбнулся, – нужно сделать так, чтобы после того, как сокрушительная сила искалечит твоё тело, магия вылечила тебя. Для этого нужно, чтобы кто-то заставил её лечить. Шар сам по себе фигура неодушевлённая, он не может попросить магию затянуть твои раны. А человек может.

Райен принялся возбужденно мерить шагами сад.

– Вера, магия не может жить сама по себе, без оболочки. Отпусти цепного пса на волю, и он уничтожит всех кошек в

округе. Именно поэтому все так боятся дня, когда шар освободит силу. А хозяином пса может быть не только шар, но и человек. Не простой, а тот, у кого хватит сил приручить дикую магию.

До Веры постепенно стал доходить смысл услышанного.

– Этот человек я. Только у меня достаточно опыта прожитых лет и искусства владения даром.

Райен заметил на лице девушки тень сомнения и обречённо добавил:

– Я тоже считал это сумасшествием, Вера. Пока не прочёл пророчество о тебе. Тогда всё встало на свои места. Ты пришла в Гортон и именно здесь исполнишь свою миссию. Ты можешь вернуть энергию в шар, а можешь направить её на меня. И тогда я спасу тебя, верну к жизни. И исполнится ещё одно пророчество: ты дашь жизнь новому поколению эльфов. Подумай об этом, Наследница. Ваши с Эвоном дети будут прекрасны. А после того, как я умру, твои предки вернут энергию в шар. И если однажды он вернётся в наш мир, они смогут противостоять магии и вернуть её в хрусталь, не пролив при этом ни капли своей крови.

– Если это правда, почему вы попросили Эвона уйти? Не рассказали ему обо всём?

Глаза мага сощурились, и он, направив на Веру свой глубокий взгляд, низким голосом пояснил:

– Эвон – подозрительный максималист. Он слишком побит жизнью для того, чтобы поверить даже мне. Он непременно сам захочет изучить пророчества, а у нас нет на это времени, ведь вы пришли так поздно. Поэтому он выберет твою и свою смерть, нежели рискнет миром.

– А я? Я по-вашему смогу?

– Ты, Вера, не искушена тонкостями нашего света. Ты бриллиант, не подвергшийся огранке. И именно поэтому ты можешь рассуждать здраво, не предвзято. Сама судьба благоволит нам, ведь вы с Эвоном полюбили друг друга. Если бы этого не случилось, я всё равно рассказал бы тебе о возможности спасти свою жизнь, но тогда всё было бы намного сложней. Ведь ты здравомыслящая девушка, – Райен подмигнул Вере, – будь на твоём месте кто-то другой, то он согласился бы на моё предложение не задумываясь, просто чтобы выжить.

Подумай, Наследница. В пророчествах открыто говорится о том, ты будешь жить. Нужно всего лишь направить магический поток на меня. С новыми возможностями я излечу твои раны, а с Эвона уберу метку. От вас возродится эльфийский род, и миру впредь уже ничто не будет угрожать.

Райен замолчал. Он расхаживал по саду, не смотрел на Веру и жевал виноград. Давал девушке подумать. Вера хотела верить

ему и верила. Но принять такой груз ответственности не могла. По крайней мере, не посоветовавшись с Эвоном. И пускай Эвон – подозрительный максималист, а она не огранённый бриллиант, Эвон разбирается в магии больше неё. Да что там, Вера вообще ничего не понимает в волшебстве. С её точки зрения всё выглядит гладко, но кто знает, как всё получится?

– Дайте мне обсудить это с Эвоном.

Колдун со свистом выпустил из лёгких воздух.

– Пойми, Вера, если ты расскажешь всё Эвону, то завтра вы непременно умрёте. А так у вас есть шанс.

– Вы считаете, что Эвон не хочет быть счастливым? – надменно поинтересовалась Вера.

– Нет, – Райен нисколько не смутился. – Просто на чашах этих весов лежит слишком неравный груз. Две жизни против миллиардов. Не правда ли?

Вера выдержала возникшую паузу. И, собравшись с духом, вынесла себе приговор:

– Простите меня, великий Райен, но я не могу больше тратить своё драгоценное время. Разрешите мне пойти к Эвону.

Вера поклонилась и уже хотела идти из сада, но колдун остановил её.

– Доверяешь ли ты кому-нибудь в этом мире так же, как себе и Эвону? – громко спросил Райен, и ветер раскатистым эхом разнёс его слова над садом.

Вопрос застал Веру врасплох.

– Я никогда об этом не думала, – честно призналась она.

– Женщина, которая любит твоего Эвона так же сильно, как и ты? Которая желает ему счастья, несмотря на то, что это счастье подарит ему не она? Та, которая рискуя собственной жизнью пришла в этот сад для того, чтобы найти способ спасти своего возлюбленного? Та, которая видела и изучила пророчества, о которых я говорю? Ей ты могла бы доверять?

Райен говорил громко и чётко, и с каждым произнесённым им словом сердце Веры сжималось. Потому, что она знала, что встреча с той, о ком он говорит, заставит её пойти на поводу своих и чужих желаний. Надежда спасения загорится так сильно, что Вера не сможет и не захочет искать причины, чтобы не послушаться. Ведь ЕЙ она действительно поверит.

– О ком вы говорите? – зачем-то спросила Вера и обернулась.

Райен отступил на шаг и широким жестом указал на сгусток переплетающихся теней, отбрасываемых цветочными кустами.

– Сара.

Словно приведение, из теней выплыла волшебница. Вера не могла разглядеть её лица, потому что на нём играли неверные

блики.

– Здравствуй, Вера, – тихо сказала она. Даже огненно-рыжие волосы были блёклыми.

– Сара? – Вера хотела подойти к девушке, но волшебница остановила её.

– Не надо, – попросила она. – После общения с оборотнями мой иммунитет ослаб.

Вера покосилась на Райена. Он хмуро скосил брови на переносице.

– У оборотней очень сильная энергетика, – глухо пояснил он. – Сара должна восстановить силы. Общение на близком расстоянии повредит и без того слабое биополе.

Вера сглотнула. Как же мало она знает об этом мире!

– То, о чём говорил Райен, правда? – Вера уже знала ответ.

– Да, – глухо прошептала волшебница, – правда. Ты можешь спасти себя, Эвона, и навсегда отгородить мир от нависшей угрозы.

– Но почему ты не хочешь поговорить с Эвоном? – настаивала Вера. – Разве он не имеет право знать?

Вере показалось, что Сара покачнулась. Райен содрогнулся.

– Он не должен знать. Если бы речь шла о любом другом способе, когда энергия была бы помещена в шар, он бы согласился. А такой риск ему неподвластен. Если ты обо всём ему расскажешь, он не позволит тебе сделать то, что ты можешь и должна сделать, – сказала Сара и горько всхлипнула. – Прости, я должна отдохнуть.

Волшебница растворилась в тенях сада, а Вера осталась один на один со всей тяжестью сложившейся ситуации. И когда она приняла решение, Райен подал ей маленький бумажный мешочек.

– Подсыпь это в пищу или воду, – велел он. – Я дам тебе часы, по ним ты легко сможешь ориентироваться. Рассвет наступит в шесть. Эвон должен выпить порошок не позднее пяти часов. Этого количества хватит для того, чтобы он не помешал тебе, но смог прийти в сад как раз в тот момент, когда магия войдет в моё тело. Артур покажет тебе дорогу, а потом вернётся за Эвоном.

На этом они расстались. По озабоченному лицу Эвона Вера поняла, что объяснений не избежать. И когда Эвон спросил её, о чём они разговаривали с Райеном, Вера беззаботно пожала плечами.

– Если честно, я не поняла, чего он хотел, – соврала девушка. – Спросил о моей семье, детстве. Сказал, что смерти не нужно бояться. Ещё сказал, что ему очень жаль…

– Вера, – горячие ладони Эвона обхватили её лицо, – всё будет хорошо, обещаю. Смерти действительно не нужно бояться.

Эвон осыпал девушку поцелуями, и она почти забыла о том, что старуха с косой совсем близко.

– Откуда ты знаешь? Никто не умирал дважды.

– Так ведь приведения существуют, – попытался пошутить Эвон. – Вот и мы с тобой поселимся в каком-нибудь старом замке и будем пугать прохожих.

Вера наиграно улыбнулась.

– Эвон, помнишь разговор о том, кто рождается при смешениях крови?

– Про метисов?

– Ну да.

– Помню. А что? В последнюю ночь ты решила вспомнить генетику?

– Нет. Просто мечтаю, – снова соврала Вера. – Кем бы стали наши дети? Людьми или эльфами? А, может, волшебниками?

Тонкие губы Эвона превратились в узенькую ниточку. В синих глазах мелькнула тень утраты, и Вере стало так больно и тошно, что захотелось выть.

– Эльфами, – тихо сказал Эвон. – Наши дети были бы эльфами.

Глава 18

Неясный свет сфер утопал в густой темноте. Сам сад, казалось, притаился. Уступал место мгле, чтобы та проявила великодушие и избавила его от шара.

Шар. Сгусток энергии. Беспокойный, опасный. Он завораживал. Заставлял смотреть снова и снова, доказывал, что в этом мире нет ничего важнее. Магия, дремавшая в его недрах, являла собой смерть. Или смерть это и есть истинная магия?

Вера никогда не задумывалась о том, что бывает после смерти. До тех пор, пока не потеряла близких людей. Как должны были переплестись ниточки судеб, чтобы вся её семья села именно в этот самолёт именно в этот день и час? Почему именно в этот день у Веры была защита диплома? Под дуновением какого волшебного ветра ректор решил, что воскресенье – наилучший для экзаменов день? Да-да, вы не ослышались, именно воскресенье.

Если честно, думать, это тоже работа. Сначала нужно понять, о чём именно ты думаешь. Потом сформулировать вопрос, причём сформулировать его правильно. А потом попытаться найти ответ на тобой же поставленный вопрос.

Вера задавала себе кучу вопросов, когда осталась одна. Зачем люди живут? Страшно ли умереть? Может быть ей это совсем не

страшно, ведь там её уже ждут?

А если нет? Вдруг Бога нет, и жизнь обрывается раз и навсегда? Как это вообще можно уложить в голове? Смириться с мыслью о том, что вот сейчас ты есть, а завтра – раз! – и ты даже осознать не сможешь, что тебя нет?

Нет, Вера оптимист. Если кто и сможет отвергнуть существование высших сил, то против физики не попрёшь. Энергия, дающая телу силу при жизни, не исчезает. Это тело покрывается язвами и медленно разлагается, как отслужившая своё старая вещь, а энергия… Она не исчезает, она приобретает свободу. Носится по миру, колышет занавески на чужих окнах, касается звёзд. Наверное, это и есть душа.

И что теперь? Вот она, смерть, смотрит прямо в глаза. А Вера боится.

Райен напряжённо смотрел на восток. Поприветствовав девушку сухим кивком, он старался держаться как можно дальше от шара.

А шар материализовался всё ярче и ярче. Его густые очертания словно выныривали из ниоткуда, заполняя собой пространство. И когда Вера подумала, что ещё немного, и волшебная сфера попросту лопнет, на горизонте появился первый солнечный блик.

Шар проглотил его, и в месте, где луч проник в сферу, появилась трещинка. Луч, утонувший внутри шара, вырвался наружу через эту же трещинку и, уже чёрный, стрелой вонзился Вере в сердце.

Девушка охнула, и Райен принялся нашёптывать заклинание. Горизонт медленно алел, и вместе с ярким рассветом жгучей и сильнее становилась боль. Вера хотела освободиться от неё, мысленно направляла магию на колдуна, но она не слушалась. Магия копилась в хрупком теле, сжимала виски и кипятила кровь.

Тысячи лучей проникали в сферу, а потом летели в Веру. Почему так долго? Вера уже не сдерживалась, плакала, кричала, умоляла. Но шар был безжалостен. Он заполнял её тело магией, до последней капли.

Смерть окутывала. Наверное, Вера даже забыла, кто она и что здесь делает. Единственное, что осталось, это боль. Онемевшие конечности, пересохшее горло, туман перед глазами. И лоза. Та самая, знавшая историю тысячи лет. Её скрипучий голос звенел у Веры в голове. Лоза манила, умоляла, обещала помочь.

Магия согнула Веру, и она упала. Сделав глоток ядовитого воздуха, девушка медленно, превозмогая себя, поползла к лозе. Растение не отпускало Веру. И уже не просило, а требовало. Лоза протягивала к Вере свои старые шершавые ветви, и, когда Верины

пальцы коснулись потрескавшейся коры, дерево обвило узкое запястье.

Не спрашивая разрешения, лоза вылила в Верино сознание свою память. Дереву стало невыносимо больно, Вера почувствовала это, когда вековая кора жалобно затрещала, но лоза не отпустила её. И тогда Вера потеряла счёт времени. Она превратилась в виноградную лозу и жадно вспоминала то, о чём она так хотела ей рассказать.

Райен отпустил Бена. Проглатывая любимый виноград, колдун долго изучал Сару. Наконец, ягоды закончились.

– Ты разгадала свою тайну, Сара. Признаться, ты удивляешь меня всё больше. Не появилось ли у тебя ещё больше вопросов?

Сару раздражало поведение колдуна. Райен прекрасно понимал, что она не может ему ответить. Между тем колдун не спешил к ней подходить.

– Мария – молодец, подлила масла в огонь. Есть чем развлечься. Знаешь, чем дольше живёшь, тем больше становится скучно. Начинаешь придумывать всякие загадки, сложности. Вот и я однажды озадачил себя. Ладно, выкладывай.

Райен подошёл к Саре и обхватил её лицо. Заглянув волшебнице в глаза, он прочёл всю информацию.

– Ясно, – подытожил он. – До сути ты докопалась. Но кто же этот злодей, что поставил под угрозу целый мир?

Райен тяжело вздохнул.

– Я тоже занимался изучением пророчеств, девочка. Два века на них потратил. То, что ты узнала, мне не ново. Вот только не обижайся, что не предоставил тебе ответ на блюдечке с голубой каёмочкой. Ты ведь сама хотела разгадать эту загадку, не правда ли? Теперь я хочу разгадать тебя.

Райен погладил Сару по голове.

– Оставайся со мной, волшебница. Я подарю тебе власть. Жизнь. Я спасу твоего принца.

Сара округлила глаза.

– Ну же, соображай! Ты расшифровала сложнейшие пророчества, но не видишь очевидного. В твоих жилах течёт кровь, пропитанная даром волшебника и предсказателя. Это уникально. Ты особенная. Именно это позволило тебе так быстро понять тайный смысл пророчеств.

Но, как ты думаешь, почему предсказателям запрещено прощупывать ауру колдунов? Вы видите только её свечение. Ни прошлого, ни будущего… Лишь только потому, что это дань уважения? Или кто-то специально издал такой закон? Так, на всякий случай. Знаешь, он оправдал себя. Если бы ты

просканировала мою ауру, было бы ужасно неинтересно.

Райен широко улыбнулся.

– Садись. Я устал стоять.

Сара рухнула, как подкошенная. Магия приклеила её к мраморному полу. Райен уселся на троне.

– Артур, ещё винограда!

Смуглый юноша тут же поднёс к трону блюдо с ягодами.

– Я расскажу тебе одну историю, Сара. Никто не знает, что я знал Лана лично. Да, вот настолько я древний. Лан был чёрным магом. Он был умён. Ради своего могущества он не скупился силой. Для того, чтобы изобрести ещё большую мощь, чем он сам, он научил других волшебников, что были ему верны, забирать чужой дар. Он же научил отдавать его. А когда он нашёл достойную, на свет появился первый колдун. Ребёнок, родившийся от союза двух магов. Лана и моей матери.

По щеке Райена скатилась скупая слеза.

– Отец не был извергом, Сара. Время исказило его облик. Он был несчастным гением. Скажи, разве все волшебники достойны дара? А воры? А убийцы? Хоть в одном учебнике говориться о том, что Лан отбирал дар у тех, кто был опасен для общества? Нет! А ведь отец обезвреживал тех, кто мог быть опасен спустя сотни лет. Он предвидел появление гнили в самом блестящем яблоке. Да, волшебников осталось единицы. Но это были наидостойнейшие.

Отец знал, что против него готовится заговор. В то время мне было сто пятьдесят. Я отдалился от Лана, но по-прежнему оставался его любимым сыном. Если бы я мог повернуть время вспять, то не оставил бы отца ни на минуту. Его гениальный ум придумал новый план. Он завещал мне свою силу, а чтобы отвести подозрения, заставил меня принять участие в его уничтожении. Вот так. Я придумал, как заключить его магию в шар и спрятал. И только я знал, как вернуть сферу. До тебя дошло?

Сара не могла пошевелиться.

– Настало время получить то, что было завещано мне тысячи лет назад. Если бы ты знала, как сложно поддерживать в себе жизнь скупыми порциями чужого дара! Я устал. Игра, придуманная мною, помогла вытерпеть эти годы. Знаешь, это очень интересно. Сколько я просчитывал, предполагал! Ты даже не представляешь, как долго я ломал голову над тем, как избавиться от эльфов. Вот и пришлось одному пьянице подкинуть мыслишку о том, что неплохо бы вернуть шар и справедливо разделить его магию. Вот только эльфы не позволят… Представляешь, секта приспешников образовалась на пять лет раньше, чем я предполагал. А дальше ты сама знаешь. Я упрятал крылатую расу в самом надёжном месте. Я не сомневался, что, когда придёт время, одного из них

обязательно вызволят. А управлять одним эльфом гораздо проще, чем целой расой. Это уже дело техники. И самое главное то – Райен был в восторге, – что я приму энергию шара не ради себя. Да-да, Сара Лойти. Они сами попросят меня об этом. Эльф и твой ненаглядный Эвон. Я сделаю им одолжение. А когда наследство отца коснётся моих жил, я сделаю мир чище.

Соглашайся, Сара! Вместе мы будем творить великие дела! Сама судьба благоволила тебе, подарив дар предсказательницы. С твоими глазами и моими возможностями мы сотворим идеальный мир. Оглянись. Вокруг зависть, похоть, лень. Куда мы катимся? Будь со мной, Сара, и мы умоем землю. Наши имена станут историей, и их не опорочат, как имя моего отца. Даже параллель станет идеальной.

Соглашайся, волшебница. Или я уничтожу тебя.

Сара хотела сопротивляться, но не могла. Та, другая Сара, сотканная из воздуха и частиц света, уже материализовалась среди теней сада и говорила её, Сары, голосом.

Райен беспощаден. Его силы неизмеримы. Интересно, это Сара заставляет проекцию говорить, или проекция – Сару? Как грустно и нелепо! Вот она, взрослая волшебница, стоит посреди камеры в полной темноте и нашептывает то, чего никогда бы не сказала. Кольцо обжигало кожу, а невидимые ниточки заставляли её двигаться. Сара понимала, что проекция повторяет её движения, мимику. Она хотела кричать, что всё это ложь, но не могла. Магия великого колдуна сдерживала её и не позволяла сопротивляться. И что это за бред про оборотней и иммунитет?

Когда Райен вышел из её сознания, волшебница рухнула на каменный пол. Она бессильна. Саре не покинуть заколдованный плен камеры и не повлиять на Верин выбор. Сара Лойти, волшебница с даром предсказательницы, приёмная дочь короля Сагенты и избранная Советом для спасения мира, впервые в жизни лежала на холодном полу и отчаянно плакала.

Лоза вытолкнула Веру из своего сознания. Шар, покрывшийся трещинами, словно паутиной, как будто сделал последний вдох и выпустил оставшуюся магию. Жестокая, нетерпимая боль железной хваткой сковала Вере лёгкие, мозг, сердце. Теперь пёс жаждал нового пристанища, и магическая энергия рвалась наружу, уничтожая Верину плоть.

Райен вскинул руки. Великий триумфатор и лжец. Вера почти совершила непоправимое!

– Вера, нет!

Любимый голос, как бальзам, охладил раны. Единственно

верное решение пришло само собой.

– Прости, – беззвучно попросила Вера, изо всех сил стараясь запомнить любимые черты лица.

Она направила бешеный поток магии на Эвона. Ледяным смерчем он вонзился в его грудь, освободив Веру.

Тогда она умерла. Её бездыханное тело рухнуло, и последнее, что Вера увидела, было искажённое гневом лицо Райена и испарившаяся метка Асоль.

* * *

Лунная тропа неумолимо манит в небесную даль, дрожит при каждом шаге. Душа вступает осторожно, почти порхает, а вокруг невесомо парят мятые тетрадные листы, исписанные ровным размашистым почерком. Некоторые из них касаются звёзд и ныряют в душу, но там, где однажды билось сердце, теперь спокойно и ровно, и ни одна чернильная нить не может нарушить того покоя.

Вибрируют руны времени. Наигрывая тихую минорную мелодию, они превращают звуки в ноты и бросают их под ноги.

На «соль диез» душа спотыкается.

На «ре бемоль» оглядывается назад.

Там, внизу, кто-то тоскует по ней. А душа не помнит этого человека и не стремится вернуться назад.

Её ждут на другой стороне Луны, где цветут вишни и невесомыми хлопьями падает вчерашний снег. Там стоит беседка, она отбрасывает резные тени на покрытый белоснежной скатертью круглый дубовый стол. На хрустящих салфетках красуются фарфоровые чашечки, в них остывает липовый чай. В центре стола стоит ваза с рассыпчатым крекером.

Душа ускоряется, перепрыгивая через ноты, – ей не терпится занять свободный стул. А слёзы человека оборачиваются дождём, синими змейками бегут по тетрадным листам, размывая чернила.

Душа не останавливается, но решает, что поставит в беседке ещё один стул для того, кто тоскует. Руны времени натягиваются сильней, насмехаясь, а душа не понимает их иронии: человек, конечно, бессмертен, но и у души в запасе целая вечность, чтобы дожидаться его.

Душа вступает на край вселенной. Луна болезненно морщится, а мелодия взрывается оглушительным свистом, сотрясая вакуум. Руны прочной леской обвиваются вокруг души, увлекают вниз. Дальше, чем следовало.

Беседка боязливо скрывает опустевшие стулья, прячется под

вишнями.

Спокойствие души вспыхивает и, краснея, несётся горячими потоками. Душе становится тесно. Она хочет запомнить мелодию рун, но время бессовестно крадет звуки, складывая их в новую симфонию под названием «С начала».

Часть 3

Кто эта девушка с бледной кожей?
Она, как и я, одинокая тоже.
Я ненавижу её, прямо в сердце вонзаю кинжал.
А в ответ только звон разбитых зеркал…

Глава 19

– Боже мой, что это?

Светлана Аркадьевна подбежала к кровати дочери и в ужасе взяла прядь седых волос.

– Олег, почему у неё такие волосы?!

Тень растерянности легла на лицо Олега Круглова, но он очень быстро взял себя в руки.

– Олег, я тебя спрашиваю, что это?!

Его жена практически вырвала клок седых волос. Она была близка к истерике, а этого он никак не мог допустить. Иначе он сам очень скоро сойдёт с ума.

– Успокойся, – властно потребовал Олег Эдуардович. – В конце концов, кто из нас врач? Откуда я могу знать, почему наша дочь поседела?

– Вчера вечером у Верочки были нормальные волосы, – не успокаивалась Светлана Аркадьевна, – а теперь…

Руки женщины затряслись, и она зарыдала. Устало опустившись в кресло рядом с кроватью дочери, она закрыла лицо руками и продолжала беззвучно плакать.

Олег не любил, когда жена проливала слёзы. В такие моменты он готов был провалиться сквозь землю, потому что чувствовал себя смазливым юнцом. И это потому, что не умел утешать. Не находил нужных слов, когда они так нужны. Вот и сейчас его расстроенная жена была самой несчастной женщиной в мире, а он не умел ей помочь.

В конце концов он подошёл к спинке кресла и положил свои руки на Светины плечи.

– Пожалуйста, не плачь, – тихо попросил он. – Всё наладится, вот увидишь. Может быть, это побочное действие лекарств?

Хрупкие плечи перестали вздрагивать. Светлана Аркадьевна

шмыгнула носом и замерла, обдумывая вероятность услышанного.

– Нет, – выдохнула она и снова собралась плакать, – ни одно лекарство не даёт таких побочных эффектов. Это метаболизм, а у Веры всё в порядке с обменом веществ. Ах, Олег!

Светлана Аркадьевна не выдержала и снова разрыдалась.

– Мы не должны были привозить её сюда. Дома нашей девочке было бы намного лучше!

Лицо Круглова накрыла гримаса раздражения. Как долго он объяснял жене, что их дочери нужна профессиональная помощь, а она только и твердит, если бы да кабы.

Олег Эдуардович сделал глубокий вдох.

– Она чуть не сожгла дом. Надеюсь, ты не забыла об этом? Мы все могли погибнуть той ночью. Чёрт побери, Света! Ты – врач! У нашей дочери шизофрения, и кому, как не тебе, знать, что для неё лучше?!

Ну вот, не сдержался. Сейчас любимая супруга расстроится ещё больше. Но на Светлану Аркадьевну выпад мужа подействовал отрезвляюще. Женщина перестала плакать и серьёзно заметила:

– Пришли результаты на ВИЧ, – она многозначительно посмотрела на мужа, – они отрицательные.

– Слава Богу! – выдохнул Круглов. – Хоть одна хорошая новость.

– Ты прав, – согласилась Светлана. – В последнее время поведение нашей дочери перешло все границы. Ей повезло, что она не подцепила никакой заразы.

Светлана Аркадьевна закусила губу, и в палате повисла тишина.

– Бедная девочка, почему?

Светлана погладила спящую девушку по холодной щеке.

– Она приходила в себя? – спросил Олег.

Его жена коротко кивнула.

– И что? Она что-нибудь говорила?

Светлана Аркадьевна печально посмотрела на мужа.

– Всё то же.

Олег Эдуардович мысленно четырехнулся. Мало того, что болезнь завладела сознанием их дочери так внезапно, так плюс ко всему в редкие минуты пробуждения Вера несла какой-то бред. Параллельные миры, хрустальный шар, эльфы… И это при том, что она узнавала своих близких и понимала, где находится.

А когда понимала, умоляла отпустить её. Ненавидела за то, что её выдергивали из того мира, заставляли вернуться к реальности. Тогда они становились для дочери мёртвыми.

Олег не врач. Но даже он понимал, что у Веры какая-то странная форма шизофрении. А тут ещё такая беда с волосами.

В надежде хоть как-то утешить жену, Олег сказал:

– Позавчера Веру навещал Руслан.

– И что? – Светлана Аркадьевна не надеялась услышать ничего нового, её голос был лишён интонаций.

– Он сказал, что Вера ответила на поцелуй.

Светлана Аркадьевна покачала головой. Какой же всё-таки Руслан терпеливый. Их дочь столько раз ему отказывала, а он всё ещё на что-то надеется.

– Будешь брать анализы повторно?

– А что ещё я могу сделать, Олег? Может, и метаболизм.

Олег Эдуардович видел, что жена слабо в это верит. Точнее – не верит вообще. Её взгляд слегка затуманился: Светлана Аркадьевна погрузилась в свои мысли.

– Знаешь, Олег, – голос жены был тихим и глухим, – может, это правда? Вдруг наша Вера не сумасшедшая?

Олег Эдуардович хотел было возразить, но Светлана Аркадьевна поспешно перебила супруга.

– А даже если нет, зачем мы мешаем ей? Приходим каждый день, настаиваем, умоляем. Я вижу, как она страдает, когда приходит в себя. Она счастлива не с нами. Ей нужен тот мир, мир её воображения. Люди, которые там её окружают. Она не хочет бороться за реальность. Может, если мы отпустим её, она выполнит своё предназначение и вернётся?

В палате повисла гробовая тишина. Светлана Аркадьевна понимала абсурдность своих слов, но ничего не могла с собой поделать. Когда болеет самый близкий и родной человечек, то ты готов поверить во что угодно. Для Светланы Аркадьевны возможность невозможного стала последней спасительной соломинкой.

– Света, прошу тебя, не сходи с ума, – глухо отрезал Олег Эдуардович. – На двоих меня не хватит.

Глава 20

Глоток воздуха оказался противным и жгучим. Горло, словно пергаментная бумага, высохло и скукожилось. Вера с трудом разлепила глаза. Она умерла, и её волосы снова белые. Даже седые, как у Эвона. Или не умерла? Вдруг Эвон спас её?

Нет. Если бы спас, то непременно был бы рядом. Интересно, это рай или ад?

Мама здесь. Значит, рай. Мама не может быть не в раю.

Хорошо. Вера прикрыла глаза.

– Вера, – шёпотом позвала мама, – Вера, ты здесь?

– Тшш… Пожалуйста, дай мне отдохнуть. Я так там устала.

Вера задремала. Тревожный электрический свет мешал. Девушка неохотно открыла глаза. Лампы дневного света. Откуда в раю электричество?

Осознание пришло быстро. Безжалостно. Неотвратимо.

– Девочка моя, не плачь, – попросила мама. – Всё хорошо, слышишь?

– Ты не понимаешь.

Внутри было пусто. Как будто из Веры вынули кусок, а предложить взамен нечего.

– Ты просто запуталась, – приговаривала мама, гладя девушку по голове. – Вера, солнышко, постарайся больше не уходить. Забудь иллюзию и вернись к нам. Всё быстро наладится, вот увидишь.

Забыть. А если она не хочет? Вере не нужна эта реальность! И пускай параллельного мира не существует и это всего лишь плод её воображения, она счастлива там. Разве можно кому-то запретить быть счастливым?

Если только помешать. Мама со своими пилюлями не отступится.

А если бы на Верином месте была мама? Смогла бы Вера понять её? Понять и отпустить?

Она не знала. Но Вера была уверена, что без мамы она не смогла бы. Вот и маме без нее плохо. Похудела, глаза красные от вечного недосыпания, щёки впали, кожа потускнела. И папа, наверное, тоже устал.

Вера должна быть сильной. Должна побороть себя и отказаться от своего счастья. Отказаться от Эвона, от любви, которой на самом деле нет и никогда не было.

Как грустно. А ведь совсем недавно Вера пыталась доказать маме, что другой мир существует. Живет в параллели с ними, просто доступ туда ограничен.

Мама – хороший врач. Уже сейчас Вера понимала, что это бред. И очень скоро она забудет свои больные фантазии.

От одной мысли об этом сердце девушки сжалось, а по щеке скатилась слеза протеста. Да, она не умерла. Но она в аду.

– Жанна!

Олег Эдуардович был разгневан.

– Жанна! Что здесь произошло?!

Он прошёл на кухню, по пути собирая разбросанные вещи. Вид разбитой посуды заставил Олега Эдуардовича побледнеть от негодования.

– Миша! Где вы?!

На зов отца держась за руки по лестнице медленно спустились брат с сестрой. Оба были растеряны, а губы мальчика подергивались.

– Что вы устроили? – Олег Эдуардович был настроен весьма решительно. – Улицы мало для игр?!

– Это не мы, – тихо сказала Жанна.

– Что значит не вы? Кто же тогда?!

Девушка потупила взгляд и тихо произнесла, словно не верила сама себе:

– Оно само.

P.S

Из больницы Веру выписали нескоро. А когда выписали, родители почему-то отказались везти её домой и сняли девушке уютную квартиру в центре города.

Веру часто навещали. Особенно Жанна. Необременённая заботами, сестра любила бывать у Веры и иногда оставалась ночевать.

В одну из таких ночей Вера убедила Жанну, чтобы та её подстригла. Сестра пыталась отговорить Веру, доказывая, что лысая женская голова – зрелище малоприятное. Но Вера настояла на своём: у неё не было сил смотреть на седые пряди в своих волосах, которые не брала ни одна краска. Девушка хотела уничтожить все напоминания о своём недуге.

Но если волосы она состригла, то с тонкими шрамами на запястьях ничего не могла поделать. А ещё с тоской, проглотившей её сердечко.

Вот и сейчас Вера сидела одна в полумраке пустой квартиры и смотрела в зеркало. Она видела своё новое отражение, а рядом с ним память неизбежно рисовала молодого человека с прекрасными синими глазами и длинной косой. Он протягивал к Вере свои руки, и девушке казалось, что, когда она дотрагивалась до его отражения, зеркало нагревалось.

Не в силах выдержать такой муки, Вера встала и накрыла зеркало простынёй. Однажды Вера соберётся с силами и проведёт чёткую границу между правдой и вымыслом. А пока разум брал верх: Вера соглашалась с поставленным диагнозом. Вот только сердце стопудовой гирей перетягивало в свою сторону, упрямо твердя, что Вера ошибается.

Вера взяла ручку, открыла толстую тетрадь, исписанную почти на треть, и аккуратно расправила загнувшиеся уголки листочков.

8 октября, среда.

Вокруг тишина. Сгущается просто так.
Сжимает виски и сердце сжимает в кулак.
И хочется слышать – а ты будто глух и нем,
И хочется видеть – но ты снова стал никем.

А осень не дремлет, вступает в свои права.
Клубком разноцветным кружит по аллеям листва.
Холодные капли отчаянно бьют по щекам,
Прямо в сердце стекают и вновь подступают к глазам.

Если ветер шумит – он приносит твоё дыхание,
Если звезды горят – они светят в глаза твои.
Кто ты? Призрак? Воспоминание?
Существуешь в пределах какой земли?

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»